

309 561 158"

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM RECUEIL POUR L'ETUDE
BYZANTSKO- DES RELATIONS
SLOVANSKÝCH VZTAHŮ BYZANTINO-SLAVES

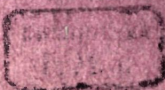
—
VYDÁVÁ
BYZANTOLOGICKÁ KOMISE
SLOVANSKÉHO ÚSTAVU

—
PUBLIÉ PAR
LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
DE L'INSTITUT SLAVE

ROČNÍK I TOME

P R A H A
V GENERÁLNÍ KOMISI FV ORBIS, PRAHA-XII, FOCHOVA 62
VYTISKLA STÁTNÍ TISKÁRNA V PRAZE

1929



PUBLIKACE SLOVANSKÉHO ÚSTAVU V PRAZE

Všechny tyto publikace jsou v generální komisi fy »Orbis«, Praha-XII. Fochova 62

1. »**RUKOVĚTI SLOVANSKÉHO ÚSTAVU**«. (MANUELS.) Tato sbírka přinese výbor knih příručních a studijních, buď původních nebo přeložených, které zpracovávají některý vědecký obor buď po celém území slovanském nebo i u jednoho národa slovanského, přehledně a souborně, se zvláštním zřetelem k potřebám vysokoškolského studentstva a mladších odborníků. Budou opatřeny příručky zejména pro tyto obory: dějiny jednotlivých slovanských literatur, dějiny a charakteristika slovanských jazyků, dějiny jednotlivých slovanských národů, srovnávací dějiny Slovanstva, srovnávací dějiny slovanského národopisu, politický zeměpis slovanských států, srovnávací přehled slovanských národů, dějiny filosofie, výtvarných umění, hudby u Slovanů atd.

Jako první číslo sbírky »Rukovětí« vyjdou 2svazkové »Dějiny ruské literatury« od prof. E. A. Ljackého. Na r. 1930 se připravuje dílo prof. Josefa Vájse: »Úvod do hlaholského písma« a j.

2. »**PRÁCE SLOVANSKÉHO ÚSTAVU**«. (TRAVAUX.) »Práce« budou přinášeti monografie, které zpracovávají badatelským způsobem kterýkoli úsek z vědeckého studia Slovanstva, zejména rozpravy přispívající k poznání novodobého života slovanského (od konce XVIII. st.) a rozpravy, které probírají své thema srovnávacím způsobem, buď je sledující u dvou sousedních slovanských národů nebo po celém území slovanském.

Pro sbírku »Prací« se připravují tyto publikace:

Frank Wollman: Dramatika slovanského jihu.

Nikolaj L. Okuněv: Srbské malířství XIII. věku (rusky, s ilustracemi).

Jiří Horák: Rozpravy z dějin slovanských literatur.

Marjan Szykowski: Polské vlivy na počátky českého obrození.

Miloš Weingarr: Slovanský jazykozpyt v minulosti a přítomnosti. (Úvahy principiální a methodologické.)

3. »**PŘEDNÁŠKY SLOVANSKÉHO ÚSTAVU**« (CONFÉRENCES.) V této sbírce budou vycházeti menší pojednání a úvahy, zejména o časových otázkách ze soudobého života slovanských národů.

Připravuje se: I. I. Laščin, »Filosofický význam ruských věd exaktních a přírodních«.

BYZANTINOSLAVICA

RECUEIL POUR L'ÉTUDE DES RELATIONS BYZANTINO-SLAVES

PUBLIÉ PAR LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
DE
L'INSTITUT SLAVE

RÉDACTEUR ADMINISTRATIF
MILOŠ WEINGART

TOME I.

PRAGUE 1929
COMMISSIONNAIRE: »ORBIS«, PRAGUE-XII, FOCHOVA 62
IMPRIMERIE DE L'ÉTAT

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM BYZANTSKO-SLOVANSKÝCH VZTAHŮ

VYDÁVÁ BYZANTOLOGICKÁ KOMISE

PŘI

SLOVANSKÉM ÚSTAVĚ

VÝKONNÝ REDAKTOR

MILOŠ WEINGART

ROČNÍK I.

V PRAZE 1929

V GENERÁLNÍ KOMISI FIRMY »ORBIS«, PRAHA XII

TISKEM STÁTNÍ TISKÁRNY

ÚVODNÍ SLOVO.

Česká slavistika od svých prvních počátků, již od Josefa Dobrovského a Pavla Josefa Šafaříka, nezanedbávala studium byzantských dějin a byzantského písemnictví. Mělať na paměti, že beze znalosti byzantského světa není možné úplné a správné pochopení celého středověkého vývoje jižních a východních Slovanů a že znalost byzantsko-slovanských vztahů podává klíč k proniknutí jihoslovanské a ruské kultury. Práce z oboru studia byzantsko-slovanských vztahů jsou rozptýleny po různých českých vědeckých publikacích, chyběl jim však dosud ústřední orgán, který by se specialisoval na toto odvětví historicko-filologických studií a pěstoval je soustavně.

R. 1928 prezident Republiky československé T. G. Masaryk, jenž se ve svých vědeckých pracích hluboce zabýval studiem byzantských prvků v myšlenkovém světě slovanském, dal podnět k tomu, aby byl v Praze vytvořen zvláštní orgán pro studia byzantsko-slovanská, který by nejen sdružoval a podporoval českou vědeckou práci tohoto směru, nýbrž získával také součinnost odborníků slovanských i neslovanských. Na to se utvořila v dubnu 1928 redakční rada, která se rozhodla vydávati nový sborník BYZANTINOSLAVICA. Členy jejími byli původně tito pánové: Jaroslav Bidlo, František Dvorník, † Karel Kadlec, Aleksandr Kalitinskij, Matyáš Murko, Nikolaj Okuněv, Miloš Weingart. Na místo zesnulého prof. Kadlce nastoupil do redakční rady jeho nástupce na universitě Karlově prof. Theodor Saturník.

V květnu r. 1929 ustavila se tato redakční rada jakožto BYZANTOLOGICKÁ KOMISE při Slovanském ústavě v Praze. Byzantologická komise při Slovanském ústavě bude organisovati a soustřeďovati všechny práce Slovanského ústavu, týkající se Byzantska a jeho vztahů k Slovanům; jejím nejbližším úkolem je vydávání tohoto sborníku.

Účelem tohoto sborníku bude pěstovati soustavně studium vzájemných styků mezi světem slovanským a Byzantskem, zvláště vlivy Byzantska na Slovaný. Tímto vymezením pracovního pole má se nový sborník lišiti od dosavadních orgánů byzantologie a slavistiky. Za to však mají zde býti vztahy byzantsko-slovanské sledovány všestranně, t. j. v oboru historie politické i církevní, v dějinách jazykových i literárních, v dějinách práva a výtvarných umění, i v oboru etnografie. Tento program chystaného sborníku je vyjádřen právě složením REDAKČNÍ RADY.

BYZANTINOSLAVICA budou přinášeti články, kriticko-bibliografické přehledy, referáty i zprávy o nových publikacích, sjezdech a jiných odborných událostech. Příspěvky budou uveřejňovány ve všech slovanských jazycích nebo francouzsky nebo německy. Příspěvky slovanské budou opatřeny cizojazyčným výtahem.

»Byzantinoslavica« budou v dalších letech vycházeti pravidelně půlletně ve svazcích asi po 10 tisk. arších vel. 8. Dva půlletní svazky budou tvořiti ročník. Tiskem sborníku »Byzantinoslavica« byla pověřena STÁTNÍ TISKÁRNA v Praze.

Redakční rada klade zvláštní váhu na to, aby její orgán »Byzantinoslavica« spojoval k mezinárodní svorné vědecké práci učence slovanských národů i ostatního vědeckého světa s prací odborníků českých. Proto s opravdovým potěšením konstatuje, že redakční pozvání, rozeslané na podzim r. 1928, našlo všude příznivý ohlas, a že v krátké době sešel se hojný počet cenných příspěvků.

Redakční rada děkuje proto především podnětu pana presidenta Masaryka jakož i všem těm četným odborníkům, kteří se již stali spolupracovníky nebo svou účast přislíbili. Právě podporou slovanských i neslovanských učenců různých národů bude možno vybudovati »Byzantinoslavica« jako svérázný doplněk dosavadní organizace vědeckých periodik, jako ústředí pro zkoumání světa byzantsko-slovanského.

V Praze, v červnu 1929.

BYZANTOLOGICKÁ KOMISE PŘI SLOVANSKÉM ÚSTAVĚ.

Jaroslav Bidlo,
předseda.

František Dvorník, Aleksandr Kalitinskij, Matyáš Murko,
Nikolaj Okuněv, Theodor Saturník, Miloš Weingart,
členové.

QUELQUES MOTS D'INTRODUCTION.

Depuis ses débuts—depuis l'époque de Joseph Dobrovský et de Paul-Joseph Šafařík,—la slavistique tchèque s'est gardée de négliger l'étude de l'histoire et de la littérature byzantines. Les slavistes tchèques se sont toujours rendu compte que la connaissance du monde byzantin est indispensable pour connaître complètement et apprécier justement l'histoire des Slaves du Sud et de l'Est et que la connaissance des relations entre le monde byzantin et le monde slave est comme la clef qui permet l'accès des cultures des Slaves du Sud et des Russes. Mais ces études se trouvaient jusqu'à présent dispersées dans de nombreuses publications scientifiques tchèques et les savantes ne disposaient pas d'une revue spéciale consacrée à cette branche des études historiques et philologiques et permettant de donner plus d'unité à leurs travaux.

Ce n'est qu'en 1928 que M. Thomas Garrigue Masaryk, président de la République tchécoslovaque, qui au cours de ses propres travaux scientifiques avait eu l'occasion de s'intéresser profondément à l'influence des éléments byzantins sur la pensée slave—favorisa la création d'un organe spécial destiné aux études byzantino-slaves. Il ne s'agissait pas seulement de grouper et de soutenir les efforts en ce sens des savants slaves, mais aussi d'établir un contact entre les spécialistes slaves et non-slaves. En avril 1928 fut institué un Comité de rédaction qui décida de publier une nouvelle revue, les BYZANTINOSLAVICA. Ce comité était composé à l'origine des personnalités suivantes: Jaroslav Bidlo, František Dvorník, Karel Kadlec, Alexandr Kalitinskij, Mathias Murko, Nicolas Okuněv, Miloš Weingart. Après la mort du professeur Kadlec, sa place dans le Comité de rédaction fut occupée par M. Theodor Saturník, son successeur à l'université Charles.

En Mai 1929 ce Comité, chargé de la publication du recueil annoncé, commença à fonctionner en tant que COMMISSION BYZANTOLOGIQUE auprès de l'Institut d'études slaves à Prague. Cette commission est chargée d'organiser et de concentrer tous les travaux de l'Institut slave concernant les questions byzantines et leurs rapports avec les questions slaves. Son but le plus immédiat est de publier la revue dont nous venons de parler.

Le but de cette revue sera de présenter avec le plus d'unité possible l'étude de relations entre le monde slave et Byzance, particulièrement les influences byzantines sur les Slaves. En bornant ainsi le champ de ses travaux, elle vise à occuper une place bien particulière parmi les publications de byzantologie et de slavistique déjà existantes. Elle entend aussi étudier les relations entre le monde byzantin et le monde slave sous tous leurs aspects, c'est-à-dire aussi bien dans l'histoire politique que dans l'histoire religieuse, au point de vue littéraire, dans le domaine du droit non moins que dans celui des arts plastiques et de

l'ethnographie, et ce program vaste et multiple correspond justement à la composition du
COMITÉ DE RÉDACTION.

La revue BYZANTINOSLAVICA publiera des articles, des comptes rendus critiques et bibliographiques, des rapports et des renseignements concernant des publications nouvelles, des congrès et autres faits analogiques. Les articles et les notes seront publiés dans l'une ou l'autre langue slave, ou en français ou en allemand. Les articles parus en langue slave seront accompagnés d'un resumé en ces langues étrangères.

Les «Byzantinoslavica» paraîtront régulièrement deux fois par an un volume d'environ 160 pages in — 8. L'année sera composée de ces deux numéros semestriels. La revue sera imprimée par L'IMPRIMERIE D'ÉTAT à Prague.

Le Comité de redaction attache une importance particulière à ce que son organ soit un agent de liaison entre les travaux scientifiques internationaux des savantes de toutes les nations slaves et de leur collègues du monde savant tout entier et les travaux des spécialistes tchèques. Il a d'ailleurs la joie de constater que le programme de la rédaction qu'il a communiqué à tous les spécialistes en automme 1928, a reçu un accueil favorable en tous pays; un grand nombre d'articles et de contributions intéressantes lui ont été adressés en peu de temps.

Le Comité désire aujourd'hui remercier tout particulièrement le président Masaryk, pour son éminent patronage, ainsi que les nombreux spécialistes qui ont déjà bien voulu participer à ses travaux ou lui ont promis leur collaboration. C'est seulement grâce aux efforts des savants slaves et non-slaves de bien des nations que les «BYZANTINOSLAVICA» pourront accomplir la mission bien particulière qu'elles se sont assignée et remplir la lacune que présentait jusqu'à présent en ce domaine l'organisation des périodiques scientifiques, en donnant un centre à l'étude des relations entre le monde byzantin et le monde slave.

Prague, en juin 1929.

COMMISSION BYZANTOLOGIQUE DE L'INSTITUT SLAVE DE PRAGUE.

Jaroslav Bidlo,
président.

František Dvorník, Alexandr Kalitinskij, Mathias Murko,
Nicolas Okuněv, Theodor Saturník, Miloš Weingart,
membres de la Commission.

BYZANTSKÁ RECENSE A EVANGELIJNÍ KODEXY STAROSLOVĚNSKÉ.

Od J. Dobrovského, který po prvé počal kriticky zkoumati staroslověnský text evangelijní, až na naše časy, bylo obecným míněním slavistů, že tento text náleží k recensi cařihradské neboli byzantské. Toto mínění, obecně vyslovené Dobrovským,¹ hájí do nejnovější doby někteří učenci ruští,² kdežto u nás na západě, Šafařík³ s L. Hugem, ačkoliv byl v té věci jinak s Dobrovským zajedno, přece neopomenul připomenouti, že texty hlaholské ukazují jakousi větší příbuznost s latinskou vulgátou nebo s řeckými texty, které jsou jí bližší, nežli texty cyrilské. V nejnovější době pronesl profesor *Snoj* ukvapené mínění o staroslověnském evangelijním textu, jako by byl alexandrijský,⁴ a prof. *Pogorelov* neustává ukazovati na závislost staroslověnského textu evangelií na Jeronymově vulgátě.⁵ Účelem této rozpravy jest, ukázati, pokud možno blíže, na vztahy staroslověnského textu evangelií k recensi byzantské, a tím nepřímou odpověděti na mínění ostatní. Aby však věc byla jasna i těm, kdo se biblickou kritikou neobírají, mám za potřebné promluvití předem o recensích vůbec.

Kdo nahlédne, byť jen zběžně, do kritického aparátu Nového Zákona, snadno postřehne, že kodexy A, B, D,⁶ věkem sobě dosti blízké, nemohly pojití z jednoho pramene. Četné a patrné různosti již v těchto nejstarších kodexech vedou na stopu třídění kodexů, jež bibličtí kritikové uvádějí pod rozličnými jmény, jak níže uvidíme.

Podle slov sv. Jana (2 Joh. 12) byly psány spisy Nového Zákona na papyru (διὰ χαρτου καὶ μέλανος); na tak křehké psací látce nemohly ovšem při častějším užívání dlouho trvat. Má se za to, že většina jich zašla před koncem I. století, ostatní brzy po tom.⁷ Pofizovali si tudíž opisy. Při opisování se dopouštěli písací chyb a změn, a chyby ty dalším opisováním se přenášely a rozmnožovaly. Především v Syrii povstávala z textu apoštolského nová forma textu změnami, které směřovaly k větší jasnosti, a to hlavně tím, že písaři-opisovači nahrazovali nejasné výrazy jasnějšími, a z jednoho evangelia přejímali na vysvětlenou nebo k doplnění některé slovo nebo i větu do evangelia druhého.⁸ Změny toho druhu nalézáme nejprve v nejstarších syrských překladech z II. stol.: Curentonově a Sinajském syrském, dále i v řeckých kodexech, na příklad v kodexe D, konečně i v překladech starolatinských: africkém a Itale, z níž některé přešly i do Jeronymovy vulgaty. Podle těchto textů západních přezdělí tomuto pozměněnému neboli porušenému textu »text Západní« – *Western*, ačkoliv je původu východního. (*Westcott–Hort* I. c. 84–85 – *Robertson*, *An introduction to the textual criticism*, London 1925, 109 násl.) V Alexandrii se daly změny hlavně takovými opravami, které směřovaly k uhlazení slohu a k větší správnosti jazykové, zejména odstraňováním hebraismů.⁹ Máme za to, že koncem III. stol. bylo provedeno přehlédnutí (recense) textu novozákonního nejspíš *autoritou církevní*, snad od Luciana,

kněze antiochijského, který spojoval jasnost textu starosyrského s přesností a uhlazeností formy alexandrijské. Tak vznikla nová forma textu evangelijního, zvaná »*antiochijská*« neboli »*novosyrská*«, opravdová to *recense*.¹⁰ Později dostal se tento text hlavně skrze sv. Jana Zlatoústého, který vyšel ze školy antiochijské, také do patriarchátu cařihradského, odtud i jméno »*recense cařihradská*« anebo *byzantská*. Ovšem že se nedály tyto změny rázem. Objevily se i rukopisy s textem *smíšeným*,¹¹ ježto někteří písaři nevázali se přesně na jeden text, nýbrž při různých čteních vybírali ta místa, která se jim nejvíce zamlouvala; ale znenáhla ubývalo jak bývalých textů starosyrských (»*Západních*«), tak alexandrijských i smíšených, a *recense cařihradská* ovládla úplně.¹² Po pádu říše byzantské dostal se text cařihradský také na západ, a přešel do prvních vydání tiskem; skrze ně pak s nepatrnými proměnami opanoval na 200 let, zejména v zemích protestantských; na pevnině jakožto známý text *Elzevírský* neboli *Recepta*, v Anglii pak text *Roberta Stephana*, kde jej otiskují dosud. Již z tohoto krátkého přehledu se vysvětluje, proč je v rukopisech novozákonních taková pestrost; většina jich ovšem obsahuje text ve formě byzantské.

První sbírka různocnění (mimo marginální varianty ve vydání Stephanově z roku 1550) vyšla v Anglii.¹³ Brian Walton uveřejnil je s textem Stephanovým v polyglotě londýnské (1657); podobně John Fell, děkan a biskup Oxfordský, vytiskl text Elzevirů s různocněními více než sta rukopisů (1675); John Mill ve svém vydání textu Stephanova uvedl již na 30.000 variantů (1707).

První kdo v různocněních postřehl jakési skupiny, podle nichž zavedl i třídění rukopisů, byl Würtenberčan J. B. Bengel († 1752), který dělil rukopisy textu novozákonního na dvě třídy (*nationes*): *starší* neboli africkou a *mladší* nebo asijskou, při čemž kladl zvláštní důraz na kodex A a na překlad latinský.¹⁴

J. S. Semler († 1791) pokáral toto přeceňování kodexu alexandrijského i vulgaty latinské, a přičtl všechny rukopisy novozákonní nejprve dvěma *recensím*: *východní* – Lucianově a *západní* – Origenově, později třem: východní nebo Lucianově, alexandrijské a západní (v překladě starolatinském), kladá váhu na to, že při posuzování variantů sluší kodexy vážit a ne počítat.¹⁵ Většinu jeho mínění přejal i jeho žák J. Griesbach († 1812).

Jako Semler rozeznával i Griesbach *tři recense*: alexandrijskou (zejména v kodexech B C L, 1 13 33), byzantskou nebo cařihradskou (kodex A) a *recensi západní* (kodex D, částečně i 1 33, a v Itale). Griesbacha se celkem přidrželi Hug a Eichhorn. L. Hug († 1846) uváděl, vedle *κοινὴ ἑκδοσις* (podle něho hlavně v Itale), *recense*: Origenovu, Lucianovu a Hesychiovu; Eichhorn († 1827) uznával toliko 3 *recense* jako Griesbach.

Proti Griesbachovi a jeho soustavě vystoupil Ch. Matthaei, který se příliš zamíloval do textu byzantského, a své odpůrce nemilosrdně tepal.¹⁶ Také A. Scholz († 1852) »*intineribus clarior quam doctrina*« ale »*codicum conlator neglegentissimus*«,¹⁷ se domníval, že forma cařihradská má původní čistý text.¹⁸ Až potud drželi se všichni kritikové tradičního (receptního) textu, připojující k němu různocnění a poznámky, avšak vážnost jeho byla již tak otřesena, že v následujícím

období od něho upustili, a sestavovali (konstruovali) text nový, přímo z památek, jež uznávali za nejlepší.

Počátek učinil K. *Lachmann* († 1851), který se nestaral o recenze, zavrhoval mladší rukopisy, a čerpal z rukopisů starších, jež dělil na východní (kod. A B C) a západní (D, Italu a j.). Podobně K. *Tischendorf* († 1874) dělil památky na konec svého badání, pouze na dvě třídy: na ty, které představují nejstarší formu textu (alexandrijskou), a formu mladší (asijskou); u každé z nich připouštěl podružné rozdělení v příčině vážnosti.¹⁹

Současně s *Tischendorfem* pracoval v Anglii o novém vydání Nového Zákona S. *Tregelles* († 1875), který sice popíral, že bychom mohli tříditi rukopisy na *přesně* oddělené třídy, ale přes to připouštěl i on obecné rozdělení památek na *starší* (třidu alexandrijskou) a *mladší* (cařihradskou); z alexandrijské pak, že je nutno oddělit některé rukopisy *západní*.²⁰ Týmž způsobem, byť při jiném pojmenování, třídí kodexy Nového Zákona *Scrivener* a *Reuss*. *Reus*²¹ je dělí na třidu alexandrijskou, západní a cařihradskou, *Scrivener*²² pak na africkou, západní a syrskou neboli antiochijskou (později též cařihradskou), ale věc je jedna a táž.

Zvláštní pozornost vzbudili svými kritickými pracemi B. *Westcott* († 1901) a J. A. *Hort* († 1892). Ti rozeznávali čtverou formu textu novozákonního: a) text *neutrální*, apoštolskému textu nejbližší (v evangeliích zejména kodex B, v ostatních knihách A, C); b) text *západní* (D, 1 etc., 13 etc.); c) text *alexandrijský*, který se nezachoval nikde čistý (v evangeliích zejména kod. L X, 33); d) text *syrský* neboli antiochijský, který je totožný s Griesbachovou recensí byzantskou neboli cařihradskou. Tento prý povstal, podle nich, smíšením obou předešlých textů, Západního a alexandrijského, přehlédnutím (recensí) provedeným snad od *Luciana* († 312).²³ Dílo *Westcottovo-Hortovo* našlo v jednotlivostech i přátele (B. *Weiss*)²⁴ i odpůrce (J. B. *Burgon*).²⁵

Kdo by chtěl překonat výsledky práce *Westcottovy* a *Hortovy*, musil by být, podle *Gregoryho* (*Textkritik* 917) lépe připraven než oba řečníci učenci, kteří při širokém rozhledu byli dobří znalci jazyka, dobře znali církevní dějiny, byli dobří paleografové a pracovali o svém díle 28 let. Těžko je říci, zdali se to podařilo autoru nového velikého díla: *Die Schriften d. Neuen Testaments*, Göttingen 1913, H. v. *Sodenovi*, který o něm pracoval s 45 pomocníky 16 let. Pozoruhodné je jeho třídění, po případě trojí *recenze*, kterou položil za základ; uznává totiž: recensi alexandrijskou (*Hesychiovu*, zn. H), recensi cařihradskou (*Lucianovu*, zn. K), která se stala časem obecným textem církve Východní (καὶνή), a recensi palestinskou, *Pamphylovu* neboli *jerusalemskou* (zn. I). Nehledíc k tomu, že kritika vytkla v. *Sodenovi*, že nečiní rozdílu mezi *porušeným* textem »Západním« a skutečnými *recensemi*, nebo že jeho aparát není úplně spolehlivý a označení kodexů příliš složité, pro nás a pro recensi byzantskou je pozoruhodné jeho *roztřídění mladších skupin textů*. To se přičítá v. *Sodenovi* obecně za zásluhu.²⁶

Upustíme-li od onoho jemného rozlišování textu neutrálního od alexandrijského, podle *Westcotta-Horta*, vidíme na tomto zběžném přehledu kritických studií novozákonních, že se krystalisují rukopisy Nového Zákona, při vši pestrosti a roz-

ptýlenosti, ve tři hlavní skupiny, z nichž každá je po své stránce pozoruhodná a důležitá. Recense *alexandrijská*, v čele s kod. B, vynikající starobylostí památek a blízkostí textu apoštolskému; recense *byzantská* nebo *cařihradská*, byť mladší, uplatňující se vlivem Cařihradu a vynikající počtem rukopisů, a čele neboli třída textů *Západních*, jichž počátky sahají někde do 2. století, objevující se nejdříve v textech syrských, pak řeckých, a konečně i v latinských. To ostatně naznačil již sv. Jeronym, když v snaze přiblížit se *k původnímu* evangelijnímu textu řeckému připomenul nesrovnalosti a odchylky kodexů latinských (*Západních*), Lucianových a Hesychiových: »Hoc certe cum in nostro sermone discordat... Praetermitto eos codices, quos a Luciano et Hesychio nuncupatos, paucorum hominum adserit peruersa contentio (Epistula ad Damasum).

Jak se mají staroslověnské texty evangelijní k recenzi byzantské.

Text byzantské recenze je celkem nejlépe znám; v. Soden rozeznává zejména tři třídy textu cařihradského, které označuje ukazately (exponenty) ¹ x, r při základně K (κοινή = obecný text).²⁷ Značkou K¹ míní text byzantský v nejstarší podobě, nejmladší období textu byzantského označuje značkou K², ježto jest výsledkem církevní revise, provedené někdy kolem 12. století. Texty, které pocházejí z období ležícího mezi těmito dvěma mezníky ¹ a ², označuje značkou K^x. Ještě mimochodem připomenu zde 2 třídy textů byzantských u Sodena se značkou K¹ a K²; jsou to texty cařihradské s patrným vlivem textů »Západních« K¹, nebo s vlivem alexandrijským K^a.²⁸

Podle toho bude nyní snáze říci, je-li staroslověnský překlad evangelijní opravdu recenze byzantské, jak jí rozuměl Dobrovský, či ne. Dobrovského nebyly tajny varianty v rukopisech slovanských, jež přičítal na vrub různocnění řeckých, patrně i v textech původu byzantského. Ale dnes, kdy známe povahu těchto různocnění v rukopisech slovanských, vidíme, že neběží o pouhé varianty textu byzantského, nýbrž že *varianty v kodd. slovanských odpovídají rázovitým čtením jiných tříd textu*, buď Západního nebo alexandrijského. V rozboru evangelia svatého Marka²⁹ jsem ukázal na značný počet čtení, zejména Západních vedle alexandrijských, ovšem při převaze textu byzantského; další badání v témž oboru potvrzují totéž. Celkem jsem napočítal v evangelijním překladě staroslověnském přes dva tisíce (kolem 2500) variant; z těch asi polovice zůstává čtení cařihradských, dobrá pětina je čtení Západních, druhá pětina (spíše méně) alexandrijských. Pravím, že alexandrijských variant je spíše méně, ježto jsem se přesvědčil, že v samotném evangeliu sv. Matouše 85 míst neboli variant některých kodexů alexandrijských je původu Západního, t. j. text Západní tu měl vliv na texty alexandrijské. Přesný počet variant a doklady přinesu v kritických vydáních ostatních tří evangelií.

Ale ani tím není vyčerpáno vše, co vychází na jevo kritickým rozbořem slov. překladu evangelijního. Vzpomenul jsem práci prof. Pogorelova o vlivu latinské vulgaty na staroslověnský překlad. K tomu připomínám, co jsem již jinde řekl a doložil, že mnohé z míst uváděné prof. Pogorelovem lze vysvě-

liti čteními Západními, a nikdo dnes nedokáže, z kterého pramene se tato čtení dostala do překladu staroslověnského, zda přímo z řečtiny nebo oklikou z latiny.³⁰ Více však nežli jazykové doklady uvedené Pogorelovem nutí mne, abych uznal vliv latiny na evangelijní překlad staroslověnský, *některé varianty věcné*. Je jich málo, velmi málo. V evangeliu svatého Matouše jsem našel jedno takové místo, které sotva bude možno vyložit jinak nežli vlivem latinským: Mat. 23, ⁴ δεσμεύουσιν (δὲ φορτία βαρέα); vulg.: alligant autem onera gravia; kodexy Nikoljský, Ostromírův, Zografský: сѣвѣзѣжѣтъ (же брѣмена тѣжѣка), kdežto evangeliář Assemanův a čtveroevang. Mariinské: сѣвѣрѣжѣтъ (же б. т.). Pozoruhodné je, že toto сѣвѣрѣжѣтъ se čte v evangeliáři Assemanově, tedy nejstarším evangeliáři, a mimo to v tak vážném rukopisu jako je c. Marianus. Myslím že tu není nic jiného, nežli že překladatel zaměnil latinské *alligant* za *colligunt*; teprve později zpozorovali omyl, a opravili jej podle řeckého δεσμεύουσιν *správně* сѣвѣзѣжѣтъ.

Jiné podobné, snad ještě patrnější místo, je v evangeliu sv. Jana, 6, ²³: εὐχαριστήσαντος τοῦ κυρίου; kodexy Mariinský, Nikoljský, Zografský i Ostromírův (Sava mlčí) mají: хвалѣ вѣздавѣхъ ю гѣ; jen evangeliář Assemanův: хв. вѣздавѣхъ бѣ бѣгѣ. I vulgata Jeronymova má: gratias agente Domino (kodexy: Sangermanen., Vallicellanus, a vydání Clementínské), nebo: gratias agentes Domino (kod.: Amiatinus, Cavensis, Fuldensis, Hubertianus, nyní v Britském muzeu, Ambrosianus C, Harleianus (rovněž v Britském muzeu); jen kodex Armachanus, nyní v Dublině, stol. IX, asi z r. 812 a příbuzné, mají shodně s Assemanovým evangeliářem: gratias agentes Deo! Tu se tedy Assemanianus opět těsně přimyká k vulgatě (kodexům čeledi Irské).³¹

Jiný takový doklad poskytuje staroslověnský text Otčenáše, a sice u svatého Matouše 6, ¹¹. v evangeliářích Assemanově, Ostromírově jakož i v čtveroevangeliu Nikoljském: хлѣбъ нашъ насъжѣхъ нъ, kteréžto čtení mám za původní. Savvina kniha a kod. Mariinský mají х. н. настѣвѣшааго дѣне; podobně Zografský х. н. настѣвѣшт... V doplněných částech překladu čtveroevangelia u sv. Lukáše 11, ³ na téměř místě (v Otčenáši) čteme v Ostromírově evangeliáři a kodexu Mariinském opět х. н. насъжѣхъ нъ, v evang. Nikoljském х. н. нносѣхъ нъ, v Nikoljském² насѣхъ нъ! v kodexu Zografském надѣвѣхъ нъ a Sava mlčí. V řecké předloze se čte na obou řečených místech τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον (δὸς ἡμῖν σήμερον) bez jakékoli varianty. Sv. Jeronym se sám přiznává, že přeložil adjektivum ἐπιούσιος, které souvisí s participiem ἐπιούσα (ἡμέρα), slovem »supersubstantialis«,³² ačkoliv starý překlad (Itala) má »quotidianus«, což k řeckému ἐπιούσιος více přiléhá, a také došlo větší obliby. Staroslověnské насъжѣхъ нъ, které bylo nepochybně v prvotním překladu, je zřejmý překlad Jeronymova supersubstantialis, kdežto varianty настѣвѣшааго дѣне a pod. jsou pozdější pokusy, jimiž se chtěli přiblížit řeckému ἐπιούσιος. A tak nezbyvá říci než, že i toto místo v Otčenáši svědčí, že původní překladatelé evangelia nahlédli i do latinské vulgaty.

Probádal jsem zhruba téměř celý staroslověnský překlad evangelií, a sice šest

nejstarších rukopisů, ale vedle shod rázu více jazykového³³ nenalezl jsem přesvědčivějších míst nad tato tři. Z tohoto nepatrného počtu je zřejmo, že vliv latinské vulgaty nebyl asi veliký, a i když jej připustíme, nijak se tím neruší to, co jsme pověděli výše o čteních *Západních* a *alexandrijských* v překladě staroslověnském. Také o gotském překladě Wulfilově tvrdí v. Soden, že ač je v jádře *cařihradský* s některými čteními *Západními*, má i některá místa z překladů *starolatinských*.³⁴ Podobně můžeme i v příčině staroslověnského překladu evangelijního trvati na tom, co se o něm dosud tvrdilo, totiž že je *recense byzantské, ovšem s různostmi Západními, alexandrijskými i některými místy z vulgaty latinské*. Úkolem dalšího studia bude, ukázati jednotlivá čtení necařihradská, po případě zjistiti, ke které podružné skupině kodexů cařihradských náležela předloha, z níž překládali slovanští Apoštolé. Při tom jest vycházeti od evangeliářů, po případě od příslušných čtení evangeliárních v čtveroevangeliích, pro jejich starobylost a větší neměnitelnost (konservativismus), kdežto doplněné části textu v čtveroevangeliích (zvané komplementerní), které snáze podlehaly změnám, mohou tu rozhodovati nebo býti brány v úvahu teprve v řadě druhé.

POZNÁMKY.

¹ J. Dobrovský, Institutiones linguae slavicae dialecti veteris LI–LII. 193, 423, 667, 699–701 – Glagolitica 68–82 – Slovanka II 128–139.

² *Voskresenskij*, Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода евангелія св. Марка. (Чтенія, Москва 1896, I 127–135.)

³ P. J. Šafářek, Památky hlaholského písemnictví, v Praze MDCCCLIII, xxiv, xxxvii.

⁴ A. Snoj, Staroslovenski Matejev evangelijs, Ljubljana 1922. – Téhož: Staroslovenski prevod evangelijs, Ljubljana 1922 (Bogoslovski Vestnik). – Omyl Snojův spočívá na nesprávném předpokladu, že v IX. stol. v κοινή nebylo různostní Hesychiovských, která se čtou v staroslověnském překladě. Ale neprávem; na příklad řecký evangeliář z roku 1319 (Britského Musea Burne 22), jinak s textem cařihradským, je známý svými četnými varianty necařihradskými. Srov. Scrivener, A plain introduction to the criticism of the N. T., I 345: »remarkable for its wide departures from the received text.« – A. Snoj, Veteroslavicae versionis evangeliorum pro critica et exegesi s. textus momentum, Romae 1922, Biblica, pag. 184.

⁵ V. Pogorělov, Латинское влияние въ переводе евангелія. (Sborník filosof. fakulty v Bratislavě III, 207–216.) – Tamtéž ročník V: Опыт изученія текста Саввиной книги str. 26 násl.

⁶ Kodex A (Alexandrinus) je z první polovice 5. st. F. C. Burkitt (Journal Theol. Stud. XI 1909, 603–606) o něm poznamenal: Fortasse potius Constantinopolitanus nominandus. Srov. Souter, Novum Testamentum graece, Oxonii MCMX, vii; v evangeliích totiž má text *recense cařihradské!* – Kodex B (Vaticanus) je z 4. století; pravděpodobně asi z polovice. – Kodex D (Cambridgeský, Bezův) podle Soutera ze stol. 5., obecně se klade do 6. století.

⁷ Viz R. C. Gregory, Textkritik des N. Testamentes, Leipzig 1902, 906 násl.

⁸ Srov. Westcott–Hort, The New Testament in the original greek, Cambridge and London 1881, Introduction 120–126.

⁹ J. Griesbach, Novum Testamentum graece², Halae Saxonum MDCCLXXXVI, Prolegomena LXXXVII »Occidentalibus servare solet lectiones, genuinas duriores, ... hebraizantes; alexandrina vero recensio quaecunque graecis auribus molesta esse possent evitare ac immutare studet... Verbo grammaticum egit alexandrinus censor, interpretem occidentalis.«

¹⁰ Jmenuji ji »*novosyrskou*« na rozdíl od textů *Západních*, které jsou také původu syrského, kritické Westcott, Hort a j. ji nazývají prostě *syrskou* (syrian); angličtí kritikové však si pomáhají dvojím

adjektivem: syriac a syrian. Cfr. *F. Kenyon*, *Handbook to the textual criticism of the New Testament*, London 1912, 301 násl.

¹¹ Srov. *Westcott–Hort* I. c. str. 139–141.

¹² Tamtéž str. 141–143.

¹³ Viz *Gregoryho* Prolegomena v Tischendorfově díle: *Novum Testamentum graece*, editio octava critica maior, Lipsiae 1894, III 241 násl. – *F. Kenyon*, I. c., 273 násl. – *A. Robertson*, *An introduction to the textual criticism of the New Testament*, London 1925, 28 násl. – *E. v. Dobschütz*, *Eberhard Nestle's Einführung in das griechische Testament*, Göttingen 1923, 66 násl. – *J. Sýkora*, *Úvod do Písma sv. N. Zákona*. V Praze 1904, I 373 násl. – *A. Scrivener–E. Miller*, *A plain introduction to the criticism of the New Testament*, London 1894, II 196 násl.

¹⁴ *Novum Testamentum gr.*, Tubingae 1734; ed.² 1763 *Apparatus criticus* p. 669.

¹⁵ *Hermeneutische Vorbereitung*, Halle 1765, III.

¹⁶ »Über die sogenannten *Recensionen*, welche Herr Abt Bengel, der Herr Dr. Semler und d. Herr geh. Kirchenrath Griesbach in dem griechischen Texte des N. Testaments wollen entdeckt haben«, Leipzig 1804.

¹⁷ Viz *Gregory*, *Prolegomena* I. c. 192.

¹⁸ *Biblich–kritische Reise*, Leipzig 1823, 171 násl.

¹⁹ *Gregory*, *Prolegomena* I. c. 195 násl.

²⁰ *Horne's Introduction to... the holy Scriptures*¹¹, IV, London 1863, pag. 24 seq.

²¹ *Geschichte d. heil. Schriften Neuen Testaments*⁵, Braunschweig 1874, II 103 sq.

²² *Scrivener–Miller*⁴ I. c. II, 298.

²³ *Westcott–Hort* I. c. *Introduction* 90 sq.

²⁴ Srov. *Gebhardt–Harnack*, *Texte und Untersuchungen* VII₁ (1892), VIII₃ (1892), IX_{3, 4} (1893), XIV₃ (1906); *Neue Folge* IV₂ (1899); text 1900.

²⁵ »Der Textus receptus fand einen leidenschaftlichen Vorkämpfer an Dean Burgon, dessen Schriften nach seinem Tode (1885) Edward Miller herausgab. *Dobschütz* I. c. pag. 71.

²⁶ *V. Dobschütz*, I. c. pag. 75: »Leider ist weder der Text sicher – v. Sodens Klassifizierung kennt den grundlegenden Unterschied zwischen den verwilderten westlichen Texten und den Rezensionen; eine I Rezension in v. Sodens Sinn hat es nie gegeben... – noch der Apparat zuverlässig, ganz abgesehen von der Unbequemlichkeit der neuen Handschriftenbezeichnung. *Das wertvollste ist die Aufarbeitung der jüngeren Handschriftgruppen*, aber auch hier ist die Zuteilung zu den Untergruppen oft unsicher (§ 32).«

²⁷ *V. Soden*, I. c. 712 násl.

²⁸ Tamtéž 845 násl. a 850 násl. Původ exponentu při značce Ka dal asi v. Sodenovi kodex A (alexandrinus), jež v. Soden pokládá za nejstaršího »svědka« této skupiny; v exponentu i pak je ozvěna, v. Sodenova označení »recense« I (textů »Západních«).

²⁹ *J. Vajs*, *Evangelium sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze*. V Praze 1927, 12 násl.

³⁰ Čl. Jaký vliv měla latinská vulgata na staroslov. překlad evangeliijní. *Slavia* V 158–162.

³¹ Srov. *Wordsworth–H. White*: *Novum testamentum D. N. J. Ch. latine secundum editionem s. Hieronymi*, Oxonii MDCCCLXXXIX. 545 poznamenává k tomuto místu toto: »gratias agentes domino« errore plane scribarum, a vypočítává 21 čelných rukopisů; »gratias agentes deo« codd.: *Dublinensis* olim *Armachanus* (Book of Armagh) VIII vel IX s.; c. *Evangeliorum* IX ut uidetur saeculi, olim *Epternacensis* ecclesiae s. Willibrovi, nunc. *Parisiensis* Lat. 9389; c. *Rushworthianus* Oxonii in bibl. Bodleiana sub D 2, 19 servatus. Editio Stephanica Parisiis 1538, editio Sixtina 1590. Vydání tiskem zde nepadají na váhu a ostatní kodexy svědčí, že text »gratias agentes deo« je čeledi Irské; z jediného místa je těžko usuzovati, měl-li překladatel opravdu před sebou nějaký irský text vulgaty, nebo je-li tu pouhá náhoda. Ale samo χρ. ΒΑΔΑΜΗΕ svědčí, že omyl mohl vzniknouti jediné vlivem latinského gr. *agentes*, a to stačí.

³² De hac lectione testatur ipse Hieronymus, *Commentaria ad locum*: »Quod nos *supersubstantialem* expressimus, in Graeco habetur ἐπιούσιον; *Wordsworth–White* I. c. pag. 60. v poznámce.

³³ Vedle výše vzpomenutých statí prof. V. Pogorelova srov.: *A. Meillet*: L'hypothèse d'une influence de la Vulgate sur la traduction slave de l'évangile (*Revue des études slaves* XVI 39–41, Paris

1926. – S. Słowski: O rzekomym wpływie łacińskiej wulgaty na starosłowiański przekład ewangelij (Slavia VI 246 násl.).

³⁴ V. Soden, Die Schriften d. Neuen Testaments, II 1469–70.

DIE BYZANTINISCHE REZENSION U. DIE ALTKIRCHESLAVISCHEN EVANGELIENKODEXE.

(Resumé.)

Seit J. Dobrovskýs Zeiten ist es allgemeine Überzeugung der Slavisten, daß die altslavische Übersetzung zu der *konstantinopolitanischen* Rezension gehört. Dobrovský meinte, die slavischen Apostel Cyrillus und Methodius hätten aus einer griechischen byzantinischen Vorlage ohne jede Einsicht in die lateinische Vulgata geschöpft. P. J. Šafařík hat diese Meinung in dem Sinne ergänzt, daß die glagolitischen, d. h. die älteren Texte eine größere Annäherung an die Vulgata als die cyrillischen zeigen, so daß es scheint, die genannten Übersetzer hätten auch die lateinische Vulgata, oder die mit ihr verwandten griechischen Texte, benützt. Unlängst kam der Laibacher Prof. Snoj mit der übereilten Ansicht, die griechische Vorlage des altslavischen Evangelientextes sei *alexandrinisch*, und Prof. V. Pogorelov bemüht sich um den Beweis, die altslavische Übersetzung der Evangelien sei auch von der lateinischen Vulgata abhängig. Ich habe gezeigt, daß in der altslav. Evangelienübersetzung neben dem *byzantinischen* Texte auch die sogen. *Western-Varianten* sich finden, und durch dieselben sich manches erklären ließe, was man sonst dem hl. Hieronymus (u. seiner Vulgata) in die Schuhe schieben möchte.¹ Sicher ist es auch, daß hie u. da einige alexandrinische Varianten in derselben zu finden sind, so daß die Vorlage der altslav. Evangelienübersetzung ein sogen. Kompromißtext wäre, deren es im IX. Jahrhundert im Bereiche des Konstantinopolitanischen Patriarchates eine Menge gab.² Das sind die bisherigen Resultate der kritischen Studien des altslavischen Evangelientextes.

Die Geschichte der kritischen Studien des griechischen Evangelientextes bestätigt die 3 Hauptklassen (d. alexandrinischen Text, byzantinischen u. Western-Text) der Kodizes, welche schon d. hl. Hieronymus in der Epistel ad Damasum angedeutet hat. Weitere Forschung bestätigt das, was ich oben von dem altslavischen Texte des Markus-Evangeliums gesagt habe, und zwar verhältnismäßig fast gleich in allen übrigen Evangelientexten. Ich habe nämlich in dem altslavischen Tetraevangelium weit über 2000 (etwa 2500) Varianten gefunden, von denen die Hälfte der byzantinischen oder antiochenischen Rezension angehören, etwa ein Fünftel sind Western – und ein noch kleinerer Bruchteil alexandrinische Varianten.

Damit ist aber nicht alles erschöpft, was die nähere Betrachtung des Textes

¹ Cfr. Evangelium sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze. V Praze 1927.

² V. Soden, Griechisches Neues Testament, Göttingen 1913, XVII sq.

bietet. Schon oben wurde bemerkt, daß manche Varianten, die man als »lateinische« ansehen könnte, durch sogen. Western-Texte griechischen Ursprungs sich erklären lassen, so daß ich mich lange nicht entschließen konnte dem beizustimmen, was uns Professor Pogorělov, meistens auf Grund der sprachlichen Übereinstimmungen des altslavischen Textes mit der lateinischen Vulgata, beweisen wollte.

Doch finden sich einige nicht zahlreiche Stellen, die man kaum anders als durch die bezüglichen Ausdrücke der Vulgata erklären kann. Es sind nämlich: Mat. 23, ⁴ събраѣтъ — събѣраѣтъ wohl ein Mißverständnis: colligunt — alligant; Joh. 6, ²³ хвалѣ въздаѣще богови wohl eine Mißdeutung: gratias agentes (statt agente) Deo (statt Domino): εὐχαριστήσαντος τοῦ κυρίου; und Mat. 6, ¹¹ насѣщѣны, was eine wörtliche Übersetzung des *hieronymianischen* supersubstantialis für ἐπιούσιος darstellt.

So haben wir, ähnlich wie in der gothischen Ulfilasübersetzung, auch in dem altslavischen Texte nebst der *byzantinischen* Basis auch andere Elemente; besonders häufig sind die Western-Varianten, außerdem aber auch der alexandrinische und lateinische Einfluß. Es bleibt weitere Aufgabe der Forschung, die nicht-byzantinischen Varianten aufzuweisen, und die Vorlage des altslavischen Textes in den Unterabteilungen des K.-Textes aufzusuchen.

О ЯЗЫКЪ СЛОВА НА ПРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВ. КЛИМЕНТА.

Въ восьмой главѣ паннонскаго житія св. Константина-Кирилла авторъ этого текста упоминаетъ объ описаніи «обрѣтенія» мощей св. Климента, составленномъ самимъ Константиномъ (также пишетъ къ обрѣтенію его; *Чтенія* 1863, кн. II, 12, 14/15). Къ тому-же сочиненію Константина относится сообщеніе бібліотекаря Анастасія епископу Гаудерику, что Константинъ философъ по поводу открытія мощей св. Климента составилъ кромѣ гимна еще »brevem historiam et sermonem declamatorium« (*Epistola Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii ad Gaudericum episcopum*, с. 4; у ПАСТЕРНЕКА, *Dějiny slovanských apostoľů Cyrilla a Methoda*, стр. 248). Перечисленные Анастасіемъ тексты были написаны Константиномъ на греческомъ языкѣ, но въ такомъ видѣ не сохранились. За то на славянскомъ языкѣ сохранилось т. наз. «Слово на пренесеніе мощей св. Климента», содержащее м. пр. рассказъ свидѣтеля о томъ, какъ мощи были найдены недалеко отъ города Херсона. Это «слово» было напечатано нѣсколько разъ, въ послѣдній разъ издалъ его И. ФРАНКО какъ приложение къ десятой главѣ своей книги: *Святыи Климент у Корсуні. Причинок до історіі старохристіянської легенди* (у Львові 1906), на стр. 244—250. На стр. 242 той-же книги Франко жалуется, что наука интересовалась этимъ текстомъ меньше чѣмъ слѣдовало бы и послѣ 1906-ого года это такъ осталось. Такъ на прим. Г. ФОНЪ-ШУБЕРТЪ, который въ своей брошюрѣ: *Die sogenannten Slavenapostel Constantin und Methodius* (Heidelberg 1916) упоминаетъ объ открытіи мощей Константиномъ и о »dessen Schriftstellerei zu Ehren des Clemens« (стр. 14 и сл.), умалчиваетъ совсѣмъ о церковнославянскомъ описаніи этого событія, и то же самое повторяется у ФР. ДВОРНИКА, *Les Slaves, Byzance et Rome au IX^e siecle* (Paris 1926), стр. 139: »Constantin publica même sans nom d'auteur trois petits ouvrages sur saint Clément qui, malheureusement, ne nous sont point parvenus«. Значитъ ли это, что эти ученые не считаютъ текста, изданнаго ФРАНКОМЪ, переводомъ сочиненія(-ий) Константина или же этотъ текстъ остался неизвѣстенъ имъ?¹

ФРАНКО, правда, самъ не считалъ Константина авторомъ «слова на пренесеніе мощей св. Климента», но это сомнѣніе его вызвано тѣмъ что онъ приписываетъ открытіе мощей Климента не Константину-Кириллу, но людямъ поколѣнія гораздо старшаго; по этому, по его мнѣнію, описаніе этого событія свидѣтелемъ не можетъ быть сочиненіемъ Константина. Это разсужденіе совсѣмъ логично; зато, кто вѣрить разсказу паннонскаго житія о подвигѣ Херсонскомъ Константина философа, не можетъ не ставить себѣ вопроса, пред-

¹ Когда я писалъ эту статью, не вышла еще изъ печати работа Н. К. Никольскаго: *К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу*. Изв. по р. яз. и слов. I, стр. 399 и сл. (1928).

ставляетъ ли собою церковнославянское «слово», изданное Франкомъ, переводъ одного или двухъ или даже всѣхъ трехъ сочиненій, написанныхъ Константиномъ по гречески.

Такъ думали нѣкоторые ученые прошлаго столѣтія, м. пр. ГОЛУБИНСКИЙ (см. у Франка стр. 242), и въ наше время А. БРЮКНЕРЪ держится того же мнѣнія. (*Die Wahrheit über die Slavenapostel*, Tübingen 1913, стр. 8), причѣмъ предполагаетъ, что славянскій текстъ содержитъ всѣ три сочиненія, упомянутыя въ письмѣ Анастасія: повѣсть (brevis historia), проповѣдь (sermo declamatorius) и гимнъ. Это мнѣніе мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ.

Не могу вмѣстѣ съ ФРАНКОМЪ приписать больше значенія сообщенію одной Проложной легенды, какъ будто открытіе мощей св. Климента имѣло мѣсто во время царствованія императора Никифора (въ началѣ IX-го вѣка), чѣмъ единогласному свидѣтельству бібліотекаря Анастасія и паннонскаго житія объ открытіи мощей Константиномъ и о его сочиненіяхъ по этому поводу. Если эти свѣдѣнія соотвѣтствуютъ правдѣ, тогда нельзя отрицать возможности что именно въ славянскомъ «словѣ» о Херсонскихъ событіяхъ сохранился переводъ, полный или неполный, названныхъ Анастасіемъ сочиненій Константина. Еслибъ существовали крупныя противорѣчія между славянскимъ «словомъ» и «итальской легендой», куда вошли тѣ данныя, которыми нѣкогда распоряжался Анастасій, тогда было бы трудно приписать Константину изданный Франкомъ текстъ. Зато несомнѣнное сходство этихъ двухъ памятниковъ въ описаніи Херсонскихъ событій говоритъ за гипотезу Голубинскаго и Брюкнера. Доказать эту гипотезу было бы трудно; надо удовольствоваться тѣмъ, что она правдоподобна. Укажу еще на одну подробность: въ письмѣ Анастасія Митрофанъ, чьи слова цитируются, называетъ повѣсть Константина о Херсонскихъ событіяхъ »historica narratio«; если сопоставить это названіе съ заглавіемъ «слова», гдѣ объ этомъ «словѣ» говорится м. пр.: историческоу ю и моуше бѣсѣдоу, тогда возникаетъ вопросъ, не имѣемъ ли дѣло съ переводами одного и того-же греческаго выраженія изъ заглавія первоначальнаго текста.

Если въ самомъ дѣлѣ Константинъ открылъ мощи св. Климента и описалъ это событіе по гречески, тогда весьма понятно, что таковое сочиненіе было переведено на церковнославянскій языкъ въ первый періодъ славянской письменности. Н, дѣйствительно, языкъ славянскаго «Слова» имѣетъ весьма старинный характеръ. Это, конечно, не доказываетъ, что авторомъ греческаго оригинала былъ Константинъ, но во всякомъ случаѣ говоритъ скорѣе за эту гипотезу чѣмъ противъ нея. Въ первый періодъ славянской письменности, какъ и позднѣе, рядомъ съ хорошими переводчиками существовали и плохіе, которые недостаточно понимали греческій языкъ; и темныя, даже нелѣпыя мѣста, встрѣчающіяся въ нашемъ текстѣ, можно объяснить недостаткомъ языковыхъ познаній переводчика, все равно какого онъ былъ поколѣнія; объяснить ихъ небрежностью позднѣйшихъ переводчиковъ или упадкомъ письменнаго языка не нужно. Какъ Брюкнеръ, такъ и я думаю, что только часть ошибокъ введена въ нашъ текстъ копиями. Разсказъ историческихъ

событій переведенъ гораздо лучше чѣмъ остальные части «слова».

Перейдемъ теперь къ разбору нѣкоторыхъ языковыхъ особенностей нашего памятника! Во первыхъ по области морфологiи:

Причастiе прошедш. врем. I глаголовъ класса IV A кончается вездѣ только на -ь: приключышамъ сѧ 244, 13; извошь 245, 23; окрочышь 246, 25; просвѣщышь сѧ 246, 26; сътворъ 248, 10; съпохвалъ 248, 24; възлюбъ 249, 23; с[вѣ]щышь 249, 26; послужышь 249, 27; оуподобыша сѧ 250, 8; съвокупъ сѧ 250, 10; сътворъ 250, 11; потрѣбъшь 250, 24; извошаго 250, 27. Разумѣется, что вариантъ къ первому изъ этихъ мѣстъ приключышамъ сѧ менѣе древнiй чѣмъ форма той рукописи, по которой этотъ текстъ былъ изданъ Франкомъ.¹ Надо предположить, что самъ переводчикъ употреблялъ исключительно тотъ болѣе древнiй типъ этого причастiя, который встрѣчается преимущественно въ самыхъ старинныхъ глаголическихъ текстахъ.

начатъ 3. л. ед. ч. аор., 249, 19, тоже представляетъ собою характерную черту самыхъ старинныхъ глаголическихъ рукописей; въ большинствѣ житiй и проповѣдей Супрасльской рукописи такихъ формъ нѣтъ.²

Меньше значенiя имѣетъ предложный падежъ послѣ глагола пристѣпати 246, 3. Это — старинная конструкцiя, встрѣчающаяся, однако, не исключительно въ самыхъ древнихъ текстахъ. Обращу еще вниманiе на причастiе имоущи 244, 2; 247, 17, имоущю 247, 18, имоущемъ 245, 28, — на genitivus-accusativus кивѣта 248, 22, — на форму искомыхъ 247, 9/10, — на instr. plur. дарми 250, 23,³ извѣстный намъ тоже изъ Синайскаго Требника (дарми bis), — на употребленiе глагола хотѣти въ слѣдующихъ случаяхъ: в'торѣи же нѣсни хотѣши начатiе прѣти 246, 11/12; гдѣ къ первымъ двѣри хотѣше внити стѣи Климен'тъ 249, 17/18 (ἐμελλεν), — хотя всѣ эти формы и выраженiя для опредѣленiя времени перевода особеннаго значенiя не имѣютъ.

Интереснѣе чѣмъ грамматическiя явленiя кажутся мнѣ нѣкоторыя лексикологическiя особенности нашего текста. На первомъ мѣстѣ упомяну существительное отокъ (ѡтокъ) 'островъ' 246, 7, 8, 25; 247, 2; 248, 17, 24; болѣе распространенное въ цѣл. текстахъ слово остроукъ отсутствуетъ въ нашемъ «словѣ». Вообще слово отокъ встрѣчается преимущественно въ самыхъ древнихъ текстахъ; потомъ кописты замѣняютъ его мало по малу словомъ остроукъ; интересно ошибочное употребленiе слова остроукъ Io. XVIII, 1 въ Зографскомъ тетраевангелiи, вызванное тѣмъ, что въ своемъ оригиналѣ писецъ читалъ отока вмѣсто потока; см. у ЯГИЧА, *Entstehungsgeschichte* 374. Если вообще первые церковнославянскiе переводы, возникшіе въ велико-моравскомъ государствѣ и въ Паннонiи, содержатъ «моравизмы» или «паннонизмы», тогда ни одного слова нельзя считать таковымъ съ большимъ правомъ чѣмъ именно отокъ; ибо въ македонскихъ и болгарскихъ говорахъ это слово, кажется, отсутствуетъ

¹ Обѣ рукописи русскаго происхожденiя.

² Рядомъ съ ѡи 246, 16, 28 встрѣчается ѡи 246, 16; 248, 6, 7.

³ Также дарми 250, 17; ср. грѣхѣи 246, 5; оудѣи 247, 31. Трудно сказать, восходятъ ли эти формы къ тексту самого переводчика.

(см. у Ягича, *l. l.* 204), и древнеболгарскіе кописты предпочитали слово *отрокъ*. Не останавлиюсь здѣсь на спорахъ о »паннонизмахъ«, констатирую только, что слово *отокъ* принадлежитъ къ самому старому слою ц.-славянскаго словаря и что еще въ очень ранній періодъ синонимъ *отрокъ* началъ вытѣснять его. Рядомъ съ существительнымъ *отокъ* особенное значеніе имѣютъ слова *клинн*, *етеръ*, *тъкъмо*; разные падежи прилагательнаго *клинн* встрѣчаются 245, 10; 246, 6; 249, 24; *великъ* отсутствуетъ совсѣмъ, — мѣстоименіе *етеръ* употребляется въ рукописи Моск. Духовной Академіи совсѣмъ правильно: 245, 23, 26, 30; 246, 9, 17, 28; 247, 1, 3, 12, 13, 15, 18; 248, 9, 11, 18; 249, 3, 8; Макарьевская рукопись замѣнила въ нѣсколькихъ мѣстахъ это слово мѣстоименіемъ *нѣкъин*, которое вообще представляетъ собою новшество позднѣйшаго періода церковно-славянской письменности, — рядомъ съ *тъкъмо* (*токмо*) 245, 14; 248, 3, нигдѣ не встрѣчаемъ *тъчинъ*; объ этихъ словахъ см. у Ягича, *l. l.* 283, 343, 297.

Приведенныя нами четыре слова доказываютъ весьма старинный характеръ языка нашего текста; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы этотъ языковой типъ былъ совсѣмъ идентиченъ съ языкомъ первыхъ переводовъ Священнаго Писанія; укажу на одно замѣчательное отклоненіе: въ нашемъ «словѣ» нигдѣ не встрѣчаемъ существительнаго *съньмъ*, зато *съборъ* является 248, 14; 249, 4; 250, 4, 9/10; см. у Ягича *l. l.* 401 и сл., у А. В. МИХАЙЛОВА, Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ др.-слав. переводѣ (Варшава 1912), стр. 23—30. Укажу еще на одно слово, вообще рѣдкое, но встрѣчающееся довольно часто въ нашемъ текстѣ; это слово — *начатіи*; переводчикъ употребилъ его въ пяти мѣстахъ: 245, 28 *пѣдвигъ имощемъ к' начатію*, — 246, 11/12 *к'торѣи же пѣсни хоташи начатіе прѣати*, — 246, 21/22 *сеа же радости в'торѣи пѣсни начатіе... просвѣщающи*, — 246, 27 *хвалословію начатіе сътвори хомъ*, — 247, 15 *рекрв етеро начатіе сътвори*. Сомнѣваюсь, было ли это слово въ употребленіи у первыхъ переводчиковъ священныхъ текстовъ; Миклошичъ въ своемъ *Lex. palaeosl.* знаетъ его изъ Супрасльской рукописи и изъ Ап. Шиш.; здѣсь мы читаемъ I Петр. IV, 17: *іако врѣме въ начетни соудѣ вѣ храма божіа 'ѳи [ѳ] καιρός τοῦ ᾠρεῖσθαι τὸ κτίμα ἀπὸ τοῦ οἴκου τοῦ θεοῦ*'. Въ Охр. Ап. этого мѣста нѣтъ, въ Слѣпч. Ап. оно звучитъ: *іако врѣмѣ в начатцѣ сѣда и т. д.*, въ Христ. Ап.: *іако врѣмѣ начати соуду и т. д.* Было бы очень трудно восстановить первоначальный текстъ Константина и Меѳодія. Но даже еслибъ они на этомъ мѣстѣ употребили слово *начатіи*, тѣмъ не менѣе это слово не принадлежало бы къ обыкновенному ихъ словарному матеріалу.

Несмотря на такія отклоненія отъ словаря самыхъ древнихъ переводовъ, какъ *съборъ* и *начатіи*, вообще наше «слово» въ лексикологическомъ отношеніи примыкаетъ именно къ этой группѣ древнѣйшихъ текстовъ. Для характеристики нашего текста самое большее значеніе имѣютъ выше приведенныя слова: *отокъ*, *клинн*, *етеръ*, *тъкъмо*. Но старинный характеръ словарнаго матеріала не ограничивается ими; чтобы это показать, сообщу списокъ словъ, встрѣчающихся и въ древнѣйшихъ переводахъ Священнаго Писанія и въ из-

данномъ Франкомъ «словѣ». Числа, поставленные сразу послѣ церковно-славянскихъ словъ, обозначаютъ страницы и строки изданія ФРАНКА; JE. = JAGIĆ, *Entstehungsgeschichte*, 2-ое изд.; Мих. = Михайловъ, *Опытъ* (см. выше). Эта книга вышла въ 1912-омъ году, и Ягичъ уже не могъ пользоваться ею для второго изданія »*Entstehungsgeschichte*«. Зато весь матеріалъ, собранный многими учеными изъ разныхъ редакцій Свящ. Писанія до 1912-аго года, подвергнутъ Ягичемъ тщательному разбору въ главахъ LIV—LVII этой книги.

Вотъ мой списокъ: *дѣръ* 246, 16, JE. 301, — *благовѣрънѣ* 244, 7; 247, 3; 249, 6/7, JE. 473, *vita Cyr.*, *vita Meth.*, — *богатѣно* 250, 16, Охр. Шиш. Кол. III, 16, — *брашно* 245, 8 (тамъ-же *пища*) JE. 327, — *вина* 250, 1, JE. 330, — *възрѣѣти* 244, 10, Мих. 371, — *кѣторицежъ* 248, 30, Мих. 370, Л. Н. ТУНИЦКІЙ, *Книги XII малыхъ пророковъ*, Серг. Посадъ 1918, стр. IV, — *градъ* 249, 33, JE. 337, — *дѣлателѣ* 245, 8, JE. 342, — *изискати* 244, 3; 250, 15/16, Мих. 373, — *изнемошти* 250, 6, JE. 433, Мих. 374, — *искоушѣти*, *искоушѣние* 247, 4; 246, 28, JE. 366, 351/2, — *испльнѣти* 250, 26, JE. 288, Мих. 374, — *кадолики* 249, 16, *vita Meth.* и т. д., — *кикотѣ* 248, 22, JE. 311, тоже у Климента епископа, — *крѣпкѣ* 248, 6; 249, 23, JE. 357, — *лоуна* 246, 16, JE. 359, — *напастъ* 249, 15, JE. 351/2, — *нѣкли* 250, 2, ТУНИЦКІЙ, *l. l.* III, *Vita Cyrilli* и т. д., — *неоудобѣ сътворѣно* 245, 12, JE. 371, — *окрочити* 246, 25, JE. 372, — *ослабѣние* 245, 13, JE. 291, — *грѣхѣвъ оставлѣние* 246, 5, JE. 375—377 (ср. *отъпоушѣние* 245, 9?), — *пастырѣ* 245, 19, 24, JE. 291/2, — *пирѣ* 245, 4, JE. 416 (м. б. еще не въ евангелистарѣ, но во всякомъ случаѣ въ тетраевангеліи), Мих. 378, — *повѣдати* 244, 13, 17; 245, 10; 247, 5; 248, 20 (сов. и несов. вида), JE. 284, 287, Мих. 378, — *помышлѣние* 245, 7, 12, JE. 438, — *приготовати* 247, 10; 248, 25, JE. 297; см. тоже у Ягича, *Zum aksl. Apostolus II: Lexicalisches* (1), 128, у ВОСКРЕСЕНСКАГО, *Др.-слав. Апостолъ*, вып. III (Серг. Пос. 1908), 94; ясно, что II Кор. IX, 2, 3 этотъ глаголъ уже находился въ первоначальномъ славянскомъ текстѣ, хотя въ древнѣйшій періодъ оуготовати преобладалъ, — *причѣтъ* 245, 26; 249, 18; см. у Ягича, *Z. aksl. Ap.* II, 39, — *пролитіе* 246, 10, но неизнаемъ 245, 11, JE. 293, — *прѣришати* 249, 22, — *прѣспѣкати* 245, 27, *Vita Cyr.* и т. д., — *развѣчити* ли *расмотрити* 249, 12, Мих. 381 (расмотрити 'διακριεῖν') и 112, — *свѣшѣтнѣкъ*, *свѣтильнѣкъ* 247, 13 (и то и другое въ Евангеліи), — *сице* 245, 27 ('ita, sic', въ другихъ мѣстахъ м. б. 'hoc'), JE. 265, 404 и сл., Мих. 382, — *скинии* 248, 14, JE. 318, — *стадин* 248, 17, JE. 319, — *стѣпѣ* 248, 27, Мих. 382, — *сѣмѣшѣние* 250, 24, JE. 284, Мих. 383, — *тоу* 246, 25; 248, 28, 29; 249, 25, Мих. 105, — *оубоудити* 245, 23, Ев. и т. д. — *оупѣвание* 245, 6, 10/11; 249, 33; 250, 6, JE. 410, — *оуткрѣдити*, *-ждати* 250, 26/27; 245, 9, JE. 411, Мих. 385, — *хризма* 246, 4/5, JE. 313 и сл., — *хждогъ* 247, 4, JE. 430, — *языци* 248, 13, JE. 420 — *жтроба* 245, 15, JE. 421.

Общая картина не измѣняется отъ того, что въ нашемъ текстѣ встрѣчаются тоже нѣкоторые слова, извѣстные намъ преимущественно изъ позднѣйшихъ редакцій Священнаго Писанія, на прим.: *възникнѣти* 250, 2 (см. у Туницкаго, *l. l.* стр. IV), *заврало* 248, 31 (JE. 438), *подобие* 248, 9 (Мих. 38—40), *свѣшѣ(н)нѣкъ*

246, 12 (Jagić, *Ap.* II, 38), съвѣкупити сѧ 250, 10 (Мих. 383, Тун. II), тѣмъ 246, 13 (JE. 430). Трудно сказать, по скольку къ этой группѣ принадлежать и такія слова какъ снѣ 'sic' или приготовати, которыя встрѣчаются, правда, въ древнѣйшихъ текстахъ, но весьма рѣдко. На этомъ вопросѣ остановиться не нужно, такъ какъ вся эта группа менѣе старинныхъ словъ ничего новаго не прибавляетъ къ тому заключенію, которое мы вывели изъ словъ съборъ и начати: словарный матеріалъ нашего текста очень похожъ на тотъ, который намъ извѣстенъ изъ самыхъ древнихъ библейскихъ переводовъ, несмотря на нѣсколько весьма интересныхъ отклоненій.

*

Разборомъ словарнаго матеріала церковно-славянскаго перевода не рѣшается вопросъ объ авторѣ греческаго оригинала, котораго я коснулся въ началѣ этой статьи. Подвергая разбору языкъ этого славянскаго текста, я ставилъ себѣ задачу, опредѣлить его лексикологическій обликъ; все остальное оставалось на заднемъ планѣ. Работы ЯГИЧА и другихъ славистовъ въ области церковно-славянской лексикологіи убѣдили всѣхъ въ необходимости дальнѣйшихъ изслѣдованій. До сихъ поръ разбирались главнымъ образомъ книги Ветхаго и Новаго Заветовъ; здѣсь удалось различить лексикологическіе типы нѣсколькихъ школъ переводчиковъ и редакторовъ, между которыми существуютъ разные переходные типы. Остальные тексты изслѣдованы гораздо хуже: нѣсколько работъ, посвященныхъ Супрасльской рукописи, Іоанну Экзарху и т. д., представляютъ собою только первый шагъ, — а длинный путь еще впереди. Надо подвергнуть тщательному разбору языковыя особенности всѣхъ текстовъ, написанныхъ или переведенныхъ въ древне-церковно-славянскій періодъ, и опредѣлить, по скольку каждый изъ нихъ примыкаетъ къ тому или другому лексикологическому типу, извѣстному намъ изъ исторіи перевода Священнаго Писанія.

Лейденъ.

R E S U M É.

Das »Wort (Predigt) von der Transportierung der Reliquien des H. Clemens« wird von Brückner für eine Übersetzung der drei vom Bibliothekar Anastasius dem Slavenapostel Konstantin zugeschriebenen griechischen Schriften (Erzählung, Predigt, Hymnus) gehalten. Diese Auffassung ist zwar unbeweisbar, aber gewissermassen wahrscheinlich, während die vom letzten Herausgeber dieses Textes I. Franko verfochtene frühere Datierung der Auffindung der Reliquien und der Abfassung des Textes durch die hierfür angeführte Prolog-Legende nicht als bewiesen betrachtet werden darf. — Wie dem aber sein soll, auf jeden Fall ist die slavische Übersetzung in der ältesten Periode des Altkirchenslavischen entstanden; das ergibt sich hauptsächlich aus dem Vokabular; besonders wichtig sind die Wörter *otokъ*, *velii*, *eterъ*, *тѣло*. Der Wortgebrauch war jedoch mit dem der ältesten Bibeltexte nicht vollständig identisch; die wichtigsten Abweichungen sind *съборъ* und *начетіе*.

СИНАЙЦЫ ВЪ СЕРБИИ ВЪ XIV. ВѢКѢ.

Сербская народная традиція связываетъ съ именемъ Синая самую крупную реформу монастырей и монашеской жизни, какая извѣстна сербской исторіи.

Василій МАРКОВИЧЪ въ своей исторіи сербскаго монашества пишетъ, что къ концу XIV вѣка турки и междоусобія сербскихъ династовъ «уничтожили сербское монашество въ его центрѣ» Македоніи.¹ Монастыри были разрушены, а монахи бѣжали во владѣнія князя Лазаря и въ Черногорію, куда еще турки не успѣли проникнуть. «Вообще сербскіе монахи», прибавляетъ Марковичъ, «не умѣли поладить съ турками и бѣжали передъ ними».² Это утверждение неточно. Оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ сербамъ на Аѳонѣ, на Синаѣ и въ Палестинѣ, которые не хуже грековъ сумѣли ужиться съ турками. Не осталась безъ монаховъ и Сербія. Погибло лишь монашество стараго типа; на его мѣсто пришли новые люди, которые совершенно реформировали монашескую жизнь примѣнительно къ новымъ условіямъ.

Отъ МАРКОВИЧА это явленіе не ускользнуло. Сущность переворота онъ видитъ въ ослабленіи западныхъ элементовъ въ сербскомъ православіи и въ приближеніи его къ православію византійскому.³ Въ этомъ онъ вполне правъ. Но причины этого явленія онъ видитъ въ фактахъ внѣшняго характера: въ ослабленіи морскихъ связей Сербіи съ западной Европой и въ иммиграціи въ Сербію восточныхъ монаховъ.⁴ Но скорѣе напротивъ ослабленіе связей съ западной Европой явилось слѣдствіемъ переворота, происшедшаго въ сербской народной душѣ, потому что турки въ это время еще не овладѣли восточнымъ побережьемъ Адриатическаго моря и физическихъ препятствій для сношеній съ Западомъ еще не существовало.

Главная причина гибели стараго сербскаго монашества заключается въ самой его природѣ и въ глубочайшихъ основахъ его быта.

Уже ИРЕЧЕКЪ замѣтилъ, что роль сербскихъ монастырей въ колонизаціи земли и въ развитіи земледѣльческой культуры напоминаетъ роль крупныхъ аббатствъ въ Германіи и Бельгіи.⁵ Но, повидимому, сходство не ограничивается только этимъ.

Основанные или отъ основанія обновленные сербскими королями, осыпанные ими золотомъ и дарами, богато надѣленные имѣніями и населенными землями, такъ что превратились въ малые государства подобно феодамъ

¹ *Vas. Marković*, «Православно монаштво и монастири у средњевековној Србији» 1920, 123.

² *Ib.*, 124.

³ *Ib.*, 128.

⁴ *Ib.*

⁵ *Konst. Jireček*, Историја Срба, III, 194—195.

католическихъ аббатствъ,¹ сербскіе монастыри подобно имъ играли большую роль въ политической жизни своего народа. Они были опорой королевской власти въ ея борьбѣ со знатью,² обеспечивали своимъ кандидатамъ на престолъ побѣду надъ ихъ противниками.³ Ихъ представители принимали на себя посольства къ иностраннымъ государямъ⁴ и въ значительной мѣрѣ вліяли на внѣшнюю политику Сербіи.⁵ При такой тѣсной связи сербскихъ монастырей съ центральной политической властью естественно, что ихъ значеніе возвышалось и падало вмѣстѣ съ усиленіемъ и паденіемъ королевской власти. Не даромъ Марковичъ отмѣчаетъ, что сербскіе монастыри теряли свои имѣнья и значеніе «всякій разъ, какъ ослабѣвала центральная власть».⁶

Сербскіе монастыри, подобно католическимъ аббатствамъ, принимали участіе въ судѣ,⁷ держали въ своихъ рукахъ важнѣйшіе ярмарки и торги,⁸ имѣли привиллегіи торговаго,⁹ таможеннаго,¹⁰ экономическаго и юридическаго характера.

Велики заслуги средневѣковой сербской церкви и ея монашества. Вѣрная опора королевской власти, оно много содѣйствовало укрѣпленію сербской государственности и формированью сербской народности. Для поднятія королевскаго авторитета оно создало своеобразную историческо-агіографическую литературу. Оно ширило въ народѣ христіанскія воззрѣнія¹¹ и гуманныя понятія римскаго и византійскаго права.¹² Законникъ царя Душана въ значительной мѣрѣ дѣло его рукъ.¹³ Оно создало дивную, величественную церковную архитектуру и церковную живопись, художественное значеніе и красота которой еще недостаточно оцѣнены. Монастыри населили въ своихъ владѣніяхъ ремесленниками цѣлыя села,¹⁴ много содѣйствовали развитію земледѣлія,¹⁵ скотоводства, ремеслъ,¹⁶ торговли и вообще матеріальной культуры сербскаго народа. Но вся эта дѣятельность требовала капитала, огромныхъ средствъ, поддержки

¹ *Иб.*, 194.

² *Marković*, *op. cit.*, 52.

³ Ср. борьбу Милутина и Драгутина, *Jireček*, *op. cit.*, I, 255—256.

⁴ Напримѣръ, посольство Никодима Хиландарскаго къ имп. Андронику II: *Jireček*, I, 256—257.

⁵ Ср. роль сербскихъ монаховъ при восстановленіи отношеній между Сербіей и Цариградомъ въ 1375 году: *Jireček*, II, 87.

⁶ *Marković*, *op. cit.*, 123.

⁷ *Jireček*, *op. cit.*, III, 140 (въ двухъ мѣстахъ), 226.

⁸ *Иб.*, III, 225—226.

⁹ *Иб.*, III, 227.

¹⁰ *Иб.*, III, 225.

¹¹ Ср. наримѣръ, запрещеніе продажи христіанъ въ рабство иновѣрцамъ (*Jireček*, *op. cit.*, III, 229), борьбу церкви противъ кровавой мести (*ib.*, 157—158).

¹² Ср. борьбу церкви съ Божьимъ судомъ, отсутствіе въ сербскомъ правѣ судебного поединка, пытокъ для преступниковъ (*Jireček*, *op. cit.*, III, 143—144, 152—153).

¹³ *Marković*, *op. cit.*, 103.

¹⁴ *Jireček*, *op. cit.*, III, 184, 203.

¹⁵ *Иб.*, III, 194—195.

¹⁶ *Иб.*, III, 203—204, 206.

правительства. Все это должно было рухнуть, когда сербская земля наполнилась шайками алчных турецких грабителей.

Тогда на мѣсто этого монашества, преслѣдовавшаго главнымъ образомъ задачи политическаго и соціальнаго характера, пришло монашество восточнаго типа, ставившее себѣ главной цѣлью индивидуальную культуру человѣческаго духа. Оно было основано на нищетѣ, на личномъ трудѣ, отреченіи отъ міра, думало только о небесномъ царствѣ, о культурѣ души, стремилось къ духовному совершенству, аскетизму и мистицизму. У его представителей «нечего было украсть», а потому оно могло существовать и развиваться въ самыхъ, казалось бы, неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Оно замѣнило общежительный типъ монастырей скитскимъ;¹ монастыри стало строить не въ плодородныхъ равнинахъ, какъ въ старое время, а въ дикихъ горныхъ пустынныхъ и мало доступныхъ мѣстностяхъ;² создало новую мистическую и аскетическую литературу³ и новую церковную архитектуру, за которой специалисты, несмотря на бѣдность средствъ, которыми располагали строители, признаютъ больше самобытности и не меньше красоты, чѣмъ въ архитектурѣ предшествующаго періода.⁴

Кто были эти реформаторы и возродители монашеской жизни у сербовъ?

Народныя преданія связываютъ ихъ съ Синаемъ и называютъ синайцами. Главный изслѣдователь сербскаго монашества Марковичъ напротивъ говоритъ, что они «могли такъ называться развѣ по своему основателю» Григорію Синаиту, а пришли въ Сербію изъ Болгаріи.⁵

Конечно, Марковичъ правъ въ своемъ скептицизмѣ, поскольку дѣло касается знаменитѣйшаго изъ «синайцевъ» св. Ромила. Полугрекъ, полуболгаринъ, онъ, сколько можно видѣть изъ его біографіи, никогда не былъ на Синаѣ.⁶ Да и относительно другихъ «синайцевъ» нѣтъ никакихъ доказательствъ, что они пришли съ Синая, кромѣ народной легенды. Тѣмъ не менѣе Др. Тихомиръ ДЖОРДЖЕВИЧЪ вполне правъ, принимая съ довѣріемъ основу этой легенды и связывая этихъ «синайцевъ» съ Синаемъ.⁷

Великій обновитель мистицизма ГРИГОРІЙ СИНАИТЪ, грекъ изъ Кукуллона близъ Клазоменъ въ Малой Азіи, свое возвышенное ученіе о умномъ дѣланіи получилъ, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, отъ одного старца на Кипрѣ, но свою учительную и литературную дѣятельность началъ на Синаѣ, гдѣ постригся и провелъ три года. Здѣсь же приобрѣлъ онъ и своего перваго ученика Герасима, вѣрно слѣдовавшаго за нимъ повсюду. Лишь вслѣдствіе столкно-

¹ Marković, op. cit., 112, 128.

² Ib., 127.

³ Murko, Geschichte der älteren südslavischen Litteraturen, 1908, стр. 145—146.

⁴ Jireček, op. cit., III, 260—261.

⁵ Op. cit., 128.

⁶ Монаха Григорія «Житіе преподобнаго Ромила». Изд. Syrku. См. памятники древн. письменности и искусства, СХХХVI.

⁷ Tich. Džordžević, «Срби и Света Земља», Забавник, додаток Србскихъ Новина на Крфу, Бр. од 15. маја 1918 г., стр. 5.

веній съ возставшими противъ его дѣятельности синайскими монахами Григорій Синаитъ перенесъ ее на Аѳонъ, а затѣмъ въ Болгарію¹. Его пребыванію на Синаѣ біографъ святого КАЛЛИСТЪ придаетъ особенное значеніе. ико же бѣсѣдиѣцъ мѣншии ѡнѣ постигаѣтъ синайскую гору,² говоритъ онъ о прибытіи св. Григорія на Синай и утверждаетъ, что и впослѣдствіе его духъ всегда былъ полонъ памятью Синая: δὲ τῆς μύτης(ι)ю πάκι самῆς δὴ' синаϊσκῆς γόρυς ἵκνῃσι ἡ στήν κρῖ.³ Такимъ образомъ колыбелью новаго ученія является Синай. Поэтому неудивительно, что оно напоено духомъ ѡиваидскихъ и синайскихъ пустынь, и нельзя говорить, что его послѣдователи въ Сербіи могли называться синайцами развѣ только по прозвищу своего учителя.

Ученіе Григорія Синаита еще при его жизни стало распространяться и въ Сербіи. Объ этомъ имѣемъ свидѣтельство того же КАЛЛИСТА въ его житіи св. Григорія: οὐδένα σκεδὸν παρεῖλε τόπον τῇ ἐντεῦθεν συνεργίᾳ νεορούμενος καὶ ἐνδυναμούμενος, μὴ μόνον Ῥωμαίων φημί, καὶ Βουλγάρων, ἀλλὰ καὶ αὐτῶν δήπου τῶν Σερβῶν καὶ ἐλέχεια. То же сообщаетъ онъ и въ житіи св. Θεодосія: σλῶχ' же ѡ немѣ (св. Григоріи) прѣиде не точно въ самомъ болгарскомъ народѣ, но и въ сербы, и оугры, и влахи, еще же и въкрестъ мнѣбра жнѣщихъ.⁴ И краткое славянское житіе св. Θεодосія подчеркиваетъ успѣхъ ученія св. Григорія въ Сербіи: ни едино же ѡноуδѣ δѣтаки мѣсто ѣже ѡсоудѣ поспѣхъсткѣ въ жѣлкѣ и въ змогаѣ не токо грѣческоѣ глѣю и блѣгарское, нѣ и тѣхъ самѣхъ срѣбенъ и ваще еже и с союими оуѣнѣки прилѣжнѣйше дѣло сътворити и тамо възмѣлкѣе дѣброе скѣтлостію дѣил'но въсѣати.⁵ Одинъ изъ его ближайшихъ учениковъ Іаковъ былъ впослѣдствіи митрополитомъ сербскимъ.⁶ Это, очевидно, Іаковъ, митрополитъ сѣрскы, т. е. Серескій, съ которымъ мы встрѣтимся ниже.

И славянскіе послѣдователи Григорія Синаита помнили о Синаѣ и культивировали связи съ нимъ. Въ своихъ монастыряхъ они строго придерживались устава Синайской Горы, «ни въ чемъ не отступая отъ него». Краснорѣчивое свидѣтельство объ этомъ находимъ у ГРИГОРІЯ ЦАМБЛАКА, который сообщаетъ о св. Θεодосіи: сѣи синаϊскаго онаго многаго въ боговидѣніи Григоріа на слѣдова ѡмногъ житиѣ правило непрелестное, иже калифарскѣя горы испытнымъ разумѣ уставомъ, ни въ чемъ же синаϊскѣя горы остаѣти управѣ; и онаго ѡбо блаженныи Θεодосіе, сего же чудныи ѡвдиміе приимникъ житію и молитвѣ бѣлаше.⁶ Такимъ образомъ св. Θεодосій въ основанномъ имъ въ окрестностяхъ Килифарева монастырѣ ввелъ, подражая своему учителю Григорію Си-

¹ См. греческое житіе Григорія, написанное Каллистомъ, патріархомъ цариградскимъ, изд. *Pomjalouskij* въ Петербургѣ 1894.

² Пользуюсь старымъ славянскимъ переводомъ. См. Житіе Григорія Синаита, составленное константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ, изданное *Syrku* въ Памятникахъ древней письменности и искусства, CLXXII, стр. 5; ср. и дальше стр. 5—7.

³ Цитирую по работѣ *Syrku*: Житіе Григорія Синаита, стр. LXXXIII.

⁴ Гласник, IX. 252.

⁵ *Syrku*, Житіе Григорія Синаита, стр. XX—XXI.

⁶ Григоріи архиепископа Росніскаго слово похвалное, иже въ свѣтыхъ штицѣ нашемъ ѡвдимію, патріарху Терновскому. Изд. архим. *Leonid*. Гласник, XXXI, стр. 263.

наиту, синайскій монастырскій уставъ и передалъ синайскую традицію и ученику своему св. Евѣимію, впослѣдствіи патріарху Тырновскому. Можемъ думать, что и другіе ученики св. Григорія не менѣе свято хранили традиціи синайскаго монашества.

И литература, которую читали они, также показываетъ на ихъ особенный интересъ къ Синаю. По изслѣдованію СЫРКУ, единственными литературными источниками житія св. Ромила, которое написалъ Григорій, являются, кромѣ трудовъ Григорія Синаита, Лѣствица Іоанна Лѣствичника и Лугъ Духовный Іоанна Мосха,¹ слѣдовательно, исключительно памятники синайской литературы, что не можетъ быть простой случайностью.

Они старались и сами поддерживать непосредственныя сношенія съ Синаемъ. Такъ упомянутый выше сѣрскій митрополитъ ІАКОВЪ въ 1360 году послалъ въ синайскій монастырь Св. Богородицы для нуждъ сербской братіи нѣсколько книгъ съ тремя записями на нихъ одинаковаго содержанія: двумя на церковнославянскомъ языкѣ: въ Тріоди XIV в., № 23, л. 393, и въ Пентикостарѣ, XIV в., № 24, л. 373, и одной на греческомъ: въ Пентикостарѣ же, л. 373 об. Запись начинается восторженнымъ четверостишіемъ, которое показываетъ всю силу стремленія автора къ знаменитой горѣ:

Ќ сина ѡ с'ѣкта монога сина/ниѣ.

Ќ синай силно мой / к тѣбѣ желаніѣ.

Йже къ ѡгни неѡпалимаа съблюде се.

съблюди ме / ѡ ѡгнѣ вѣчноующаго.²

Основатели новаго монашества напоминали синайскихъ подвижниковъ и образомъ жизни, живя аскетами, въ нищетѣ и молитвѣ, одиноко, въ пустыняхъ и пещерахъ и ведя мистическую борьбу съ бѣсами. А своей демократичностью и близостью къ народу, который они учили Евангелію и правильной вѣрѣ, наставляли словомъ и примѣромъ въ христіанской нравственности и къ которому въ трудныхъ случаяхъ приходили на помощь совѣтомъ, молитвой и чудесами, они очень напоминаютъ дѣятельность синайскихъ старцевъ и монаховъ, сборщиковъ милостыни, какъ ее изображаетъ еп. Порфирій.³

Всѣ эти многочисленныя нити, связывавшіе новое монашеское движеніе съ Синаемъ, не ушли отъ вниманія сербскаго народа, и онъ окрестилъ его представителей «синайцами».

Къ тому же весьма возможно, что нѣкоторые изъ этихъ «синайцевъ» дѣйствительно были сербскими монахами изъ Синая, гдѣ въ монастырѣ Св. Богородицы въ то время была значительная сербская колонія, которые вернулись на родину и приняли участіе въ новомъ религіозномъ движеніи.

¹ Памятники др. письм. и искусства, СХХХVI, стр. XVI.

² Текстъ воспроизвожу по ркп. № 24 по собственнымъ замѣткамъ. Остальную часть записи см. *L. Stojanović*, Записи, I, № 116.

³ Второе путешествіе въ Синайскій монастырь архим. *Porfirija Uspenskago* въ 1850 году. Спб., 1856, стр. 394.

DIE »SINAITEN« IN DER MÖNCHSGESCHICHTE SERBIENS
IM XIV. JAHRHUNDERTE.

(Resumé.)

Es wird behauptet, daß am Ende des XIV. Jahrhunderts die türkische Katastrophe und die Zwistigkeiten der serbischen Dynasten das während des Mittelalters aufblühende serbische Mönchtum vernichtet haben. Das ist aber nicht richtig. Vielmehr soll man sagen, daß das serbische Mönchtum in der ange-deuteten Zeit eine innere Umwandlung durchgemacht hat, die natürlich mit den Ereignissen der politischen Geschichte in engem Zusammenhange steht.

Das Mönchtum des alten aufblühenden mittelalterlichen Serbiens hatte, wie schon Konst. Jireček erkannt hatte, für das innere Leben des Staates fast dieselbe Bedeutung, wie die großen Abteien Deutschlands und Belgiens. Die Klöster, von den serbischen Königen reich begütert, spielten eine große politische und kulturelle Rolle. Sie waren Stütze des Thrones und der Dynastie, die sie in ihrer hagiographischen Literatur beredsam verherrlichen wussten, sie übten einen unverkennbaren Einfluß auch auf die Außenpolitik Serbiens aus, sie waren die höchste Pflegstätte der serbischen Kunst, insbesondere der ausgezeichneten Malerei, sowie auch einer feineren Lebensanschauung und höheren Gelehrsamkeit. Alle diese Tätigkeit erheischte große materiellen Mittel und mußte natürlich enden, sobald die begierigen türkischen Truppen das Land gefüllt haben.

An die Stelle des politisch und sozial interessierten Mönchtums des älteren und westlichen Typus kam nun der östliche Typus des Mönchenlebens, der, an der Armut und Verneinung der Welt begründet, sein Ziel nur in der inneren Reinigung der Menschenseele sah. Die Klöster wurden nicht mehr in den fruchtbaren Ebenen und Tälern, wie früher, sondern in verschiedenen schwer zugänglichen Berggegenden gebaut, das Einsiedlerleben wurde bevorzugt. Die Volkstradition erklärt, Ursache dieser Umwandlung sei der Berg Sinai gewesen und nennt daher die Mönche des neueren asketischen Typus »Sinaiten«. Diese Tradition erscheint im Lichte der historischen Analyse des Verfassers richtig. Man kann die Lehre des *Gregorios Sinaites* direkt als Grundlage und Vorbild dieses jüngeren, asketischen serbischen Mönchtums bezeichnen. Der Verfasser findet mehrere Belege für diese Meinung, u. zw. in der kirchenslavischen Literatur. Man kann sogar zugeben, daß es nicht nur literarische Zusammenhänge, sondern auch persönliche Berührungen gab, denn irgendwelche »Sinaiten« waren serbische Mönche, die vorher auf dem Berge Sinai gewirkt hatten, wo eine nicht geringe serbische Kolonie im Marienkloster lebte

ЕДНА ДАТИРАНА ПРИПИСКА НА ГРЪЦКИ ОТЪ СРЪДАТА НА XI. ВЪКЪ.

Въ codex Paris. Coislinianus N° 263 въ края на знаменитото съчинение на известния игуменъ на Синайския манастиръ, ИОАНА ЛЪСТВИЧНИКА (VI—VII. вѣкъ), «Лѣствица райская» (Κλίμαξ τοῦ παραδείσου, Scala paradisi), която представя 30 беседи за 30-тѣ различни степени на духовното издигане къмъ усъвършенствуване — настолна книга за монаситѣ (преведена на много езици и на старобългарски още въ X. или въ XI. вѣкъ), се намира (f. 157^v) следната интересна приписка:

Ἐτελιοθη ἡ παναρετος κλήμαξ προστάξη Ἐυσταθίου πρωτοσπαθαρίου καὶ ὑπάτου τοῦ Βοήλα· διὰ χειρὸς ἐμοῦ Θεοδούλου μοναχοῦ καὶ ἡ (= προέδρου) τῆς ὑπεράγιας Θεοτόκου Σαλημ ἀμφωτεροὶ Καλπαδοκαί, ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰσακίου τοῦ Κομνίνου καὶ πατριαρχοῦ τῆς βασιλεὸς Κωνσταντίνου προέδρου καὶ πρωτοβεσσηαρίου καὶ Θεόδωσιου Ἀντιοχ[είας] εἰτους ς φ ξ ζ, ἰνδ. ιβ, μηνὶ Ἀπριλίου δ', ὡρα ζ', τῷ ἁγίῳ καὶ μεγαλῷ Σαββάτῳ καταπάνω Ἐδέσης Ἰωάννου τοῦ Δουκῆτι, δουκῶν[τος] Ἀδριανοῦ Αντιῶ Ἀσραων προέδρου καὶ αὐταδέλφου τῆς αὐγουστῆς Μεσολοταμίας, Βασιλείου μαγιστροῦ τοῦ Παραδούναβι, Ἰωάννου μοναστηριότου Ἡβηρίας, Πακράτιου βασιλέως Ἀσπρακανίας καὶ Ἰωάννου κοροπαλάτου καὶ δομεστίκου τῶν σχολῶν αὐταδέλφου τοῦ βασιλέως Κομνηνοῦ:—

Тая приписка за пръвъ пѣтъ биде издадена отъ Н.-А. Omont въ неговитѣ «Facsimilés des manuscrits grecs datés de la Bibliothèque Nationale du IX^e au XIV^e siècle»,¹ обаче не съвсемъ удовлетворително. Затова възъ основа на същитѣ факсимилета (planche XXVI¹) гръцкиятъ историкъ Сп. Ламбросъ отново я издаде въ своята „Ἐνθυμήσεων ἤτοι χρονικῶν σημειωμάτων συλλογὴ πρώτη“.² Споредъ това второ издание ние предаваме тукъ текста на приписката съ всичкитѣ ѿ дефекти; а съ пълненъ и точенъ преписъ отъ него можахме да се сдобиемъ чрезъ любезната услуга на проф. М. Ласкарисъ (Солунъ), комуто изказваме тукъ дълбоката си благодарностъ.

*

И тъй, ние имаме предъ себе си една приписка отъ XI. вѣкъ, писана на 4. априль въ 7 часа (ок. 1 часа по пладне) на великата (страстната) сѣбота презъ 12. индиктионъ или въ 6567 отъ С. М., или въ 1059 отъ ХР. година,³ въ

¹ Paris 1890. Notice des planches, p. 6.

² Вж. Νεὸς Ἑλληνομνήμων, т. VII. (1910), бел. 113—312; нашата приписка се намира на стр. 130—131, N° 10.

³ Тая година напълно отговаря на 12. индиктионъ, обаче има грѣшка въ днитѣ на месеца, защото презъ 1059 год. на 4. априль са пада самиятъ Великденъ, следов. великата сѣбота била на 3. априль.

царуването на византийския императоръ ИСААКА I КОМНИНЪ, който билъ прогласенъ отъ съзаклетниците за императоръ още на 8. юний, а коронясанъ на 2. септемврий 1057 год., и се отрекълъ отъ престола въ началото на декемврий 1059 год.,¹ презъ патриархуването 1. на цариградския патриархъ Константина проедра и протовестиария Лихуда,² който завзель патриаршеския престолъ въ края на януарий или въ началото на февруарий 1059 г., а се поминалъ въ края на юлий или въ началото на августъ 1063 год.,³ и 2. на антиохийския патриархъ Теодосия, който ще да е едно и сѣщото лице съ споменувания у Скилица-Кедрина антиохийски патриархъ Теодора, а последниятъ е известенъ по това, че е взель участие въ агитацията въ полза на Исаака Комнина, когото той пръвъ прогласилъ въ 1057 г. за императоръ въ църквата Св. София въ Цариградъ.⁴ И тъй, дадената отъ монаха Теодула дата на приписката напълно отговаря на времето на посоченитъ отъ него исторически лица. Обаче той не се задоволилъ да посочи само лицата, които стояли въ онова време начело на свѣтската и духовната власти въ империята, а следъ подробната дата, която раздѣля приписката на две части, привежда и имената на други, очевидно, високопоставени личности, които сж заемали известни длѣжности въ източнитъ области на империята, когато той е писалъ приписката, а това обстоятелство придава на последната, както ще видимъ, още по-голяма цена.

Така, на първо мѣсто въ втората часть се отбелязва, че «катепанъ на Едесса»,⁵ т. е. на тема Долна Мидия или още на тема «Поевфратскитъ градове» по горното и срѣдното течение на р. Евфратъ съ главенъ градъ Едесса, въ 1059 год. билъ ИВАНЪ ДУКИЦА, въ когото ще трѣба да видимъ брата на въцарилия се презъ декемврий 1059 г., следъ абдикацията на Исаака I Комнинъ, Константина X Дука (1059—1067), който така сжщо се наричалъ Дукица.⁶ Тая данна е твърде важна, защото възъ основа на едно известие на Матей Едесски досега се приемаше, че при Исаака I Комнинъ управителъ въ Едесса билъ именно Константинъ Дука, който, следъ като Исаакъ I станалъ императоръ, се отказалъ отъ длѣжността кесаръ, въ която билъ издигнатъ отъ съзаклетни-

¹ Н. Скабалановичъ, Византийское государство и церковь въ XI вѣкѣ. С.-Петербургъ 1884, стр. 78—80.

² М. *Ataleiata*, ed. Bon. p. 66, 12-13: πατριάρχης Κωνσταντίνος προέδρος καὶ πρωτοβεστιάριος ὁ Λεχουόνης. — Ср. *Skylitzes*, ed. Bon., p. 644, 19. — *Zonaras*, ed. Dindorfii, t. IV, p. 194.

³ Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 390 и 396.

⁴ *Skylitzes-Cedrenus*, ed. Bon. t. II, p. 636, 13-14. — Н. Скабалановичъ, пакъ тамъ, стр. 420 и 421.

⁵ Въ текста се чете: καταπάνω Ἐδέσης вм. κατεπάνω Ἐδέσσης.

⁶ *Muratorii* *Rezum ital. script.* t. V, p. 152, A: *Comminiano* (*Comnenus*?) *voluntarie dedit Domino suo Constantino Dukizzi et induit sibi habitum monachicum.* Дюканжъ (*Familiae byzant.*, p. 161) посочва, че името Dukizzi е славяно-латинска форма на гръцката дума Дука. — Ср. *Gfrörer*, *Byzantinische Geschichte*, Graz 1877, Bd. III, S. 640, Ammer. 1. Обаче окончателното иѣа има умалително значение; така, напр., царъ-Самуиловиятъ пълководецъ Никола билъ нареченъ Нико[у]лица поради малкия си ръстъ (*Skyl.-Cedr.* ib., p. 452, 20-21), внукухъ Никифоръ умалително билъ нареченъ Никифорица (*Skylitzes*, ib., p. 706, 1-2. — *Zonaras*, ib., t. IV, p. 219, казва, че той билъ нареченъ така поради своята младостъ още при двора на Константина IX Мономахъ).

цитът против Михаила VI Стратиотикъ, напусналъ двореца и се отстранилъ въ провинцията — въ Едесса, отгдето въ края на 1059 г. билъ извиканъ да заеме престола; а отъ едно не съвсемъ ясно намекване на М. Пселла се прави заключение, че между Комнина и Дука съществували натегнати отношения, които се дължали на нѣкакви-си неизпълнени обещания отъ страна на Исаака I къмъ Константина.¹ Отъ нашата обаче приписка се ясно установява, че тъкмо презъ 1059 год. катепанъ-управителъ на Едесса билъ Иванъ Дука, братътъ на Константина Дука, а това ни дава достатъчно основание да отхвърлимъ известието на Матей Едесски като невѣрно и да приемемъ съобщението на Михаила Аталиата, че вестархъ Константинъ Дука презъ управлението на Исаака I Комнинъ пренасялъ всичко заедно съ него, билъ му помощникъ и пръвъ съветникъ и билъ удостоенъ отъ него и съ приятелство, и съ почестъ, и дори съ право на наследство;² тия отношения между двамата ясно показватъ, че Константинъ Дука постоянно се намиралъ при Исаака I, а следов. Иванъ Дука е билъ катепанъ на Едесса до края на Исааковото управление и само следъ въцаряването на Константина X Дука той билъ издигнатъ въ кесарь, на която длъжностъ останалъ и при Романа IV Диогенъ (1067—1071), и при Михаила VII Параниакъ (1071—1077).

На второ мѣсто е поставено въ нашата приписка името на антиохийския дука АДРИАНА.³ Редътъ на антиохийскитъ дуки за дадената епоха е известенъ: при Константина IX Мономахъ (1042—1055) тамъ билъ Романъ Склиръ, при императрица Теодора (1055—1056) — магистеръ Катакалонъ Кекавменъ, на мѣстото на когото при Михаила VI Стратиотикъ билъ назначенъ императорскиятъ племеникъ Михаилъ Уранъ,⁴ а при Константина X Дука билъ изпратенъ за такъвъ известниятъ интригантъ евнухъ Никифоръ или Никифорица, който се проявилъ тамъ съ своята жестокостъ, несправедливостъ и користолюбие.⁵ Съ данната на нашата приписка се попълва тоя списъкъ на антиохийскитъ дуки, защото тя ни казва, че при Исаака I Комнинъ дука на Антиохия билъ Адрианъ. Кой е билъ тоя Адрианъ, остава неизвестно, защото въ византийскитъ извори за даденото време нийде не се споменува нито единъ Адрианъ. Съ това име е известенъ четвъртиятъ синъ на Ивана Комнина, брата на Исаака I,⁶ но той не е могълъ да бжде въ това време антиохийски дука, защото билъ

¹ Н. Скабалановичъ, п. т. стр. 87—88 и 196.

² *Attaleiata*, ib., p. 56, 14-19: Καὶ γὰρ τῷ Κομνηνῷ τὰ πάντα συνδιαφέρων ἦν καὶ συμπαράγων καὶ τῆς πρώτης βουλῆς γινωσκόμενος, ὡς καὶ τῆς φιλίας, καὶ τῆς ἀξίας καὶ τῆς ἀγχιστείας ἐγγύτατος, ὁ βεστάρχης Κωνσταντῖνος ὁ Δούκας,, καὶ πολλὴν εὖνοιαν διδοὺς καὶ λαμβάνειν ἐκεῖθεν.

³ Въ приписката думата δουκῶντος произлиза отъ изкуствения глаголъ δουκάω, който не се намира нито въ класическия, нито въ византийския гръцки речникъ, и означава: «азъ съмъ дука»; затова δουκῶντος Ἀδριανοῦ Ἀντιοχείας значи: «когато Адрианъ билъ дука на Антиохия».

⁴ *Skyl.-Cedr.*, ib., p. 615, 4-9. — Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 194.

⁵ *Attaleiata*, ib., p. 180, 14—181, 10. — Н. Скабалановичъ, п., т. стр. 110.

⁶ N. Bryennius, ed. Bon., p. 19, 13.

още малко момче.¹ Но, ако се вземе въ внимание, че името Адрианъ се често среща въ рода на Даласиновци, отъ който произлиза жената на Ивана Комнинъ или майката на Алексия I Комнинъ (1081—1118),² то може съ известна достовѣрност да се приеме, че нашиятъ Адрианъ е билъ нѣкой близъкъ роднина на Комниновци, комуто била повѣрена такава важна длѣжностъ.

Както обстоятелството, че авторътъ на приписката наредъ съ имената на съвременнитъ византийски императоръ и цариградски патриархъ поставилъ и името на антиохийския патриархъ, показва, че той се намиралъ въ диоцеза на антиохийската патриаршия, тѣй и означаването на първо мѣсто следъ това името на тогавашния катепанъ на гр. Едесса, а на второ мѣсто името на антиохийския дука, иде да установи, че авторътъ на приписката, Теодулъ монахъ и проедъръ на църквата Св. Богородица Салимъ, е живѣлъ въ това време въ гр. Едесса, гдето, очевидно, се намирала и самата църква; оттука и прото-спатарий и ипатъ (консулъ) Евстатий Воила, кападокиецъ, по чиято заповѣдъ монахъ Теодулъ преписалъ «Лѣствицата», ще да е живѣлъ сѣщо въ Едесса. Кой е билъ тоя Евстатий Воила и каква длѣжностъ е заемалъ тамъ, остава неизвестно. За единъ Евстатий кападокиецъ споменува Н. Вриенний, че билъ единъ отъ най-довѣренитъ лица на Михаила VII Парапинакъ, и затова императорътъ, увѣренъ отъ завистниците на Никифора Вриенния, какво последниятъ замислѣлъ тирания, го изпратилъ въ Илирия при Вриенния, за да разузнае, истина ли е това донесение.³ Обаче, дали тоя Евстатий е сѣщиятъ, нашиятъ, не може да се установи, защото не сж дадени нито титлата, нито длѣжността му.

Въ нашата обаче приписка има още една особеностъ: следъ името на антиохийския дука Адриана при имената на следващитъ личности авторътъ ѝ поставя само чиноветъ имъ, но не и длѣжноститъ имъ, а това до известна степенъ затруднява опредѣлението, кои сж били самитъ личности. Нѣма обаче съмнение, че следващата личностъ — проедъръ ААРОНЪ, за когото въ приписката се казва, че билъ *αὐταδέλφος* — сѣщински братъ на императрицата, т. е. на жената на Исаака I Комнинъ, не може да бжде другъ, освенъ *Ааронъ, третиятъ синъ на българския царъ Ивана-Владислава (1015—1018)*, защото неговата сестра Екатерина била оженена за Исаака I Комнинъ.⁴ Следъ покорението на България отъ Василия II той заедно съ майка си и другитъ си братя и сестри билъ откаранъ въ 1018 год. като пленникъ въ Цариградъ и по-сетне изпратенъ на служба въ Мала Азия, но каква е била на първо време тая служба, не е известно. Само при Константина IX Мономахъ Ааронъ въ чинъ «вестъ» (*βέστης*)

¹ *Ibidem*, p. 25, 11-14.

² *Anna Comnena*, edit. Teubn. I, p. 113, 14-18.

³ N. Bryennius, *ib.*, p. 103-104. — Отъ рода Воила е известенъ Романъ Воила, който чрезъ своитъ хитрости и ласкателства спечелилъ пълното довѣрие и привързаностъ на Константина IX Мономахъ. — За него вж. *Skyl.-Cedr.*, *ib.*, p. 605, 1-25.

⁴ *Skyl.-Cedr.* *ib.*, p. 625, 13; B. Prokii, Die Zusätze in der Handschrift des Joh. Skylitzes. München 1906, S. 36 (No 66). — *Ibidem*, p. 573, 23. — *Ibidem*, p. 628, 1-2. — N. Bryennius, *ib.*, p. 19, 3-4, погрѣшно нарича императрица Екатерина дочеря на царъ Самуила.

се явява управителъ (ἄρχων) на тема Горна Мидия или Васпураканъ и като такъвъ много и сполучливо воювалъ противъ турцитѣ.¹ Затова Скилица-Кедринъ го характеризира на едно мѣсто като «мжжъ храбръ, разуменъ и опитенъ въ военната битка»,² а на друго мѣсто като «мжжъ закаленъ въ много бойове».³ По-късно въ 1057 г. ние го срещаме въ Цариградъ вече въ чинъ «магистеръ», гдето той взема активно участие въ борбата на Исаака Комнинъ съ Михаила VI Стратимотиъ, като станалъ на страната на последния заедно съ други византийски пълководци, но билъ разбитъ отъ Исаака въ сражението при Никея.⁴ Въ 1059 г., споредъ нашата приписка, той носѣлъ вече чинъ «проедъръ», т. е. една степенъ по-горе, но каква длъжностъ е заемалъ тогава, авторътъ на приписката не отбелязва. Присъствието на името Μεσopotamίας въ род. пад. явно сочи, че тя може да се постави въ зависимостъ не отъ τῆς αὐτοῦσ-της, защото би се получила безсмислица, а само отъ πρῶτος; но и това съчетание не може да се приеме, защото проедъръ, както се каза, не е длъжностъ, а само чинъ. Остава още едно предположение, а именно: не би ли могло да се допусне, че думата δουκῶντος при Адриана се отнася и къмъ Аарона, и тогава да смѣтаме последния като дука на тема Месопотамия? При посоченитѣ по-горе политически отношения на Аарона къмъ своя зеть — императора едва ли би могло да се даде положителенъ отговоръ на горния въпросъ. Но ние имаме и други данни, които ни довеждатъ сѣщо до отрицателенъ отговоръ.

Споредъ известието на арменския писателъ Аристакеса Ластивертски (отъ втората половина на XI. вѣкъ), още при Константина IX Мономаха за дука на Месопотамия билъ назначенъ магистеръ Григорий, синъ на Васага, отъ рода на Беглавунитѣ, следъ като предалъ на императора владенията си въ Велика Армения. Управлението на Месопотамия му било дадено въ наследствена собственостъ и условията на тая привилегия били изложени въ специална грамота. Поради това следъ смъртта на магистра Григория (1066), споредъ свидетелството на Матей Едесски, владенията му въ Месопотамия и титлата дука получилъ по-голямиятъ му синъ Вахрамъ.⁵ При наличността на тия факти ясно става, че въ 1059 год. Ааронъ не е могълъ да бѣде дука на Месопотамия, защото тогава такъвъ билъ тамъ магистеръ Григорий, а следов. думата δουκῶντος въ нашата приписка по никой начинъ не може да се отнесе и къмъ него. Тогава какво е представлялъ проедъръ Ааронъ въ Месопотамия? Очевидно, той е заемалъ тамъ нѣкоя важна длъжностъ, защото иначе името му не би попаднало въ нашата приписка. Като имаме предъ видъ, 1. че Ааронъ билъ повишенъ въ проедъръ несъмнено отъ Исаака I, защото въ 1057 г. той билъ все още магистеръ, и 2. че проявенитѣ отъ него военни способности и храбростъ въ борбата противъ турцитѣ въ Мала Азия го представляли като добъръ

¹ Skyl.-Cedr., ib., p. 573, 23—580, 19.

² B. Prokiz, п. т., стр. 36 (№ 56): γενναῖος ἀνὴρ, καὶ συνετὸς καὶ πολεμικῆς ἔμπειρος μάχης.

³ Skyl.-Cedr., ib., p. 628, 1-3: ἐν πολλοῖς ἀγωνίσμασι κατῆθλημένον ἄνδρα.

⁴ Ibidem, p. 627—631. — Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 74—75.

⁵ Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 198 и цитираниѣ тамъ извори.

пѣлководецъ, ние сме наклонни да предположимъ, че императоръ Исаакъ I го издигналъ въ повисокъ чинъ и, за да го отстрани отъ Цариградъ, изпратилъ го въ най-източната областъ на империята въ качеството на командущъ войскитѣ въ Месопотамия, може би, предъ видъ на това, че магистеръ Григорий не билъ въ състояние да води успѣшно борбата съ постоянно нападащитѣ по тая граница турци.

Следната личностъ въ нашата приписка е Βασίλειος μάγιστρος ὁ Παραδούναβις, чиято длѣжностъ сѣщо така не е означена. Тоя тѣкмо пропускъ далъ основание на г. Н. БАНЕСКУ, професоръ въ Клужския университетъ (Ромѣния), който твърди, че думата δουκῶντος (която, споредъ него, трѣбва да се чете δουκεύοντος) при Адриана Антиохийски се отнася и къмъ тоя магистеръ ВАСИЛИЯ, да види въ последния дука на темата Паристрийски (= Придунавски) градове или Паристрионъ и да го идентифицира съ известния византийски пѣлководецъ отъ сръдата на XI. вѣкъ Βασίλειος ὁ ἀπὸ Κάλης или въ една дума ὁ Ἀποκάλης, безъ да подтвърди или поне да подкрепи това си твърдение съ нѣкои доказателства.¹ Но да видимъ, доколко г. Банеску е правъ.

Преди всичко, щомъ думата δουκῶντος не може да се отнесе къмъ проедра Аарона, който стои по-близу до нея, както по-горе се посочи, то ео ipso тя още по-малко може да се отнесе и къмъ магистеръ Василия; но главното, което г. Банеску изпусналъ изъ-предъ видъ, е това, че темата на Придунавскитѣ градове въ даденото време не е била още тема-дукатъ, а само тема-катепанатъ. Не позволява да се твърди, че магистеръ Василий билъ както дука, тѣй и архонтъ-управителъ на Придунавскитѣ градове още и следниятъ исторически фактъ: презъ априлъ 1059 г. византийската властъ все още не била възстановена въ областъта на Придунавскитѣ градове, гдето били здраво заседнали още отъ 1049 г. печенезитѣ и изгонили оттамъ византийскитѣ войски. Възстановяването на византийската властъ тамъ е могло да стане само въ края на лѣтото или въ началото на есенъта 1059 год., именно, следъ похода на Исаака I Комнинъ по-напредъ противъ маджарския кралъ Андрея I (1046—1061), който въ 1059 г. билъ нарушилъ мирнитѣ отношения съ Византия, но който побързалъ да възобнови мира чрезъ пратеници, щомъ императорътъ пристигналъ въ Сръдецъ (София), и после противъ печенезитѣ, които отново се раздвижили противъ империята, напращани, както се предполага, отъ маджарския кралъ, и почнали пакъ да опустошаватъ византийскитѣ земи на полуострова. Само следъ усмирението на печенезитѣ, които тоя пѣтъ не оказали почти никаква съпротива, защото между отдѣлнитѣ печенежки колѣна нѣмало съгласие и единомушие, и затова тѣ едно подиръ друго признали властъта на императора и се обещали да запазятъ вѣрностъ, и следъ одържаната голѣма победа надъ печенежкия главатаръ Селте, императорътъ можалъ да назначи началникъ-

¹ N. Bănescu, Changements politiques dans les Balkans après la conquête de l'empire bulgare de Samuel (1018). Nouveaux duchés byzantins: Bulgarie et Paristrion. Bulletin de l'Académie Roumaine. Section historique. t. X (1923), p. 70—71. ~ *Отъ сжция*, Les premiers témoignages byzantins sur les Roumains du Bas-Danube. Byz.-Neugr. Jahrbücher, Bd. III (1922), S. 294—295.

управителъ на Придунавскитѣ градове, както това се потвърждава и отъ думитѣ на М. Аталиата, който пише, че, следъ като разбилъ и обърналъ въ бѣгство Селте, «императорътъ, като завладѣлъ убѣжището (жилището му), оставилъ гарнизонъ и назначилъ стратигъ, радостно извършилъ връщането» (въ столицата).¹

И тъй, магистеръ Василий въ приписката по никоѣ начинъ не е могълъ да бѣде презъ априлъ 1059 г. нито «дука на Паристрионъ», нито изобищо дука, но същевременно той не може да се идентифицира съ Василия Апокапъ,² който се явява съ титла магистеръ само въ 1064 г.,³ т. е. къмъ края на царуването на Константина X Дука, а порано презъ 50-тѣ години на XI. вѣкъ той носилъ титлата патриций, както, напр., въ 1053 г., когато защищавалъ крепостъ Манцикиертъ противъ турцитѣ.⁴ Сжщо така Василий Апокапъ не е могълъ да бѣде архонтъ въ Придунавскитѣ градове презъ първата половина на 1059 год., както мисли г. Банеску, 1. защото, както се каза, само презъ есента на тая година била възстановена византийската властъ въ тая областъ и 2. което е твърде важно и което е изплъзнало отъ вниманието на г. Банеску, защото въ края на царуването на Исаака I Комнинъ, т. е. презъ последнитѣ месеци на 1059 г. или въ началото на царуването на Константина X Дука, т. е. въ 1060 г. ἄρχων τῶν περὶ τὸν Ἰστρον πόλεων билъ патриций РОМАНЪ ДИОГЕНЪ,⁵ синъ на из-

¹ *Attaleiata*, ib., p. 66, 20–67, 17. — *Skylitzes*, ib., p. 645, 17–647, 8. — *Zonaras*, ib., p. 195, 8–196, 2. — В. Г. Васильевскій, Византия и печенѣги. Труды его, т. I. С.-Петербургъ 1908, стр. 25–26. — П. Мутафчиевъ, Сждбинитѣ на сръдневѣковния Дръстъръ, въ «Сборникъ Силистра и Добруджа», т. I, София 1927, стр. 163–164.

² *Skyl.-Cedr.*, ib., p. 591, 4, обяснява етимологията на името ὁ Ἀποκάτης отъ ὁ ἀπὸ Κάτης, обаче това едва ли е вѣрно, защото то не е нищо друго, освенъ арменското име Абукабъ, което въ грѣцка транскрипция се обърнало въ Ἀποκάτης. Бащата на Василия арменецъ Абукабъ билъ, споредъ Матей Едески, управителъ на гр. Едесса при Романа III Аргиръ (1028–1034), която при Никифора Вотаниата (1077–1081) преминала въ рѣцетъ на Василия Абукабъ, и тоя я управлявалъ до 1083 г., когато умрѣлъ. — Вж. Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 196–197.

³ *Attaleiata*, ib., p. 83, 11. — *Skylitzes*, ib., p. 654, 10–13. — Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 228–229.

⁴ *Attaleiata*, ib., p. 46, 8–47, 11. — *Skyl.-Cedr.*, ib., p. 591–593. — Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 199.

⁵ *Attaleiata*, ib., p. 97, 15–23. — Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 229, бел. 3, за Романа Диогенъ пише, че «понеже той трѣбало да се бори съ савроматитѣ (маджаритѣ) и се излагалъ въ борбата на опасностъ, отъ която го спасилъ магистеръ Никифоръ Вотаниата, то най-естествено е подъ „градове по Дунавъ“ да се разбаратъ Бѣлградъ-Сирмий.» Но преди всичко подъ израза αἱ περὶ τὸν Ἰστρον πόλεις се разбирали само градоветѣ на Долни Дунавъ (за това най-очевидно говорятъ следнитѣ думи на сжщия Аталиата, ib. p. 66, 20–23: Τῶν δὲ πρὸς ἥλιον δύνοντα Σαυροματῶν τατατομέναν, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ τῶν περὶ τὸν Ἰστρον Σκυθῶν, οὓς Παξιναχοὺς τὸ πλῆθος κηλήχοουσιν κтл.), но не и градоветѣ по Сръдни Дунавъ, какъвто е Бѣлградъ, а още по-малко гр. Сирмий (Срѣмъ); после, подъ «савроматитѣ» у Аталиата, наистина, се разбираатъ маджаритѣ, обаче Романъ Диогенъ като архонтъ на Придунавскитѣ градове не е могълъ да воюва съ тѣхъ, защото още презъ лѣтото на 1059 год. Исаакъ I бѣ вече сключилъ миръ съ тѣхния кралъ; тукъ по-скоро могатъ и трѣба да се разбиратъ само печенезитѣ, съ които той е ималъ сблъсквания, и то само следъ като билъ назначенъ отъ Константина X Дука за дука-управителъ на Сердика (Срѣдецъ), за което билъ возведенъ въ чинъ *vestarxh*. — Подробно за това вж. *Skylitzes*, ib., p. 663, 11–20.

вестния византийски пълководецъ при Василия II Константина Диогенъ, и посетне императоръ (1067—1071), който, преди да завземе престола, билъ жененъ за дъщерята на българина Алусиана, втория синъ на царъ Ивана-Владислава и по-голямъ братъ на споменатия по-горе проедъръ Аарона;¹ той е билъ, очевидно, първиятъ управителъ на Придунавскитѣ градове веднага следъ възстановяването на византийската властъ въ областта между Дунавъ и Стара-планина въ 1059 година.

По тоя начинъ твърдението на г. Банеску, че магистеръ Василий отъ нашата приписка билъ дука на Паристрийскитѣ градове презъ 1059 г. се оказва не само несъстоятелно, но дори произволно. Но тогава какво значи ὁ Παραδούναβις? Тая дума представя нищо друго освенъ българското старо народно име Подѣнакѣ, погръчено чрезъ замѣната на приставката «по» съ гръцката παρα.² Очевидно, тоя, който е носѣлъ това българско народно име, ималъ е нѣкакви отношения къмъ българскитѣ земи; иначе ние бихме очаквали да бжде употребено тукъ византийското име Παρίστριον или Παραδανούβιον — географски терминъ за областта на Придунавскитѣ градове, който влиза въ употребението отъ времето на Анна Комнина; поне византийскитѣ хронисти и историци преди нея означаватъ тая областъ съ изразитѣ: 1. αἱ περὶ (или κατὰ) τὸν Ἰστρον πόλεις (или χωρία);³ 2. αἱ ἐν τοῖς Ἰστροῖς χεῖλεσι πόλεις;⁴ 3. αἱ παρίστριοι πόλεις;⁵ само отъ времето на Михаила VII Парапинакъ, а може би и на Романа IV Диогенъ (защото отъ времето на последния засега нѣмаме ни-

¹ *Skylitzes*, ib., p. 678, 21-23.

² Освенъ въ нашата приписка терминътъ Παραδούναβις въ форма Παραδούναβον засега въ византийскитѣ извори се среща още: 1. въ надписа на единъ моливдовуль съ името на Συμεὼν βέστης καὶ κατεπάνω τοῦ Παραδούναβου (издаденъ отъ *Mordmann'a* въ *Μολυβδόβουλλα βυζαντινὰ τῶν ἐπαρχιῶν Εὐρώπης*; вж. *Ἑλλην. φιλολ. σύλλογος*. Прибавл. къмъ т. XVII (1883), p. 144. — Ср. *N. Banescu, Changements etc.*, p. 68. За тоя катепанъ Симеонъ ние говоримъ подробно на друго мѣсто и го отнасяме къмъ края на 60-тѣ или началото на 70-тѣ години на XI. вѣкъ, а не къмъ около 1030 г., както мисли г. Банеску), и 2. въ края на гл. 9 въ кн. VIII на Алексиадата на Анна Комнина (ib. II, p. 27, 1), и то само въ *codex Florentinus* (XII. в.) въ изрѣца: τοῦ παρὰ δούναβου, който въ посоченото издание (Teubn.) е поправенъ на τοῦ Παραδανούβιον предъ видъ на следващата веднага визант. форма Δάνουβιν. Че Симеонъ, като катепанъ на Подунавieto, е употребилъ на своя моливдовуль мѣстното българско име на областта, е твърде понятно, па и самиятъ Симеонъ е могълъ да бжде отъ български произходъ. Що се отнася пъкъ до посоченото мѣсто у Анна Комнина, то вториятъ издатель на Алексиадата *A. Reifferscheid* въ предговора си пише: „Παρίστριον, quod vulgo vocatur, etiam Παραδανούβιον appellari certa emendatione discimus, quia hic ex Florentini scriptura τοῦ παρὰ δούναβου recuperatur (доѣма) τοῦ Παραδούναβιον; vulgata τοῦ περὶ Δούναβον incertum interpolatorem prodit (ib. v. I, praefatio; p. XVII-XVIII). Отъ тия думи ясно става, че формата Δούναβον и въ сложенъ видъ Παραδούναβον е случайно явление въ Алексиадата, следов. то не е нищо друго, освенъ по-късна интерполация, направена отъ невежественъ, както се изразява самъ издательтъ, преписвачъ, вѣроятно, подъ влиянието пъкъ на българското народно име на рѣка Дунавъ, защото вече на следния редъ на същата страница се чете византийската форма τὸν Δάνουβιν, а не τὸν Δούναβον, както бихме очаквали.

³ *Ataleiata*, ib., p. 37, 18; 83, 10-11; 97, 20-21. — *Skyl.-Cedr.*, ib., 555, 3; *Skylitzes*, ib., p. 654, 11.

⁴ *Ataleiata*, ib., p. 85, 19-20.

⁵ *Skyl.-Cedr.*, ib., p. 585, 5. — *Zonaras*, ib., p. 199, 27.

какви известия за Придунавскитѣ градове), се явява вече само 4. αἱ Παρίστρι-
οι,¹ което ясно издава не събирателно, а собствено име на тая област и което
у Анна Комнина се превръща вече въ собствено име τὸ Παρίστριον наредъ
съ τὸ Παραδοῦναιον.² Най-сетне, ако авторътъ на приписката е ималъ предъ
видъ тъкмо темата на Придунавскитѣ градове, то той би употребилъ името
τὸ Παραδοῦναβον, което срещаме на моливдовула на веста Симеона, а не ду-
мата Παραδοῦναβις, която и по форма, и по смисълъ по-скоро може да се
вземе за прилагателно, отколкото за съществително име. Отъ направенитѣ
тукъ обяснения и съображения може да се направи само едно заключение,
а именно, че Παραδοῦναβις въ нашата приписка се намира въ свръзка само
съ личността на магистра Василия и означава неговото фамилно име, както
го разбралъ и самиятъ издателъ на приписката Сп. Ламбросъ, добъръ позна-
вачъ на гръцкия езикъ.³

И наистина, авторътъ на нашата приписка, като кападокиецъ, е внесълъ
имената на известни тогава и важни личности, които несъмнено сж заемали
високи длъжности само въ Мала Азия, и то въ най-източнитѣ области на импе-
рията, но не и въ Европа, за която той малко или съвсемъ не се интересувалъ;
очевидно, че тоя магистеръ Василий, който не е могълъ да бжде нито дука,
нито катепанъ на Подунавие, защото иначе авторътъ на приписката непре-
менно това би отбелязалъ, въ даденото време се намиралъ не въ Европа, а
въ Мала Азия на нѣкоя висока длъжностъ, която е била по всѣка вѣроятностъ,
както и Аароновата, военна. Поради това ние искаме да видимъ въ лицето на
нашия магистеръ Василия тъкмо *Василия, сина на българина Алуσιана, Ааро-
новъ братанецъ и шуря на императоръ Романа IV Диогенъ по първата му
жена*, който, споредъ известието на Матей Едесски, въ началото на царуването
на тоя императоръ управлявалъ Едесса и се прославилъ съ блѣскавата от-
брана на тоя градъ, когато го обсаждалъ турскиятъ султанъ Алп-Арсланъ.⁴
Ако тая наша идентификация е приемлива, то и предположението ни, че маги-
стеръ Василий е билъ военна личностъ, ще се потвърди, и следов. той въ
даденото време е билъ на служба въ темата на Поевфратскитѣ градове и тамъ,
както Ааронъ въ Месопотамия, е защищавалъ източната граница на импери-
ята противъ турцитѣ; а щомъ това се установи, то и въ *проязвището*: Παρα-
δοῦναβις ще трѣбва да видимъ посочване на неговия български произходъ, а
оттука става съвсемъ понятна българската народна форма на самото прозвище.

Петата личностъ въ приписката е Ἰωάννης μοναστηριώτης Ἡβηρίας вм. Ἰβη-
ρίας. Какво собствено значи думата μοναστηριώτης: е ли това нѣкоя титла, или
име на длъжностъ, или пъкъ прозвище на лицето, мъчно е да се установи,

¹ Skylitzes, ib., p. 719, 10-11. — Zonaras, ib., p. 223, 14. Cp. ib., p. 174, 32: τὰ παρίστρια et p. 176, 18-17: ἐν τοῖς παρίστρις πεδίοις.

² Anna Comnena, ed. Teubn. vol. I, p. 192, 22; 229, 22 et 26; vol. II, p. 60, 19; p. 27, 1.

³ Вж. показалеца къмъ сборката на Сп. Ламброса, п. т., стр. 301: Παραδοῦναβις Βασίλειος.

⁴ Chronique de Matthieu d'Edesse, (962-1136), traduit par M. Edouard Dulaurier, Paris 1858, p. 164-166. — Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 197, бел. 4.

защото въ гръцкия речникъ изобищо такава дума не се намира. Обаче като се вземе въ внимание, че въ гръцкия езикъ думитѣ — собствени и нарицателни съ окончание — *ωτης* означаватъ обикновено, отгдето е лицето, къмъ което се отнасятъ, като, напр., *Ἡλειώτης* отъ Епиръ, епиротецъ, *Χιώτης* отъ о-въ Хиосъ, хиотецъ; *λαυριώτης* отъ лавра (монастиръ) лавренецъ; *νησιώτης* отъ островъ, островитянецъ, и т. н., то трѣба да се заключи, че и *μοναστηριώτης* ще означава, че споменатиятъ въ приписката Иванъ е билъ монастирски човѣкъ, а понеже при тая дума стои *Ἰβηρίας* въ род. пад., то трѣба да се приеме, че тукъ става дума за нѣкой монастиръ въ Иверия, днеш. Грузия, или пъкъ тоя Иванъ билъ отъ нѣкой иверски или грузински монастиръ; обаче, ако е попаднало името му въ нашата приписка, той ще да е заемалъ, както и другитѣ личности въ нея, нѣкоя висока длъжностъ, която, може би, се е намирала въ свръзка съ управлението на монастиритѣ въ Иверия, или друга църковна длъжностъ, но каква — не се вземаме да я опредѣлимъ по липса на данни.

Донейде повече може да се каже за следващата личностъ *Παγκράτιος* вм. *Παγκράτιος βασιλεὺς Ἀσπρακανίας*. Съ името *Ἀσπρακανία* византийцитѣ наричали темата «Горна Мидия»,¹ която носѣла и арменското име **ВАСПУРАКАНЪ** и поради това то се явява и въ формата *Βαασπρακανία*² и още *τὸ Βαασπρακάν*.³ Това е било най-източната областъ на империята, която се простирала на изтокъ отъ Ванското езеро (въ Армения). Когато обаче при императрица Теодора (1055—1056) повечето отъ земитѣ на тая областъ по договоръ били предадени на турцитѣ, тая тема престанала да съществува; но, когато още при Константина IX Мономахъ къмъ империята билъ присъединенъ гр. Ани съ неговата областъ, то съседната тема-катепанатъ Иверия заедно съ него образувала една тема-дукатъ съ главенъ градъ Ани. За пръвъ дука билъ назначенъ въ 1045 г. вестархъ Михаилъ Иаситъ,⁴ а следъ него за твърде късо време се явява тамъ като стратигъ патриций Львъ Торникъ.⁵ Макарь тия две области и да се намирали подъ една административна властъ, обаче тѣ рѣзко се отличавали една отъ друга, като гр. Ани съ останалитѣ подъ византийска властъ части отъ бившата тема Васпураканъ образувала една отдѣлна областъ, която продължавала да носи все още името *τὸ Βαασπρακάν* и по-късно (1063—1064 г.).⁶ Поради това следниятъ дука на гр. Ани Катакалонъ Кекавменъ, който се представя като непосредственъ преемникъ на Михаила Иасита въ 1047 г.,⁷ се явява като управителъ на Ани и Иверия,⁸ и то не задълго, защото въ 1049 г. той, издиг-

¹ *Skyt.-Cedr.*, ib., p. 464, 11: *Σεναχηρεῖμ ὁ τῆς ἄνω Μηδίας ἄρχων, ἦν Ἀσπρακανίαν ὀνομάζουσι σήμερον.*

² *Ibidem*, p. 573, 21; 576, 20.

³ *Ibidem*, p. 570, 19-20: *ἀπὸ τῆς Μηδίας ἦτοι τοῦ Βαασπρακάν; 580, 8; 590, 17.*

⁴ *Attaleiata*, ib., p. 78-80. — *Skyt.-Cedr.* ib., p. 556, 15-559.

⁵ *Skyt.-Cedr.*, ib., p. 561, 14-19. — *M. Pielli Chronographia*, edit. Const. Sathas. London 1899, p. 134, 30-135, 3.

⁶ *Skytizes*, ib., p. 653, 10.

⁷ *Skyt.-Cedr.*, ib., p. 560, 19-20.

⁸ *Ibidem*, p. 574, 24: *τὸν βέστην Κατακαλὸν τὸν Кекаυμένον τὸν Ἀνίου καὶ τῆς Ἰβηρίας κατάρχοντα.*

натъ въ στρατηλάτης τῆς ἀνατολῆς — военачалникъ на Изтокъ, билъ изпратенъ заедно съ ректора Никифора въ България противъ печенезитѣ.¹ Следъ това редътъ на иверийско-анийскитѣ дуки се прекъсва по липса на данни; знае се само, че, когато при Константина X Дука източнитѣ области на империята били силно застрашени отъ постояннитѣ нападения и опустошения на турцитѣ, а пъкъ отъ Цариградъ не били въ състояние да изпратятъ тамъ достатъчно и добре снаредена войска, при императора се явилъ единъ арменецъ на име Панкратий (по арменски Баграгъ) съ предложение да му даде управлението на гр. Ани, като при това се задлъжавалъ самъ да издържа войската и да прави и други расходи на свои сръдства, безъ да получава държавни субсидии. Предложението било прието и Панкратий билъ назначенъ за дука въ гр. Ани.²

Отъ горе-изложеното, споредъ насъ, може да се направи само едно заключение, а именно, че споменатиятъ тукъ Панкратий, управителъ на Ани и неговата областъ, не може да бжде другъ, освенъ нашиятъ Панкратий, царъ на Аспракания. На тая идентификация не може да противаречи нито титлата му, защото самъ Панкратий, очевидно, се е наричалъ съ старата титла на арменскитѣ царе предъ видъ на онова полунезависимо, а може би и независимо положение, въ което той се стремилъ да стане спрямо византийския императоръ, нито пъкъ това обстоятелство, че, споредъ византийскитѣ извори, назначението на Панкратия за анийски дука станало при Константина X Дука, защото обръщането му къмъ императора съ известното намъ предложение могло е стане и много по-рано; за него се разказва у Аталиата по поводъ на голѣмитѣ завоевателни успѣхи на турцитѣ въ 1063—64 г., на пълното разорение на анийското царство и на Иверия отъ тѣхъ; и наистина, нашата приписка, като съвременна, иде да установи и да попълни известието на М. Аталиата, че въ началото на 1059 год. Панкратий е билъ вече анийски дука, следов. и назначението му за такъвъ е станало не при Константина X Дука, а още при Исаака I Комнинъ, т. е. тъкмо преди още турцитѣ да засиятъ своитѣ нападения на империята.

Нашата приписка се завършва съ името на «куропалата и доместика на схолитѣ ИВАНА, сщчинския братъ на императора Комнина», т. е. на Исаака I Комнинъ. Веднага следъ завземането на престола, още презъ септемврий 1057 г., Исаакъ I почелъ брата си Ивана съ високия чинъ *куропалатъ*, който заема 4-то мѣсто следъ императора, и го назначилъ за началникъ (ἀρχοντα) на западнитѣ войски, «когото, казва Н. Вриенний, нѣкога-си наричали домέστικος τῶν σχολῶν, а сега го казватъ ὁ μέγας домέστικος, т. е. «великъ доместикъ».³ Тия думи идатъ тъкмо да потвърдятъ даннитѣ на нашата приписка, че въ 1059 год. Иванъ Комнинъ билъ наистина доместикъ на схолитѣ, т. е. началникъ на императорската лейбъ-гвардия, на отредитѣ (ἐταίρειαι) на придворната

¹ *Ibidem*, 597—600.

² *Attaleiata*, ib., p. 80, 10-22. — *Skylitzes*, ib., p. 653, 14-24. — Ср. *Matth. d'Edesse*, ib. p. 123: *Parkad, gouverneur d'Ani*; вж. Н. Скабалановичъ, п. т., стр. 202 и посоченитѣ въ бел. 6 извори.

³ *N. Bryennius*, ib., p. 19, 20—20, 2. — *Skylitzes*, ib., p. 642, 6-8. — *Zonaras*, ib., p. 192, 8-9.

стража съ всичкитѣ ѣ разновидности, но въ сжщото време тоя изразъ е означавалъ и главнокомандуващъ на византийскитѣ войски, когато къмъ него се прибавяли думитѣ τῆς ἀνατολῆς или τῆς ἑφας, или прилаг. ἑφος за източнитѣ войски и τῆς ἐσπερας или τῆς δύσεως, или прилаг. ἐσπεριος за западнитѣ войски, какъвто е нашиятъ случай. Но, ако Иванъ Комнинъ билъ главнокомандуващъ на западнитѣ войски, то какъ е могло да попадне името му въ нашата приписка, гдето сж поставени имената, както видѣхме, на високопоставени лица, които сж живѣли презъ 1059 год. въ източнитѣ области на империята? Нѣма съмнение, че Иванъ Комнинъ, както показва неговиятъ чинъ и длѣжностъ, е билъ най-важната следъ императора личностъ, а между това името му е поставено въ края на приписката, следъ имената на много други лица, които и по чинъ, и по длѣжностъ, па и по значение стоятъ много по-долу отъ него, когато името му би трѣбало да се постави въ първата половина на приписката, и то веднага следъ името на императора. Тая тъкмо несъобразностъ ни подсѣща да мислимъ, че авторътъ на приписката се сетилъ или другъ го е подсетилъ за Ивана Комнинъ като за лице отъ първостепенна важностъ въ империята, следъ като той билъ вече написалъ приписката, и поради това той се видѣлъ принуденъ да впише името му въ края. При такова обяснение, а друго надали е възможно, ясно става, че Иванъ Комнинъ нѣма никакво отношение нито къмъ другитѣ личности, чиито имена сж поставени въ втората половина на приписката, нито изобщо къмъ източнитѣ области на империята, за които става дума въ нашата приписка.

*

Следъ направенитѣ тукъ пояснения къмъ текста на занимаващата ни приписка ние предлагаме следния преводъ:

«Завърши се тая вседобродетелна «Лѣствица» по заповѣдъ на протоспатария и ипата (консула) Евстатия Воила чрезъ ржката ми, на Теодула монаха и проедра на пресвета Богородица Салимска, и двамата кападокийци, въ царуването на Исаака Комнинъ и при патриарха на царствения градъ Константина проедра и протовестиария и при Теодосия Антиохийски (патриархъ) въ 6567 (= 1059) година, индиктионъ 12., месецъ априлъ 4 (3?), по 7 часа на светата и велика сжбота, при катепана на Едесса Ивана Дукица, при дука Адриана Атиохийски, при проедра и сжщинския братъ на императрицата Аарона Месопотамийски, при магистра Василия Придунавски, при Ивана манастириота Иверийски, при Панкратия, царя Аспраканийски, и при Ивана, куропалата и доместика на схолитѣ, сжщинския братъ на императора Комнина».

София, 23. II. 1929 г.

EIN DATIERTER ZUSATZ IN EINER GRIECHISCHEN HANDSCHRIFT AUS DER MITTE DES XI. JAHRHUNDERTS.

(*Resumé.*)

Codex Paris. Coislianus N° 263 enthält am Ende der berühmten Schrift »Scala paradisi« (Κλίμαξ τοῦ παραδείσου) von Johannes, Hegumenos des Sinai-Klosters, einen interessanten Zusatz, der zuerst von H. A. Omont in seinen Facsimilés des manuscrits grecs datés de la Bibliothèque Nationale du IX^e au XIV^e siècle (Paris 1890), dann von Sp. Lambros (1910), abgedruckt wurde. Es heißt hier, daß die Handschrift im Jahre 1059 zur Zeit des Kaisers Isaak Komnenos von einem Theodulos Monachos geschrieben wurde. Es werden aber auch andere hervorragende Persönlichkeiten jener Zeit genannt. Prof. Zlatarski unterzieht alle diese Namen einer gründlichen historischen Analyse. Es ergibt sich daraus, daß der Zusatz wertvolle Angaben enthält, die besonders die bulgarisch-griechischen Beziehungen aus der Zeit nach dem Sturze des ostbulgarischen Reiches (1018) klar machen. Es möchte hervorgehoben werden, daß Prof. Zlatarski den griechischen Namen Παραδούναβις als einen Familiennamen deutet und in demselben nur eine Übersetzung des bulgarischen Namens sieht, der von dem Ortsnamen ПОДОУНАВІЕ abgeleitet wurde.

FR. DVORNIK:

QUELQUES DONNÉES SUR LES SLAVES EXTRAITES DU TOME IV NOVEMBRIS DES «ACTA SANCTORUM».

La publication de chaque nouveau volume de la fameuse collection des «Acta Sanctorum» est toujours un événement qui attire l'attention du monde scientifique. On se rend facilement compte, en effet, de l'immensité du travail accompli et de l'importance que présentent pour la science les trésors entassés dans chaque tome de l'œuvre des Bollandistes. Il est pourtant difficile de détailler tout ce qu'on y trouve de nouveau pour l'histoire et de commenter les enseignements que nous offrent les biographies des Saints soigneusement éditées par les scrupuleux savants que sont, par exemple, H. DELÉHAY et P. PEETERS. Il faut du temps pour que les spécialistes puissent apprécier à leur juste valeur les services rendus à la science par les éditions critiques des vies de Saints.

Sans chercher à étudier à fond le dernier volume des «Acta», paru à Bruxelles en 1925, nous voudrions attirer ici l'attention des historiens slaves sur quelques renseignements relatifs aux Slaves et contenus dans les biographies du tome IV de Novembre. Quelques-unes de ces biographies sont plus ou moins connues. Elles méritent néanmoins une étude spéciale, car ce n'est que maintenant que nous en possédons une édition critique. D'autres données sont encore inconnues et, bien qu'elles soient peut-être de peu d'importance, il ne sera pas sans utilité de les enregistrer.

Les renseignements les plus importants sur les Slaves sont contenus dans les biographies de ST. BLAISE et de STE. MARIE LA JEUNE. Ils concernent les Slaves bulgares. Mais on en trouve aussi sur d'autres groupes Slaves (Serbes, Croates, Russes et Slaves du Nord) dans les biographies de ST. THÉODORE, du bienheureux GRATIA, de ST. TRYPHON, de ST. PROBUS, de ST. MICHEL D'ALEXANDRIE, et dans le commentaire sur ST. JEAN de MAGDEBOURG.

I.

La Vie de ST. BLAISE mérite une attention toute particulière. C'est une heureuse idée qu'a eue le Père DELÉHAY de la publier dans l'Appendice du tome (pp. 256 et suiv.) d'après l'unique manuscrit grec du X^e siècle, conservé à Paris (Bibl. Nat. 1491).

Cette vie n'était pas tout à fait inconnue aux historiens slaves. Une traduction en vieux slave en avait été retrouvée en Russie et publiée en 1887 par l'archimandrite LÉONIDE dans les Пам. Др. Письмен¹. La publication de l'original

¹ Житие препод. Власія мниха, памятникъ словеноболгарскои письменности IX вѣка, 1887, LXV; déjà en 1876 J. J. Sreznevskij a publié un fragment de cette Vie dans ses Свѣдѣнія и замѣтки, Спб., 1876, XLI-LXXX., 387-391. On a omis de signaler ces deux travaux dans l'édition du texte grec, par erreur probablement, car ils se trouvent dans la bibliothèque des Bollandistes.

grec facilitera maintenant aux slavissants l'étude de la traduction, dont la langue—parfois très difficile—montre combien la tâche entreprise était au-dessus des forces du traducteur. De notre côté, nous voudrions aborder ici quelques problèmes historiques que soulève cette Vie.

Blaise était né à Ἀπλῆτιανᾶις, près d'Amorion. Ordonné sous-diacre par le partisan du patriarche Ignace, Eustratios, évêque de Pessinus, il s'était rendu à Byzance chez son frère, prêtre à Ste Sophie, et y avait été sacré diacre par le patriarche lui-même. Désireux d'aller à Rome, il s'était joint à un moine inconnu qui disait vouloir lui servir de guide. Mais arrivé en Bulgarie, ce moine indigne—détail savoureux qui montre bien les mœurs de ces moines vagabonds, sans couvent et sans règle—l'avait vendu comme esclave. Mais le «Scythe» qui l'avait acheté, mis au courant de la supercherie dont le jeune Blaise était victime, lui avait rendu la liberté bien-tôt après. Le sort du jeune homme fit—d'après l'auteur—grand bruit parmi les autres τῶν Σκυθῶν ἄρχοντες. Bien entendu, au dire du biographe, le Saint ne manqua aucune occasion d'affermir la foi de ces nouveaux convertis. Ayant gagné la sympathie générale, il fut invité à rester dans le pays et on lui promit de s'occuper de ses besoins matériels. Mais il demanda la permission de pouvoir continuer son voyage jusqu' à Rome, ce qui lui fut accordé. Malheureusement, à peine était-il arrivé près du Danube, qu'il tomba aux mains de pirates, — ἐνθεν οὖν τὴν ἐν τῷ Δανουβίῳ ποντοπορίαν ποιούμενος λησταῖς πειραταῖς περιπέτωκεν (p. 660) — qui, après l'avoir dévalisé, l'abandonnèrent dans un lieu désert. Il fallut l'intervention d'un ange—comme il était arrivé à Tobie—pour qu'il pût en sortir. L'ange le conduisit de nouveau en Bulgarie où l'évêque s'intéressa à lui. Les ἐθνάρχαι—les grands personnages dont il avait affermi la foi—avaient en effet propagé sa renommée, de sorte que même le chef du pays, ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων—le vieux titre des khagans bulgares si souvent répété dans les inscriptions grécobulgares du IX^e siècle revient ici—le reçut et l'entoura d'honneurs. Il put enfin réaliser son désir et achever son pèlerinage. Il alla, cette fois à Rome en bonne compagnie, celle de l'évêque bulgare. Blaise se plut tellement dans cette ville qu'il refusa de suivre l'évêque à son retour en Bulgarie et qu'il entra au couvent de Saint Césaire, dont l'higoumène était à ce moment Eustathios de Cyzique.

Les aventures de St. Blaise en Bulgarie ne sont pas sans intérêt. Le biographe est, bien entendu, très peu précis; il ne nous apprend au fond pas grand chose et pourtant nous lui sommes reconnaissants même de ce peu.

Jusqu'à quel point, d'ailleurs, pouvons-nous accorder crédit au récit du biographe? Quel est cet évêque bulgare dont il fait mention? Et, si le récit est exact, quel but avait ce voyage romain? Autant de questions qui surgissent l'une après l'autre. Malheureusement l'hagiographe, malgré son zèle—du reste très louable—de nous présenter le pauvre Saint en Bulgarie sous le jour le plus fa-

¹ Voir sur ce titre mon travail, «Deux inscriptions grécobulgares de Philippes», *Bulletin de Correspondance Hellénique*, Paris, 1928, pp. 129 et suiv.; comparer aussi ce qu'en dit *Gréza Febér* dans son étude sur la fameuse inscription de Madara (Die Inschrift des Reiterreliefs von Madara, Publications du Musée National de Sofia, 1928, pp. 34 et suiv.).

vorable, a oublié de nous dire au moins à quelle époque à peu près tout cela s'est passé. Ce n'est qu'un petit détail, un détail minime—pour le biographe bien entendu—mais qui aurait néanmoins un certain intérêt pour nous. Nous pouvons d'ailleurs déduire de ce que les Bulgares venaient de recevoir la foi chrétienne et de ce que le biographe parle du patriarche Ignace, que ces événements se déroulaient sous le règne de BORIS-MICHEL, après la christianisation du pays c'est à dire après 865. LOPAREV¹ paraît enclin à croire que l'évêque en question faisait partie de l'ambassade envoyée par Boris en 866 auprès du pape Nicolas I. Pourtant d'où la Bulgarie aurait-elle tenu un évêque à cette époque? Car, justement le refus de Photios de satisfaire à la demande de Boris qui tenait absolument à avoir son patriarche à lui, avait décidé celui-ci à se tourner vers Rome. Si nous voulons ajouter foi au récit de l'hagiographe, il faut donc penser à une époque postérieure. Nous savons en effet que Nicolas avait expédié à Boris deux évêques, Formose de Porto et Paul de Populonia, porteurs d'une lettre qui l'avait rempli de joie.²

On connaît l'histoire de Formose. Comme Boris persistait à le demander pour archevêque, le pape, prétendant qu'il était défendu par les canons de transférer un évêque d'un siège à l'autre, mit fin à la mission de Formose le 13 Novembre 867.³ Et en effet, Formose se rendit à Rome où il arriva peu après. Au début de 868, le 5 janvier, nous le voyons dans cette ville consacrer les disciples des saints Cyrille et Méthode.⁴

On pourrait donc supposer que l'évêque en question était Formose et que c'est en sa compagnie que Blaise avait achevé son pèlerinage romain. Même l'autre détail, cité par le biographe pourrait correspondre à quelque réalité. La mission de Formose devait être continuée en Bulgarie par les évêques Grimoald et Dominique. Quoique dépêchés dans ce pays par Nicolas I^{er}, les deux évêques ne s'y étaient rendus qu'après sa mort, sous Adrien II. On avait tout simplement remplacé dans les lettres qu'ils devaient présenter à Boris, le nom de Nicolas par celui d'Adrien.⁵ Or, c'est probablement avec cette seconde mission que Blaise devait regagner la Bulgarie. On comprend l'insistance avec laquelle on avait poussé notre Saint à retourner dans ce pays, car le concours d'un diacre grec, qui—si nous croyons le biographe—avait déjà fait ses preuves dans cette région et qui avait de si bons sentiments à l'égard de Rome, devait être précieux pour les délégués pontificaux.

Le récit, malgré ses imprécisions n'est donc pas invraisemblable. Il ne nous

¹ Византийскія житія святихъ VII—IX вѣковъ. Виз. Врем., XIX (1912), pp. 116, 117. La Vie est d'ailleurs restée presque inaperçue de la part des historiens.

² Voir *Mon. Germ. Hist.*, Ep. VI, pp. 568 et suiv. la lettre du pape.

³ «Vita Nicolai», ch. LXXIV—LXXV, dans le *Liber pontificalis*, éd. Duchesne, II, p. 165.

⁴ Sur la date voir, A. Lapôtre, «Hadrien II et les fausses décrétales». *Revue des questions historiques*, 1880, tome 24, p. 413. «Vita Constantini» ch. XVII, *Pastrnek*, Dějiny slov. apošt., Praha, 1902, p. 211.

⁵ *Liber pontificalis*, l. c. II, p. 175. Voir mon livre, *Les Slaves, Byzance et Rome au IX^e siècle*, Paris, 1926 p. 194.

révèle certes pas de choses extraordinaires, mais nous ne pouvons pas—jusqu'à plus ample informé—le rejeter comme ne correspondant pas aux réalités.

Blaise resta dans le monastère grec pendant presque 18 ans et il y accepta—malgré lui, bien entendu, dit le biographe—le sacerdoce. Les miracles qu'il y opéra nous intéressent moins pour cette étude particulière. Il quitta enfin Rome secrètement avec ses trois disciples favoris Lucas, Syméon et Joseph et il se rendit à Constantinople où il fut reçu par Anatolius l'hégoumène de Stoudion. C'était sous le patriarche Antoine et sous l'empereur Léon le Sage, qui, dit le biographe, fréquentait le Saint avec plaisir. Après un séjour de quatre ans dans le couvent des Studites il se rendit avec ses disciples au Mont Athos où il s'établit. Après une vie de pénitence de 12 ans il se vit obligé de regagner Constantinople afin de demander à l'empereur un chrysobulle pour son couvent. Il l'obtint et mourut bientôt après.

Un passage mérite de nous intéresser particulièrement. C'est celui dans lequel le biographe décrit l'activité de Blaise au Mont Athos. Il y dit notamment comment le Saint y avait travaillé parmi la population qui s'y trouvait (ch. 23 p. 667):

... ἀπέπλευσε μετὰ τῶν αὐτοῦ μαθητῶν πρὸς τὴν ὑπουρίαν τοῦ Ἀθωνος, τὴν καταμόνας μαρτυρικὴν παλαιστῆραν διεξελθεῖν ἐφιέμενος. Ὅσῃν δὲ βίαν λοιπόν, τὴν ἐκείσε διαγωγὴν ἀσπασάμενος, πέπονθεν πρὸς αὐταῖς ταῖς ἀναγκαίαις χρεαίαις τοῦ σώματος, ἔτι γε μὴν καὶ ὑπὸ τῶν ἰσοτρόπως ἐγκατοικούντων τὴν ἔρημον, οὐκ εἰδότεων καλῶς διακρίνειν τὰ πράγματα, οὐδὲ ἔστι ῥᾷδιον διηγήσασθαι, ὅπως τοῖς ὀνειδισμοῖς ὡς ἀσπίς ἐν χεῖλεσι τὸν ἰὸν παραθήγοντες ἔσκαπτον εἰκαίως τοῦ γηραιοῦ τὸ ἀπρόσκοπον, ἐκφροντες ὄντως ἐκ τοῦ πονηροῦ καὶ πλήρης ματίας ὑπάρξαντες. Ὁ δὲ ἀντιτιθεὶς αὐτῶν τῷ θυμῷ τὴν πραότητα καὶ τῷ μίσει τὸ τῆς ἀγάπης ἀκέραιον προβαλλόμενος καὶ τοὺς μὲν γηραιούς ὡς πατέρας, τοὺς δὲ νέους ὡς ἀδελφούς συναναπλεκόμενος καὶ ὡς ἄριστος ἰατρός οὕτω πως μέσον αὐτῶν ποικιλλόμενος καὶ τὰ τῆς σωτηρίας φάρμακα προτείνόμενος, εἶλεν ἅπαντας τῆς ψυχοφθόρου χύμης ἀναρρυσάμενος. Καὶ ἦν ὡς ἀστὴρ διανυγῆς πάντας καταφωτίζων τοῖς αὐτοῦ προτεγήμασιν ὅθεν αὐτό τε τὸ ὄρος καὶ οἱ τούτου οἰκήτορες τῇ αὐτοῦ παρακελεύσει διεξαγόμενοι βαθεῖαν ἦγον εὐρίην ταῖς αὔραις τοῦ πνεύματος ἐπαναπανόμενοι.

Nous ne voyons pas là de simples phrases banales — un cliché pourrait-on dire— par lesquelles le biographe cherche à vanter les mérites de son héros. Il nous paraît difficile de croire que ces habitants dont le Saint a réussi à changer la mentalité, étaient uniquement des moines, d'ailleurs bien peu nombreux encore au Mont Athos à cette époque. L'activité de St. Blaise coïncide en effet avec les débuts de la vie monacale au Mont Athos.¹ Le biographe parle du reste un peu plus loin des pasteurs indigènes qui auraient vu le Saint célébrer la liturgie en compagnie des anges. La chose devient intéressante pour nous, si nous nous

¹ Sur les débuts de la vie monacale au Mont Athos voir K. Lake, *The early days of monasticism on Mount Athos*, Oxford, 1909.

rappelons qu'il y avait en effet à cette époque même des Slaves au Mont Athos. Un document grec, conservé dans le couvent de Castamoniton, publié par P. USPENSKIJ,¹ raconte qu'au VIII^e siècle les Rynchiens, Vlachorynchiens (Slaves mélangés aux Vlaches romans) et les Sagoudates avaient pénétré jusque là, s'y étaient fixés et furent, plus tard, baptisés par les moines. D'après le calcul de Loparev qui paraît être juste nous pouvons placer le séjour de St. Blaise au Mont Athos vers 880. Serait-il trop hardi de supposer que St. Blaise et ses disciples étaient parmi ces moines qui ont converti ces populations slaves?

La vie dont nous nous occupons et qui est caractéristique par ses imprécisions, correspond parfaitement à l'esprit de l'époque. Le biographe — un Studite — n'oublie pas de mentionner que l'évêque de Pessinus, celui qui conféra à Blaise le subdiaconat, était un partisan chaleureux du patriarche Ignace:

Εὐστράτιος δὲ ἦν ὁ θαναμάσιος, ὁ τοῦ μεγάλου Ἰγνατίου φοιτητῆς προσφιλέστατος, ἄρτι τότε φωστῆρος δίκην τῇ Κωνσταντινουπόλει τεθέντος ἐκείνου καὶ ταύτης τὸν λαὸν ὁσῶς τε καὶ εὐσεβῶς ταῖς ὀρθοτόμοις διδασκαλίαις ὀνυμίζοντος (c. 7, p. 660).

Mais il omet d'ajouter qu'en 879 il se rallia à l'adversaire d' Ignace, Photios, ce que nous savons, puisque nous relevons son nom sur les listes du concile de cette année-là.² Le pèlerinage romain correspond également à la mentalité d'alors.³ Plusieurs traits rappellent la vie de St. Pierre l'Athonite et sont en général communs aux écrits hagiographiques de l'époque.

*

Un autre document publié dans le même volume des «Acta Sanctorum» nous donne un peu plus de précisions sur une autre période de l'histoire bulgare — celle de SYMÉON LE GRAND. C'est la vie de SAINTE MARIE LA JEUNE.⁴ Elle n'est pas non plus inconnue des historiens; elle a été même plus souvent

¹ P. *Uspenskij*, *Исторія Аѳона*, Kijev, St. Petersburg, 1877–1892, III, p. 311: τότε δὴ τότε οἱ λεγόμενοι ῥηχίνοι καὶ ἀπλούστερον βλαχορηχίνοι καὶ σαγουδάτοι ἐξουσιάσαντες τὴν Βουλγαρίαν καὶ ἀπλώσαντες ἀπὸ ὀλίγον κατ' ὀλίγον εἰς διάφορα μέγη ἐκυρίευσαν καὶ τὴν Μακεδονίαν, τέλος ἤλθον καὶ εἰς τὸ ἅγιον Ὅρος μὲ ὅλα τοὺς τὰ γυναικόπαιδα. διότι δὲν ἦτο τινὰς νὰ τοὺς ἀντισταθῇ καὶ νὰ τοὺς πολεμήσῃ. Οἵτινες μὲ τὸν καιρὸν ἐπειδὴ ἐτατήχθησαν ἀπὸ τοὺς ἁγίους πατέρας, ἐπίστευσαν καὶ ἐγίναν τέλειοι χριστιανοί. Cf. *Niederle*, *Slovanské Starožitnosti*, Praha, 1910, II, pp. 426 et suiv.

² *Mansi*, *Concilia*, XVII, 373.

³ Voyez ce que j'ai dit de ces voyages romains dans ma communication au Congrès pour l'Union des Eglises, tenu à Velehrad. (*Acta V Conventus Velehradensis*, Olomucii, 1927, «De sancto Cyrillo et Methodio in luce historiae byzantinae», pp. 142 et suiv.).

⁴ *Manuel I. Gedeon* Βυζαντινὸν Ἑορολόγιον, Constantinople, 1899, pp. 296–301, et *G. Balasčev*, *Новыя данныя для исторіи грекоболгарскихъ войнъ при Симеонѣ*, *Izvestija de l'Institut archéologique russe de Constantinople*, tome IV, 2 (1899) pp. 189–220; voir la critique de *Sokolov* dans le *Виз. Врем.*, tome VII (1900), pp. 493–494. Sur l'origine de Ste. Marie voir l'étude du Père *Peters* dans les *Mélanges arméniens*, Vienne, 1927, (Une sainte arménienne oubliée, Sainte Marie la Jeune), p. 723 et suiv.

citée que la vie précédente. G. BALASČEV a commenté quelques-uns des renseignements nouveaux fournis par cette vie. Son commentaire est par endroits même trop explicite. Il a été heureusement complété et corrigé par le Père Peeters, éditeur de la Vie.¹

Nous pouvons donc nous borner à résumer les faits concernant les Slaves, maintenant que la publication de la Vie entière permet de les mettre davantage en valeur.

La Vie est un document assez précieux, car l'auteur ne paraît pas être très éloigné des événements qu'il raconte. On peut se rallier à l'opinion de Balasčev qui en place la composition dans les années 934—967. Il semble, en effet, que l'auteur fasse allusion dans le dernier chapitre aux fréquentes incursions des Hongrois et des Petchénegues qui, à cette époque, dévastaient la Thrace (ch. 33, p. 705):

... καὶ ὄλεθρον ἴδοιμεν παγγενῇ τῶν ἐπικειμένων ἡμῖν δυσμενεστάτων ἐχθρῶν καὶ δίκην θηρῶν ἀγρίων ἐπεμβαίνοντων ἡμῖν καὶ λυμαινομένων τὸ ποίμνιον τοῦ Χριστοῦ.

Il parle souvent comme s'il avait été le contemporain de la Sainte. Quelques passages de la vie paraissent pourtant avoir été remaniés au XI^{ème} siècle.

Les parents de Marie avaient quitté l'Arménie sous le règne de Basile pour chercher fortune à Constantinople. Après la mort de son père, Marie avait épousé le dronguaire Nicéphore. Celui-ci s'étant fait remarquer par sa bravoure dans la campagne contre les Bulgares fut nommé tumarche de Bizya en Thrace.

C'est évidemment à la campagne de Syméon contre Léon et Alexandre qu'on fait ici allusion.² La défaite des Grecs de Bulgarofygon a laissé un très mauvais souvenir aux Byzantins. Nous en percevons l'écho dans la manière dont le biographe parle de Syméon (ch. 5, p. 694):

ὁ δὲ τῶν Βουλγάρων ἄρχων Συμεὼν χριστιανοῦ μὲν φέρων προσηγορίαν, ἀνὴρ δὲ χρηματίζων αἱμάτων τέλειος, ἐπιστρατεύει τῇ νικαυτᾷ Ῥωμαίοις καὶ πολὺν φόνον ἐργάζετο.

Pendant les années qui suivirent la conclusion de la paix entre Byzance et les Bulgares, Marie vécut avec son époux à Bizya. Elle perdit son second enfant alors qu'il était encore tout jeune comme elle avait déjà perdu le premier. Elle eut enfin des jumeaux, dont l'un, Baanès, fut destiné dès sa naissance à la carrière militaire et l'autre, Étienne, à la vie monacale. Accusée à tort par quelques parents d'infidélité à l'égard de son mari, elle souffrit beaucoup de persécutions de la part de ce dernier, persécutions qui d'ailleurs causèrent indirectement sa mort. Ce n'est

¹ Voir en outre ce que P. Peeters (*Analecta Bollandiana*, vol. 46, 1928, pp. 393 et suiv.) dit d'un passage de la Vie (ch. 3) concernant la perception des impôts à Byzance, surtout l'ἀλληλέγγυον — «le système de répartition en vertu duquel les habitants d'un même ressort cadastral étaient solidairement redevables de la quotité de l'impôt». Le passage en question paraît indiquer «qu'il y avait, entre le système décrété en théorie et son application affective, une certaine marge d'élasticité.»

² *Dvorník*, Les Slaves, Byzance et Rome, pp. 303 et suiv., *Zlatarski*, Историја на българската държава, Sofia 1927, II, pp. 278 et suiv.

qu'après que l'irrémissible se fut accompli, que le mari put se convaincre de la fausseté de toutes les accusations. Des miracles que le biographe raconte l'un a un certain intérêt pour nous; c'est la guérison d'une moniale bulgare par l'intercession de la Sainte (ch. 14, p. 698):

Τὸ δ' αὐτὸ καὶ μονάζουσα ὕστερον εὐράτο, ἣν ἐκ Βουλγαρίας ὑπὸ τοῦ κυοῦντος ἀχθεῖσαν πνεύματος, ἐλευθέραν τοῦ κατέχοντος ἡ ἁγία ἐξέπεμπε.

On peut y voir la survivance des bonnes relations entre les Bulgares et les Byzantins pendant l'intervalle qui sépare les deux campagnes de Syméon.

Ce que le biographe nous raconte sur la seconde campagne est du plus haut intérêt. Nous y trouvons surtout quelques détails sur l'occupation de la Bizya et sur les manœuvres de l'armée bulgare en Thrace. En même temps nous y trouvons l'écho de la haine mêlée de crainte qu'inspirait aux Byzantins cet ancien moine, demi Byzantin lui même (ch. 23, p. 700):

Συμεὼν ὁ ἄρχων Βουλγαρίας, ἀνὴρ θηριώδης τῇ Ῥωμαίων ἐπιστρατεύσας, ἅπαν τὸ τῆς Θράκης μέρος κατελήϊσατο, μέχρις αὐτῶν τῶν τῆς Κωνσταντινουπόλεως τειχέων πάντα καταναλώσας καὶ τὰς πλείους τῶν πόλεων κατασκήψας....

Les habitants de Bizya craignant d'avoir à subir le triste sort des gens dont les villes avaient déjà été prises et rasées par les Bulgares préférèrent quitter leur cité après en avoir incendié les maisons et ils se réfugièrent à Médéa. La Sainte s'en plaignit d'ailleurs à un réfugié qui cherchait asyle près de son tombeau abandonné. Elle lui dit (ibid.):

„Καὶ τίνας (ἔλεγε) χάριν οἱ τὴν πόλιν οἰκοῦντες χριστιανοὶ ὄντες, αὐτὴν καταλείψαντες ἔφυγον, ἐμοῦ καὶ ταῦτα ἐνθαδὶ κατοικοῦσης; Εἰ δὲ αὐτῷ ποιῆσαι ἔμελλον, διὰ τί μὴ καὶ ἐμὲ μεθ' ἑαυτῶν ἀνείλοντο, ἀλλ' ἐν τοῖς ἔθνεσί με κατέλειψαν;“

Cette opposition des chrétiens et des païens qui y revient, est curieuse à constater. Un peu plus loin, ch. 26, p. 702, le biographe n'est pas non plus très aimable pour Syméon. Il dit:

μετ' ὀλίγον δὲ τοῦ εἰρημένου Συμεὼν τὴν ἀθλίαν ψυχὴν ἐκρήξαντος...

Ce n'est évidemment pas une façon très chrétienne de parler d'un défunt, mais les expressions montrent quels sentiments gardaient les Grecs à l'égard de Syméon. Elles sont en parfait accord avec ce que les historiens byzantins disent de lui. Il paraît que Léon aimait à lui reprocher ses guerres contre un empire chrétien.¹ Ces accusations étaient d'ailleurs réciproques. On en trouve l'écho

¹ Voir pour les détails *Marquart*, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Leipzig 1903, p. 522 et mon livre, *Les Slaves, Byzance et Rome*, pp. 303 et suiv. Les *Tactica* de l'empereur Léon VI l'expriment surtout d'une façon très explicite (*Leonis Tactica*, Const. XVIII, 42, *Migne*, P. G., vol. 107, col. 956):

τὸν κακῶς κατὰ χριστιανῶν ὀπισθόθεν Βουλγάρων στρατὸν τρισὶ μάχαις κατὰ κράτος νενικηκότας ὡς ἂν εἰ δημίους ἐξαποστείλασα κατ' αὐτῶν, ἵνα μὴ ἐκόντες Ῥωμαῖοι χριστιανοὶ χριστιανῶν Βουλγάρων αἵμασι χραίνοντο.

jusque chez l'écrivain arabe Tabari.¹

L'occupation de la Thrace par l'armée bulgare dura cinq ans. Le récit du biographe sur le prétendu siège de Bizya mérite un petit commentaire. Le biographe dit (ch. 23, p. 700):

Ἐνθεν τοι καὶ οἱ τὴν Βιζύην οἰκοῦντες, μὴ δυνάμενοι πλέον ἐν ταύτῃ μένειν πενταετίαν ὅλην πολιορκούμενοι, καιροῦ τυχόντες ἐπιτηδείου, τὴν πόλιν καταλιπόντες ὄχοντο, πυρὶ τὰς οἰκίας πάσας κατατεφρώσαντες.

Le prêtre Nicétas Kannakès desserva l'église où était enterrée la Sainte παρ' ὅλην τὴν πολιορκίαν (ch. 23, p. 700). Plus loin, parlant de la mort du mari de la Sainte, Nicéphore, il dit (ch. 24, p. 701):

Καὶ ὅπως ὁ ἀνὴρ αὐτῆς Νικηφόρος κατὰ τὸν καιρὸν τῆς πολιορκίας Βιζύης τέλει τοῦ βίου χρησάμενος

Pourtant nous ne pouvons pas penser à un siège de cinq ans qu'auraient soutenu les habitants de Bizya. Il serait d'ailleurs impossible d'expliquer comment ils auraient pu quitter la ville assiégée par les Bulgares.

On sait que Syméon faisait bien les choses. Cette circonstance a amené le savant bulgare Zlatarski² à supposer qu'il ne s'agissait pas d'un siège proprement dit, mais plutôt d'un blocus de la ville et de toute la Thrace prolongé pendant cinq ans. Il place cet épisode en 922. Une telle explication peut être acceptée. Elle paraît même être recommandée par le contexte où le biographe raconte l'évacuation de la ville.

Le sort qu'a subi Bizya après avoir été prise par les Bulgares, nous montre avec quelle cruauté systématique Syméon faisait la guerre. Les fortifications de la ville furent complètement rasées et — comme il n'y avait pas de maisons habitables — les églises furent mises à la disposition de l'armée (ch. 23, 24, pp. 700, 701):

(Συμεών) τὰ ἀπὸ τοῦ πυρὸς ἀναπολειφθέντα τεῖχη ἐκ θεμελίων ἀνατραπῆναι προστάττει καὶ τὴν γῆν ἀροτριασθῆναι καὶ σπαρεῖναι, ὃ δὴ καὶ γέγονε, τοῦ καιροῦ εἰς τοῦτο ἀρμοδίως ἔχοντας. Ὁ γέγονεν ἐπ' αὐτοῦ Συμεών, οὗ δίκαιον ἂν εἴη παραδραμεῖν. Εἰσελθὼν γὰρ εἰς τὴν Βιζύην καὶ μόνους τοὺς ἐν αὐτῇ ναοὺς τῷ πυρὶ ἀναλώτους εὐρών, διήκει περισκοπῶν καὶ οὓς μὲν εἰς ὥρεϊα, οὓς δ' εἰς οἰκίας καὶ οὓς εἰς ἱπποστάσια καθιστῶν.

Malgré le caractère de cruauté donné à la guerre, on n'était pas inaccessible à tout sentiment humain et c'est la Sainte qui rapprochait les deux ennemis. Boulias³ à qui Syméon avait confié le commandement de la garnison de Bizya,

¹ Marquart, l. c., p. 521; on en trouve l'écho même dans la Vie de St. Luc le Jeune, Migne, P. G., tome 111, col. 453:

ὁ μὲν ἀλλήσιος Συμεών καὶ πολλῶν αἱμάτων, χριστιανικῶν αἴτιος

² L. c., II, pp. 433 et suiv.

³ Balasčev, l. c., p. 219 prétend que Boulias est le nom propre de cet officier. Zlatarski, l. c., II, p. 433 n'en est pas tellement convaincu et il admet la possibilité qu'il s'agisse ici du vieux titre bulgare de βουλίας que les Byzantins prenaient pour un nom propre.

permet au prêtre grec Kannakès qui venait le *Medéa* d'aller jusqu'au tombeau de la Sainte et d'y célébrer le culte. Le même Boulias ayant été plus tard relevé de ses fonctions à Bizya et étant arrivé avec ses soldats devant Selymbria où stationnait l'armée ennemie, apprit que le fils de la Sainte, Baanès, faisait partie de la garnison byzantine; il demanda par un parlementaire à le voir et les deux officiers des armées adverses parlèrent tranquillement des miracles de la fameuse Sainte (ch. 25, pp. 701, 702).

Cela n'empêchait d'ailleurs pas Boulias de profiter du droit de guerre (πολέμου νόμος)¹ et, suivant l'usage des soldats bulgares, de piller les villes romaines jusqu' à Selymbria pour ne pas rentrer en Bulgarie les mains vides. Quand le successeur de Syméon († 927), Pierre, ordonna l'évacuation des villes occupées en Thrace, les Bulgares avant de les quitter les détruisirent complètement (ch. 26, p. 702).

Tels sont les renseignements que nous donne cette Vie sur les guerres bulgaro-byzantines. Elle illustre pour nous d'une façon très vive la vie d'angoisse et d'incertitude qu'ont menée les habitants de la Thrace jusqu' à la conclusion de la paix entre Pierre et Romain Lacapène en 927, paix qu'elle mentionne également (ch. 27, p. 702).

II.

La Vie de ST. MICHEL D' ALEXANDRIE nous transporte à une époque bien postérieure, aux XIII^e et XIV^e siècles. Michel était originaire des environs de Smyrne. Etant tout jeune, il avait été enlevé par les Sarrasins, amené en Egypte, élevé dans la religion musulmane et incorporé de force dans l'armée. Mais, ayant bientôt à la réflexion, regretté d'avoir eu la faiblesse de céder aux menaces des Musulmans, il annonça à ses anciens correligionnaires et à l'évêque de la ville son désir de redevenir chrétien. Il voulut profiter de la venue à Alexandrie d'une délégation byzantine, et déguisé en moine il essaya de s'enfuir. Mais il fut pris, menacé de mort et emprisonné. Cette fois, il resta fidèle à la religion chrétienne. Il fut donc condamné à mort et exécuté. Quel fut l' étonnement de tous quand le martyr, après avoir eu la tête tranchée, prononça encore les mots: "Κύριε ἐλέησον."

De nombreux chrétiens s'étaient rassemblés pour admirer l'intrépidité du condamné et pour recueillir ses reliques. L'auteur énumère toutes les nationalités représentées et invoque leur témoignage (ch. 8, p. 676):

ἀλλ' ἡπείγοντο πάντες πρὸς τὴν καινὴν καὶ θαυμαστὴν θεὸν καὶ παντὸς γένους ἄνθρωποι, Ῥωμαῖοι τῶν διὰ τὴν πρεσβείαν, ἥπερ εἴρηται, καὶ δι' ἐμπορίαν παρατυχόντων τῇ πόλει, Ἰταλοὶ καὶ τούτων γε πλήρης διὰ τὰς ἐμπορίας ἡ πόλις αἰεῖ, Ῥῶς ὡσαύτως ἐθαδὲς ἐκείνη, Ἀραβες, Σύροι, αὐτόθεν τε καὶ ἄλλοθεν ἐπίδημοι· καὶ Τριβαλλοὶ παρῆσαν καὶ αὐτοὶ κατὰ χρεῖαν πρεσβείας εἰς τὸν τῆς χώρας ἄρχοντα, καὶ τί ἂν ἀπαριθμοίη τις πάντας;

Voir ce qu'en dit *Zlatarski*, l. c., II, p. 510.

Ce qui nous surprend surtout c'est la présence des Serbes — on sait que les Byzantins les appelaient alors Τριβαλλοί¹ — à Alexandrie. Ils n'y étaient pas — comme la plupart des représentants des autres nationalités — pour affaires commerciales; ils faisaient partie d'une ambassade serbe.

Que devons-nous penser de ce petit détail? Est-ce que cette mention d'une ambassade serbe à Alexandrie à cette époque correspond à quelque réalité? C'est ce que nous allons voir.

L'auteur de la Vie de St. Michel est Théodore Métochite qui remplissait les fonctions de Grand Logothète sous l'empereur Andronic II (1282–1328). On connaît l'érudition de cet homme qu'a célébré surtout le fameux Nicéphore Grégoras.² Mais l'œuvre littéraire de ce savant nous intéresse moins ici que sa carrière politique. Nous savons que Métochite a joué un rôle très actif dans les rapports entre les Serbes et les Byzantins à cette époque et qu'il connaissait bien la situation intérieure de la Serbie, pour y avoir conduit, à cinq reprises, une ambassade byzantine. Ses négociations, destinées à mettre fin à l'état de guerre existant depuis vingt ans entre Byzance et la Serbie, furent couronnées par le mariage du roi serbe STEPHANE UROŠ II avec Simonis, la fille d'Andronic II (1299).³ La fiancée n'avait que cinq ou huit ans, tandis que le roi Uroš en avait quarante.⁴ Ce mariage marque un grand succès de la diplomatie byzantine. On regagna une partie des conquêtes faites par Uroš en Macédoine, en ne lui donnant, à titre de dot, que les territoires situés au nord de la ligne Velessa–Perlepes–Ochrida. On s'assura en outre l'alliance d'Uroš contre les Turcs qui ravageaient l'Asie Mineure. Les bonnes relations entre Uroš et Andronic II furent interrompues, il est vrai, à deux reprises après la conclusion de la paix de 1299 mais d'une façon toute temporaire. Bien au courant des affaires serbes, Métochite envoyait à Byzance des rapports qui nous ont été conservés.⁵

Ce qu'il dit d'une ambassade serbe à Alexandrie devient par suite moins suspect. Malheureusement, nous cherchons en vain un détail qui nous permette d'identifier cette ambassade et d'en indiquer la date. Ne pourrait-on pas pourtant penser à l'époque où les Serbes, alliés aux Byzantins, combattaient les Turcs? En effet, en 1311 un corps auxiliaire de 2000 cavaliers serbes aida les Byzantins à déloger les bandes turques qui s'étaient séparées de la fameuse, «compagnie ca-

¹ Voir *Lampros*, *Byzantinische Zeitschrift*, tome V, p. 71. — Voir *Niederte*, *l. c.*, p. 375. L'auteur de la Vie appelle souvent ainsi les Serbes à son séjour en Serbie dont nous parlons plus loin.

² Voir R. *Guilland*, *Essai sur Nicéphore Grégoras*, Paris, 1926, pp. 5–14 et passim. Les lettres de Nicéphore Grégoras à Métochite, voir *idem*, *Correspondance de Nicéphore Grégoras*, Paris, 1927, nr. 3, 4, 14, 15, 16.

³ K. *Jireček*, *Geschichte der Serben*, Gotha, 1911, I, pp. 339 et suiv.

⁴ Voir sur ce détail l'intéressante étude de M. *Laskaris*, *Византиске принцезе у средњевијековној Србији*, Београд, 1926, pp. 53–83. L'autobiographie de Métochite, écrite en vers, a été publiée par *Treu*, *Dichtungen des Groß-Logotheten Theodoros Metochites*, Programm des Victoria Gymnasiums zu Potsdam, 1895.

⁵ *Sathas*, *Bibliotheca graeca mediæ aevi*, Venise, 1872, I, pp. 154 et suiv.: Θεοδώρου Μετοχ. προσβευτικός.

talane» et qui s'étaient installées à Gallipoli. Les Serbes furent ensuite envoyés en Anatolie où ils remportèrent quelques succès (1313).¹ Il se pourrait donc, que l'ambassade serbe à Alexandrie coïncidât avec cette campagne contre les Turcs. Le fait que les Byzantins s'y trouvaient en même temps que les Serbes, paraît donner à cette hypothèse une certaine vraisemblance. On pourrait ainsi fixer également la date de la mort de St. Michel. Mais bien entendu, tout cela n'est encore que du domaine de l'hypothèse.

La mention de la présence des Russes à Alexandrie vers cette époque n'est pas non plus sans importance. Nous n'avons pas beaucoup de documents qui prouvent leurs relations avec l'Egypte. Jusqu'au début du XIII^e siècle nous ne possédons que quelques témoignages plus ou moins sûrs qui démontrent que les vaisseaux russes poussaient jusqu' à Alexandrie.² La présence d'autres étrangers surtout des Italiens n'a naturellement rien d'extraordinaire. L'image que nous donne Métochite du caractère commercial d'Alexandrie à cette époque, est assez saisissant.

*

On trouvera en outre dans la VIE DE ST. TRYPHON (pp. 318 et suiv.) quelques indications concernant le culte de ce Saint à Cattaro, culte qui remonte au IX^e siècle. *Constantin le Porphyrogénète*³ dit lui-même que le corps de Saint Tryphon reposait dans cette ville. On saura gré aux Bollandistes d'avoir réuni ici tous les documents sur la vénération de St. Tryphon à Cattaro en résumant tout ce qui a été écrit sur ce culte local, particulièrement vivant au XIII^e et XIV^e siècles.⁴ Vers 1331 le roi serbe Etienne Dušan fit même frapper deux sortes de monnaie en argent à l'effigie du Saint et en 1378 les Venitiens prirent une partie des reliques du Saint pour se payer de la peine qu'ils avaient eue à enlever la ville aux Hongrois.⁵

*

La Vie du bienheureux GRATIA (XVI^e siècle, pp. 297 et suiv.) a également une grande importance pour l'histoire locale de Cattaro. Son corps repose à Mulla près de cette dernière ville. Dans la vie de St. Hélène de Hongrie (XIII^e s.) on parle des incursions tartares et sur l'établissement de quelques moniales de Veszprém à Nona (Nin) et à Jadera (Zadar), (p. 269). Comme ces deux Vies ne soulèvent aucun problème, et comme la première se rapporte à une époque plus récente, nous nous bornons ici à les enregistrer tout simplement.

*

¹ *Jireček, l. c.* p. 434; sur la débacle des Turcs près de Gallipoli voir, *Schlumberger*, Expéditions des «Almogavars» ou routiers catalans, Paris, 1924, (3^e éd.) pp. 297, 298.

² Voir *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant, Leipzig, 1923 (réimpression), I pp. 70 et suiv., surtout II, p. 736. *Ibidem* sur le commerce en Egypte surtout à Alexandrie, I, pp. 378 et suiv.

³ De administrando imperio cap. 29, Bonn, p. 139.

⁴ On trouve, en effet, dans les documents contemporaines de nombreux personnages des environs de Cattaro portant le nom du Saint. Voir p. ex *Thallóczy, Jireček, Sufflay*, Acta et Diplomata res Albanat mediae aetatis illustrantia, Vienne, 1913, I, nr. 93, 205, 222, 225, 476, 588.

⁵ *Farlati*, Illyricum sacrum, Venetiis, 1800, I, pp. 451 et suiv.

Celui qui s'occupe de l'histoire des Slaves du Nord saura gré au Père DELEHAYE d'avoir inséré dans le tome (pp. 564–566) un commentaire malheureusement trop succinct sur ST. JEAN évêque de MECKLEMBOURG qui fut tué par les OBODRITES à Rethra en 1066. Nous savons très peu de choses sur l'activité de ce Saint. Son culte d'ailleurs ne paraît pas avoir été répandu. Jean, originaire de Hibernie paraît avoir prêché d'abord parmi les habitants de l'Islande. Il y vint sous l'épiscopat d'Adalbert, peut-être même dépêché par lui, après 1043, probablement entre 1046 et 1050. Revenu d'Islande, il fut envoyé par l'archevêque Adalbert auprès des tribus slaves, fut fait évêque de Mecklembourg et fut massacré par les Obodrites avec le prince Godeschal, le prêtre Eppo et le moine Ansuère. La bibliographie que donne le Père Delchaye rendra service à celui qui s'intéresse à la christianisation des Slaves du Nord. On y trouvera également quelques remarques sur la prétendue découverte de l'Amérique avant Christophe Colombe car St. Jean – d'après les *Gesta episcoporum Islandiae* – était réputé avoir prêché l'évangile «in Vinlandia» (aujourd'hui Massachussets et Rhode Island.)

*

On trouvera en outre dans le tome IV de Novembre l'édition critique des différentes biographies de ST. THÉODORE, saint militaire et martyr d'Euchaïtis en Hellespont. On sait que le nom de ce Saint est en connexion avec la campagne de JEAN TZIMISCÉS contre les Scythes (Russes) en 972. GEORGES LE CEDRENE et JEAN ZONARAS en parlent assez amplement dans leurs histoires.¹

Un autre miracle qui est attribué à St. Théodore arriva en 934 à Euchaïtis. Le Saint y repoussa les Sarrasins qui attaquaient la ville par surprise (ch. 12, p. 53):

Τῷ τεσσαρεκαίδεκάτῳ ἔτει τῆς θεοφυλάκτου καὶ φιλοχρίστου βασιλείας < Ῥωμανοῦ εἰκοστῷ πρώτῳ > Κωνσταντίνου, τῆς μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Σαρακηνῶν πεπεραιωθείσης εἰρήνης, ἐν ἀρχῇ τῆς ἐβδόμης ἰνδοκτιῶνος καταστρατεύσαντες οἱ ἁλιτῆριοι Ἀγαρηνοί, τὴν γῆν ἡμῶν πᾶσαν ἠρήμωσαν διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν.

La date est donc exacte, mais les autres indications sont très vagues. On y parle des Agaréens, des Scythes et des Huns, de sorte qu'il est difficile de dire quelle est cette population qui avait attaqué la ville:

. . . . ἐπὶ τῶν ἀγρίων Σκυθῶν τε καὶ Οὐννων. Πολλάκις τοίνυν τῶν Ἀγαρηνῶν προσβαλόντων.

Comme il s'agit ici d'un événement d'un caractère plutôt local, la chose est moins importante pour nous. Il est curieux de constater, que c'est une femme, comme dans le récit de Cedrene, qui fut le principal témoin de ce miracle!

*

¹ Georg. Cedren., *Histor. comp.*, Bonn, II, p. 411; Zonaras, *Epit. hist.*, XIII. 3, 9–19, Bonn, III, pp. 532 et suiv. Schlumberger, *L'Épopée byzantine à fin du Xe siècle*, Paris, 1925 (1896) pp. 79 et suiv. (89 et suiv.).

On trouve une pareille confusion dans le récit de la vie et des miracles de ST. PROBUS, évêque de Ravenne. Probablement en 927 des hordes barbares dévastèrent l'église de St. Apollinaire in Classe, (ch. 5, p. 478): «Tunc Agarenorum gens a suis elapsa finibus, sive Sclavinorum ut plerique aiunt sancta beati Apolinaris cuncta conculcantes, argenti tam confessionis quam civorii ornamenta auferentes, omnia annullantes, ad propria repedarunt.» La dévastation que nous décrit ici l'hagiographe paraît avoir été en effet horrible.

Il s'agit ici d'après toute vraisemblance d'une razzia organisée par une bande de pirates — un événement qui a un intérêt plutôt local et qui est sans grande importance. La mention des Slaves faisant cause commune avec les Sarrasins, mérite pourtant d'être relevée. Si la date de 927¹ est exacte, on peut y voir un curieux écho des événements qui troublaient l'Italie vers cette époque.

En effet, la période de 924–929 est marquée par un regain d'activité de la part des Sarrasins. En 925 une armée africaine débarque près de Tarente et prend Oria, capturant le stratège et une grande partie de la garnison. En 926 l'émir de Sicile et le chef slave Saïan assiègent et prennent Tarente. Otrante subit aussi une invasion arabe. La ville de Siponto est pillée par le prince des Zachlumiens Michel venant d'Illyrie. Saïan, après avoir rendu une visite — peu agréable d'ailleurs — à Salerne et à Naples, contourne la péninsule et dépassant le promontoire de Gargano, arrive jusqu'à Termoli.

Dans toutes ces incursions de nombreux Slaves aidaient les Arabes, les uns mercenaires, les autres incorporés de force dans l'armée musulmane.² Rien d'étonnant si — dans ces circonstances — il restait dans l'Adriatique des chefs de pirates indépendants qui, profitant bien volontiers de ces troubles, faisaient la course pour des Arabes ou pour leur propre compte.

*

Tels sont les renseignements sur les Slaves que nous donnent les Vies de Saints publiées dans le volume IV de Novembre. Sans en exagérer la portée nous pouvons quand même être satisfait de cette petite moisson utile à l'histoire slave. Cela nous prouve une fois de plus combien il est important même pour l'histoire des Slaves d'étudier avec plus d'attention l'hagiographie byzantine.

¹ Voir *Muratorii*, *Rerum italicarum scriptores* I, 2, *Spicilegium Ravennatis historiae*. pp. 539, 554 et suiv.; *Mittarelli*, *Annales Comaldulenses*, Venetiis, 1755, I, pp. 30 et suiv.; *Rubeus*, *Historiarum Raven. libri decem*, Venetiis, 1572, V, p. 240 parle d'une incursion arabe vers 846–856.

² Consulter pour les détails *A. A. Vasil'ev*, *Византия и Арабы*, Спб., 1902, II, pp. 220 et suiv., 258 et suiv.; *J. Gay*, *L'Italie méridionale et l'Empire byzantin*, Paris, 1904 (Bibliothèque des Ecoles franç. d'Athènes et de Rome, vol. 90), pp. 206 et suiv.; *C. Jireček*, *Geschichte der Serben*, Gotha, 1911, I, pp. 201 et suiv. Cf. *Amari*, *Storia dei Musulmani di Sicilia*, Firenze, 1852–1872, II, pp. 169 et suiv., 218.

NIKOLAJ DURNOVO:

МЫСЛИ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И СЛАВЯНСКИХ АЛФАВИТОВ.

Предисловие.

Некоторые из мнений, высказываемых мною в настоящей работе, основаны не на объективных данных, а на априорных соображениях и потому не претендуют на полную доказательность. Тем не менее, решаюсь их опубликовать в надежде, что самая кажущаяся или действительная их парадоксальность облегчит пересмотр затронутых мною вопросов, который приведёт, может быть, к более положительным результатам, чем достигнутые до сих пор. Представляя свои соображения на суд лиц, знакомых с литературой вопроса не хуже меня, считаю лишними всякие библиографические примечания и ссылки и воздерживаюсь от всякой полемики. Мнение тех критиков, которые считают главным достоинством научной работы библиографическую осведомлённость автора и обстоятельность в передаче чужих мнений, для меня не интересно. Упомяну лишь, что в своей работе я воспользовался отчасти и теми устными и письменными указаниями и замечаниями, какие были мне сделаны лицами, с которыми я делился своими соображениями прежде, чем решиться на их опубликование. Всем им моё сердечное спасибо.

Предварительные замечания.

В нижеследующем изложении буквы славянского алфавита как кирилловского, так и глаголического передаются буквами русского гражданского шрифта с дополнениями из церковнославянского, болгарского и сербского со следующими отступлениями от транскрипции, принятой Ягичем: глаголическое «зѣло» везде называется по имени, чтобы не употреблять букву «з» и не поддерживать в читателе традиционного взгляда, вряд ли правильного, что глаголическое «зѣло», подобно позднему кирилловскому «з», соответствует греческому «ς» («вау» или «стигма»); «ѣ» описывается или передается через «а» (у Ягича «а») и буква «э» через «а» (а не «я», как у Ягича).

ГЛАВА I.

К вопросу о происхождении и сущности старославянского языка.

Свв. Кирилл а Мефодий своими переводами положили начало тому славянскому литературному языку, который в древнейшей известной нам его форме мы называем *старославянским*. Из определения его, как литературного, вытекает, что под этим термином следует понимать известную норму, которой стремились следовать писатели, переводчики и писцы, писавшие на этом языке, и которую нельзя отождествлять с их индивидуальным языком или живым говором. Старославянскому литературному языку принадлежат только те из язы-

ковых черт, извлекаемых нами из его древнейших памятников, которые проводятся пишущими на нем, как *нормы*, с тою последовательностью, какую им позволяет их грамотность; черты, не проведенные в этих памятниках последовательно и представляющие лишь уклонения от принятых пишущими норм литературного языка, самому старославянскому языку, как языку литературному, не принадлежат и должны рассматриваться, как отражение тех или других живых говоров или другого литературного языка. Из того же определения следует, что хотя в основе старославянского языка лежал живой говор, и что а ргіогі возможен литературный язык, всеми своими чертами совпадающий с живым говором и не заключающий элементов других говоров или языков, мы не имеем права предполагать без достаточных оснований, что старославянский язык, каким мы его знаем, всеми своими чертами совпадал с тем или другим славянским языком или говором.

Являясь литературным языком разных славянских народов, старославянский язык представлял разные варианты в зависимости от различий в языке пользовавшихся им народов и с течением времени испытал всюду сложную эволюцию, значительно удалившую выросшие из него позднейшие литературные славянские языки, как например, церковнославянский язык болгарской, сербской, русской и чешскоморавской редакции и, наконец, русский литературный язык, от старославянского языка в его первоначальном виде. Хронологической гранью между языком старославянским и развившимся из него церковнославянским языком болгарского, сербского, русского и чешскоморавского изводов я бы предложил условно считать период утраты первым (т. е. именно этим литературным языком, а не говором переписчиков старославянских памятников) двух наиболее характерных фонетических архаизмов: 1) наличия самостоятельных, отличных от других гласных и различающихся между собой, звуков *ѣ* и *ь* как в сильном, так и в слабом положении и 2) присутствия так называемых носовых гласных. Принятие этого условия устранило бы колебания в отнесении того или другого памятника к числу старославянских или нестарославянских.¹

Различиями в языке народов, пользовавшихся старославянским языком, как литературным, вызвано существование двух главных вариантов этого языка: 1) чешскоморавского, представленного лишь Киевскими листками (КЛ)² и Пражскими отрывками (Пр. отр.) и единичными словами в писанных латиницей Венских и Пражских глоссах XII в., но отразившегося также в виде единичных моравизмов в написаниях Мар. Ев., Син. Пс. и Клоц.,³ и 2) болгарского, представленного остальными памятниками старославянского языка, как собственно болгарскими, так и македонскими, сербскими и русскими.⁴ Правописание па-

¹ См. Приложение I.

² Доводы в пользу чешского происхождения КЛ собраны Р. Якобсоном в подготовленной к печати статье «О происхождении и о стихотворной форме Киевского Миссала.»

³ Мар. *розъство*, *внзжъ*, Син. Пс. *нѣвѣзства*, *ослаце*, приставка *въ-* 9 раз, м. б., *върезѣмъ шага*, *плача*, *рагъ*, *въса земля* *помъ* *згъ*, Клоц. *розъство* и *резъствоу* 3 раза.

⁴ См. главу II.

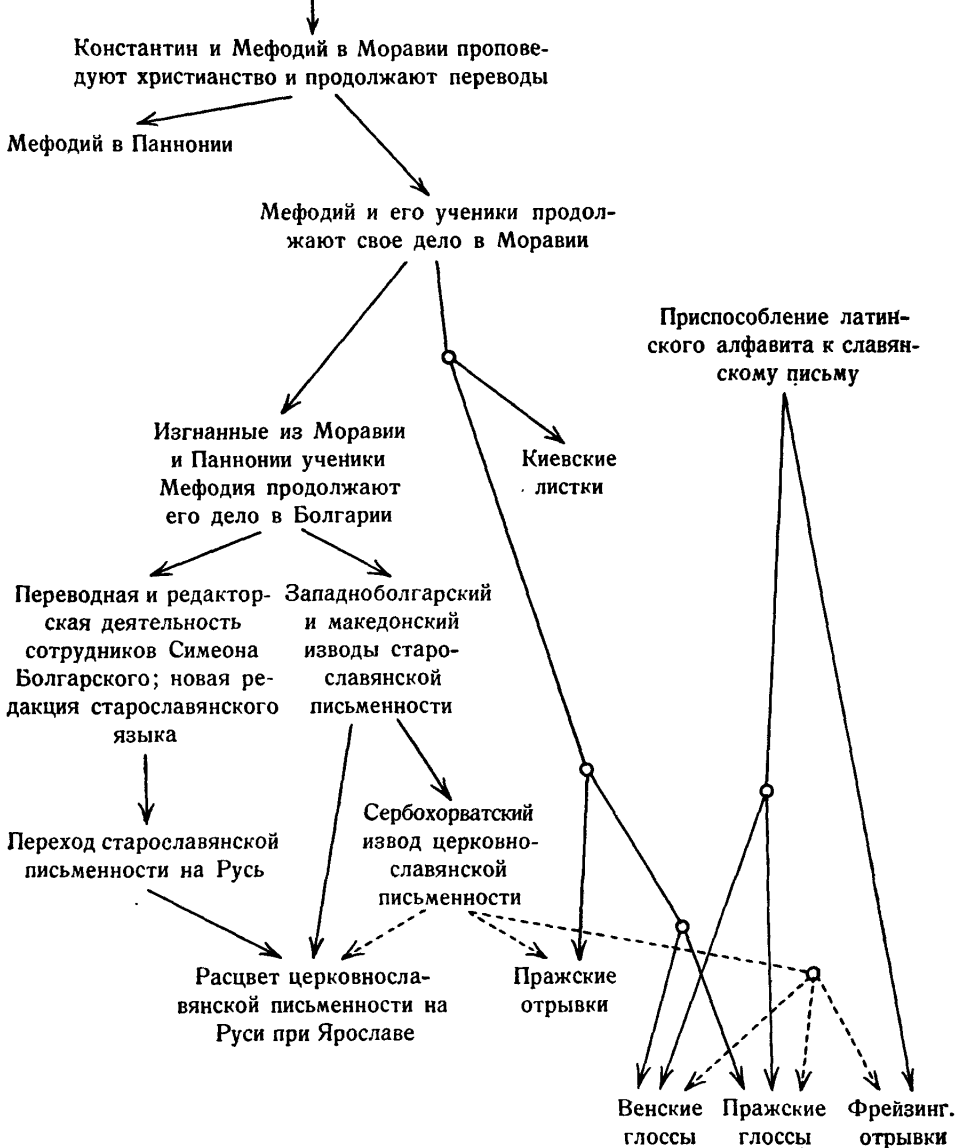
мятников *чешскоморавской* редакции характеризуется употреблением «з» из общеславянского *dj*, «ц» из общеславянского *tj* и *kt* перед палатальными, «шч» из общеславянского *stj*, *skj*, «ѣмь» и «ьмь» в instr. sg. m.; памятников болгарской редакции — «жд» из общеславянского *dj*, *zdj* и *zgj*, «шт» и «щ» из общеславянского *tj*, *kt* перед палатальными, *stj* и *skj* и обычно (кроме памятников русского извода) — «омь» и «емь» в instr. sg. m.

Варианты или редакции старославянского языка не следует смешивать со славянскими диалектами, отражающимися в памятниках старославянского языка. Уже в древнейших памятниках болгарской редакции отражаются черты разных болгарских, македонских, сербохорватских и русских говоров; таково смешение *ѣ* и *ь*, указывающее на совпадение гласных *ѣ* и *ь* вообще или при известных условиях; смешение *ѣ* и *ь* с *о* и *е*, указывающее на говоры, в которых *ѣ* и *ь* совпали с *о* и *е*; смешение юсов, указывающее на болгарское диалектическое совпадение *ѡ* и *ѣ*, при известных условиях; смешение *ж* с *ѡ* или *ѡ*, а *ѣ* с *ѣ* или *ѣ*, указывающее на денализацию носовых гласных; отсутствие т. наз. *l* epentheticum после губных; в чешскоморавских Пражских отрывках — смешение *ж* и *ѡ* и написание *дл* вм. *л* из общеславянского *dl* и др. Поскольку эти особенности встречаются в памятниках лишь, как ошибки, т. е. как случайные, непоследовательные уклонения от норм, принятых писцами, они не могут рассматриваться, как особенности диалектов старославянского языка, а только как отражение говора писцов. Но как только подобные написания становятся систематическими, они указывают на возникновение нового варианта старославянского языка или на новый этап в его развитии, выходящий за пределы того, что мы называем старославянским языком.

Так как церковнославянская традиция в чешскоморавской области рано прервалась и представлена там только двумя небольшими отрывками, отдельными глоссами и немногочисленными следами в более поздних чешских переводах, причем старший и более ценный из старославянских отрывков чешскоморавского происхождения — Киевские листки — представляя чистый, строго выдержанный образчик чешскоморавского варианта старославянского языка, по своему составу, однако, уклоняется от старшей кирилломефодиевской традиции, Пражские листки слишком незначительны и содержат много ошибок писца, а Венские и Пражские глоссы, не сохранившие носовых гласных, являются поэтому памятниками не столько старославянского, сколько церковнославянского языка чешскоморавской редакции, то старославянский язык с достаточной полнотой оказывается представлен только текстами болгарской редакции в широком смысле слова (т. е. болгарскими, македонскими и русскими). Поэтому вполне естественно, что многие ученые, оставляя чешскоморавские памятники старославянского языка в стороне, отождествляют его с его болгарским вариантом и рассматривают, как литературный диалект староболгарского языка, хотя в сущности старославянский язык южнославянских и русских текстов — только один из вариантов старославянского языка. Но было бы слишком поспешно отождествлять болгарский вариант старославянского языка с языком Кирилла а Мефодия.

Чтобы отчетливее представить отношение старославянских памятников друг к другу и к Кирилло-Мефодиевской традиции, представлю пути славянской письменности в виде генеалогической таблицы.

Константин Философ в Солуни изобретает славянскую азбуку и приступает к переводу книг на славянский язык



Из приведенной схемы видно, что представления о языке Кирилла и Мефодия и их переводов, извлекаемые исключительно из памятников южнославянских и русских, основаны на одностороннем материале и могут быть ошибочны, потому что одни южнославянские и русские памятники не дают указаний на те изменения, какие претерпел ст.-сл. язык при своем переходе из Солуни в Моравию и Паннонию, а оттуда в Болгарию, и не позволяют отделить черты, свойственные языку Кирилла и Мефодия, от позднейших, внесённых в ст.-сл. язык лишь после появления учеников Мефодия в Болгарии. Более надежные данные о языке Кирилла и Мефодия могут быть получены лишь путём сопоставления текстов ю.-сл. и русских с текстами чешскоморавскими. Такое сличение позволяет установить с полной уверенностью южнославянское происхождение ст.-сл. языка. Как в ю.-сл. и русских, так и в чешскоморавских памятниках ст.-сл. языка имеются между прочим следующие особенности правописания, указывающие на ю.-сл. основу ст.-сл. языка: 1) л из о.-сл. *j* после губных, 2) одно л из о.-сл. *dl, tl*, 3) с в местоимённой основе *кѣс-* (из чешскоморавских памятников только в КЛ), 4) т в о.-сл. основе *tudj-*, 5) *dat.-loc. sg. prpn. tѣkъ*, 6) может быть, начальное *ра-, ла-,* из о.-сл. *or-, ol-* в неаккутованных слогах, если в чешскоморавских памятниках это не словакизм.

Что касается правильного употребления носовых, то можно думать, что т. наз. носовые гласные не только в болгарских и македонских, но и в чешскоморавских говорах сохранялись еще в X веке, так что эта черта ст.-сл. языка на его происхождение не указывает.

Но сличение между собою ю.-сл., русских и чешскоморавских памятников ст.-сл. языка оставит без ответа вопрос о том, какую судьбу имели в языке Кирилла и Мефодия и вообще в ст.-сл. языке до образования его чешскоморавского и болгарского вариантов о.-сл. *dj, tj, k't', stj, skj, zdj, zgj*, так как памятники чешскоморавские в этом случае совершенно расходятся с ю.-сл. и русскими, причем ясно с одной стороны, что передача рефлексов названных сочетаний в чешскоморавских памятниках возникла несомненно уже на чешскоморавской почве, а с другой, что и передача их в текстах ю.-сл. и русских, как отвечающая вполне болгарской фонетике, могла также возникнуть и после прихода учеников Мефодия из Моравии и Паннонии в Болгарию, заменивши собой какую-нибудь другую передачу.¹ Единичные орфографические и морфологические моравизмы в Мар., Син. Пс. и Клоц. показывают, что на Балканский полуостров проникали рукописи, писанные мораванами или для мораван; возможно, что такие рукописи были принесены еще в конце IX в. учениками Мефодия, но, несомненно, эти же ученики принесли с собой и тексты, писанные первоначальной орфографией, употреблявшейся Кириллом до поездки в Мора-

¹ Следует помнить, что старший памятник чешскоморавской редакции КЛ, отдален от времени деятельности Кирилла и Мефодия, может быть, на целых 100 лет, а старшие памятники болгарской редакции, по всей вероятности, не менее, как на 100 лет, т. е. на промежуток времени, не меньший того, какой отделяет, положим, Остромирово Ев. от Галицкого ев. 1144 г. или Мирославова ев. от Мариинского.

вию, и не подвергшиеся систематической моравизации. Была ли эта предполагаемая первоначальная орфография в основном та же, что и орфография ю.-сл. текстов XI в. или другая? Сличение ю.-сл. и русских текстов с чешско-моравскими, как уже сказано выше, на этот вопрос ответа не дает. Но есть другие источники для суждения о языке Кирилла и Мефодия. Это — славянская азбука, изобретённая Кириллом, о составе которой, кроме старших славянских текстов, говорят также славянские стихотворения конца IX или начала X в. с акростихом, древнейшие перечни букв славянской азбуки а глаголическая цифровая система.

Из двух древнейших славянских азбук более отчётливые указания на язык составителя даёт *глаголица*. Что глаголица изобретена Кириллом, можно считать установленным: нет оснований сомневаться в достоверности показаний т. наз. паннонских житий и Храбра об изобретении славянской азбуки Кириллом, а в таком случае за глаголицу кроме юсов, ясных по своему составу в глаголице и необъяснимых в кириллице, если признавать ее связь с глаголицей, иначе, как стилизацией юсов глаголических, говорит и то соображение, что вряд ли жития и Храбр могли говорить об изобретении (хотя бы и по образцу греческой) Кириллом полной славянской азбуки, если бы речь шла о кириллице, п. ч. в этой последней только 14 букв, отсутствующих в греческом унциале, действительно, изобретены, остальные без изменения как начертаний, так и значений, перенесены из греческого унциала.¹

Следующие особенности состава и начертаний глаголицы могут указывать на язык, для которого составлена славянская азбука: 1) одна буква *ѣ* для *ja*, для *a* после смягченных и для *ě*; 2) особая буква *дѣѣло* для мягкой свистящей согласной, получившейся в о.-сл. из *g* перед *ě* и *i* из *oĭ* и после палатальных гласных, отличная от буквы для *z* (*ž*); 3) особая буква *ћ*, употребляющаяся для передачи греч. *γ* перед палатальными гласными, но занимающая в славянском алфавите место не рядом с буквой, соответствующей греч. *γ* в других случаях, и не в конце алфавита; 4) особая буква *ш*, служащая в текстах болгарской редакции для передачи рефлексов о.-сл. *kt* перед палатальными гласными, *tj*, *stj* и *skj* и отсутствующая в текстах чешско-моравской редакции; 5) передача т. наз. носовых гласных посредством сочетаний или лигатур из букв для *o* и *e* и особой буквы, не встречающейся вне такой лигатуры, с буквой, означавшей неопределенную носовую согласную; 6) может быть, также отсутствие особого обозначения для *i* или *j* или хотя бы для сочетаний *i* или *j* с *e* и *ě*.

1) *ja*, *a* после смягченных и *ě* передаются одной буквой только в глаголице; в кириллице — две буквы, *ѣ* и *и*, с различным этимологическим значением, причём буква *ѣ* имеется во всех памятниках, *и* почти во всех и притом уже в самых старших. Если в кириллице обе буквы с разным значением существуют издавна, то может явиться вопрос, не было ли в этом случае двух

¹ См. главу III.

букв с различным значением и в первоначальной глаголице. На вопрос этот следует ответить отрицательно. Если бы в первоначальной глаголице для *ѣ* и для *ѣа* и *а* после мягких были разные буквы, то обе они должны были удержаться в чешскоморавском письме, п. ч. в чешском и словацком языках эти звуки всегда различались этимологически; однако никаких следов другой буквы нет не только в глаголических памятниках болгарского и македонского письма, но и в чешскоморавских. Принимая во внимание высокие достоинства и полноту славянской азбуки, следует думать, что существование в глаголице одной буквы для *ѣа*, *а* после смягчённых и *ѣ* свидетельствует об отсутствии этимологического различия между этими звуками в говоре, для которого составлялась азбука, т. е. что, если в языке и существовало объективное различие между звуками *а* после мягких и *ѣа* с одной стороны и звуком *ѣ* с другой, то это различие было обусловлено фонетически (или вообще речевыми условиями) и, как этимологический факт, отсутствовало. Такое соотношение между этими звуками являлось в IX в. только в болгарских и македонских говорах, где совпали не только старые *ѣ* и *а* после смягчённых и *ѣа* и *ѣ* не в начале слова после гласных, как во всех славянских языках, но и *ѣ* и *ѣа* в начале слова, различающиеся во всех других славянских языках; потомками таких говоров являются нынешние болгарские и македонские говоры, имеющие начальное *ѣа* как из о.-сл. *ѣа* (*яма*), так и из о.-сл. *ѣ* (*ямъ*). Произносился ли гласный звук из старых *ѣ* и *ѣа* после *ѣ* и смягчённых (о.-сл. 'а) в говоре, для которого составлена азбука, иначе, чем *ѣ* не после *ѣ* и смягчённых, как в большей части нынешних болгарских и македонских говоров, или одинаково, как в нынешних ю.-вост. болгарских и македонских говорах, на это глаголица прямых указаний не даёт, потому что в этих положениях эти звуки, если и различались объективно, то не различались этимологически и могли поэтому без ущерба для чтения обозначаться одной буквой.

2) Для свистящей согласной из старого *ǣ* особая буква «зѣло» имеется только в ю.-сл. глаголических текстах. В чешскоморавских в звуковом значении эта буква не встречается: в КЛ отсутствуют самые слова и формы, где можно было бы её ждать, в Пр. отр. нозѣ написано с буквой «з». В соответствии же со словац. *dz*, чш. *z* из *dj* в обоих текстах пишется «з», и та же буква пишется в соответствии со староболг. «жд» и в моравизмах Мар., Син. Пс. и Клоц, где вообще буква «зѣло» имеется. Отсутствие особой буквы для свистящей из старого *ǣ* и передача свистящей из *dj* через «з» в чешскоморавских текстах могли быть вызваны как тем, что чешскоморавское правописание возникло в области, где эти свистящие не отличались от *z*, так и тем, что соответствующая буква в первоначальной глаголице отсутствовала. Но последнее мало вероятно. Если бы буква «зѣло» была введена в глаголическую азбуку позднее, вряд ли она заняла бы соответствующее место в глаголической цифровой системе и в глаголическом алфавите (после «е» и перед «з»). Кроме того, глаголическая буква «з» напоминает греческую букву *ϑ* и может считаться стилизацией этой последней. Составитель глаголицы мог использовать

для передачи славянского *z* эту букву только в том случае, если буква *z* им была использована для какого-то другого звука, близкого по своему произношению к греческому звуку, передававшемуся буквой «*z*»; таким звуком и могла быть звонкая свистящая из старого *ǵ*; т. е. можно думать, что буква «*zъло*» соответствует как раз греч. «*ζ*». Если в первоначальной глаголице были обе буквы, различавшиеся этимологически, то очевидно, что в языке, для которого составлена азбука, им соответствовали два этимологически различных звука. Различие между ними состояло не только в степени палатальности: славянские азбуки не имели особых букв для палатальных *l*, *n*, *r*, *s*, и нет оснований думать, что палатальное *z* в этом отношении представляло исключение. Поэтому надо думать, что из о.-сл. *ǵ* перед *ě* и *i* из *oǵ* и после палатальных гласных в этом языке было не *ž*, а *dž*. Так как в сербохорватских и словинских говорах в этом случае уже издавна *z*, а не *dz*, то и эту особенность азбуки можно понимать, как указание на принадлежность говора Первоучителей к болгарской или македонской группе, хотя и не такое решительное, п. ч. мы не знаем, когда (может быть, после IX в.) в сербохорватском и словинском первоначальное *dž* изменилось в *ž*.

3) Загадочной является буква «*ћ*». В древнейших текстах она употребляется только для передачи греч. *γ* перед палатальными гласными, притом по большей части в таких греческих словах, которые вряд ли были известны славянам до принятия христианства, да и позднее вряд ли употреблялись в обиходной речи. Для передачи того звука, какой в подобных случаях произносили греки или славяне, когда хотели воспроизвести греческое произношение, изобретать особую букву и помещать её в алфавите не рядом с буквой, соответствующей греч. *γ* в других случаях, не было никакого смысла. В греч. словах грамотный в греческом письме составитель азбуки субъективно даже вряд ли мог отличить соответствующий звук от греческого *γ* не перед палатальными, если не имел подобного звука в своей славянской речи. Невероятно, чтобы этот звук существовал кроме слов, создававшихся чужими, только в одном, двух словах греческого происхождения (в роде, напр., слова *анѣль*), настолько усвоенных славянским языком, что они уже не ощущались, как чужие. На место непроницаемого греч. *γ* перед палатальными в таком случае мог быть подставлен только какой-нибудь звук, уже существовавший в своём языке. Мы даже не можем быть уверены в том, что эта буква в глаголице уже с самого начала употреблялась для передачи греческого *γ* перед палатальными. Константин Болгарский несомненно знал эту букву потому, что в его стихотворении с акростихом соответствующий стих имеется.¹ Но вместо слова, начинающегося с этой буквы, он начинает соответствующий стих с произвольно выбранного слова, этой буквы не заключающей. Между тем, греческих слов, начинающихся с *γ* перед палатальными, он не мог не знать, ср. другое анонимное болгарское стихотворение с акростихом X в. в Ярославском молитвеннике, где соответ-

¹ См. Приложение II.

ствующий стих начинается с греческого слова *ѣона*. Всё это заставляет предположить, что буква «ѣ» была изобретена для передачи какого-то славянского звука, не встречавшегося в начале слова. Правда, в древнейших глаголических памятниках она ни в одном славянском слове не встречается, но отсюда ещё нельзя заключать, что и первоначально она ни в одном славянском слове не писалась: могло быть, что звук, для которого она была изобретена, отсутствовал и в том моравском говоре, который отразился на правописании чешско-моравских текстов, и в тех болгарских говорах, которые отразились на правописании древнейших ю.-сл. и русских текстов, и что в обеих диалектических группах соответствующий звук совпал с какими-то другими и потому не требовал для себя особого обозначения. Что же это был за звук? В сербохорватских глаголических памятниках, начиная со 2-й половины XII в., и в тех сербохорватских кирилловских памятниках, которые сохранили букву «ѣ», эта буква и соответствующая ей глаголическая буква ипотребляются не только для передачи греч. *γ* перед палатальными, но иногда и для передачи сербохорватских рефлексов о.-сл. *dj*. Возможно, что это и было первоначальное значение буквы «ѣ». В таком случае чешскоморавское правописание *должно* было устранить эту букву из своих слов, потому что из *dj* чешский язык имел звук *z*, для которого в азбуке была другая буква, как устранило и букву «щ» в значении рефлекса о.-сл. *tj*, заменив её буквою «ц», как сербохорватское и русское правописание устранили букву «ж», сербохорватское — букву «ѣ», а русское — сочетание «жд» в значении рефлекса о.-сл. *dj*.¹ Точно также и болгарское правописание, возникшее в области говоров с *dj > žd'*, *должно* было устранить букву «ѣ» из своих слов по аналогичным причинам. Если буква «ѣ» первоначально обозначала рефлекс о.-сл. *dj*, отличный и от чешскоморавского *ž* и от болгарского *žd'*, то говор, для которого составлена азбука, по судьбе о.-сл. *dj* мог принадлежать к одной группе с нынешними сербскими и зап.-македонскими. Так как против принадлежности его к сербской группе говоров говорит судьба в нём о.-сл. *ě* и, может быть, о.-сл. *ǵ* после палатальных и перед *e* и *i* из *oǵ*, то остаётся одна возможность принадлежности его к группе зап.-македонской. Наблюдатели определяют звук, являющийся в этих говорах более или менее часто на месте о.-сл. *dj*, как *ǵ* палатальное или краепалатальное. В IX в. произношение его могло отличаться от нынешнего (напр., более передней артикуляцией, долготой и т. п.), но вряд ли значительно.

4) Буква «щ» в ю.-сл. и русских текстах употребляется наряду с «шт» для передачи звуковых сочетаний из о.-сл. *kt* перед палатальными гласными, *tj*, *stj* и *skj*. В чешскоморавских текстах «щ» не встречается: на месте о.-сл. *k't'* и *tj* там пишется «ц», а на месте *stj*, *skj* — «шч». Это обстоятельство в связи с тем, что «щ» отсутствует и в старшем ю.-сл. глаголическом тексте

¹ Обращу внимание на то, что «жд» в этом значении уже систематически заменяется через «ж» в Архангельском Ев., которое отделяется от начала письменности на Руси промежуток времени, вряд ли много больше промежутка, отделяющего КЛ от начала письменности в Моравии.

— Зогр. и очень редко пишется во второй половине Мар., а из кирилловских памятников отсутствует и в Супр., и что этой буквы нет и в акrostихах древнейших славянских стихотворных молитв конца IX или начала X в., даёт повод предполагать, что она в первоначальной славянской азбуке как глаголической, так и кирилловской отсутствовала и была введена позднее, как лигатура «ш + т», из-за того, что сочетание «шт» встречалось писцам на каждом шагу, и являлась потребность его сократить. Однако против этого говорит, что «щ» в славянском алфавите занимало первоначально место непосредственно после «w», раньше букв «ц», «ч» и «ш», как видно из её цифрового значения; в акrostихах древнеболгарских стихотворений буква «щ» отсутствует, но соответствующие ей стихи между стихами, начинающимися с «w» и «ц», имеются. Лигатуры того типа, какой представляет начертание «щ», если считать его лигатурой из «ш + т», с написанием второй буквы под первой, в древнейшем славянском письме не встречаются. Действительная лигатура «ш + т» в старом славянском письме существует, но совершенно иная, с «т» наверху. Да и употребление «щ» в славянских текстах XI в. не такое, чтобы давало повод видеть в этом начертании лигатуру. Скорее здесь отражаются разные орфографические системы, из которых система с «щ» вытеснила с течением времени систему с «шт», что не даёт еще повода считать первую позднейшей. Конечно, предположение, что «щ» было уже в славянской азбуке, изобретённой Кириллом, основанное на её цифровом значении, её место в алфавите и очевидной ненужности её в болгарском письме XI в., свидетельствующей о том, что она являлась в этом письме лишь в силу традиции какой-то другой системы письма, где она была нужной, — только гипотеза, не подкрепляемая объективными данными, но, по-моему, не менее правдоподобная, чем основанная исключительно на аргументе *a silentio* гипотеза о позднейшем возникновении этой буквы. Если «щ» было уже в первоначальной славянской азбуке, то из этого еще не следует, что она и там имела то-же значение, с каким она известна из ю.-сл. и русских текстов XI в., т. е. что она обозначала сочетание *št'* или *šč*. Во втором случае устранение её из чешскоморавского правописания было бы непонятно, в первом излишне. Решаюсь высказать догадку, что «щ» в доморавской славянской азбуке было знаком для глухой параллели тому звуку, который обозначался буквою «ћ», т. е. для звука, являвшегося в Солунском говоре на месте о.-сл. *tj* и *kt* перед палатальными гласными. Естественно, что в чешскоморавском письме она была заменена буквою «ц», а в болгарском, вследствие совпадения рефлексов *tj* и *k't'* с рефлексами *stj* и *skj*, должна была или распространиться и на эти последние или замениться сочетанием «шт», передававшим первоначально только рефлексы сочетаний *stj* и *skj*. Эта догадка не противоречила бы предположению о том, что говором, для которого составлялась славянская азбука, был именно Солунский говор.

Гипотеза, что в Солунском говоре IX в. рефлексами о.-сл. *dj*, *tj* и *kt* перед палатальными гласными были не *žd'* и *št'*, а звуки, давшие в нынешних македонских говорах *ǵ* и *k'*, требует принятия другой гипотезы, что в македонских

говорах с двоякими рефлексамися о.-сл. *dj*, *tj* и *k't'* именно, с *ǵ*, *k'* в одних случаях и *ǵd'*, *št'* в других последние являются позднейшим наслоением, т. е., что первоначальные для этих говоров *ǵ'*, *k'* вытесняются в них сочетаниями *ǵd'*, *št* (или *ǵdž*, *šč*) под влиянием болгарских говоров. Думаю, что серьезных препятствий к принятию этой гипотезы нет.

5) Глаголические начертания юсов представляют комбинацию букв для *o*, *e* и какой-то третьей палатальной гласной с буквой для неопределённой носовой согласной и т. о. указывают на то: 1) что соответствующие этим начертаниям звуки произносились в языке, для которого составлена азбука, как сочетания известных гласных с носовой согласной или как гласные носовые, и 2) что гласные звуки в этих сочетаниях на носовую или неносовую элемент этих носовых гласных воспринимались говорящими на этом языке или составителем азбуки в первых двух случаях как звуки, более или менее тождественные с *o* и *e*, а в третьем как звук, нетождественный с другими гласными того же языка. Во всяком случае первые два не были *ǵ* и *ь* носовыми, а первый не был также и *и* носовым; если бы было последнее, то составитель азбуки мог бы, пожалуй, передать *и* носовое комбинацией букв из буквы для *o* и буквы для неопределённой носовой в виду сложности начертания для *и*, но третья носовая должна бы была звучать как *ǵ* носовое, и не было бы надобности для обозначения её неносового элемента создавать особую букву, раз славянский алфавит располагал уже двумя буквами для *ǵ*.

Среди македонских говоров до сих пор есть такие, в которых ст.-сл. юсам соответствуют сочетания гласных с носовыми; но нет надобности усматривать именно в них непосредственных потомков говора Первоучителей, потому что и в остальных македонских говорах, так же, как и в словинских и, повидимому, чешско-моравских, деназализация носовых гласных произошла после IX века. В македонских, как и во всех южнославянских говорах с неносовыми гласными из старых носовых, о.-сл. *ǵ*, поскольку не совпало с о.-сл. *ǵ*, всюду дало *e*; тот же звук получился в болгарских и македонских говорах и из старого *ь*; поэтому судьба *ǵ* в южнославянских языках не даёт никаких указаний для локализации говора Первоучителей. По судьбе старого *ǵ* нынешние македонские говоры представляют 2 группы: в более южных, занимающих территорию, в состав которой входит и территория старого Солунского говора, старое *ǵ* частью совпало со старым *ǵ* в одном звуке, именно в звуке *ǵ* или *o*, частью дало *a*; в более северных старое *ǵ* вообще дало *и*. Если признать, что те или другие из них стоят в генетической связи с говором Первоучителей,¹ то надо допустить, что в них изменение о.-сл. *ǵ* в *ǵ* носовое, откуда позднее *ǵ* или *a* неносовые, или в *и* носовое, откуда нынешнее *и* неносовое,² произошло после IX века. Т. о. более

¹ Если признать, что в генетической связи с говором Первоучителей стоят не нынешние южномакедонские, а нынешние северномакедонские говоры, то придётся предположить, что первоначальный солунский говор был с течением времени вытеснен из своей прежней территории болгарскими говорами.

² На то, что между старым *ǵ* и нынешними *ǵ* и *и* были ступени с *ǵ* и *и* носовыми

точная локализация говора, для которого была составлена славянская азбука, связана с ответом на вопрос, когда произошло болгарскомакедонское изменение о.-сл. *q* в *ѣ* носовое или северомакедонское и сербское изменение его в *и* носовое, до или после IX века: если признать, что первое произошло до IX в., а второе после, то продолжателями старосолунского говора по отношению к судьбе *q* придётся считать не нынешние южномакедонские, а нынешние северномакедонские говоры; при обратном предположении можно таких продолжателей видеть и в южномакедонских говорах. Впрочем и при первом предположении возможно, что в тех говорах, где с течением времени о.-сл. *ѣ* и *q* совпали в одном звуке *o*, гласная *ѣ* носовое, получившаяся в них из о.-сл. *q* еще в доисторическую эпоху, как и в остальных болгарских и македонских говорах, вторично изменялась в *q* раньше, чем *ѣ* неносовое изменилось в *o*, и составление азбуки относится к тому периоду, когда *ѣ* носовое уже перешло в *q*, а *ѣ* неносовое еще сохранялось. В таком случае продолжателями старого солунского говора по судьбе *q* пришлось бы считать нынешние *дебрские* говоры. Вообще вопрос о том, в каком отношении стоят по судьбе о.-сл. *q* нынешние македонские говоры к тому говору, для которого была составлена славянская азбука, остаётся неясным.

б) Отсутствие особого обозначения для *ѣе*, *ѣѣ* или *ѣѣ*, *ѣѣ* в глаголице и, по-видимому, в первоначальной кириллице, свидетельствует о том, что в говоре, для которого составлялась азбука, *е* и *ѣѣ* (*je*), равно как и *е* и *ѣѣ* (*je*) в одних и тех же положениях не встречались. После согласных, очевидно, было только *е* и *ѣ*: те сочетания, которые в известной группе кирилловских памятников передаются через сочетания «н» и «л» с «е» и «ѣ» йотированными, звучали, надо думать, с *н* и *л* палатальными и *е* или *ѣ*; а сочетания губных с *ј*, имевшиеся в болгарских и моравских говорах X и XI в., в том говоре отсутствовали. Что касается *е* в середине слова после гласных, то памятники и болгарской и чешско-моравской редакции указывают на то, что буква «е» в этом положении передавала сочетание *је* или *је*, п. ч. *е* без йотации после *а* и *ѣ* в своих словах изменялось в этом говоре в *а*, а после *е*, что могло быть только в греческих словах, — в *о*: *ѣона*, *кѣтѣомъ* и т. п.;¹ после *і*, по-видимому, и в этом говоре, как и в говоре, отразившемся на правописании Супр., *е* в греческих словах получало перед собою *ј*. Остается вопрос, различались ли в этом говоре *е* и *ѣ* с одной стороны и *је*, *је* (*je*, *je*) с другой стороны в начале слова, или же в начале слова могло быть только *је*, *је* (*je*, *je*) или, наоборот, только *е*, *е* без йотации. В нынешних болгарских и македонских говорах очень распространено произношение с начальным *е* без йотации; в некоторых из них сочетание

указывают с одной стороны диалектическое македонское *ѣт* и *ѣп* из о.-сл. *q*, с другой передача рефлексов о.-сл. *q* через «и» в латинской транскрипции хорватских и чешских имён в X в. и *ип* в немецких и финских заимствованиях из славянских языков.

¹ Что произносили славяне в греч. словах на месте *е* после *а* и *и*, неясно, п. ч. в древнейших текстах, предназначенных для публичного произнесения, такие слова, как *ѣртѣ*, *ѣгѣтѣ*, *ѣгѣна*, *ѣгѣспасѣмъ*, не встречаются.

Была в о.-сл. и другая основа, начинавшаяся с *tj* — *tjut*, являющаяся в русском *чутьё, очутиться*, ст.-сл. *ощютити*, срб. *hъmetи*, «молчать, чувствовать», *hъмлив*, «молчаливый», чш. *cit* «чутьё, чувство», *cítiti* «чувствовать». Но в древнейших ст.-сл. текстах эта основа встречается только в глаголе *ощютити*; слов с той же основой без приставки там нет, и возможно, что их не было и в языке Константина Болгарского и автора стихотворений молитвы Ярославского молитвенника, или что они считали удобным для акростиha брать только слова из св. Писания.

4. После стиха на букву «ѣ» в обоих старших стихотворениях с акростихом следует стих на буквы «хѣ», а затем стих на букву «ѣх»; таким образом нет стиха на букву «ж», но стих на букву «а» имеется, только не рядом со стихом на букву «ѣх», а после стиха на букву «ю». Предполагать случайный пропуск стиха на букву «ж», переписчиками обоих стихотворений нет оснований. Возможно предположение, что или «ж» и «ѣх» считались вариантами одной буквы, а стих, начинающийся с «хѣ» соответствует какой-то другой букве, или же этот стих соответствует букве «ж», но в языке авторов обоих стихотворений не было слов, начинающихся с «ж». Второе было бы возможно только в том случае, если бы в языке авторов перед начальным звуком, передававшимся буквою «ж», обязательно являлся неслоговой звук (*ш* или *ѣ*); первое только в том случае, если звуки, обозначаемые буквами «ж» и «ѣх» этимологически не различались, а объективное различие между ними было обусловлено фонетически или вообще речевыми условиями. Это могло быть именно в том случае, если перед начальным звуком, передававшимся буквою «ж», развивался неслоговой звук *ш* или *ѣ*: в первом случае различие между этими звуками было бы обусловлено положением после непалатальных и после палатальных, во втором случае начальный гласный звук, передававшийся буквою «ж», оказавшись после *ѣ*, должен был измениться в палатальный гласный звук, передававшийся буквою «ѣх», и таким образом различие между этими гласными звуками оказывалось бы также фонетически обусловленным. В виду этого первое предположение оказывается лишним: составителю азбуки не было надобности вводить две буквы для звуков, этимологически не различавшихся. Впрочем, оба предположения не подтверждаются и старшими памятниками ст.-сл. языка, правильно различающими «ж» и «ѣх» в начале слова. Поэтому надо искать другую причину отсутствия стиха на букву «ж». Такой причиной могло быть и то, что в славянском алфавите особой буквы «ж» не было; была свободная, не связанная в лигатуру комбинация: «о» + буква, передававшая неопределённую носовую согласную, между тем как «ѣх» было такой же комбинацией *особой* буквы с буквой для неопределённой носовой согласной. Именно эта особая буква, а не её комбинация с буквой для неопределённой носовой и занимала в алфавите место перед «ю». Если так, то и последней буквой алфавита не была буква «а», представляющая в глаголице комбинацию «е» с буквой для неопределённой носовой согласной, а именно эта последняя. Но соответствующие ей стихи в обоих стихотворениях указывают, что уже во время Константина Бол-

гарского эта буква могла употребляться и в значении «л», как в Зогр.; но такое употребление не было исконным. Такое понимание указаний акростихов делает объяснимым, почему буквы «ѣ» и «л» отделены в алфавите одна от другой буквой, обозначающей носовой гласный звук («ю»): первая часть комбинации, соответствовавшей кирилловскому «ѣ», не обозначала сама по себе носовой гласной, а буква «л» обозначала носовую согласную. За то, что в первоначальном алфавите перед «ю» было не «ѣ», а только буква, составляющая первую часть комбинации, передаваемой в кириллице через «ѣ», говорит и древнейший славянский алфавитарий XI в., в котором в глаголическом алфавите на соответствующем месте имеется именно эта буква.¹

Что касается *названий* букв славянского алфавита, то из них, кажется, нельзя извлечь надёжных данных для суждения о языке Первоучителей, кроме тех, какие можно добыть и иным путём. Притом нет достаточной уверенности в том, что все эти названия первоначальны. Название буквы «ѣ» не сохранилось. Название буквы «щ», повидимому, вторичное. Название «юсъ» первоначально относилось к букве «ю», как видно из *Abecedarium bulgaricum*; следовательно, не сохранилось названий ещё двух или трёх гласных букв.

Таким образом, сравнение между собою показаний старших текстов болгарской и чешскоморавской редакции и анализ состава и начертаний глаголической азбуки в связи с анализом акростихов древнейших ст.-сл. стихотворений позволяет сделать вывод, что говор, для которого Кирилл составил в Солуни азбуку и на который он начал переводить еще там Евангелие, отличался следующими чертами:

1. Произношением начального *а* без йотации в слове *азъ* и, надо думать, в других словах, известных с начальным *а* из старших памятников и нынешних болгарских и, частью, македонских говоров;

2. отсутствием этимологического различия *ја* и *ѣ*, т. е. одинаковыми их рефлексам при одинаковых фонетических положениях, в том числе и в начале слова;

3. сохранением гласных *ѣ* и *ѥ*, отличных от других гласных того же говора, не совпадавших между собой и сохранявшихся, как самостоятельные гласные, и в сильном и в слабом положении;

4. произношением сочетаний гласных *о* и *е* (*а* не *ѣ* и *ѥ*), с неопределённой носовой согласной (надо думать, редуцированной) из о.-сл. *о*, *е*;

5. отсутствием этимологического различия *е* и *је*, равно как и *ѣ* и *је* (в одном и том-же фонетическом положении или при одинаковых функциональных условиях могло быть только *е* и *ѣ* или *је* и *је*);

6. Произношением *л* из о.-сл. *дл*, *тл*;

7. Произношением сочетаний губных с *л'* из о.-сл. сочетаний губных с *ј*;

8. Произношением *ѣ* и *л'* палатальных или других палатальных согласных, отличных от других согласных того же говора (м. пр., и от палатальных со-

¹ См. Приложение 3-е.

гласных из о.-сл. *stj*, *skj* и *zdj*, *zgj*), из о.-сл. *dj*, *tj* и *kt* перед палатальными гласными;

9. Формами прилагательных членных с окончаниями gen. sg. m. -*ajego* или -*aago*, dat sg. m. -*ujeti* или -*umti*, loc. sg. -*ějetъ* или -*ěetъ* и т. д.;

10. Формами dat. sg. личного местоимения 2-го лица и возвратного *tebě*, *sebě*;

11. Формами praes. 2 sg. на -*ši*, 3 sg. и pl. на -*ta* и 1 pl. на *ta*;

12. Формами пом. sg. m. причастий на -*y*;

13. Начальным *t-* в прилагательном *tudjъ* (в текстах болг. редакции *тоуждъ*, в КЛ *тоузімъ*).

Из перечисленных черт черты 7, 10 и 13 указывают на принадлежность говора к числу южно-славянских; 1 и 2 — к группе болгарской или македонской; черта 8 при наличии черт 1 и 2 может указывать только на Зап. Македонию; присутствие в нынешних зап.-македонских говорах *ž* перед начальным *a*, совпадение *z* и *ь* с *o* и *e*, отсутствие *l'* после губных, частые, а в ю.-макед. говорах господствующие, но не вытеснившие окончательно старых *g* и *k'* сочетания *žd*, *št* и *ždž*, *šč* на месте о.-сл. *dj*, *tj* и *k'*, *t'* можно рассматривать, как черты вторичные.

Всё это позволяет с известной уверенностью утверждать, что говор, для которого была составлена азбука, и который лёг в основу ст.-сл. литературного языка, был современным Кириллу говором славянского населения окрестностей Солуни и принадлежал к той группе македонских говоров, потомками которой являются нынешние **западно-македонские** говоры, начиная от самой Солуни.

Этому говору не суждено было однако стать литературным языком. Со своей азбукой и начатым переводом Евангелия Кирилл должен был идти в Моравию, где речь местного населения была несколько иная. Особенности местного говора не могли не отразиться на текстах, переписанных и, тем более, переведённых в Моравии и Паннонии, и с течением времени привели к созданию чешскоморавского варианта ст.-сл. языка, в котором некоторые чешскоморавские черты проявились уже с полной последовательностью. Когда, по смерти Мефодия, его ученики пришли в Болгарию, среди них были и сотрудники Кирилла, работавшие с ним, может быть, еще в Солуни; между принесёнными ими книгами были и такие, правописание которых еще не было приспособлено к моравскому или паннонскому произношению, но были и книги, переписанные мораванами, заключавшие в своем правописании моравизмы. Но говор той части Болгарии, куда прибыли ученики Мефодия, или, может быть, то болгарское *коливъ*, которым говорили при дворе царя Бориса, отличался не только от говоров паннонских и моравских, но и от Солунского говора. На месте о.-сл. *dj*, *tj* и *k'*, *t'* в нём, несомненно, были те же сочетания, что и на месте о.-сл. *zdj*, *stj* и *skj*, и именно — сочетания *žd'*, *št'*; повидимому, в нём старое *ь* после шипящих изменилось в *z*; само *z*, может быть, при каких-то условиях изменилось в *o*, а *ь* — в *e*. Это не могло не отразиться на ст.-сл. правописании. Ни

ТАБЛИЦА.

Строка	Глаголич. цифров- вая система	Abecenarium bulgaricum	Абecedарий Ягича		Стихотворн. молитва Константина Болг.	Стихотв. молитва Яросл. молитвенн.	Сказание черноризца Храбра		
			глаго- лич.	кирилл.			1-я ред.	2-я ред.	3-ья ред.
1.	Ⲡ (1)	Ⲡ – as	(Ⲡ)	(А)	азъ	азъ	азъ	азъ	азъ
2.	ⲡ (2)	ⲡ – bocobi	(ⲡ)	(Б)	Боже	боури	богъ	* Б	бъ
3.	Ⲣ (3)	Ⲣ – uedde	(Ⲣ)	(В)	видимъимъ	въ нощи	в	в	вѣдѣ
4.	ⲣ (4)	ⲣ – glagoli	(ⲣ)	(Г)	господи	грѣховъныѣ	г	г	глаголю
5.	Ⲥ (5)	Ⲥ – dobro	(Ⲥ)	(Д)	да	десницѣ	—	д	добро
6.	ⲥ (6)	ⲥ – hiest	(ⲥ)	(Е)	еже	егда	—	е	есмя
7.	Ⲧ (7)	Ⲧ – giuete	(Ⲧ)	(Ж)	живѣщимъ	житие	животъ	* Ж	животъ
8.	ⲧ (8)	ⲧ – zello	(ⲧ)	Ѱ	зѣло	зѣло	зѣло	* З	зѣло
9.	Ⲩ (9)	Ⲩ – zemia	(Ⲩ)	з	законъ	заблѣждѣшаго	—	з	земля
10.	Ⲙ	Ⲙ – ise	(Ⲙ)	(И)	иже	избави		и	иже
11.	ⲙ	—		(І)				і	і
12.	Ⲯ (20)	Ⲯ – isei	(Ⲯ)	—	і проситъ	іезекиинъ	—	—	—
13.	ⲯ (30)	—	(ⲯ)	ⲱ	„летитъ“	ѣонъ	—	* Л	ѣмоноу
14.	Ⲱ (40)	Ⲱ – caco	Ⲱ	(К)	къ	ковѣникъ	—	к	кое
15.	ⲱ (50)	ⲱ – luddie	(ⲱ)	(Л)	люди	ловѣца	—	л	люди
16.	Ⲳ (60)	Ⲳ – mustlite	(Ⲳ)	(М)	милости	мѣтарю	—	м	мысли
17.	ⲳ (70)	ⲳ – nas	(ⲳ)	(Н)	нъ	нощнѣ	—	н	на
18.	Ⲵ (80)	Ⲵ – on	(Ⲵ)	(О)	отъче	очи	—	о	они
19.	ⲵ (90)	ⲵ – pocoi	(ⲵ)	(П)	просѣшоуоумоу	простѣри	—	п	пилата
20.	Ⲷ (100)	Ⲷ – reci	(Ⲷ)	(Р)	рѣцѣ	рѣцѣ	—	р	рѣцѣта
21.	ⲷ (200)	ⲷ – cslouo	(ⲷ)	(С)	снѣж	сѣвѣдѣни	—	с	слово
22.	Ⲹ (300)	Ⲹ – tordo	(Ⲹ)	(Т)	ты	трепетомъ	—	т	трѣновѣнъ
23.	ⲹ (400)	ⲹ – hic	(ⲹ)	(У)	ѹпостасъ	ѹпостасъ	—	оу	оударѣнъ
24.	Ⲻ (500)	Ⲻ – fort	(Ⲻ)	(Ф)	фараонъ	фарисѣевъ	—	ф	фараонъ
25.	ⲻ (600)	см. строку 32	(ⲻ)	(Х)	херовѣскѣ	херовимѣскѣ	—	х	херовими
26.	—	Ⲽ –	(Ⲽ)	—	См. строку 38	См. строку 38	—	—	—
27.	ⲽ (700)	— ot	—	ѿ	ѿчѣстѣнаѿ	ѿ прѣсѣѣтаѿ	—	ѿ	—
28.	Ⲿ (800)	— pe	Ⲿ?	п	„печаль“	„пѣсньми“	—	пѣ	—
29.	ⲿ (900)	ⲿ –	ⲿ	н (ц?)	цѣломъждѣрно	царю	црѣкѣѣ	* црѣкы	* црѣтѣ
30.	—	ⲏ – sarane	ⲏ	ч	чюдеси	чиномъ	чапаніе	* чапаніе	чловѣколюкни
31.	—	Ⲑ – sa	Ⲑ	ш	шѣстокрилатъ	См. строку 34	широта	* широта	шѣстокрили
32.	см. стр. 25	ⲑ – hier	См. стр. 25	—	См. строку 25	См. строку 25	—	—	—
33.	—	Ⲓ – peller	Ⲓ	ѣ?	↓	↓	—	ѣ	еромъ
34.	—	—	ШѴ?	ѿ?	шѣствоуѣ	шѣствии	—	* шѣ	ѿо
35.	—	—	—	—	—	—	—	* мѣ	—
36.	—	—	Ѧ	ѣ?	имени	иного	—	* ѣ	—
37.	—	ⲓ – hiet	ⲓ	ѣ	ѣѣѣ	ѣѣѣ	ѣѣѣ	* ѣѣѣ	ѣѣѣ
38.	—	см. строку 26	См. стр. 26	—	хѣлѣѣ	хѣлѣѣми	—	хѣѣ	—
39.	—	—	ⲏ?	?	ѣѣѣ	ѣѣѣ	ѣѣѣ	* ѣѣѣ	ѣѣѣ (ѣѣѣ?)
40.	—	Ⲕ – iusz	Ⲕ	ю	юнъ	юѣѣ	юнѣѣѣ	* юнѣѣѣ	юдѣѣѣ
41.	—	ⲕ – hie	—	ѣ	—	—	—	—	—
42.	—	—	Ѧ	ѣ	ѣѣѣѣѣѣ	ѣѣѣѣѣѣѣѣѣ	ѣѣѣѣѣѣ	* ѣѣѣѣѣѣѣѣѣ	ѣѣѣѣѣѣѣѣѣ
43.	—	—	ѦѦ	ѣѣ	—	—	—	—	—
44.	—	—	—	—	—	—	—	ѣѣѣѣѣѣѣѣѣ	—

* Звездочкой обозначены буквы, которые редактор 2-й редакции Сказания Храбра считает не взятыми с греческого алфавита, а придуманными для передачи славянских звуков, не находящих себе соответствия в греческой азбуке.

К таблице.

В прилагаемой таблице оба алфавита «абecedария Ягича» восстановлены гипотетично на основании описания Ягича, так как я не мог найти следов той фотографии, какая была у Ягича, и выяснить её происхождение. Недавно, уже после того, как таблица была отпечатана, проф. Трубецкому, по счастливой случайности, удалось установить, что описанный Ягичем абecedарий находится в рукописи Мюнхенской Государственной библиотеки N° 14485. По моей просьбе, проф. Трубецкой любезно прислал мне и фотографию с Мюнхенского абecedария, на основании которой в таблице в обоих алфавитах «абecedария Ягича» должны быть сделаны поправки согласно описанию этого абecedария на стр. 81 моей статьи. Неверно восстановлены в таблице буквы глаголического алфавита «о», «оу», «w», буква после «w», «ш» (букв «ші» нет) и буквы кирилловского алфавита «зѣло», «оу», «ы» (в таблице «ь»), «д» (после «w»), «ѣ».

НД.

Москва.

первоначальное правописание, о котором мы можем только гадать, ни правописание моравское, передававшее рефлексы о.-сл. *dj*, *tj* и *k'*, *t'* иначе, чем рефлексы *zdj*, *stj* и *skj*, не могли сохраниться. От первоначального правописания не сохранилось никаких следов, кроме наличия букв, ненужных в новом болгарском правописании; от правописания моравского в текстах, писанных вне пределов Чехии или Моравии, — единичные ошибки в виде написания «з» и «ц» на месте болгарских «жд» и «шт» из о.-сл. *dj*, *tj*, *k'* *t'* в Мар., Син. Пс. и Ключ. Полному торжеству болгарского правописания способствовала та работа, какая велась при дворе Симеона Болгарского, сказавшаяся не только на возникших тогда переводах и новых редакциях старых переводов, но и на текстах, переписанных в провинциальных захолустьях с текстов досимеоновских.

ГЛАВА II.

Редакции (литературные диалекты) старославянского языка.

Литературные нормы ст.-сл. языка болгарской редакции не были одинаковы всюду, где эта редакция была принята. Тем не менее, несмотря на все различия между текстами македонскими и восточно-болгарскими, трудно указать такие черты, которые были бы нормированы в той или другой группе, как черты, характерные для неё. В правописании такими чертами являются, может быть, различие «ѣ» и «и», «л» и «ѡ» и «ѣ» и «ѡ» в текстах одной группы и различие их в текстах другой группы. Но эти черты — чисто орфографические, которые вряд ли указывают на какие-либо существенные различия в самом литературном языке. Отсутствие «л» после губных в Супр. не является чертой, проведённой вполне последовательно; т. о. и Супр. в этом отношении не окончательно порывает со старыми нормами. Присутствие форм асимметрического и архаичного сигматического аориста в текстах одной группы и отсутствие таких форм в текстах другой группы также недостаточны для того, чтобы говорить о разных — македонском и восточно-болгарском — литературных диалектах старославянского языка, потому что и в тех и других текстах формы вторичного сигматического аориста обычны. Словарные различия между текстами македонскими и восточно-болгарскими сводятся к пополнению общего словаря словарными дублетами: кирилло-мефодиевские переводы и в восточно-болгарских списках сохраняют в общем старый словарь, а симеоновские переводы и в македонских списках заключают слова восточно-болгарского происхождения.

Собственные нормы, отличные от норм южнославянских, вырабатываются в XI в. в правописании *русских текстов*. Уже в текстах, еще сохраняющих ж и сравнительно правильное употребление «ѣ» и «ѡ», проявляется тенденция к последовательному проведению некоторых особенностей правописания, связанных с особенностями самого языка и несвойственных правописанию ю.-сл. текстов, а именно: 1) написания «з» и «ѣ» перед плавными или по обе стороны плавных: эта черта последовательно проведена уже в первом почерке Остром.,

2) написание «ж» вм. «жд» из *dj*; правда, ни в одном из памятников, сохраняющих ж, эта особенность еще не проведена последовательно; тем не менее, подобные написания настолько многочисленны, что не похожи на простые ошибки писцов, а свидетельствуют о зарождении новой орфографии, 3) instr. sg. m. на -ѣмь, -ѣмь, как и в текстах чешскоморавской редакции, 4) 3-е л. глаголов на — «тъ», 5) «л» или «п» в суфф. прилагательных — «лн» вм. ю.-сл. «ѣн».

Однако и эти особенности старших русских текстов не так значительны, как особенности, отличающие ст.-сл. тексты чешскоморавской редакции от текстов болгарской редакции и недостаточно отчетливо выделяют русский литературный диалект старославянского языка.

ГЛАВА III.

Происхождение и взаимоотношение славянских алфавитов.

Греческое письмо IX в. представляло две разновидности: уставный унциал, употреблявшийся в официальных надписях и роскошных списках Евангелия, и скорописные минускулы. Между обоими типами письма было большое различие: некоторые минускульные буквы совершенно не похожи на соответствующие унциальные, другие, если и похожи, то всё же заметно и отличаются от унциальных. Эти две разновидности, различаясь между собою функционально, сознавались функциональными разновидностями одного алфавита, несмотря на то, что не совпадали между собой даже по составу: в минускульном письме было несколько лигатур, носивших характер особых букв (ει, ς и др.); минускульное начертание «β», похожее на русское курсивное «и», может быть, не соответствует по происхождению унциальному «В».

Та же двойственность перешла и в славянское письмо: греческий устав сохранён в кириллице, греческому минускулу соответствует глаголица. И не случайно, быть может, старшие официальные славянские надписи — кирилловские, а старшие глаголические рукописи не отличаются роскошью и тщательностью выполнения. Поэтому а priori можно думать, что оба алфавита, вернее, обе разновидности одного славянского алфавита, и кириллица и глаголица, были созданы или задуманы одновременно, для разных функций; говоря о кирилловском алфавите, имею в виду не все буквы этого алфавита, а только дополнительные к греческому, так как до изобретения славянской азбуки славяне могли пользоваться обеими разновидностями греческого письма в применении к своему языку, не внося в греческий алфавит никаких изменений и дополнений. Ни старые жития Кирилла и Мефодия, ни черноризец Храбр в том случае, если были знакомы и с глаголицей и с кириллицей, не имели никакой надобности говорить о двух славянских азбуках, п. ч. для них это была одна азбука, только в разных применениях, как для современных им греков унциал и минускул были одной азбукой, как одной азбукой для нынешнего европейца являются прямой шрифт и курсив, буквы заглавные и строчные.

В научной литературе господствует совершенно неправильное представление о глаголице, как письме более трудном, вычурном и менее ясном, чем якобы более простая, лёгкая и ясная кириллица. Это представление основано на недоразумении. Для резьбы на камне кириллица, содержащая только прямые линии и в умеренном количестве простейшие геометрические кривые (дуги, овалы и полуовалы), конечно, легче глаголицы. Но для *письма на пергамене глаголица*, значительная часть букв которой может быть написана без отрыва руки и представляет различные комбинации простейших петель и дуг, конечно, *легче, удобнее и скорее кириллицы*. Становясь на точку зрения учёных, видящих в глаголице слишком вычурное письмо и предполагающих, что глаголица была вытеснена кириллицей будто-бы потому, что последняя удобнее и легче, мы должны признать курсивное письмо нынешней русской и латинской азбуки не только более сложным, но и более трудным, чем печатные инициалы этих азбук; на самом деле для письма первое, конечно, легче. Будучи более лёгкой для письма, чем кириллица, глаголица несомненно уступала в этом отношении греческим минускулам, зато превосходила их в чёткости.

Нет оснований сомневаться в том, что глаголица изобретена Кириллом. И жития и Храбр говорят об изобретении им полной славянской азбуки, что не подходит к одной кириллице, в которой только дополнительные буквы сочинены. Греки, современники Кирилла, писали исключительно минускулами; унциалами пользовались только в надписях и при изготовлении особенно роскошных рукописей, и трудно было бы понять, что за охота была Кириллу применять их к славянскому письму и там, где требовалась спешность.

Основной принцип, которым руководился Кирилл при составлении азбуки, такой: в славянскую азбуку перенесены все греческие обозначения для тех звуков, которые являлись общими (хотя бы до известной степени) обоим языкам, и созданы новые обозначения для звуков, отсутствовавших в греческом языке или не имевших особых обозначений в греческом письме. В тех случаях, когда греческое письмо располагало одним обозначением для двух звуков, существовавших и в славянском языке и этимологически в этом последнем различавшихся, Кирилл также создавал вторую букву для одного из этих звуков. Такого происхождения, может быть, буква «Ѣ» и буква, обозначающая в глаголической азбуке неопределённую носовую согласную и соответствовавшая греческ. «γ» перед нёбными согласными. Принцип этот особенно ясен из числа и начертаний букв для гласных: для каждого гласного звука славянского языка, имеющегося и в греческом языке или отождествлявшегося с известным звуком греческого языка, — столько же букв или обозначений, сколько и в греческом письме, и звук *и*, передавшийся в греческом письме двумя буквами, передаётся так же и в славянском письме. Этот принцип не выдержан только по отношению к букве «ц» — соответствующий звук был и в тогдашнем греческом языке и передавался в греческом письме двумя буквами «τς». Но там этот звук имелся только в чужих словах, ясно ощущавшихся, как чужие и потому отступление от греческой традиции в этом случае понятно. Те греческие буквы, которые

обозначали греческие звуки, отсутствующие в славянском языке, в своём основном значении взяты не были. Букву *φ* славяне читали как *р*, и в этом значении, но только для греческих слов с этой буквой она была принята и в славянский алфавит; нечто подобное было и с буквой «*ϣ*», которая употреблялась только в греческих словах, тогда как для звука *й* в славянских словах приспособлена была буква «*ю*» («*и*»).

Буквы *Ѡ*, *Ѣ* и *Ѥ*, звукового соответствия которым в славянском языке не было, оказывались лишними. Не только *Ѡ*, но и сочетания *ѧз* и *ѧр* были для славян в IX в. непронизносимы; заимствованные из греческого языка слова с *ѧз* и *ѧр* произносились славянами с гласным звуком *э* или *ь* между согласными: *пѣсалѣтъмѣ*, *ѣкѣсарѣхѣ*. Для потребностей славянского письма тех букв, которые были взяты из греческого письма в тех же или приблизительно тех же значениях, какие они имели в этом письме, было недостаточно; требовались новые буквы; естественно было воспользоваться для этого прежде всего теми греческими буквами, которые не могли быть взяты в первоначальном значении. Действительно, греческое *Ѡ* легко узнать в начертании глаголической буквы «*з*» («земля»); если глаголическое «*зѣло*» соответствует греческому «*ζ*», а «*ѣ*» греческому «*ι*», то глаголическая буква «*з*» («земля») занимает то же место, что и греческое «*Ѡ*», после буквы, соответствующей греческому «*ζ*» и перед буквой, соответствующей греческому «*ι*», так как буква, соответствующая греческому «*η*», именно *Ѥ*, хотя и имеется в глаголической азбуке, но в алфавите и цифровой системе особого места не занимает, считаясь дублетом к «*ѣ*». Если глаголическое «*з*» соответствует греческому «*Ѡ*», то можно думать, что и греческие «*ξ*» и «*ψ*» в глаголице также использованы для передачи славянских звуков, отсутствовавших в греческом. Наибольшее сходство с греческим курсивным «*ξ*» из глаголических букв представляет «*ѧ*» в том начертании, в каком оно встречается в наиболее архаичных по начертаниям букв рукописях — Киевских листках, Пражских отрывках, Зогр. и Мар.: эту букву можно рассматривать, как стилизацию греческого минускульного «*ξ*», поставленного на бок. Заметим, что из славянских букв, не имеющих себе полного соответствия (по значению) в греческом алфавите, только «*з*», «*ѧ*» и «*ж*» оказались в середине азбуки. Что касается греческого *ψ*, то не оно ли послужило источником для «*щ*»? Среди курсивных начертаний «*ψ*» можно найти такие, которые напоминают кирилловское «*щ*»; как «*ψ*» в греческом алфавите, так и «*щ*» в славянской азбуке стоит рядом с «*ѡ*», хотя в разном порядке; в обоих сохранившихся болгарских стихотворениях с акростихом X в. букве «*щ*» соответствуют стихи, начинающиеся со слов с начальным «*п*»: *пѣчаль*, *пѣснь*, что может указывать на «*ψ*». ¹ За то, что буква «*щ*» была самостоятельной буквой а не лигатурой

¹ Повидимому, и старое название буквы «*щ*» не соответствовало её произношению. В *Abecedarium bulgaricum* вслед за названием *ѡ* — «*от*», стоящим по ошибке над «*паукообразным ѣ*», непосредственно следует «*ре*» (т. е. кирилловскими буквами — «*пе*» или «*пѣ*»); в глаголической цифровой системе непосредственно после *ѡ* следует *щ*; в старших стихотворениях с акростихом после стихов на букву *ѡ* идут стихи, начинающиеся со слов

и входила в состав древнейшего славянского алфавита, говорит, между прочим, её место в глаголице раньше «ц», «ч» и «ш» и её цифровое значение. Правда, её нет в чешскоморавских глаголических текстах, в Клоц. и Зогр., а из кирилловских в Супр. и Македонск. листке, но в чешскоморавских текстах ей в значении рефлекса о.-сл. *tj* соответствует «ц», а потому отсутствие её в этих текстах непоказательно, а наличие её в Ассем., 1-м почерке Мар., Макед. и Григоров. вряд ли следует относить на долю меньшей архаичности их по сравнению с Зогр., Клоц. и 2-м почерком Мар. Из кирилловских текстов «щ» имеется в Сав. и Хиланд., памятниках по палеографическим признакам не менее, если не более архаичных, чем Супр.

Порядок букв, взятых из греческого алфавита, в глаголице сохранен первоначальный и нарушается только вставкой букв, отсутствующих в этом алфавите, но не перестановкой. Поэтому помещение в глаголице буквы *ѣ* после *ѣ*, явно соответствующей греческому *ι*, свидетельствует о том, что *ѣ* никак нельзя выводить из греч. *η* занимавшего в греч. алфавите место раньше *ι*, а должно объясняться иначе, скорее всего из греческой курсивной лигатуры *ει*.

Состав глаголической азбуки довольно точно определяется древнейшими болгарскими стихотворениями с акростихом, именно, азбучной молитвой Константина Болгарского и азбучной молитвой в Ярославском молитвеннике XIII в. Акростиhi обеих молитв содержат 36 букв.¹ Буквы «ѡ», «ѣ», «ж», «ѡ», «ѣ» в первоначальный алфавит не входили, так как не были самостоятельными буквами, а представляли комбинации из двух букв. В обоих старших стихотворениях с акростихом 22-й стих начинается с греческого слова *υποστας*, а стиха, начинающегося с «ѡ», нет.² Нет и стиха, начинающегося с «ж»,³ а стихи, начинающиеся с «ѣ» и «ѡ», соответствуют, очевидно, первый — той букве, которая писалась в начале сочетания, передаваемого в кириллице, через «ѣ»,⁴ а второй той букве, которая писалась в конце сочетаний, обозначавших так наз. носовые гласные, и передавала первоначально неопределённую носовую согласную. Что касается «ѣ», то это настолько свободная комбинация двух букв, что во второй части её могла писаться любая из букв, означавших звук *i*, а в первой части там, где *ѣ* и *ѡ* совпали, одинаково и *ѣ* и *ѡ*, причем в древней-

«печаль» и «пѣсьнъ», и в Сказании Храбра по списку Моск. Дух. Академии, очевидно, той же букве соответствует название «пѣ». В *Abecenarium bulgaricum* название «ре» стоит, правда, над буквой «ц», но это потому, что буква «щ» пропущена, так же, как и название букв «ц». См. Приложение 3-е.

¹ 1. а, 2. б, 3. в, 4. г, 5. д, 6. е, 7. ж, 8. «зѣло», 9. «земля», 10. и, 11. н, 12. ѣ, 13. к, 14. л, 15. м, 16. ѡ, 17. ѡ, 18. п, 19. р, 20. с, 21. т, 22. у, 23. ф, 24. х, 25. ш, 26. щ, 27. ц, 28. ч, 29. ш, 30. ѣ, 31. ѡ, 32. ѣ, 33. ѡ, 34. первая часть ѣ, 35. ю, 36. а.

² Буква «ѣ» (не «ѡ») имеется на соответствующем месте и в *Abecenarium bulgaricum*, где она носит название «*hic*» (т. е. «*ik*»). См. Приложение 3-е.

³ Буквы «ж» нет и в *Abecenarium bulgaricum* и в глаголическом алфавите славянского абecedария 1-ой полов. XI в. См. Приложение 3-е.

⁴ Ср. славянский абecedарий XI в., где соответствующее место перед буквой «ѡ» занимает именно эта буква, т. е. 1-я часть глаголического «ѣ». См. Приложение 3-е.

ших текстах такая комбинация почти не встречается в виде лигатуры. Буква «д» и буква, писавшаяся в Зогр. и Мар. в окончании пом. sg. part. præs. основ на согласную, явились в глаголице, вероятно, позднее, и в первоначальной глаголице отсутствовали. Противоречие между этими акростихами, содержащими 36 букв, и Сказанием черноризца Храбра, насчитывающего их 38, объясняется тем, что Храбр в число славянских «писмен» включал и «двогласные»; таких двогласных в славянском письме было две: «оу» и «ты».⁵

Загадочной является 33-я буква славянского алфавита, не оставившая никаких следов в славянском письме. Соответствовала ли она какому-нибудь начертанию греческого письма или передавала какой-нибудь славянский звук? Первое исключено; можно бы думать о греческом «ѳ», но тогда бы она занимала место рядом с буквой «зѣло», да и соответствующие стихи начинались бы с греческих слов на букву «ѳ»; кроме того, греч. ѳ обычно передавалось по-славянски через т; через хъ могло бы быть передано греч. φ, но этой букве в славянском алфавите на своём месте соответствовала особая буква »ѣ», читавшаяся, как р. Если 33-я буква славянского алфавита передавала какой-то славянский звук, то какой? Тот ли, с которого начинаются первые слова соответствующих стихов обоих стихотворений, или другой, т. е. в таком случае звук, не встречавшийся вообще в начале слова? Во втором случае пришлось бы гадать, был ли в ст.-сл. языке такой этимологически самостоятельный звук, не встречавшийся в начале слова и, очевидно, неизвестный славянским говорам XI века, отразившимся на правописании дошедших памятников, что мне представляется бесцельным. В первом же случае такими звуками могли быть или звук х или звуковое сочетание хѣ. В пользу того, что это был звук «х», говорит наличие в глаголических текстах двух совершенно непохожих начертаний для х, именно, «хъ» обычного рисунка и «хъ паукообразное». Правда, «хъ паукообразное» в тексте встречается только один раз, именно, в Ассем., в слове «хълѣмъ», но в обоих старших абecedариях XI в. имеются оба начертания, как отдельные буквы, причём в одном из них они оба помещаются рядом, между «ѣ» и «ѡ», в другом непосредственно после «ѣ» стоит «хъ паукообразное», а «хъ» обычного рисунка — после «ш» перед «ъ». Если в первоначальном славянском алфавите действительно было две буквы для х, то одна из них могла передавать греческое «хъ» перед палатальными гласными: так как в славянских словах х в таком положении не встречалось, то славяне, желая воспроизвести такое х, могли произносить такой звук, который сами ощущали, как звук, отличный от их х. В пользу такого толкования может говорить то обстоятельство, что в обоих акростихах 24-ой букве славянского алфавита соответствует прилагательное от греческого слова с х перед палатальной согласной: хъровѣскъ, хъровѣмѣскъ; именно эта буква и могла носить название «хъръ». Впрочем, в *Abecedarium bulgaricum* название «хъръ» («hier») надписана не над «паукообразным х»,

⁵ Что «двогласные» Храбр включал в свой подсчёт славянских букв, можно думать потому, что в свой подсчёт букв греческого письма он включил, чтобы насчитать их 38, все двогласные (αι, οι ει, υι, αυ, ου, ευ, ηυ, α, η, φ).

стоящим непосредственно после «Ѣ» и названным ошибочно «ot», а над обычным «х».¹

Против такого понимания глаголических начертаний для х говорит то соображение, что изобретателю славянской азбуки не было надобности при наличии в греческом письме одной буквы для х придумывать вторую букву, раз славяне греческое «х» перед палатальными и не могли прочесть иначе, чем читали; кроме того, во всех славянских глаголических текстах как в славянских, так и в греческих словах пишется всегда одна и та же буква, именно, обычное «х», а «паукообразное х» встречается единственный раз как раз не в греческом слове. Если предполагать, что 33-я буква алфавита читалась, как ху, а 24-я — как х, то создание особой буквы для ху можно бы объяснять тем, что для греков ху было совершенно непроизносимо и могло восприниматься ими, как неразложимый звук, или же, что это сочетание и в солунском славянском произношении не равнялось простой сумме отдельных звуков х и у, а потому и на славянский слух казалось неразложимым и ощущалось, как один звук. В связи с этим могло стоять и позднейшее изменение этого сочетания в ю.-сл. языках в f (ср. подобное же изменение в сев.-великорусском). Но и такое предположение висит в воздухе, п. ч. все ст.-сл. памятники передают сочетание ху не особой буквой, а написанием «хѹ». Таким образом, вопрос о 33-й букве славянского алфавита остаётся неразрешенным.

Указания на состав славянской азбуки имеются и в *Сказании ХРАБРА*. Из старшего списка Сказания можно извлечь указание на то, что буквы «ѣбѣло» и «ю» во время Храбра передавали звуки, для которых греческое нисьмо своих обозначений не имело, т. е., что греческому «ζ», очевидно, соответствовала тогда буква «земля», а звук, обозначавшийся буквою «ю», ощущался, как звук, отличный от греческого «υ». Было ли так и раньше, когда азбука составлялась, не известно. Приводя слова, которых нельзя написать буквами греческой азбуки, Храбр называет все буквы, отсутствовавшие в греческом письме, с которых могли начинаться славянские слова, в порядке славянского алфавита. Здесь нет поэтому букв «ѣ», «ѡ», «ѣ» и «ѣ»; нет «ѣ», потому что в глаголической азбуке «ѣ», как особая буква, отсутствовал, но есть «ѣ» и «ѣ»; последняя в том значении, в каком она является в акростихах обеих старших азбучных молитв и в старших южно-славянских глаголических текстах — Зогра, Мар. и Асс. Нет в этом перечне и загадочной 33-ой буквы славянского алфавита. В списке Московской Духовной Академии имеются более подробные сведения о славянском алфавите, тоже, несомненно, очень старые, хотя вряд-ли восходящие к самому Храбру. Здесь перечислены славянские буквы, взятые из греческого письма, и буквы, изобретённые Кириллом и отсутствующие в греческом письме. К последним причислены и «ѣ» и «ю», хотя можно думать, что и эти буквы восходят к греческим дигласным «αι» и «οι». В числе греческих букв после

¹ Возможно также, что «hier» надо читать, как «jer» (ерь), и что это название ошибочно надписано над «х», а должно относиться к следующему «ѣ».

«w» названы буквы «пѣ», «хѣѣ», «тѣ»; можно думать, что это — искажённые названия букв ψ, ξ и θ, но неясно, почему они помещены в конце азбуки и притом в порядке, противоположном тому, в каком они стоят в греческом алфавите; кроме того Храбру или автору этого перечня названия греческих букв, если они входили в славянский алфавит, должны были быть известны. Разгадку, кажется, следует искать в акростихе стихотворения Ярославского молитвенника. Там, кроме двустиший, начинающихся с несомненно греческих и несомненно славянских букв, имеются двустишия, начинающиеся со слов «пѣсньми» (26), «хвалами» (33), «тебѣ» (37). Таким образом, можно думать, что автор перечня судил о первоначальном славянском алфавите по акростиху азбучной молитвы и, зная, что славянских букв, соответствующих двустишиям 26, 33 и 37, нет, решил, что эти стихи соответствуют каким-то греческим буквам, которые и назвал по первым буквам этих двустиший.¹ К числу славянских букв, отсутствующих в греческом письме, в том же перечне отнесены буквы в, ж, «зѣло», л, ц, ч, ш, ѣ, шы, ѡ, ѣ, ѡ, а. Буква «л», очевидно, соответствует букве «ћ»; буква «щ» на своём месте (26-е) отсутствует, как и в акростихах обоих старших стихотворений; отсутствует и 33-я буква алфавита, но за то между «ѣ» и «ѡ» вставлено «шы», «мы»; в остальном перечень славянских букв совпадает и по числу и по порядку с составом славянских букв обоих акростихов. Буква «л» вместо «ћ» имеется и в акростихе азбучной молитвы Константина; но если думать, что она взята в Сказании Храбра оттуда, то непонятно, почему автор рассматриваемого перечня в одном случае руководился акростихом азбучной молитвы Ярославского молитвенника, в другом — Константина. Не появилось ли «л» в результате неправильного прочтения кирилловского «ћ», в некоторых рукописях XIII в. похожего немного на «л»? Или же с буквы «л» начиналось первоначальное название этой буквы? Как попали в этот перечень буквы «шы» и «мы», и что они должны были обозначать, остаётся неясным, но интересно отметить, что в славянском алфавитари, относимом Ягичем к 1-ой полов. XI в., между «ѣ» и «ѡ» в глаголическом алфавите читается «ші» или «щі», а в кирилловском «щ».²

Если глаголица в целом — совершенно особая азбука, для которой начертания букв греческого курсива послужили лишь источником, то *кириллица* — не что иное, как греческий унциальный устав, перенесённый в славянское письмо без всяких изменений и только дополненный недостающими в греческом письме буквами. К начертаниям, целиком воспроизводящим греческие начертания и сохранившим в славянской азбуке то же значение, какое они имели и в греческой, принадлежит и «ѡ» (позднее «ю»), если не считать соединительного штриха, относительно которого мы не знаем, был ли он уже в первоначальной кириллице.

¹ Названию «пѣ», может быть, соответствует название «ре» в *Abecenarium bulgaricum*, написанное над «ц», но, повидимому, соответствовавшее пропущенной в этом алфавитари букве «щ». См. Приложение 3-е.

² См. Приложение 3-е.

Новыми буквами в кириллице были — б, ж, ѣ, щ, ц, ч, ш, ѣ, ѡ, ѣ, ѡ, ѡ. Буква «ѣ», правда, не встречается в болгарских, македонских и русских текстах, и известна только из сербских, начиная с конца XII в. но это не дает еще права утверждать с уверенностью, что её не было в первоначальной кириллице, она могла быть, как ненужная, утрачена кириллицей болгарской; в русское письмо, восходящее к болгарскому, она, очевидно, попасть не могла; македонская кириллица XI в., представлена незначительными отрывками, а сербские кирилловские тексты самые старшие — конца XII в. Кроме того, эта буква имеется уже в кирилловском алфавите славянского алфавитария, относимого Ягичем к 1-ой половине XI в.¹ Буква «ѡ» в кириллице так же, как и соответствующее ей начертание глаголицы, передавала первоначально не йотацию «ж», а особый гласный звук с назализацией (ѡ носовое?), отличный по качеству от звука, обозначававшегося буквою «ж». Буква «ѡ» обозначала ѡ и соответствовала тому глаголическому начертанию, которое почему то в кирилловской транскрипции принято передавать через «ѡ». Глаголической букве, употреблявшейся первоначально для передачи неопределенной носовой согласной, в кириллице соответствовала буква ѡ, получившая, как и соответствующая глаголическая буква, значение буквы для ѡ без йотации,² причем в кирилловских памятниках, употребляющих эту букву в таком значении, буква «ѡ» стала употребляться для передачи ѡ с йотацией. Что касается букв «з», «л», «н» (в некоторых памятниках также «д», «м») с крючком вправо для обозначения палатальных согласных, то это — не самостоятельные буквы, а те же, что и буквы «з», «л», «н» (гср. «д», «м») без крючка, и явились позднее: их нет в Сав. и Супр., а в Остр., Изб. 1073 г. и Словах Кирилла Иерусалимского преобладают более архаичные способы обозначения мягкости с помощью надстрочного значка. Буквы «ѡ», и йотованное «ѡ», как знаки для йотованных гласных, в первоначальной кириллице, очевидно, отсутствовали, а «ѡ» с подобным же значением, если и было, чего мы не можем доказать, то графически не отличалось от греческого уставного ѡ.

Тот принцип, который положен в основу глаголицы — сохранения всех греческих обозначений для звуков, общих или приблизительно общих греческому и славянскому языкам, и введения новых букв или обозначений для всех этимологически различавшихся звуков славянского языка, отсутствовавших в греческом, — сохранён и в кириллице: последняя различает в общем те же звуки, что и глаголица, и передает их способами, вполне аналогичными тем, какими пользуется и глаголица.

Различия сводятся к следующему:

1. Уже в старших кирилловских памятниках в греческих словах пишутся буквы «д», «ѡ», «ѡ», каких нет в этом значении в глаголице; буква «г» также

¹ См. Приложение 3-е.

² Старшие указания на употребление глаголического «ѡ» в таком значении дают, видимо, стихотворные молитвы с акростихом Константина Болгарского и Ярославского молитвенника. Но еще в КЛ и Син. Пс «ѡ» в таком значении не употребляется.

употребляется согласно греч. правописанию в греч. словах там, где в глаголице вместо неё пишутся «ѣ», «н» и «є».

2. Для звуков *dž* и *z* в старших кирилловских текстах употребляются не две различные буквы, как в глаголических, а одна — «з»; та же буква с крючком (Хиланд., Унд., Макед., Добром., Охр., Погод., Григор., Слепч. и др.) — не самостоятельная буква, а то же «з», только со знаком мягкости и вряд ли имела в кириллице с самого начала: в Сав. и Супр. этого начертания нет, хотя Сав. писана в Вост. Болгарии, где *dž* и *z* надо думать, в то время различались; что касается буквы «з», то она вряд ли употреблялась в звуковом значении в первоначальной кириллице; древнейшие рукописи, писанные в области говоров, различавших *dž* и *z*, или употребляют букву «з» в обоих значениях или пользуются в первом значении буквою «з» с крючком; старшие рукописи, употребляющие в этом значении букву «з», — Слепч. апост. и Боянское ев. — не раньше конца XII в.; в греческом письме буква «з» не обозначала звонкого согласного звука, а только *st* или *s*; следуя принципу придавать буквам греческого алфавита только те звуковые значения, какие соответствующие буквы имели в греческом письме, составитель кириллицы и не мог использовать греческое «з» в другом значении, и значение *dž* эта буква получила лишь с течением времени вследствие того, что за буквой «з» к тому времени окончательно закрепилось значение буквы для *z* («земля»), а буква «з» в цифровой системе занимала место как раз перед этой буквой и потому естественно могла занять и в алфавите свободное место буквы «зѣло».

3. Одной букве «ѣ» глаголической азбуки в кириллице соответствуют две буквы — «ѣ» и «ѧ»; если верно, что глаголич. «ѣ» соответствует греческому «αι» (начертание его могло получиться из греч. унциального «Α» с «i subscriptum»), то в кириллице мы бы ждали вместо него сочетание греческих унциальных Α и Ι, ср. кирилловское «Ѧ» из греч. «οι», и букву «ѧ» можно бы рассматривать, как перевернутое первоначальное «αι»; в таком случае лишней по сравнению с глаголицей буквой кириллицы было бы «ѣ». И «ѣ» и «ѧ» засвидетельствованы самими старшими памятниками кирилловского письма: «ѣ» есть во всех кирилловских памятниках, «ѧ» из древнейших нет только в надписи 993 г., в листках Ундольского и Македонск. листке; последние два по архаичности уступают Сав., Хиланд. и Зогр. листкам, где «ѧ» есть; кроме того, «ѧ» имеется в Темничской надписи и в тексте Райградского сборника, на листе, писанном вряд ли позже 2-й половины X в., в слове латрина; важно отметить, что обе кирилловские буквы не представляют стилизации глаголического «ѣ».

4. Глаголическим буквенным комбинациям с буквой, обозначающей неопределённую носовую согласную, в кириллице соответствуют особые буквы для «носовых гласных» — «Ѥ», «ѥ», «Ѧ», что, может быть, стоит в связи с ненужностью в кириллице, придерживавшейся другого способа, чем глаголица, в передаче греческих слов, особой буквы для неопределённой носовой согласной.

Употребление в кириллице букв «г», «д», «ѣ», «ѡ» в греческих словах согласно греческому правописанию (αγγελъ, геона, Θομα, ѣдрхъ, ѡалъмъ), тогда как в глаголице в подобных случаях правописание соответствовало славянскому произношению (αεγγελъ, ѣεона, Тома, екъсархъ, пълъмъ), стоит в связи с тем, что начертания всех глаголических букв отличались от греческих, и воспроизводить греческое правописание в глаголице не имело смысла, тогда как в кирилловском правописании такое воспроизведение было естественно. Но с этой особенностью кириллицы стояло в связи и начертание тех букв, которые в глаголице были взяты из греческого алфавита, но для обозначения звуков, отсутствовавших в греческом языке. Такими буквами в глаголице, по моему, были буквы «з», «ѣ» и «щ» (из греч. θ, ξ и ψ); ясно, что в кирилловской азбуке нельзя было в рисунке их сохранить начертания соответствующих букв греческого унциала, чтобы не дать повод к неверному чтению; поэтому глаголические «ѣ» и «щ» были стилизованы в духе остальной кириллицы, но так, чтобы их нельзя было смешать с уставными «ѣ» и «ѡ»; стилизация состояла в том, что у обеих букв были устранены петли; кроме того, у буквы «ѣ» сокращена нижняя часть (вместо двух дуг оставлена одна), и рисунку придана симметричность.

Особенности кириллицы, отличающие её от глаголицы, п. 2 и 3, а может быть, и 4, стоят в некотором противоречии с распространением глаголицы и кириллицы в XI в.: кириллица тогда употреблялась преимущественно на Востоке — в Болгарии, глаголица — на Западе — в Зап. Македонии, сербохорватских областях и в Моравии. Между тем, различие «ѣ» и «ѡ», свойственное кириллице и отсутствовавшее в глаголице, вовсе не требовалось болгарским языком, где в начале слова одинаково было *ja* и в *ѡмъ* и в *ѡко*, и было необходимо на Западе, где в этом положении *ѣ* и *ja* различались: *ѣмъ*, *ѡко*. Западное (моравское, сербохорватское, зап.-македонское) письмо не нуждалось в различении *z* и рефлекса о.-сл. *g* перед *ѣ* и *ѡ* из *oĭ*, а восточному оно было необходимо; между тем в западном, глаголическом письме это различие проведено, а в восточном, кирилловском нет.

Кирилловские начертания для так наз. «*носовых гласных*» могут указывать на то, что соответствующие звуки осознавались на родине кириллицы, как монофтонги, а глаголические начертания указывают на произношение их, как дифтонгических сочетаний на носовые. Опять таки, монофтонгизация подобных сочетаний в Моравии и на Западе Балканского полуострова произошла раньше, чем на Востоке.

Эти данные как будто указывают на то, что особенности кириллицы, отличающие её от глаголицы, возникли не на Востоке. Можно думать, что Кирилл в Македонии не закончил задуманного им составления славянской азбуки: он закончил составление обычного ходового полукурсивного письма — глаголицы — и сразу приступил к переводу Евангелия, отложив до другого времени составление славянского уставного письма. Эта последняя задача была выполнена уже его сотрудниками, по тому же плану и на основании тех же принципов, в Моравии или Паннонии; при выработке славянского устава они учли не-

обходимость различать *ѣ* и *ја*, тем более, что и в Солунском говоре, при фонетической обусловленности и, следовательно, этимологической незначимости различия между *ѣ* и *ја*, объективно фонетически оно могло быть значительным; в то же время они не стали вводить двух букв для *dž* и *z*, как в глаголице, тем более, что обозначение мягкости у буквы «з» было достаточно и для того, чтобы не смешать всегда палатальное *dž* восточных говоров со всегда непалатальным *z* тех же говоров.

Таким образом, первоначальная кириллица по своему составу значительно меньше отличалась от глаголицы, чем та, какую мы знаем из памятников XI в. Она имела буквы «ѣ» и «ѡ» и не имела йотованных «ѧ» и «Ѧ» и осложненных крючком букв для палатальных согласных («з», «л», «н» с крючком). Неясно, была ли в ней буква «и»; повидимому нет; впрочем, если она и была, то вряд ли имела то значение, в каком она употребляется в памятниках XI в.

Эта первоначальная кириллица не позже X века подверглась изменениям. Буква «ѡ» получила значение «йотованной буквы», т. е. стала обозначать тот же звук, что и «ж», но только с предшествующим *j* или палатальностью предшествующих согласных; буква «ѧ» была перевернута и также получила значение йотованной буквы; то же значение получили буквы «и» и «и», и были созданы новые йотованные буквы — «ѡ» и йотованное «Ѧ»; впрочем, раньше, чем возникло «ѡ», различие между «е» и «je» могло передаваться употреблением «ѧ» в первом значении и «ѧ» во втором. Система йотованных букв возникла, повидимому, в Восточной Болгарии. Может быть, к началу X в. относился устранение буквы «ѣ» из болгарского правописания, в кириллице полное, а в глаголице в славянских словах; тогда же и «щ» как в кириллице, так и в глаголице получила там значение буквы для *št* или *šč*. Русские получили в конце X в. кириллицу от болгар со всеми названными изменениями: без «ѣ», с буквой «щ» в значении *šč* и с полной системой йотованных букв. Позднее, уже в XI в., в болгарской кириллице появились буквы с крючком для обозначения палатальности: их нет в Сав., Супр. и Новгор. листках, но уже в Хиланд. и Унд. имеется «з» с крючком, а в Хиланд. в старших русских рукописях «л» и «н» с крючком, откуда видно, что эти буквы проникли в русское письмо приблизительно в середине XI в.

Кириллица, хотя и возникла, может быть, в Моравии, однако там не привилась, вероятно, потому, что не встретилось надобности в её применении. Поэтому, когда в последствии потребовалось уставное письмо там, где к кириллице не привыкли, а связей с Византией не было, в этих областях стал вырабатываться новый, глаголический устав. Но глаголическое письмо старших глаголических памятников вовсе не носит характера устава.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-ое.

Список старославянских памятников со старославянским правописанием.

Руководясь вышесказанными соображениями, сюда можно отнести следующие памятники:

А. чешские: 1. Киевские листки, 2. с оговоркой, Пражские отрывки (несмотря на многочисленные отступления от правильного употребления ж, љ, ѣ и ѡ, всё же в правописании Пр. отр. замечается тенденция писать эти буквы именно там, где их требовала старославянская орфография).

Б. южнославянские: 3 (1). Зографское ев., 4 (2). Мариинское ев., 5 (3). Ассеманово ев., 6 (4). Клоцов сборник, 7 (5). Синайская псалтырь, 8 (6). Синайский требник, 9 (7). Македонский глаголич. листок, 10 (8). Григоровичев глаголич. листок, 11 (9). Охридские еванг. отрывки, 12 (10). Савина книга, 13 (11). Супрасльская рукопись. 14 (12). Хиландарские листки, 15 (13). Листки Ундольского, 16 (14). Зографские листки, и 17 (15)„ с оговоркой (довольно бессистемное употребление з и ѣ), Погодинская псалтырь; не принадлежат к числу собственно старославянских по своему правописанию глаголические Венские листки и Гршковичев отрывок, не употребляющие юсов, кирилловские Македонский листок, Добромирово ев., Охридский апостол и другие памятники, употребляющие только з или только ѣ или употребляющие эти буквы совершенно безразлично, Мирославова и Вуканова ев., употребляющие, как правило, хотя и с исключениями, ѡ и ѣ вместо ж и ѡ и представляющие ряд других нормированных отступлений от норм старославянского правописания.

С. русские: 18 (1). Куприяновские (Новгородские) листки, 19 (2). Остромирово ев., 20 (3). Туровские еванг. листки, 21 (4). XIII слов Григория Богослова, и, с оговоркой (употребление ж почти бессистемно или нормировано несогласно со старославянским правописанием): 22 (5). Изборник 1073 г., 23 (6). Пандекты Антиоха, 24 (7). Чудовская псалтырь, 25 (8). часть списка слов Кирилла Иерусалимского, 26 (9). первый почерк Архангельского ев.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-ое.

Старшие славянские стихотворения с акростихом.

Форма акростиха заимствована славянами из Византии. Но славянский алфавит был менее приспособлен к этой форме, чем греческий. В греческих стихах каждая буква алфавита могла начинать собою стих, потому что каждой букве соответствовал звук, встречающийся и в начале слова. В славянском же алфавите были буквы, не встречающиеся в начале слова, как «ѣ», «ѡ» и др. Поэтому при составлении стихотворений с акростихом приходилось стихи, соответствующие буквам, не встречающимся в начале слова, начинать с произвольно выбранного слова, данной буквы не заключающего. Вовсе опустить стих на соответствующую букву алфавита было нельзя, потому что тогда нарушался бы определённый фиксированный счёт стихов.

Из славянских стихотворений с акростихом, напечатанных СОБОЛЕВСКИМ, только два относятся к начальному периоду славянской письменности и дают указания на состав и порядок древнейшего славянского алфавита. Это: 1. *азбучная молитва Константина Болгарского* в Московском списке Учительного Евангелия Константина XII—XIII в. и 2. *азбучная молитва в Ярославском молитвеннике XIII в.* Начальные буквы стихов и их порядок в обеих молитвах следующий: 1. а, 2. б, 3. в, 4. г, 5. д, 6. е, 7. ж, 8. «зѣло», 9. з, 10. и, 11. і, 12. л, ѣ, 13. к, 14. ѡ, 15. м, 16. н, 17. о, 18. п, 19. р, 20. с, 21. т, 22. ү, 23. ф, 24. х, 25. ѡ, 26. п, 27. ц, 28. ч, 29. ш, 30. ш, — 31. н, 32. ѣ, 33. хѣ, 34. ѡж, 35. ю, 36. ѡ.

Порядок букв в обоих стихотворениях, кончая буквою «ч», — тот же, что и в глаголической цифровой системе. Буквы для і здесь, как и там, занимают два места (*10-ое* и *11-ое*), так как буквы «иже на треугольнике» и «иже на ножке» считались разновидностями одной буквы, хотя по происхождению это, повидимому, разные буквы. На *12-м листе* только в молитве Ярославского молитвенника имеется «ѣ» («ѣона»); в молитве Константина Болгарского соответствующий стих читается: «летитѣ (бѣ)нѣнѣ словенско плѣмѣ». Предполагать здесь значительную порчу нет оснований; очевидно, Константин не знал слов, начинающихся с «ѣ», что могло быть только в том случае, если «ѣ» еще не получило значения буквы для передачи греческого «у» перед палатальными, а употреблялось только в славянских словах и обозначало такой звук, который в начале слов в старославянском языке не был известен; таким звуком мог быть рефлекс о.-сл. *dj*. Молитва Ярославского молитвенника, в которой «ѣ» употребляется для передачи греческого «у» перед палатальными, позднее молитвы Константина. На *22-м месте* в обоих стихотворениях — греческое слово «*впостась*»; очевидно, соответствующее место в алфавите и первоначальной славянской цифровой системе занимало не «оу», а «ү». На *26-м месте* вместо «щ», занимающего это место в глаголической цифровой системе, в обоих стихотворениях «п»: печали в стихотворении Константина, плѣсньми в Ярославском молитвеннике, что отнюдь не свидетельствует в пользу того, что в старославянском алфавите первоначально не было буквы «щ», а говорит лишь о том, что в старослав. языке не было слов, начинающихся со звука, передававшегося буквою «щ»; это могло быть лишь в том случае, если первоначально «щ» обозначало только рефлекс о.-сл. *tj* и *k't'*, но не *stj* и *skj*. Возможно, что начальное «п» в обоих стихотворениях соответствует букве «ψ» греческого алфавита, но самое введение «ψ» в акростихи остаётся неясным, потому что других греческих букв, отсутствовавших в славянском алфавите, — θ и ξ — в акростихе нет. Стихи 30 и 31 должны бы соответствовать буквам славянского алфавита ѣ и ѡ. Так как слов, начинающихся с ѣ, в славянских языках нет, то 30-й стих в стихотворении Константина Болгарского начинается с другой буквы — «ш» («шьстѣоуѣ»); возможно, что вторую букву этого слова Константин читал, как ѣ. В стихотворении Ярославского молитвенника соответствующий стих пропущен. Букве ѡ на *31 месте* в обоих стихотворениях соответствуют стихи с начальным «и» («имѣни», «иного»); эта замена не является большим

нарушением акростиха, потому что начальное ъ в старославянском языке совпало с *i* и этимологически от него не отличалось. На 33-м месте оба стихотворения имеют «хк» («хкалж», «хкалами»). Какой букве соответствует этот стих, не ясно (см. Приложение 3-ое).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3-ое.

Abecenaria bulgarica.

Из сохранившихся перечней славянских букв наибольшую цену для суждения о первоначальном славянском алфавите имеют два: так наз. *abecenarium bulgaricum*, изд. между прочим ЯГИЧЕМ (табл. VII), XI или XII в., содержащий только глаголический алфавит, и другой перечень, по ЯГИЧУ, XI в., содержащий оба алфавита, но, к сожалению, неизданный (о нём см. у Ягича ЭСлФ. 3, 137). В первом из этих перечней нет букв *ћ*, *щ*, *ѣ* и *ѡ*; вместо 1-ой части *ѣ* и буквы *а* — одна буква *ѣ* (состоящая в глаголице именно из соединения 34-й и 36-й буквы алфавита); в то же время есть буква «зѣло» и оба начертания «х», обычное и «паукообразное», причём второе занимает место обычного «х» глаголической цифровой системы, а обычное «х» стоит между «ш» и «ѣ». Порядок букв вполне согласен с порядком букв в цифровой системе и старших акростихах, и только буква «х» в обычном начертании, очевидно, не на месте: её место должно быть или рядом с паукообразным «х» или после «ѣ». Пропуск букв *ћ*, *щ*, *ѣ* и *ѡ* вряд ли случайный: буква «ѣ» в славянских словах не встречается ни в одном из старших глаголических текстов, а употребление её в греческих словах, повидимому, явление вторичное; буква «щ» отсутствует в моравской глаголице, а также в Зогра. и Клоц. и почти отсутствует во 2-ой половине Мар.; буква «ѡ» вообще в глаголических текстах пишется очень редко и отсутствует в чешскоморавской глаголице; буква «ѣ» отсутствует, между прочим, уже на добавочных страницах Киевских листков и Зогра. Буква «ѣ» при отсутствии букв «ѣ», «а» и «ѡ», может быть, получилась благодаря соединению двух букв алфавита — первой части комбинации, соответствовавшей кирилловскому «ѣ», и буквы «а». На то, что первая часть «ѣ» занимала первоначально в алфавите место, как особая буква, указывает второй из древнейших перечней славянских букв. Названия «*ot*» и «*re*», написанные над буквами «паукообразное х» и «ц», очевидно, принадлежат не этим буквам, а пропущенным «ѡ» и «щ», занимавшим в алфавите место между «х» и «ц» как раз в том же порядке. Что буква «щ» могла носить название в роде «ре» (т. е. «пѣ» или «пѣ» и т. п.), можно думать на основании обоих старших акростихов, где этой букве соответствуют слова «печаль» и «пѣснь», и названия какой-то славянской буквы «пѣ» в Троицком списке Сказания Храбра. Если *abecenarium bulgaricum* чешскоморавского происхождения, то замена названия буквы «ц» названием буквы «щ» вполне возможна потому, что звуки, обозначавшиеся этими буквами, в чешском языке совпали.

Очень интересен перечень славянских букв обоих алфавитов, и Кириллового и глаголического, упоминаемый Ягичем и относимый им к первой половине XI в. В глаголическом алфавите этого перечня всего 38 букв, т. е. то же число, что у Храбра, но по составу он вряд ли совпадает с тем алфавитом, какой имел в виду Храбр, потому что в нём нет «w», нет «ѡ» или «ѣ» и есть «a» при отсутствии «ж». За то в этом алфавите имеются «ћ», «щ» на своём месте, но перевёрнутое, несколько искажённое рисунка (ср. в том же алфавите 'перевёрнутое «ш», а в *Abecedarium bulgaricum* поставленное набок «ѣ»), оба начертания «х», причём оба помещены непосредственно после «ф» перед «щ», и обычное начертание «х» поставлено перед «паукообразным», оба знака для глухих («ъ» и «ь»), первая часть «ѣ», как особая буква, без второй части, на своём месте, перед «ю», и «a» правильно после «ю». Между «ъ» и «ь», повидимому, должно было стоять «ы», но вместо этого написано, кажется, «ші». Впрочем, ср. «шъ» на том же месте в перечне славянских букв в Троицком списке Сказания Храбра и «шѣѡѣ» в соответствующем букве «ъ» стихе азбучной молитвы Константина Болгарского. После «a» имеется «a», отсутствовавшее в первоначальном алфавите, но «ж» нет. Неясно из описания ЯГИЧА, какая буква на 22 месте, «ѣ» или «ѡ».

В кирилловском алфавите того же перечня очень важно наличие буквы «ћ». Если правильна датировка, предложенная Оттенталем (1-ая половина XI века), то это — старшее свидетельство о присутствии буквы «ћ» в кирилловском алфавите, не уступающее по древности старшим памятникам кирилловского письма. Далее, интересно в этом алфавите повторение одной и той же буквы «з» с незначительными вариантами в значении «зѣло» и «земля», указывающее на то, что особой буквы или буквы «з» с крючком для «зѣло» в тогдашнем кирилловском письме не было. Отсутствие буквы «ia», может быть, не указывает на отсутствие этой буквы в тогдашнем кирилловском письме, а только на то, что писец в своём перечне руководился составом букв глаголического алфавита. Две буквы между «w» и «ч» соответствуют буквам «щ» и «ц» глаголического алфавита и, вероятно, представляют искажение кирилловских «щ» и «ц». Впрочем, возможно, что писец не знал начертания кирилловского «щ» — в передаче глаголического «щ» он также допустил искажение, — а потому вместо неё написал первую букву её названия («п»). Между «ш» и «ћ» здесь — три буквы; первая и 3-ая из них соответствуют буквам «ъ» и «ь» (первая из них может быть понята, как «ъ» в обратном положении); средняя должна бы соответствовать букве «ы»; вместо этого — «щ», ср. «ші» в глаголическом алфавите того же перечня (может быть, «щі»), «шъ» в Троицком списке Сказания Храбра и «шѣѡѣ» в стихотворении Константина Болгарского. Буква после «ћ», вероятно, — «ж» (вместо «ѣ»), т. е. должна соответствовать занимающей то же место букве глаголического алфавита; вряд ли это — кирилловская параллель ко второму «х» глаголического алфавита. После «ю» здесь — «ж», «a» и «a» в соответствии одному «a» первоначального глаголического алфавита; по сравнению с глаголическим алфавитом того же алфавитария лишняя буква «ж». Греческих букв ϑ, ξ и ψ в алфавите нет.

Добавление в корректуру.

Второй абecedарий, содержащий оба славянских алфавита, вписан на ч. 1507 латинской РУКОПИСИ МЮНХЕНСКОЙ Б-КИ № 14485, X.—XI. в. Писавший не знал славянских азбук и искажил некоторые буквы. Начертания глаголических букв восходят к старым типам, не моложе нач. XII. в. Их угловатость может отражать старую западную манеру КЛ. и Пр. отр. В обоих алфавитах по 38 букв; каждая буква отделена от другой двоеточием. В глагол. алфавите порядок букв, кончая «w», тот же, что в глагол. цифровой системе; «зѣло», «земля» (последняя сильно искажена) и «ѣ» на своём месте. Вместо «о» — буква в роде лат. «и». На 22-м месте не «ѣ», как в акростихах, а «оѣ»; на 24 — «х» обычного начертания. «w» очень искажено, но на «паукообразное х» не похоже. После «w» — фигура, совсем не нохожая на глаг. «ѣ» и представляющая лишь отдалённое сходство с «ѣ» в Пр. отр.; далее «ц» и «ч». Рядом с «ч» стоит, не отделяясь двоеточием, как бы перевёрнутое «ш» с высокими мачтами, написанное как будто другими чернилами. Буквы «ш» и «ѣ» переставлены: сначала «ѣ», потом «ш». После «ш» — буква, похожая на «ѣ» или на начертание «ѣ» в абесеп. bulg. Далее «ѣ», «ѣ», «паукообразное х», совершенно отчотливое (ср. на том же месте «хѣ» в обоих акростихах, «хѣѣ» у Храбра), потом — буква, похожая на греч. «ѣ» с кружком внизу хвоста, глагол. «ю», «ѣ» и «ѣ». Т. о., за исключением перестановки «ш» и «ѣ», вставной буквы между «ш» и «ѣ» и последней буквы состав и порядок букв глагол. алфавита в Мюнх. абecedарии точно совпадают с составом и порядком букв обоих акростихов. В виду того, что 26-я буква совершенно непохожа на «ѣ», в кирилловском алфавите Мюнх. абecedария ей соответствует «п», а акростихи и Храбр не дают точных указаний на её значение, давая на соответствующем месте слова, начинающиеся с «п», остаётся невыясненным, действительно ли на этом месте первоначально было «ѣ» или какая то другая буква. Буква, похожая на греческое «ѣ», по месту соответствует стихам акростихов, начинающимся с «ѣ» и, несомненно, представляет несколько искаженное начертание первой части глаголического «ѣ».

В кирилловском алфавите буквам «зѣло» и «земля» соответствует повторенное два раза «з», глаголическому «ѣ» кирилловское «ѣ» очень архаичного рисунка, сходное с «ѣ» в Вукановом св.; 22-е место занимает «оѣ», 24-е — «п»; «ц» искажено (написана буква, похожая на лат. «N»), ч с глубокой чашечкой, «ш» раньше, чем «ѣ»; последнее сильно искажено; затем — «ѣ» с длинным хвостом, стоящим на строке; вместо «ѣ» — буква «ѣ»; далее «ѣ»; «паукообразному х» соответствует искаженное «ѣ»; после него «ю» и «ѣ» с приставленной сбоку справа наклонной чертой: писец, видимо, хотел написать «ѣ»; далее буква, напоминающая одно из начертаний «ѣ» в Сав., но без нижней перекадины, и «ѣ». Отсутствие «ѣ» и «ѣ» объясняется тем, что писец в перечне кирилловских букв руководился порядком букв глаголического алфавита.

РЕЗЮМЭ.

1. Старославянским языком следует называть не тот или иной народный славянский говор, вскрываемый нами при изучении так называемых старославянских памятников, а известные нормы литературного языка.

2. Из определения старославянского языка, как литературного, вытекает положение, что он мог и не совпадать ни с одним из живых (народных) славянских говоров.

3. Из тех особенностей языка, какие можно извлечь из изучения старославянских памятников, старославянскому языку, как языку литературному, можно приписывать только те, которые проводятся пишущими на нём, как *нормы*, с тою последовательностью, какую им позволяет их грамотность.

4. Эти нормы не были одинаковы всюду, где был в употреблении старославянский язык; поэтому можно различать несколько вариантов или литературных диалектов старославянского языка; эти *литературные диалекты* не следует смешивать с диалектами разговорного языка самых писцов, отражающимися в виде ошибок против принятых ими норм литературного языка в написанных ими текстах.

5. Можно различать два главных варианта или литературных диалекта старославянского языка: *чешско-моравский*, представленный Киевскими листками и Пражскими отрывками, и *болгарский*, представленный текстами собственно болгарскими, македонскими и русскими. В болгарском варианте старославянского языка можно различать разновидности собственно болгарскую, македонскую и русскую.

6. С течением времени старославянский язык испытал сложную эволюцию, значительно удалившую от него выросшие из него позднейшие литературные и церковные славянские языки. Хронологической гранью между языком старославянским а развившимися из него вариантами церковнославянского языка условно можно считать период утраты первых двух наиболее характерных фонетических архаизмов: 1. наличия самостоятельных, различающихся между собой звуков *ъ* и *ь* как в сильном, так и в слабом положении и 2. присутствия т. наз. носовых гласных.

7. Старославянский язык во всех своих вариантах сохранил ряд южнославянских черт, определенно указывающих на его южнославянское происхождение, но ни в одном из этих вариантов не сохранил полностью особенностей того говора, для которого была составлена славянская азбука.

8. Некоторое понятие об этом говоре даёт анализ глаголического алфавита. На первоначальный состав этого алфавита указывают, между прочим, глаголическая цифровая система, акростиhi старших славянских стихотворений, древнейшие славянские абecedарии и Храбр, позволяющие думать, что говор, для которого составлен этот алфавит, отличался, между прочим, следующими фонетическими чертами: 1. наличием звука *а* в начале слова, 2. отсутствием этимологического (т. е. фонетически или эмоционально необусловленного)

различия между *ě* и *ja*, 3. наличием особого звука *dz*, отличного от непалатального *z*, 4. наличием особых звуков из о.-сл. *dj* и *tj*, отличных от других согласных того же говора, между прочим, и от рефлексов о.-сл. *zđj*, *zgj*, *stj* и *skj*. Эти черты позволяют относить этот говор к той группе македонских говоров, потомками которой являются нынешние западно-македонские говоры, начиная от самой Солуни.

9. Два славянских алфавита — глаголица и кириллица — были задуманы, повидимому, первоначально, как две функциональные разновидности одного алфавита, в подражание двойственности греческого алфавита IX в., разновидности которого — минускулы и унциал — имели разные области применения.

10. Первоначальный глаголический алфавит заключал 36 букв, порядок которых определяется глаголической цифровой системой, акростихами двух старших славянских стихотворений и Мюнхенским абецедарием; в этом алфавите были буквы *s*, *ћ*, *w* и *ц*, отсутствующие в чешскоморавских текстах, и было два знака для буквы «*х*»: один из них, именно, обычное начертание буквы *χ* в глаголических текстах, занимал 24-е место после *ф* и употреблялся для передачи греческого *χ* перед палатальными гласными, другой, т. наз. «паукообразное *х*», занимал 33-е место, после буквы «*к*»; кроме того, в этом алфавите были буквы: первая часть глаголического «*ѣ*», обозначающая носовую гласный звук, являвшийся только в сочетаниях на носовую, и занимавшая в алфавите 34-е место, перед *ю*, и буква, употреблявшаяся в некоторых глаголических текстах в значении *а* нейотированного, а в Син. Пс. для передачи греч. *υ* перед *γ*, занимавшая 36-е место, после *ю*. Буквы *о҃*, *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* и *ѣ*, представлявшие в глаголическом письме комбинации или лигатуры простых букв, в алфавите не входили.

11. Первоначальная кириллица имела, между прочим, букву «*ћ*» и отличалась по составу от глаголицы наличием только одной буквы «*з*» в соответствии с глаголическими «*ѕ*» и «*з*», двух букв — *ћ* и *ѣ* в соответствии с глаголическим «*ћ*» и особых букв «*ѣ*» «*ѣ*» и «*ѣ*» для носовых гласных, соответствовавших глаголическим комбинациям с 36-й буквой алфавита.

12. Отличия первоначальной кириллицы от глаголицы могли явиться только западнее той области, где возникла глаголица, т. е., скорее всего, в Моравии или Паннонии.

RESUMÉ.

1. Il convient d'appeler vieux-slave non pas tel ou tel parler populaire slave que nous fait entrevoir l'étude des textes dits vieux-slaves mais certaines normes d'une langue littéraire.

2. De la définition du vieux-slave comme langue littéraire, il résulte qu'il ne devait pas nécessairement être identique à aucun des parlers populaires vivants slaves.

3. Entre les particularités linguistiques que fait apparaître l'étude des textes vieux-slaves, on ne peut attribuer au vieux-slave, comme langue littéraire, que celles qui ont le caractère de normes suivies par les scribes dans la mesure de leur instruction.

4. Ces normes n'étaient pas les mêmes partout où l'on employait le vieux-slave. Par suite, on peut distinguer plusieurs variantes ou dialectes littéraires du vieux-slave. Ces dialectes littéraires ne doivent pas être confondus avec les dialectes parlés par les scribes, et que ces derniers révèlent, dans leurs écrits, par des fautes contres les normes de la langue littéraire adoptées par eux.

5. On peut distinguer deux variantes principales ou dialectes littéraires du vieux-slave: la variante *tchécomorave*, représentée par le Missel de Kiev et les Feuilles de Prague, et la variante *bulgare*, représentée par les textes proprement bulgares, macédoniens et russes. Dans la variante bulgare du vieux-slave, on peut distinguer des sous-variantes bulgare proprement-dite, macédonienne et russe.

6. Au cours des temps, le vieux-slave a subi une évolution complexe qui a sensiblement éloigné du vieux-slave primitif les langues slaves littéraires et ecclésiastiques issues de lui. Comme limite chronologique entre le vieux-slave et les variantes du slave d'église qui se sont développées sur sa base, on peut considérer l'époque de la disparition des deux archaïsmes phonétiques les plus caractéristiques: 1° l'existence, en position faible comme en position forte, de sons autonomes ѣ et ѡ, différents l'un de l'autre, 2° l'existence de voyelles dites nasales.

7. Dans toutes ses variantes, le vieux-slave a conservé une quantité de traits sud-slaves qui témoignent nettement son origine sud-slave mais, aucune de ces variantes n'a conservé la totalité des particularités du parler pour lequel a été créé l'alphabet slave.

8. L'analyse de l'alphabet glagolitique donne une certaine notion de ce parler. La composition originelle de cet alphabet nous est montrée par le système de numération glagolitique, par les acrostiches des plus vieilles poésies slaves, par les anciens abécédaires slaves et par l'écrit de Chrabr, qui nous permettent de supposer que le parler pour lequel a été créé cet alphabet se caractérisait par les traits phonétiques suivants: 1° L'existence de *a* initial 2° L'absence de différence étymologique (c'est à dire non conditionnée par la position phonétique ou par le caractère émotionnel) entre *ě* et *ja*. 3° La présence d'un son parti-

culier *dz* différent du *z* non palatalisé. 4° La présence des sons particulier, issus du *dj* et *tj* du slave commun, et différents des autres consonnes du dit parler, entre autres des représentants de *zđj*, *zgj*, *stj* et *skj* du slave commun. Ces traits permettent de rattacher ce parler au groupe de dialectes macédoniens duquel descendent les dialectes macédoniens occidentaux d'aujourd'hui, parlés à partir de Salonique.

9. Les deux alphabets slaves, le glagolitique et le cyrillique, ont été probablement conçus d'abord comme deux variantes fonctionnelles du même alphabet à l'image de la dualité de l'alphabet grec du IX^e siècle dont les variantes (minuscules et onciales) avaient des domaines d'emploi distincts.

10. L'alphabet glagolitique primitif contenait 36 lettres dont l'ordre peut être fixé à l'aide du système de numération glagolitique, des acrostiches des deux plus vieilles poésies slaves et de l'abécédaire de Munich. Cet alphabet comprenait les lettres *s*, *h*, *w* et *u*, absentes des textes tchécomoraves, et deux signes pour la lettre *χ*: l'un d'eux, qui a la forme habituelle de la lettre *χ* dans les textes glagolitiques, occupait la 24^e place immédiatement après *ϕ* et s'employait pour rendre le *χ* grec devant les voyelles prépalatales; l'autre lettre dite *χ* aranéiforme, occupait la 33^e place, immédiatement après *κ*. En outre, cet alphabet comprenait aussi les lettres suivantes: 1° la première partie du glagolitique *ѡ*, pour noter une voyelle non nasale ne figurant que dans les groupements à consonne nasale et qui occupait dans l'alphabet la 34^e place, devant *ю*; 2° une lettre qui, dans quelques textes glagolitiques sert à noter *а* non iotisé et, dans le Ps. Sin. à transcrire le *γ* grec devant *γ* et qui occupait dans l'alphabet la 36^e place après *ю*. Les lettres *ѡѣ*, *ѡи*, *ѡѡ*, *ѡѣ*, *ѡѡ*, qui représentaient dans l'écriture glagolitique des combinaisons ou des ligatures de simples lettres ne faisaient pas partie de l'alphabet.

11. L'alphabet cyrillique primitif possédait, entre autres, la lettre *ѣ* et, pour le *s* et *з* glagolitiques n'avait qu'une seule lettre *з* alors que pour le *κ* glagolitique il avait deux lettres: *κ* et *ѡ*. Enfin, il avait des lettres particulières pour les voyelles nasales, alors que l'écriture glagolitique employait des combinaisons avec la 36^e lettre de son alphabet.

12. Les traits par quoi l'alphabet cyrillique diffère de l'alphabet glagolitique n'ont pu apparaître qu'à l'ouest du domaine où est né ce dernier, fort probablement en Moravie ou en Pannonie.

G. ILJINSKIJ:

ПОГОДИНСКИЕ КИРИЛЛОВСКО-ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ.

I. Введение.

Под именем «Погодинских кирилловско-глаголических листков» мы представляем нашим читателям старого знакомого историков древне-славянской письменности, — т. н. *Московские глаголические отрывки*. Это последнее название памятника во всех отношениях неточно: «Московскими» отрывки были названы потому, что некогда они составляли одну из главных драгоценностей «Древлехранилища» профессора *московского* университета *М. П. Погодина*; но с тех пор как его рукописное собрание сделалось собственностью Императорской Публичной Библиотеки (Пог. № 68), название «Московские» стало анахронизмом: правильнее было бы называть их «петербургскими» или «ленинградскими». Еще более неточен предикат «глаголический»; ведь в действительности текст отрывков написан не глаголицей, а кириллицей, и только кое-где буквы последней перемежаются с глаголическими. Поэтому вернее было бы именовать отрывки «кирилловско-глаголическими». Да, наконец, и самое слово «отрывки» является громким для двух пергаменных листков.

Таким образом, название «Московские глагольские отрывки» не может не вызывать недоразумений, чего нельзя сказать про то, которое ему даем мы, т. е. *Погодинские кирилловско-глаголические листки*. Я не говорю уже о том, что знаменитый русский историк, так много сделавший для изучения древнерусской письменности и вообще культуры, вполне заслуживает того, чтобы его имя украшало собой один из драгоценнейших памятников славяно-русской литературы.

К сожалению, не сохранилось никаких известий о том, когда и при каких обстоятельствах *М. П. Погодин* сделался владельцем интересующих нас фрагментов. Впервые ознакомил с ними ученый мир *О. М. Бодянский*. Сначала он сделал это в частном письме (от 6 февр. 1856 г.) *П. И. Шафарика*, в котором довольно подробно описал замечательные листки.¹ Через три года он перепечатал это письмо в I кн. «Чтений в Императ. Обществе истории и древностей росс.» за 1859 г. под назв. «Московские глагольские отрывки»,² предварив его небольшим предисловием, в котором он рассказал следующее о своем первом знакомстве с отрывками:

„Было то весной в 1848 г., когда я, посетивши раз *М. П. Погодина*, увидел

¹ *Шафарик* благодарит *Бодянского* за эту услугу в своем письме от 16 марта 1856 г. (*Лавров и Сперанский*, Письма Шафарика к *О. М. Бодянскому*. М. 1895, стр. 112).

² Имеется и отдельный оттиск статьи с таким титулом: «Московские глагольские отрывки. Сочинение *О. М. Бодянского*. М. 1859». Стр. 1—8.

на диване у него что-то пергаменное. Подошедши к нему, чтобы взять в руки, услышал голос хозяина: «Посмотри, пожалуйста, что это за пергаменные листки, и откуда? Кажется, еще с глаголитой.» И точно, то было два пергаменных листка, в 4-ку, на первый взгляд, весьма уже почтенной, даже красивой наружности, но, к сожалению, обратная сторона совершенно стерлась, так что едва-ли можно, при всех усилиях, разобрать больше пяти, шести слов. Видно, что это выдержка из какой-то полной рукописи, и при том сделана так, что срединных листов тетради нет, а остались только крайние, из одного и того же матерьяла, а потому, естественно, читая оставшееся на этих крайних страницах, не знаешь, откуда и что это, тем более, что содержание сплошное. С согласия владельца я взял с собою домой этот отрывок, чтобы хорошенько рассмотреть, что это такое. К сожалению, содержания мне не удалось определить; но, чтобы доставить другим возможность потрудиться, я тут же распорядился сделать снимок посредством литографии с этого, во всех отношениях, замечательного памятника, особенно по употреблению в нем глагольских писмен среди сплошной кириллицы. В то время (1848) подобное явление принадлежало к чрезвычайно-редким случаям, да и теперь не многим еще в этом роде наша старинная письменность может похвалиться. Известные события, постигшие заведываемые мною «Чтения»..., а с ними и меня самого, в 1848 г., не позволили мне обнародовать приготовленного снимка с оных даже до дне сего.“

Затем *Бодянский* переходит к краткой характеристике письма и языка Листков. Перечислив, хотя и не без крупных промахов,¹ руссизмы памятника, он отмечает несколько звуковых «отличий», но без всякого порядка и системы, и на каждом шагу путая их с морфологическими. Вот и все, что *Бодянский* сообщает нам об основной кирилловской части Листков. Что касается глаголической, то московский славист ограничился лишь простым перечнем всех 11 глаголических букв, повторяющихся 42 раза на 2^й л. «Все эти буквы, прибавляет он, — почерка, который ничем не отличается от кирилловских букв и писаны рукой твердой, привычной, как это можно видеть на самом снимке; но по начертанию глаголица эта — семи болгарской, кругловатая, а не продолговатая, посошная, обыкновенная, какая у хорватов.»

Далее *Бодянский* указывает, что «Московские глагольские отрывки» отнюдь не представляют чего-либо необычайного в славяно-русской письменности, но что ему известны и другие славянские рукописи русского происхождения с большей или меньшей примесью глаголических букв. Таковы «Пророки с толкованиями» Троицко-Серг. Лавры XVI в., Церк. устав Синод. Библ. XI—XII в. и др. Все это и дает нашему автору право придти к следующим заключениям:

1°. На Руси, с принятием христианства, явилось двойное письмо, кирил-

¹ Напр., в числе «русских» особенностей автор упоминает: переход ѣ в о в оуповаѣть, замену ѳ через ф в монѣска, употребление щ, вм, шт, замену ѳ простым ѳ, группы чю, шю.

ловское и глаголическое, «вместе с церковными памятниками, писанными одним и тем же языком, хотя и по разным его наречиям.»

2°. Различия этих наречий не препятствовали нашим предкам с одинаковым старанием списывать как с кириллицы, так и с глаголицы.

3°. Списывая с той и другой, писцы не могли не вносить в текст особенностей своего русского произношения, вследствие чего извод болгарский, «обращался больше или меньше в извод русский, хотя, сколько можно доселе судить, извод болгарский наречия македонского гораздо меньшим подвергался изменениям под пером переписчиков, чем извод наречия собственно болгарского.»

4°. Хотя памятники «того и другого наречия» и писаны круглой, болгарской глаголицей, но не исключена возможность, что со временем будут открыты на Руси и рукописи со следами глаголицы угловатой, хорватской.

Последняя надежда *Бодянского*, как известно, не оправдалась, и едва-ли когда оправдается.

К своей статье *Бодянский* приложил литографированные снимки с обеих уцелевших страниц памятника; исполнены они в общем весьма удовлетворительно, и немногие их неточности сводятся, главным образом, к опущению на некоторых буквах надстрочных знаков; грубой же ошибкой можно признать только одну, — дѣвкѣнымъ вм. дѣвкѣными 1₂.

До некоторой степени дополнением статьи *Бодянского* явилась заметка о наших Листках *П. А. Лавровского*. Она появилась в том же году и в том же журнале, — на страницах его известной статьи «Описание семи славянских рукописей» (Чтения IV 51—54). Хотя разгадать содержание памятника не удалось и *Лавровскому*, — даже его общее положение, что «рукопись заключает в себе несомненно поучение», как увидим ниже, совершенно неверно, — все же заметка ученого слависта представляла большой шаг вперед в изучении Листков. Ведь в ней впервые были изданы обе их уцелевшие страницы, и, кроме того, восстановлены три слова на 2-й сгладившейся странице и два слова на третьей. Для своего времени это издание было выполнено сравнительно аккуратно, и из неточностей орфографического характера были допущены только следующие: данилкъ вм. данилкѣ 1₁₇, себеѣ вм. себе 1₁₈, со соухѣнымъ вм. соухѣнымъ 2^v₁₅, оубѣноуѣи вм. кѣмалѣ оубѣноуѣи 2^v₁₇, вавилонѣ вм. вавѣлонѣ 2^v₁₉. Кроме того, в минус изданию *Лавровского* следует поставить несоблюдение надстрочных знаков, произвольную передачу ѣ посредством ѣ-и и не вполне точную и последовательную транскрипцию глаголических букв посредством кирилловских, которые, в отличие от таких же букв оригинала, он печатает петитом.

Свою заметку *Лавровский* заключает краткой характеристикой письма и языка отрывков. Он отмечает сходство букв ж и ч с изображениями их в Остромировом Евангелии, констатирует отсутствие знака ж и приводит доказательства русского происхождения писца. Относительно глаголических букв не соответствует действительности утверждение автора, будто оне не встречаются на 3 стр. (т. е. л. 2). Не совсем ясно для нас, откуда *Лавровский*

узнал, что писец рукописи был плохо знаком с глаголической азбукой, и что изображение глаголических букв давалось ему не легко. Хотя автору и не удалось подкрепить этого мнения фактами, однако это не помешало ему высказать предположение, что «русский переписчик переписывал с рукописи глагольской, переводя в то же время глаголицу на кириллицу. Сначала это ему удавалось, и на первой странице нет ни одного глаголического знака; но под конец ему, видно, наскучил такой труд, или он спешил и стал перемешивать оба алфавита, из которых глагольский знал плохо.»

Погодинскими листками не мог, конечно, не заинтересоваться и такой неутомимый исследователь древне-славянской письменности, каким был *И. И. Срезневский*. Уже в 1863 году он посвятил им целых два столбца в «Дополнениях» к своим «Древним памятникам русского письма и языка» (Изв. X 580—582). К сожалению, и ему не удалось выяснить состав текста фрагмента. По его словам, «без затруднения прочесть на этом листе пергамена можно только две внутренние страницы.¹ Из двух внешних на первой можно разобрать только несколько строк; на четвертой же видны из-за несмыслимой грязи только отдельные буквы. Первая внешняя страница с оборотной внутренней составляет целое — часть поучения, писанного кириллицей, смешанной с глаголицей. Другая половина отрывка, писанная чистой кириллицей, есть часть особого поучения. Из этого видно, что отрывок этот есть часть тетради, на средних листах которой оканчивалось одно поучение и начиналось другое.»

Последнее утверждение совершенно неверно: Погодинские Листки представляют собой отрывок не двух различных поучений, а фрагмент толкового пророчества. Какого именно, увидим впоследствии.

Но самым ценным в статье *Срезневского* были не эти общие замечания, а новая попытка воспроизведения текста Листков в печати. Автор полностью издал здесь лл. 1 и 2^v и часть (именно 12 неполных строк) л. 2^v. К сожалению, как почти все работы этого рода *Срезневского*, издание далеко от элементарной акрибии. Не говоря уже о неточном изображении надстрочных знаков и о частом их пропуске, для характеристики публикации *Срезневского* здесь достаточно отметить такие опечатки, как оученимъ вм. оучениймъ 1²⁷, такъ вм. тако 1³, видѣвъше вм. видѣвъше 1¹²⁻¹³, птици вм. птица 1²⁷, любѣ вм. любѣ 2^v₃, оуклонайса вм. оукланайса 2^v₅, тимодѣю вм. тимофѣа 2^v₁₀.

Еще меньшей точностью отличается реставрация верхней части внутренней страницы 2 л. Но не по вине издателя. Не смотря на то, что *Срезневский* прибегнул к помощи даже химических реактивов, многие буквы он прочитал с ошибками, что и не удивительно: ведь он не мог сличить эти почти сгладившиеся начертания с параллельным текстом какого-нибудь другого списка издаваемого произведения.

¹ В действительности, эти страницы (л. 1^v и 2) являются внешними, а «внешние» страницы *Срезневского* на самом деле являются внутренними.

В окончательном итоге издание *Срезневского* следует признать еще менее удовлетворительным, чем публикация его ученика *Лавровского*.

Погодинские листки упомянуты под именем «Сборника поучений» и во 2-м сокращенном издании «Древних памятников» *Срезневского* (Спб. 1882 г.). Они приведены здесь (стр. 81) в числе рукописей, написанных до 1200 г. Мы не находим тут никаких извлечений из текста, а о самом памятнике сказано только, что «на первых двух страницах с кириллицей смешана глаголица.... Этот лист был употреблен как обертка для какой-нибудь тетради, и потому две внешние страницы очень стерлись.»

Когда в 1908 г. вышли «Образцы глаголицы» *Н. М. Каринского* (Спб.), то среди вошедших в их состав великолепных 25 автотипических снимков с разных рукописных и печатных памятников автор не забыл поместить и одну страницу Погодинских листков, и именно ту (л. 2^v), на которой находятся глаголические буквы: ей посвящена табл. XXI-ая. Как и в других случаях, и здесь составитель не счел нужным присоединить к снимкам какие-нибудь объяснительные примечания или комментарии.

Работами *Бодянского*, *Лавровского*, *Срезневского* и *Каринского* и исчерпывается вся «литература» о замечательных Листках. В текущем году исполняется ровно 70 лет со времени их editio princeps, а об загадочном памятнике наука попрежнему знает не более того, что сообщили о них указанные слависты. Поэтому не удивительно, что *Волков* в своих ценных «Статистических сведениях о сохранившихся древне-русских книгах XI—XIV веков» (Спб. 1897) ограничился лишь простым упоминанием об этом «отрывке неопределенного содержания (поучениях).» А авторы компендиев славянской палеографии обычно даже игнорируют Погодинские Листки, и мы напрасно стали бы искать о них каких бы то ни было указаний в книгах *Срезневского* (Славянорусская палеография Спб. 1885), *Соболевского* (Славянорусская палеография ² 109), *Карского* (Очерк славянорусской кирилловской палеографии ⁴ 137) и *Щепкина* (Учебник русс. палеогр. 133). Только в последней по времени переработке своего курса (по счету пятой) — «Славянская кирилловская палеография» (Ленинград 1928) *Карский* привел in extenso первые 14 строк л. 2^v, но лишь для того, «чтобы представить себе, в какой степени иногда смешивалась глаголица с кириллицей» (стр. 213). Но особенно удивительно, что наш памятник ни разу не назван даже по имени ни в капитальном труде *Ягича* «Глаголическое письмо» (Энциклоп. слав. фил. III Спб. 1911), ни в таком же труде *Лаврова* «Палеографическое обозрение кирилловского письма» (Пгд. 1914). Последний автор упоминает о наших фрагментах лишь вскользь (стр. 5), а первый ограничился лишь глухой ссылкой на статью *Бодянского*, прибавив, что подобного рода глаголические приписки «для истории палеографии..., конечно, не имеют большого значения.» Но, как увидим в дальнейшем изложении, это огульное замечание не совсем соответствует действительности.

Чем же объясняется столь слабая популярность Погодинских Листков в науке славянской филологии?

Конечно, не сами по себе Листки были причиной этого холодного отношения, а загадочность их содержания. Пока ученый мир оставался в неведении относительно истинного его содержания, нельзя было и думать о строго-критическом издании памятника, и еще менее — о точной оценке его как произведения письма, языка и литературы. Таинственный плащ, накинутый на памятник, интриговал любопытство ученых, но в то же время отпугивал от ближайшего с ним знакомства.

Задумав, еще много лет тому назад, новое издание Погодинских Листков, я все усилия направил прежде всего на определение их текстуального содержания. Но все мои разыскания, справки и поиски в этом направлении упорно не хотели принести желаемых результатов. Наконец, я возымел счастливую мысль обратиться за помощью к известному знатоку нашей древней письменности *Ф. И. Покровскому*. Обратившись к нему из Саратова с письменным запросом, я имел счастье получить от него письмо (от 30 дек. 1925 г.), в котором он великодушно поделился со мною своим открытием. **Оказалось, что Погодинские Листки суть не что иное, как часть Толкования св. Ипполита на книгу пророка Даниила.**

Это открытие глубокоуважаемого ученого и сделало возможным нижеследующее издание и исследование рукописного отрывка.¹

¹ Считаю долгом принести хранителю Рукоп. Отдел. Ленингр. Публ. Библиотеки *И. А. Бычкову* мою сердечную благодарность за всяческое содействие, которое он оказывал мне в моей работе.

Гл. II . . . καὶ ὁ ἀπόστολος πρὸς Κορινθίους γράφων φησὶν· „καὶ ἦλθον
 Кор. πρὸς ὑμᾶς οὐκ ἐν διδακτοῖς ἀνθρωπίνης σοφίας λόγοις, καταγγέλλων ὑμῖν τὸ
 I, 2, 13, μυστήριον τοῦ Χριστοῦ, ἀλλ' ἐν διδακτοῖς πνεύματος, πνευματικοῖς πνευματικὰ
 συγκρίνοντες.“ οὕτως οὖν καὶ ἐν Βαβυλώνι τῶν μὲν σοφῶν πάντων ἡ ἐπίγειος
 Дан. σοφία ἐμωράνθη, μὴ δυνηθέντων τὸ ἐνύπνιον τοῦ βασιλέως συγκρίναι, „ἕως
 οὗ ἦλθεν Δανιήλ, ὃς πνεῦμα θεοῦ ἅγιον εἶχεν ἐν αὐτῷ,“ καθ' ὃ καὶ αὐτὸς ὁ
 βασιλεὺς ἐν πολλοῖς τοῦτον δοκιμάσας ἐμαρτύρησεν, καὶ τοῦτο γραπτῶς δημο-
 σία προσέθηκεν, ἵνα μὴ μόνον ὑπ' αὐτοῦ τοῦ βασιλέως ἐντιμος ὢν φανῇ, ἀλλὰ
 καὶ ὑπὸ πάντων τῶν ὑποτεταγμένων τῷ βασιλεῖ ὡς θεοῦ ἄνθρωπος καὶ μέγας
 προφήτης ὀνομασθῇ, ὥσπερ καὶ οἱ Αἰγύπτιοι πάλαι ἰδόντες τὰ διὰ Μωϋσέως
 θαυμάσια ἔργα ἐπὶ τῶν δέκα πληγῶν γεγεννημένα φοβηθέντες Μεννουθὶμ τοῦτον
 ὠνόμασαν ὃ ἔστιν αἰγυπτιστὶ ἄνθρωπος τοῦ θεοῦ· τὸ γὰρ μεννοῦ καλεῖται ἄν-
 Дан. IV θρώπος, θὶμ δὲ θεός· οὕτως καὶ Ναβουχοδονόσορ, περὶ τοῦ Δανιήλ ἐμάρτυ-
 7—15 ρησεν, ὅτι „πνεῦμα θεοῦ ἅγιον ἐν αὐτῷ ἔχει“.

III. Οὗ κληθέντος τότε καὶ ἐνώπιον τοῦ βασιλέως σταθέντος ἀπεκρίθη πρὸς
 Дан. IV αὐτὸν· „ἐπὶ τῆς κοίτης μου ἐθεώρουν, καὶ ἰδοὺ δένδρον ἐν μέσῳ τῆς γῆς καὶ
 7—15 τὸ ὕψος αὐτοῦ πολὺ. ἐμεγαλύνθη τὸ δένδρον καὶ ἴσχυσεν καὶ τὸ ὕψος αὐτοῦ
 ἔφθασεν ἕως τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὸ κύτος αὐτοῦ εἰς τὰ πέρατα πάσης τῆς γῆς· τὰ
 φύλλα αὐτοῦ ὥραϊα καὶ ὁ καρπὸς αὐτοῦ πολὺς, καὶ τροφή πάντων ἐν αὐτῷ.
 ὑποκάτω αὐτοῦ κατεσκήνουν τὰ θηρία τὰ ἄγρια, καὶ ἐν τοῖς κλάδοις αὐτοῦ
 κατώκουν τὰ ὄρνεα τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἐξ αὐτοῦ ἐτρέφετο πᾶσα σὰρξ· ἐθεώρουν

II. Текст.

- л. 1. [пре]моудрости · ѿ словесы поклѣдаѿ тайноу хри
стосовоу · нъ ѡучениѣмъ дѣа · дѣовѣнѣмъ
дѣовѣнаѿ расоужающе · тако оубо въ вавѣло
нѣ · премоудрымъ всѣмъ · земаѿнаѿ премоу
5 дростѣ · боуѿа бѣи не могъшемъ съна црѣва
соудити · донелѣ приде данилъ · ѿже дѣхъ
бжїи живаше въ немъ · ѿкоже ѿ самъ црѣ · мѣ
ногашдѣ ѿскоусивъ ѿго · послоушествова ѿ
моу · ѿ се писано ѿвѣ положи · да не тѣкмо оу
10 црѣ ѡтѣнѣи ѿвѣтъ сѣ · нъ ѿ въ всѣхъ ѿже
повинѣни црѣ бѣша · ѡкы бжїи члѣкъ ѿ ве
ликъ наречетъ сѣ · ѡкы ѿгуптѣне древа вѣ
дѣвѣше моисѣѡва чюдесѣна дѣла · ѡ · ї · ѿ
звѣхъ · оубоѿвѣше сѣ оубо · меноуфѣмъ сего
15 нарекоша · ѿже ѿсть члѣкъ бжїи · меноуфъ бо
члѣкъ нарицаѣтъ сѣ ѿгуптѣскы · Фимъ же
ѣ · тако ѿ навѣходоносѣръ · ѡ данилѣ · по
слоушествова · ѿже рѣ дѣхъ стѣи въ себе ѿма
тъ · ѿмоу же званоу бѣвѣшю ѿ ставѣшю пре
20 дѣ црѣмъ · ѡвѣща къ немоу · видѣхъ на своѣмъ
ложн · ѿ се доубѣ средѣ земаѿ · вѣсота велика
възвеличи сѣ доубѣ ѿ възмуже · ѿ вѣсота ѿ
го досѣзаше до нѣсе · ѿ широта ѿго до конца
всѣа земаѿ · листовѣ ѿго лѣпи · ѿ плодъ ѿго мно
25 гъ · ѿ кѣрмѣ въ немъ · подѣ нимъ живѣхоу
звѣриѣ дивнѣ · ѿ въ вѣтвѣхъ ѿго живѣхъ
птица нѣнѣи · ѿ ѡ него кѣрмѣше сѣ всѣа

ἐν ὁράματι τῆς νυκτὸς ἐπὶ τῆς κοίτης μου, καὶ ἰδοὺ εἶδον, καὶ ἅγιος κατέβη ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἐφώνησεν ἐν ἰσχύϊ καὶ εἶπεν· ἐκκόψατε τὸ δένδρον καὶ ἐκτίλατε τοὺς κλάδους αὐτοῦ καὶ ἐκτινάξατε τὰ φύλλα αὐτοῦ καὶ διασκορπίσατε τὸν καρπὸν αὐτοῦ. σαλευθήτω τὰ θηρία ὑποκάτωθεν αὐτοῦ καὶ τὰ ὄρνεα ἀπὸ τῶν κλάδων αὐτοῦ· πλὴν τὴν φυὴν τῶν ῥιζῶν αὐτοῦ ἐν τῇ γῇ ἐάσατε καὶ ἐν δεσμῷ χαλκῷ καὶ σιδηρῷ καὶ ἐν τῇ χλόῃ τῇ ἔξω καὶ ἐν τῇ δρόσῳ τοῦ οὐρανοῦ κοιτασθήσεται καὶ μετὰ τῶν θηρίων ἡ μερὶς αὐτοῦ ἐν τῷ χόρτῳ τῆς γῆς· ἡ καρδία αὐτοῦ ἀπὸ τῶν ἀνθρώπων ἀλλοιωθήσεται καὶ καρδία θηρίου δοθήσεται αὐτῷ καὶ ἑπτὰ καιροὶ ἀλλαγῇσονται ἐπ' αὐτόν· διὰ συγκρίματος εἶδον ὁ λόγος καὶ ῥῆμα ἅγιον τὸ ἐπερώτημα, ἵνα γνῶσιν οἱ ζῶντες, ὅτι κύριός ἐστιν ὁ ὑψιστος τῆς βασιλείας τῶν ἀνθρώπων καὶ ὃ ἐὰν δόξη δώσει αὐτήν, καὶ ἐξουδένωμα ἀνθρώπων ἀναστήσει ἐπ' αὐτήν· τοῦτο τὸ ἐνύπνιον ἶδον ἐγὼ Ναβουχοδονόσορ ὁ βασιλεὺς, καὶ σὺ Βαλτάσαρ τὸ σύγκριμα αὐτοῦ εἰπόν· ὅτι πάντες οἱ σοφοὶ τῆς βασιλείας μου οὐ δύνανται τὸ σύγκριμα αὐτοῦ δηλῶσαι μοι, σὺ δὲ Δανιὴλ δύνασαι, ὅτι πνεῦμα ἅγιον ἐν σοί.

IV. Ἦν μὲν τὸ ἐνύπνιον τὸ ὑπὸ τοῦ Ναβουχοδονόσορ ἐωραμένον πρὸς ἐπιτιμίαν αὐτῷ τῷ βασιλεῖ δεδειγμένον· ἀνθ' ὧν γὰρ ὑψώθη ἡ καρδία αὐτοῦ καὶ κατὰ τοῦ θεοῦ ἐπήρθη εἰκόνα χρυσοῦν ἀναστήσας, ἐπεδείχθη αὐτῷ δι' ὁράματος, ὅτι

.....

 V.

- л. 1.^v паѣть · видѣхъ къ видѣ[нии ношѣн]ѣмъ на ло
 жи скоѣмъ · ѿ [с]ѣ доуга ѿ свѣтъ съ нѣсе съниде
 ѿ възгласи вельми · ѿ рѣ посѣщѣте доубъ · ѿ ѿ
 сѣщѣте вѣткѣн ѿмоу · ѿ листѣ[н]ѣ ѿмоу растърза
 5 [н]те ѿ разме[т]ѣте плодъ ѿмоу · да сѣ двигноу
 тѣ звѣри соущиѣ подъ нимъ · ѿ птица ѿ вѣ
 твѣн ѿго т[ѣ]кмо ѿ[р]а[с]ли корень ѿмоу ѿста
 ви[те] къ земли · ѿ къ [поу]тѣ мѣдѣнѣ ѿ желѣ
 знѣ ѿ по травѣ кънѣшнѣннѣ росѣ нѣнѣнѣ да
 10 [лѣ]гѣтъ ѿ съ звѣрѣмъ часть ѿмоу по тра
 вѣ земьнѣнѣ срѣце ѿмоу да сѣ премѣнитъ
 [ѿ] члѣвкъ и срѣце звѣрино дано ѿмоу боудеть
 и сѣдмь [врѣ]мѣнъ да сѣ измѣнитъ на немъ · соу
 домъ · [доубъ слово] ѿ глѣ стѣ въпросъ да оу
 15 вѣдѣтъ живущиѣ ꙗко гъ ѿсть въшѣннѣ
 вла[дѣтъ] и црѣ[ст]воу члѣвчѣскомоу · и ѿмоу же хош[ѣ]
 тѣ дастъ [ѿ] · [никъ]чѣженнѣ члѣвкъ · [с]творитъ
 ѿ[моу] · и сънѣ видѣх[ѣ] [азъ] [навъ]ходоносоръ
 црѣ · а тѣ в[ла]та[с]ароу · рыци ѿмоу же ска[зани]
 20 [ѿ · ꙗко вси] моу[дрин] црѣтва м[о]ѿго не могутъ съ
 каза[ниѣ] [ѿмоу] рѣши [мнѣ · тѣ же даниѣ] можеш [и]
 сказа[ти] · ꙗко дхъ [ѣа стѣ къ тѣбѣ] бѣше оубо
 сънѣ тѣ навъходоносоръ видѣ на ипѣти
 мню самомоу црѣю показанъ · ꙗлма оубо
 25 къзвѣш сѣ срѣдѣмъ и къзнесе сѣ на ѣа · обра
 зѣ златѣ къ[ст]авнѣ и ксѣ коумиромъ ноу
 жашѣ слоужити [показасѣ] ѿмоу къ снѣ ꙗк[о]

καὶ τὸν ὑψιστον ἡυλόγησα καὶ τὸν ζῶντα εἰς τὸν αἰῶνα ἤνεσα καὶ ἐδόξασα, ὅτι ἡ ἔξουσία αὐτοῦ ἔξουσία αἰώνιος καὶ ἡ βασιλεία αὐτοῦ εἰς γενεάν καὶ γενεάν, καὶ πάντες οἱ κατοικοῦντες τὴν γῆν εἰς οὐδὲν ἐλογίσθησαν, καὶ κατὰ τὸ θέλημα αὐτοῦ ποιεῖ ἐν τῇ δυνάμει τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἐν τῇ κατοικίᾳ τῆς γῆς, καὶ οὐκ ἔστιν ὃς ἀντιστήσεται τῇ χειρὶ αὐτοῦ καὶ ἐρεῖ αὐτῷ· τι ἐποίησας.”

VI. Τὸ μὲν οὖν ἐνύπνιον δοκεῖ ἀνθερμήνευτον εἶναι καὶ πᾶσιν εὐδολον, καθὼς καὶ ἡ γραφὴ διδάσκει ταῦτα οὕτως γεγενῆσθαι, καὶ αὐτὸς δὲ ὁ βασιλεὺς ὕστερον ἐξομολογούμενος τὰ συμβάντα αὐτῷ διηγήσατο. ἀλλὰ γοῦν ἡ χάρις τοῦ θεοῦ ἀφθόνως συνετίζει τὸν ἄνθρωπον, ἵνα ἐν πᾶσιν τὸν νοῦν ἀνεμπόδιστον ἔχοντες μὴ προσώποις ἀνθρώπων βασιλέων προσέχωμεν — ματαία γὰρ ἐλπίς εἰς ἄνθρωπον — μηδὲ ἄρχοντας τοὺς ἐπ’ ἐξουσιῶν ὄντας τεταγμένους ἕνεκεν δόματος κολακεύωμεν, ἀλλὰ μόνῳ θεῷ προσκαρτεροῦντες καὶ τὰ εὐάρεστα τούτῳ ποιοῦντες καὶ τὸν νῦν βίον ἀκίνδυνον διατελέσωμεν καὶ τὴν μέλλουσαν κρίσιν εὐκόλως ἐκφυγώμεν· τί γὰρ ὠφελῆσαι δύναται βασιλεὺς καὶ δυνάστης ἄνθρωπον, ὅποτε καὶ αὐτὸς θνητὸς ὢν ὑπὸ τὴν τοῦ πεποιηκότος αὐτὸν κινεῖται ἔξουσίαι; δύναται μὲν γάρ ἐν τῷ νῦν βίῳ δόματά σοι πολλὰ καὶ μεγάλα παρασχεῖν, ἀλλὰ καὶ ταῦτα ἐπίγεια ὄντα ἔστιν καὶ πρόσκαιρα τυγχάνει. πολλοὶ δὲ καὶ τιμῆς καὶ δορεᾶς ὑπὸ βασιλέως λαχόντες καὶ ἐπ’ ἐξουσιῶν καὶ τιμῶν κατασταθέντες, ὕστερον αὐτοὶ δι’ ἑαυτοὺς ἐκινδύνευσαν· ἢ ὡς ἐπίβουλοι εὐρεθέντες, ἢ ὡς φίλοι βασιλέως ὑπὸ

- Л. 2. ВЕСИХЪ . ѿ ЖИВОУЩАГО КЪ ЧѢКЪ ЪКАИХЪ .
 Ѹ СЛАВЪХЪ . ѿКО ВЛАСТЬ ѿМОУ ВЛАСТ[Ъ] КѢЧЪ
 НАѿ . Ѹ ЦѢТКО ѿГО КЪ РОДЪ И РОДЪ . И [В]СИ ЖИ
 КОУШИѸ НА ЗЕМЛИ . ѸКЪ НИЧЕОЖЕ МНАТ[СА]
 5 Ѹ ꙗко СВОИѸ УОЛЗ ШВОРИТЬ . ТЪ КЪ СИЛѢ [Н]БНѢ
 И . И [ВЪ] ЖИАНШЪ ЯЕМЪНѢМЪ . ѿ ѿКЪ ПРОТИКАѿ
 СѢ ѿМОУ . И РЕКЪИ КЪ НЕМОУ ЧТО СТВОРИ СЪНЪ[]
 ОУШО М[Ъ]НАШ[Е] СѢ . САМЪ ТЪ[А]КОУА СѢ ѿ КСѢ[МЪ]
 БЛГОБЖЕНЪ . [ѿ]КО И ПИСАН[ИЕ] САМО ОУЧИШЪ [СИ]
 10 ШАКО ШЫВЪ[ША] . ѿ САМЪ ЦРЬ ПОСЛѢДИ ЗСПОКѢ
 ДАЕШЪ СѢ ѿ СЛОУЧИКЪША СѢ [ѿМ]ОУ ПОКѢДА
 НЪ БЖИѿ БЛГДЪШЪ ШЕ ЗАКИСТИ РАДОУ[МНА] ТВО
 РИТЬ ЧЛКА . ДА ВСѢЧЬСКИ [ОУМЪ НАСТА]ВЛЯЮШЪ
 СИ ИМАЮШЕ ЛИЦЪМЪ ЦРЬМЪ [ЧЛВ]ЧЬСКИМЪ
 15 ДА НЕ СМОТРИМЪ . [НИ К]НА[ЗА] ВЛАСТИ ПОСТА
 ВЛЕ[НЫМЪ] А[СКА]ИМЪ [ДА]РА ДѢ[ЛА] НЪ [Ш] БЗѢ
 ѿ[ДИНОМЪ] ПР[Ѣ]ТРЬПѢКАЮЩЕ ѿ БЛГОГОДЪ
 НАѿ ѿМОУ ТВО[РАЩЕ . И ЖИ]Ш[Е] СЕ БЕЗЪ БѢДЪ[]
 ПРО[КОДИМЪ] . [И ХОТѢЩАГО] БЫТИ [СЖДА] ОУДОБ[Ъ ГО]
 20 НЕЗНАЕМЪ ЧТО МОЖЕТЪ ОУСПѢТИ ЦРЬ ѿЛИ .
 МОГЪИ ЧЛБКЪ [ѿКОЖЕ И] САМЪ ОУМИРАѢ . ѿ СЫ
 И САМЪ ПО[ДЪ] ШЛѢСТИЮ СТВОРОШАГО ИСТЬ
 МОЖЕТЪ ОУКО КЪ ЖИШНИ СЕМЪ [ДАРТЫ ТИ МНОГЫ И КЕ]
 ЛИКЪИ ДАШИ [НЪ] СИ ЗЕМЬНАѢ . МАЛО ГО
 25 ДНА СОУТЬ МНОЗИ ЖЕ И ЧАСТИ И ДА[РТЫ] ѿ ЦРЬ .
 ИМѢЮЩЕ . И ШАСТИ ПОСТАВЛЕНЪ[] ꙗкоСЛѢДИ
 САМА ДОШОѿ ПОГЫШША ИЛИ АКЪ ВЪЗИ

ἐτέρων ἀναιρεθέντες· τί τούτους ὠφέλεσεν ἡ πρὸς τὸν βασιλέα φιλία; οἱ μὴτε τῶν δομάτων ὧν ἔλαβον ἐνεπλήσθησαν, προσέτι δὲ καὶ τὴν ἑαυτῶν ψυχὴν προσ-
 απώλεσαν· φεῦγε οὖν τὰ τοιαῦτα πρόσωπα, ὦ ἄνθρωπε, „μήποτε κινδυνεύσης
¹ ¹ ^{Петр} ¹ ²⁴ δι' αὐτούς· „πᾶσα γὰρ σὰρξ χρότος καὶ πᾶσα δόξα“ ἄνθρωπου, „ὥς ἄνθος χρότου·
 ὁ χρότος ἐξηράνθη καὶ τὸ ἄνθος ἐξέπεσεν“ ἄκουσον τὸ ὑπὸ τοῦ ἀποστόλου
¹ ¹ ^{Тим.} ^{VI} ^{17,} Παύλου εἰρημένον, πῶς παραινεῖ Τιμοθέῳ γράφων· „τοῖς πλουσίοις τοῦ νῦν
^{IV} ¹⁰ αἰῶνος παράγγελε μὴ ὑψηλοφρονεῖν, μηδὲ πεποιθέναι ἐπὶ πλούτου ἀδηλότῃτι,
 ἀλλ' ἡλπιέναι „ἐπὶ θεὸν ζῶντα, ὥς ἔστιν σωτὴρ πάντων ἀνθρώπων, μάλιστα
^{Ис.} ^{XL} ^{8,} ^{Як.} ¹ ^{11,} ^{IV} ¹⁴ δὲ πιστῶν.“ ἡ γὰρ τῶν ἐν ὑπεροχῇ κειμένων δόξα φύλλοις ξηροῖς ἔοικεν, αἱ „πρὸς
 ἀκμάσσοντα, εὐθέως δὲ μαρανθέντα.

VII. Τὶ ὠφέληκεν Ναβουχοδονόσορ τὸν βασιλέα τὸ ὑπέρογκον δῆμα ἐν τῷ
 εἰπεῖν· „οὐχ αὕτη ἐστὶν Βαβυλὼν ἡ μεγάλη, ἣν ἐγὼ ὠκοδόμησα εἰς οἶκον βασι-
 λείας ἐν τῷ κράτει τῆς ἰσχύος μου εἰς τιμὴν τῆς δόξης μου,“ ὅποτῃ φυγαδευθεὶς
 χλόην μετὰ τῶν θηρίων ἐν τοῖς ὄρεσιν ἤσθιεν; ποῦ τὶ θράσος ἔκείνο καὶ ἡ πολλὴ
 τῶν λόγων ὑπερηφανία; καὶ ἡ τῆς καμίνου μεγάλη καὶ δεινὴ φλόξ, ὅποτε οὐδὲ
 τῆς ἰδίας αὐτοῦ ψυχῆς ἔκκυρίεσεν; καὶ διὰ τοῦτο σύμβουλος τούτου ἐγένετο ὁ μακά-
 ριος Δανιήλ, ὥς καλὸς ἰατρός τὰ τούτου θεραπεῦσαι τραύματα βουλόμενος

- л. 2.^v ѿбративъше сѧ · ѿли акы црѣ дроузи ѿ ннѣ
хъ погыбоша · что симъ пользоу створи
црѣ любви · ѿже ни дары ѿже приѣша насла
диша сѧ · рече же ѿ своѣ дѣю на пагоубоу ѿ
5 ерашнша · оукланѧи сѧ оубо ѿ такоуыъ
лицъ ѿ члвчѣ · да не ѡъ бѣдоу ѡърадеши тѣ
ѡъ радѣ · всѧ бо пѧтъ дѣка · ѿ всѧка слава
члвчѣска акы цвѣтъъ травѣ ѿсъше трава ·
ѿ цвѣтъъ ѿспаде слыши глѣмаѧ ѧнглѧмъ ·
10 како оубѣщаваѧтъ · тимѡѡѣѧ пиша · бѣ
тымъ сего вѣка жарѡѡѣѧ · да не сѧ въ
сокооумѧтъ · ѿ да не оуповаѡтъ на бѣство
нѧ да оуповаѡтъ на бѣ жикаго · ѿже ѿстъ
спѣъ ѡсѣмъ члѣкомъ · рече же вѣрнымъ
15 ѧще оубо соушнмъ къ саноу слѡва соухымъ
листомъ родобитъ сѧ · въ малѣ соуши ѿ
въ малѣ оубаноуши · что бѣѧ польза накъ
водоносороу црѣ гърдоѡе слово ѿже рѣ · нѣ ли
се великый вавѣлонъ · ѿ ѧзъ же съѣдаѧ на
20 домъ црѣтка своѡго държавоѡ ѿ силоѡ сѡ[о]
ѿѡ · на чѣсть слаѡѣ своѡѣ · ѿгда бѣжа · тра
воу съ зѡѡѡѡѡ въ гораѡъ грызаше · къ
де гордость та тѣгда · ѿ рѣѡорикаѧ слоѡе
са · ѿ пѣши великый ѿ лютьѧи пламъ да ѿ ·
25 своѡѡ дѣѡѡ не можаше власти · ѿ сего ради ·
съѡѣтъникъ бѣѧ ѿмоу блѣнъѧи даниѧъ
акы добръ врачъ · строуѡѡ ѿмоу ѡтѧ ѡцѣ

ПРИМЕЧАНИЯ.

Л. 1, стр. 5. *ѿѿва*: а на половину уничтожено дырочкой. — 24. *всѣа* приписано на поле, при чем первые три буквы почти изгладились.

Л. 1^у, стр. 1. *въ видѣ[нни нащн]ѣмъ*: буквы в скобках стерлись. — 2. [с]: с замазано грязью. — 3. *псѣцѣтѣ*: последние четыре буквы едва видны. — 4. *анс[т]внн*: т стерлось. — 5. [и]тѣ: и более, чем на половину, задето дыркой. — *размѣ[т]ѣтѣ*: т замазано грязью. — 6. *звѣри*: последние две буквы едва видны. — 7. *т[ъ]кмѣ*: ѣ едва видно. — *ѡ[р]а[с]ан*: буквы в скобках не видны за грязью. — 8. *ви[тѣ]*: тѣ замазаны грязью. — [пѣу]тѣк: пѣу — тоже. — 9. *вънѣщнни*: может быть, первое и следует читать как ѣ. — 10. *а[ѣ]гантъ*: первый слог читается с величайшим трудом. — 11. *земьнѣ*: может быть, следует читать как земнѣ. — 12. [ѡ]: совершенно не видно за грязью. — и можно различить лишь с величайшим трудом. — 15. *живѣщнни*: ш едва видно. — *ѡко*, может быть, следует читать *ако*. — 16. *ваа[дѣтъ]*: буквы в скобках совершенно не видны. — *цр[ст]ѣуѣ*: ст изгладились. — *хѣш[ѣ]*: ѣ стерлось. — 17. [ѣ]: может быть, следует читать как и. — [нигѣ]чѣжнни: первые буквы восстановлены предположительно; возможно, что их следует читать как изъ. — *створитѣ*: может быть, после с написано ѣ. — 18. *ѣ[моуѣ]*: моу изгладилось. — *видѣх[ъ]*: все слово покрыто густым слоем грязи, но только ѣ совершенно не различимо. — [азъ] не поддается различению, так же как и первые четыре буквы слова [нагѣ]хѣдонѣсѣръ. — 19. *ва[алта]сарѣу*: в этом слове, покрытом густою грязью, совершенно не восстановимы буквы алта. — *ска[зани]*: последние буквы изгладились. — 20. [а. ѡко всн]: эти буквы стерлись почти совершенно. — *моу[дрин]*: конец слова покрыт густым слоем грязи. — *ѿѿва*: может быть, перед ѣ находится т. — *м[р]ѣго*: все слово замазано грязью, но совершенно не видно только ѣ. — *не*: едва видно. — 21. *каза[нни]*: последние буквы почти не видны. — [ѣмоу] восстановлены только предположительно, как и слова [нигѣ. тѣ же данинѣ]. — *можеш[и]*: и изгладилось. — 22. *сказа[тн]*: последние две буквы не видны. — *дѣх*: вполне ясно видно только х. — [ка сѣъ въ текѣ]: восстанавливается только предположительно.

Л. 2, стр. 1. *ѡвалѣхъ*: а едва видно. — 2. *слаѡвъъ*: ѡ очень похоже на глаголическое ж. — *валѣш[ъ]*: ѡ не видно из-за грязи. — 3. [в]сн: в замазано грязью. — 4. *мнат[са]*: буквы в скобках не видны из-за грязи. — 5. [и]ѣнѣ: первое и стерлось. — 6. Стоящее в начале этой строки и сильно смахивает на глаг. +; не следует ли читать его как ѡ? — *в[ъ]*: ѣ совершенно изгладилось. — 7. *с[ъ]нѣ*: буквы в скобках не видны из-за грязи. — 8. *м[ъ]наѣ[ѣ]*: ѡ производит иллюзию ѣ; ѣ изгладилось. — *тѣ[а]коуѣ*: а не видно за грязью. — *вѣ[мѣ]*: последние две буквы стерлись. — 9. [ѡ]ко: ѡ не видно из-за грязи. — *писан[ни]*: последние две буквы скрыты под грязью. — [сн]: стерлось. — 10. *ѣмѣ[ша]*: от ш сохранилась лишь левая палочка. — 11. [ѣм]ѣу: первые две буквы совершенно не различимы. — 12. *разѣу[мина]*: буквы в скобках скрыты под грязью. — 13. *ѡу[мѣ]*: изгладилось. — [наста]ѡаѡѡѣ: буквы в скобках стерлись. — 14. [ча]чѣкѣмѣ: первые две буквы не видны из-за грязи. — 15. [ни]: изгладилось. — [к]на[за]: буквы в скобках изгладились. — [власти]: не видно за грязью. — 16. *ва[нма]*: буквы в скобках стерлись. — [аска]ѣмѣ: буквы *аска* не видны за грязью. — [аа]ѣъ: первые две буквы изгладились, так же как и последние две в *дѣ[ла]*. — [ш]: восстановимо лишь при усиленной работе воображения. — 17: все заключенное на этой строке в скобки или изгладилось или скрыто под грязью. — 18. *тѣ[ѡащѣ]*: конец слова совершенно не виден за грязью; из остальных букв на строке можно лишь с величайшим трудом различить букву ѡ. — 19. *прѡ[водимѣ]*: конец слова не различим за грязью. — [и хѣтаѣѡѣ] — тоже. — [сжда] изгладилось, как и последние три буквы строки. — 20. Слова *ѡуспѣтн ѿъ или* могут быть прочитаны лишь с величайшим трудом. — 21. [ѡкоже и] изгладилось; прочие буквы только частями проглядывают сквозь грязь. — 22. *по[дѣ]*: последние две буквы изгладились. — *нѣтъ*: едва видно. — 23. *дарѣ тн многѣ* и *вѣ*: все это почти стерлось. — 26. *по[ставленѣ]*: буквы в скобках не видны за грязью. — 27. *или* может быть прочитано лишь с величайшим трудом.

Л. 2^у, стр. 7: всака: ѿ имеет очень бледные очертания. — 10. оуѣщаванъ: ѡ едва видно из-за грязи и из-за складки. — 36. гедоюнтъ са: с распознается с трудом. — 20. св[о]: о пропало из-за дырки. — 22. грызаше: ѿ почти изгладилось.

III. Палеографические особенности.

Погодинские листки представляют собой два пергаменные листа не особенно крупного размера: каждый из них имеет в длину 20,8 см. и в ширину 16,4.

Пергамен рукописи нельзя назвать особенно тонким, а его выделку нельзя не признать довольно грубой; во многих местах он более или менее сильно потрескался; нижние правые углы обоих листков оторваны; на 1 л., в конце 5 строки, находится маленькая круглая дырочка, повредившая последнюю букву этой строки (а); более крупная дыра находится на поле 2 л против 7, 8 и 9 строк (считая снизу), — дыра, погубившая последнюю букву 8 строки (о) на об. этого листа.

Как указано уже выше, наш фрагмент представляет собой листки одной из тетрадок какой-то полной рукописи; серединные листы, которых, повидимому, было два, безвозвратно погибли для науки.

Оборотная сторона 1 л. и лицевая сторона 2-го сильно пострадали от времени: их текст почти сгладился и может быть восстановлен лишь с величайшим трудом, да и то лишь отчасти и при контроле текста других списков; впрочем, две строки 1^у л. (именно 5-ая и 6-ая) сгладились почти совершенно.

Каждая страница расчерчена каким-то острым орудием на 27 строк, расстояние между которыми равняется 7 мм.

Таков внешний вид рукописи. Переходя к характеристике ее письма, мы должны здесь прежде всего отметить то, что составляет ее главный интерес, — это наличие в тексте рукописи довольно значительного числа глаголических букв. Эта редчайшая особенность роднит Погодинские листки со следующими церковно-славянскими рукописями *русского* извода:

1°. Толковая *Евгеньевская Псалтырь* XI в.: здесь глаголицей написаны только три буквы: в, оу и н.¹

2°. XIII слов *Григория Богослова* XI в. (П. Б.) сохранили нам глаголич. буквы: а (5 раз), п (1 раз), с (2 раза) и ѣ (1 раз).²

3°. *Христинопольский Апостол* XII в. содержит десять глаголических букв: а, в, ж, т, х, ѣ, ѿ, ѡ и ж.³

4°. Апрельская *Служебная Миней* XII в. Типогр. Б-ки: здесь глаголицей почти полностью написана запись: лаврентинъ псалмъ много.⁴

5°. *Церковный устав* XII в. (П. Б.) михалъ псалъ микжалъ, который это драгоценное сведение запечатлел исключительно глаголическими буквами.⁵

¹ Гринькова, Евгениевская Псалтырь как памятник русской письменности (Изв. XXIX, 294).

² Будилович, Исследов. древне-слав. перев. XIII слов. Григ. Бог. Спб. 1871, 6.

³ Kałuzniacki, Apostolus Christianopolitanus, Prolegomena XV.

⁴ Срезневский, Древние памятники русс. письма и языка², Спб. 1882, 39.

⁵ Срезневский, I. с. 76.

6°. *Кирилла архиепископа иерусалимскаго оучения и прения к жидом* (Ист. Муз., прежде Син. Б-ки) XII в. Здесь находится почти полная строка, писанная глаголицей: спасе гиполита.¹

7°. *Трефологий 1260 г.* Ист. Муз. (прежде Син. Б-ки); по словам *Срезневского*,² в этой рукописи «есть глаголические приписки особого почерка».

8°. Один из *финляндских отрывков* Всесоюз. Акад. Наук сохранил несколько глаголических букв.³

9°. *Триодъ Постная* б. Моск. Дух. Акад. XV в. содержит в приписке глаголическое слово.⁴

10°. *Сборник Ист. Музея* (прежде Син. Б-ки № 951/316) XV в.: в одном из вошедших в его состав слов Иоанна Златоустого четыре строки написаны глаголицей.⁵

11°. *Сборник Троице-Сергиевой Лавры* № 762 XV в. сохранил две приписки глаголицей.⁶

12°. *Слова Исаака Сир.* 1472 г. Рум. Муз.⁷

13°. *Толкование пророков* Ист. Муз. (прежде Син. Б-ки № 78) XVI в. также на своих страницах употребляет глаголические буквы: и, д, п и др.⁸

14°. *Книги пророков с толкованиями* Троице-Серг. Лавры № 89 XVI в.: здесь, кроме четырех слов, написанных сполна глаголицей: амбакоуѣ, пророчъ, аггѣю и захаріѣ, отмечена 71 глаголическая буква.⁹

Употребление в этих рукописях глаголических букв, и притом иногда в количестве нескольких десятков (как, напр., в ркп. №№ 13 и 14), можно объяснить только тем, что все оне были списаны с глаголических оригиналов, хотя, может быть, и не всегда с непосредственных. А если так, то ходячее мнение, что, в момент принятия русским народом христианства, русская церковь получила из Болгарии рукописи исключительно кирилловские, нуждается в существенной поправке. Очевидно, наряду с последними, уже в первые века русской письменности, по рукам книжников ходили и глаголические списки Св. Писания, богослужебных книг и отцов церкви.¹⁰

¹ Лавров, Югослав. палеография. Спб. 1904, 19.

² Срезневский, I. с. 125.

³ Срезневский, Свед. и зам. II 14—15, Древние памятники² 161.

⁴ Лавров, о. с.

⁵ Лавров, ib., Палеогр. обзор. 5, Карский, Очерк⁴ 137, Слав.-русс. палеогр. 212.

⁶ Карский, I. с.

⁷ Соболевский, Славянорусс. Палеогр.² 109.

⁸ Лавров, Югосл. палеогр. 19, Палеогр. обзор. 5, Карский, I. с.

⁹ Бодянский, о. с., Лавров, о. о. с. с., Карский, I. с.

¹⁰ Знакомство наших предков с глаголицей неопровержимо доказывается также двумя глаголическими (точнее глаголическо-кирилловскими) надписями XI—XII в., открытыми ак. Суловым под полом Новгородского Софийского Собора в 1898—1899 гг. Издатель и исследователь этих надписей покойный В. Н. Щепкин полагал, что глаголические буквы пущены здесь в ход (как и в других русс. рукописях XV—XVI в.) в качестве тайнописи, но если бы это было так, то странник воин Ян (во 2-й надписи) скрыл бы под глаголицей скорее свое имя, чем совершенно невинное слово *грьшныи* = *грьшныи*. Подробности и великолепные фототипические снимки обеих надписей см. в статье Щепкина «Новгородские надписи Graffiti» (Древности XIX, 3, стр. 40 sq.).

Один из таких списков, — именно, как увидим ниже, с рукописи Толкования св. Ипполита на книгу пророка Даниила, — и представляют Погодинские Листки. Вполне твердый, уверенный почерк глаголических букв, которыми пересыпан основной глаголический текст,¹ показывает, что писец в совершенстве владел обоими алфавитами, и, вероятно, лишь невольно, машинально переносил в свой текст глаголические буквы из своего оригинала. Во всяком случае, ни желания блеснуть своим знанием вымиравшего письма, ни стремления скрыть значение переписываемых слов у него не могло быть.

Всего в отрывке глаголические буквы употреблены писцом 91 раз, но исключительно почему-то на 2 л., при чем 47 раз мы встречаемся с ними на его лицевой стороне и 44 раза на оборотной.

Рассмотрим каждую из этих букв в статистическом и палеографическом отношениях отдельно.

ⲁ (а) встречается 5 раз (2^{22, 27}, 2^v_{4, 11, 14}), всюду сохраняя архаический тип креста с небольшими клиньями на горизонтальной перекладине; наиболее сходства буква имеет с подобными начертаниями в Клоц. Сб. и 1-м почерке Охр. Ап.

Ⲃ (б) отмечено 7 раз (2^{8, 10, 12, 27} bis, 2^v_{5, 15}): ее нижний хвостик сравнительно короток и спускается вниз строки, что указывает на сравнительно поздний тип.

Ⲅ (к) написано 15 раз (2₁ bis, 2₅ bis, 2₂₂ bis, 2^v₆ bis, 13^{14, 15, 20, 22}). И эта буква представляет два новшества, неизвестные в более древних памятниках: 1) петли буквы обращены не наружу, а внутрь буквы и 2) нижняя линия проходит внизу строки.

Ⲇ (ж) зарегистрировано нами в 4 случаях: 2^{6, 25}, 2^v_{13, 19}. Ее фигура чрезвычайно оригинальна: на горизонтальной линии с двумя кружочками, спущенными вниз строки, поставлено как бы кирилловское х. Я затрудняюсь указать адекватные написания в каком-нибудь другом глаголическом памятнике.

Ⲉ (г) употреблено 7 раз (2^{6, 12, 25}, 2^v_{2, 11, 19, 23}). В противоположность предыдущим буквам, фигура зело поражает своей архаичностью: головка, как в большинстве древнейших глаголических рукописей, обращена влево, а основание буквы имеет вид почти правильного треугольника.

Ⲋ (и) замечено нами в 13 случаях: 2^{2, 3, 4, 5} ter, 6^{9, 10}, 2^v_{7, 11, 21, 22, 27}. Оригинальной, но несомненно поздней чертой фигуры этой буквы является то, что верхний треугольник глубоко входит своим острием в кружок, на котором он стоит; нечто подобное мы можем указать лишь в главном почерке Охр. Ан.

Ⲍ (о) засвидетельствовано 1 раз: 2₂₇.

Ⲏ (п) наблюдается в 10 случаях: 2^{5, 26}, 2^v_{4, 6, 11, 14, 16, 17, 23, 27}. Буква всегда сопровождается крючком слева (чего мы не находим уже в Мар. и Ассем. Ев.) и вообще довольно точно сохранила свой древний тип.

¹ В этом отношении наше впечатление вполне совпадает с мнением Бодянского (см. выше 82) и расходится с суровым отзывом Лавровского (см. выше 84).

ь (р) мы можем констатировать только трижды: 2^{25, 27, 2^v 7.} Его внешняя форма не вызывает замечаний. То же следует сказать о букве

я (с), которая встречается 1 раз: 2^{27.}

т (т) насчитано нами в 10 случаях: 2^{2, 5, 9, 10, 18, 23, 24, 2^v 5, 7, 8.} Как и в Охр. Ап., по величине она одинакова с другими буквами, что, впрочем, наблюдается уже в Мар., Асс. Евв. и Клоц. Сб.; петли буквы имеют продолговатый вид — черта поздняя.

Однажды написанная буква ф (ф) 2^{v 10} имеет нормальный вид.

х (х) отмечено в 8 случаях: 2^{1, 2, 2^v 5, 7, 18, 19, 22, 27.} Буква имеет две новые черты: 1) столбик поставлен в вертикальное положение, а не наклонен вправо, как обычно в древнейших рукописях; 2) петля спущена вниз строки.

ц (ц) писец написал 6 раз: 2^{1, 4, 13, 26, 2^v 11, 15.} Эта буква имеет нормальный вид, если не считать подстрочного положения ее нижнего пупка.

к (к) отмечено нами только один раз: 2^{14,} но так как оно написано крайне неразборчиво, то мы не можем считать наше чтение достоверным.

Итак, из 38 букв глаголической азбуки в нашем тексте употреблено только 15. Почему писец, копируя одни буквы своего оригинала по многу раз, совершенно чурался других, остается неясным. Что писец именно *копировал* буквы, а не ставил буквы по собственному усмотрению, это доказывает следующее весьма интересное обстоятельство. На л. 2^v, мы читаем форму *а́нглѣмь*. Между тем и контекст и показание сп. 1518 г. требуют на ее месте форму *а́плѣмь*. Очевидно, эта последняя форма и находилась, действительно, в оригинале рукописи, но писец второпях принял глаголическое *ѣ* (п) за похожее на него *ѣ* (н), и, таким образом, написал не то слово, какое следовало. Нашему выводу, что глаголические буквы Листков суть наследие их оригинала, не противоречит и тот факт, что исследуемый памятник, совершенно игнорируя букву *ѣ* (з), ставит букву *ѣ* (з) в 6 случаях из 7 на месте этимологического *з*. По всей вероятности, если не наш писец, то писец (который также был русским) его подлинника, не находя в своем произношении никакой разницы между *ѣ* и *ѣ*, *сознательно* писал лишь вторую букву в обоих ее фонетических значениях.

Познакомившись с глаголической стихией нашего памятника, мы можем перейти теперь к палеографическому анализу его основной *кирилловской части*.

Рукопись писана мелким уставом XII в. Письмо прямое, нескошенное, но несколько сжатое.

Как и во всякой другой рукописи, и в письме Погодинских листков старые черты борются с новыми, но последние еще далеки от победы над первыми.

Так, напр., *а* сохраняет первоначальный вид: к слегка наклоненной оси при- ставлен узкий треугольник, упирающийся тупым концом в линию строки; буква *к* отличается сравнительно малым развитием своей верхней части в отношении к нижней; в начертании *к* правая часть находится на почтительном расстоянии от левой; буква *м* пишется со слегка округленной серединой, ко-

торая иногда спускается вниз строки; буква ч сохраняет вид чаши, хотя с несколькими сжатыми боками.

Напротив, новый тип имеет ж: его верхняя часть значительно меньше нижней; кроме того, его правая и левая сторона не всегда пересекают основной штаб буквы, — черта, делающая ж Погодинских Листков особенно похожим на ту же букву Миней 1095—1096 гг.; графическое новообразование представляет затем н: соединительная черта и этой буквы начинается у самой верхушки левого штаба буквы; скорее новой, чем поздней, чертой является сравнительная узость хвостов у букв р и оу; то же следует сказать о вертикальной черте буквы к, которая всегда подымается выше уровня других букв; в буквах и, ю и ѣ соединительная линия проходит выше середины их основных частей.

Переходя к обзору особенностей в употреблении букв, мы должны прежде всего констатировать полное отсутствие в графике нашего памятника ж: он всюду заменяется буквой оу. Напротив, ѡ употребляется часто, но (как и в других русских текстах XI—XII вв.) почти исключительно в значении звука ѧ, возникавшего из е после полумягких согласных. В частности, малый юс употребляется после следующих согласных:

- 1) После к: оу^каноу^ци 2^v₁₇, протикай сѧ 2^v_{6—7}.
- 2) После д: оу^кѣдѧтъ 1^v_{14—15}, мѣдѧнѣ 1^v₈.
- 3) После т: ѡта 2^v₂₇, хотѧщаго 2^v₁₉.
- 4) После н: мнѧт[сѧ] 2^v₄, м[ѧ]нѧш[ѣ] сѧ 2^v₈, оу^кланѧй сѧ 2^v₅, [к]нѧ[зѧ] 2^v₁₅.
- 5) После л: зѣмѧ 1^v_{21, 24}.
- 6) После м: кысокооу^мѧтъ 2^v_{11—12}.
- 7) После р: тво[рѧще] 2^v₁₈.
- 8) После с: досѧзи 1^v₂₃, сѧ 1^v_{10, 12, 16, 22, 27}, 1^v_{5—6, 11, 13}, 1^v₂₅ bis, 2^v_{4, 6—7, 8} bis, 2^v_{11, 14, 5, 11, 16} сѧ 1^v₂₆.
- 9) после з: [к]нѧ[зѧ] 2^v₁₅.

Более редко наблюдается ѡ на мѣсте этимологического 'а, — именно после следующих согласных:

- 1) После в; живѧше 1^v₇, живѧху 1^v₂₅, живѧхѧ 1^v₂₆.
- 2) После р: цѣѧ род. 1^v_{10, 2^v₃}.
- 3) После з: грѧзѧше 2^v₂₂.
- 4) После т: ѡгнѧти 1^v₁₂.
- 5) После с: всѧ им. п. ед. ж. р. 2^v₇, всѧка 1^v₂₇, 2^v₇, всѧчьскы 2^v₁₃.
- 6) После л: кѣрмѧше 1^v₂₇, кѣрмѧ им. 1^v₂₅.
- 7) После ј: зѣмѧнѧ им. мн. ср. р. 2^v₂₄.

Буквой ѡ изображаются: 1) предлог о: ѡ 1^v_{13, 17, 2^v_{16, 2^v₆}}, 2) префикс о: ѡста-
ви[те] 1^v_{7—8}, ѡбративѧше 2^v₁, ѡсрашѧша 2^v_{4—5}, 3) о в префиксе от: ѡтѣѧ 1^v₂₀, ѡтѣѧѧ 1^v_{3—4}, ѡ[р]ѧ[с]и 1^v₇. Кроме того, однажды ѡ фигурирует в середине слова для обозначения соответствующей греческой буквы: моѡсѣѧка 1^v₁₃.

Один раз вместо оу писец написал в конце строки (конечно, ради экономии места) лигатурное ѡ 1^v₂₆.

2) и: оуѣщаваѣтъ 2^v₁₀, оуѣчениѣмъ 1^v₂, своѣю 2^v₂₅, своѣю 2^v₂₀₋₂₁, своѣхъ 2^v₅, своѣмъ 1^v₂₀, 1^v₂.

3) и: мойскѡва 1¹³, тайноу 1¹.

4) ю: ѡмѣюше 2²⁶, расоужающе 1³, оуповають 2¹², оупочають 2¹³.

5) ѡ: мойскѡва 1¹³.

III. В конце слов над гласными:

1) а: бжїа 2¹², боуа 1⁵, вѣчнаа 2²⁻³, ксеа 1²⁴, глѣмаа 2⁹, земаа 1⁴, нѣнаа 1²⁷, повѣдаа 1¹, грегорїаа 2²³, тїмоѡѣа 2¹⁰.

2) и: звѣрїи 1²⁶, гърдоу 2¹⁸.

3) и: бжїи 1^{7, 11, 15}, бжєнїи 2²⁶, великїи 2^{19, 24}, дикїи 1²⁶, живоушїи 2³⁻⁴, ѡдѣрѣшѣ 2¹¹, лютий 2²⁴, протива 2⁶⁻⁷, скоуѣ 2⁵, 2²¹, сѣтїи 1¹⁸, оукаана 2⁵, ѡтїи 1¹⁰.

4) ю: дїи 2²⁵, държакоу 2²⁰, силоу 2²⁰, скоу 2⁴, скоуѣ 2²⁵, сѡ[о]уѣ 2²⁰⁻²¹, зосоу 2²⁷.

IV. Лингвистические особенности.

Что в языке памятника XII в. носовые гласные не могли существовать, это ясно с первого взгляда. Поэтому на месте древнего *q* мы всюду встречаем в рукописи *ou* и *u*, а на месте *e* — нередко *a*. Если рядом с последним знаком еще более часто пишется *u*, то из этого еще не следует, что его звуковое значение имеет что-нибудь общее с носовым гласным. Мы видели выше, что *u* служит здесь лишь графическим символом звука *ä* (стр. 105).

Не смотря на то, что во второй половине XII в. глухие звуки в русском языке, по общему правилу, переходили в закрытых слогах в чистые, а в открытых исчезали, в нашем памятнике сохранились следы более древнего употребления глухих. Так, в закрытых коренных слогах редуцированные гласные удержались в сѣнѣ 1^{18, 23}, сѣнѣ 2⁷, тѣмѣ 1⁹, тѣмѣ 1⁷, чѣсть 2²¹, в суффиксальных: ѡгнѣмѣ 2⁹, кѣтѣхѣ 1²⁶, лицѣмѣ 2¹⁴, цѣмѣ 2¹⁴, ѡгнѣмѣ 1¹⁶ и в префиксальных: сѣдѣа 2¹⁹, [нѣтѣ]чѣжени 1¹⁷.

Еще чаще сохраняются глухие звуки в открытых слогах:

I. Корни: 1) *ъ*: вѣнѣшїи 1⁹, кѣдѣ 2²²⁻²³, мѣногашдѣ 1⁷⁻⁸, сѣна 1⁵, ѡсѣшѣ 2⁸, тѣгда 2²³; 2) *ь* м[ъ]нѣш[ѣ]сѣ 2⁸, полѣшѣ 2², полѣзѣ 2¹⁷, рѣцї 1¹⁹, [нѣтѣ]чѣжени 1¹⁷, чѣто 2²⁰, чѣсти 2²⁵.

II. Суффиксы: 1) *-ъш-*: вѣкѣшю 1¹⁹, шѣкѣ[ша] 2¹⁰, вѣдѣшѣ 1¹²⁻¹³, немѡгѣшѣмѣ 1⁵, ставѣшю 1¹⁹, слоучѣшѣ 2¹¹, ѡубѡвѣшѣ 1¹⁴, ѡбратѣшѣ 2¹; 2) *-ъск-*: вѣлѣскѣ 2¹³, чѣлѣска 2⁸, чѣлѣсскомѣ 1¹⁶, [чѣлѣ]сскѣмѣ 2¹⁴, ѡгнѣмѣ 1¹⁶; 3) *-ъств-*: послоушѣствока 1^{8, 17-18}; 4) *-ън-*: вѣнѣшїи 1⁹, кѣшїи 1¹⁵, вѣчнѣа 2²⁻³, годѣна 2²⁴⁻²⁵, дѣшнѣа 1³, дѣшнѣми 1², земаа 1⁴, земаа 2²⁴, земаа 1¹¹, земаа 2⁶, [ношнѣ]мѣ 1¹, сѣвѣтѣнїи 2²⁶, повнѣнїи 1¹¹, ѡтїи 1¹⁰, чюдѣсна 1¹³; 5) *-ъц-*: конѣца 1²³; 6) *-ъм-*: вѣлѣмї 1³, звѣрѣмѣ 2²².

III. Префиксы: 1) *къ*: вѣпрѡсѣ 1¹⁴, ѡѡгадѣшї 2⁶; 2) *къз*: вѣ[стѣ]жнѣ 1²⁶; вѣзкѣсї 1²⁵, вѣзнѣсї 1²⁵; 3) *сѣ*: сѣвѣтѣнїи 2²⁶, сѣказѣ[нїи] 1²⁰⁻²¹; 4) *сѣн*: сѣнѣ 1².

Реже наблюдается выпадение редуцированных гласных в тех же слогах.

I. Корни: 1) **ъ**: **зѣноу** 1¹⁰, [к]нѣ[зѣ] 2¹⁵, **многъ** 1^{24—25}, [многъ] 2²³, **мнози** 2²⁵, **птица** 1²⁷, 1⁶, **снѣ** 1²⁷, **мѣногашдѣ** 1^{7—8}; 2) **ѣ**: **вѣа** 1²⁶, 2⁷, [в]сѣ 2³, [всѣ] 1²⁰, **всѣа** 1²⁴, **вѣмѣ** 1⁴, **вѣсмѣ** 2¹⁴, **вѣхъ** 1¹⁰, **вѣмѣ** 1²⁷, 2⁷, **вѣмѣскѣ** 2¹³, **мнѣт[сѣ]** 2⁴, **мнѣ** 1²¹, **что** 2⁷, 2², **ничесоже** 2⁴.

II. Суффиксы: 1) **-ѣм-**: **тѣкмо** 1⁹, **т[ѣ]кмо** 1⁷; 2) **-ѣш-**: **створшаго** 2²²; 3) **-ѣн-**: **вѣрнѣмѣ** 2¹⁴, **раѣоу[мнѣ]** 2¹²; 4) **-ѣм-**: **зѣрми** 1¹⁰; 5) **-ѣт-**: **ѣгуптѣнѣ** 1¹².

III. Префиксы: **сказа[ти]** 1²², **створи** 2⁷, 2², [с]творить 1¹⁷, **створшаго** 2²².

В вышеприведенном примере **ѣгуптѣнѣ** 1¹⁶ мы наблюдаем **ѣ** на месте возникшего еще на греческой почве *svarabhakti*. Такое же неорганическое **ъ** слышится в **навѣходоносѣрѣ** 1¹⁷, [навѣ]ходоносѣрѣ 1¹³, 2²³, **навѣходоносѣроу** 2^{17—18}.

Прасл. гласный **ѣ** однажды встретился в виде его русского рефлекса **ѣ**: **тѣ[а]коуѣ** 2⁸. Гораздо чаще наблюдается соответствующие русские рефлексy прасл. **ѣ** и **ѣ**: **гѣрдоѣ** 2¹⁸, **кѣрмѣ** 1²⁵, **кѣрмѣшѣ** 1²⁷, **дѣржакоѣ** 2²⁰, **растѣрза[и]тѣ** 1^{4—5}.

Однажды на месте **-ѣр-** мы находим **-ѣр-**: **гордоѣ** 2²³. Если не считать [го]нѣзмѣ 2^{19—20}, то это единственный пример вокализации глухого; ведь в **ѣпѣваѣтѣ** 2¹², **ѣпѣваѣтѣ** 2¹³ мы имеем праслав. кор. **роуѣ**, чередовавшийся с **рѣв-** в **ѣпѣкати**. Не смотря на единичность случая прояснения глухого, его одного довольно, чтобы признать, что рукопись не могла быть написана ранее второй половины XII в.

Звук **ѣ** заменяется гласным **ѣ** только в церковнославянских сочинениях типа *trēt*: оне были чужды для русского уха, почему писец передавал **ѣ** буквой **ѣ**, согласно «церковному» произношению: **дѣка** 2⁷, **срѣдѣ** 1²¹, **прѣдѣ** 1^{19—20}, **ѣреѣоривѣаѣ** 2²³, **прѣмѣнѣтѣ** 1¹¹, **прѣмоудрѣстѣ** 1^{4—5}, **прѣмоудрѣмѣ** 1⁴.

Из других особенностей вокализма мы должны указать полное господство стяженных форм над нестяженными. Не приводя примеров сложных форм прилагательных, которые встречаются в рукописи почти на каждом шагу, мы ограничимся лишь перечнем стяженных форм имперфекта: **гѣрѣмѣшѣ** 2²², **дѣсѣмѣшѣ** 1²³, **жѣмѣшѣ** 1⁷, **кѣрмѣмѣшѣ** 1²⁷, **можѣмѣшѣ** 2²⁵, **ноуѣмѣшѣ** 1^{26—27}, **жѣмѣшѣ** 1²⁵, **жѣмѣшѣ** 1²⁶.

Полную ассимиляцию двух и наблюдаем в **прѣдѣ** 1⁶.

Переходя к обзору особенностей *консонантизма*, мы должны прежде всего указать на два случая замены цслав. группы **жд** русс. **ж** в **ноуѣмѣшѣ** 1^{26—27}, **расѣмѣжѣшѣ** 1³; но параллельная церковнославянская группа **шт** всегда переписывается точно.

Аффриката **ѣз** в языке писца несомненно уже не существовала, что доказывают след. примеры: **ѣзѣ** 2¹⁶, **вѣзѣ** 2²⁷, **дроуѣ** 2¹, [к]нѣ[зѣ] 2¹⁵.

Отдаленный отголосок болгарского оригинала представляет **ѣгомаѣнѣ** 2⁹ (без *l* epenth.), если только не следует его читать правильнее как **ѣгомаѣнѣ**.

Перед **ѣ** (= ю) шипящие аффрикаты произносились мягко: **вѣкѣшѣ** 1¹⁹, **дѣю** 2⁴, **ставѣшѣ** 1¹⁹, **чѣдѣсѣна** 1¹³, но перед **ѣ** они звучали твердо; ср.

бѣжа 2^v₂₁, ноужаше 1^v_{26—27}, расоужаѣше 1₃, пиша 2^v₁₀, погыбоша 2^v₂, погы-
еаша 2^v₂₇, приѣша 2^v₃, слоучикѣша 2^v₁₁, часть 1^v₁₀, жиѹущаго 2₁, ѡагрѣѡѡѣ 2^v₁₁,
оуѣѡаѡѣтъ 2^v₁₀; то же следует сказать о свистящей аффрикате ц: коньца
1^v₂₃, нарицаѣтъ 1^v₁₆, птица 1^v₂₇, 1^v₆.

Как показывает пример мѣногашды 1_{7—8}, ассимиляция согласных, стол-
кнувшихся друг с другом после выпадения глухого, еще не успела произойти
в языке писца. Этому наблюдению не противоречат довольно многочисленные
примеры ассимиляции з следующим глухим согласным в префиксах кѣз, из,
раз, так как все они восходят еще к праславянскому периоду: кѣ[ст]акикѣ 1^v₂₆,
ѣсоуѣикѣ 1₈, ѣспаде 2^v₉, ѡспокѣдаѣтъ 2_{10—11}, ѣѡше 2^v₈, ѡцклити 2^v₂₇, расоу-
жаѣше 1₃, растѣра[и]те 1^v_{4—5}. То же следует сказать о предлоге бѣ в сочета-
нии ѡе закнѣти 2₁₂.

В области *морфологии* можно отметить мало интересного.

Прежде всего обращает на себя внимание форма зват. п. ед. ч. в[алта]сароу
1^v₁₉; далее — остаток древней основы на -и- имеем в саноу м. п. 2^v₁₅; влияние
тех же основ на основы с -о- наблюдаем в листовѣ 1₂₄ при собирательном лист-
к[и]ѣ 1^v₄ и при нормальной форме им. мн. звѣрий 1₂₆; основы на согласный
употребляются правильно: пламы 2^v₂₄, нѣсе 1₂₃, 1^v₂, слова 2^v_{23—24}, словесы 1₁.

Влияние местоименного склонения на склонение прилагательных обнаружилось
лишь в форме члѣкъскомоу 1^v₁₆; искусственный характер имеет прилагательное
христосовѣ в христосовоу 1_{1—2}; типичный русский суффикс -ан- лежит в основе
формы мѣданѣ 1^v₈; редкий суффикс -ѡн- (типа домашѣнѣ) сохранился
в кѡнѣѡнни 1^v₉; окаменелую форму прилаг. с основой -и- имеем в ѡѣдоб[ѣ] 2₁₉.

Из местоименных форм достойна внимания форма ничсоже 2₄ с архаи-
ческим значением им.-вин. п.

Глагол не представляет никаких отступлений от церковнослав. норм; только
оуѣѡаѡати 2^v₁₀ обращает внимание своеобразной формой своего суффикса.
Как архаизм, заслуживает быть отмеченной форма иньюнктива нѣ 2^v₁₈.

Что касается лексики памятника, то лишь немногие слова не встречаются
в Словаре Миклошича. Это именно: благогодѣнѣ 2_{17—18}, благопакѣнѣ 2₉, ме-
ноуѣимѣ 1₁₄, меноуѣѣ 1₁₅, [никѣ]чѣженни 1^v₁₇, размѣсти 1^v₅, оуѣѡаѡати 2^v₁₀,
фимѣ 1₁₆; из них особенно интересно никѣчѣженни, основа которого так
близко напоминает польское *niewiezyć* и чешское *niveč*; в Троицк. сп. ему соот-
ветствует *исчненни*.

V. Историко-литературное значение Погодинских Листков.

Значение издаваемых отрывков в истории древнецерковнославянской пись-
менности определить не трудно, благодаря тому, что наша наука располагает
превосходным исследованием покойного профессора *Евсеева* «Толкования на
книгу пророка Даниила в древнеславянской и старинной русской письменно-
сти» (М. 1901), составляющим V вып. его «Заметок по древнеславянскому
переводу Св. Писания» (отд. отт. из III т. «Трудов Славянской Комиссии»). Свои

выводы проф. *Евсеев* в более кратком виде суммировал в своей известной диссертации «Книга прор. Даниила в древнеславянском переводе» (М. 1905), стр. XXXVIII—XL.

Толкования св. Ипполита, папы римского, на книгу прор. Даниила принадлежат к числу тех довольно многочисленных произведений византийской литературы, которые в их славянском переводе сохранились в более полном виде, чем в греческом оригинале. Не смотря на то, что до нас дошло всего пять более или менее полных славянских списков этого произведения римского папы,¹ и хотя первый из них зияет крупными лакунами, все же все взятые в совокупности, они дают возможность восстановить подлинник гораздо более точно, чем списки греческие. Лучшим доказательством этого может служить следующее обстоятельство. Когда геттингенский профессор *Georg Bonwetsch* предпринял на средства Прусской Академии Наук критическое издание сочинений Ипполита,² то он должен был обильно дополнять свой греческий матерьял славянским: из 12 «Видений», на которые разделяется у Ипполита текст «Толкований», 6 «Видений» восстановлены главным образом на основании славянского перевода, преимущественно Московской Духовной Академии № 486. На славянский текст опирается также русский перевод Толкований Ипполита, изданный Казанской Духовной Академией в 1898 г.³ К сожалению, этот перевод, как показала рецензия Евсеева (Хр. Чт. ССІХ 691), сделан не прямо со слав. текста, а с немецкой передачи не всегда точной его копии *Бонвеча*.

При такой скудости и греческого и славянского рукописного наследия св. Ипполита, каждый вновь открытый текст является дорогим приобретением для истории византийской и столь тесно связанной с ней древне-славянской письменности. Зная теперь точно содержание Погодинских Листков, — они представляют часть V-го Видения («О видении дерева и о том, как был изгнан Навуходоносор»),⁴ — мы можем с полным правом провозгласить их *древнейшим славянским, хотя и отрывочным, списком творения св. Ипполита*. Но этим их значение не ограничивается.

Мы только что указывали, что текст Толкования св. Ипполита на книгу прор. Даниила дошел в наличных его славянских списках не с одинаковой степенью полноты, и что даже лучший из них, кодекс Московской Духовной Академии имеет довольно большую лакуну. Погодинские Листки отчасти во-

¹ Именно 1) в ркп. б—ки б. Чудова монастыря XII—XIII в. № 12; 2) в ркп. б. Московской Дух. Академии (из собр. Иосифа Волоколамского монастыря) № 486, 1519 г.; 3) в ркп. Антониева Сийского монастыря № 92; 4) Троице-Серг. Лавры № 782 и 5) ркп. Кирилло-Белозерского монаст. № 9.

² Hippolitus Werke, Erster Band, herausgegeb. im Auftrage der Kirchenväterlichen Comm. d. Königl. Preuss. Akademie der Wissensch. Leipz. 1897.

³ Творения св. Ипполита, епископа римского в русс. перев. Изд. Каз. Дух. Академией, Вып. I. Казань 1898.

⁴ В ркп. 1519 г. это V-ое Видение составляет III-е слово; соответствующий греческий текст обнимает конец II-ой гл. и начало III-ей третьей книги.

сполняют этот пробел, именно строками 10—27 оборотной стороны своего первого листа.

А так как исследование *Евсеева* показало, что Ипполитово Толкование книги пророка Даниила было переведено одновременно с его же Словом об Антихристе в эпоху царя Симеона, и что неизвестный переводчик того и другого произведения библейские цитаты выписывал почти с буквальной точностью из *нетолкового* перевода книги прор. Даниила, сделанного членами Симеонова кружка раньше, то Погодинские Листки получают немаловажное значение при будущей реконструкции Симеонова перевода славянской Библии вообще.

Это значение усугубляется еще тем обстоятельством, что текст Листков носит на себе очевидные следы глаголического письма его древне-церковно-славянского оригинала. В таком типичном восточно-болгарском памятнике, каким является славянский перевод Толкования Ипполита, следы глаголицы являются полной неожиданностью. Они невольно заставляют задуматься над вопросом, не преждевременно-ли в науке установилась аксиома, что глаголическое письмо очистило свои позиции в пользу «кирилловского» еще при Симеоне, и не вернее-ли думать, что последняя азбука окончательно восторжествовала над своей соперницей при сыне Симеона, Петре, когда греческое влияние при болгарском дворе достигло своего зенита?

Но как бы мы ни решали вопрос о времени окончательного триумфа в Восточной Болгарии «кириллицы», — одно несомненно — Погодинские Листки Толкования Ипполита на книгу прор. Даниила представляют собой одну из самых драгоценных реликвий Золотого Века болгарской литературы.

VI. Словоуказатель.

а conj. καὶ 1 ^v ₁₉	блаженъ adj. μακάριος N ¹ _m бл̑женъй 2 ^v ₂₆
азъ проп. ἐγώ: азъ 2 ^v _{10/} [азъ] 1 ^v _{18/} D ¹	бо conj. γὰρ 2 ^v ₇
мнѣ 1 ^v ₂₁	богатъ adj. πλούσιος D ³ _m бѣтымъ
акы conj. ὡςπερ акы 1 ^v _{11/} 12 ^v 24 ^v ὡς 2 ^v	2 ^v _{10—11}
1 ^v _{1/} 8 ^v акы 2 ^v ₂₇	богатство п. πλοῦτος Ac. ¹ бѣство 2 ^v ₁₂
ангелъ м. ἄγγελος I ¹ ангелъмъ 2 ^v ₉	богъ м. θεός G ¹ бѣ 1 ^v _{22/} Ac. ¹ бѣ 1 ^v _{25/}
аще conj. ἄще εἰ 2 ^v ₁₅	2 ^v _{13/} L ¹ бѣжъ 2 ^v ₁₆
безъ праер. ἀνευ: безъ 2 ^v _{18/} ше 2 ^v ₁₂	божин adj. θεοῦ N ¹ _f бжй̑ 2 ^v _{12/} N ¹ _m бжй̑̑
благороднъ adj. εὐάρεστος Ac. ³ _n [благородъ]на̑ 2 ^v _{17—18}	1 ^v _{7/} 11 ^v ₁₅
благодать f. χάρις N ¹ _f бл̑дтъ 2 ^v ₁₂	божи adj. μωρός N ¹ _f божи̑ 1 ^v ₅
благославенъ adj. εὐδολος N ¹ _m благом- венъ 2 ^v ₉	быти vb. εἶναι Inf. 2 ^v _{19/} Pr. ¹ ₃ ѣсть 1 ^v _{15/}
благословестити vb. εὐλογεῖν Aor. ¹ ₁ [благосло- госло]кесихъ 2 ^v ₁	1 ^v _{15/} 2 ^v _{13/} ѣсть 2 ^v _{22/} Aor. бѣ̑ 1 ^v _{5/}
	2 ^v _{17/} 26 ^v Aor. ³ ₃ бѣша 1 ^v _{11/} Imf. ¹ ₃ бѣше̑
	1 ^v _{11/} F ¹ ₃ боудѣтъ 1 ^v _{12/} D ¹ _m прѣ. прѣ.
	бывъшю 1 ^v _{19/} Ac. ³ _n бѣвъ[ша] 2 ^v ₁₀
	бѣгати vb. φεύγειν N ¹ _m бѣжа 2 ^v ₂

бѣда f. κίνδυνος G¹ бѣды 2^{18/} Ac.¹
бѣдоу 2^V₁₆

βακχλονъ m. Βαβυλών N¹ 2^V_{19/} L¹ βακχ-
лонъ 1³⁻⁴

βαλταсаръ m. βαλτάσαρ V¹ в[алта]сароу
1^V₁₉

βεληκъ adj. μέγας N¹_m 1^{11-12/} N¹_f βεληка
1^{21/} μεγάλος N¹_m βεληκѣй 2^V_{24/} Ac.³_m
βεληκѣйа 2²³⁻²⁴

βελμη adv. ἐν ἰσχύϊ 1^V₃

βηδѣннѣ n. ὄραμα L¹ βηдѣ[ннѣ] 1^V₁

βηдѣтн vb. θεωρεῖν Aor.¹₁ βηдѣхъ 1^{20/}
1^V_{1/} ἰδεῖν βηдѣх[ъ] 1^V_{18/} Aor.¹₃ βηдѣ
1^V_{23/} N³_m prt. prf. βηдѣкѣше 1¹²⁻¹³

βλαсти vb. κυριεύειν Pr.¹₃ вл[асть] 1^V₁₆

βλαсть f. ἐξουσία N¹ 2^{2/} влaстѣ[хъ] 2^{2/} I¹_f
властѣнѣю 2^{22/} Ac.³ влaстѣ 2^{15/} властѣ
2²⁶

βολа f. θέλημα D¹ вoлa 2⁵

врагъ m. ἐπίβουλος N¹ вѣ+зи 2²⁷

врачь m. ἰατρός N¹ 2^V₂₇

врѣмѣ n. καιρός G³ врѣмѣнѣ 1^V₁₃

въ праер. c. L. ἐν 1^{3/} 7^{1/} 10^{1/} 18^{1/} 25^{1/} 26^{1/} 1^V_{1/}
8 bis./ 22^{1/} 27^{1/} 2^{5/} 23^{1/} 2^V_{15/} 16^{1/} 17^{1/} 22^{1/} в[ъ] 2⁶

възвеличнѣти vb. μεγαλύνειν Aor.¹₃ вѣ-
звеличн cа 1²²

възвѣснѣти cа vb. ὑψοῦν Aor.¹₃ вѣ-
звѣсн cа 1^V₂₃

възгласнѣти vb. φωνεῖν Aor.¹₃ вѣзглас-
нѣ 1^V₃

възмоушн vb. ἰσχύειν Aor.¹₃ вѣзможе 1²²

възнестн cа vb. ἐπαίρειν Aor.¹₃ вѣз-
нест cа 1^V₂₅

вѣнѣштѣннѣ adj. ὁ ἕξω D¹_f вѣнѣшѣ-
ннѣ 1^V₉

вѣпастн vb. ἐμπίπτειν F¹₂ вѣпaдѣшн 2^V₆

вѣпросъ m. ἐπερώτημα N¹ 1^V₁₄

вѣставити vb. ἐπαίρειν N¹_m prt. prf.
вѣ[ст]авнѣхъ 1^V₂₆

вѣсокоуѣмнѣти vb. ὑψηλοφρονεῖν Imp.³₃

да не cа вѣсокоуѣмѣтѣ 2^V₁₁₋₁₂

вѣсота f. ὕψος 1^{21/} 2²²

вѣшѣннѣ adj. ὑψιστος N¹_m 1^V₁₅

вѣсь проп. πᾶς N¹_f вѣа 2^V_{7/} Ac.¹_m вѣа

G¹_f вѣа 1^{24/} I¹? вѣк[мѣ] 2^{8/} N³_m [в]сн
2^{3/} [всн] 1^V_{20/} D³_m вѣкѣмѣ 1^{4/} вѣкѣмѣ
2^V_{14/} L³ вѣкѣхъ 1¹⁰

вѣсѣакъ проп. πᾶς N¹ вѣака 1^{27/} 2^V₇

вѣсѣчѣскѣ adv. ἐν πᾶσιν вѣачѣскѣ 2¹³

вѣкѣ m. αἰών G¹ вѣка 2^V_{11/} Ac.³ вѣ-
кѣ 2¹

вѣрнѣ adj. πιστός D³_m вѣрнѣмѣ 2^V₁₄

вѣтѣ f. κλάδος G³ вѣтѣн 1^V_{6-7/} Ac.³

вѣтѣннѣ 1^V_{4/} L³ вѣтѣхъ 1²⁶

вѣчѣнѣ adj. αἰώνιος N¹_f вѣчѣнѣа 2²⁻³

глаголати vb. λέγειν Ac.³_n prt. praes.

pass. глѣмѣа 2^V₉

глаголь m. ῥῆμα N¹ глѣ 1^V₁₄

годѣнѣ adj. πρόσκαιρος N³_n годѣна
2²⁴⁻²⁵

гонѣзнѣти vb. ἐκφύγειν Pr.³₁ [го]нѣз-
нѣмѣ 2¹⁹⁻²⁰

гора f. ὄρος L³ горѣхъ 2^V₂₂

господѣ m. ἦ θεός 1^{17/} κύριος 1^V₁₅

грѣсти vb. ἐσθίειν Imp.¹₃ грѣзѣше 2^V₂₂

гѣрдостѣ f. ὑπερηφάνεια N¹ гордостѣ
2^V₂₃

гѣрдѣ adj. ὑπερόγκος N¹_n гѣрдѣа 2^V₁₈

да conj. ἵνα 1^{9/} 1^V_{5/} 9^{1/} 11^{1/} 14^{1/} 2^{13/} 15^{1/} 2^V_{6/}
11^{1/} 12^{1/} 13^{1/} ὁπότε 2^V₂₄

даннѣа m. N¹ Δανιήλ 1^{6/} 2^V_{26/} V¹ [да-
ннѣа] 1^V_{21/} L¹ даннѣа 1¹⁷

даръ m. δόμα G¹ [да]ра 2^{16/} I³ дарѣ
2^V_{3/} δορεά Ac.³ да[рѣ] 2²⁵

дати vb. παρασχεῖν Inf. даши 2^{24/} διδόναι
F¹₃ дастѣ 1^V_{17/} дано вѣдѣтѣ 1^V₁₂

двигнѣти vb. σαλεύειν Imp.³₃ да cа
двигнѣтѣ 1^V₅₋₆

дикин adj. ἄγιος N³_m дикѣй 1²⁶

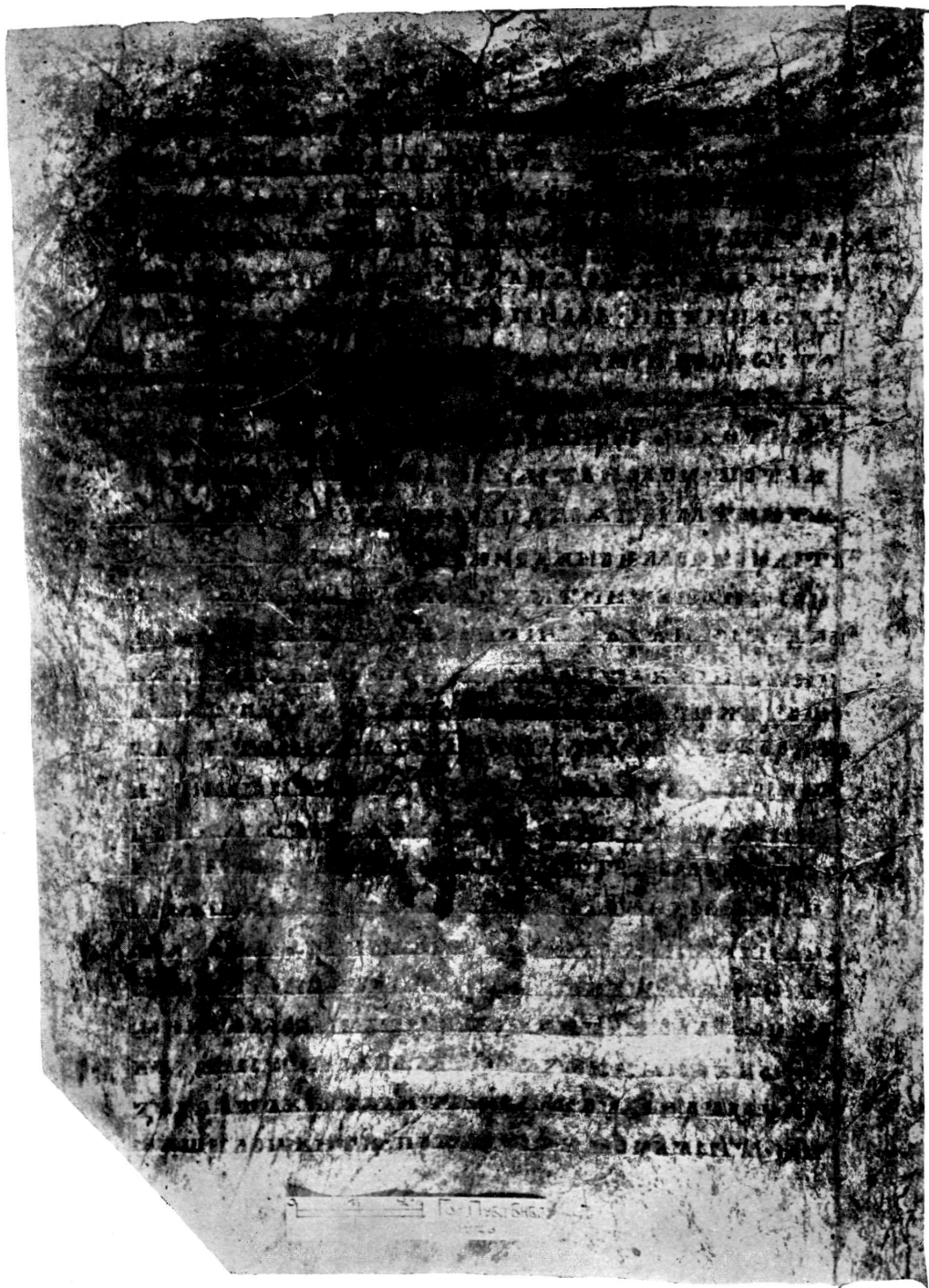
до праер. ἕως 1²³ bis

добръ adj. καλός N¹_m 2^V₂₇

домъ m. οἶκος Ac.¹ 2^V₂₀

донѣа adv. ἕως 1⁶

Гос. Публ. Библиот.





9 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040

досѣзати vb. φθάνειν Inf.¹₃ досѣза-
ше 1²³

дрекле adv. πάλαι 1¹²

дрѣво n. χόρτος G¹ дръва 2⁷

дроугъ m. φίλος N³ дружи 2¹

доуховьнъ adj. πνευματικός Ac.³_n дѣховъ-
наѣ 1₃/ I³_n дѣховьныи 1₂

доухъ m. πνεῦμα N¹ дѣхъ 1₆/ 18/ 1²²/
G¹ дѣха 1₂

доуша f. ψυχή Ac.¹ дѣшъ 2⁴/ I¹ дѣшѣ 2²⁵

държава f. κράτος I¹ държавоѣ 2²⁰

дѣло n. ἔργον Ac.³_n дѣла 1₁₃

дѣла праер. ἐνεκεν дѣла 2¹⁶

дѣбъ m. N¹ доубъ дѣндрон 1²¹/ 22/ Ac.¹
1³/ еѣр [доубъ] 1¹⁴

дѣга f. εἶρ N¹ доуга 1²

же δε 1₁₆/ 1²¹/ 2₂₅/ 2⁴/ 14/ же 2¹⁹

желѣзнъ adj. σιδηρός L¹_n желѣзнѣ 1⁸⁻⁹

живъ adj. ζῶν Ac.¹_m живаго 2¹³

жилище n. κατοικία L¹ жилищъ 2₆

жити vb. ἔχειν Imp.¹₃ живаше 1₇/ кат-
ῶκειν Inf.³₃ живашъ 1₂₆/ N³_m живоу-
щъ 2₃₋₄; κατασκηνοῦν Inf.³₃ жива-
ху 1₂₅/ ζῆν Ac.¹_m живоуѣаго 2₁/ N³_m

живоушии 1¹⁵

жити n. βίος Ac.¹ [жи]ш[ѣ] 2₁₈/ L¹

житиши 2₂₃

закнсть f. φθόνος G¹ закнсти 2¹²

запрѣжати vb. παραγγέλλειν Imp.¹₂ за-
рѣжъ 2¹¹

зѣкринъ adj. θηρίου N¹_n зѣкринно 1¹²

зѣкръ m. θηρίον N³ зѣкринѣ 1₂₆/ зѣкрн

1⁶/ I³ зѣкрни 1¹⁰/ зѣкрмъ 2²²

земля f. γῆ G¹ земля 1²¹/ 24/ L¹ земляи

1⁸/ 2₄

земьнъ adj. ἐπίγειος N¹_f земьнаѣ 1₄/ N³_n

земьнаѣ 2₂₄/ γῆς земьнѣ 1¹¹/ L¹_n

земьнѣмъ 2₆

златъ adj. χρυσός Ac.¹_m 1²⁶

зѣвати vb. καλεῖν D¹_m/ prt. прѣ. зѣа-

ноу 1₁₉

и conj. καὶ ἢ 1¹/ 7/ 9/ 10/ 11/ 17/ 19/ 21/ 22 bis/

23/ 24/ 25/ 26/ 27/ 1² bis/ 3 ter/ 4/ 5/ 6/ 8 bis/ 9/

10/ 14/ 26/ 2¹/ 6/ 8/ 10/ 11/ 21/ 2²/ 4/ 7/ 10/ 16/ 19/

20/ 23/ 24 ter/ 25 [ἢ] 2¹⁷/ и 1¹³/ 16/ bis 18/ 2₃

bis/ 6/ 7/ 9/ 19/ 21/ 23/ 25 bis/ 26/ 8 2²/ 3

иже проп. ὅς N¹_m иже 1₆/ 18/ иже 2¹³/ G¹

иго 1²²⁻²³/ 23/ 24 bis/ 26/ 1²/ него 1²⁷/

D₁ имоу 1⁹⁻¹⁰/ 1⁴ bis/ 5/ 7/ 10/ 11/ 12/

16/ 19/ 27/ 2²/ 7/ 18/ 2²⁶/ 27/ и[моу] 1¹⁸/

[имоу] 1²¹/ и[моу] 2¹¹/ немоу 2⁷/ Ac.¹_m

иго 1₈/ Ac.¹_n и 1¹⁷/ 2¹⁸/ I¹ нимъ 1²⁵/

1⁶ L¹ немъ 1⁷/ 25/ 1¹³/ Ac.³_n иже 2³

измѣнити сѣ vb. ἀλλάσσειν Imp.¹₃ да

сѣ измѣнити 1¹³

или conj. ἢ ἢли 2²⁰/ 2²¹/ или 2²⁷

имати vb. ἔχειν Pr.¹₃ имать 1¹⁸⁻¹⁹

имѣти vb. λαγχάνειν. N¹ prt. praes. имѣ-

ѣше 2₂₆/ ἔχειν N¹ prt. praes. имѣше

2₁₄

инъ проп. ἑτερος G³_m инѣхъ 2¹⁻²

искоушати vb. δοκιμάζειν N¹_m prt. прѣ.

искоушъ 1₈

испасти vb. ἐκπίπτειν Aor.¹₃ испадѣ 2⁹

исповѣдати сѣ vb. ἑομολογεῖσθαι Pr.¹₃

исповѣдашъ сѣ 2¹⁰⁻¹¹

исѣхнѣти vb. ξηραίνεσθαι Aor.¹₃ исѣ-

шѣ 2⁸

ицѣлнати vb. θεραπεύειν Inf. зѣцѣлнати

2²⁷

како adv. πῶς 2¹⁰

коньць m. εἰς τὰ πέρατα до коньца 1²³

корень m. ῥίζα Ac.¹ 1⁷

коумиръ m. εἰκών D³ коумиромъ 1²⁶

къ praes. c. D 1²⁰/ к 2₇

къдѣ adv. τοῦ 2²²⁻²³

кънасъ m. ἀρχων Ac.³ [к]насъ 2¹⁵

кърмнати сѣ vb. τρέφειν Inf.¹₃ кърмла-

ше сѣ 1²⁷

кърмля f. τροφή N¹ кърмля 1²⁵

ласкати vb. κολακεύειν Pr.¹₃ л[аска]мъ

2₁₆

ли part. ἦ 2^v₁₈
 лица п. πρόσωπον G³ лица 2^v_{6'} D₃ ? ли-
 цамъ 2¹⁴
 листвнъ п. φύλλα Ac.¹ лист[в]нѣ 1^v₄
 листъ m. φύλλον N³ листокъ 1^{24'} D³ ли-
 стомъ 2^v₁₆
 ложе п. κοίτη L¹ ложи 1^{21'} 1^v₁₋₂
 лѣгати vb. κοιτάζειν Pr.¹₃ лѣгатиъ 1^v₁₀
 лѣпъ adj. ὡραίος N³_m лѣпн 1²⁴
 любъ f. φιλία N¹ 2^v₃
 лютъ adj. δεινός N¹_m лютън 2^v₂₄

мало adv. μικρόν 2²⁴
 малъ adv. πρὸς ὀλίγον въ малъ 2^v_{16'} 17
 меноуѣмъ m. Μεννουθίμ N¹ 1¹⁴
 меноуѣъ m. Μεννοῦ 1¹⁵
 монѣтокъ adj. Μωυσεῶς Ac.³_n монѣт-
 ѡка 1¹³
 мощи vb. δύνασθαι Pr.¹₂ можеш[и] 1^v_{21'}
 Pr.¹₃ можетъ 2<sup>20' 23' Imf.¹₃ можаше
 2^v_{25'} N¹_m prt. praes. могън 2<sup>21' D³
 prt. prf. могъшамъ 1⁵
 мѣногашѣдъ adv. ἐν πολλοῖς мѣногаш-
 дъ 1⁷⁻⁸
 мѣногъ adj. πολὺς N¹_m мнoгъ 1^{24-25'}
 N³_m мнoн 2^{25'} Ac.³_m [мнoгъ] 2²³
 мѣнѣти vb. λογίζειν Pr.³₃ мнѣт[сѣ] 2^{4'}
 дожеи N³_m prt. praes. м[ѣ]нѣш[ѣ] сѣ
 2⁸
 мѣдѣнъ adj. χαλκοῦς L¹_n мѣдѣнѣ 1^v₈</sup></sup>

на praes. 1) с. Ac. εἰς 1^v_{23'} 2^v_{4'} 12' 13' 19' 21'
 2) с. L ἐν 1^v_{1'} 13' 2⁴
 накъхѣдоносоръ m. Ναβουχοδονοσόρ
 N¹ накъхѣдоносѣръ 1^{17'} [накъ]хѣ-
 доносоръ 1^v_{18'} 23' D¹ накъхѣдоносороу
 2^v₁₇₋₁₈
 нареци (сѣ) vb. ὀνομάζειν F¹₃ наречетъ
 сѣ 1^{12'} Aor.³₃ нарекоша 1¹⁵
 нарицати сѣ vb. καλεῖσθαι Pr.¹₃ нари-
 цаѣтъ сѣ 1¹⁶
 насладити сѣ vb. ἐμπλήθειν Aor.³₃ на-
 сладиша сѣ 2^v₃₋₄

настаκлати vb. ἀνεμποδίζειν N¹_m prt.
 praes. [наста]κлатюмъ 2¹³
 не part. οὐκ 1^{5'} 2^{15'} 2^v_{6'} 11' 12' 25
 неѣсѣнъ adj. οὐρανοῦ D¹_f нѣнѣн 1^v_{6'}
 L¹_f [н]ѣнѣн 2^{5-6'} N³_f нѣнѣн 1²⁷
 неѡ п. οὐρανός G¹ нѣсѣ 1^{23'} 1^v₂
 ни part. οὐκ [ни] 2^{15'} ни 2^v₃
 [ннѣъ]чъженнъ п. ἔξουδένωμα Ac.¹ 1^v₁₇
 ничѣсѡже проп. οὐδέν Ac.¹ ничѣсѡже 2⁴
 ношѣнъ adj. νυκτός L¹_m [ношѣн]ѣмъ 1^v₁
 нѣсѣмъ vb. οὐκ εἰμί Pr.¹₃ нѣ 2^{6'} Inj.¹₃
 нѣ 2^v₁₈
 нѣ conj. ἀλλά 1^{2'} 10' 2^{12'} 2^v_{13'} [нѣ] 2²⁴
 нѣднѣти vb. ἐπιδοκνῦναι Imf.¹₃ нѡжа-
 ше 1^v₂₆₋₂₇

пагоуѣа f. ἀπώλεια Ac.¹ пагоуѡу 2^v₄
 паѣ adv. προσέτι ꙗѣ 2^v_{4'} мѣлѣста ꙗѣ
 2^v₁₄
 пеиъ f. καμίνος G¹ пеи 2^v₂₄
 писаниъ п. γραφή N¹ писан[иъ] 2⁹
 писати vb. γράφειν N¹ prt. praes. пиша
 2^v_{10'} Ac.¹_n prt. prf. pass. писано 1⁹
 пламъ m. φλόξ N¹ 2^v₂₄
 плодъ m. καρπός N¹ 1^{24'} Ac.¹ 1^v₅
 плѣтъ f. σάρξ N¹ 1^v_{1'} плѣшъ 2^v₇
 по praes. с. D κατὰ το 2⁵
 покннѣнъ adj. ὑποτεταγμένος N³_m по-
 вннѣнн 1¹¹
 покѣдати vb. καταγγέλλειν N¹_m prt.
 praes. покѣдаѣ 1¹ ; διηγείσθαι N¹_m
 prt. praes. покѣдаѣ 2¹¹
 погъбенѣти vb. κινδύνειν Aor.³₃ погъ-
 еша 2^{27'} ἀπόλλυσθαι Aor.³₃ погъ-
 боша 2^v₂
 подѡбити сѣ vb. ἔοικα Pr.³₁ родѡбитъ
 сѣ 2^v₁₆
 подъ praes. с. I ὑποκάτωθεν 1^v_{6'} ὑπό
 по[дъ] 2²²
 показати сѣ vb. ἐπιδεικνῦναι Aor.¹₃ по-
 каза сѣ 1^v_{27'} Ac.¹_m prt. prf. показанъ
 1^v₂₄
 положити vb. προθήκειν Aor.¹₁ положи 1⁹

польза f. ὄφελος N¹ польза 2^v₁₇ Ac.¹
 пользоу 2^v₂
 послоушьствокати vb. μαρτυρεῖν Aor.¹₃
 послоушьствокка 1^v_{8/17-18}
 послѣди adv. ὑστερον 2^v₁₀ послѣди 2^v₂₆
 поставити vb. καθισθάναι N¹_f по[с]та-
 влѣны 2^v₂₆ тάσσειν Ac.³_m поставле-
 [ны] 2^v₁₅₋₁₆
 посѣщи vb. ἐκκόπτειν Imp.³₂ посѣцѣте
 1^v₃
 прити vb. ἔρχεσθαι Aor.¹₃ приде 1^v₆
 приѣти vb. λαμβάνειν Aor.³_n приѣша 2^v₃
 проводити vb. διατελεῖν Pr.¹₃ про[ко-
 димъ] 2^v₁₉
 протикити сѧ vb. ἀντιστάναι N¹_m prt.
 praes. протикаѣсѧ 2^v₆₋₇
 прѣдъ праер. ἐνώπιον прѣдъ 1^v₁₉₋₂₀
 прѣзорникъ vb. N³_n прѣзорника 2^v₂₃
 прѣмѣкнити сѧ vb. ἀλλοιοῦν Imp.³₁ да
 сѧ прѣмѣкнитъ 1^v₁₁
 прѣмѣдрость f. σοφία N¹ прѣмоудрость
 1^v₄₋₅ G¹ [прѣ]моудрости 1^v₁
 прѣмѣдръ adj. σοφός D³ прѣмоудрымъ
 1^v₄
 прѣтрѣпѣкати vb. προσκαρτερεῖν N³_m
 [пр]ѣ[трѣпѣкающе] 2^v₁₇ пѣтица f. ὄρ-
 νις, N³ птица 1^v₂₇ 1^v₆
 пжто п. δεσμός L¹ [поу]тѣ 1^v₈
 ради праер. с. G. διὰ 2^v₂₅ радѧ 2^v₇
 разместити vb. διασκορπίζειν Imp.³₂ раз-
 ме[т]ѣте 1^v₅
 разоуменьъ adj. σοφός Ac.¹_m разоу[мна]
 2^v₁₂
 расѣрзати vb. ἐκτινάσσειν Imp.²₃ рас-
 тѣрза[н]те 1^v₄₋₅
 расѣждати vb. συγκρίνειν N¹_m prt. praes.
 расѣжаѣше 1^v₃
 реши vb. δηλῶσαι Inf. 1^v₂₁ εἰπεῖν Imp.¹₂
 рѣци 1^v₁₉ Aor.¹₃ рѣ 1^v₁₈ 1^v₃ 2^v₁₈ лѣγειν
 N¹_m prt. praes. рѣкын 2^v₇
 родъ m. γενέα Ac.³ родъ 2^v₃ bis
 роса δρόσος D¹ росѣ 1^v₉

санъ m. ὑπεροχή L¹ саноу 2^v₁₅
 самъ проп. αὐτός N¹ 1^v₇ 2^v_{8/10/22} N¹_n
 само 2^v₉ D¹ самомоу 1^v₂₄ N³_n сама 2^v₂₇
 скон проп. ἐαυτός G¹_n скоѣго 2^v₂₀ Ac.¹_f
 скоѡ 2^v₄ D¹_f скоѣѧ 2^v₅ 2^v₂₁ I^v_f скоѣѡ
 2^v₂₅ сѧ[о]ѣѡ 2^v₂₀₋₂₁ L¹_n скоѣмъ
 1^v₂₀ 1^v₂
 скѣтъ m. φῶς N¹ 1^v₂
 скѣтъ adj. ἅγιος N¹_m сѣтъ 1^v_{14/22} сѣтън
 1^v₁₈
 се part. ἰδού 1^v₂₁ 2^v₁₉ [с]е 1^v₂
 себе проп. δι' ἑαυτοῦ I¹ себѡ 2^v₂₇
 седмъ п. ἑπτὰ 1^v₁₃
 снла f. ἰσχύς I¹ снлоѡ 2^v₂₀ δύναμις L¹
 снлѣ 2^v₅
 слава f. δόξα N¹ 2^v₇ слава 2^v₁₅ D¹ славѣ
 2^v₂₁
 славити vb. δοξάζειν Aor.¹₁ славуъ 2^v₂
 слово п. λόγος N¹ 1^v₁₄ ѣhma 2^v₁₈ N³ сло-
 ва 2^v₂₃₋₂₄ I³ словесы 1^v₁
 слыжити vb. διακουεῖν Inf. 1^v₂₇
 слышати vb. ἀκούειν Imp.¹₂ слыши 2^v₉
 срдѣъ adv. ἐν μέσῳ срдѣъ 1^v₂₁
 стѣти vb. στήναι D¹_m prt. рrf. ставѣшю
 1^v₁₉
 стрѡпъ m. τραῦμα Ac.³ стрѡфъ 2^v₂₇
 сѡхъ adj. ξηρός D³_m сѡхымъ 2^v₁₅
 сѣ праер. с I метѧ 1^v₁₀ 2^v₂₂
 сѣвѣтъникъ m. σύμβουλος N¹ 2^v₂₆
 сѣвѣдати vb. οἰκοδομεῖν Aor.¹₁ сѣвѣ-
 даъ 2^v₁₆
 сѣказани п. σύγκριμα Ac.³ сѣказа[ниѧ]
 1^v₂₀₋₂₁
 сѣказати vb. δηλῶσαι Inf. сказа[ти] 1^v₂₂
 сѣлоуцити сѧ vb. συμβαίνειν Ac.³_n part.
 рrf. сѣлоучикъша сѧ 2^v₁₁
 сѣннѣти vb. καταβαίνειν сѣннѣде Aor.¹₃ 1^v₂
 сѣнъ m. ἐνώπιον Ac.¹ 1^v_{18/23} сѣ[нъ] 2^v₇
 G¹ сѣна 1^v₅ L¹ снѣ 1^v₂₇
 сѣпасъ m. σωτήρ N¹ сѣсѣ 2^v₁₄
 сѣтворити vb. ἀνιστάναι F¹₃ [с]творитъ
 1^v₁₇ ποιεῖν Aor.¹₃ створи 2^v₇ 2^v₂ G¹_m
 створшаго 2^v₂₂

сѣн prt. praes. act. ὦν N¹ 2_{21-22/} N¹_f
 соуши 2^v_{16/} N³_m соушии 1^v_{6/} D³_m со-
 шимъ 2^v₁₅
 съ проп. οὗτος Ac.¹_n сѣ 2_{18/} G¹_m сего 2^v_{11/}
 G¹_n 2^v_{25/} Ac.¹_m 1_{14/} I¹_n семаъ 2_{23/} N³_n
 си 2_{24/} D³_m симъ 2^v_{9/} Ac.³_n си [си] 2_{9/}
 си 1₁₄
 сѣрдѣце п. καρδιά N¹ срдѣце 1^v_{11/} 1_{12/} I¹
 срдѣцема 1^v₂₅
 сждити vb. συγκρίνειν Inf. 1₆
 сждъ m. κρίσις Ac.¹ [сжда] 2_{18/} σύγκριμα
 I¹ соудомъ 1^v₁₃₋₁₄
 сжтъ εισί Pr.³₃ соутъ 2₂₅

таина f. μυστήριον Ac.¹ таиноу 1₁
 тако adv. οὕτως 1_{3/} 1_{17/} тако 2₁₀
 такоуъ проп. τοιοῦτος G³_n такоуъъ 2^v₅
 творити vb. ποιεῖν Pr.¹₃ творить 2_{12-13/}
 творитъ 2_{5/} N³ prt. praes. тво[рѣше]
 2₁₈
 тимодѣи m. Τιμοθεύς Ac.¹ тимодѣиъ
 2^v₁₀
 трака f. χάρις N¹ 2^v_{8/} D¹ тракъ 1^v_{9/}
 10-11/ 2^v_{8/} Ac.¹ тракоу 2^v₂₁₋₂₂
 тѣ проп. ἐκεῖνος N¹_m 2_{5/} Ac.¹₁ 1^v₂₃
 N¹_f та 2^v_{23/} G³_m тѣкъъ 2^v₇
 тѣгда adv. τότε 2^v₂₃
 тѣкъмо adv. μόνον 1_{9/} т[ѣ]къмо 1^v₇
 тѣлковати сѣ vb. ἐρμηνεύεσθαι N¹_m prt.
 praes. act. тѣ[л]коуа 2₈
 ты проп. 1^v_{19/} 2₂₁ D¹ ти 2_{23/} L¹ тѣбѣ 1^v₂₂

оу праер. с. G¹ 1₉
 оубо conj. οὖν 1_{3/} 1_{14/} 1^v_{22/} 2_{24/} 2_{23/} 2^v_{5/}
 оушо 2_{8/} 2^v₁₅
 оубоати сѣ vb. φοβεῖσθαι N¹_m prt. prt.
 оубоакъше сѣ 1₁₄
 оуѣдѣти vb. γιγνώσκειν Imp.³₂ да оу-
 вѣдѣтъ 1^v₁₄₋₁₅
 оуѣшавати vb. παραινέειν Pr.¹₁ оуѣша-
 ваѣтъ 2^v₁₀
 оуѣнжти vb. μαραίνεσθαι N¹_f оуѣноу-
 ши 2^v₁₇

оудовъ adv. εὐκόλως оудов[ъ] 2₁₉
 оуѣлнати сѣ vb. φεύγειν Imp.¹₂ оуѣла-
 нѣи сѣ 2^v₅
 оуѣмрати vb. ἀποθνήσκειν N¹_m prt. praes.
 оуѣмрати 2₂₁ оуѣмъ m. νοῦς Ac.¹ [оуѣмъ]
 2₁₃
 оуѣвати vb. πεποιθέναι Imp.³₃ да оуѣ-
 ваѣтъ 2^v_{12/} ἐλπίζειν да оуѣваѣтъ 2^v₁₃
 оуѣпѣти vb. ὠφελῆσαι Inf. 2₂₀
 оуѣнии п. διδακτὰ I¹ оуѣниѣма 1₂
 оуѣтити vb. διδάσκειν Pr.¹₃ оуѣнишъ 2₉
 фимъ m. θίμ 1₁₆

хѣлнати vb. αἰνεῖν Aor.¹₁ ѣвалихъ 2₁
 хотѣти vb. δοκεῖν Pr.¹₃ хош[ѣ]тъ 1^v_{16-17/}
 боуѣсѣти N¹_m prt. praes. хотѣ 2^v_{27/}
 мѣлѣи Ac.¹_m хотѣшѣго 2₁₉
 христосовъ adj. Χριστοῦ Ac.¹ христосо-
 коу 1₁₋₂

w праер. с. L ὦ 1_{13/} 1_{17/} [w] 2₁₈
 w interj. ὦ 2^v₆
 ѡѣратити vb. εὐρεῖν Aor.³₃ ѡѣратиша
 2^v_{4-5/} στρέφειν N³_m prt. prf. ѡѣра-
 тивѣше сѣ 2^v₁
 ѡѣстити vb. ἔσθαι F²₃ ѡѣсти[те] 1^v₇₋₈
 ѡтѣ праер. с. G. ѡ 1^v_{6/} 2_{25/} 2^v_{1/} 5/ [ѡ]
 1^v₁₂
 ѡтѣкѣмати vb. ἀποκρίνεσθαι Aor.¹₃
 ѡкѣша 1₂₀
 ѡтѣрасѣ f. φυή G¹ ѡ[р]ѣ[с]ли 1^v₇
 ѡтѣкѣши vb. ἐκτίλλειν Imp.³₂ ѡкѣкѣте
 1^v₃₋₄

цѣкѣтъ m. ἄνθος N¹ 2^v_{9/} цѣкѣшъ 2^v₈
 цѣсарѣкѣ adj. βασιλέος G¹ цѣрка 1₅
 цѣсарѣ m. βασιλεὺς N¹ цѣрѣ 1_{7/} 2_{10/}
 20/ G цѣрѣ 1_{10/} 2^v_{3/} D¹ цѣрю 1_{11/} 1^v_{24/}
 2^v_{18/} I¹ цѣрѣма 1_{20/} N³ цѣрѣ 2^v_{1/} G³ цѣръ
 2_{25/} D³ цѣрѣмъ 2₁₄
 цѣсарѣстко п. βασιλεία N¹ цѣрѣтко 2_{3/} G¹
 цѣрѣтка 1^v_{20/} 2^v_{20/} D¹ цѣрѣ[ст]коу 1^v₁₆

члѡвѣкъ м. ἄνθρωπος N¹ члвѣкъ 1_{11/15/}
 16/ 2_{21/} V¹ члвѣѣ 2_{6/} Ас.¹ члѣа 2_{13/}

G³ члѣкъ 1_{12/17/} D³ члѣкомъ 2₁₄

члѡвѣчьскъ ἄνθρώπου N¹ члѣчьска 2_{8/}

D¹_п члѣчьскомѡу 1₁₆

чьсть f. τιμή Ас.¹ 2_{21/} Ас.³ чьсти 2₂₅

чьстнѣ adj. ἔντιμος N¹_м чѣхнѣй 1₁₀

чьто проп. τι чьто 2_{20/} что 2_{7/} 2_{2/17}

чюдѣсьнѣ adj. θαυμάσιος Ас.³_п чюдѣсь-
 на 1₁₃

чьсть f. μέρος часть 1₁₀

ширѡта f. κύτος N¹ 1₂₃

ивити сѡ vb. φαίνεσθαι Pr.¹₃ ивить сѡ
 1₁₀

ѡвѣ adv. δημοσία ѡвѣ 1₉

ѡзка f. πληγή L³ ѡзкахъ 1_{13—44}

ѡко adv. καθ' ѡко 1_{7/} ѡти ѡко 1_{15/22/}

ѡко 2_{2/} [ѡко] 1_{20/} ѡк[о] 1_{27/} ѡпѡте кѡи

ѡко 2_{21/} кѡѡс ѡ[ко] 2₉

ѡгда adv. ὁπότε ѡгда 2₂₁

ѡгѡпѣтѡннѣ м. αἰγυπτίος N³ ѡгѡпѣт-
 нѣ 1₁₂

ѡгѡпѣтьскы adv. αἰγυπτιστί ѡгѡпѣть-
 скы 1₁₆

ѡдннѣ num. μόνος L¹_м ѡдиноу 2₁₆

ѡже соп. ѡ ѡже 1₁₅

ѡлма adv. αὐτ' ѡν 1₂₄

ѡпитимѡна f. ἐπιτιμία Ас.¹ ѡпитимѡ
 1_{23—24}

РЕЗЮМЭ.

Статья представляет опыт издания церковнославянского отрывка, содержание которого до сих пор оставалось неизвестным, но который принадлежит к числу тех редчайших древне-русских рукописей, в которых на фоне сплошного церковнославянского текста встречаются отдельные глаголические буквы. Теперь оказывается, что этот фрагмент, хранящийся ныне в Погодинском Собрании Ленинградской Публичной Библиотеки, есть не что иное, как остаток толкования Ипполита на книгу прор. Даниила. Автор публикует полный текст отрывка и подробно описывает его с палеографической и лингвистической точки зрения. Особые слова помещены для выяснения его историко-литературного значения, как памятника Золотого Века болгарской литературы. Подробный словоуказатель всех слов и форм заключает статью.

DIE CYRILLISCH-GLAGOLITISCHEN FRAGMENTE DES POGODIN.

(Résumé.)

Es ist Ausgabe eines kirchenslavischen Denkmals (2 Bl.), dessen Inhalt bisher rätselhaft erschien. Es ist eine derjenigen sehr seltenen altrussischen Handschriften, in denen wir in der cyrillischen Schrift auch glagolitische Buchstaben zerstreut begegnen. Jetzt stellt es sich heraus, daß diese Fragmente, die jetzt in der Pogodin'schen Sammlung der öffentlichen Bibliothek in Leningrad bewahrt werden, nichts anderes sind als kleiner Rest des Kommentars des hl. HIPPOLYTOS zu dem Buche des Propheten DANIEL. Prof. Iljinskij gibt hier eine vollständige Ausgabe des slavischen Textes parallel mit dem griechischen und unterzieht den slavischen Text einer gründlichen palaeographischen und linguistischen Analyse. In einem besonderen Kapitel wird die literarhistorische Bedeutung der Fragmente hervorgehoben, indem sie als ein wertvolles Denkmal des goldenen Zeitalters der altbulgarischen Literatur aus der Zeit des Zaren Symeon enthüllt werden. Zuletzt gibt der Verfasser ein umständliches Wort- und Wortformenverzeichnis des slavischen Textes.

СОСТАВЪ РОСПИСИ ХРАМА ВЪ СОПОЧАНАХЪ.

Король сербскій Стефанъ Урошъ I (1243—1276), около 1265 года воздвигъ храмъ въ Сопочанахъ, при истокахъ рѣки Рашки.¹ Храмъ этотъ сохранился, хотя и въ полуразрушенномъ состояніи. Внутри онъ не подвергался никакимъ позднѣйшимъ поновленіямъ и, хотя роспись сильно мѣстами пострадала отъ того, что зданіе долгое время стояло безъ сводовъ,² однако, во многихъ мѣстахъ она сохранилась прекрасно, не потерявъ разнообразія и свѣжести своихъ красокъ. Она представляетъ собою наиболѣе совершенное произведеніе стѣнной живописи среди сербскихъ памятниковъ XIII вѣка.

Наружные притворы съ западной стороны были, повидимому, пристроены къ церкви нѣсколько позднѣе, а расписаны только въ серединѣ XIV вѣка, при царѣ Стефанѣ Душанѣ, изображеніе котораго сохранилось въ этой росписи. Болѣе поздней живописью является и то, что сохранилось въ боковыхъ придѣлахъ съ сѣверной и южной стороны храма. Роспись жертвенника и діаконника подражаетъ во многомъ древней живописи храма, но исполнена много грубѣе и въ иной совершенно манерѣ. Она также, на нашъ взглядъ, не современна первоначальной росписи храма и относится къ болѣе позднему времени.

Наиболѣе разительной особенностью стѣнописей той группы, къ которой относится и роспись сопочанская, является то обстоятельство, что онѣ имѣютъ не общепринятыя въ стѣнописяхъ синіе фоны — цвѣта неба, а фоны желтаго цвѣта въ подражаніе золотымъ фонамъ мозаикъ. Эти фоны исполнены желтой краской, а кромѣ того раздѣланы поверхъ мелкой сѣткой въ подражаніе мозаическимъ кубикамъ. Сѣтка эта въ большей части росписи стерлась и ее можно наблюдать въ настоящее время только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но первоначально она была повсюду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затѣмъ, въ глубинѣ впадинъ и неровностей штукатурки можно найти слѣды позолоты.

На такого рода желтомъ фонѣ исполнена вся роспись центральной части сопочанскаго храма, алтаря и внутренняго притвора. Болѣе поздняя живопись жертвенника и діаконника также имѣетъ желтые фоны, а живопись наружнаго притвора и боковыхъ придѣловъ имѣетъ фоны синіе.

Составъ росписи соотвѣтствуетъ составу остальныхъ сербскихъ росписей XIII вѣка. Здѣсь также громадныя пространства стѣнъ центральной части храма занимаютъ избранныя композиціи изъ евангельскаго цикла. Такъ какъ храмъ сохранилъ и древнюю алтарную апсиду, то въ ней мы находимъ и тѣ изображенія, которыя стали традиціонными для украшенія алтаря, а также и нѣкоторыя евангельскія изображенія, нашедшія себѣ мѣсто на его стѣнахъ.

¹ Настоящая статья является отрывкомъ подготовляемой къ печати книги подъ заглавіемъ «Сербскія росписи XIII вѣка».

² Храмъ покрытъ новыми сводами только въ прошломъ году.

Живопись главной апсиды очень пострадала, особенно в верхней ее части. В конхѣ кромѣ трехъ маленькихъ фрагментовъ не сохранилось ничего, но по этимъ кускамъ можно все же опредѣлить, что было изображено. Здѣсь было обычное изображеніе *Богородицы* между двумя, поклоняющимися ей ангелами (схема I, 1). Сохранился только верхъ головы Богородицы и края (по одному крылу и по части туловища) ангеловъ, одѣтыхъ въ царскія далматики.

Въ нѣсколько лучшемъ видѣ находится композиція, занимающая средній поясъ апсиды — *Причащеніе Христомъ апостоловъ* (рис. 1, сх. 1, 2). Какъ обычно, въ центрѣ находится престолъ, за которымъ дважды изображенъ Христосъ. Къ нему съ двухъ сторонъ, слѣдуя одинъ за другимъ, подходятъ апостолы, по шести съ каждой стороны. Правую группу возглавляетъ апостолъ Петръ, одѣтый въ синій хитонъ и темно-лиловый гиматій, и причащается кровью изъ большого кратора съ широкимъ, крестообразнымъ горломъ, который подаетъ ему Христосъ. Слева первымъ подходитъ апостолъ Павелъ въ голубомъ хитонѣ и въ желтомъ гиматіи и получаетъ изъ рукъ Христа тѣло. Оба верховныхъ апостола сгибаются въ поясъ, сгибаютъ ноги въ колѣняхъ, слегка присѣдая, и складываютъ руки. Остальные апостолы слегка склоняютъ свой станъ и протягиваютъ впередъ руки съ раскрытыми ладонями. Средняя часть композиции совершенно разрушена и нельзя судить былъ ли изображенъ надъ престоломъ киворій и сопутствовали ли Христу ангелы-діакона.

Подъ алтарнымъ окномъ вырѣзана небольшая плоская нишка, въ которой было устроено горнее мѣсто. Въ ней изображенъ красный престолъ, а на немъ обнаженный *Младенецъ-Христосъ*, лежащій на дискосъ (сх. I, 3). По сторонамъ, на боковыхъ стѣнкахъ нишки, представлены два ангела въ діаконскихъ облаченіяхъ. Это центральное изображеніе композиции, только въ XIII вѣкѣ входящей въ кругъ церковныхъ стѣнописей и извѣстной подъ греческимъ названіемъ *ὁ μελίσμος*. Эту композицію мы называемъ *Поклоненіемъ жертвъ*, такъ какъ ея непремѣнной частью являются двѣ процессіи святыхъ епископовъ — отцовъ церкви, которые въ глубокомъ преклоненіи съ двухъ сторонъ направляются къ центральному изображенію (рис. 2 и 3). Всѣ они облачены въ бѣлыя крещатые фелони и въ бѣлые же крещатые омофоры. Здѣсь всего изображено 14 святителей, по семи съ каждой стороны. Лѣвую группу возглавляетъ св. Іоаннъ Златоустъ, а правую св. Василий Великій. Надписи именъ нигдѣ не сохранились,¹ но среди нихъ безъ труда можно узнать еще святыхъ Аванасія и Кирилла Александрійскихъ, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и Николая Мирликійскаго. Всѣ держатъ въ рукахъ развернутые свитки, на которыхъ прекрасно сохранились надписи. Особенность сопочанской росписи, которую мы покуда нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не наблюдали, заключается въ томъ, что на этихъ свиткахъ написаны не отдѣльные тексты, какъ это обычно, а одинъ текстъ длинной молитвы. Онъ начинается на свиткѣ Іоанна Златоустаго, продолжается на свиткахъ слѣдующихъ за нимъ шести святителей, затѣмъ про-

¹ Только у крайняго справа можно прочесть: ...Ἰη... Θεοῦ κ... .

долженіе переходить на свитокъ Василия Великаго и на свитки слѣдующихъ за нимъ шести епископовъ, а конецъ читается на свиткѣ крайняго справа святого отца. Вотъ этотъ текстъ съ сохраненіемъ особенностей написанія:¹

бѣсѣтън | н вѣсѣтъ | нхъпоч | каиѣ · н | жетръс | тыимъ ||
 глсомъ | ѿсерафъ | имъвѣс | пѣкамъ | мѣиѿхѣ || роукиимъ |
 славос | словимъ. | н ѿкса | коине | бѣныи || сѣжпо |
 клана | имъты | нбо ѿ не | бытиа || вѣбыти | н прие |
 дѣсач | ѣскаа · | сѣздааъ || жрътъкъ | ника · н | дѣжно |
 итебѣ | поклан | іанин || слакосл | окнир | иносиѣ · |
 тыиѿл | коприн | миѿ || ѿлѣѣк | ѿпѣбр | зорско | имов ||
 нпоѿо | бнѣ · н | всачѣс | кынми | твоими || даръми |
 оукраи | ѣн · даѣ | просици | мѣпрѣм | оудрость || иразоу |
 мѣ · н не | прѣзрѣ | согрѣш | аюца | аго · нѣ || положи | вѣнасп |
 сенин · | сѣбеле | н насмѣ | рѣныихъ || инѣдос | тонны |
 нхъра | бѣткон | хъ · вѣѿа || сынста | ти · ѿрѣ | слаа | юсѣаго |
 твоиго · ||

Евангельскій циклъ въ Сопочанахъ начинается, какъ и въ другихъ росписяхъ того времени, изображеніемъ *Благовѣщенія* Богородицы, которое раздѣлено на двѣ части и помѣщено на лицевыхъ сторонахъ восточной пары пилястръ. Архангелъ Гавріилъ не сохранился вполнѣ (сх. II, 110) — голова его пропала. Онъ представленъ идущимъ, одѣтымъ въ хитонъ и гиматій, и протягивающимъ впередъ правую руку съ жестомъ благословенія. Богородица (сх. I, 14) стоитъ на желтомъ подножій съ правой рукой, раскрытой у груди. Въ лѣвой она держитъ веретено.

Рождество Христово мы находимъ въ верхнемъ поясѣ сѣверной стѣны (рис. 6, сх. II, 87). Верхняя часть и правый край испорчены, но различается весь составъ композиціи, раздѣленной посерединѣ окномъ. Вверху, слѣва отъ окна, полулежитъ на ложѣ, съ протянутыми влѣво ногами Богородица. Верхняя часть ея фигуры испорчена. Въ ея изображеніи можно указать очень рѣдкую особенность — она босая: изъ подъ подола ея мафорія видны пальцы ея ногъ. Слѣва, у ногъ ея сидитъ, опустивъ на руку голову, Іосифъ. Справа, какъ разъ надъ окномъ, изображены ясли въ видѣ каменнаго ящика, въ которыхъ лежитъ ногами вправо спеленутый Младенецъ. Къ яслямъ справа въ стремительномъ движеніи подходитъ ангелъ съ мѣриломъ въ лѣвой рукѣ. Правой онъ указываетъ Младенца тремъ, идущимъ за нимъ и преклоняющимся волхвамъ. На переднемъ планѣ, слѣва отъ окна, изображено омовеніе Младенца. Соломея сидитъ слѣва отъ купели на скамеечкѣ и лѣвой рукой пробуетъ воду. Младенецъ, совершенно обнаженный, сидитъ у нея на колѣняхъ и она его обнимаетъ правой рукой. Справа стоитъ дѣвушка съ распущенными по плечамъ волосами и съ вѣнкомъ на головѣ. Наклоняясь, она льетъ воду въ купель изъ кувшина, кото-

¹ Раздѣленіе строкъ показано вертикальной линіей; текстъ cadaго свитка отдѣленъ отъ слѣдующаго двойной вертикальной линіей.

рый она держитъ въ покрытыхъ бѣлымъ полотенцемъ рукахъ. Справа отъ окна представлены два пастуха. Одинъ изъ нихъ, молодой, указываетъ вверхъ на Младенца другому пастуху, старику, и обнимаетъ его лѣвой рукой. Старикъ одѣтъ въ короткій тулупъ мѣхомъ вверхъ. На головѣ у него большая бѣлая шляпа. Онъ опирается на кривую дубинку. Рядомъ стадо, состоящее изъ овецъ и козъ, изъ которыхъ нѣкоторыя обрываютъ листья съ дерева.

Какъ разъ противъ Рождества, въ верхней части южной стѣны помѣщено *Срѣтеніе* (рис. 5, сх. I, 29). Окно также дѣлитъ композицію на двѣ части. Изъ за него видно святилище храма, загороженное низкой мраморной балюстрадой, лилово-красный престолъ въ немъ, а надъ нимъ высокій киворій съ пирамидальной крышей, поддерживаемой круглыми розовыми колонками. Слева отъ окна стоитъ Богородица. На протянутыхъ впередъ рукахъ она держитъ Младенца, который смотритъ на зрителя. На немъ бѣлая рубашечка, украшенная троеточьемъ, съ желтымъ воротомъ. За Богородицей слѣдуетъ Іосифъ въ голубомъ хитонѣ и сѣро-лиловомъ гиматіи и въ подолѣ гиматіи держитъ двухъ горлицъ. Справа отъ окна изображенъ Симеонъ въ обычной своей позѣ съ протянутыми для принятія Младенца руками. На немъ синій хитонъ и желтый гиматій. За нимъ стоитъ пророчица Анна въ желтой туникѣ и коричневомъ мафоріи. Правую руку она держитъ раскрытой у груди, а въ лѣвой, опущенной внизъ, у нея развернутый свитокъ, на которомъ сдѣлана надпись:

сѣмладъ | ꙗнцѣнъ | бѣизе | млѣю • с | тврѣди | естъ.

Слѣдующая въ порядкѣ хронологическомъ композиція находится ниже (сх. I, 30) и представляетъ *юнаго Христа, проповѣдующаго въ храмѣ*. Христосъ помѣщенъ въ центрѣ композиціи. Онъ сидитъ въ серединѣ большой полукруглой скамьи, а по сторонамъ его священники — слева два, справа три. Въ рукахъ и на колѣняхъ они держатъ книги. Крайній слева священникъ повернулся влѣво и смотритъ внизъ, гдѣ стоятъ Іосифъ и Богородица. Надъ головами послѣднихъ изображено полукруглое зданіе въ видѣ открытой экседры и въ немъ на бѣломъ фонѣ черными буквами написанъ текстъ изъ Евангелія Луки II, 48:

чѣтоство | рнтанѣмъ • се | ѿцѣназъскрѣщъ | искахоукѣтѣе.

На второмъ планѣ справа изображена полукруглая колоннада изъ семи колоннъ свѣтло-лиловаго цвѣта, стоящая на высокомъ постаментѣ и поддерживающая плоскій сѣрый антаблиментъ, на который накинута красная драпировка.

Отъ *Крещенія Христова* сохранился лишь небольшой фрагментъ правой стороны на западномъ склонѣ свода въ южномъ концѣ трансепта (рис. 8, сх. I, 34). Видна часть склонившейся большой фигуры Іоанна, стоящаго на правомъ берегу. Справа у ногъ его стоитъ толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Передъ ними, на берегу, сидитъ маленькая обнаженная фигурка.

Преображеніе мы находимъ вновь на сѣверной стѣнѣ, ниже Рождества Христова (рис. 6, сх. II, 88). Композиція разбита на три момента. Слева помѣщенъ пер-

вый моментъ, представляющій Христа, идущаго на гору, съ тремя апостолами. Надъ ихъ головами, на фонѣ горы, читается фрагментъ надписи: ...«къзи... Справа Христосъ спускается съ апостолами съ горы. Надъ ними сохранился остатокъ надписи: ...«ѣди... Главный моментъ занимаетъ середину. Христосъ въ свѣтло-желтомъ хитонѣ и свѣтло-зеленомъ гиматіи стоитъ на фонѣ круглаго въ сѣрыхъ тонахъ написаннаго ореола. Правую руку онъ поднялъ съ жестомъ благословенія. Отъ всей его фигуры исходитъ лучеобразное сіяніе. По сторонамъ, внѣ ореола, на вершинахъ двухъ отдѣльныхъ пригорковъ стоятъ Илья и Моисей. Апостолы помѣщены въ самой нижней части композиции. Слѣва Петръ встаетъ съ земли и обращается ко Христу, протягивая къ нему правую руку. Справа, спитъ, лежа на землѣ, Іоаннъ. Ниже, Іаковъ привсталъ и смотритъ вверхъ, держа передъ собой правую руку.

Изображеніе *Воскрешенія Лазаря* находилось вверху южной стѣны въ западной части храма (рис. 9, сх. I, 55) и было раздѣлено окномъ на двѣ части. Сохранилась, и то не вполнѣ, только лѣвая половина. Здѣсь представленъ Христосъ въ розовомъ хитонѣ и въ синемъ гиматіи. Онъ идетъ вправо, сопровождаемый тремя апостолами, и протягиваетъ впередъ правую руку. Передъ нимъ на колѣняхъ Марѳа и Марія. Послѣдняя припадаетъ къ его ногамъ, а Марѳа, протягивая къ нему руки, смотритъ на него.

Напротивъ, вверху сѣверной стѣны находилось изображеніе *Входа въ Иерусалимъ*, которое также было раздѣлено на двѣ половины окномъ (сх. II, 69). Лѣвая сторона очень испорчена, а справа мы видимъ двухъ мальчиковъ, постилающихъ одежды, а за ними группу іудеевъ. Одинъ изъ послѣднихъ держитъ за руку мальчика въ бѣлой рубашечкѣ, украшенной троеточіемъ. У другого ребенокъ сидитъ на плечѣ.

Изображеній послѣдующихъ евангельскихъ событій, вплоть до момента голгоѣской трагедіи, мы въ росписи сопочанскаго храма не находимъ. *Тайная вечеря* помѣщена въ притворѣ, на восточной его стѣнѣ, надъ входомъ въ храмъ. Было ли это единственное изображеніе этого событія въ росписи, однако, утверждать нельзя. Христосъ здѣсь представленъ сидящимъ у лѣваго края стола. Рядомъ съ нимъ Іоаннъ. Іуда находится въ серединѣ и тянется черезъ весь столъ къ блюду.

Предательство Іудино, моменты суда и путь на Голгоѳу, вѣроятно, были изображены въ западномъ сводѣ, который, къ сожалѣнію, не сохранился. Громадная же композиція *Распятія* занимаетъ средній поясъ южной стѣны въ западной части храма (рис. 9, сх. I, 56). Середина ея, къ сожалѣнію, очень сильно испорчена водой, стекавшей изъ окна, и верхняя часть фигуры распятого Христа не сохранилась. Видна только правая рука, прибитая къ перекладинѣ креста, и, начиная отъ пояса внизъ, сильно изогнутое тѣло въ бѣломъ препоясаніи. Крестъ вставленъ въ вершинку скалистой горки, въ передней части которой видны лежащія въ пещеркѣ черепъ и кости. Ко кресту слетаютъ два ангелочка, а рядомъ съ ними изображены съ одной стороны солнце, а съ другой — луна. По сторонамъ креста стоятъ симметрично два молодыхъ воина.

Лѣвый копьемъ пробиваетъ Христу бокъ, а правый, обращенный къ зрителю спиной, подаетъ ему губу на длинной трости. У подножія горки, справа, сидятъ на землѣ три молодыхъ воина и дѣлятъ одежды Христа. Всѣ остальные фигуры исполнены въ значительно большихъ размѣрахъ, чѣмъ воины, о которыхъ только что была рѣчь, и составляютъ двѣ группы по сторонамъ креста. Впереди лѣвой группы стоитъ Богородица, которая въ изнеможеніи склоняется на руки поддерживающаго ее апостола Іоанна.¹ На немъ голубой хитонъ и свѣтло-лиловый гиматій. На заднемъ планѣ стоитъ нѣсколько женщинъ, изъ которыхъ три, стоящія впереди, одѣты въ мафоріи голубого, свѣтло-зеленаго и сѣраго цвѣта. Правую группу возглавляетъ Лонгинъ-сотникъ, указывающій воинамъ, стоящимъ за нимъ, на Христа.² На немъ свѣтло-зеленая туника, синій плащъ, желтая повязка на головѣ и лиловые штаны. Стоящій рядомъ съ нимъ воинъ одѣтъ въ красную тунику и свѣтло-лиловый плащъ, на лѣвой рукѣ у него бѣлый щитъ съ желтымъ краемъ. На фонѣ, за лѣвой группой видны горы; за правой — зданіе съ красной завѣсой передъ входомъ. Выше, по обѣимъ сторонамъ были изображены два пророка съ развернутыми свитками. Сохранилась только фигура лѣваго пророка, молодого, на свиткѣ котораго читается надпись:

ЗРИТЕ|ЖИКОТЬ|ИШЬКИ|СИЦЬК|РЕМОС|ЧИМЛ⁴|Ш ~.

На переднемъ планѣ, съ лѣваго края представленъ раскрытый гробъ, въ видѣ большого саркофага безъ крышки, и въ немъ толпа воскресшихъ мертвецовъ въ цвѣтныхъ саванахъ. Такой же гробъ съ воскресающими изображенъ и съ другой стороны.

Снятіе со креста не сохранилось, но можно предположить, что оно находилось на южномъ склонѣ восточнаго свода (рис. 14, сх. I, 6), гдѣ видна лишь полоса зеленой почвы и часть горки посерединѣ. Какъ разъ напротивъ, на сѣверномъ склонѣ того же свода (рис. 13, сх. II, 118) было изображено *Положеніе во гробъ*. Сохранилась только нижняя часть композиціи. Іосифъ Аримафейскій и Никодимъ несутъ вправо завернутое въ саванъ тѣло Христа, головой впередъ. За ними идутъ Богородица, Іоаннъ и жены. У праваго края виденъ входъ въ гробницу, изъ котораго высовывается часть саркофага.

Воскресеніе Христово представлено въ сопочанской росписи въ обоихъ, принятыхъ въ православной живописи переводахъ, и въ видѣ *Явленія ангела женамъ мироносицамъ* и въ видѣ *Сошествія во адъ*. Последняя композиція занимаетъ все среднее пространство сѣверной стѣны въ западной части храма (сх. II, 70). Въ центрѣ ея изображенъ Христосъ въ одеждахъ желтаго (золотого) цвѣта на фонѣ голубого миндалевиднаго ореола (рис. 10). Онъ сильно наклоняется вправо и за руку выводитъ изъ гроба Адама. Стоитъ на скорченной фигурѣ старца, который представляетъ собой олицетвореніе ада. Ниже видны

¹ N. Okunev. Monumenta artis serbicae. I. Pragae, 1928. Таб. 3.

² Ibidem, Таб. 4.

поверженные и разрушенные врата ада и четыре ангела, заковывающіе двухъ діаволовъ. Справа, за подымающимся съ земли Адамомъ, стоитъ Ева, протягивающая ко Христу руки, и группа ветхозавѣтныхъ праведниковъ (рис. 11). Среди нихъ Авель — молодой, въ тулупѣ мѣхомъ вверхъ и съ пастушескимъ посохомъ. На переднемъ планѣ открытый гробъ съ воскресающими мертвецами. Слѣва отъ Христа, въ большомъ раскрытомъ гробѣ стоитъ другая группа ветхозавѣтныхъ праведниковъ, возглавляемая царями — Давидомъ и Соломономъ (рис. 12). Передъ ними, внѣ гроба, стоитъ Іоаннъ Предтеча, указывающій имъ на Христа. Въ лѣвой рукѣ у него развернутый свитокъ съ надписью:

сестѣѣ|гожеѣ|зѣрѣхѣ|ка...|хотѣн|ныего.

Вверху, такъ же, какъ и въ Распятіи, изображены два пророка съ развернутыми свитками, надписи на которыхъ не сохранились.

Жены мироносицы у гроба изображены вверху сѣвернаго простѣнка въ алтарѣ (рис. 13, сх. II, 119), подъ Положеніемъ во гробъ. Композиція очень испорчена, особенно правая сторона. Въ серединѣ на большомъ, но низкомъ, красномъ каменномъ квадратѣ сидитъ ангелъ, оба крыла котораго подняты вверхъ и загибаются влѣво. На немъ свѣтло-розовый хитонъ и свѣтло-зеленый гиматій. Справа была гробница. Внизу, на переднемъ планѣ, спятъ два воина. Слѣва — двѣ мироносицы, которыя въ испугѣ отходятъ.

Остальныя композиціи евангельскаго цикла изображаютъ событія, случившіяся послѣ Воскресенія Христова. Это, прежде всего, *Явленіе Христа двумъ женамъ* (Χαίρετε), помѣщенное вверху южнаго простѣнка въ алтарѣ (рис. 14, сх. I, 7). Христосъ стоитъ посерединѣ и смотритъ направо внизъ. По сторонамъ его, симметрично стоятъ на колѣняхъ двѣ жены въ лиловыхъ мафоріяхъ и смотрятъ на него вверхъ. Ноги его наступаютъ на края одеждъ обѣихъ женщинъ.

Затѣмъ, въ среднемъ поясѣ сѣвернаго простѣнка въ алтарѣ (рис. 13, сх. II, 120) изображено *Явленіе Христа апостоламъ безъ Ѳомы*. Онъ стоитъ въ центрѣ, на фонѣ закрытой двери, и благословляетъ обѣими руками. По сторонамъ его двѣ группы апостоловъ — пять слѣва и шесть справа. Совершенно также скомпановано и *Увѣреніе Ѳомы*, находящееся напротивъ, въ южномъ простѣнкѣ (рис. 14, сх. I, 8). Христосъ лѣвой рукой обнажаетъ свой бокъ и, сгибая правую, указываетъ указательнымъ пальцемъ ея на свою рану. Молодой Ѳома склоняется и касается раны пальцемъ.

Заканчивался, вѣроятно, евангельскій циклъ, какъ обычно, Вознесеніемъ, которое, надо думать, помѣщалось въ центрѣ восточнаго свода. Отъ него, однако, не сохранилось никакихъ слѣдовъ.

Роспись включаетъ кромѣ того еще рядъ композицій, какъ новозавѣтныхъ, такъ и ветхозавѣтныхъ.

Въ восточномъ тимпанѣ, надъ апсидой (рис. 1, сх. I-II, 5), изображено было *Сошествіе св. Духа на апостоловъ*. Композиція очень плохо сохранилась. Апостолы сидятъ на полукруглой скамьѣ. Что было надъ ними, а также, что

находилось внутри полукруга, нѣтъ возможности выяснить. Внизу, въ уголкахъ, были изображены маленькія фигурки, представлявшія „племена и народы“.

Вся громадная площадь западной стѣны, кромѣ нижняго пояса, занята композиціей *Успенія Богородицы* (сх. I-II, 61). На переднемъ планѣ¹ середину занимаетъ, какъ обыкновенно, ложе съ приподнятымъ изголовьемъ, украшенное зелеными и лиловыми драпировками и покрытое сверху краснымъ покровомъ. На немъ лежитъ Богородица, ногами вправо, съ закрытыми глазами. За ложемъ, въ серединѣ, стоитъ Христосъ въ желтыхъ одеждахъ. Онъ склоняетъ голову къ правому плечу и держитъ въ рукахъ у лѣваго плеча спеленутую душу Богородицы. Фигура его окружена бѣлымъ овальнымъ ореоломъ. Кругомъ стоитъ толпа ангеловъ съ горящими свѣчами въ большихъ подсвѣчникахъ. Одинъ изъ нихъ, стоящій справа, протягиваетъ покрытыя краемъ свѣтло-зеленаго гиматія руки, чтобы принять отъ Христа душу усопшей. Рядомъ съ этой средней группой, слѣва, стоятъ два старца епископа — одинъ съ кадиломъ на длинныхъ цѣпяхъ, другой съ книгой. Третій епископъ, также старецъ, стоитъ справа и, склоняясь къ ногамъ Богородицы, кадитъ кадильницей на короткой ручкѣ. По сторонамъ изображены апостолы и народъ. Слева, впереди стоитъ Петръ, скорбно опустившій голову на лѣвую руку.² Справа склоняется къ ногамъ Богородицы Павелъ. За лѣвой группой представлено зданіе съ двойнымъ входомъ и съ двускатной крышей. Къ нему примыкаетъ портикъ, на плоской крышѣ котораго сидятъ плачущія женщины. Одна изъ нихъ, въ голубомъ мафоріи, протягиваетъ впередъ обѣ руки. За правой группой видно другое большое зданіе, украшенное монохромными фигурными изображеніями.³ Въ верхнемъ полукругломъ окнѣ его видна женская головка. Вверху, какъ разъ надъ Христомъ, принявшимъ душу Богородицы, изображено сошествіе Христа съ неба. Онъ сидитъ на радугѣ внутри большого миндалевидной формы ореола, украшеннаго золотыми звѣздами. Ореолъ поддерживаютъ четыре летящихъ ангела. По сторонамъ, въ три ряда и по два въ каждомъ ряду, внутри большихъ бѣлыхъ облаковъ грушевидной формы представлены по поясу апостолы. Каждому сопутствуетъ ангелъ, одной рукой обнимающій апостола за шею, а другой указывающій внизъ.

Изъ ветхозавѣтныхъ сюжетовъ въ средней части храма находимъ только одинъ — *Троицу у Авраама*, которая занимала восточный склонъ свода надъ южнымъ концомъ транспта (рис. 7, сх. I, 33). Вхожденіе Троицы въ составъ сопочанской росписи и ея помѣщеніе именно въ этомъ мѣстѣ, прямо передъ глазами молящихся объясняется тѣмъ, что храмъ былъ посвященъ св. Троицѣ, и что это было изображеніе храмового праздника. Сохранился только лѣвый край стола, покрытаго бѣлой скатертью, и фигура лѣваго ангела. На столѣ стоитъ плоская чаша на высокой ножкѣ и лежитъ треугольной формы кусокъ хлѣба. Ангелъ, въ голубомъ хитонѣ и свѣтло-зеленомъ гиматіи, сидитъ на желтомъ

¹ N. Okunev Monumenta artis serbicae. Табл. 6.

² Ibidem, Табл. 5.

³ Ibidem, Табл. 7.

табуретъ. Отъ средняго ангела сохранилось лишь правое плечо и поднятое кверху большое крыло. Верхъ крыла желто-коричневый, нижнія перья сѣро-голубыя.

Оба склона свода надъ сѣвернымъ концомъ транспта (сх. II, 91) занимала композиція, представлявшая *Сорокъ мучениковъ въ Севастійскомъ озерѣ*. Они были распределены на двѣ группы, по двадцати на каждой сторонѣ свода. И тутъ и тамъ сохранилось только нѣсколько крайнихъ фигуръ. Надъ ихъ головами были изображены круглой формы вѣнцы.

Наконецъ, роспись заключаетъ и композицію, изображающую ктиторовъ. Такъ же, какъ и въ другихъ сербскихъ храмахъ XIII вѣка, она находится въ западной части храма, въ нижнемъ поясѣ южной стѣны. На западной сторонѣ юго-западнаго пилястра (сх. I, 54) изображенъ Христосъ. Онъ сидитъ на престолѣ, поставивъ ноги на красное подножіе, и держитъ раскрытое Евангеліе. Къ нему обращается съ молитвеннымъ жестомъ Богородица, написанная рядомъ на стѣнѣ, слѣва отъ окна (сх. I, 57). Справа отъ окна изображены три фигуры, слѣдующія за ней и ведущія другъ друга за руки. Двѣ первыя (сх. I, 58, 59) — старцы монахи, третья (сх. I, 60) — король въ красной царской далматикѣ съ лоромъ. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ модель храма. За королемъ слѣдуетъ королева, помѣщенная уже на западной стѣнѣ (схема I, 62), и королевичъ (схема I, 63). Послѣдній одѣтъ въ бѣлую тунику, украшенную орнаментомъ въ видѣ опрокинутыхъ зеленыхъ трилистниковъ, и въ красную хламиду.

Эти портреты изображаютъ строителя храма, короля Стефана Уроша I-го, его жену, Елену, и старшаго сына ихъ Стефана Драгутина. Королю предшествуютъ его покойные дѣдъ и отецъ: Стефанъ Неманя, принявшій передъ смертью въ монашествѣ имя Симеона, и Стефанъ Первовѣнчанный, въ монашествѣ Симонъ.

Остальная часть росписи средней части храма заключаетъ единоличныя изображенія.

Куполь и верхнія части барабана разрушены, но по слѣдамъ въ нижнихъ частяхъ послѣдняго можно сказать съ увѣренностью, что въ немъ, въ пространствѣ между окнами, изображены были *пророки*.

Въ парусахъ, какъ обыкновенно, представлены *Евангелисты*: въ юго-восточномъ — Іоаннъ (сх. I, 16), въ юго-западномъ — Маркъ (рис. 4, сх. I, 17), въ сѣверо-западномъ — Лука (сх. II, 84) и въ сѣверо-восточномъ — Матѳей (сх. II, 85). Между ними, во лбахъ арокъ, изображены *праотцы*. Надъ восточной аркой (сх. I, 19), въ синемъ медаліонѣ — старецъ съ длинной, узкой сѣдой бородой; надъ южной (сх. I, 18), въ зеленомъ медаліонѣ — Ной съ изображеніемъ ладьи-ковчега въ рукахъ; надъ западной (сх. I, 20), въ синемъ медаліонѣ — неизвѣстный старецъ; надъ сѣверной (сх. II, 86), опять въ зеленомъ медаліонѣ — праотецъ Сиѳъ, старецъ. По сторонамъ его головы сохранилась надпись:

г р о п а | т о р ѣ || с н | т ѣ .

Въ верхнемъ поясѣ сѣверной стороны юго-восточнаго пилиастра (рис. 14, схема I, 12) написанъ царь *Давидъ*. Въ рукахъ у него развернутый свитокъ съ надписью:

слышиидѣ | щиники | ждѣип | риклоѣ | оуѣхѣтѣ | онѣ.

Противъ него, на сѣверо-восточномъ пилистрѣ изображенъ царь *Соломонъ* (рис. 13, сх. II, 112). Текстъ на его свиткѣ гласитъ:

прѣмоу | дростѣ | створи | себѣх | рамаи | оуѣр | днс | тол | пѣ | ѣ.

Изображенія остальныхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ размѣщены на тѣхъ же пилистрахъ ниже и внутри подпружныхъ арокъ.

Кромѣ изображенія *Христа* на сѣверо-западномъ пилистрѣ, къ которому направляется процессія съ ктитормъ, роспись заключаетъ еще только два его изображенія. Одно, поясное, находится на западной стѣнѣ, въ тимпанчикѣ надъ дверью (сх. I—II, 65). Онъ представленъ благословляющимъ обѣими руками. Другое находится надъ дверью, ведущей изъ храма въ жертвенникъ (сх. II, 99), гдѣ сохранился фрагментъ изображенія *Нерукотвореннаго образа*. Голова Христа была написана на фонѣ золотого нимба, который помѣщенъ въ серединѣ бѣлаго плата. Концы плата съ обѣихъ сторонъ подобраны, перевязаны и спускаются затѣмъ внизъ. Можно прочесть справа, у головы, остатки надписи:

хс
брось.

Несомнѣнно, что въ росписи должно было быть еще изображеніе Христа, болѣе торжественное и занимавшее болѣе видное мѣсто. Мы можемъ предположить, что оно находилось въ нижнемъ поясѣ западной стороны сѣверо-восточнаго или юго-восточнаго пилиастровъ, гдѣ въ настоящее время не сохранилось ничего, но гдѣ существуютъ ясныя слѣды того, что здѣсь первоначально находились большія иконы, не написанныя на стѣнѣ, но къ стѣнѣ прикрѣпленныя. Судя по этимъ слѣдамъ, иконы были вставлены въ особыя рельефныя рамы, завершавшіяся украшенной рельефомъ аркой, подобно тому, какъ это было въ церкви св. Пантелеймона въ Нерезѣ¹ и въ другихъ древнихъ византийскихъ храмахъ. По аналогіи съ Кахріэ-Джами, иконы эти, вѣроятно всего, представляли Христа и Богородицу². Не были ли онѣ мозаическими и не здѣсь ли видѣлъ въ Сопочанахъ остатки мозаикъ Гильфердингъ?³

На южной стѣнѣ, въ нижнемъ поясѣ (рис. 16, сх. I, 31) представленъ *Іоаннъ*

¹ Н. Окуневъ. Алтарная преграда XII вѣка въ Нерезѣ. »Seminarium Kondakovianum«. Сборникъ статей по археологіи и византиновѣдѣнію. III. Прага, 1929. 8, Таб. III и IV (печатается).

² „Кахріэ-Джами“, издание Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Мюнхенъ, 1906. Табл. LXXVII и LXXXVIII, 2.

³ А. Гильфердингъ. Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. СП Бургъ, 1859, 148. Принимая во вниманіе многочисленныя ошибки Г., можно думать, что и здѣсь онъ принялъ за мозаику подражающую мозаикѣ раздѣлку фона клѣточками.

Предтеча, худой, желтый, съ растрепанными волосами на головѣ и съ тѣломъ, обросшимъ волосами. На немъ голубого цвѣта милоть, мѣхомъ вверхъ, подпоясанная желтымъ поясомъ. Въ правой рукѣ онъ держитъ свитокъ, на которомъ написано:

сѣагнь | цѣбѣи | възмъ | лениг | рѣхы | всего | мира.

Напротивъ, въ соотвѣтствующемъ простѣнкѣ сѣверной стѣны (сх. II, 90), находимъ изображеніе *первомученика Стефана*. На немъ голубой хитонъ и лиловый гиматій съ голубыми отсвѣтами. Лѣвой рукой онъ придерживаетъ въ полѣ гиматія кучку мелкихъ камней.

Аналогично другимъ росписямъ XIII. вѣка изображенія *Двѣнадцати апостоловъ* находятся на стѣнахъ обоихъ концовъ трансепта. Въ южномъ, на восточной стѣнѣ, крайнимъ слѣва представленъ ап. Павелъ (сх. I, 35), одѣтый въ голубой хитонъ и въ лиловый гиматій съ голубыми отсвѣтами въ тѣняхъ. Лѣвой рукой онъ придерживаетъ десять свернутыхъ свитковъ съ посланіями, перевязанныхъ краснымъ шнуркомъ. Ему соотвѣтствуетъ на восточной стѣнѣ сѣвернаго конца трансепта (сх. II, 101) изображеніе ап. Петра.

Изображенія *мучениковъ* занимаютъ остальные части стѣнъ въ концахъ трансептовъ, а также всѣ три стороны западной пары пилястръ. Надписи съ именами, къ сожалѣнію, нигдѣ не сохранились. У одного изъ мучениковъ (рис. 17, сх. I, 50), на большомъ тавліонѣ, нашитомъ на груди, помѣщено поясное изображеніе Христа.

Въ нижнемъ поясѣ западной части храма сосредоточены изображенія *святыхъ воиновъ*. Всѣ они, такъ же, какъ и остальные мученики, одѣты въ патриціанскія одежды — тунику и хламиду — и отличаются лишь тѣмъ, что держатъ въ рукахъ оружіе — копья, мечи и щиты.¹ У одного изъ нихъ (сх. II, 67), на щитѣ изображенъ левъ.

Въ средней части храма мы находимъ только два изображенія *святыхъ монаховъ*. Это два столпника, помѣщенные одинъ противъ другого (сх. I, 32 и II, 89).

*

Роспись внутренняго притвора Сопочанскаго храма, исполненная въ томъ же стилѣ и, весьма вѣроятно, тѣми же мастерами, что и роспись внутри самаго храма, заключаетъ рядъ интереснѣйшихъ композицій, очень сильно, однако, пострадавшихъ отъ долгаго отсутствія надъ притворомъ свода.

Верхняя часть восточной стѣны занята изображеніемъ *семи вселенскихъ соборовъ* въ обычной компановкѣ. На южной стѣнѣ находится громадное изображеніе родословной Богородицы — *Древа Іесеева*, впервые здѣсь появляющееся въ сербской живописи. Такъ же, какъ и въ болѣе позднихъ росписяхъ, въ Арильѣ и въ Дечанахъ, оно заключаетъ, кромѣ единоличныхъ фигуръ пророковъ и царей изъ дома Давидова, и рядъ композицій. Не смотря на плохую

¹ См. N. Okunev. Monumenta artis serbicae, I, табл. А, въ краскахъ.

сохранность, можно различить въ развѣтвленіяхъ «древа» — ангела, останавливающего ослицу, на которой ѣдетъ Валаамъ, явленіе ангела Гедону, Исайю съ изображеніемъ Христа и т. д. Внизу лежитъ Іесей, изъ котораго «древо» вырастаетъ.

Верхъ западной стѣны также очень сильно испорченъ. Слѣва отъ окна здѣсь было представлено *Жертвоприношеніе Авраамомъ Исаака*. Вся средняя часть стѣны занята *Исторіей прекраснаго Іосифа*, размѣщенной въ четырехъ поясахъ.¹ Въ тимпанчикѣ надъ входомъ изображены *три отрока въ пещи огненной*.

Четыре верхнихъ пояса сѣверной стѣны заняты громадной композиціей *Страшнаго суда*, также очень сильно испорченной.

Въ нижнемъ поясѣ восточной стѣны, слѣва отъ двери въ храмъ, изображенъ *Христосъ*, сидящій на престолѣ, а справа отъ этой двери, также на престолѣ, *Богородица съ Младенцемъ*. Рядомъ съ нею, справа, мы видимъ вновь группу ктиторовъ: короля съ мальчикомъ сыномъ, а за ними, уже на южной стѣнѣ, королеву съ другимъ сыномъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это тотъ же король Стефанъ Урошъ, его жена Елена и ихъ два сына, Драгутинъ и Милутинъ.

Особенный интересъ представляетъ композиція, помѣщенная въ нижнемъ поясѣ сѣверной стѣны, въ лѣвомъ углу. Здѣсь изображена кончина царицы. Она лежитъ на ложѣ со скрещенными руками. На головѣ у нея бѣлая повязка, поверхъ которой надѣта діадема. За ложемъ стоитъ ангелъ, который принимаетъ душу умершей, представленную, какъ обычно, въ видѣ спеленутаго младенца. Слѣва стоятъ Христосъ и Богородица. Передъ ложемъ склоняется другая царица и цѣлуетъ руку умершей. Тутъ же присутствуетъ царь съ тремя дѣтьми. Въ ногахъ усопшей стоитъ епископъ съ кадиломъ, и далѣе плачущій народъ.

Композиція, несомнѣнно, иллюстрируетъ историческое событіе, и, вѣроятно же всего, изображаетъ кончину матери короля Стефана Уроша I-го, Анны, венеціанки по происхожденію, которая пережила, очевидно, на много своего супруга, Стефана Первовѣнчаннаго. Если принять во вниманіе возрастъ изображенныхъ здѣсь дѣтей Уроша, старшему изъ которыхъ, Драгутину, на видъ можно дать лѣтъ 15, а также то обстоятельство, что Урошъ женился на Еленѣ около 1250-го года,² то это событіе должно было случиться около 1265-го года, то есть 37 лѣтъ спустя послѣ смерти Первовѣнчаннаго. Тогда же, въ шестидесятыхъ годахъ, была исполнена, слѣдовательно, и роспись Сопочанскаго храма.

Въ тимпанчикѣ двери, ведущей въ храмъ, изображенъ *Христосъ*, благославляющій обѣими руками, такъ же, какъ и со стороны храма. Въ тимпанѣ двери въ сѣверной стѣнѣ — *св. Діаконъ*.

¹ В. Петковић. Прича о «прекрасномъ Іосифу» у Солопанима. «Гласникъ Скопскогъ Научногъ Друштва», I, Скопле, 1925. 35—42, рис. 1—8.

² К. Иречекъ. Историја Срба. I. Београд, 1922. 233.

Въ нижнемъ поясѣ западной стѣны, справа отъ двери, представлены *святые Константинъ и Елена* съ крестомъ, причемъ, вопреки обычаю, Елена стоитъ слѣва, а Константинъ справа.

Остальные фигуры, помѣщенные въ нижнемъ поясѣ росписи притвора, изображаютъ святыхъ *монаховъ*. У тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на южной и западной стѣнѣ, т. е. вблизи композиціи, изображающей Древо Іесеево, надписи на свиткахъ заключаютъ тексты, относящіеся къ этой композиціи и къ Богородицѣ. Хотя у большинства надписи эти очень испорчены и не всѣ могутъ быть цѣликомъ прочитаны, все же во всѣхъ можно разобрать слово «корень», т. е. корень Іесеевъ. Такъ, у двухъ святыхъ сирійцевъ, представленныхъ въ бѣлыхъ повязкахъ на головахъ и являющихся, по всему вѣроятію, Ефремомъ Сиринымъ и Іоанномъ Дамаскинымъ, на свиткахъ написано: у первого —

+ же | зѣѡкорє | неіесєѡѡ | ицкѣтъць | ѡнегохъ · | дѣѡпрозе | бѣѡиєсть ,

у второго —

+ корєнєк | ѡзрѡѡк | шниєє | єѡдѣѡ · ѡ | єѡѡкыр | ѡѡдєч | кѡѡскы | неѡѡѡѡс ·

*

Къ внутреннему притвору Сопочанскаго храма съ двухъ сторонъ примыкають два небольшіе придѣла, которые, судя по кладкѣ и по инымъ архитектурнымъ признакамъ, вѣроятнѣе всего были выстроены одновременно со всемъ зданіемъ. Они также заключаютъ въ себѣ остатки живописи, но исполненной на синихъ фонахъ. Эта живопись нѣсколько грубѣе по краскамъ и по рисунку, чѣмъ живопись центральной части храма, и, повидимому, относится къ болѣе позднему времени. Однако, по сравненіи ея съ живописью другихъ сербскихъ церквей, можно убѣдиться въ томъ, что она болѣе всего похожа на живопись храма въ Арильѣ. Тамъ мы находимъ и подобныя же интенсивныя и грубоватыя краски, и подобный же рисунокъ, и похожія по складу, тяжеловатыя фигуры, и даже совершенно одинаковый орнаментъ. Живопись въ Арильѣ также исполнена на синемъ фонѣ.

Извѣстно, что древняя церковь св. Ахилія въ Арильѣ была капитальнымъ образомъ обновлена королемъ Стефаномъ Драгутиномъ, сыномъ Уроша І-го, самостоятельно занимавшимъ престолъ съ 1276 г., года смерти отца, до 1281-го года, когда онъ передалъ верховную власть въ государствѣ своему младшему брату, Милутину. Годы этого обновленія, а также исполненія росписи неизвѣстны, но роспись храма заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ съ извѣстнымъ приближеніемъ можно ихъ опредѣлить.

Въ притворѣ арильскаго храма, расписанномъ одновременно съ храмомъ, на южной стѣнѣ, передъ изображеніемъ св. Ахилія, которому храмъ посвященъ, представлены ктиторы храма, король Драгутинъ и его жена, Катерина. Однако, впереди Драгутина изображенъ другой король — его младшій братъ, Милутинъ. Роспись, слѣдовательно, исполнена уже послѣ 1282-го года, когда власть

перешла къ Милутину, и онъ, на этомъ основаніи, будучи младшимъ, помѣщенъ впереди старшаго брата, дѣйствительнаго ктитора храма.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, роспись заключаетъ въ себѣ еще и замѣчательную серію портретовъ епископовъ сербскихъ. Въ западной части храма изображены: св. Савва, первый архіепископъ сербскій, Арсеній, второй архіепископъ сербскій (1235—1263), Савва II. (1263—1270), Іоанникій (1270—1278), Евстафій I. (1279—1285) и Евстафій II. (1292—1309). Послѣдній въ ряду архіепископовъ, Евстафій II., и былъ, слѣдовательно, современникомъ обновленія храма, которое, такимъ образомъ отодвигается къ періоду отъ 1292-го до 1309-го года.¹

Эту хронологію возможно еще болѣе уточнить, такъ какъ въ росписи, кромѣ архіепископовъ сербскихъ, изображены также и мѣстные епархіальные архіереи. Арилье расположено на рѣкѣ Моравицѣ и здѣсь была кафедра епархіи, которая называлась моравичской. Рядъ портретовъ епископовъ моравичскихъ начинается на сѣверной стѣнѣ притвора, гдѣ въ лѣвой ея части изображенъ епископъ, у головы котораго читается надпись:

гѣраси	моравич
мѣппъ	ски.

Рядомъ съ нимъ, справа, представлена кончина епископа, который лежитъ на ложѣ. У изголовья его стоитъ епископъ, а два другихъ стоятъ въ ногахъ. Вверху читается обрывокъ надписи:

...агомеркѣриѣппа | (мор) авичьскога.

Наконецъ, въ самой церкви, рядомъ съ архіепископомъ Евстафіемъ II-ымъ изображенъ третій епископъ этого ряда, по сторонамъ головы котораго читается надпись:

ивъ	ипс
се	кѣпъ
ки	мора
	виски:

Этотъ послѣдній, епископъ Евсевій, и былъ, повидимому, современникомъ архіепископа Евстафія II-го, а также и современникомъ обновленія храма.

Изъ того, что здѣсь изображена кончина епископа моравичскаго Меркурія, можно вывести заключеніе, что она случилась незадолго до обновленія храма, или, можетъ быть, уже во время работъ въ немъ, и что онъ былъ предшественникомъ Евсевія; смерть его была еще у всѣхъ передъ глазами, а потому ее и изображали. Евсевій же былъ третій со времени образованія епархіи епископъ моравичскій, который вступилъ въ управленіе ею при архіепископѣ

¹ На то, что Евстафій II. былъ современникомъ, а, можетъ быть, и участникомъ обновленія храма, между прочимъ, указываетъ и то обстоятельство, что въ притворѣ надъ входной дверью помѣщено изображеніе его «ангела», святого Евстафія-воина.

Евстафiи, т. е. въ промежутокъ между 1292-ымъ и 1309-ымъ годами, въ годъ смерти Меркурiя и въ годъ обновленiя храма. Если бы мы знали годы пребыванiя его на моравичской кафедрѣ, мы тѣмъ самымъ съ точностью выяснили бы годъ исполненiя росписи арильскаго храма. Къ сожалѣнiю, до сихъ поръ мы не удалось отыскать какихъ либо иныхъ слѣдовъ дѣятельности епископа Евсевiя.¹ Однако, кажется, мы имѣемъ нѣкоторыя основанiя предполагать, что пребыванiе его въ Арильѣ скорѣе имѣло мѣсто въ концѣ XIII-го, нежели позднѣе, въ первые годы XIV-го вѣка. Дѣло въ томъ, что, кромѣ указанныхъ портретовъ съ надписями, существуетъ еще одно и, кажется, единственное извѣстiе объ епископѣ моравичскомъ, а именно о Кириллѣ, который занималъ кафедру при королѣ Милутинѣ и при все томъ же архиепископѣ Евстафiи II.² Такъ какъ его изображенiя въ церкви нѣтъ, то нужно думать, что его пребыванiе въ Арильѣ относится ко времени послѣ исполненiя росписи, и что онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ Евсевiя или же его непосредственный преемникъ. Въ промежутокъ 1292—1309 мы должны вмѣстить время дѣятельности еще одного моравичскаго епископа, бывшаго послѣ Евсевiя. Время управленiя епархiей послѣднимъ тѣмъ самымъ отодвигается отъ конца этого промежутка къ началу.

Временемъ исполненiя росписи арильскаго храма, слѣдовательно, являются годы рубежа XIII и XIV вѣковъ, когда, по нашему предположенiю, были расписаны и боковые придѣлы сопочанскаго храма. Извѣстное подтвержденiе послѣднему мы видимъ въ нѣкоторыхъ изображенiяхъ южнаго придѣла.

Вверху западной стѣны этого придѣла изображенъ умершiй монахъ, лежащiй на мраморной плитѣ, покрытой плетенымъ платомъ. Въ ногахъ у него стоятъ два монаха, которые ему поклоняются; слѣва видны также остатки склоненныхъ фигуръ. Въ верхней части сѣверной стѣны изображено перенесенiе тѣла умершаго монаха (рис. 18). Онъ лежитъ на носилкахъ, покрытыхъ краснымъ покровомъ, со скрещенными на груди руками въ монашеской мантии съ куколемъ на головѣ. Куколь надо лбомъ украшенъ схимническимъ бѣлымъ крестикомъ. Несутъ носилки люди въ богато украшенныхъ одеждахъ, безъ головныхъ уборовъ. Группа подобныхъ фигуръ окружаетъ носилки и слѣдуетъ за ними. Справа встрѣчаетъ процессiю епископъ въ облаченiи съ кадиломъ. Его сопровождаетъ священникъ въ цвѣтной фелони, украшенной бѣлымъ троеточьемъ и нашитымъ желтымъ крестомъ. На лѣвомъ плечѣ онъ несетъ большую икону Богородицы, изображенной по поясъ съ развернутымъ свит-

¹ Впервые надписи у портретовъ епископовъ въ Арильѣ были прочитаны, хотя и ошибочно, болѣе полувѣка назадъ *Ст. Обрадовичемъ* (Описанiе окружiя ужичкогъ. «Гласникъ Друштва Српске Словесности». X, Београд, 1858, 333). Онъ читалъ вмѣсто Герасима — Аси, а рядомъ съ нимъ видѣлъ св. Меркурiя «фиръ» епископа Равильскаго. Послѣднее слово произошло вслѣдствiе неправильно прочитаннаго слова «(мор)авичскаго» и привело въ недоумѣнiе *Голубинскаго* (Краткiй очеркъ исторiи православныхъ церквей. Москва, 1871, 501), который, какъ видимъ, основательно усомнился въ существованiе епархiи Равильской.

² *Fr. Miklosich. Monumenta Serbica*, 68.

комъ въ рукѣ. За ними слѣдуетъ большая группа монаховъ. На заднемъ планѣ виденъ монастырь, обнесенный зубчатой стѣной, съ купольнымъ храмомъ внутри.

На стѣнѣ южнаго бокового придѣла храма въ Жичѣ изображено подобное же торжественное перенесеніе останковъ — въ данномъ случаѣ мощей св. Стефана, положенныхъ въ раку и покрытыхъ покровомъ, изъ подъ котораго видна голова святого. Композиція перенесенія въ Сопочанахъ составлена приблизительно такъ же, какъ и композиція въ Жичѣ, и подобно тому какъ вообще въ византійскомъ искусствѣ было принято изображать такого рода событія. Изображеніе кончины королевы Анны, о которомъ была рѣчь выше, также скомпоновано по образцу того, какъ обычно изображались успенія святыхъ. Поэтому можно предположить, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ исторической картиной, представляющей событіе, имѣвшее значеніе въ исторіи храма. Извѣстно, что въ сопочанскомъ храмѣ былъ погребенъ его основатель, король Урошъ, и архіепископъ Іоанникій I, умершій въ 1278 г. Можно было бы предположить здѣсь изображеніе кончины и погребенія именно этого архіепископа, но почти всегда, въ случаяхъ изображенія погребенія епископа, онъ изображается въ облаченіи съ омофоромъ.

Послѣдніе годы жизни короля Уроша были омрачены столкновеніемъ со старшимъ сыномъ, Драгутиномъ, которое привело къ тому, что старый король вынужденъ былъ бѣжать въ Захумлѣ, гдѣ принялъ монашество подъ именемъ Симона¹. Тамъ же вскорѣ затѣмъ онъ скончался и, по словамъ Архіепископа Данила, автора жизнеописаній сербскихъ королей, «прѣнесено бысть тѣло іего чьстѣнѣ и положише и въ роукотворенѣмъ іемоу монастыри въ домоу светые троие въ мѣстѣ рекомѣмъ Сопочани, и тоу лежитъ и до сего дьне»². Это то перенесеніе въ Сопочаны намъ и кажется изображеннымъ въ южномъ придѣлѣ храма. Какъ монахъ, принявшій схиму, умершій король представленъ въ монашескомъ одѣянніи и съ бѣлымъ крестикомъ на куколѣ. Въ такомъ же одѣянніи, какъ мы видѣли выше, изображены въ росписи средней части церкви дѣдъ и отецъ короля въ процессіи ктиторовъ, такъ же изображенъ онъ самъ въ подобной же композиціи на южной стѣнѣ храма въ Арильѣ. Одръ его несутъ приближенные къ нему вельможи, а встрѣчаетъ его епископъ раскій съ клиромъ и съ монашествомъ у стѣнъ монастыря. Какъ это очень часто бываетъ, въ изображеніи храма не переданы его дѣйствительныя архитектурныя особенности.

Когда именно имѣло мѣсто это событіе, мы не знаемъ, такъ какъ годъ смерти Уроша I-го въ точности неизвѣстенъ, но во всякомъ случаѣ это должно было быть въ концѣ семидесятыхъ годовъ³. Роспись придѣла, такимъ образомъ, могла быть исполнена въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія XIII вѣка, т. е. незадолго до обновленія арильскаго храма.

¹ К. Иречекъ. Историја Срба. I. Београд, 1922. 239.

² Архiep. Данило. Животи краљева и архіепископа српскихъ. Изд. Ђ. Даничић. Загреб. 1866. 19.

³ К. Иречекъ, I. с., прим. 4.

Занимающее насъ изображеніе перенесенія тѣла Уроша интересно сопоставить съ остатками росписи, сохранившимися въ нижнемъ поясѣ западной стѣны храма въ Градацѣ. Храмъ этотъ, какъ извѣстно,¹ былъ отъ основанія обновленъ супругой Уроша, Еленой, бывшей принцессой одного изъ обособившихся на балканскомъ полуостровѣ французскихъ родовъ, вѣроятно всего, Анжуйскаго. Елена также на много пережила своего мужа (умерла 8 февраля 1314 г.), но возобновленіе градацкаго храма, нужно думать, было выполнено еще при жизни Уроша I. Въ указанномъ мѣстѣ, слѣва отъ двери, также было представлено перенесеніе чьего-то праха. Лѣвая сторона композиціи, гдѣ была голова несомого, совершенно испорчена и въ настоящее время видна только правая часть носилокъ, покрытыхъ бѣлымъ покровомъ и перевязанныхъ крестъ на крестъ. Впереди видна группа лицъ, несущихъ одръ. Слѣва, судя по едва замѣтнымъ сейчасъ слѣдамъ, была изображена фигура въ царскомъ одѣяніи, шедшая за носилками. Еще хуже сохранилась часть стѣны справа отъ двери, но здѣсь также можно различить слѣды второй такой же композиціи: видна часть одра, перевязаннаго крестъ на крестъ, а впереди группа лицъ, несущихъ его или его встрѣчающихъ.

При настоящемъ жалкомъ состояніи градацкой росписи и отсутствіи какихъ бы то ни было иныхъ свѣдѣній трудно выяснитъ, перенесеніе чьихъ именно останковъ изображали эти двѣ композиціи, но намъ кажется, что и въ данномъ случаѣ здѣсь были представлены событія, имѣвшія отношеніе къ современности или даже къ исторіи самого храма. Не нужно забывать, что всѣ занимающіе наше вниманіе церкви были королевскими «задужбинами», то есть грандіозными вотивными приношеніями, тѣсно связанными съ судьбой ихъ создателей, а главное предназначенными служить мѣстомъ ихъ послѣдняго упокоенія. Это особое ихъ назначеніе, какъ видимъ, и находило себѣ отраженіе въ покрывавшей стѣны ихъ живописи.

Остальная часть росписи южнаго придѣла сопочанскаго храма сохранила почти только однѣ единоличныя фигуры. Въ алтарной апсидѣ изображена по поясъ Богородица оранта, а ниже — Христосъ-Младенецъ на дискоѣ и два ангела по сторонамъ съ рипидами. По сторонамъ апсидки помѣщены — слѣва св. Николай Чудотворецъ, а справа св. Григорій Чудотворецъ. Надъ апсидкой находится поясное изображеніе Христа, благословляющаго обѣими руками, и двухъ ангеловъ. На южной стѣнѣ представлены также святители по два по сторонамъ окна, а подъ окномъ св. Косьма. На западной стѣнѣ — по сторонамъ окна св. Димитрій и св. Георгій, а подъ окномъ св. Даміанъ. На сѣверной стѣнѣ — св. Трифонъ, св. Василій, а надъ дверью св. Меркурій.

Роспись сѣвернаго придѣла, повидимому, относится къ тому же времени, что и живопись южнаго, но хуже сохранилась и менѣе интересна. Въ апсидкѣ здѣсь изображена Богородица съ воздѣтыми руками, а по сторонамъ два святыхъ діакона, изъ которыхъ правый св. Стефанъ. Надъ южной стѣной, на

¹ В. Марковичъ. Православно монашество и монастыри у средневековној Србији. Сремски Карловци. 1920. 82—83.

склонѣ свода различаются фрагменты двухъ композицій, представлявшихъ, повидимому, мученичества св. Стефана и св. Лаврентія. Ниже изображены Ангелъ Хранитель «скетитроницы (?)» и св. Пантелеимонъ, надъ дверью - св. Ермолай. На западной стѣнѣ, надъ дверью, помѣщено изображеніе св. Убруса, а по сторонамъ двери два святыхъ монаха.

*

Еще позже были расписаны стѣны наружного притвора сопочанскаго храма. Время исполненія этой живописи опредѣляется портретами королей, которые она въ себѣ заключаетъ. Такъ какъ здѣсь изображенъ Стефанъ Душанъ съ женой Еленой и съ сыномъ Урошемъ, родившемся въ 1337 году,¹ то можно думать, что это было въ срединѣ сороковыхъ годовъ XIV вѣка. Урошъ на портретѣ имѣетъ видъ десяти или двѣнадцатилѣтняго. Въ надписи онъ названъ королемъ, а этотъ титулъ онъ получилъ въ 1346 году, когда его отецъ, Душанъ, провозгласилъ себя царемъ. Надпись у изображенія Душана, однако, называетъ послѣдняго еще королемъ, а не царемъ. Все же вѣроятнѣе предположить, что здѣсь, въ послѣднемъ случаѣ, употребленъ старый титулъ, нежели, что въ первомъ случаѣ былъ предвосхищенъ новый титулъ Уроша. Примѣръ употребленія титула короля при имени Душана послѣ провозглашенія его царемъ извѣстенъ и въ росписи Лесновскаго монастыря, въ надписи у портрета строителя храма деспота Іоанна Оливера.² Такимъ образомъ, роспись наружного притвора надо относить ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ.

Своды притвора уже давно разрушены, а потому живопись его очень плохо сохранилась. Надъ порталомъ входа въ храмъ было громадное иконостасное изображеніе Христа (рис. 19). Отъ него сохранились только пять пальцевъ лѣвой руки, придерживающей раскрытое Евангеліе. Ниже, въ тимпанчикѣ портала, изображено *Сошествіе св. Духа* на апостоловъ. По сторонамъ портала, на пилястрахъ, справа изображенъ Христосъ, а слѣва Богородица въ молитвенномъ обращеніи ко Христу. На склонѣ арки, опирающейся на правый пилястръ, былъ представленъ Даниилъ между двумя львами, а ниже молодой мученикъ въ медальонѣ.

Въ боковыхъ частяхъ восточной стѣны, въ верхнемъ поясѣ, помѣщены евангельскія событія, расположенныя въ порядкѣ недѣльныхъ чтеній. Въ сѣверномъ простѣнкѣ изображено *Исцѣленіе разслабленнаго и Исцѣленіе слѣпорожденнаго* (рис. 21). Въ первой композиціи разслабленный стоитъ, поднимая свой одръ, передъ крестообразной купелью; слѣва стоитъ Христосъ съ протянутой правой рукой и за нимъ группа его учениковъ. Вторая композиція составлена аналогично: слѣва Христосъ, ученики и слѣпецъ, справа слѣпецъ моетъ глаза, склонившись надъ крестообразнымъ колодцемъ. Въ южномъ простѣнкѣ (рис. 20) помѣщена *Бесѣда Христа съ самарянкой*. Христосъ сидитъ слѣва на престолѣ,

¹ К. Турчакъ, о. с., 278.

² N. Okunev. Lesnovo. »Orient et Byzance«, IV: L'art byzantin chez les Slaves. Paris, 1929, 235 (въ печати).

поставивъ ноги на подножѣ; слѣва стоятъ ученики, справа самарянка у крестообразнаго колодца; за нею видны стѣны города. Вверху читается надпись:

«Хѣ глаголетъ къ женѣ самарянинѣ».

Въ нижнемъ поясѣ сѣвернаго простѣнка, слѣва, сохранился фрагментъ женской фигуры въ коронѣ и въ царскомъ одѣяніи (рис. 21). У ея головы читается надпись:

«сѣла іелѣна монахиня».

Рядомъ съ ней справа изображенъ старецъ монахъ въ куколѣ, у головы котораго написано:

«сѣти симонъ монахъ ктиторъ стѣго мѣста сего».

Эти двѣ фигуры, такимъ образомъ, представляютъ строителя сопочанскаго храма Уроша I и его жену Елену. Крайняя фигура справа вновь представляетъ старца-монаха. По сторонамъ ея написано:

«сѣти симеонъ неманиа нови мироточѣць српски».

Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ южнаго простѣнка находится групповой портретъ Душана съ семьей (рис. 20). Слева стоитъ Душанъ въ далматикѣ съ лоромъ и въ высокой круглой коронѣ. Въ правой рукѣ у него скипедрь, заканчивающийся крестомъ, въ лѣвой „акакія“. Надпись гласитъ:

«Белики краљъ Стефанъ въ хѣта бѣа крени самодръжць
всѣхъ српскихъ змль и поморскихъ».

Справа стоитъ его жена, Елена, въ царскомъ одѣяніи и съ високой, расширяющейся кверху короной на головѣ. Въ правой рукѣ у нея длинный жезлъ. Въ надписи читаемъ:

«іелена бѣочтима кралице српскихъ и поморскихъ».

Между ними изображенъ маленькій Урошъ, также въ далматикѣ съ лоромъ и со скипедромъ. Надъ головой его написано:

«Урошъ краљъ синъ прѣвисокога краля Стефана».

Въ верхней части композиція, въ сегментѣ неба, изъ котораго исходятъ лучи, представленъ Христосъ-Эммануилъ, благословляющій обѣими руками.

На южной стѣнѣ сѣверной части притвора сохранился фрагментъ композиціи, изображавшей иллюстрацію пѣсногнѣнія «Что ти принесемъ». Ниже, изображенъ Христосъ, сидящій на престолѣ и передъ нимъ фигура святого съ книгой.

Въ южной части притвора, на сѣверной стѣнѣ помѣщено вновь большое погрудное изображение Стефана Немани съ надписью:

«сѣти симеонъ мироточѣць српски».

Рядомъ находится меньшихъ размѣровъ фигура мученика въ ростъ. Ниже, рядъ святыхъ мученицъ, изъ которыхъ средняя: «сѣа текла».

Чрезвычайно интересный остатокъ живописи сохранился на западной стѣнѣ въ тимпанѣ надъ проходомъ подъ башней (рис. 22). Видя здѣсь изображеніе какихъ то построекъ, Гильфердингъ нѣкогда пришелъ къ заключенію, что композиція представляетъ постройку сопочанскаго храма.¹ Это заключеніе опровергается удачная догадка Петковича, что композиція иллюстрируетъ притчу Христову о любостяжательномъ богачѣ, предпринявшемъ постройку новыхъ житницъ для того, чтобы послѣ сбора обильнаго урожая, предаться безпечной жизни, и непредвидѣвшемъ возможности внезапной и близкой смерти (Лука XII, 16—20).² Въ средней части композиціи изображенъ рядъ сооружений, имѣющихъ видъ четырехугольной формы колодцевъ — это закрома-житницы, часть которыхъ еще строится, а часть уже наполняется зерномъ, которое сносятъ рабочіе. Въ лѣвой части, въ поляхъ производится сборъ урожая. Справа, на переднемъ планѣ стоитъ самъ хозяинъ и смотритъ на работы. На заднемъ планѣ видны два зданія базиличной формы. Надъ сборомъ урожая, на фонѣ зеленой горы красными буквами написано слово «каѣта». Въ этомъ словѣ Петковичъ видитъ транскрипцію италіанскаго (?) слова «vastita» (обиліе). Принимая во вниманіе титло, которое стоитъ надъ этимъ словомъ, мы считаемъ что оно представляетъ собой сокращеніе греческаго слова «βάσταγμα», что значить ноша, носка, т. е. уборка урожая. Другое слово написано на переднемъ краѣ одного изъ закромовъ, какъ разъ противъ лица стоящаго хозяина-богача. Петковичъ это слово прочиталъ „агонисанте“, считаетъ его также италіанскимъ (умирающій) и относящимся къ сценѣ, изображавшей смерть богача. Эта сцена будто бы также входила въ составъ композиціи, но несохранилась. Мы не знаемъ, гдѣ она могла находиться, такъ какъ если она входила въ рамки композиціи, то, хотя края послѣдней и разрушены, тамъ не могло быть мѣста для такого рода сцены. Если же она находилась въ верхней части тимпана, гдѣ сейчасъ ничего не сохранилось, то значить она была отдѣлена отъ остальной части композиціи красной полосой обрамленія, часть котораго мы видимъ надъ верхнимъ зданіемъ, и тѣмъ самымъ отдѣлена отъ надписи, которая къ ней въ такомъ случаѣ не могла относиться. Хотя надпись сохранилась довольно плохо, все же вторую букву ея мы смогли прочесть не какъ «г», а какъ «п», а все слово намъ кажется производнымъ отъ греческаго слова «ἄπλως», незнающій труда, безпечный, и относящимся къ фигурѣ собирающагося вести беззаботный образъ жизни, безпечнаго богача. Кромѣ этихъ двухъ словъ, вверху между фронтонами зданій можно разобрать еще отрывокъ надписи:

припλο (?)...|...моен дше|...мѣ.

¹ А. Гильфердингъ, о. с., 103.

² В. Петковичъ, о. с., 35.

Эти слова явно относятся къ тексту стиха 19-го указанного мѣста изъ Евангелія отъ Луки.

*

Время исполненія всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами частей росписи сопочанскаго храма, какъ мы видѣли, съ большей или меньшей точностью можетъ быть опредѣлено. Хуже обстоитъ дѣло съ тою живописью, которую мы въ настоящее время находимъ на стѣнахъ жертвенника, діаконика и двухъ болѣе поздняго происхожденія придѣловъ, встроенныхъ между выступающими концами трансепта и тѣми двумя придѣлами, о которыхъ была уже рѣчь выше.

Въ жертвенникѣ роспись исполнена также на желтомъ фонѣ, какъ и въ древнѣйшей части храма, и такъ же съ подражаніемъ выкладкѣ изъ мозаическихъ кубиковъ, но исполненіе здѣсь значительно болѣе грубое, чѣмъ въ самомъ храмѣ, и кажется значительно болѣе позднимъ. Въ живописи XIII вѣка желтый фонъ наложенъ на болѣе темную подмалевку, а затѣмъ сверху раздѣланъ въ клѣтку болѣе свѣтлыми желтыми линиями. Здѣсь же самый цвѣтъ фона имѣетъ другой тонъ, болѣе густой и ровный, а мозаическая сѣтка выполнена очень грубо темно-красными линиями. Нимбы святыхъ въ росписи центральной части церкви обрамлены повсюду одной только темной полоской, которая въ большинствѣ случаевъ стерлась и, благодаря этому, нимбы часто сливаются съ фономъ. Въ жертвенникѣ нимбы имѣютъ обычное двойное обрамленіе, состоящее изъ красной и бѣлой полосокъ.

О позднемъ происхожденіи живописи жертвенника свидѣлствуютъ и нѣкоторые изображенія, которыя она заключаетъ. Такъ, напримѣръ, на южной стѣнѣ, слѣва отъ двери, ведущей въ алтарь, представленъ діаконовъ — *св. Флоръ*, подносящій для благословенія кадило епископу, — *св. Сильвестру*, который изображенъ надъ арочкой двери. Такой композиціи въ древней живописи мы не встрѣчаемъ. Затѣмъ, на той же стѣнкѣ, справа отъ двери, находится поясное изображеніе *св. Николая*, громадныхъ размѣровъ, почти во всю стѣну. Такія громадныя изображенія этого святого, явившіяся въ результатъ копирования въ стѣнописи иконъ, впервые наблюдаются въ живописи второй половины XIV столѣтія, какъ тому даютъ примѣры росписи церкви въ Псачѣ и въ Матейчѣ. На этихъ основаніяхъ мы считаемъ, что роспись жертвенника сопочанскаго храма вѣроятнѣе всего исполнена не раньше XVI вѣка, какими то мѣстными ремесленными мастерами.

Въ конхѣ апсидки представлена *Богородица* по поясъ въ позѣ оранты и съ Младенцемъ на груди въ голубомъ ореолѣ. Ниже, подъ окномъ на красномъ престолѣ изображенъ *Христосъ-Младенецъ* на дискосѣ, имѣющемъ форму ладьеобразной чаши. Младенецъ покрытъ покровомъ. По сторонамъ его два ангела-діакона съ рипидами.

Роспись верхнихъ частей стѣнъ и свода была посвящена *Богородичному циклу*. На южномъ склонѣ свода сохранилось Рождество Богородицы и, по-видимому, Ласканіе Богородицы — Іоакимъ подаетъ маленькую Богородицу Аннѣ. Въ тимпанѣ западной стѣны фрагментъ композиціи изъ дѣтства Бого-

родицы: маленькая Марія идетъ вправо, передъ нею ступени, слѣва взрослая женская фигура. Въ тимпанѣ восточной стѣны — Благовѣщеніе: Богородица стоитъ справа, ангелъ подходитъ слѣва. Читаются надписи:

мѣ | бжиа и блговѣ | щеніе.

Въ нижнемъ поясѣ на западной стѣнѣ изображены — слѣва отъ двери *св. Стефанъ Новый* съ иконой-диптихомъ въ рукѣ, на которой написаны Христосъ и Богородица, справа — *Св. Іоаннъ Богословъ*. Въ тимпанчикѣ, надъ дверью въ церковь, остатки изображенія *Христа мертвого во гробѣ*. Онъ стоитъ одинъ съ головой, склоненной къ правому плечу. За нимъ крестъ, а на фонѣ надпись: *ѣрѣслав..*

На сѣверной стѣнѣ сохранилось лишь одно изображеніе св. епископа въ углу у восточной стѣны. Подъ окномъ было изображеніе Богородицы съ Младенцемъ на рукахъ; сохранилась только часть фигуры послѣдняго.

Живопись діаконника также отличается отъ живописи центральной части храма, но въ то же время она отличается и отъ живописи жертвенника. Здѣсь также желтый фонъ, но свѣтлый и гладкій, безъ раздѣлки подъ мозаику. Письмо очень сухое и мелочное, похожее на позднія манеры XVII вѣка, фигуры маленькія.

Изображеній сохранилось очень немного. На восточной стѣнѣ, въ тимпанѣ, представленъ *Христосъ* на престолѣ, а по сторонамъ — слѣва *Богородица*, а справа *св. Николай Чудотворецъ*. Ниже, надъ окномъ написанъ *св. Убрусь* — голова Христа на бѣломъ платѣ, украшенномъ черными крестиками. Слева отъ него представленъ *Іоаннъ Предтеча*, справа — *Іоаннъ Богословъ*. На сводахъ и на стѣнахъ помѣщенъ былъ циклъ композицій изъ *Житія св. Николая*. На сѣверномъ склонѣ свода находится остатокъ изображенія его рожденія различается сцена купанія младенца, въ тимпанѣ западной стѣны виденъ фрагментъ посвященія его въ епископы.

Еще болѣе грубымъ исполненіемъ и еще болѣе поздними чертами, нежели роспись жертвенника, отличается живопись, сохранившаяся въ позднихъ боковыхъ придѣлахъ.

Въ южномъ верхнія части стѣнъ заняты также *житіемъ св. Николая*. На южной стѣнѣ помѣщены композиціи: св. Николай останавливаетъ казнь троихъ осужденныхъ и св. Николай изгоняетъ бѣсовъ; на сѣверной: посвященіе его во пресвитеры и посвященіе его во епископы.

Въ нижнемъ поясѣ изображены: на южной стѣнѣ — св. Василий, св. Аѳанасій и Іоаннъ Крестигель, на западной — св. Георгій, и на сѣверной — Богородица, св. Николай, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ.

Въ сѣверномъ придѣлѣ верхнія части стѣнъ были расписаны *Житіемъ св. Георгія*. Сохранились изображенія только на южной стѣнѣ. Слева отъ окна представлено уськновеніе главы св. Георгія, а справа

«разсѣяніе мощей св. Георгія».

Въ средней части стѣнъ помѣщенъ рядъ медаліоновъ съ поясными изображеніями *пророковъ и мучениковъ*. На южной стѣнѣ изображены — пророки: Соломонъ, Моисей и Ааронъ, мученики: Димитрій, Прокопій и Трифонъ. На сѣверной — пророки: Илья, Захарія и Давидъ.

Въ нижнемъ поясѣ представлены: на южной стѣнѣ — св. Савва, первый архіепископъ сербскій, св. Арсеній, второй архіепископъ сербскій, Иисусъ Христосъ, Іоаннъ Предтеча и св. Николай, на сѣверной — св. Стефанъ, Богородица съ Младенцемъ, Іоаннъ Богословъ и св. Савва пустынноначальникъ; на западной стѣнѣ сохранилось только изображеніе св. Сергія.

Изъ всего изложеннаго видно, что за многовѣковое существованіе сопочанскаго храма живописныя работы въ немъ производились неоднократно, но что наибольшей значительностью отличается и наибольшій интересъ къ себѣ вызываетъ первоначальная прекрасная роспись XIII вѣка.

Распредѣленіе сюжетовъ въ росписи сопочанскаго храма.

Схемы I и II.

1. Богородица между двумя ангелами.
2. Евхаристія (рис. 1).
3. Младенецъ-Христосъ на престолѣ.
4. Процессія святыхъ епископовъ (рис. 2 и 3).
5. Сошествіе святого Духа на апостоловъ (рис. 1).
6. Остатокъ неизвѣстнаго изображенія. Снятіе со креста?
7. Явленіе Христа по Воскресеніи двумъ женамъ (рус. 14).
8. Увѣреніе Ѳомы апостола (рис. 14).
9. Святой епископъ. Надпись: по | ли | кр | пѣ.
10. Святой епископъ. Надпись: мѣ | мѣ.
11. Святой епископъ. Надпись: см | рид | онѣ (рис. 15).
12. Пророкъ Давидъ (рис. 14).
13. Неизвѣстный ветхозавѣтный праведникъ въ голубомъ хитонѣ и темно-лиловомъ гиматіи (рис. 14).
14. Благовѣщеніе. Богородица.
15. Неизвѣстный ветхозавѣтный праведникъ, старецъ, въ голубомъ хитонѣ съ желтымъ, расшитымъ воротомъ и въ свѣтло-зеленомъ гиматіи.
16. Евангелистъ Іоаннъ (рис. 4).
17. Евангелистъ Маркъ.
18. Праотецъ Ной.
19. Неизвѣстный праотецъ.
20. Неизвѣстный праотецъ.
- 21.—28. Остатки изображеній ветхозавѣтныхъ праведниковъ.
29. Срѣтеніе (рис. 5).
30. Юный Христосъ поучаетъ во храмѣ (рис. 5).
31. Іоаннъ Креститель (рис. 16).

32. Святой столпникъ, старецъ, съ длинной, узкой бородой. Столпъ розовый, мраморный, капитель его желтая, коринфская.
33. Святая Троица въ видѣ трехъ ангеловъ у Авраама (рис. 7).
34. Крещеніе Христово (рис. 8).
35. Апостолъ Павелъ.
36. Неизвѣстный апостолъ. Голова не сохранилась. Голубой хитонъ, свѣтло-зеленый гиматій. Въ рукахъ Евангеліе.
37. Неизвѣстный апостолъ. Голубой хитонъ, темно-желтый гиматій съ голубыми отсвѣтами. Въ рукъ свернутый свитокъ.
38. Неизвѣстный апостолъ со свиткомъ. Голубой хитонъ, лиловый гиматій.
39. Неизвѣстный апостолъ со свиткомъ. Голубой хитонъ, свѣтло-зеленый гиматій.
40. Неизвѣстный апостолъ со свиткомъ. Голубой хитонъ, лиловый гиматій.
41. Неизвѣстный мученикъ въ медаліонѣ. Свѣтло-зеленая туника, лиловая хламида.
42. Неизвѣстный святой. Голубой хитонъ, свѣтло-зеленый гиматій.
43. Святой врачъ. Свѣтло-зеленая туника, фіолетовая хламида.
44. Святой врачъ. Лиловая туника, свѣтло-зеленая хламида.
45. Святой врачъ. Сѣро-голубая туника, лиловая хламида. У всѣхъ троихъ святыхъ врачей на ногахъ красные сапоги (рис. 8).
46. Неизвѣстный мученикъ, молодой съ подстриженными въ скобку волосами. Стального цвѣта туника съ желтымъ оплечьемъ и подоломъ, красная хламида. Въ правой рукъ желтый крестъ, лѣвой придерживаетъ край хламиды.
47. Неизвѣстный мученикъ, молодой съ короткой бородкой и подстриженными въ скобку волосами. Красная туника съ голубыми отсвѣтами, свѣтло-зеленая хламида съ желтымъ тавліономъ. Въ правой рукъ крестъ (рис. 8).
48. Апостолъ-евангелистъ. Іоаннъ? Старецъ съ большимъ лбомъ, переходящимъ въ лысину. Голубой хитонъ, свѣтло-зеленый гиматій. Евангеліе въ желтомъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ (рис. 8).
49. Неизвѣстный мученикъ, молодой. Красная туника съ желтымъ орнаментированнымъ воротомъ и подоломъ, свѣтло-зеленая хламида съ желтымъ тавліономъ. Святой Сергій? (Рис. 5.)
50. Неизвѣстный мученикъ, старецъ съ небольшой бородой въ круглой шапочкѣ. Свѣтло-зеленая туника, лиловая хламида. На желтомъ тавліонѣ монохромное поясное изображеніе Христа (рис. 17).
51. Неизвѣстный святой воинъ, молодой. Голубая туника, красный плащъ. Въ лѣвой рукъ копьѣ, въ правой мечъ.
52. Неизвѣстный мученикъ, молодой. Свѣтло-зеленая туника, красный плащъ.
53. Неизвѣстный мученикъ, средовѣкъ съ расчесанными на проборъ волосами и съ довольно длинной бородой. Лиловая туника съ желтыми орнаментированными воротомъ и подоломъ, свѣтло-зеленая хламида съ желтымъ тавліономъ (рис. 17).

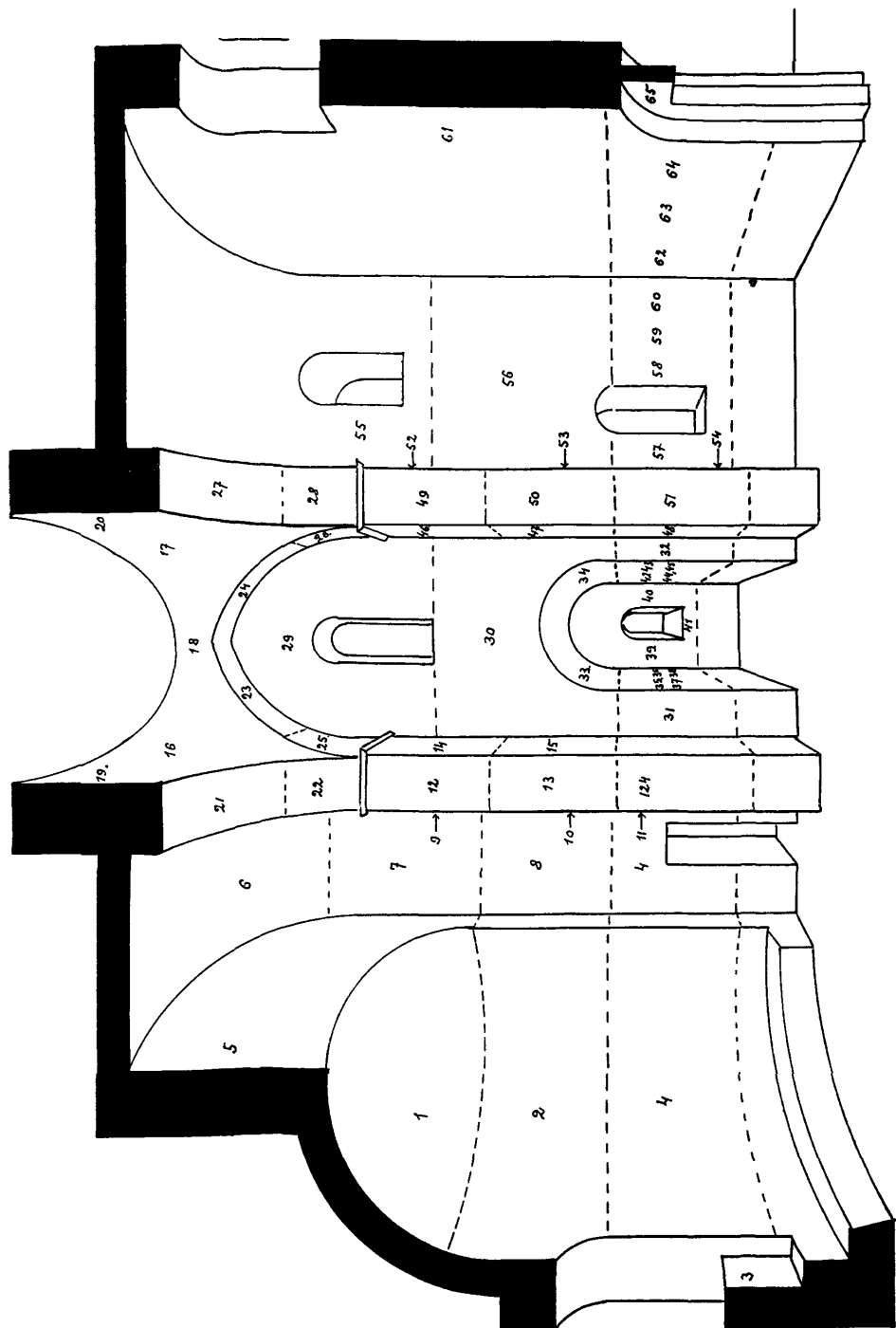
54. Христось, сидящій на престолѣ. Лиловый хитонъ, синій гиматій. Желтый престолъ, красная подушка, красное подножіе.
55. Воскрешеніе Лазаря (рис. 9).
56. Распятіе¹ (рис. 9).
57. Богородица. Синій хитонъ съ желтыми поручами, темно-лиловый мафорій съ желтой бахромой.
58. Симеонъ Неманя въ монашескомъ одѣяніи. Сѣрая волосяная туника, зеленый куколь, коричневый плащъ. На куколь бѣлый крестикъ.
59. Симонъ монахъ (король Стефанъ Первовѣнчанный). Желтая туника, синій куколь, темно-лиловый плащъ. На куколь бѣлый крестикъ.
60. Ктиторъ, король Стефанъ Урошъ I, съ моделью храма.
61. Успеніе Богородицы.²
62. Королева Елена.
63. Королевичъ Драгутинъ. Бѣлая туника, орнаментированная зелеными опрокинутыми трилистниками, красная хламида.
64. Неизвѣстный мученикъ, старецъ. Свѣтло-зеленая туника, голубой плащъ.
65. Христось. Погрудное изображеніе. Лиловый хитонъ, синій гиматій.
66. Неизвѣстный святой воинъ, средовѣкъ съ узкой раздвоенной бородой. Лиловая туника, голубой плащъ. Въ правой рукѣ копье, на лѣвой бѣлый щитъ съ лиловой розеткой внутри и съ желтымъ краемъ.
67. Неизвѣстный святой воинъ, средовѣкъ съ длинной темной бородой. Зеленая туника, лиловый плащъ. Въ правой рукѣ копье, на лѣвой круглый красный щитъ съ изображеніемъ сидящаго льва.
68. Неизвѣстный мученикъ, старецъ съ лысымъ лбомъ и остроконечной бородой. Синяя туника, свѣтло-зеленый плащъ.
69. Входъ въ Іерусалимъ.
70. Сошествіе во адъ (рис. 10, 11 и 12).
71. Неизвѣстный мученикъ, молодой. Зеленая туника, красный плащъ.
72. Неизвѣстный мученикъ, средовѣкъ съ темными волосами съ просѣдью. Красная туника, синій плащъ.
73. Неизвѣстный мученикъ, старецъ съ голубыми волосами и съ зеленой бородой. Голубая туника, лиловый плащъ.³
74. Неизвѣстный святой воинъ, средовѣкъ. Зеленая туника, синій плащъ съ красной перевязью. Въ правой рукѣ копье.
75. Неизвѣстный мученикъ, молодой. Голубой хитонъ, красная хламида.
76. Неизвѣстный мученикъ, молодой. Красная туника, лиловый плащъ.
77. Неизвѣстный святой воинъ, молодой. Голубая туника, лиловый плащъ съ красной перевязью.
78. Неизвѣстный мученикъ, молодой. Красная туника, голубая хламида. Святой Вакхъ? (рис. 6).

¹ N. Okunev, Monumenta artis serbicae. I. Pragae, 1928. Табл. 3 и 4.

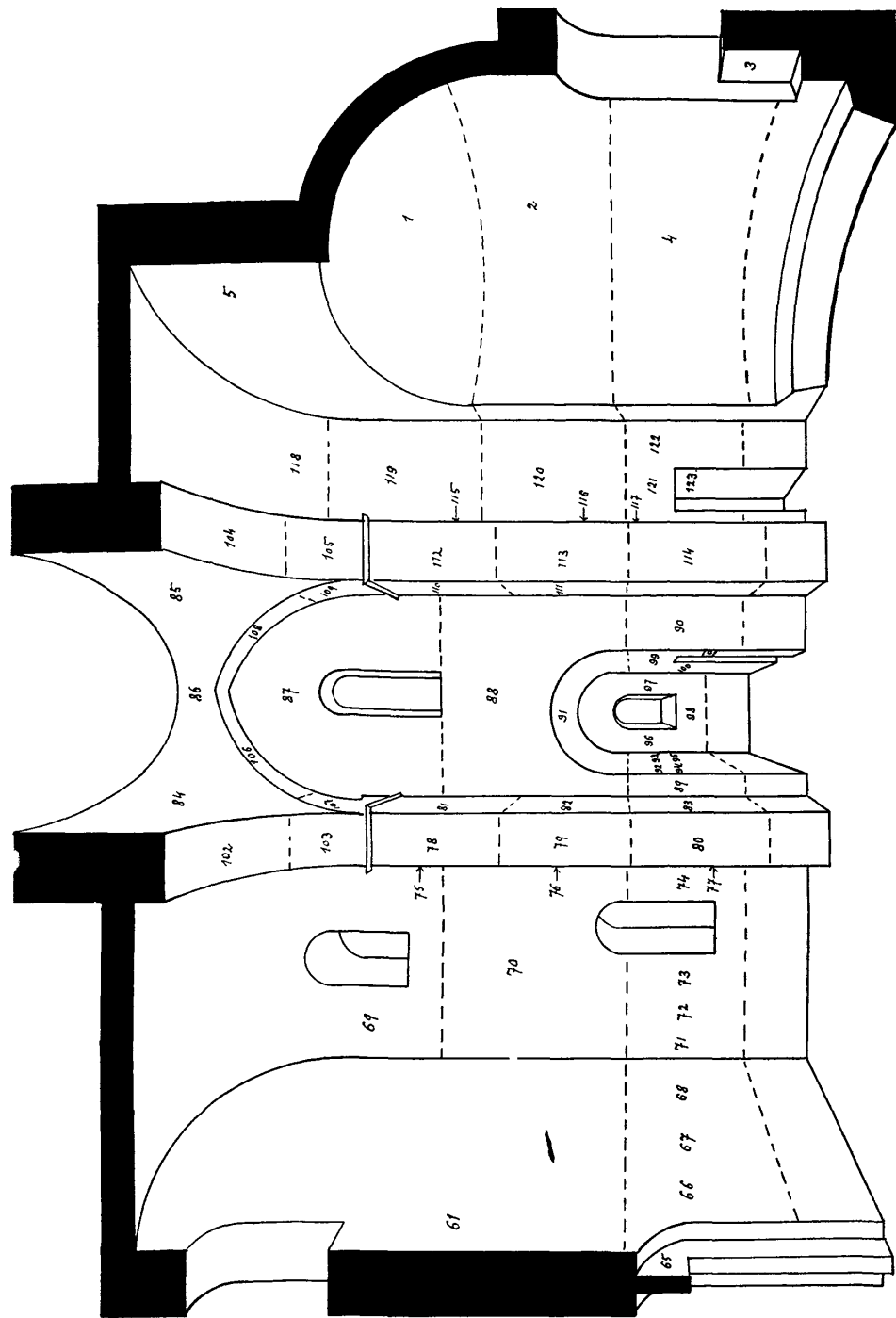
² Ibidem, Табл. 5, 6 и 7.

³ Ibidem. Таблица въ краскахъ.

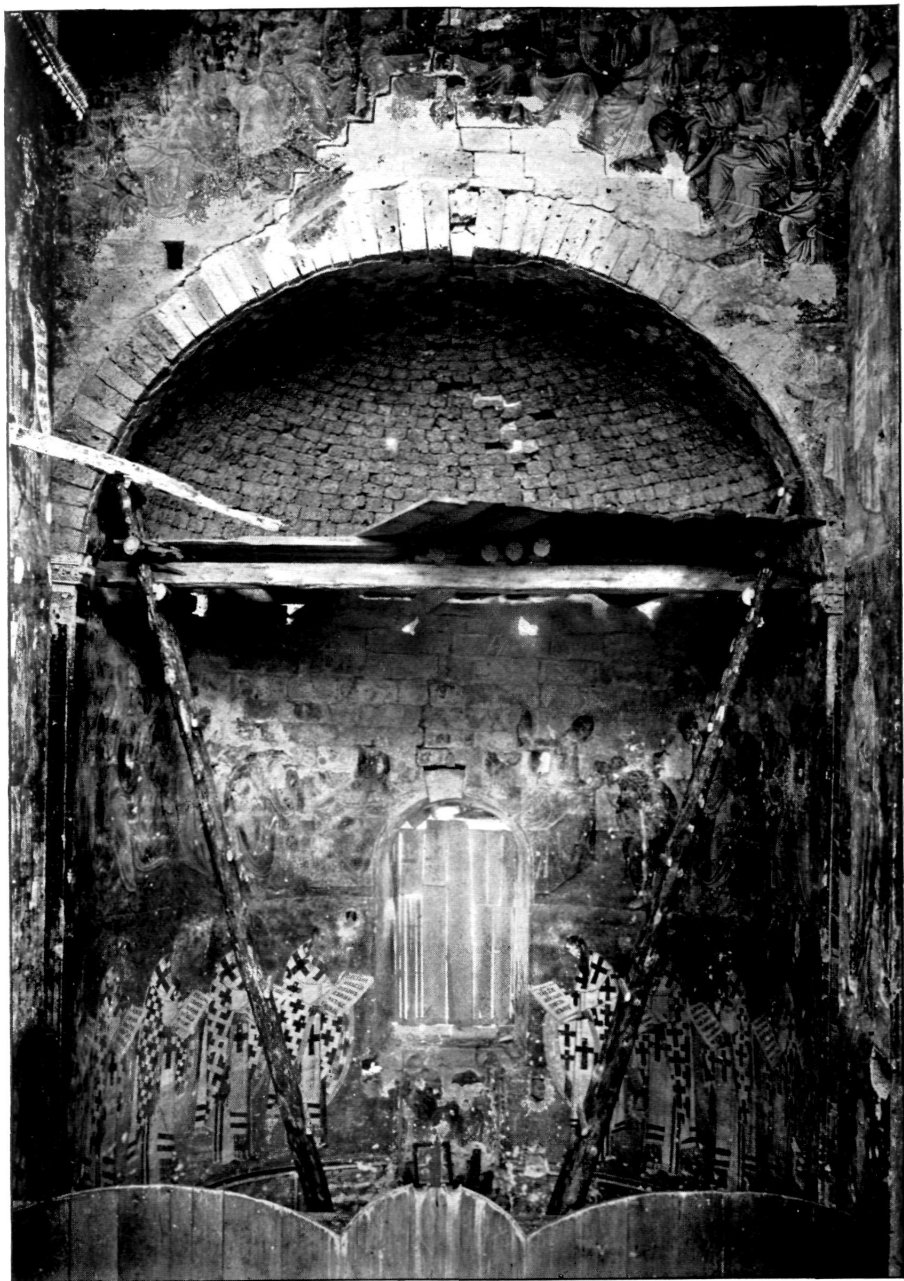
79. Неизвѣстный мученикъ, старецъ. Сѣрая туника, красная хламида.
80. Неизвѣстный святой воинъ, молодой. Красная туника, зеленый плащъ.
Въ правой рукѣ обнаженный мечъ, лѣвой придерживаетъ ножны.
81. Неизвѣстный мученикъ, молодой. Сѣрая туника, лиловый плащъ.
82. Неизвѣстный мученикъ, средовѣкъ. Зеленая туника, сѣрый плащъ.
83. Неизвѣстный апостоль, средовѣкъ. Голубой хитонъ, сиреневый гиматій.
Обѣими руками держитъ свернутый свитокъ.
84. Евангелистъ Лука.
85. Евангелистъ Матѳеѣй (рис. 6).
86. Праотецъ Сиѳъ (рис. 6).
87. Рождество Христово (рис. 6).
88. Преображеніе Христово (рис. 6).
89. Святой столпникъ, старецъ съ небольшою бородою. Столпъ восьмигран-
ный сѣрый съ желтой коринфской капителью.
90. Первомученикъ Стефанъ, молодой. Голубой хитонъ, лиловый гиматій съ
голубыми отсвѣтами. Въ полѣ держитъ мелкіе сѣро-желтаго цвѣта камни.
91. Сорокъ мучениковъ въ Севастійскомъ озерѣ.
92. Неизвѣстный святой, средовѣкъ. Голубой хитонъ, зеленый гиматій.
93. Неизвѣстный святой, средовѣкъ. Голубой хитонъ, лиловый гиматій.
94. Неизвѣстный святой, молодой. Голубой хитонъ, зеленый гиматій.
95. Неизвѣстный святой, средовѣкъ. Голубой хитонъ, лиловый гиматій.
96. Апостоль-Евангелистъ. Лука? Зеленый хитонъ, синій гиматій.
97. Апостоль-Евангелистъ. Матѳеѣй? Синій хитонъ, коричневый гиматій.
98. Святой врачъ въ медаліонѣ. Лиловый хитонъ, зеленый гиматій.
99. Нерукотворенный образъ Христа на убрѣсѣ.
100. Неизвѣстный апостоль.
101. Апостоль Петръ.
- 102.—109. Ветхозавѣтные праведники.
110. Благовѣщеніе. Архангелъ Гавріилъ.
111. Неизвѣстный ветхозавѣтный праведникъ, старецъ.
112. Пророкъ Соломонъ (рис. 13).
113. Неизвѣстный ветхозавѣтный праведникъ, старецъ (рис. 13).
114. Святой епископъ, старецъ.
- 115.—117. Святые епископы.
118. Положеніе тѣла Христова во гробъ (рис. 13).
119. Жены мироносицы у гроба Христова (рис. 13).
120. Явленіе Христа апостоламъ по Воскресеніи (рис. 13).
- 121.—122. Святые епископы.
123. Крестъ процвѣтшій.
124. Святой епископъ, старецъ (рис. 14).



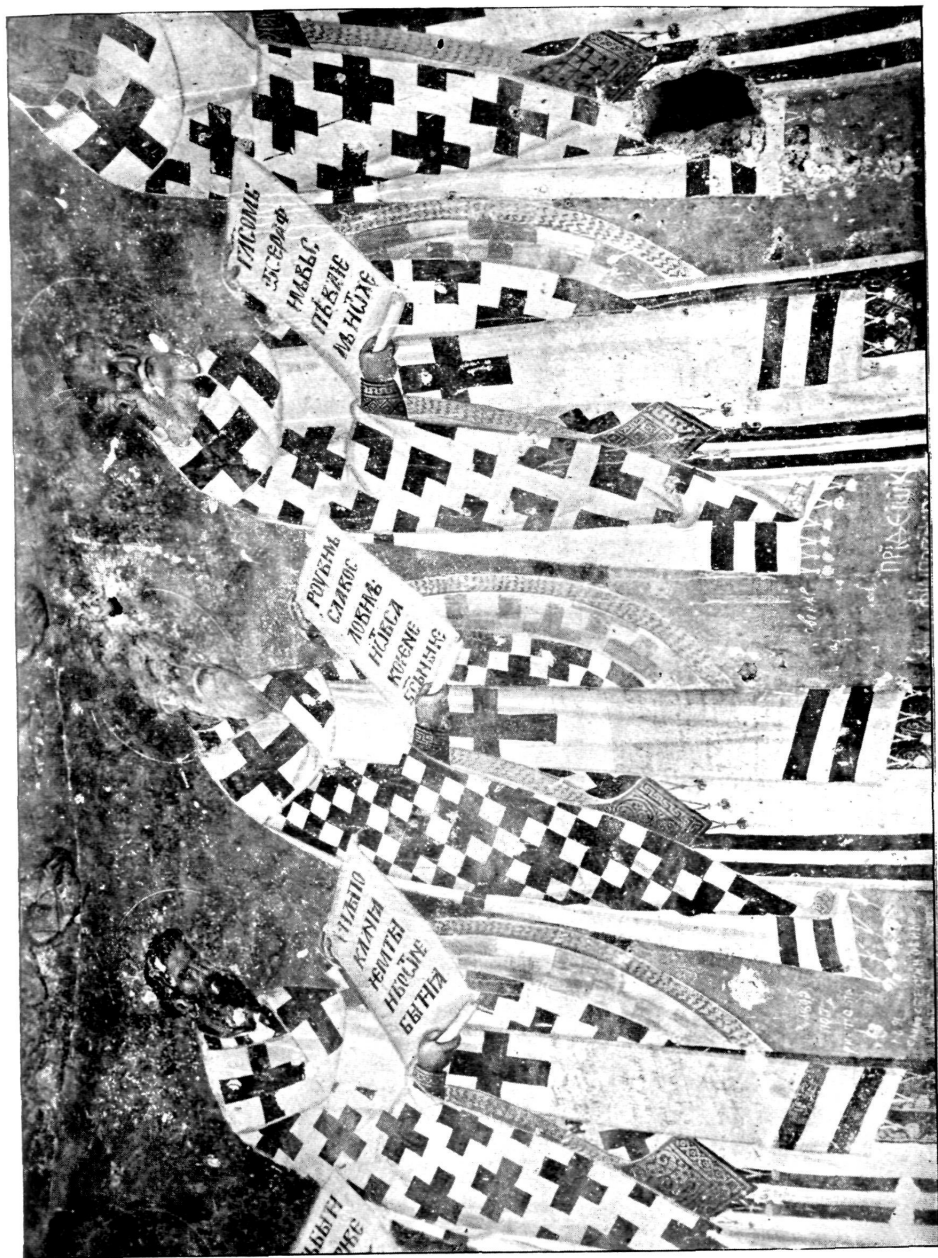
І. Схема распределения росписи на стенах храма въ Сопочаняхъ. Южная сторона.



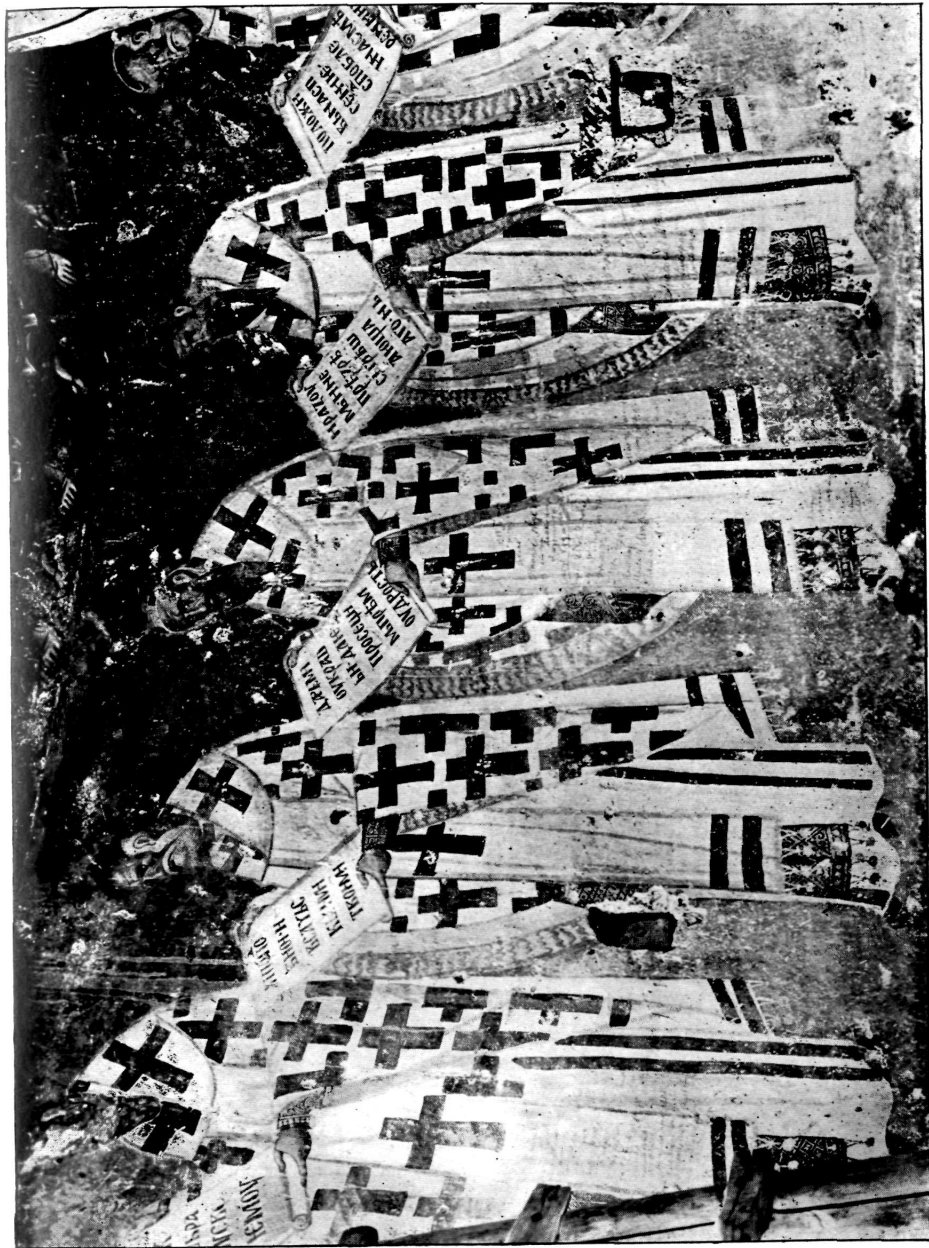
II. Схема распределения росписи на стенах храма въ Сопочанахъ. Сѣверная сторона.



1. Сопочаны. Алтарная апсида.



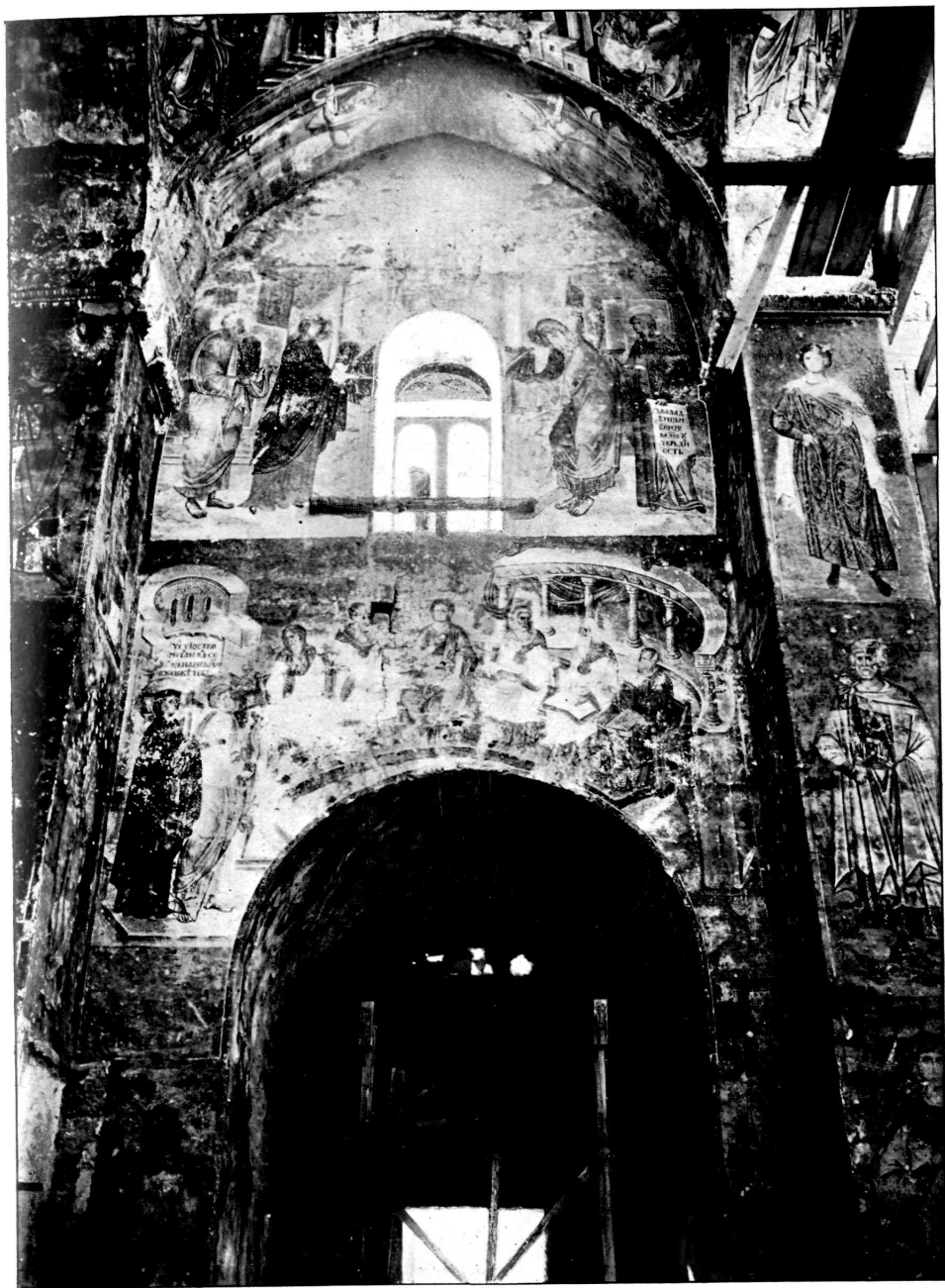
2. Сопочаны. Алтарная апсида. Отцы церкви.



3. Сопочаны. Алтарная апсида. Отды церкви.



4. Сопочаны. Восточные паруса. Евангелисты.



5. Сопочаны. Южная стѣна. Срѣненіе. Эммануиль во храмѣ.



6. Сопочаны. Сѣверная стѣна. Рождество Христово. Преображеніе.



7. Сопочаны. Южный сводъ трансепта. Троица.



8. Сопочаны Южный сводъ трансепта. Крещение.



9. Сопочаны. Южная стѣна. Воскрешеніе Лазаря. Распятіе.



10. Сопочаны. Сѣверная стѣна. Сошествіе во адъ. Средняя часть.



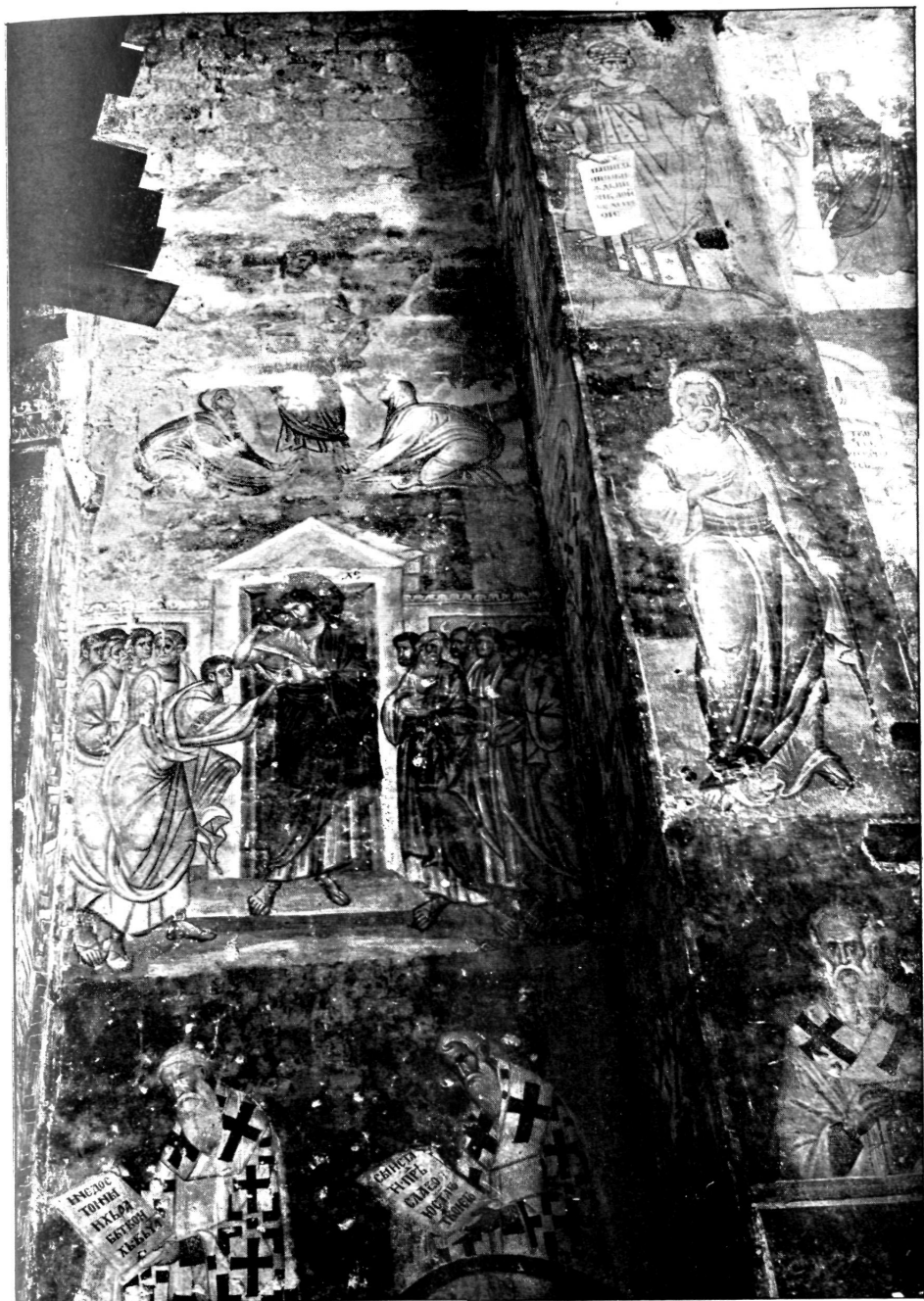
11. Сопочаны. Сѣверная стѣна. Сошествіе во адъ. Правая сторона.



12. Сопочаны. Сѣверная стѣна. Сошествіе во адъ. Лѣвая сторона.



13. Сопочаны. Сѣверный простѣнокъ въ алтарѣ.



14. Сопочаны. Южный простѣнокъ въ алтарѣ.



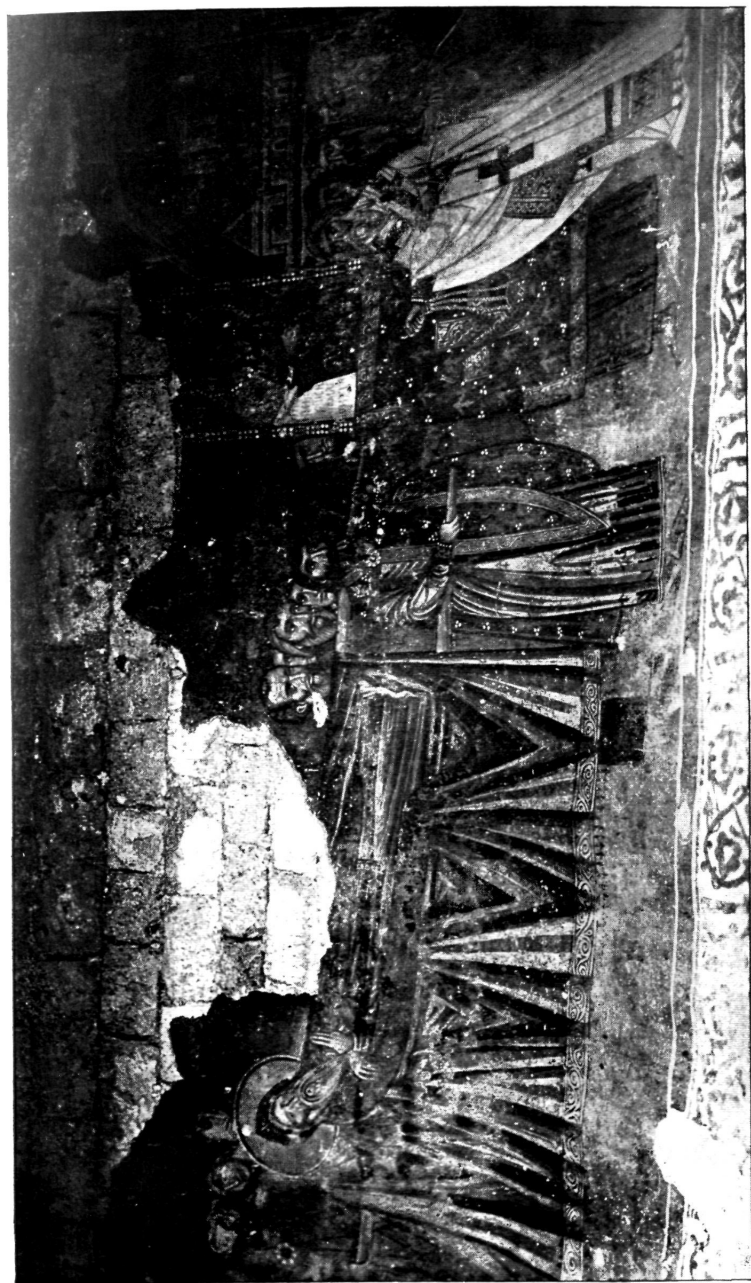
15. Сопочаны. Святой Спиридонъ.



16. Сопочаны. Святой Иоаннъ Предтеча.



17. Сопочаны. Святые мученики.



18. Сопочаны. Южный придѣлъ. Перенесеніе тѣла короля Уроша I.



19. Сопочаны. Наружный притворъ. Порталь входа въ храмъ.



20. Сопочаны. Наружный притворъ. Южная часть восточной стѣны.



21. Сопочаны. Наружный притворъ. Сѣверная часть восточной стѣны.



22. Сопочаны. Наружный притворъ. Западная стѣна.

*Disposition des peintures dans l'église de Sopočani.**Schémas I et II.*

1. Sainte Vierge entre les deux archanges.
2. Communion des apôtres (fig. 1).
3. Enfant Jésus sur la patène.
4. Procession des saints évêques (fig. 2 et 3).
5. Pentecôte (fig. 1).
6. Fragment d'une composition inconnue. Descente de croix?
7. Apparition de Jésus aux Myrophores (fig. 14).
8. Incrédulité de Thomas (fig. 14.)
9. Saint évêque—Polikarpos.
10. Saint évêque—Anthimios.
11. Saint évêque—Spiridon (fig. 15).
12. Roi David.
13. Un just inconnu de l'ancien Testament. Chiton bleu, himation lilas foncé (fig. 14).
14. Annonciation. La sainte Vierge.
15. Un just inconnu de l'ancien Testament. Vieillard. Chiton bleu avec un col jaune brodé et himation vert clair.
16. Evangéliste saint Jean (fig. 4).
17. Evangéliste saint Marc.
18. Patriarche Noé.
19. Patriarche inconnu.
20. Patriarche inconnu.
- 21.—28. Patriarches de l'ancien Testament. Fragments.
29. Présentation au temple de Jésus (fig. 5).
30. Jésus parmi les Docteurs (fig. 5).
31. Saint Jean Baptiste (fig. 16).
32. Saint stylite inconnu. Vieillard avec une barbe longue. Colonne en marbre rouge, chapiteau corinthien jaune.
33. Les trois anges chez Abraham (fig. 7).
34. Baptême du Christ (fig. 8).
35. Apôtre saint Paul.
36. Apôtre inconnu. La tête manque. Chiton bleu, himation vert clair. Evangile dans les mains.
37. Apôtre inconnu. Chiton bleu, himation jaune foncé avec des reflets bleux. Un rouleau plié dans la main.
38. Apôtre inconnu tenant un rouleau. Chiton bleu, himation lilas.
39. Apôtre inconnu tenant un rouleau. Chiton bleu, himation vert clair.
40. Apôtre inconnu tenant un rouleau. Chiton bleu, himation lilas.
41. Saint martyr inconnu dans un médaillon. Tunique verte claire, manteau lilas.
42. Saint inconnu. Chiton bleu, himation vert clair.

43. Saint médecin. Tunique verte claire, manteau violet.
44. Saint médecin. Tunique lilas, manteau vert clair.
45. Saint médecin. Tunique bleue-grisâtre, manteau lilas. Tous les trois saints médecins ont des chaussures rouges (fig. 8).
46. Saint martyr inconnu, jeune, avec des cheveux descendants jusqu'aux oreilles. Tunique couleur d'acier avec un col et un bas jaunes. Manteau rouge. Dans la main droite une croix couleur jaune; la main gauche tient le bord du manteau.
47. Saint martyr inconnu, jeune, avec une barbe courte et avec des cheveux descendant jusqu'aux oreilles. Tunique rouge avec des reflets bleux, manteau vert clair avec un tablion jaune. La main droite tient une croix (fig. 8).
48. Évangéliste. Saint Jean? Vieillard avec un front chauve. Chiton bleu, himation vert clair. La reliure de l'Évangile est jaune aux tranches rouges (fig. 8).
49. Saint martyr inconnu, jeune. Tunique rouge avec un col et un bas jaunes ornements, manteau vert clair avec un tablion jaune. Saint Serge? (Fig. 5.)
50. Saint martyr inconnu, vieillard avec une barbe courte. Sur la tête un bonnet rond. Tunique verte claire, manteau lilas. Sur le tablion jaune l'image monochrome de Jésus en buste (fig. 17).
51. Saint guerrier inconnu, jeune. Tunique bleue, manteau rouge. Dans la main gauche une lance, dans la main droite un glaive.
52. Saint martyr inconnu, jeune. Tunique verte claire, manteau rouge.
53. Saint martyr inconnu, d'âge moyen, avec des cheveux divisés sur le front et avec une barbe assez longue. Tunique lilas avec un col et un bas jaunes ornements, manteau vert clair avec un tablion jaune (fig. 17).
54. Christ sur un trône. Chiton violet, himation bleu. Trône jaune, coussin rouge, le marchepied rouge.
55. Résurrection de Lazare (fig. 9).
56. Crucifiement (fig. 9).¹
57. Sainte Vierge. Chiton bleu foncé avec des manchettes jaunes, maphorium violet avec une frange jaune.
58. Symeon Nemanja en habit monacal. Tunique en tissu de crin gris, capuchon vert, manteau brun. Sur le capuchon une petite croix blanche.
59. Simon le moine (le roi Stefan Premiercouronné). Tunique jaune, capuchon bleu foncé, manteau violet. Sur le capuchon une petite croix blanche.
60. Le donateur, roi Stefan Ouroch I, avec un modèle de l'église.
61. Dormition de la sainte Vierge.²
62. La reine Hélène.
63. Prince Dragoutine. Tunique blanche, ornementée de trèfles verts renversés, manteau rouge.
64. Saint martyr inconnu, vieillard. Tunique verte claire, manteau bleu.

¹ N. Okunev. Monumenta artis serbicae. I. Pragae, 1928. Pl. 3 et 4.

² Ibidem, Pl. 5, 6 et 7.

65. Christ en buste. Chiton violet, himation bleu foncé.
66. Saint guerrier inconnu, d'âge moyen, avec une barbe divisé en deux. Tunique lilas, manteau bleu. Dans la main droite une lance, sur la main gauche un bouclier blanc avec une rosette lilas au centre et avec un bord jaune.
67. Saint guerrier inconnu, d'âge moyen, avec une longue barbe couleur foncée. Tunique verte, manteau lilas. Dans la main droite une lance, sur la main gauche un bouclier rond et rouge orné d'une image d'un lion assis.
68. Saint martyr inconnu, vieillard avec un front chauve et une barbe pointue. Tunique bleue foncée, manteau vert clair.
69. Entrée à Jérusalem.
70. Descente aux Limbes (fig. 10, 11 et 12).
71. Saint martyr inconnu, jeune. Tunique verte, manteau rouge.
72. Saint martyr inconnu, d'âge moyen, avec des cheveux grisons. Tunique rouge, manteau bleu foncé.
73. Saint martyr inconnu, vieillard, avec des cheveux bleux et une barbe verte. Tunique bleue, manteau mauve.¹
74. Saint guerrier inconnu, d'âge moyen. Tunique verte, manteau bleu foncé avec une écharpe rouge. Dans la main droite une lance.
75. Saint martyr inconnu, jeune. Tunique bleu, manteau rouge.
76. Saint martyr inconnu, jeune. Tunique rouge, manteau lilas.
77. Saint guerrier inconnu, jeune. Tunique bleu, manteau lilas avec une écharpe rouge.
78. Saint martyr inconnu, jeune. Tunique rouge, manteau bleu. Saint Bacchus? (fig. 6).
79. Saint martyr inconnu, vieillard. Tunique grise, manteau rouge.
80. Saint guerrier inconnu, jeune. Tunique rouge, manteau vert. Dans la main droite un glaive nu, dans la main gauche un fourreau.
81. Saint martyr inconnu, jeune. Tunique grise, manteau lilas.
82. Saint martyr inconnu, d'âge moyen. Tunique grise, manteau gris.
83. Apôtre inconnu, d'âge moyen. Chiton bleu, himation lilas. Dans ses deux mains tient un rouleau plié.
84. Évangéliste saint Luc.
85. Évangéliste saint Matthieu (fig. 6).
86. Patriarche Seth (fig. 6).
87. Nativité de Christ (fig. 6).
88. Transfiguration (fig. 6).
89. Saint stylite inconnu, vieillard avec une barbe moyenne. Colonne octoèdre, chapiteau corinthien jaune.
90. Saint Étienne, le protomartyr. Chiton bleu, himation lilas avec des reflets bleux. Dans le pan de son himation il tient un tas de pierres d'une couleur jaune-grisâtre.

¹ Idiem, Planche en couleurs.

91. Les Quarante Martyrs dans le lac de Sébastie.
92. Saint inconnu, d'âge moyen. Chiton bleu, himation vert.
93. Saint inconnu, d'âge moyen. Chiton bleu, himation lilas.
94. Saint inconnu, jeune. Chiton bleu, himation vert.
95. Saint inconnu, d'âge moyen. Chiton bleu, himation lilas.
96. Évangéliste. Saint Luc? Chiton vert, himation bleu foncé.
97. Évangéliste. Saint Matthieu? Chiton bleu foncé, himation brun
98. Saint médecin. Chiton lilas, himation vert.
99. La Sainte Face.
100. Apôtre inconnu.
101. Saint Pierre.
- 102.—109. Les patriarches de l'ancien Testament.
110. Annonciation. Archange Gabriel.
111. Un just inconnu de l'ancien Testament, vieillard.
112. Roi Solomon (fig. 13).
113. Un just inconnu de l'ancien Testament, vieillard (fig. 13).
114. Saint évêque, vieillard.
- 115.—117. Saints évêques.
118. Mise au tombeau (fig. 13).
119. Saintes Femmes au tombeau (fig. 13).
120. Apparition de Jésus aux onze apôtres (fig. 13).
- 121.—122. Saints évêques.
123. Croix fleurie.
124. Saint évêque, vieillard (fig. 13).

LES PEINTURES MURALES À L'ÉGLISE DE SOPOČANI.

(Résumé.)

L'église de la Sainte Trinité à Sopočani dans la Vieille Serbie fut fondée vers 1265 par le roi serbe Étienne Uroš I^{er} (1242—1276). Ses peintures murales sont composées de plusieurs parties d'époques différentes. La plus ancienne partie est contemporaine à l'église — elle se trouve dans le sanctuaire, dans l'église proprement dite et dans le narthex intérieur. Les deux chapelles, accolées à l'église des deux côtés de sa partie Ouest et bâties en même temps qu'elle, furent peintes un peu plus tard — à la fin du XIII^e siècle. L'exonarthex ajouté plus tard a une peinture du milieu du XIV^e siècle. La peinture de la prothèse, du diaconicon et des deux autres chapelles latérales plus récentes fut exécutée encore plus tard.

La plus ancienne partie de la peinture est la plus intéressante. Elle a, comme d'ailleurs quelques autres peintures murales serbes du XIII^e siècle, une particularité remarquable, jusqu'à présent inconnue dans l'art médiéval: les images sont exécutées sur un fond jaune et non sur un fond bleu selon l'usage. Ce

fond jaune imite sciemment les fonds d'or des mosaïques, dont les cubes sont représentés par un réseau dessiné.

Cette partie de la peinture se réduit à quelques compositions liturgiques, un rang de scènes essentielles de l'Évangile, quelques sujets non évangéliques et un grand nombre de figures isolées.

Les compositions liturgiques occupent le mur de l'abside, où on voit la *Communion des apôtres* (fig. 1) et l'*Adoration de la victime* (fig. 1, 2 et 3). Le cycle évangélique se trouve dans la partie centrale de l'église et sur les parois latérales du sanctuaire. Il a conservé les sujets suivants: l'*Annonciation*, la *Nativité du Christ* (fig. 6), la *Présentation du Christ au Temple* (fig. 5), *Jésus-Emmanuel parmi les Docteurs* (fig. 5), le *Baptême du Christ* (fig. 8), la *Transfiguration* (fig. 6), la *Résurrection de Lazare* (fig. 9), l'*Entrée à Jérusalem* (schéma II, 69), la *Cène* (au narthex), le *Crucifiement* (fig. 9), la *Descente de croix* (fragment, fig. 14), la *Mise au tombeau* (fig. 13), *Saintes Femmes au tombeau* (fig. 13), la *Descente aux Limbes* (fig. 10, 11 et 12), l'*Apparition du Christ à deux Saintes Femmes* (fig. 14), l'*Apparition du Christ aux apôtres, Saint Thomas étant absent* (fig. 13) et l'*Incrédulité de Thomas* (fig. 14).

La *Pentecôte* se trouve sur le mur Est audessus de l'abside (fig. 1) et le mur Ouest est occupé par une composition colossale, qui représente la *Dormition de la Sainte Vierge* (schéma I-II, 61). Vu que l'église avait été consacrée à la Sainte Trinité, les *Trois anges chez Abraham* sont représentés sur la pente Est de la voûte Sud du transept (fig. 7). Dans la voûte Nord du transept on voit les *40 Martyrs dans le lac de Sebastie* (schéma II, 91).

En outre, sur la paroi Sud on a peint les *portraits des donateurs*, que la Sainte Vierge amène vers le Christ (schéma I, 54—63). Le roi Uroš I^{er}, fondateur de l'église, offre son modèle. Derrière lui se tient sa femme, Hélène, née princesse Française, et leur fils, Dragutin. Devant le roi Uroš marchent ses ancêtres défunts — son grand-père, Étienne Nemanja, et son père Étienne, «le Premier Couronné», tous les deux en habits monacaux.

Les *figures isolées* représentent le Christ, la Sainte Vierge, les prophètes, les patriarches de l'Ancien Testament, les apôtres, les Saints Pères de l'Église, les martyrs, les saints militaires et les saints moines.

Le Christ est représenté deux fois en buste au-dessus de l'entrée — du côté de l'église (schéma I—II, 65) et du côté du narthex. Au-dessus de la porte qui mène à la prothèse se trouve l'image de la *Sainte Face* (Schéma II, 99).

La figure habituelle de la *Sainte Vierge* entre deux archanges était autrefois dans la conque de l'abside. Les *prophètes* sont peints dans le tambour de la coupole et sur les pilastres Est (schéma I, 12 et II, 112). Les *évangélistes* occupent leur place ordinaire dans les pendetifs et les *12 apôtres* — les murs des deux bouts du transept. Les *martyrs* et les *saints militaires* sont rangés en ligne dans la zone inférieure de la partie Ouest de l'église.

Au narthex nous voyons les sujets suivants: sur le mur Est — les *sept consiles* oecuméniques, sur le mur Sud — l'*Arbre de Jesse*, sur le mur Nord le *Jugement*

Dernier et sur le mur Ouest — *le Sacrifice d'Abraham, l'Histoire de Joseph et les Trois adolescents dans la fournaise*.

Dans la zone inférieure du mur Est, à gauche de la porte, *le Christ* est représenté assis sur le trône, et à droite — *la Vierge* avec Jésus. Les donateurs, encore une fois représentés, se dirigent vers la Sainte Vierge. Ce sont de nouveau — le roi Uroš I^{er}, la reine Hélène et leurs deux fils — Dragutin et Milutin.

Un tableau historique très intéressant se trouve dans la partie inférieure du mur Nord. Ce tableau représente *la mort de la reine Anne*, mère d'Uroš I^{er} et veuve d'Étienne «le Premier Couronné», morte vers 1265.

Le reste de la zone inférieure est occupé par les images des *saints moines*.

Dans les deux chapelles aboutissant des deux côtés à la partie Ouest de l'église se voit une peinture un peu plus récente. Elle rappelle de près la peinture conservée dans l'église d'Ariljé et peut être rapportée aux dernières années du XIII^e siècle. Outre les images habituelles, la chapelle Sud présente deux tableaux historiques. Selon notre avis, l'un d'eux représente *la mort du roi Uroš I^{er}*, fondateur de l'église qui, peu de temps avant sa mort, se fit moine sous le nom de Simon. Sur l'autre tableau nous voyons la translation du corps de ce roi-moine dans le monastère de Sopočani, où il fut enterré (fig. 18).

Les peintures de l'exonarthex furent exécutées vers le milieu du XIV^e siècle. Les portraits du tzar Étienne Dušan (1331–1355), de sa femme, Hélène, et de leur jeune fils Uroš, qu'on voit sur la paroi Est (fig. 20), confirme cette date.

Du côté Ouest, au-dessus de l'entrée, se trouve une composition très rare qui représente *la parabole du riche, qui a amassé des trésors pour lui-même* (Luc, XII, 16–20). Nous y voyons la construction des greniers, la récolte et la figure du riche lui-même, surveillant le travail (fig. 22).

ДРЕВНИЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗЪ ВАРНЫ.

Въ 1926 году въ Варнѣ рабочими, при перестройкѣ дома на Солунской улицѣ, на глубинѣ семи метровъ,¹ было обнаружено древнее погребение. При костякѣ были найдены — бронзовое кольцо-печатка и двѣ монеты, относящіяся ко времени императора Юстиніана. Перстень вмѣстѣ съ монетами находится въ данное время въ коллекціи Н. Я. Карнажицкаго, любезно представившаго мнѣ эти предметы для изученія, фотографированія и опубликованія ихъ.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе интересному для насъ памятнику — перстню, остановимся на монетахъ, вмѣстѣ съ нимъ найденныхъ и могущихъ дать нѣсколько косвенныхъ указаній для его датировки.

Обѣ монеты были, повидимому, положены въ погребеніе по древнему обычаю, сохранившемуся съ языческихъ временъ, класть вмѣстѣ съ покойникомъ одну или двѣ мелкія монеты — оболъ Харону, плата перевозчику черезъ Ахеронъ при переправѣ въ Аидъ.² Обѣ мѣдныя монеты, стоимостью каждая въ 20 нуммиевъ, очень потерты, но на нихъ все же можно различить изображеніе императора Юстиніана, а на одной изъ нихъ характерную для IV вѣка оборотную сторону.

1. *Первая монета* мѣдная, болѣе массивная, съ зазубренными краями и сильно стертая. На лицевой сторонѣ можно различить бюстъ императора, съ характернымъ полнымъ лицомъ Юстиніана. На немъ панцырь, а на головѣ вѣнецъ, съ закругленнымъ верхомъ — стемма. Направо, надъ головой императора читаются три буквы АИV(S) — конецъ имени Justinianus.³ Обратная сторона очень испорчена, въ особенности пострадали верхъ и правая сторона. Различимы только въ центрѣ большое К, означающее стоимость монеты — 20 нуммиевъ (К=20)⁴ а налѣво отъ него столбикомъ надпись АИИО. Монета типична для царствованія Юстиніана и имѣетъ аналогію въ Варненскомъ музеѣ.

2. *Вторая монета* также мѣдная и той же стоимости, но болѣе тонкая. другого выпуска и болѣе легкая по вѣсу,⁵ съ большой зазубреной — трещиной,

¹ Въ Варнѣ, въ древнемъ Одессусѣ, почва котораго полна остатковъ старины, византийскій слой приходится приблизительно на глубинѣ семи метровъ подъ теперешнимъ уровнемъ почвы.

² *Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung.* t. VI. Stuttgart. 1926.

³ Что вполне соответствуетъ расположенію буквъ на мѣдныхъ монетахъ Юстиніана этого типа. Далѣе, слабо различимая легенда, вѣроятно, должна читаться, какъ P. P. AVG. *W. Wroth, Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum.* vol. I. London. 1908. tab. V. n° 8.

⁴ *Er. Babelon, Traité des monnaies grecques et romaines.* т. I. Théorie et doctrine. Paris. 1901. p. 616.

⁵ *Wroth, Catalogue Byzant. Coins.* p. LXXIX — отмѣчаетъ при Анастасіи I существованіе двухъ видовъ мѣдной монеты, одинаковой стоимости, но различныхъ по вѣсу. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ наличиемъ двухъ разныхъ по вѣсу выпусковъ монетъ и при Юстиніанѣ.

Лицевая ея сторона совершенно стерта. Обратная же сторона, несмотря на трещину, довольно хорошо сохранилась. На ней ясно различимо К, надъ нимъ, между верхнимъ развѣтвленіемъ буквы, маленькій равноконечный крестъ съ утолщенными концами, а въ промежуткѣ между нижнимъ развѣтвленіемъ — буквы TES. Послѣднія, какъ и крестикъ наверху, указываютъ на мѣсто чеканки монеты. Три буквы TES являются сокращеніемъ слова Thessalonica.¹ Въ Θεσσαλονικιαхъ находился одинъ изъ главныхъ монетныхъ дворовъ имперіи. Монеты съ различными сокращеніями имени этого города встрѣчаются часто; тѣмъ болѣе естественно встрѣтить ихъ на восточномъ побережьи Балканскаго полуострова. Направо, въ полѣ, находятся еще знаки $\text{Ϡ}\text{Π}$. Они относятся къ слову АИИО и обозначаютъ годъ царствованія Юстиніана — XXVII-ый, т. е. 553-4 по Р. X.²

Обратимся къ изученію самого *перстня* (фиг. IV). Перстень съ печаткой, украшенной изображеніемъ ангела съ крестомъ — посохомъ въ рукѣ. Онъ сдѣланъ изъ очень свѣтлой желтой бронзы, и сильно сношенъ — такъ сама печатка у верхняго края крыла ангела стерта и слегка отбита. Внѣшній обхватъ кольца — 7, 2 см., внутренній — 5, 5 см. Обручъ округлой формы, внутри плоскій. Ширина обруча 0,2 — 0,3 см. Обручъ спереди расширяется и, образуя печатку, имѣетъ почти одинъ сантиметръ ширины. Форма печати овальная, длина овала равняется 1, 5 см. На печаткѣ, кромѣ зазубренности края, наблюдаются еще нѣкоторыя незначительныя поврежденія: два бѣлыхъ пятнышка по сторонамъ ангела и черное углубленіе внизу, налѣво отъ креста, который держитъ ангелъ.

Сдѣлано кольцо изъ одного куска металла. Печатка образована путемъ сплюсненія въ нужномъ мѣстѣ обруча, благодаря чему получилось необходимое расширеніе овальной формы. Такой техническій пріемъ способствовалъ тому, что кольцо приобрѣло болѣе правильную округлую форму. Кольца, у которыхъ для устройства печатки срѣзана часть поверхности, или у которыхъ печатка припаяна, такой формы не имѣютъ.

Вслѣдствіе того, что нашъ перстень былъ найденъ въ погребеніи, *относящемся*, судя по монетамъ, *ко второй половинѣ VI. вѣка*, а также по характеру изображенія на немъ и по иконографическимъ особенностямъ этого изображенія, о которыхъ еще будетъ рѣчь ниже, мы вынуждены относить перстень къ поздне-римской или ранне-византійской эпохѣ, хотя онъ и отличается довольно значительно отъ подобныхъ памятниковъ этого времени.

Среди колецъ поздней римской эпохи и средневѣковья можно отмѣтить два господствующихъ типа. Первый типъ, когда кольцо состоитъ изъ двухъ частей-круглаго обруча, иногда расширяющагося, и самого гнѣзда-печатки. Примѣры такихъ колецъ изданы въ большомъ количествѣ у DALTON'a,³

¹ *Er. Babelon, Traité d. monnaies. v. I p. 1036.*

² *Wroth, Byzantine Coins. v. I. p. CX.*

³ *O. Dalton, Byzantine Art and Archeology. Oxford. 1911. p. 537. fig. 319, 320.*

CABROL¹,¹ DELOCHE²,² сюда же относятся нѣсколько колецъ Берлинскаго музея.³ Площадка для печати по преимуществу имѣетъ круглую форму. Второй типъ — массивное кольцо, состоящее изъ цѣлаго куска, на которомъ часть срѣзана, благодаря чему получилась площадка, обыкновенно овальная, которая и служить печаткой. Эта площадка имѣетъ острые края. Примѣрами подобныхъ колецъ, къ которымъ по двумъ признакамъ — по овальной формѣ печати и по отливкѣ изъ цѣлаго куска — подходитъ и найденное въ Варнѣ кольцо, являются — кольцо съ монограммой въ Британскомъ музеѣ, изданное Дальтономъ,⁴ и другое, найденное также въ Болгаріи⁵ (См. фиг. III). Последнее, какъ также найденное въ Болгаріи, намъ въ особенности интересно. По своей формѣ оно ближе къ нашему, обручъ гладкій, а печатка овальная, хотя она и образована путемъ удаленія части металла, а не расплющиваніемъ. Кромѣ того, въ монограммѣ, помѣщенной на ней (читается: Ἀλεξάνδρου),⁶ мы встрѣчаемъ крестъ съ длиннымъ нижнимъ концомъ; подобный же крестъ мы видимъ и на нашей печати въ рукахъ у ангела.

Отмѣчая близость формы разсматриваемаго нами перстня ко второй группѣ, должно еще обратить вниманіе и на то обстоятельство, что въ ту же эпоху существуютъ единичные примѣры колецъ, которыя по своей формѣ и технике стоятъ отдѣльно отъ разсмотрѣнныхъ нами двухъ группъ. Къ нимъ, напримѣръ, принадлежитъ кольцо, съ выгравированнымъ на немъ крестомъ, опубликованное у DELOCHE⁷,⁷ которое по технике приближается къ варненскому перстню. Здѣсь также сплюснута передняя сторона, сдѣланная изъ того же куска металла. Дальше технического приѣма аналогія не идетъ, такъ какъ расширеніе имѣетъ совершенно другую форму и, хотя оно украшено также крестомъ, но кольцо не служило печатью.⁸ Важно только то обстоятельство, что при изготовленіи колецъ пользовались и тѣмъ техническимъ приѣмомъ, который мы наблюдаемъ въ нашемъ кольцѣ.

Въ смыслѣ изображенія на печати варненскій перстень также принадлежитъ къ болѣе рѣдкой категоріи памятниковъ этого рода. Значительное большинство (дошедшихъ до насъ колецъ) украшено монограммами, надписями или символическими изображеніями — якоремъ, крестомъ, пальмой и т. п. При

¹ F. Cabrol, Dictionnaire d'archéologie chrétienne et liturgie. Paris. 1903. t. I². Anneaux.

² M. Deloche, Étude historique et archéologique sur les anneaux signillaires et autres des premiers siècles du Moyen Age. Paris. 1900. n^o VII, IX, XIV etc. .

³ O. Wulf, Altchristliche u. mittelalterliche byzantinische u. italienische Bildwerke. T. I. Altchristliche Bildwerke. Tafeln. Berlin. 1909. tab. XLII.

⁴ Dalton, op. c. p. 538; fig. 321.

⁵ Извѣстия на Българското археологическо дружество. 1911. II. Й. Ивановъ, Старобългарски и византийски пръстени. p. 11. таб. I².

⁶ Ibidem, p. 11. Кольцо найдено въ районѣ Свищева.

⁷ Deloche, Étude sur les anneaux signillaires. p. 75; n^o LXIV.

⁸ Кромѣ этихъ формъ колецъ съ печатью существуетъ еще многогранная форма кольца безъ печати, каждая грань котораго украшена изображеніемъ или буквой. См. Dalton, op. c. p. 538; fig. 322.

этомъ, значительная часть колець имѣетъ фигурныя изображенія на особой вставной части, которая часто состоитъ изъ геммы, иногда болѣе древней, чѣмъ само кольцо.

Изъ колець съ фигурными изображеніями на металлѣ укажемъ на кольцо Британскаго музея,¹ съ круглой печатью, на которой изображены бюсты Спасителя и двухъ ангеловъ, и на особенно близкій по темѣ къ нашему кольцу, бронзовый перстень, хранящійся въ Берлинѣ и относимый къ VI вѣку. На немъ изображенъ бѣгушій ангелъ.² Въ томъ же собраніи находится болѣе позднее кольцо, относящееся къ VI—VII вв., съ изображеніемъ ангела, сидящаго у Гроба Господня.³ Близко по темѣ также изображеніе на кольцѣ изъ Ахмима, гдѣ представленъ архангелъ съ крестомъ-посохомъ въ рукѣ.⁴

На печать варненскаго кольца вырѣзанъ идущій направо ангелъ, держащій въ правой рукѣ крестъ съ длиннымъ древкомъ — посохъ. Голова, безъ нимба, сравнительно большая, съ густыми волосами; пряди ихъ обрамляютъ лицо. Одежда его, повидимому, представляетъ изъ себя не вполне правильно изображенный гиматій. Складки намѣчены рѣзко. Въ верхней части одежды онъ ложатся съ нѣкоторымъ наклономъ направо, внизу у ногъ онъ болѣе округлы и идутъ направо, въ соотвѣтствіи съ отставленной лѣвой ногой ангела. Въ верхней части одежды складки отмѣчены рядомъ точекъ или короткихъ черточекъ. Ноги выполнены схематично, хотя исполнитель и стремился изобразить ступню и пятку, а на лѣвой ногѣ — пальцы. За плечемъ у ангела видно большое крыло; въ дѣйствительности это оба сложенныхъ крыла, но такъ, что одно закрываетъ другое. На крылѣ явственно видѣляются ряды перьевъ; ихъ насчитывается шесть, кромѣ послѣдняго длиннаго пера, которое виситъ отдѣльно; конецъ его немного длиннѣе другихъ перьевъ.

Аналогію этому изображенію мы находимъ въ рядѣ памятниковъ мелкаго прикладнаго искусства, какъ монеты, ювелирные предметы, гравированные камни, глиняныя печати. Всѣ такого рода подѣлки связаны между собой нѣкоторой общностью техники, ремесленностью изготовленія и, въ связи съ этимъ, извѣстнымъ упрощеніемъ и схематизаціей изображенія.

¹ Dalton, op. c. fig. 319. p. 537; 540; Къ сожалѣнію, каталогъ Британскаго музея. Dalton, Catalogue of Early Christian Antiquities and Object from the Christian East in the Department of British Museum. London. 1911, содержащій по упоминанію Дальтона (op. c. p. 638) нѣкоторые интересные для насъ памятники, мнѣ былъ недоступенъ.

² Wulf, Althristl. Bildwerke. tab. XLII. n° 884. Text. t. I. p. 190. Происходитъ изъ Смирны, относится къ V, VI в. Вульфъ указываетъ на родство его съ монетами времени Θεодосія II до Анастасія. Ангелъ движется направо съ крестомъ-посохомъ въ рукѣ; движеніе рѣзкое, онъ почти бѣжитъ. Фигура, широкой одеждой и крыломъ, отличается отъ фигуры ангела на варненскомъ кольцѣ.

³ Ibidem. tab. XLII; n° 885; p. 190.

⁴ R. Forrer. Die frühchristlichen Altertümer aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis. Strassb. i. E. 1897. tab. XIII. n° 6. p. 7; 20. На кольцѣ изображенъ архангелъ en face съ раскрытыми крыльями; въ правой рукѣ у него жезлъ съ крестомъ. Кругомъ кольца надпись: архангелъ спаси рабу. Происходитъ кольцо изъ Рима и датируется V—VI ст. Forrer и Stuhlfauch считаютъ, что на кольцѣ изображенъ архангелъ Михаилъ.

Ближайшее сходство изображеніе на перстнѣ имѣеть съ изображеніемъ на одной золотой монетѣ императора Анастасія I, гдѣ на обратной сторонѣ представлена викторія (?) (фиг. V.)¹ Это позволяетъ намъ думать, что въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ прототипомъ.² Исполненіе нашего перстня значительно слабѣе и грубѣе, а нѣкоторыя детали, въ особенности пропорціи фигуры, измѣнены. Это заставляеть сравнивать нашъ памятникъ также съ нѣкоторыми другими, болѣе грубыми произведеніями прикладного византійскаго искусства VI вѣка, какъ рѣзной кристаллъ Британскаго музея,³ печать изъ красной глины, находящаяся тамъ же,⁴ а также съ изображеніями викторій на болѣе позднихъ монетахъ Юстина I и Юстиніана.⁵

На золотой монетѣ императора Анастасія I изображенъ ангелъ или викторія съ длиннымъ жезломъ въ правой рукѣ, оканчивающимся крестомъ, концы котораго имѣють короткія перекладины. Крещатый жезлъ этотъ очень близокъ къ изображенному на варненскомъ перстнѣ. Ангелъ, какъ мы склонны называть фигуру, изображенъ идущимъ вправо; при этомъ онъ опирается на правую ногу, а лѣвая отставлена. Трактовка ногъ точно соотвѣтствуетъ той, которую мы видимъ на кольцѣ. Стройная фигура ангела облачена въ тунику и гиматій — ясно видно, что это уже не женская одежда, хотя на головѣ еще остается женская прическа. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ интереснымъ переходомъ отъ викторіи къ ангелу, когда еще смѣшиваются черты мужского и женскаго костюма. Подобное смѣшеніе формъ иногда отрицается,⁶ но чтобы убѣдиться въ немъ достаточно пересмотрѣть изображения викторій на другихъ монетахъ Анастасія.⁷ Всѣ эти, происшедшія отъ неустойчивости типа неясности костюма, перешли также на варненское кольцо, гдѣ онъ получили еще болѣе грубую и искаженную форму. Впрочемъ, съ такимъ смѣшеніемъ мужского и женскаго костюма викторіи и ангела намъ придется еще встрѣтиться ниже на другомъ памятникѣ прикладного искусства.

На рассматриваемой нами монетѣ складки туники ложатся мягко. За плечемъ у ангела большое крыло. Характернымъ для него является то обстоятельство, что основныхъ перьевъ, большихъ, во всю длину крыла, не одно, а два, этимъ изображеніе временъ Анастасія отличается отъ варненскаго. Главная же разница между обоими памятниками въ стилѣ. Наряду съ легкимъ, изящнымъ стилемъ, вышедшей изъ столичной мастерской моне-

¹ *Wroth*, Byzantine Coins. tab. I. n° 2; p. 2.

² Интересно, что такое же родство съ монетами времени отъ Θεοδοσία II до Анастасія I имѣеть бронзовое кольцо Берлинскаго музея (*Wulf*, *Altchristl. Bildwerke*. t. I. p. 190. N°. 884.) Повидимому, монеты часто служили образцами для болѣе дешевыхъ ювелирныхъ работъ изъ бронзы.

³ *Dalton*, op. c. p. 637; fig. 405a.

⁴ *Ibidem*, p. 612; fig. 387.

⁵ *Wroth*, Byzantine Coins. tab. II. n° 10—11; tab. IV. n° 12.

⁶ *G. Stuhlmann*, *Engel in altchristl. Kunst. Archäologische Studien z. christl. Altert. u. Mittelalter*. v. 3. Freiburg i. B. 1897. p. 242.

⁷ *Wroth*, Byzantine Coins. v. I; tab. I. n° 1; p. 2.

ты,¹ можно отмѣтить грубый стиль, быть можетъ провинціальный, изображенія на перстнѣ. Фигура ангела укорочена, неумѣло переданы многія детали, техника исполненія также значительно ниже. Примѣненъ болѣе грубый пріемъ изображенія складокъ линіей, состоящей изъ мелкихъ точекъ, который находимъ также на монетахъ Юстиніана.² Этотъ пріемъ извѣстенъ и при Анастасіи и даже употребленъ на разбираемой нами золотой монетѣ въ изображеніи креста. Также исполненъ крестъ и на варненскомъ кольцѣ, гдѣ сохранились и перекладинки на концахъ креста.

Нѣкоторую аналогію съ варненскимъ перстнемъ представляетъ также гемма, (фиг. II) высѣченная на кристаллѣ, происходящая изъ Александрии, и относящаяся къ VI вѣку, какъ ее датируетъ DALTON, къ VI—VII в., по мнѣнію LECLERCQ'А.³ На ней изображены двѣ фигуры: впереди идетъ ангелъ, оборачивающійся къ женщинѣ, сидящей на лошади или на ослѣ. На фонѣ изображенъ небольшой равносторонній крестъ съ перекладинами на концахъ. Для насъ интересно изображеніе ангела, имѣющее общія черты съ нашимъ: напр., трактовка ногъ, рѣзкія складки (костюмъ также не понять), большая голова, и въ особенности расположеніе перьевъ на крылѣ.

Наконецъ, остановимся еще и на послѣднемъ изъ перечисленныхъ памятниковъ (фиг. I), глиняной печати, съ изображеніемъ архангела Михаила (что явствуетъ изъ надписи), несущаго въ рукѣ крестъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на одежду архангела, напоминающую своими прямыми складками, падающими вертикально внизъ, скорѣе женскую одежду викторіи. Крестъ въ рукахъ архангела нѣсколько иной формы. Подобный крестъ находимъ еще на одномъ болѣе древнемъ рѣзномъ гранатѣ Британскаго музея.⁴

Изображеніе ангела съ крестомъ на длинной ножкѣ⁵ (процессіональный крестъ) и съ жезломъ-посохомъ, кончающимся крестомъ, хотя и не встрѣчается въ византійскомъ монументальномъ искусствѣ VI вѣка, но зато имѣетъ много примѣровъ въ прикладномъ, гдѣ обѣ формы существуютъ одновременно. Первоначально мы видимъ крестъ на изображеніяхъ Христа и апостоловъ на саркофагахъ, затѣмъ онъ встрѣчается и у ангеловъ, преимущественно на издѣліяхъ изъ слоновой кости, въ періодъ отъ VI по VII вѣкъ. То же на тка-

¹ *Wroth*, *Byzantine Coins*. v I. tab. I. n° 2. Надпись СОИОВ подъ чертой, внизу подъ ногами ангела. p. XCIX.

² *Wroth*, *Byzantine Coins*. tab. V. n° 12.

³ *Dalton*, op. c. p. 612; *Cabrol*, *Dictionnaire d'archéol. chrét. t. I. col. 2090*; no *Dalton*, *Catalogue of Christian Antiquities*. p. 13. n° 87.

⁴ *Cabrol*, *Dictionnaire d'archéol. chrét. t. I. col. 2090*.

⁵ *Leclercq* не различаетъ эти двѣ формы, а считаетъ, что это особый крестъ для благословенія. *Cabrol*, *Dictionnaire d'archéol. chrét. t. III. Croix. col. 3113*. На крестъ въ рукахъ у ангеловъ указываетъ. *J. Strzygowski*, *Byzantinische Denkmäler. I. Das Etschmiadzin-Evangeliar. Beiträge zur Geschichte d. Armenischen, Ravenatischen u. Syro-Ägyptischen Kunst. Wien. 1891. p. 43*. *Stuhlfauth* считаетъ, что жезлъ съ крестомъ—Kreuzstab замѣняетъ собой въ VII и VIII в. въ монцской школѣ обычный жезлъ ангеловъ. Онъ перешелъ туда изъ Палестины (крестъ въ рукахъ ангела при изображеніи Воскресенія Христова). *Stuhlfauth* оставляетъ въ сторонѣ рядъ мелкихъ памятниковъ VI в.

няхъ, напимѣрь, на кускѣ матеріи VI вѣка изъ Ахмима, гдѣ изображенъ архангелъ Михаилъ или святой Георгій, поражающій дракона крестомъ на длинномъ древкѣ, въ формѣ посоха.¹ Жезлъ, увѣнчанный крестомъ, находится и въ рукахъ ангела на кольцѣ Берлинскаго музея. Ангелы, какъ это отмѣчаетъ Stuhlfauth, имѣютъ кресты въ различныхъ сценахъ: въ Благовѣщеніи, архангелъ Гавріилъ, въ Воскресеніи Христовомъ, въ сценѣ трехъ отроковъ въ пещи огненной. То же и у отдѣльно изображенныхъ ангеловъ. Архангелъ Михаилъ имѣетъ иногда крестъ въ отличіе отъ остальныхъ ангеловъ.² Въ нашемъ случаѣ трудно сказать, имѣлъ ли изготовитель въ виду просто ангела, или, повторяя изображенія на монетахъ, почиталъ его архангеломъ Михаиломъ.

Изъ сравненія съ другими мелкими издѣліями VI вѣка можно вывести, что рассматриваемое нами изображеніе, хотя и сдѣлано по столичному образцу, все же по исполненію скорѣе напоминаетъ провинціальное искусство.³ Впрочемъ — при Юстинѣ I же и при Юстиніанѣ замѣчается упадокъ искусства чеканки и столичныхъ монетъ. Небрежность исполненія перстня можетъ быть объяснена и тѣмъ, что онъ изготовленъ изъ болѣе дешеваго матеріала. При отсутствіи достаточныхъ данныхъ, все же, скорѣе всего, можно склониться къ тому выводу, что, если перстень и не былъ сдѣланъ въ столицѣ, то, вѣроятно, въ одномъ изъ городовъ Балканскаго полуострова.

Для датировки кольца, можно намѣтить слѣдующія границы. Одна не раньше царствованія Анастасія (491—518), когда появился прототипъ изображенія. Другую можно приблизительно намѣтить при помощи найденныхъ вмѣстѣ съ кольцомъ монетъ. Обѣ онѣ времени Юстиніана, одна изъ нихъ 553/4 года, но сильно потерта. Слѣдовательно, погребеніе съ наибольшей вѣроятностью можетъ быть относимо къ концу царствованія Юстиніана или къ правленію ближайшихъ его преемниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кольцо также сильно потерто, слѣдовательно, и оно находилось довольно долго въ употребленіи. Что касается перваго срока, то мы видѣли выше, что по стилю кольцо относится скорѣе ко времени Юстина I и Юстиніана (началу его царствованія), но не позднѣе, такъ какъ потомъ преобладаютъ фронтальныя изображенія. Поэтому,

¹ Cabrol, Dictionnaire d'archéologie chrétienne. t. III². Croix. col. 3126; fig. 3412.

² G. Stuhlfauth, Engel in d. altchristl. Kunst p. 247. Благовѣщеніе на Берлинской пиксидѣ. O. Wulf, Altchristliche u. byzantinische Kunst. I. Handbuch d. Kunstwissenschaften. t. III 1 p. 188; fig. 187. Пластика изъ коллекціи гр. Уваровой J. Strzygowski, Das Etschmiadzin-Evangeliar. p. 43. Болонскій диптихъ. G. Stuhlfauth, Die altchristliche Elfenbeinplastik. Archäol. Studien zu christl. Altertum u. Mittelalter. 2. Freiburg in B. 1896. tab. III². p. 130 sq. Ангелъ въ сценѣ трехъ отроковъ въ пещи огненной и изображеніе ангела на муранскомъ диптихѣ. Wulf, Altchristl. u. byzantin. Kunst. t. I; p. 187; fig. 186. Воскресеніе — ампулла изъ Монцы. O. Dalton, op. c. p. 625; fig. 398. Изображеніе архангела Михаила съ жезломъ, увѣнчаннымъ крестомъ, на кольцѣ изъ Ахмима и на глиняной печати. O. Михайлъ: Stuhlfauth, Engel in d. altchristlichen Kunst. p. 46.

³ Рядъ изображеній ангела съ длиннымъ крестомъ встрѣчается на Востокѣ, напимѣрь, въ Малой Азіи (Смирна), Палестинѣ (Stuhlfauth, Engel in altchr. Kunst p. 257), Александріи и на Западѣ, въ Италіи.

намъ кажется наиболѣе приемлемымъ отнести кольцо къ первой половинѣ VI вѣка и, можетъ быть, точнѣе, къ первой четверти его, не отодвигая слишкомъ назадъ дату его изготовления.

UN ANCIEN ANNEAU SIGILLAIRE, PROVENANT DE VARNA.

(Résumé.)

L'anneau sigillaire, provenant de Varna, a été déterré ensemble avec deux monnaies de Justinien I^{er} dans un sepulcre. Les deux monnaies, très usées, sont en bronze; on peut encore distinguer sur l'une d'elles la date — la XXVII année du règne de Justinien I^{er}, c'est à dire 553-4 A. D.

L'anneau-cachet, portant sur son chaton ovale un ange avec une croix à long manche, se compose d'une pièce: le joue aplati d'un côté sert de chaton-cachet à la bague. On trouve des anneaux d'une forme analogue parmi les bagues du Bas Empire, exécutées d'une pièce, mais d'une autre manière, que la notre. Cependant on peut signaler à cette époque le même procédé technique-raplatissement du joue, formant un chaton plus large que le cercle de l'anneau-pour l'exécution de bagues non sigillaires.

La figure de l'ange à la croix au long manche ou crosse, que termine une croix, est assez répandue sur les menus objets d'art du VI—VII siècle. Une ressemblance frappante doit être constatée entre la figure de l'ange, que porte l'anneau de Varna, et celle de l'ange ou victoire d'une monnaie en or d'Anastase I^{er}, frappée à Constantinople. On y retrouve la même pose, vêtement et croix, mais les proportions de la figure ont changé, l'exécution est moins fine et d'un caractère plus provincial. Quelques traits de commun à la figure de l'ange de Varna avec quelques autres menus objets d'art provincial (gemme, sceau en terre cuite). L'étude de l'iconographie et du style mène à la conclusion, que la bague a été exécutée dans quelque grand centre commercial de la péninsule Balcanique, mais pas dans la capitale.

Les données iconographiques (la bague a pour modèle une monnaie d'Anastase I^{er}), du style et les conséquences, qu'on peut tirer de la trouvaille avec la bague déjà usée de deux monnaies du Justinien I^{er}, permettent à placer l'exécution de l'anneau de Varna à la première moitié, et peut être même au premier quart du VI^e siècle.

S. P. ŠESTAKOV:

К ИСТОРИИ ГРЕКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИИ В ТРЕТЬЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ X-го ВЕКА.

В первом из прилагаемых писем Арефа Кесарийский поздравляет императора Романа Лакапена с его крупным дипломатическим успехом, свадьбой его внуки, дочери его сына Христофора с болгарским царем Петром (8-го октября 927 г.). В этом письме хорошо отразились те чувства, которые переживала вся страна. Нужно перенестись в те времена, когда писались Арефой эти строки. Второе и первые годы третьего десятилетия X-го в. были полны для Византии тяжелых неудач в борьбе с могучим соседом. Дважды, хотя и на короткое время, доставался в добычу жестокому завоевателю Адрианополь. Самая столица видела, как ближайшие села и поля и ее собственные предместия опустошались болгарами. Только теперь, наконец, наступала пора успокоения. Вес лишний мир представлялся обеспеченным со вступлением в краткий союз с Византией болгарского царства. Ни Венгрия, ни другие соседние царства уже не были страшны. Правда, еще в договоре Византии с Русскими 944-го г. находим статью, обеспечивающую помощь русских Византии против Болгар в случае их нападений на Херсонскую область, но со времени смерти великого царя Симеона, о какой нибудь опасности для Византии от Болгар не могло быть и речи.

Определенным *terminus post quem* для *второго* письма является то обстоятельство, что Арефа несомненно титулует Романа в конце письма *к* единодержавного правителя. Но дальше ведет нас собственный повод письма Арефы к митрополиту Ефеса Григорию, тот случай с диаконом Стефаном, в коем Григорий, бывшая глава адрианопольской церкви (см. начало письма), выступал на защиту его, встречая отпор со стороны Арефы в настоящем его письме. Какова была провинность Стефана, об этом мы узнаем в строках 38—42 срв. 54—58. Повидимому, Стефан с другими представителями города, вероятно Адрианополя (Григорий, бывший адрианопольский, защищает своего подчиненного), был оставлен болгарами заложником (другие бежали, он не успел, стр. 64 след.), при чем связал себя письменною клятвою, стр. 38 срв. стр. 5.

Можно предполагать, что преступок диакона Стефана относится к одному из тех захватов Адрианополя болгарским царем какие нам известны из летописи (первый, 914 г., *λάμτρος*, 'Ιστ. τ. 'Ελλάδος IV 311: Theoph. Contin. 387₁₄—388₄ cf. Georg. mon. Contin. 805_{14—18}, Sym. Mag. 723_{3—8}, Cedr. 284_{10—16}, второй, по *Златарскому*, 922₁, Theoph. Contin. 404₁₈—405₁₀ cf. G. Mon. Contin. 823_{7—23}, Sym. Mag. 734₁₉—735₉, Cedr. 302₂₁—303₁₄), скорее, думаем (см. ниже), второму. Здесь важно установить обстоятельства выступления на театре болгарской войны епископа Русия Евфимия, о стойкости коего с такой похвалою говорит Арефа в строках 59—65. Здесь с пользою могут быть привлечены письма

патриархи Николая, рядом с перепиской императора Романа с Симеоном важный побочный источник для нашего периода. Авторитет господствующей церкви, ее влияние на τὸ νεοφώτιστον ἔθνος (с этой стороны письмо напоминает о мирном периоде глубокого культурного влияния Византии на Болгарию, в 893—913 г. г.) для автора письма вещь первостепенной важности, как видно в его возражениях митрополиту Грипорию по делу Стефана. Нельзя никоим образом допустить, чтобы этот авторитет был поколеблен в глазах болгар.

Мы позволяем себе высказать догадку, что епископ Русия Евфимий, называемый в нашем письме, есть тот епископ, которого, не называя его по имени, упоминает патриарх Николай в своем 22-ом письме¹ как своего посла к болгарам.

Полагаем, три соображения говорят в пользу такой догадки: 1, в переговорах о мире 921-го г. шла речь об обмене пленными, как в письме Арефы, стрр. 74—75; 2, общая картина положения на жанре войны отражена в себе, в стрр. 67 сл., критическое положение Византии в 920—921 г. г.; 3, стойкость епископа, описываемая Арефой, хорошо подходит к характеру, какой мы можем предполагать у лица, уполномоченного патриархом в эту критическую минуту, обремененного его особым доверием, его «сына».

Город *Русий* находился в югозападной части Фракиевой славы, иных в 40 к западу от приморского города Родоста (Родосто).² Область уже в 921-му году была оккупирована болгарам.

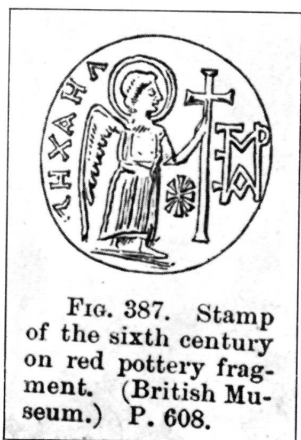
Если вышеупомянутое отождествление Евфимия с епископом, «сыном» патриарха вероятно, то естественно думать, что Стефану ставился в пример подвиг этого лица; значит проступок диакона Стефана относился ко второму захвату Адрианополя болгарам.

Но мы можем также думать, что протекло уже порядочное число лет от всех этих событий до поры написания Арефой данного письма. Об этом говорят не только выражения письма об Евфимии: θαυμάσιος καὶ ζηλωτὸς Βουλγάρους καὶ Ῥωμαίων εἰσὶν νῦν διατελὼν ἡμακαρίζετο, стрр. 62—64, но и вообще последняя часть письма: опасности давно миновали, лист заключен и речь идет о том, чтобы не поколебать авторитета церкви в глазах болгар.

Относительно заключительного сообщения Арефы о передаче императором Романом письменного договора с болгарам в церковь, стрр. 108—111, заметим, что, по словам византийской летописи (см. и Λάμπρος IV 316) договор, последовавший за свиданием Романа с Симеоном в начале сентября 924-го г., сопровождался дурными предзнаменованиями. Это *vaticinium post eventum* дает основание заключать о некоторых осложнениях в отношениях с болгарам, последовавших в промежутке между 924 годом и смертью 27 мая 927-го г. Симеона, наложившей конец затруднениям Византии. Возможно, что к этим неизвестным нам ближе обстоятельства относится данное место письма Арефы.

¹ См. V. N. Zlatarski, История на Българската държава, т. I. ч. 2. (София 1927) стр. 438 и 833, примеч. 4.

² См. Histor. Atlas of modern Europe by Lane-Poole, т. LXXIa. LXXII: The Eastern Roman empire in the X. century (Oxford 1902), p. 950.



I



II



III



IV



V

Къ статьи М. А. Андреевой, Древній перстень изъ Варны.

ΠΙΣΜΑ ΑΡΕΦΥ ΚΕΣΑΡΙΪΣΚΟΓΟ, cod. Mosq. gr. bibl. s. Synodī, no. 315, fol. 105^v.

Ῥωμανῷ βασιλεῖ.

- Επὶ μεγάλῳ κατορθώματι τῆς νῦν ἐνεργουμένης κοσμικῆς εἰρήνης καὶ ὃ μηδεὶς ἡλπισεν ἀνθρώπων, ἐκ μέντοι τῆς τοῦ ὑπεραγάθου Θεοῦ ἀνυπερβλήτου χρηστότητος ἐπιτελεσθέντι, αὐτῷ τῷ μεγάλῳ καὶ θαυμαστῷ ποιοῦντι Θεῷ τοὺς εὐχαριστηρίους ἀναπέμπομεν φωνας, ὡς δυνατόν ἀνθρωπίνῃ φύσει· σὲ δέ, βασιλεῦ
5. θεόσπεπτε, ἐφ' οὗ ταῦτα ἡγδόκησεν ὁ ἀγαθὸς Θεὸς τοὺς ὑποχειρίους ἡμῖν βραβυθέντα, τιμῶντες καὶ τῆς εὐτυχίας τοῦ τοσούτου μακαρίζοντες ἀγαθοῦ, ἀφ' ὧν ἡ πενία ἡμῶν εὐπορεῖ δεξιούσθαι τετολμήκαμεν, ἀνάξια μὲν ἴσως τῆς σῆς τοῦ λαμβάνοντος τύχης καὶ δόξης, ἀλλὰ τῆς προθυμίας ἡμῶν ἐκ περιχαρείας τῶν τελουμένων τοῦ μεγάλου νομισθῆναι οὐκ ἐλαττούμενα, καὶ μάλιστα ὅτι τοιοῦτοις
 10. τὸ ἐπίγειον κράτος διαφοροροῦμεν, ὅπόσοις καὶ τὴν ἀνώτερον πάσης ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας Θεόν· θυμίαμα γὰρ ἐκλεκτὸν τὸ δωρούμενον ἐν χρυσαργύρῳ σκεύει τεταμειμένον, καὶ διὰ τούτων αἰνιττόμενοι καὶ εὐχόμενοι τὸ εἰς ὁσμήν εὐωδίας Θεῷ καὶ ἀνθρώποις προβῆναι τὰ νῦν ἐπὶ τῇ κοσμικῇ εἰρήνῃ διοικούμενα, καὶ τῷ ἀπὸ τῆς βασιλείου ὁσφύος εὐγενεῖ βλαστήματι εἰς σύνδεσμον ἀδιάσπαστον τῆς
 15. εἰρήνης πρὸς γάμον ἐκδιδόμενῳ, καλλίτεκνον καὶ πολύτεκνον προβῆναι τὸ ἔργον, ἵνα μὴ μόνον ἡ Ῥωμαίων ἀρχὴ καὶ βασιλεία διὰ τῆς σῆς διακοσμηται αὐτοκρατορικῆς δόξης, ἀλλὰ καὶ τὰ βάρβαρα ἔθνη ὅλα διὰ τοῦ συγγενοῦς ὑμῖν ἐγκεντρίσματος ἐξημερώτον καὶ πρὸς ἀνθρωπίνης ζῆς ἄρ στὴν μεταποιῇται καὶ μεθαρομύζηται.

Γρηγορίῳ μητροπολίτῃ Ῥεφέσου.

- Ἀνεύθυνός σοι, σοφὲ τὰ πάντ' ἀδελφέ, κύριε Γρηγόριε, ὁ χρηστὸς οὗτος Στέφανος, ὃς ἦν ὅτε Ἀδριανουπόλεως ἀρχιερεὺς ἐρημάτισας, ἐφ' [f. 111] τὰς ἐνόρκους αὐτοῦ παρασπονδήσας ὁμολογίας, εἶτα φυγὰς ὑπὸ ἀρρίχῳ κρυπτόμενος δρασ-
5. μὸν ἐξετέλει, τῶν φοβερωτάτων αὐτοῦ ἀφειδήσας ὄρκων· οὗ σοι γένοιτο φιλαδέλφῳ κατ' ἄκρας ἀναφωνέντι καὶ τῇ ἀγχιστροφῷ σου περινοίᾳ μὴ μόνῃ τῇ παρ' ἑαυτῷ δεξιώτῃ ἀρκουμένῳ, εἰ μὴ καὶ θεῖα πρὸς ταῦτα ὑποδείγματα παρακαλοῦντι πρὸς ὁμαχὸν τινα πίστιν τὰ προτεθέντα ἐξάγειν προηροίμενῳ, ἣ καὶ αὐτῇ οὐκ ἀδόκιμος ταῖς ἀποδεικτικαῖς ἐφόδοις νενόμισται, ὧν ταῖς ἐκ βαθυτάτων τῶν λογισ-
 10. μῶν ἀποδείξεσιν ἐπαγομένη καὶ ἐπιρρωννύσα τὸ κατασκευαζόμενον¹, καὶ τὸ γε κρεῖττον ἐν τούτοις ἀναντιρρήτως νομιζόμενον οὐκ ἐξ οἰκείως λαμβάνων εὐρέσεως,

¹ Перевод строки 6—12: Пусть удастся здесь небе, проявившему чрезвычайное братолюбие, и в своей изворотливой рассудительности, не удовлетворяясь только своим мастерством, но и приводя на то божественные примеры, довести поставленный вопрос до достоверности и сопровождаемой, задавшись этой задачей; каковая вера (здесь «вера» повод. в некотором контрасте с *gatis*) выдерживает, как принято думать, испытание и сама (т. е. и в этой области доводя он *диа* примеников, как в логике) в методах доказательств, наводя и подкрепляя устанавливаемое посредством доводов из глубочайших недр *циа*». — Арефа, письмо к Григ., строки 6—12.

- ἐκ δὲ τῶν Πέτρῳ ἱερομάρτυρι πεπονημένων κανονικῶν ἐπιστολῶν προάγων, ὡς ἔοικεν εἰς ἀξιώπιον τὸ σοὶ πρεσβευόμενον· τὰ δὲ ἦν Πέτρος τῶν ἀποστόλων, ὁ πρόκριτος καὶ Παῦλος τὸ σκεῦος τῆς ἐκλογῆς καὶ διὰ αὐτὸς ὁ θεάνθρωπος
15. ἡμῶν Κύριος καὶ Σωτὴρ ἀπὸ τῶν αὐτοῖς πεπραγματευμένων τὸ ἀμώμητον δῆπου καὶ τῇ μετὰ χεῖρας περιστάσει ὀρίζοντες, ἐπεὶ καὶ αὐτοὶ φυγαδεύει τὸ κινδυνώδες τοῦ καιροῦ ὑπεκκλίνοντες οὐδεμιᾶς ἐνοχῆς διὰ ταῦτα ἡξίωνται· ἀλλὰ γὰρ σκοπεῖν ἀξιάγαστον ὥς οὐκ ἡ τοῦ πάθους ὁμοιότης κοινωνοὺς ἀναδείκνυσιν καὶ τοὺς πάσχοντας τοὺς πρὸς οὓς ἀναφέρειν ἡμῖν ἡ σπουδὴ τὸν βέλτιστον Στέφανον, εἰ
20. μὴ καὶ πολλῷ τῷ μέσῳ τοῦτον διαστελλόμενον ἐνθεωρεῖν ἐστὶ τῇ προκειμένη παραβολῇ, Πέτρος ὑπ' ἀγγέλου τοῦ Θεοῦ πρὸς τὴν φυγὴν παρορμώμενός τε καὶ συνεργούμενος, δι' οὗ ἡ περιτομὴ τὸ εὐαγγέλιον ὑποδέξεται, Παῦλος δὲ σαργάνῃ χρησάμενος καθιμασθῆναι τοῦ τείχους, ἐφ' ὅτε διαφύγοι τὸν ἀπολέσαι ζητοῦντα, καὶ αὐτοὺς ὑπὸ τῶν αἰσάρχων ἀποκρυβῆναι ἠνέσχετο, πρὸς τοῦτο Θεοῦ συναι-
25. ρομένον τοῖς τοῦτο πραγματευσαμένοις πιστοῖς, ὡς ἦν δι' αὐτοῦ τοῖς ἔθνεσι διαδοθεῖν τὸ σωτήριον μάθημα· ὁ δὲ Σωτὴρ ἡμῶν Θεὸς ἐκ σαργάνων εἰς Αἴγυπτον φυγαδεύεται, καὶ οὐ μόνον ἵνα τὰ βδελύγματα τῶν Αἰγυπτίων τῇ τούτου παρουσίᾳ κατασεισθῇ, ἀλλὰ καὶ τῷ μήπω καιρὸν εἶναι Ἡρώδην τῇ χριστοκτονίᾳ κατακρυβῆναι. Καὶ οὗτοι μὲν οὕτως προβάντες οὐκ ἤδη ἀνοίους ὑπεύθυνοι, ἀλλὰ
30. καὶ δόξης οὐ μὲν οὖν ὅσης ἔρειν ὑπὸ γε πράγμασι θείοις τυγχάνουσιν· οὐ γὰρ καὶ ὄρκῳ ἐγγράφῳ τῷ μὴ ἀποδρᾶναι κατησφαλισμένοι μὴ πρὸς ἕτερον ἀποκλίνειν ὅλου βίου δεσπότην, ὡς οὗτος αἰσχροῦς καὶ ἀναξίως ἀρχιερέων Θεοῦ, εἰ τὰ μικρὰ τῶν ὄρκων φροντίσαντες τῆς κατ' αὐτὸν παλιντροπίας γεγόνاسιν· πῶς οὖν Στέφανον τούτοις· συνεξετάζειν ἐξ ὁμοιότητος μόνης τῆς περιπετείας οὐ το-
35. λμολρόν καὶ οὐδὲ πόρρω τοῦ θεοχόλωτος ὁ οὕτω φρονῶν κλείνεσθαι, ὡς εἴ τις καὶ τοὺς σταυρῷ [f. 111²⁰] διὰ ἀσέλγειαν ἐπιτετιμημένους μανιωδῶς τῷ Σωτῆρι Χριστῷ παραβάλλει καὶ Σίμωνα τὸν μάγον ἐγκλήματος ἀπολύει εἰς μίμησιν τῆς τοῦ Θεοῦ ἀναλήψεως ἢ καὶ τῆς Ἡλίου τοῦ Θεοβίτου, ὑφ' ἧς συντριβεῖς ὁ κάκιστα ἀπολούμενος τὸν βίον κατέστρεψεν; ἀλλὰ γὰρ τῷ μὴ καταλλήλως προσνέμειν ταῖς
40. ἀφορμαῖς καὶ τὰ τέλη, ἀλλὰ βιάζεσθαι τοῖς τέλεσι καὶ τὰς ἀφορμὰς ὑποκλίνειν ὄρας ὡς νομοθετοῦντος ἐστὶ καὶ βιάζομένου τὰ ἱερὰ γράμματα, οὐ πρὸς τὸν ἐνόντα σκοπὸν ἀπευθύνειν τὸν νοῦν τῷ συντάγματι. Πῶς γὰρ οὗτος ἐνάμιλλος τούτοις ὁ δέματι τοῦ φωραθῆναι, ὡς ἔφθιμεν εἰρηκότες, ἀρρίχῳ ἑαυτὸν ἀφανίσας τοῦ μὴ τῆς παραβάσεως τίσαι δίκην, ἣν φωραθεὶς ὕστερον ἀνέτλη τῆς γενεαίδος αἰσχρῇ δρωθεὶς ἀποτίλσει καὶ ποδοκάκοις τοὺς πόδας περιβληθεὶς, ἔξδὸν αὐτῷ μὴ
45. τούτοις ὑποβληθῆναι, εἰ κατ' Εὐθύμων τὸν τοῦ Ῥουσίου διεγένετο ἀρχιερέα, εἰς μηδὲν τῶν προταθέντων ὑπὸ Βουλγάρων ὑπέξαντα, ἀλλ' εὐσταθῶς ἄγων τὰς ἀπειλὰς ὑπενεγκόντα, ἀφ' οὗ καὶ θαυμάσιος καὶ ζηλωτὸς Βουλγάρους καὶ Ῥωμαίους εἰσέτι νῦν διατελῶν ἐμακαρίζετο; ἵνα δὲ τῇ φυγῇ σωτηρίων Στέφανος ἐτέροις οὐχ ἑαυτῷ διοικήσεται, ἥπερ οἷς παριστοῦν αὐτὸν ἐκθυμώτατα κρίνετε τούτοις ἐναθλεῖν
50. εἴλετο ἀλλ' ἔστιν οὐκ ἄλλο οὐδὲν ἢ τὸ δεισμαχώτατον συγκροῦσαι τὰ φονικῶς ἑαυτοῖς ἐφορμῶντα Ῥωμαίων τε καὶ Βουλγάρων ἔθνη· ὁ καὶ δυστυχῶς ποιοῦν ἐκτετέλεσται διαστασιαθέντων ἐντεῦθεν μανικώτερον Βουλγάρων τῇ τῶν ὄρκων τούτου παρασπονδήσει, ἅτε ἀρχιερέως Θεοῦ, οὕτω διαγενομένου, τῶν τέως χρη-

- στοτέραις ἐλπίσι τοῦ φιλῶς συμβῆναι συγκροτουμένων καὶ τέλεον τὰ εὐμενέ-
 55. στέρα ἀπεγνωκότων. καὶ οὐ τοῦτο μόνον, ἀλλὰ καὶ μετὰ τὴν τῆς εἰρήνης ἐπαγ-
 γελίαν ἐπὶ τοῖς πρὸς τὴν ἑαυτῶν ἀνασωζομένοις αἰχμαλώτοις, ὅσα καὶ οἷα πεπο-
 νήρευται οὐκ ἄκαιρον ἐπισκέψασθαι, ὥς ἂν ἡ διὰ πάντων τὸ ἐν ᾧ πασι καταφανὲς
 πάντολμον καὶ αὐθεκᾶστος πανοῦργον. Ἄλλ' ἴσως ἀντεφορμῆσεις ἡμῖν ὁ τὰ πάντα
 60. πρᾶς καὶ μελῶς, καλὰ μὲν εἶναι ταῦτα φάσκων καὶ ἀποδοχῆς ἄξια, καὶ ἐκ με-
 τώρων δὴ τῶν πραγμάτων μὴ ἂν αὐτὸν ἀποκεκλείσθαι τῆς μεθ' ἡμῶν πρὸς τὴν
 πνευματικὴν θυσίαν προσλήψεως πρὸς ὃ τοῦτο ἐροῦμεν ἐτοιμῶς, ὥς ἐπ' ἐκείνοις
 ἴσχυν ἔσχηκεν ἀδαμαντίνην, ὃ χρηστέ, τὸ σοφὸν διαβούλιον τοῦτο, ἐφ' οἷς οὐδεὶς
 τις ἔτι τῆς κατακρίσεως τοῦ αἰτιαθέντος παραθιγγάνων κατεῖληπται, οὐδὲ δῆμος
 ὅλος ἱερωμένων καὶ τοῦτο νεοπαγῶν πρὸς εὐσέβειαν καὶ ἐπὶ μικροῖς καὶ τοῖς
 65. τυχοῦσι τὸ σκανδαλίζεσθαι προχειρότατος καὶ ἀφ' ἡμῶν ἐκδεχόμενος τὸ τὰ θεῖα
 ῥυθμιζέσθαι τῆς τούτου κοινωνίας ἀτέρρηξε [f. 112] στάδιον. ἢ φῆς, πρὶν ἀπ'
 ἐκείνων προσλαβεῖν τὸ ἐνδόσμιον, εἴτε σὺν λόγῳ εἴτε καὶ μὴ, τὰ τῆς πρὸς αὐτὸν
 διαστάσεως ἐνεργὰ τοῦτοις νενόμισται, ἕως ἂν κατὰ τὸ ἄμεινον ταῦτα διαιτηθῇ,
 ἡμεῖς δὲ φθάνομεν ἐπιεικέα δῆθεν τὴν τῶν αἰπαμάτων διάγνωσιν, ἥτις σκαν-
 70. δάλου αἷτιον ὑπάρξει δῆμῳ τοσοῦτω πιστῶν, οὐ τῷ τοῖς ἀψάστοις μόνῳ προσ-
 λιπαροῦντι Θεῷ, ἀλλ' ἤδη καὶ τῷ λοιπῷ τῆς ἐκκλησίας πληρώματι; ἀλλ' ὅσος ὁ μῶ-
 μος καὶ οὐδὲ τυχὸν τὸ παράπαν ἀκίνδυνος, σκοπεῖν χρή. πλὴν εἴ τις ἄλλος τοῦ
 καὶ ἕνα σκανδαλίζοντος ὑπέχειν χρή. πλὴν εἴ τις ἄλλος τοῦ καὶ ἕνα σκανδαλίζοντος
 ὑπέχειν ἱκανὸς τὸ ζημίωμα, οὐδεὶς φθόνος. ἐμοὶ γοῦν οὐκ ἀνεκτόν, ὅτι μηδὲ ἐν
 75. ὄροις ὑπέιληφα τὸ κακὸν ἡσυχάσειν, ἀλλ' ὑπερχεθῆναι τῶν ἑαυτοῦ τόπων καὶ ὃ μὴ
 εἶη, Κυριε τοῦ ἑλέους, δευτέρων ὑπόρξειν δυστυχεστάτων πραγμάτων ὑπόθεσιν
 ἐκ τοῦ καταγινώσκειν ἡμῶν τῆς περὶ τὰ θεῖα ὀλιγορίας ἀνασώβουμένης ἀκά-
 θεκτα. ἀλλὰ γοῦν μικρῷ ἔτι τούτῳ λόγῳ ποθεῖ συνεγελασθῆναι ἡμῶν καλὴ γε
 ταύτη σπουδὴ καὶ ἐπαινουμένη. ἀλλὰ ἀφαιρούμενος Βουλγάρων τὸ κύριον ἔγ-
 80. γραφον καὶ ἐπιδιόους τῇ καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίᾳ, ἕως δ' ἂν μὴ τοῦτ' ἦ, ὃ ὄν, τὸ τοῦ
 λόγου, τίλλειν ἐπιχειρεῖ. οὐδὲ γὰρ ὁ θειότατος ἡμῶν δεσπότης καὶ βασιλεὺς κύ-
 ριος Ῥωμανὸς ἦνυσεν τι τῶν καταθυμίων αὐτῷ, ἐξ ὧν τὰ ἐξ ἀβουλίας ἡμῶν ἔγ-
 γραφα παρέσχεν ἡμῖν, καίτοι γε οὐδενὶ κατασφαλισμένα ὄρω, — ὅσον δὲ τὸ ἀπλῶς
 λόγῳ τι ὑπισχνεῖσθαι τοῦ μετὰ σκέφους εἰς ἀθέτησιν ἀσθενέστερον —, οὐκ οἶμαι
 85. ἀγνοεῖν οὐδὲ τὸν τυχόντα, ὥς οὐδὲ ἡ, εἰ μὴ καὶ μᾶλλον ὁ κίνδυνος τούτου παρο-
 μαρτεῖ τῷ τὰς ἐνόρκους πίστει παρὰ φάυλον τιθέντι καὶ τῷ μηδενὶ παραρρι-
 πτεῖν ἴσῳ εὐεμπτώτως ἄγαν εὐολισθαίνοντι.

ZUR GESCHICHTE DER GRIECHISCH-BULGARISCHEN BEZIEHUNGEN IN DEM DRITTEN JAHRZEHNTE DES X. JAHRHUNDERTS.

(Resumé).

1. Im ersten der hier publizierten Briefe, in dem Arethas v. Caesarea dem Kaiser Romanos Lakapenos zu seinem grossen diplomatischen Erfolge, nämlich der Vermählung seiner Enkelin, der Tochter seines Sohnes Christophoros, mit dem bulgarischen Zaren Peter (d. 8. Oktober 927), Glück wünscht, gibt er seinen großen Hoffnungen den lebhaftesten Ausdruck. Wir müssen uns in die Zeiten zurückversetzen, uns die Ereignisse klar vorstellen, unter deren Eindrucke dieser Brief geschrieben wurde. Die ersten Jahre des dritten Jahrzehntes waren voll schwerer kriegerischen Misserfolge... Endlich schien eine Zeit der Ruhe einzutreten und mit dem Tode des schrecklichen Gegners der Weltfriede geschert.

2. Die eigentliche Veranlassung zu dem zweiten Briefe, das Vergehen Stephan's des Diakonos, dessen Vertheidigung Arethas übernimmt, soll im Adrianopel stattgefunden haben: Gregorios, jetzt Metropolit von Efesos, war früher, als Kirchenvorsteher in Adrianopol, Stephan's Vorgesetzter gewesen. Man kann annehmen, das Stephan's Fall mitt der zweiten Einnahme Adrianopel's, die dem Bulgarenfürsten in Jahre 923 gelungen war, in gewissem Zusammenhange gestanden hat.

Die Briefe des Patriarchen Nikolaos, nebst dem Briefwechsel des Kaisers Romanos und des Zaren Symeon eine wichtige Nebenquelle für unsere Perioden, können hier zur Erklärung unserer Briefes vortheilhaft benutzt werden.

Wir glauben die Vermuthung äussern zu können, dass Euthymios, der Bischof von Rusion, der in unserem Briefe erwähnt wird, derselbe ist, den wir aus dem 22. Briefe des Patriarchen Nikolaos als seinen Gesandten zu den Bulgaren kennen, den der Patriarch, ohne ihn zu nennen, erwähnt. (cf. *Zlatarski*, Gesch. d. bulg. Reiches, I, 2, S. 438 u. 833 Anm. 4).

Drei Beweise können wir für unsere Vermutung anführen: 1. In den Friedensverhandlungen d. J. 921 (*Zlatarski*, Geschichte d. bulgar. Reiches, I 2, [1927], s. 430) war, wie in unserem Briefe, von dem Austausch der Gefangenen die Rede. 2. In den Verhältnissen, wie sie unser Brief hier darstellt, spiegelt sich die kritische Lage des Reiches i. d. J. 921—922 ab. 3. Die Standhaftigkeit des Bischofs, die unser Brief beschreibt, passt gut zu dem Charakter, den wir für die bevollmächtigte Person, der der Patriarch unter diesen Umständen einem wichtigen Auftrag anvertraut haben musste, annehmen können.

MILOŠ WEINGART:

FEODOR IVANovič USPENSKIJ

(* 7. II. 1845 – † 10. IX. 1928)

A JEHO VÝZNAM V DĚJINÁCH RUSKÉ BYZANTOLOGIE.

Předneseno zkráceně 28. listopadu 1928 v Praze na slavnost. schůzi na počest zesnulého vůdce ruské byzantologie.

Právě v památný den 28. října 1928 vzpomínali ruští učenci v Leningradě jednoho z nej přednějších představitelů ruských věd historicko-filologických, člena ruské, české i jiných Akademii nauk, Feodora Ivanoviče Uspenského,¹ jehož po zehnaný věk 83 let, vyplněný až do posledka neunavnou prací, je již sám o sobě kusem historie ruské vědy, a zvláště ovšem byzantologie. V české vědě a konečně i na Západě je dílo Uspenského málo známo. V Českém Časopise Historickém od roku 1902 po dobu téměř třiceti let jeho díla nebyla zaznamenávána, a podobně je tomu i v jiných českých odborných časopisech. Ale i v cizí vědecké literatuře je zpráv o něm málo. Lze to vysvětliti vnějšími okolnostmi, že jeho sedmdesátileté (1915) i osmdesátileté (1925) jubileum padlo do neklidné doby, kdy ruská věda těžce přemáhá neblahé poměry, a kdy i spojení mezi ní a Západem je znesnadněno. O 70. narozeninách Uspenského je jen krátká noticka ve válečném svazku *Byzantinische Zeitschrift* (1915–1919). Jediná větší práce o Uspenském, napsaná za jeho života, je stať G. Popruženko, *Сорокалѣтне ученой дѣятельности акад. Феодора Ивановича Успенскаго*, řeč, pronesená v zasedání Historiko-filologické společnosti v Oděse 3. listop. 1911 (vyšlo v Oděse 1912, str. 41). Není tedy zbytečné věnovati zde Uspenskému vzpomínku,² která ovšem nemůže vyčerpati velké dílo zesnulého učenice v plném jeho rozsahu, nýbrž alespoň s hlediska slavistického, se zvláštním zřetel k byzantsko-slovanským vztahům, a v perspektivě dějin ruské byzantologie, jejíž práce pro poznání poměru Byzantska k Slovanům jsou ovšem nejvýznamnější. Jedna z posledních prací zesnulého badatele, v níž on sám stručně charakterisoval součinnost, je při tom dobrým vodítkem.³

*

¹ Slavnostní zasedání se konalo v malém konferenčním sále Akademie nauk SSSR péčí této akademie, dále Akademie historie materiální kultury, Byzantské komise Akademie nauk, Ruské Palestinské společnosti a kroužku přátel řeckého a latinského jazyka. Vstupní slovo pronesl akad. A. P. Karpinskij, obecný přehled vědecké činnosti Uspenského podal akad. V. P. Bužeskul, o jeho práci v Ruském archeologickém institutě v Cařihradě promluvil akad. S. A. Žebel'ev, o Uspenském jako zakladateli a vůdci Byzantské komise prof. V. N. Benčevič, o jeho předsednictví v Rus.-Palestinské společnosti též a konečně o jeho zásluhách o Kroužek přátel řeck. jazyka A. I. Malein.

² Slavnostní schůze, konaná v Slovanském semináři Karlovy university dne 28. listopadu 1928, měla tento pořad: zahajovací slovo - A. Kalitinskij, ředitel Seminarum Kondakovianum, přednášky - M. Weingart s hlediska slavistického a doc. G. A. Ostrogorskij z Vratislavě s hlediska byzantologického; prof. N. L. Okun'ev o činnosti Uspenského v Rus. Archeolog. institutě v Cařihradě.

³ F. Uspenskij, *Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie*, Byzantion II Paris-Liège 1926, p. 1-53. Ze starších prací je velmi užitečná informační stať Jar. Bidla, *Studia byzantologica* a K. Krumbachera *Geschichte d. byzant. Literatur*, ČCH VIII, 1902, s. 129 n., 270 n., — Z nekrologů srovn. D. N. Anastasijevič, *Bogoslovije*, organ pravoslavnog bogosl. fakulteta u Beogradu 1929, IV, s. 53-63 a N. L. Okun'ev, *Ročenka kruhu pro pěstování dějin umění*, v Praze 1928.

Byzantologie se osamostatnila jako speciální vědecký obor také na Rusi dosti pozdě, ale nikoli později než ve střední a západní Evropě, totiž teprve v letech devadesátých. Epochální rok 1890, rok prvního vydání monumentálních Krumbacherových dějin byzantské literatury, na nichž se nepřestáváme podívat velkolepé koncepci autorově stejně jako jeho pracovní výkonnosti, jaké je schopno opravdové badatelské nadšení, byl vlastně mezníkem pro organizaci byzantologie na Západě i na Rusi. Teprve r. 1892 byla zřízena první katedra byzantské filologie – v Mnichově, pro Krumbachera, a téhož roku byla založena *Byzantinische Zeitschrift*. V nejbližších letech potom následujících následovaly rychle za sebou další katedry a badatelské ústavy v Německu, ve Francii, v Holandsku, v Řecku – a současně i na Rusi, a zde v měřítku opravdu mohutném.¹

Ale také dřívější desetiletí ruské práce historicko-filologické, která byla s hlediska byzantologického vlastně dobou přípravnou, mají své místo v dějinách byzantsko-slovanského badání. Práce toho druhu se počínají na Rusi od let 40tých XIX. století, tedy zhruba od té doby, kdy slavistika si proklestila cestu na katedry ruských universit, a mají osobně i thematicky pevný svazek se slovanskou filologií. Ruští slavisté totiž od počátku, již po příkladě učeného bibliothekáře Alexandra VOSTOKOVA (1781–1864), věnovali vždy pilnou pozornost památkám církevněslovanským, a písemnictví církevněslovanské v širším smyslu (t. j. až do XVII.–XVIII. stol.) stálo vždy v popředí jejich zájmu, jak to konečně vyplývalo z jejich vlastních – ruských – dějin jazykových i literárních a z velkého bohatství ruských vědeckých i duchovních bibliothek, oplývajících právě rukopisy a starými tisky církevněslovanskými. Vzhledem k tomu, že velká část těchto památek byla díla překladová, a to ovšem hlavně překlady z byzantské řečtiny, přirozené při jejich studiu musila se brzo vyskytnouti otázka po poměru překladu k originálu, a tím tedy obrácen zájem k byzantským předlohám slovanských textů. Počátky ruské byzantologie jsou tedy filologické (chceme-li tak říci, literárně-historické) a byzantsko-slovanské. To je důležité mít na paměti pro pochopení dalšího vývoje této vědy. Čistě historické otázky, zejména ze vnitřní i vnější politické historie byzantského imperia, z jeho poměrů hospodářských a sociálních a pod., nebyly v popředí zájmu; studie byzantská byla zprvu pomocnou vědou slavistovou.

Ve starší ruské literatuře přední místo zaujímají letopisy a chronografy. A tak jedna z prvních prací ruské byzantologie (r. 1841) se obírá otázkou o překladech byzantských kronikářů.² Je to práce Spiridiona DESTUNISE (1818–1895), prvního ruského profesora, který se obíral byzantskými tematy (byl profesorem od r. 1860 v Petrohradě).³ Lze říci, že podstatná část rozlehlé literatury o t. z. nestorské otázce, již od konce XVIII. století, od samých počátků historické kritiky na Rusi – od dob SCHLÖZEROVÝCH – je věnována poměru kijevského

¹ Srov. K. Krumbacher, *Gesch. d. byzant. Literatur*, 2. vyd., München 1897, s. 1139 n.

² *Spir-Destunis*, ЖМНП. 1841, sv. 32, odd. II., s. 69–90.

³ Nekrolog Destunise v BZ IV, 1895, 646–648; bibliografie jeho prací Viz. Vrem. II, 1895, 317–326.

letopisu k byzantským kronikám.¹ Do tohoto oboru zájmového také patří práce Ev. de MURALTA, (1808—1895), zvláště jeho *Essai de chronographie byzantine* (v Petrohradě 1855—1873), vydání kroniky Georgia Hamartola, ovšem vydání právě tak málo kritické jako současně vycházející bonnský *Corpus byzantských historiků a chronistů*, založený G. Niebuhrem (vycházel 1828—1878).²

I první čistě historická, nikoli filologická *themata* v ruské byzantologii blížila se svému předmětu prostředím vědeckých zájmů domácích, ruských: tak když r. 1853 N. J. ARISTOV přednášel v petrohradské Akademii o významu byzantské historie ve světových dějinách a zvláště pro dějiny Ruska. Podobných prací slavistických by bylo lze snést více. Tyto řecko-slovanské studie ruských historiků a filologů měly hluboký základ ideový: ony byly přímým důsledkem světového názoru *slavjanofilského*, který byl tak rozšířen právě mezi zástupci duchovnědných oborů. Romantické přesvědčení o ideové nadřaděnosti řecko-slovanského světa nad světem románo-germánským pochopitelně lákalo ke studiu byzantsko-slovanské jednoty a jejích dějin. To jsou četné práce Vladimíra Ivanoviče LAMANSKÉHO (1833—1914) a jeho školy.³

Z prací Lamanského patří sem zejména jeho doktorská dissertace *Объ историческомъ изучении греко-славянскаго мира въ Европѣ* (v Petrohradě 1871, str. 316) a další rozvíti řecko-slovanské theorie v článku *Три мира Азийско-европейскаго материка* (v časopise *Славянское Обозрѣние* a zvláštní otisk, v Petrohradě 1892, str. 132). Také jeho analýsa církevněslovanské legendy o Konstantinovi (ЖМНП. 1903 a 1904; *Afsl Ph XXV*, 544—553 a *XXVIII*, 162—186) může sem býti přičtena. A v týchž desetiletích a celkem na týchž ideových základech vyrůstá na Rusi celá literatura, studující řecko-církevněslovanské vztahy ruského pravoslaví.⁴ v jejím čele jsou zasloužilí paleografové a filologové GORSKIJ a NEVOSTRUJEV, patriarcha AMFILOCHIJ, archimadrit LEONID, bibliothekář BYČKOV, A. N. POPOV, pronikavý analytik, N. F. KRASNOSEL'CEV, kníže VJAZEMSKIJ, zakladatel *Общества любителей пис'мственности*, ... celá galerie zasloužilých hlav. Ještě známý filolog Timothej FLORINSKIJ (1854—1919) náleží k tomuto směru, jakožto bývalý žák Lamanského, autor dissertace *Критическій разборъ свидѣтельствъ Константина Порфиророднаго о южныхъ Славянахъ* (v Petrohradě 1876), magisterské dissertace *Южные Славяне и Византия во второй четверти XIV. вѣка* (v Petrohradě 1882) a doktorského spisu *Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя Сербовъ и Грековъ* (Kijev 1888) i jiných menších prací.

¹ Podrobněji o tom mé *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské*, II. 2., v Bratislavě 1923, s. 112—142.

² Muraltovo vydání vyšlo v Petrohradě 1859 a bylo otištěno v Mignově *Patrologii*, series graeca, sv. 110; podrobněji o něm v mém cit. díle. O Muraltovi nekrolog *Viz. Vrem.* II, 1895, 725—728 a *BZ V*, 1896, 383 n.

³ O Lamanském viz zvláště nekrology *J. Polivky* ČČH XXII, 1916, s. 98—116 a *AfslPh XXXVI*, 1916, 609—624.

⁴ Viz o tom u *Vatr. Jagiče*, *История славянской филологии* (v Petrohradě 1910) celou kapitolu XXIII (632—658).

První ruský specialista byzantolog a organisátor byzantologie byl Vasilij Grigorjevič VASILJEVSKIJ (1838—1899). Studoval zpočátku klassickou filologii, která mu dala přísnost metody a zejména ho naučila kritice textové. R. 1862 byl universitou vyslán za hranice na studia a pracoval zejména u Mommsena a Droysena. Jeho magisterská dissertace se ještě netýkala byzantologie; zabývala se politickými a sociálními poměry starého Řecka v době jeho úpadku (1869). Hned na to se stal profesorem petrohradské university (1870) a tam působil až do své časně smrti. Jeho první byzantologická práce byla *Византия и Печенѣги* (ЖМНП, 1872). Jeho pokračovatel, F. Uspenskij, ještě po letech vzpomínal, jak na něho tato rozprava působila:¹ bylo to v ruské vědě úplné novum. Nová zde byla methodická erudice historická, hloubka pojetí předmětu, pronikavost analýsy pramenů, přesnost kritiky, psychologické a sociologické chápání historických pramenů. A stejnými přesnostmi, které také uznávají ostatní kritikové, vynikaly i ostatní četné práce Vasiljevského. Vycházely hlavně v *Žurnale ministerstva narodnago prosvěščenija*, jehož byl Vasiljevskij redaktorem 1870—1890 a z něhož vlastně vytvořil byzantologický orgán, dokud tato věda neměla časopisu vlastního; téměř v každém sešitě uveřejňoval své příspěvky. Při tom na universitě přednášel nejen byzantskou historii, nýbrž vůbec středověkou. Na rozdíl od nutně encyklopedického rázu svých přednášek, Vasiljevskij literárně pracoval monograficky. Podle jeho mínění bylo potřebí tolik kritické práce na prozkoumání pramenů dotud neznámých nebo špatně známých, že synthesisa se mu jevila předčasnou. Jeho monografie lze podle temat dělit asi na tři skupiny. Za prvé to byly příspěvky k vlastní byzantské historii, o vnitřních poměrech imperia i o jeho vztazích k barbarům; kromě citované prvotiny bylo by jmenovati *Законодательство иконоборцевъ* (1878 a 1879) *Материалы для внутренней истории виз. государства* (1879 a 1880), v nichž byl Vasiljevskij předchůdcem Uspenského, *Изъ истории Византии XII. вѣка* (Славянскій Сборникъ. 1876, 1877) a *Обозрѣніе трудовъ по византийской истории* (Petrohrad 1890). Jak viděti, kromě doby obrazoborecké studoval z dějin byzantského císařství zejména dobu výprav křížových. Druhou skupinou monografií Vasiljevského jsou práce o vztazích rusko-byzantských. Sem patří zvláště *Русско-византийскіе отрывки*, které Vasiljevskij sám sebral a souborně vydal r. 1893. Uspenskij si především vážil výkladů Vasiljevského o počátcích Kijevského státu (o družině varjažské). Konečně třetí skupina prací, nejbližší slovanskému filologovi, jsou jeho četné a přísně kritické rozborů skladeb hagiografických, z nichž přední místo zaujímají studie o Symeonovi Metafrastovi.² Uhrnem co do volby speciálních temat i co do pracovních method by Vasiljevskij mohl býti do jisté míry srovnáván s českým Gollem.

Ale Vasiljevskij má ještě jinou zásluhu — na poli organisace. V zápětí po za-

¹ Byzantion II, 4.

² Viz mé *Byzantské kroniky* I, 63 n. — Nekrolog Vasiljevského od F. Uspenského ЖМНП 1899, октябрь, 291–342. P. A. Lavrov, Научно-литературный сборникъ Галицко-русской Матицы I, 1901, сеš. 1.; Jagić, *Исторія слав. фил.* 655.

ložení Krumbacherova orgánu *Byzantinische Zeitschrift* vyvolal r. 1894 v život ruský znamenitý *VIZANTIJSKIJ VREMENNİK*, který s V. E. Regelem řídil. Přesnost, všestrannost a bohatství obsahu jistě imponuje každému odborníkovi, který tohoto časopisu používal. *Vizantijskij Vremennik* je jistě jeden z nejlepších vědeckých časopisů slovanských. Jím bylo na tři desetiletí vytvořeno skvělé středisko ruských studií v Petrohradě.

Ale skoro v té době se vytvořilo v Rusku druhé středisko téže vědy daleko na jihu, v Oděse, při novoruské universitě. Tam byla založena historicko-filologická společnost (1888) se sekci byzantskou, kde pracovali zejména Kirpičnikov, Korš, Kočubinskij a také Th. Uspenskij. V l. 1891–1899 tako sekce vydala tři svazky svých *Letopisů*. Význam Oděsy pro studia byzantologická vyplývá již z její polohy na staré klassické půdě: ležíc na černomořském pobřeží, plném reminiscencí na staré Řecko a Byzantsko, v blízkosti Krymu, a majíc dobré spojení s Cařihradem, Oděsa k těmto studiím přímo vybízela.

Zároveň však již sám *genius loci* vedl učence tam pracující k tomu, že svá studia již nepojímali jen filologicky nebo historiko-filologicky, jako jejich předchůdci, nýbrž že těžiště práce se u nich přesunulo do oborů čistě historických a archeologie (vlastně dějin umění). A v tomto prostředí se začala univerzitní dráha F. J. Uspenského.

*

Uspenskij se narodil dne 7. února 1845 v galičském újezdě kostromské gubernie jako syn chudého venkovského duchovního. Byl původně určen také pro stav duchovní, ale vyprosil si studium světské a vstoupil r. 1870 - tedy dosti pozdě, jako 25letý - na Istoriko-filologickou fakultu university v Petrohradě. Byl tam posluchačem Lamanského, Bestuževa-Rjulina, a ve čtvrtém roce univerzitním poslouchal také Vasiljevského, který - jen o sedm let starší - byl právě tehdy jmenován profesorem. Přes to tedy, že Uspenskij se stal později po Vasiljevském dědicem jeho vůdčího místa v ruské byzantologii, nemůže býti nazýván jeho přímým žákem. Ostatně jsou mezi nimi podstatné rozdíly. Vasiljevskij byl historik, pěstující především kritiku psaných pramenů, kdežto o t. zv. realie se nezajímal; byl to učenec knižní. Naproti tomu Uspenskij si přinášel živý zájem archeologický, a práce na historických místech přímo, výkopy, staly se později podstatnou složkou veškeré jeho činnosti. Vasiljevskij byl analytik, nemilující širokých obzorů, střídlivý a někdy skeptický. Naproti tomu Uspenskij při veškerém zájmu o jednotlivosti, zejména o vědecký detail, byl muž, jehož široké koncepce připomínaly spíše Lamanského, ač měly ovšem více methodické kázně, a jeho 55letá činnost se monumentálně dovršuje dílem mohutné synthese, které ovšem zůstalo torsem.

Vliv Lamanského lze spatřovati i na tematě vědecké prvotiny Uspenského *Первые славянскія монархii на сѣверозападѣ* (1872, o 250 str.), která kdysi vzbudila pozornost i u českých historiků. Uspenskij psal tuto práci vlastně z povinnosti: jako chudý student požíval stipendia od Slavjanskago blagotvoritel'nago občestva a jmenované thema bylo vypsáno pro stipendium, a to na

podnět předsedy této společnosti, publicisty a historika Alexandra Fedoroviče HIL'FERDINGA. Ale již druhá jeho práce byla byzantologická, magisterská dissertace Никита Акоминатъ изъ Хонъ (v Petrohradě 1874), na jejímž základě se Uspenskij stal docentem university v Oděse. Jeho nástupní přednáška měla thematem význam byzantských studií pro poznání středověké historie.¹

Další padesátiletou činnost Uspenského dělí Anastasijevič² na tři periody. Prvé období zabírá působnost Uspenského v Oděse (1875—1894). Uspenskij tehdy podnikl několik vědeckých cest do ciziny, zvl. do Francie a Italie. Napsav doktorskou dissertaci Образование втораго болгарскаго царства (1879) byl jmenován profesorem oděské university; v pozdějších letech tam organizoval byzantská studia ve výše připomenuté Společnosti. Dvacetiletá činnost Uspenského v Oděse je vyplněna dlouhou řadou prací monografických, které jsou věnovány hlavně vnitřním dějinám byzantským. V jejich popředí stojí skupina studií z *dějin agrárních*: o pozemkovém majetku a o selské vrstvě v Byzantsku; těmto svým studiím Uspenskij sám přikládal obzvláštní důležitost a často se k nim vracel, zasahuje do různých otázek historie hospodářské, administrativní, vojenské a sociální. Vedle toho vznikala skupina monografií z dějin kulturních, zvláště *náboženských a filosofických*, které mají zvláštní zájem pro slavistu. S ní souvisí menší skupina prací s tematy *čistě slovanskými*. Konečně vznikala řada menších článků, jednotlivých kapitol z *politických*, ale také z *literárních* dějin byzantských. Většina těchto prací vycházela v Žurnale ministerstva narodnago prosvěščenija.

Tak zde pokračoval ve studiu svého oblíbeného autora Nikety Akominata, posledního dogmatika doby Komnenovců a historika své pohnuté doby, do které spadala třetí křížová výprava a pád Cařihradu (1204) do moci latinské; Uspenskij zkoumal rukopisy jeho historického díla, chované v Národní knihovně v Paříži (ЖМНП 1877); zajímaly ho také homilie a nevydané listy, které napsal starší bratr Niketův, Michael Akominatos (ib. 1872, leden a únor, a knižně v Oděse 1881). Posledním Komnenovcům Alexiovi II. a Andronikovi I. věnoval monografii (ЖМНП 1880 listopad, 1881 březen), a rovněž kronikáři jejich doby, označenému jmenem Laomedon Lakapenos (ale byl to vlastně Michael Glykas; Byzant. Zeitschrift II., 1893). Osudný pád Cařihradu do moci křížácké poutal jeho pozornost přímo jako mezník byzantských dějin: psal o něm v Južném Sborniku (Oděsa 1892), a ještě v pozdějších letech, již za doby cařihradské, vydal celou historii křížáckých válek s hlediska byzantologického (Исторія крестовыхъ походовъ 1900), která má své místo v ohromné literatuře toho oboru tím, že Uspenskij využil také ruských pramenů, neznámých západním historikům, zejména kroniky novgorodské.

Agrárním dějinám byzantským náleží jeho práce: Значение византийской и южнославянской прони (Прония) ve Sborníku statej po slavjanověděni,ju,

¹ Записки Новоросс. Университета XVI, 1875: Значение византийскихъ занятій въ изученіи средневѣковой исторіи.

² Богословье IV, 55 п.

posvjašč. ... Lamanskomu (v Petrohradě 1883); Матеріалы для історіи землевладѣнія въ XIV. г. (Zapiski novorossijskago Universiteta XXXVIII, 1883); Къ історіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи (ЖМНП 1883, únor); Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи, t. j. o zbytcích katastrů (ib. 1884 leden a únor, 1885 červenec); Византійскіе землемѣры (ve sborníku - Trudy - VI. kongresu ruských archeologů, v Oděsse 1888). O dějinách hospodářství zemědělského psal Uspenskij r. 1888 (ЖМНП, říjen), a ještě později, za pobytu v Cařihradu, v Izvěstijích tamějšího ústavu, uveřejňoval práce sem hledící: tak hned v I. ročníku (1896) psal o pozemkovém majetku jednoho kláštera, dále o vojenské organizaci byzantské (Trudy VIII. archeol. kongresu v Moskvě, t. IV. 1897 a Izvestija VI, 1900). Do prvního ročníku Vizantijského Vremenniku (1894) přispěl studií o stranách v cařihradském hippodromu.

Důležitá pro slavistu skupina monografií byzantsko-slovanských obsahuje zejména tyto práce: Jubilejní řeč k 1.000 výročí smrti Metodějevy, uveřejněnou v Kievske Starině (máj 1885) a v Izvěstijích slavj. blagotvoritel'nago obščestva (v Petrohradě, duben 1855); Сношенія Рима съ Москвою (kritický přehled nové literatury o poměrech v XVI. věku, ЖМНП 1884, říjen a listopad); s tímto ovzduším souvisí práce Переговоры о мирѣ между Москвою и Полшею 1581—1582 г. (Zapisky novoross. univ. sv. 45) a Бракъ царя Ивана III. съ Софіею Палеологъ (Istoričeskij Věstnik 1887); příspěvek k dějinám Černé Hory (ЖМНП 1889 únor); uvažoval o vývoji východní otázky na Rusi (Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ (Izvestija slavj. blagotv. obšč. 1886). V těchto několika pracích tedy vybočil ze své byzantologické základny — ale to byla jen parerga.

Zato vlastnímu jeho oboru náleží jubilejní spis k 900. výročí pokřtění Rusi, nadepsaný Русь и Византія въ X. вѣкѣ (Oděsa 1888); dále Виантіійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря, o něž měl polemiku s Vasiljevským (Kijevskaja Starina XXV, 1889; ЖМНП 1889 prosinec a Kij. Star. XXXVIII.); Патриархъ Іоаннъ VII. Грамматикъ и Руси-Дромиты у Симеона Магистра (Ρώς-Αρωμίται; patriarcha Jan VII. Gramatik působil v l. 834—843; ЖМНП 1890 leden); patriarchovi Fotiovi jakožto politikovi věnoval rozpravu populárního rázu (v Žurnale pomošči samoobrazovaniju, Saratov, 1891 březen).

Na přední však místo v této skupině lze postavit pronikavé monografie z náboženských a filosofických dějin byzantsko-slovanských, uveřejněné v Žurnale minist. nar. prosvěšćenija 1891—1892 a sebrané potom knižně s názvem Очерки по історіи византіійскої образованности (1892). Uspenskij se tu zabýval památným cařihradským synodem z r. 842-3, jímž byla utvrzena pravá víra a definitivně skončeny boje obrazoborecké (ЖМНП 1891, sv. 273 a 274). Uspenskij tu ukázal věc dnes již obecně známou - velikou důležitost tohoto synodu v byzantských dějinách. Probral také synodik v nedělju pravoslaviја, t. j. synodik, který byl přečten na tomto církevním sněmě na první neděli v postě (κυριακή τῆς ὁρθοδοξίας) v cařihradském chrámě Boží Moudrosti; tento řecký synodik se nezachoval v původním znění, nýbrž v redakci z konce XI. století, a proto jsou

důležitý rukopisy ruské (ЖМНП 1891 a ve zvl. otisku Oděssa 1893, str. VI a 96). Uspenskij dále sledoval theologické a filosofické hnutí byzantské v XI. a XII. stol., které je pozoruhodné jednak pro svou souvislost s dějinami jihoslovanských bogomilů, jednak pro své vlivy na filosofii západní, zvl. na Abélarda (ЖМНП 1891 září, říjen). Čtvrtá stať probírá filosofické a theologické hnutí ve století XIV., tedy v době, která je ideově důležitá také pro pochopení církevněslovanské literatury, a zvláště věnoval pozornost tehdejšímu byzantskému jednání s papežem v Avignoně o unii (ЖМНП 1892 leden, únor). Konečně v páté stati, která s předešlou ideově souvisí, sledoval propagandu bogomilství v Bulharsku a v Srbsku ve XIV. věku a shledával stopy bogomilů v ruské sektě strigol'niků, která vznikla ve XIV. stol. ve Pskově, má v nauce pozoruhodné shody s prvotní věroukou bogomilskou, rozšířila se i do Novgorodu, ale později, v XV. stol., zanikla a snad částečně splynula s heresí židovstvujuščich. Čteme tu také zajímavé exkurse o Štěpánovi Dušanovi a jeho poměru k theologickým otázkám a o kronice Georgia Hamartola a jejích pramenech. Ale brzo po ukončení těchto prací nastala důležitá změna v zaměstnání Uspenského.

Roku 1894 založila ruská vláda na podnět Uspenského v Cařihradě Russkij Archeologičeskij institut; Uspenskij byl od začátku jeho organisátorem a jeho duší. Ústav byl založen jako pokus a s malými nadějemi; tím skvělejší byly výsledky jeho ředitele. Přicházejí do staré byzantské metropole na vrcholu mužných sil ve věku 50 let, vyzbrojen dlouhou činností učitelskou a badatelskou, opatřen universálním rozhledem po byzantské historii a posilován neúmornou čistě vědeckou zvědavostí i šťastným darem organizačním, Uspenskij vytvořil z cařihradského institutu za štědré pomoci ruské vlády, chápající jeho důležitost, (roční dotace činila 12.000 rublů) jeden z nejlepších evropských ústavů vědeckých, který se mohl se ctí postavit podobným francouzským ústavům v Athenách a v Římě, ale měl nad to svůj význam zvláštní a čistě slovanský. Uspenskij totiž dovedl šťastně nalézáti themata výkopných prací a přední pozornost obracel ke zkoumání těch míst, která byla důležitá pro historii Slovanů, zvláště balkánských.¹ A tak dvacet let Institutu za vedení Uspenského je nejplatnější a nejšťastnější periodou v životě tohoto opravdového vědce (1894–1914). Institut byl záhy opatřen speciální knihovnou, sbírkou rukopisů, sbírkou vykopávek klassických i byzantsko-slovanských, nalezených nejen v Cařihradě a jeho okolí, nýbrž i v zemích balkánských a na pobřeží černomořském, také v Malé Asii, kde všude Uspenskij podnikal exkurse; vykonaly se i výpravy do Syrie a Palestiny. Institut zvláště objevil nejstarší kyrilský nápis – bulharského cara Samuila z r. 992-3, prozkoumal starou metropoli prvního bulharského carství Pliskov, probádal vzácné mosaiky a jiné umělecké památky slavných byzantských chrámů,

¹ Ústav byl otevřen dne 15. ledna 1895; stanovy Institutu jsou otištěny ve Viz. Vrem. I, 1894, s. 356–460. Z českých historiků byl členem cařihradského Institutu prof. K. Kadlec. Ze srbských učenců byli členy Institutu D. N. Anastasijević, J. Radonić a St. Stanojević. – Z počátku měl Institut jen 2 členy, ředitele a sekretáře, a několik mladých ruských stipendistů.

ku př. Studijského kláštera v Cařihradě, tak důležitého v kulturních dějinách byzantských, nebo chrámu sv. Dimitrije v Soluni, rodišti Konstantina a Methoděje.

Všecky tyto archeologické práce Institutu byly činěny veřejně přístupnými v orgánu, který byl založen současně s Ústavem a také Uspenským řízen: jsou to Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ (vycházela v Oděsse). Svou vysokou hodnotou se od počátku postavila po bok oběma znamenitým odborným orgánům, jímž jsou Byzantinische Zeitschrift a Vizantijskij Vremennik. V době 1895–1914 vyšlo 16 svazků Izvěstij. Skoro všechny jejich příspěvky, ať větší studie a publikace památek či malé články, obsahují nové materiály anebo nové jejich řešení. Uspenskij byl úplně práv, když na konci života, při závěrečné přehlídce všech prací Institutu, označil výsledky jeho činnosti za šťastné, ba skvělé.¹

Z prací, uveřejněných v cařihradských Izvěstijích, je třeba uvést zejména tyto: *Výzkum starožitností bulharských*. Uspenskij se již ve své magisterské dissertaci v Oděsse zabýval dějinami bulharskými. Jedna z posledních jeho prací, uveřejněných za pobytu v Oděsse, týkala se bulharsko-byzantských církevních styků v první polovině X. století.² Nyní měl příležitost, rozšířiti své poznatky zkoumáním na místě samém. První objev byl vzpomenutý kyřílský nápis Samuilův, nalezený u města Prespa. Uspenskij jej uveřejnil, s doplňky prof. Florinského a Miletiče, ve IV. svazku Izvěstij (1899). Významný je také pohraniční sloup mezi Bulharskem a Byzantskem z doby cara Symeona, jenž dovoluje usuzovati o hranici práv soluňského metropolity (Izvěstija III, 1898). Pro českou vědu je památná studie Uspenského О древностяхъ города Търнова (Izvěstija VII, 1901, 1–24); zde totiž Uspenskij navázal na českou práci historickou, na knihu Konstantina JIREČKA Cesty po Bulharsku (v Praze 1888, str. 161 n.), kde Jireček popisoval stavební památky Trnova z doby druhého bulharského carství, tedy z doby, které sám Uspenskij dříve věnoval monografii, nedlouho po Jirečkových Dějinách národa bulharského (v Praze 1876). Uspenskij studoval zde stavební památky z doby Jana Asěna, zejména chrám svatých 40 mučedníků, vystavěný r. 1230 po vítězné bitvě. Byl to jeden z prvních klášterů říše; byly v něm i hrobky bulharských carů a jejich rodin. Uspenskij prozkoumal zvláště sloup s řeckými nápisy z bulharských dějin a fresky s nápisy církevněslovanskými. Hlavní pozornost však soustředil Uspenskij na zjištění prvotního sídla Bulharů z doby chánů Kruma a Omortaga (o staro-bulharském nápisu Omortagově psal v VI. sv. Izvěstij) a na zjištění residence cara Symeona. Také při této velké výzkumné práci se Uspenskij, jak sám vyznává, stýkal s vědeckou prací českou, totiž kopal společně s českým archeologem Karlem ŠKORPILEM, ředitelem gymnasia ve Varně. Výkopné práce se soustředily u vsi ABOBA v severovýchodním Bulharsku, v rovině Sumla, na trati Varna-Ručuk (Ruse), a proto její výsledky jsou nadepsány Абоба-Плиска, Матеріалы для болгарскихъ древностей, Izvěstija X,

¹ Byzantion II, 44.

² Лѣтопись общества исторіи и филологіи IV, Oděssa 1894.

1905). Abobu navštívil již Konst. Jireček¹ a popsal stopy »obrovské osady«, která byla známa již v XVIII. stol. Carstenovi Niebuhrovi. Ohromné, rovně podle provazu vyměřené linie valů činily na Jirečka překvapující dojem, a neméně vnitřní rozloha opevněného prostoru (přes 25 km²). Jireček věděl o nápisech a mohylách, které se tam nacházejí, ale nevěděl ještě dobře o původu tohoto sídliště. Vyslovil však dohad, že bylo obýváno za rané doby bulharské a že snad sem patří »starobulharský Pliskov« (Πλίσκωβα) X. a XI. století, který Leo Diaconus jmenuje mezi Přeslaví a Drsterem, a Anna Komnena klade do sousedství »vrchu Symeonova« (Šumna). Vykopávky Škorpilovy a Uspenského, konané od r. 1899, skvěle potvrdily dohad Jirečkův: objevily knížecí dvorec, dva chrámy, trůnní palác a jiné vedlejší budovy. Stavby byly kamenné, z kvádrů, ale nezachovalo se mnohem více nežli základy. Nicméně i tak výsledky byly dalekosáhlé pro bulharskou historii VIII. století. Ukázalo se, že zde bylo staré osídlení původních neslovanských Bulharů; odtud hlavně pocházejí řecké nápisy bulharských chánů Kruma a Omortaga. A tam bylo také první sídlo nově pokřtěného a slavisovaného knížetství bulharského za knížete Borise, ba tam byla i původní residence Symeonova. Teprve r. 822 přenesl své sídlo na jihozápad od Plisky do Přeslavě. Přeslav (Μεγάλη Περισθλάβα) kvetla potom za jeho nástupců, sešla ovšem v době bulharské závislosti na imperiu (v XI. a XII. stol.), ale ještě na počátku XIII. století Niketas Akominatos (jemuž Uspenskij věnoval svou první byzantologickou studii) ji velebí jako město prastaré, největší z balkánských, vystavěné z pálených cihel.² Názory Škorpilovy a Uspenského, jmenovitě o tom, že původní sídlo bulharské nebylo v Přeslavi, nýbrž u Aboby, byly z počátku ostře potírány bulharskými historiky, zvl. prof. V. N. Zlatarským. Ale výsledky výkopů působily. V poslední práci Zlatarského vidíme, že pokud jde o dobu před Borisem i Borisovu, Zlatarski uznává stanovisko Uspenského; uznává také, že Symeon teprve časem přenesl své sídlo do Přeslavě. Ale tvrdí, že Přeslav existovala mnoho let již před Symeonem, Symeon však že ji podstatně rozšířil, ozdobil knížecími dvorci, chrámy a jinými veřejnými budovami, a tyto práce prý trvaly 28 let t. j. většinou panování Symeonova.³ Zlatarski připouští, že teprve při prohlášení Přeslavě za residenci Symeonovu, kteréžto prohlášení prý se stalo již r. 893, bylo tomuto městu dáno to slovanské jméno. Myšlenku přenést residenci z Plisky do Přeslavě Zlatarski připisuje již Symeonovu otci Borisovi a odůvodňuje je ideově i politicky: Pliska byla sídlo pohanských Bulharů s pohanskými obyčejí a právy, zvl. právy bulharské (ještě neslavisované) aristokracie. Nové sídlo dávalo možnost, aby se nový kníže obklopil novými lidmi, cele oddanými křesťanskému náboženství a novým řádům.

Ještě později se Uspenskij zabýval závislostí bulharských Asěnovců ve stol. XI.—XIII. na říši byzantské (Izvěstija XIII, 1908).

¹ Konst. Jireček, *Cesty po Bulharsku* (v Praze 1888, 639 n.).

² Jireček, *Cesty po Bulharsku*, 642.

³ V. N. Zlatarski, *История на българската държава*, I. ч. 1., с. 321–322, ч. 2 (1927), с. 48, 222, 224–225, 230, 239–240 a zvl. 254–255.

Druhý velký podnik cařihradského Institutu, vedený Uspenským, bylo prozkoumání starého paláce sultánů, serailu, kde se chovaly rukopisy antické i středověké z knihovny byzantských císařů. Uspenskij prozkoumal zde zvláště nádherný kodex Oktateuchu a reprodukoval jeho miniatury (Izvěstija XII, 1907, 254 str. a album snímků).

Třetí velký podnik byla expedice do Syrie za vedení Uspenského, až do Palmyry; archeologické památky syrské, zvl. dvojazyčný nápis s tarifem zboží, přicházejícího z Orientu, uveřejnil v VII. svazku Izvěstijí (118 stran, a četné rytiny).

Památkostem cařihradským věnoval Uspenskij studie o klášteře Chosa (Kahriedjamije), v XI. sv. Izvěstijí (306 str. a album), a o klášteře Studion, o němž monografii uveřejnil V. A. PANČENKO v posledním (XVI. sv.) Izvěstijí těsně na počátku války; jsou tu probrány zejména starobylé reliéfy studijské. O nově odkrytých mosaikách v chrámě soluňského patrona sv. Demetria (Dimitrije) psal Uspenskij v XIV. sv. Izvěstijí (1909).

V Izvěstijích vycházely ovšem četné práce také jiných ruských byzantologů; kromě Pančenko, který byl spolupracovníkem Uspenského, publikovali zde také M. J. ROSTOVCEV, A. A. VASILJEV, M. J. POPRUŽENKO, I. KULAKOVSKIJ, G. A. ILJINSKIJ, Ch. M. LOPAREV a jiní, a mimo to i francouzští duchovní učenci Augustiáni (Augustins de l'Assomption). Naproti tomu zase Uspenskij v době svého cařihradského pobytu publikoval také jinde, zejména ve Vizantském Vremenniku a v *Compte rendus du Congrès archéologique d'Alger 1906*.

Institut se chystal rozšířiti svou působnost ve větším měřítku na země balkánské. R. 1911 byl sestaven program archeologických prací a od toho roku se začala součinnost s učiteli srbskými. Po některých menších pracích měly přijíti na pořad práce - DEČANI, prozkoumání tohoto kláštera tak slavného v dějinách srbských. Než tu přišla světová válka. Uspenskij i se svou družinou se musil vrátiti do Ruska, právě na prahu své sedmdesátky.

Třetí, smutnější perioda života Uspenského, objímá jeho vysoké stáří (1914 až 1925), patnáct let války a revoluce. Uspenskij se vrátil do Petrohradu, který před 40 lety opustil jako 29-tiletý docent; ostatně již od r. 1907 byl členem petrohradské Akademie. Uveřejnil r. 1915 stať o ruském letopise a jeho poměru k byzantským legendám (Zapiski imp. Obščestva dlja istorii i drevnostej v Oděsse XXXII.) a přispíval do Vizantijského Vremennika, který nyní řídil. Při tom se nevzdával naděje, že se bude moci vrátiti do svého Institutu. A tak r. 1916-7 za dočasné vítězné ruské ofensivy proti Turecku, Uspenskij podnikl expedici do Trapezuntu, aby prozkoumal tamější výtvarné památky a klášterní knihovny. Chystal se patrně psáti historii trapezuntského císařství, která dosud za celých sto let valně nepokročila od základního díla Ph. FALLMERAYERA (*Geschichte des Kaisertums Trapezunt*, München 1827), ačkoli tato pozdní křesťanská oasa v prostředí mohamedánském, vzniklá přesídlením Komnenovské moci po pádu Cařihradu (1204) na maloasijský břeh a důmyslně udržovaná po dobu 250 let, patří politicky i kulturně k nejzajímavějším oddílům historie byzantské. Uspenskij by byl tímto studiem - jak podivuhodná myšlenková svěžest a pracovní

pružnost u starce sedmdesátiletého! - podstatně rozšířil svůj pracovní obor, neboť většina jeho prací o byzantských dějinách nepřekročila jako terminus ad quem právě dobu císařství latinského (1204–1261). Nicméně vypukla revoluce r. 1917 a Uspenskij se vrátil do Petrohradu, kde ho nyní čekala léta většího strádání, než jaké tam poznal kdysi před 45 lety jako chudý student. Ale i tu je viděti jeho neúmornost a životní energii: dosáhl svou autoritou od Sovětské vlády, že byla při Akademii nauk zřízena Byzantská komise a že byl od r. 1922 obnoven (sv. XXIII.), ovšem ve skromnějších rozměrech, i Vizantijskij Vremennik, a pokračoval ve vydání největšího díla, *»Dějiny byzantského císařství«*, jejichž první svazek vyšel v Petrohradě 1913. Po své osmdesátce vydal Uspenskij 1. polovinu II. dílu a to vlastním nákladem (1927). Zatím první nakladatel Efron zemřel a vytištěná část tohoto II. dílu se za ruského převratu dostala ze skladiště firmy Brockhaus-Efron na trh a byla prodávána jako makulatura. Uspenskij koupil tuto *»makulaturu«* a na vlastní nebezpečí se odhodlal dotisknouti II. i III. díl podle původního plánu, za pomoci prof. V. N. BENEŠEVIČE. Nicméně první, vydaná polovina II. dílu se končí právě uprostřed doby cyrilomethodějské, končí se neukončeným slovem, a jaký bude další osud tohoto monumentálního torsa, není ještě známo.

Z menších prací Uspenského této třetí periody, cařihradské, třeba uvést zejména tyto: Новая струя, вносящая оживление в историю Византии (Viz. Vrem. XXII, 1916, str. 1–12, srov. Slavia VII, 690), týká se vnitřních poměrů byzantských v době Makedonské dynastie; Уклонъ консервативной Византии въ сторону западныхъ вліяній (ib. 21–40), z doby Manuela Komnena; Усыпальница царя Алексѣя IV. въ Трапезунтѣ (Viz Vrem. XXIII, 1–14), o císařském mausoleu trapezuntském z r. 1446; Константинопольская Серапская рукописная псалтирь с толкованіями (Viz. Vrem. XXIII, 1922, 118–133; viz Slavia VII, 692) – práce velmi důležitá pro slavistu: Uspenskij tu popisuje řecký pergamenový rukopis žaltáře s miniaturami, chovaný v cařihradském serailu, a opatřený komentářem byzantského spisovatele z XI. věku Euthymia Zigabena, a spojuje jej se studiem církevně slovanských žaltářů, zvl. Boloňského a Pogodinského, vydaným Jagičem (ve Vídni 1907); Византийские историки о монголах и египетских мамлюках (Viz. Vrem. XXIV, 1926, 1–16); nekrolog o B. A. Pančenkovi († 1920; ib. 95–102); Конкуренция народовъ на Ближнем Востоке Россия и Франция (Сообщения Палестинского Общества XXIX, 1927, 1–27), zejména o orientální politice Napoleona Vel.; Восточная политика Мануила Комнина: турки-сельджуки и Христианские государства Сирии и Палестины (ib. III-138) – je to výňatek z chystaného III. dílu Uspenského Dějin.

Spolu s V. N. Beneševičem vydal Uspenskij nedlouho před smrtí velmi důležitou sbírku pramenů k hospodářským a sociálním dějinám Byzantska v XIII.–XV. stol.: Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII.—XV. веков (Leningrad 1927, str. VI a 124 a CL, s 11 tabulkami). Jsou to listiny kláštera blíže Trapezuntu (190 čísel), které Uspenskij vydal v původním řeckém textu se svým obsažným komentářem.

Postup literární činnosti F. I. Uspenského je správný příklad synthesy, totiž synthesy, která se odhodlává teprve po desetiletích zrání, po mnohonásobně zbystřených výkonech analytických, provedených v dlouhé řadě monografií. Ovšem příklad Uspenského ukazuje také nebezpečí tohoto postupu: ani výjimečná pracovní energie a požehnaný věk osmi desítek let neuchránily badatele od trpkého osudu, že svou práci musil opustiti nedodělanu a že velkou část svých myšlenek vzal s sebou do hrobu. Již r. 1912, když vysílal do světa začátek svého velkého díla, jehož přípravy sahaly 25 let nazad, litoval, že se k němu odhodlal tak pozdě, a obával se, že ho nedokončí. Pojímal toto své dílo přímo posvátně, jako úkol svého života, zdůrazňuje, že nebylo vyvoláno ani služební povinnostmi ani karierními zřeteli a že nemá obchodního rázu.¹ Chtěl, aby toto dílo zůstavilo po něm dobrou památku mezi ruskými čtenáři. Pokládal je zkratka za něco výjimečného. A takové vskutku jeho »Dějiny« jsou, i pojetím i vnější výpravou. Je to krásný vrchol, kterého může po půlstoleté práci dojít velký učenec.

Pro ruskou a slovanskou byzantologii mají »Dějiny« Uspenského ještě ten zvláštní význam, že by to bylo první původní ruské dílo o byzantských dějinách, a při tom dílo, které by se mohlo čestně postavit po bok klassickým dílům DU CANGE, GIBBONA, FINLAYE, HOPFA, KRUMBACHERA... Na Rusi to ovšem nebyl vlastně nejprvnější pokus. Vrstevník Uspenského, Julian Andrejevič KULAKOVSKIJ, profesor kijevské university, začal r. 1910 v Kijevě vydávati »Istoriju Vizantiji« (o 534 str.) od konce IV. stol. (od císaře Arkadia), rozpočtenou na šest dílů. Ale už když vyšel díl I., vytkla ruská kritika, že přihlíží jen k politickým dějinám.² Ostatně Kulakovskij byl vlastně klassický filolog a historik, který sice také konal archeologické výzkumy v jižním Rusku, zvl. v Kerči, ale ovšem neměl toho rozhledu a těch byzantologických zkušeností jako Uspenskij. Kulakovskij pokračoval ve svých Dějinách, takže r. 1915 vyšel díl III. (602—717); ale dospěv k době Lva III. Isaurského, zemřel. Tedy právě období, pro slavistu nejdůležitější, v jeho díle nejsou zahrnuta. I dalším svazkům Kulakovského se vytýkalo, že nepřihlízejí ke kulturním poměrům, třebaže se chválila důkladnost jeho práce a zejména hojná bibliografie pramenů i historické literatury.³

Uspenskij začal své dílo psáti ještě v Cařihradě, uprostřed potomků lidí, jejichž dějiny psal, a přímý názor mu umožnil proniknouti psychologii cařihradského patriarchátu, který si osoboval duchovní nadvládu nad celým pravoslavným světem. Vlastní cesty po Malé Asii, Syrii a Palestině vstříply Uspenskému poznání o důležitosti právě těchto zemí pro byzantské císařství, a o těsnějším svazku Byzantska s Východem než se Západem. Hospodářská moc — obchod — i vojenská síla — zásoba lidí — v byzantské říši závisela vždy více na východě, právě tak, jako tomu bylo později v dědici byzantského císařství — v Turecku. Že

¹ Viz předmluvy z r. 1912 (I. 1.) a z r. 1927 (II. 2.).

² Bezobrazov, Viz. Vrem. XVII. 1910.

³ J. Sokolov, Slavica VII. 423.

těžiště byzantské bylo vskutku v Malé Asii a nikoli v Evropě, to shledával Uspenskij také v historické skutečnosti, že za doby byzantského úpadku žádný sousední vladař slovanský nevybudoval trvalou moc řecko-slovanskou na místě Byzantska, ale že to bylo maloasijské císařství nikajské, které po době latinské nadvlády udrželo tradici byzantské říše tak, že z Nikaie vzešlo její vzkříšení v XIII. věku.

S takovým tedy pojetím začala vycházeti v Petrohradě r. 1913 Uspenského ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Byla rozpočtena na tři díly. První díl, ve dvou polovinách (872 stran in 4^o, s nádhernými barevnými obrazy, se sedmi mapami a 87 obrazy v textu), obsáhl dobu od počátků východořímské říše do bojů s islamem za Herakleiových nástupců (do r. 716). Rozděluje se na tři periody: 1. složky vytvoření byzantinismu (do r. 527), 2. od Justiniána I. do Herakleia, 3. Herakleios a jeho nástupci (610—716). — Druhý díl se dělil na dvě periody: 4. dobu obrazoboreckou (717—867) a 5. rozkvět za Makedonské dynastie (867—1057; měl obsahovati 999 stran, ale vyšlo jen 520). — Třetí díl byl by obsáhl úpadek říše za Komnenovců a Angelovců; poslední oddíl o době latinského císařství, o císařství nikajském, dynastii Palaiologů a zániku říše měl napsati PANČENKO.¹ Formálně dílo není pracováno způsobem čistě odborným jako nalézáme u Grundrissů, nýbrž slohem přístupným širším kruhům inteligence. Toto nikoli sice populární, ale přece širší určení díla je patrné také v tom, že literatura předmětu se uvádí jen výjimečně, jenom prameny se citují, a sporné otázky nejsou probírány. Tento způsob, který by jistě vadil u studijní knihy jiného autora, u Uspenského může býti pochopen tím, že se tu podává právě vyzrálé ovoce padesátiletého studia, takže speciální bibliografie se nepokládá za potřebnou. Ostatně četné stránky Uspenského »Dějin« jsou zužitkováním a shrnutím jeho starších monografií, zejména oněch o agrárních dějinách byzantských. Autora studií o hospodářských dějinách říše poznáváme hned ve velkorysém úvodu »Dějin«, kde podstatnou část rozdílů mezi historií Východu a Západu převádí na poměry sociální, zvl. hospodářské. Také první kapitola »Byzantinism a jeho kulturní význam« je zhuštěním starších výkladů Uspenského. Rozumí se, že se byzantinismu zastává velmi věle: upozorňuje, že sice říše byzantská padla, ale její duch žije dosud a to v uměleckých památkách a v psychologii národů, které se kdysi poddaly jejímu vlivu. Zde pak ovšem zvláště uznale hovoří o ceně byzantinismu pro Slované, nejen pro přijetí křesťanství, nýbrž pro přenesení celé kulturní zásoby spolu s křesťanstvím k nově pokřtěným slovanským národům. Pokud se týče počátků byzantinismu, Uspenskij ve shodě s Krumbacherem začíná byzantské dějiny od Konstantina Velikého, a sice se stejným odůvodněním jako Krumbacher. Toto pojetí je jistě správné. Periodisace dějin má kromě všech těch momentů, které vyzkoumala historická věda, přihlížeti také k vlastnímu názoru a citění lidí těch dob, o něž jde; jen tak má naději na výsledek nejpřirozenější. A tu je jistě nesporné,

¹ Podle sdělení *Anastasijevičova*, Богословье, IV, 60.

že Byzantinci sami pokládali Konstantina Velikého za počátek epochy, hlavně pro státní uznání křesťanství a přenesení residence do Cařihradu. Byzantské kroniky zahajují Konstantinem Velikým nový oddíl historie světové, po případě od něho vůbec se začínají. A toto středověké hledisko ob stojí nejlépe i dnes.

Slavistu ovšem zajímají z »Dějin« Uspenského nejvíce jeho výklady o vztazích imperia k Slovanům. Bohužel, ve svazcích, které vyšly, autor neměl k těmto výkladům valně příležitosti; zůstává nesplněno přání znáti, jak by byl Uspenskij na konci života soudil o poměru Ruska k říši v X. věku, o němž před lety sám psal, jak by byl vyložil zápas Bulharska s Byzantinci o moc na Balkáně za Symeona a pozdější slábnutí Bulharska až do pádu r. 1018, jak by byl řešil poměr bulharsko-byzantský a srbsko-byzantský v pozdějších stoletích...¹ V I. díle, v obou jeho svazcích, zmiňuje se o pohybu slovanských kmenů na balkánský poloostrov; to je thema, o kterém dříve nepracoval, a vskutku vidíme, že v těchto partiích není samostatný, nýbrž se opírá o NIEDERLOVY Slované starožitnosti.

V II. díle oddíl o době obrazoborecké poskytl několikerou příležitost ke zmínkám o věcech slovanských. Tak při Konstantinovi Kopronymovi Uspenskij vykládá o paulikiánech, a správně ukazuje shodu jejich nauky s bogomilstvím, ale jde ještě dále, upozorňuje (bez bližšího výkladu o souvislostech) na shodu paulikiánských názorů s albigenci a husity (str. 77). Ožehavý problém Slovanů v Řecku, nadhozený již Fallmerayerem a dosud nedořešený, poněvadž se na obou zúčastněných stranách dotýká národního cítění, Uspenskij sám neřeší, opíraje se hlavně o práci A. A. VASILJEVA.² Ale při tom dobře zdůrazňuje, že byzantské imperium ani zdaleka nebylo jednojazyčné a čistě řecké. Právě jádro říše — země asijské — nebyly řecké. Ale ani evropská část: právě v době obrazoborecké se ze strategických důvodů daly přesuny obyvatelstva, na př. Thrakie byla kolonizována obyvatelstvem ze Syrie a z Armenie; řecký živel byl ovšem vedoucí v církvi, tedy i v literatuře, a ve státní administrativě. Na konci II. dílu (vydané 1. poloviny) dospěl Uspenskij k době cyrilomethodějské. Čistí tuto část (od str. 388) je pro slavistu zvláště užitečné, neboť doba, kterou filolog zvykl posuzovati jen s hlediska jazykových a literárních dějin církevněslovanských, objevuje se tu v širokém rámci politických i kulturních dějin východní Evropy. Po té stránce je zvláště zajímavé srovnání tento oddíl Uspenského s JAGIČOVOU Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache (2. vyd. Berlín 1913). Rozumí se, že u Jagiče těžiště leží jinde, totiž v lexikální analýze církevněslovanského jazyka a v dějinách cyrilomethodějské otázky. Ale jde o srovnání těch kapitol, které mají také u Jagiče historický obsah, totiž kde vypravuje život a působení soluňských bratří. Je to právě životopis dvou vynikajících jednotlivců, ale nikoli historie; sledují se tu podrobně a chronologicky události z jejich pestré životní pouti na základě legendárních zpráv,

¹ Názory Uspenského o vztazích byzantsko-slovanských, probíraných v I. a II. díle »Dějin«, přehledně vyložil M. G. Popruženko ve stati Славяне и Византия (Viz. Vrem. XXII, 253—280).

² A. A. Vasiljev, Славяне въ Греция, Viz. Vrem. V.

ale chybí hlubší historická perspektiva. Podobně je tomu i v jiných spisech na Jagićovi závislých. Zcela jinak u Uspenského: zde činnost obou věrozvěstů, jejíž světodějný význam autor stejně všele oceňuje jako jiní, vystupuje jako složka ve světové politice Fotiově. Fotiově iniciativě přisuzuje Uspenskij velký význam, a přímo praví, že bez spojení s církevními plány Fotiovými nemůže býti misijnářská činnost Konstantina a Methoděje pochopena (str. 392/3). Tím se zase odlišuje Uspenskij od těch středoevropských a západních historiků, kteří sice vřazovali cyrilomethodějskou dobu do rámce tehdejší středoevropské historie, ale podle své celkové orientace věnovali pozornost více stránce státní politiky, zejména poměru říše velkomoravské k velmoci francké, jak to nalézáme na př. u prof. Václava NOVOTNÉHO.¹ Pokud se týče oceňování pramenů, Uspenskij se od Jagice nejvíce odchyluje v tom, že přenesl těžiště ze slovanských legend na jiné prameny. V kritice t. zv. pannonských legend Uspenskij zřejmě podlehl BRÜCKNEROVI a v některých bodech LAMANSKÉMU; pokládá obě legendy za překlad z řečtiny a za subjektivní, tendenční výklad událostí. Legendy mu nejsou čistě historickými prameny, nýbrž především legendami, a proto jejich zprávy vykládá dosti volně. Vidí v nich také některé nesprávnosti: tak zejména výprava k Chazarům nedá se mu vtěsnati do tehdejších dějin Černomoří, odjinud známých, a proto soudí, že tato výprava se týkala ne Chazarů, nýbrž těch Rusů, kteří byli r. 860 pod Cařihradem (str. 398). Při výkladě o vzniku slovanského písma třeba podle Uspenského (str. 400) přihlížeti k těm písemným znakům, které byly objeveny v Abobě. List bibliotekáře Anastasia interpretuje Uspenskij tak (str. 401), že Konstantin přeložil jen evangelium, slovanská liturgie že se začala sloužiti až po jeho smrti (po r. 869) a že slovanské písmo existovalo i před Konstantinem, ale jemu bylo připsáno dodatečně a tendenčně. Jmenování Methoděje arcibiskupem byl prý úder vatikánské politiky proti cařihradskému patriarchátu; mimo to i neshody s Bulharskem, vzniklé neústupností vůči Borisovi bulharskému, přiměly prý papežskou stolicí k ústupkům vůči Moravě. Uvězněním Methodějovým se dílo Uspenského přerývá... Sotva bude lze souhlasiti se všemi jeho názory o době cyrilomethodějské. Výhradně byzantské hledisko jistě zavedlo autora k jednostrannosti; také přílišné omezení na ruskou historickou a filologickou literaturu a s tím spojené odsunutí středoevropské historické literatury do pozadí mělo zde patrně vliv. Zejména Uspenského kritika pramenů sotva může uspokojiti. Nicméně všechny tyto námitky nezmenšují jeho zásluhu, že svým byzantologickým pojetím vrhl na celou dobu i na jednotlivé její momenty ostré světlo, že hluboce promyslel všechny podrobnosti a tím dal podněty ke mnohému dalšímu badání. Uspenskij si sám byl vědom toho, že přes veškeru dřívější obrovskou literaturu ani jeho výklad o době cyrilomethodějské ještě není definitivní, a proto vybízel k podrobné analýze Života Konstantinova (str. 399).

A to je nejkrásnější určení vědcovo: dávatí myšlenkový kvas a odkazovati

¹ V. Novotný, *České dějiny I. 1.* (v Praze 1912) od str. 317.

své poznatky budoucím jako průvodčí na pouti za vědeckým pokrokem. Proto nejlepším uctěním jeho památky je mezinárodní sborník, připravovaný v Paříži redakcí G. MILLETA, *L'art byzantin chez les Slaves* (Paris, 1929, 2 sv.; dosud však nevyšel), který pod štítem Uspenského seskupuje badatele slovanských i jiných evropských národů.

Uctívající památku zesnulého vůdce ruské byzantologie, oslavujeme v něm neúpornou práci a nezmarnou životní sílu veliké ruské vědy.

F. J. USPENSKIJ UND SEINE BEDEUTUNG IN DER GESCHICHTE DER RUSSISCHEN BYZANTOLOGIE.

(*Resumé.*)

Dieser Nachruf, der dem am 10. September 1928 verstorbenen Führer der russischen Byzantologie gewidmet ist, schildert kurz die Bedeutung des großen russischen Gelehrten im Rahmen der hundertjährigen Entwicklung der byzantinischen Studien in Russland und vom slavistischen Standpunkte aus. Die wissenschaftliche Tätigkeit Uspenskij's wird in drei Perioden geteilt: jene in Odessa, in Konstantinopel und in Petersburg. In der ersten Periode werden besonders Uspenskij's Studien aus der byzantinischen Kulturgeschichte analysiert, die für die Geschichte der kirchenslavischen Literatur wichtig sind; in der zweiten Periode werden vor allem die archaeologischen Arbeiten des Instituts Uspenskij's in Konstantinopel hervorgehoben, die den bulgarischen Altertümern gewidmet wurden; in der dritten Periode wird besonders das Lebenswerk des verstorbenen Gelehrten, die leider unvollendete, monumentale »Geschichte des byzantinischen Reiches« charakterisiert und in Bezug auf die slavische Geschichte untersucht.

A. KONÍŘ:

HOMILIE JANA ZLATOÚSTÉHO O HERODIADĚ VE SBORNÍKU SVJATOSLAVOVĚ Z ROKU 1073.

Ačkoli církevněslovanské překlady děl Jana Zlatoústého jsou známy ve velmi hojném počtu z pozdějších sborníků a ač máme svědectví o tom, že Jan Zlatoústý byl velmi záhy překládán, přece nebylo dosud možno přesně určit, zda vůbec a co bylo již přeloženo před Zlatostrujem, výběrem řečí a homilií Jana Zlatoústého, pořázeným ve východobulharské literární škole přeslavské v době císařství Symeonova. Hlavní příčinou všeho toho je nedostatek textových pramenů jihoslovanských; vřdyt obsáhlé sborníky těchto překladů jsou církevně-ruské a pocházejí valnou většinou z pozdějších století (XIV.–XVII.). Texty jihoslovanské jsou velikou vzácností; nelze však tvrditi, že by takových textů nebylo bývalo, ale ty, které se nedostaly na ruskou půdu, ve své domovině vzaly za své tureckou invasi. Ani o překladu Zlatostruje nelze tvrditi, že známe jeho původní bulharskou redakci a obsah jeho, který se uvádívá, zakládá se na ruském textu XII. století. A rovněž studie tomuto předmětu věnované čerpaly z ruských textů a od studie MALININOVY z 80. let minulého století, neposunuly se naše vědomosti v této otázce blíže k pravdě.¹ Víme jen to, že některé rukopisné sborníky obsahem se shodují, jiné se naprosto liší, a že text právě nejstarší, Zlatostruj v kodexu XII. stol. petrohradské veřejné knihovny, kterým se hlavně zabývali I. SREZNEVSKIJ a V. MALININ, jest ode všech mladších sborníků zcela odchýlný. Největší potíže působí prolog o Symeonovi. Čekali bychom, že prolog bude v nejstarším zachovaném rukopise XII. století, v tak zvané první starší redakci Zlatostruje, která má 70 kapitol. Tam ale není a jest zachován v redakci mladší, druhé, která je delší a má 135 kapitol, jiných než jaké nalézáme v redakci první. Bohužel neznáme dosud jiných textů této první redakce a jediné nějaký šťastný nález neznámého rukopisu, který by obsahoval také prolog, mohl by vésti k cíli.² Chceme-li se aspoň dopátrati toho, co zcela bezpečně již v nejstarší době z Jana Zlatoústého bylo přeloženo do církevní slovanštiny, musíme

¹ O překladu Zlatostruje viz M. Murko, *Geschichte der älteren südslawischen Literaturen*, 1908, str. 65. – Velmi přehledně M. Weingart, *Bulhaři a Cařihrad před tisíciletím*. (Program gymn. v Praze III., 1915, str. 12). – J. Sreznevskij, *Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Приложение къ IX. тому Запис. Имп. Акад. Наукъ №6. Петербургъ 1866; XXI. Златоструй, str. 1–5, XXII. Златоструй XII. вѣка, str. 6–27. – V. Malinin, *Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII. вѣка Имп. Публ. библіотеки. Труды киевской духовной Академіи, 1878. Кіевъ. Приложение: Май str. 177–224, юнъ 225–256, юль 257–304, августъ 305–336, октябрь 369–400. Důležitá kritika Jagičova v Arch. für slavische Phil. IV, str. 158–160. – A. S. Archangelskij, *Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. IV. Казань, 1890. – V. A. Jakovlev, Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. Одесса 1893. – J. A. Javorskij, Малорусскій отрывокъ Измарагда XVII. в. (Zbornik u slavu Vatr. Jagiča, 1908, str. 618.) – Ostatní literatura všeobecného rázu je uvedena ve studii Weingartově, kamž odkazují.***

² Dva listy srbského Zlatostruje nalezl Jagič a uveřejnil ve *Starinách V.* (str. 1–109.)

se brátí jinou cestou. Zde třeba zdůrazniti, že máme zachovány tři rukopisné sborníky překladů z Jana Zlatoústého, sborníky jihoslovanské z XIII. a XIV. stol., které dosud nebyly vydány, nejsou do dnešní doby dostačně prozkoumány, ač o jejich existenci již dávno se vědělo. Jsou to:

1. *Homiliář Mihanovićův*, srbské redakce z XIII. stol. v knihovně Jugoslovanské akademie v Záhřebě; signatura III c 19. Popis sborníku již u MIKLOSICHE ve studii »Zum Glagolita Clozianus« (víd. Denkschriften X, 200); Miklosich považuje text tohoto sborníku za přepis z předloh hlaholských a leksikálně jej vyexcerpoval pro Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum.
2. *Sborník srbské redakce* XIV. stol. v Národní knihovně v Bělehradě. Sign. sborníku č. 104.¹ O tomto sborníku viz NOVAKOVIĆ, Споменик XXIX, str. 45—48; M. SPERANSKIJ, Забѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библиотекъ. Изъ XVI. т. Извѣстій ист.-филол. Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, Москва 1898, str. 42—73. Sborník je asi z r. 1395, jazyk prozrazuje původ bulharský. V. ISTRIN v Журн. Мин. Нар. Просв. 1896, Отдѣлъ педагогiи, апрѣль str. 47—78, юнѣ str. 53—86. (Отчетъ командированнаго за границу ... В. Истрина.)
3. *Sborník sinajský*, redakce středobulharské z XIII. století. Obsah uvádí JAGIĆ ve studii »Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13.—14. Jahrhunderts.« Wien 1908, Sitzungsberichte CXXXIX. Rukopisný sborník měl Jagić ve Vídni,² nyní je podle sdělení prof. záhřebské university Ivšice ve veřejné knihovně leningradské. Sborník velice důležitý a to, co Jagićem z něho otištěno, shoduje se s textem homiliáře Mihanovićova.

Bedlivé studium těchto tří rukopisných sborníků, prozkoumávání každé jednotlivé homilie za druhou, srovnání s ostatními ruskými texty a s řeckým originálem může vésti k pozitivnímu výsledku a tak aspoň částečně nahraditi nedostatek našich dnešních vědomostí o původních překladech z Jana Zlatoústého do církevní slovanštiny.³ Další řádky tohoto pojednání chtějí býti takovým pokusem rozboru pouze jedné homilie, z kterého by bylo patrné, že cesta takto naznačená je za dnešního stavu vědění jediné správná a možná.

V církevněslovanské literatuře ruské redakce vyskytají se kratší texty kazatelského obsahu a mívají obyčejně název »Slovo o ženách; Slovo o zlých a dobrých ženách« a pod. Některé z nich samy označují autora přípisem »Slovo Jana Zlatoústého«. Na takové texty upozornil už J. M. SUCHOMLINOV, některé otiskl a ukázal,

¹ Viz též *Stojanović*, Каталог Народне библиотеке у Београду, 1903, IV. str. 294, č. 468.

² Str. 2. — der mittelbulgarische Chrysostomus, der aus dem Oriente nach Wien gebracht wurde und derzeit in meinen Händen sich befindet.

³ Vedle těchto tří sborníků jsou i jiné roztroušeny některé homilie jihoslovanských redakcí; tak na př. ve dvou sbornících Národního musea v Praze z pozůstalosti Šafaříkovy, texty středobulharské XVI. stol. sign. IX c 9, texty srbské XVII. stol. sign. IX H 16. Viz indexy u *Speranského*, Рукописи П. И. Шафарика въ Прагѣ, Москва 1894, u *Jacimírského*, Описаніе южнославянскихъ и русскихъ рукописей загранич. библиотекъ въ Сбор. Отдѣл. рус. яз. 1921, sv. XCVIII, rukopisy Šafaříkovy str. 581—858. Viz také *Polivka*, Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu, Starine XXI, 184—224; XXII, 195—220; XXIV, 113—160.

že jejich pramenem je ruský text homilie Jana Zlatoústého »O stětí sv. Jana Křtitele«. ¹ Znění kratších textů tohoto Slova je na mnohých místech hodně přepracováno a zkráceno proti textu homilie. Je to patrné i z jiných textů, jež uvádí z ruských Izmaragdů XVI. stol. A. S. ARCHANGELSKIJ; z jednoho takového otištěného textu je nade vši pochybnost zjištěna souvislost s homilií Jana Zlatoústého O Προδιδάκ ve Sborníku Svjatoslavově z r. 1073 (v Otázkách a odpovědích opata Anastasia). ²

Tím je ve vši stručnosti pověděno vše, co o této homilii je dosud známo a není naším úkolem sbíratí další roztroušené a přepracované její zbytky; ³ chceme si v dalších řadách všimnouti jejich ruského pramene ve Sborníku Svjatoslavově z r. 1073, srovnati jej s nevydanými texty tří uvedených jihoslovanských sborníků a konečně vyvoditi z tohoto srovnání – s použitím i jiných přístupných textů – další kladné důsledky.

Homilie, o níž jde, má v byzantské literatuře název Εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ Προδρόμου καὶ Βαπτιστοῦ Ἰωάννου καὶ εἰς τὴν Ἡρωδιάδα a řecký její originál je otištěn u MONTFAUCONA a MIGNEHO. ⁴ Homilie se připisuje Janu Zlatoústému, ale autorství jeho je sporné. ⁵ O vzniku jejím se vypravuje, že ji Jan Zlatoústý pronesl r. 403. Tehdy byla v Cařihradě v blízkosti katedrály postavena socha císařovny Eudoxie; odhalení sochy bylo oslavováno po několik dní divokým tancem, bezuzdností a výstřednostmi, jež rušily bohoslužby v katedrále. Jan Zlatoústý vyzval prefekta města, aby u císařovny zakročil. Ješitná Eudoxie byla uražena a hledala příležitost, aby se střetla s Janem Zlatoústým a mohla se tak zbaviti nepříjemného mravokárce. Tehdy prý Jan Zlatoústý v den svátku Stětí sv. Jana Křtitele pronesl tuto homilii o Herodiadě. Podle BARDENHEWERA není tato homilie dílem Jana Zlatoústého, nýbrž byla prý sepsána jeho protivníky a podstrčena císařovně jako jeho kázání; není prý však ani zpráv o tom, že by byl Jan Zlatoústý tehdy něco podobného vůbec kázal. ⁶

Autorství Jana Zlatoústého je pro naši otázku zcela bez významu; stačí, když víme, že řecký originál byl přeložen do církevní slovanštiny a je zachován v různých rukopisech různých dob. Nabízí se přirozeně otázka, v jaké podobě se za-

¹ J. M. Suchomlinov, О псевдонимахъ въ древней русской словесности, staré akadem. Извѣстія IV, 1885, str. 117–159. Text homilie z rus. Zlatostruje XVI. stol. str. 126–130. Ukázky ostatních textů ze sborníku sv. Trojické lavry XVI. stol., textu u Danila Zatočnicka, z Pčely a sborníku XVI. stol. Rumjanc. musea na str. 131–136.

² Viz Archangelskij op. cit. str. 75, 86, 91, 174; text z Izmaragdu XVI. stol. solověcké biblioteky č. 359 otištěn na str. 184–190 v pravém sloupci s některými různostmi.

³ Podobné Slovo viz na př. u Liehwera, Kurbskijs Novyj Margarit, Prag 1928, str. 81–82. Text Slova u Ševyrevy je mi pro nepřístupnost rukopisu neznám. (Ševyrev, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, 1850, část II, str. 39. Taktéž pro nepřístupnost pramene zůstal mi neznámý text ruského Izmaragdu, uvedený pod č. 53 u Jakovleva (op. cit.), str. 35.

⁴ S. Joannis Chrysostomi opera omnia op. et stud. Bernardi de Montfaucon. V Paříži 1837, VIII, 2; str. 609–614. – Migne, Patrologia. Series graeca 1859, LIX, str. 475–489.

⁵ Viz též Migne, str. 485–486 (Monitum ad homilias sequentem – Anastasius, opat na hoře Sinai; Efraim syrský), pak Archangelskij op cit. IV, str. 174.

⁶ Bardenheuer. Patrologie. Freiburg 1901, str. 286–287.

choval původní slovanský překlad a v které době asi vznikl. Vydatnou pomoc při řešení těchto otázek nám poskytuje neúplná homilie, jak ji čteme ve Sborníku Svjatoslavově z r. 1073 na l. 171–174; známe tedy bezpečně datum, kdy je homilie jako literární produkt, třeba ne samostatně, ale s ostatním textem obsáhlého sborníku poprvé písemně zachována a víme též, že původní nezachované znění celého sborníku v jaz. bulharském bylo mnohem starší a pocházelo z východobulharské školy přeslavské z počátku X. století.¹

Slovanský překlad této homilie má obvyčejně název *сѣго вѣда нашего ивана златоустааго слово на оуспѣхновение прѣдѣтечѣ ѿ иродии и ѿ добрыхъ женахъ и ѿ злыхъ* a je zachován v těchto rukopisech:

a) texty redakce srbské.

1. *mih.* = ruk. sborníku homiliáře Mihanovičova, list 180 bß–183 bß. XIII. stol.
2. *běl.* = ruk. sborníku Nár. knih. v Bělehradě, list 152a–156a. XIV. stol.
3. *Šaf.srb.* = ruk. sborníku Nár. musea v Praze z pozůst. Šafaříkovy, sign. IX H 16, list 235a–240b. XVII. stol.

b) texty redakce středobulharské.

1. *sin.* = ruk. sborníku sinajského, list 72a–80b. XIII. stol.
2. *Šaf.* = ruk. sborníku Nár. musea v Praze z pozůst. Šafaříkovy, sign. IX c 9, list 4–8. XVI. stol.

c) texty redakce ruské.

1. *Sbor.* = text Sborníku Svjatoslavova 1073; viz Morozov, list 171–174.
2. *petrohr.* = text synod. knihovny petrohradské č. 78, list 76–83; fotolitografické vydání jako X. svazek publikací Общества люб. древн. писм. 1877. XV. stol.
3. *Such.* = text ze Zlatostruje XVI. stol. věř. knih. petrohradské, otištěn u Suchomlinova, staré Извѣстія IV, 1855, str. 126–130. Neúplný.
4. *Izmar.* = text z Izmaragu XVI. stol. solověc. bibliot. č. 359. otištěn u Archangelského str. 184–190, pravý sloupec. Neúplný.

Ostatní ruské texty byly mi nepřístupny a jsou v předcházejících poznámkách uvedeny z ARCHANGELSKÉHO, ŠEVYREVA, SUCHOMLINOVA, JAKOVLEVA. Jeden text z katalogu solověcké bibliot. (I. 278. 692) uvádí JAGIĆ ve své studii Bericht über einen mittelbulg. Zlatoust, str. 7. V ruském vydání Minej, kde VIII.

¹ O Sborníku Svjatoslavově z r. 1073 viz *Murko*, op. cit. str. 65–66; *Weingart*, op. cit. str. 15–16 a tam uvedená literatura; *Pyпин*, Исторія русской литературы I³, str. 86, *Golubinskij*, Исторія русской церкви I, 1, str. 919. Fotolitografické vydání Sborníku viz *Morozov*, Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073. Petrohrad 1880, vydáno v Импер. Общество любителей древней письменности. K tomu opravy *Šachmatovovy* v Arch. für slav. Philologie VI, str. 590–595. Viz též *Jagić* v Arch. für slav. Phil. V, str. 172–173. *Barsov a Douvernoi*, Изборникъ велик. князя Святослава Ярославича 1073 v moskevských Чтеніяхъ 1883. Stran 184, jež jsou jen otiskem již 23 tištěných archů z pozůstalosti Bodjanského. K tomu *Masing*, Arch. für slav. Phil. VIII, str. 549–572; *Masing*, Studien zur Kenntnis des Izbornik 1073 v Arch. für slav. Phil. VIII, str. 357–395. *Rosenfeld*, Языкъ Святославова Изборника 1073 v Рус. фил. Вѣстникъ XLI, 1899. Homilie, o níž zde jde, je ve vydání u *Morozova* na l. 171–174 a odtud dvakrátě otištěna; viz *Archangelskij*, op. cit. str. 184–191 levý sloupec a *J. J. Sreznevskij* ve starých akad. Извѣстіяхъ X, 1861–63, str. 423–426. (Дополненія къ общему повременному обозрѣнію древнихъ памятниковъ русск. писма и языка.)

svazek je věnován Janu Zlatoústému, homilie není.¹ Zato v seznamu Minejí² na 29. únor je její nadpis uveden, rukopis její je mi neznám.

Z jihoslovanských textů zůstal mi neznámým rukopis *sin.*; uvádí jej JAGIĆ (Bericht, strana 7, pod číslem 10). Uvedený začátek homilie souhlasí s textem *mih.*

Srovnání s řeckým originálem (MIGNE, Patr. graeca 59, str. 485–489) ukazuje, že řeckému textu plně a téměř slovně odpovídají *mih.*, *běl.*, *Šaf.* a *petrohr.* Tyto texty tvoří tedy jednu redakci a jak patrno, náleží k ní právě dva nejstarší texty jihoslovanské a nejstarší text ruský. Překlad těchto textů je velmi neobratný a bez řeckého originálu na některých místech těžce srozumitelný. Poněvadž tato homilie dosud nebyla vydána, otiskuji ji dále jako přílohu, při čemž jsem vzal za základ rukopis *mih.*, nejstarší mi známý text, s různocštením ostatních tří rukopisů. Rozdělíme-li z praktických důvodů text řeckého originálu na 13 přibližně stejných odstavců, obsahují *mih. běl. petrohr.* I.–XIII., tedy celý řecký text, kdežto *Šaf.* I.–X. řeckého textu. Liší-li se jednotlivé texty této redakce někdy rozmanitými tvary gramatickými a užívají-li po stránce leksikální někdy rozmanitých výrazů, v čemž spatřuji vliv místní, přece nedá se popřítí jednotný charakter překladu a jak z přílohy patrno, pocházejí vsecky tyto čtyři texty z jednoho staršího společného pramene.

Text této homilie, jak již dříve bylo řečeno, čte se také na listě 171–174 *Sborníku Svjatoslavova* 1073. Homilie je zde uvedena neúplně a odpovídá odstavci II.–VII. řeckého textu. Srovnání této zachované části s textem *mih.* vede k výsledku překvapujícímu. Text homilie obsažené ve Sborníku odpovídá až na některé zvláštnosti gramatické a leksikální téměř doslovně textu *mih.* nebo textu *běl.*, *Šaf.* a *petrohr.*; je to svědectvím toho, že homilie ve Sborníku 1073 pochází z téhož společného staršího pramene, který byl také předlohou všem čtyřem uvedeným textům. Na doklad této jedné společné redakce dostačí uvést aspoň tato tři místa z textu Sborníku Svjatoslavova:

a) Migne: (z odst. II.)

Sbor. Svjat. 1073:

Homilie *mih.*:

καὶ εἶπε· Κύριε ὁ Θεὸς, ἰκα-
νοῦσθω μοι νῦν, λάβε τὴν
ψυχὴν μου ἅπ' ἐμοῦ, ὅτι
οὐ κρείσσων ἐγὼ ὑπὲρ τοῦς
πατέρας μου. Οἶμοι! ὁ προ-
φήτης Ἠλίας ἐφοβήθη γυ-

рекии Гї Бѣ. докълѣкнѣ
нынѣ оубо изъми дѣш
моѣ. како не оунни нсмѣ
ѡць монхѣ. Оу҃хѣ мнѣ.
Пррокъ оубоѡмѣ женѣ.
нже всѣго мира дѣждѣ

и ꙗе Гї Бѣ довлѣт ми ѡни
възми оубо ѡ мене дѣшю
мою, како неболни азъ
нсмѣ ѡць сконхѣ. о горѣ
мнѣ. пррокъ нлнѣ оубоѡмѣ
се жены. нже дѣждѣ въ

¹ *Макаріевъ*, Великія Минеи Четив VIII. Ноябрь, дни 13–15. Стран 886–2059. Издание археографической комиссії. Petrohrad 1899.

² *Л. Лосифъ*, Подробное оглавление великихъ четивхъ Минеи всероссійскаго митрополита Макарія, хранящихся въ московской синодалной библіотекѣ. Москва 1892. Homilie na 29. únor, str. 521, list 1148. Заѣ. Паки нрѡда бѣснѣса паки мѣтнѣса и паки мѣтѣса...

ναῖκα; ὁ τὸν ὑετὸν τῆς οἰκουμένης ἐν τῇ γλώττῃ βασιάζων, ὁ πῦρ οὐρανόθεν¹ κατενέγκας καὶ δι' εὐχῆς νεκροὺς ἐγειρας, ἐφοβήθη γυναῖκα;

вѣ языцѣ ношааше, иже огнь съ небесе словѣмъ съведе, и молитвоу мртвѣца вѣскрѣснѣ. жены оубоиса.

языцѣ носе всея вселенныи. иже огнь с нбс словомъ съведъ и млтвѣцѣмъ мртвѣи вѣстави, оубоѣа се жены.

b) Migne: (z odst. III.)

Sbor. Svjat. 1073:

Homilie mih.:

᾽Ω τὸ κακὸν τοῦ διαβόλου καὶ ὀξύτατον ὄπλον! διὰ γυναῖκος, ἔξ ἀρχῆς τὸν Ἀδὰμ ἐν παραδείσῳ κατέτρωσεν· διὰ γυναῖκος τὸν πρῶτατον Δαυὶδ πρὸς τὴν τοῦ Οὐρίου δολοφονίαν ἐξέμνη· διὰ γυναῖκος τὸν σοφώτατον Σολομῶντα πρὸς παράβασιν κατέστρωσε· διὰ γυναῖκος τὸν ἀνδρειότατον Σαμψῶνα ξυρήσας ἐτύφλωσε· διὰ γυναῖκος τοὺς υἱοὺς Ἡλὲ τοῦ ἱερέως ἠδάφισε· διὰ γυναῖκος τὸν εὐγενεστάτον Ἰωσήφ ἐν φυλακῇ δεσμεύσας κατέκλεισε.

О зѣломъ же дѣяволѣ и остромъ оружіи. Женоу бо испрѣка аѣма вѣ породѣ потопи. женоу носѣа затвори вѣ тѣмъници. женоу давидъ на оурино ѡбвинство вѣзвѣси. женоу прѣмоу драго соломона на прѣстоу пленни разврати. женоу самψона ослѣпи. женоу нильж прогѣна.

Я зломъ дѣяволѣ оружіи вѣстрои. женоу аѣма вѣт породи изверже. женоу кроткаго дѣда на оубини ни оурино вѣзвѣси. женоу прѣмоу драго соломона вѣ прѣстоу пленни сврати. женоу добраго самψона вѣстригъ ослѣпи. женоу добраго нисѣа вѣзвѣа вѣ тѣмницѣ (!) вѣверже.

γ) Migne: (z odst. VII.)

Sbor. Svjat. 1073:

Homilie mih.:

Διὰ τοῦτο παραγγέλει σοι ἡ Σοφία². Ἀπὸ τῆς συγκοίτου σου φυλάσσου τοῦ ἀναθέσθαι τι αὐτῇ. Ποῖον, εἰπέ μοι, θήριον κατὰ τοῦ ἰδίου ἄρῶενος τοιαῦτα ἐμελέτησε πώποτε; τίς δράκαινα τὸν ἴδιον δμόζυγον ἀπολέσθαι θέλει; ποία δὲ λέαινα τὸν ἴδιον ἄρῶνα πρὸς σφαγὴν παραδίδωσι;

Гѣго дѣла запрѣщаютъ ти прѣрокъ рекыи. отъ сѣложа своего сѣхрани, сѣ повѣдати мѣ что. Кыи бо повѣждъ ми звѣрь на своего моужа толнко вѣзѣла. каа змѣа тако своего сѣпроу҃га погоубити хощетъ. каа ли лѣвица моужа на заклани прѣдаетъ.

сего ради запрѣщаютъ ти прѣркѣ ѡ сѣложа своего храни ти се не повѣдати ни ни сѣсоже. кии бо повѣждъ мѣ звѣрь на своего моужа тако помысли коли, каа же змѣа своего сѣпроу҃га погоубити хощетъ. каа ли лѣвица своего моужа на заклани прѣдастъ...

¹ Růžnočení u Migneho: οὐρανόθεν ῥήματι κατενέγκας.

² Migne růžnočení: ὁ προφήτης.

Již z těchto tří ukázek vyplývá poměr obou slovanských textů; ač se někdy liší gramatickou formou nebo výrazem, charakter jednotného překladu a jednotné redakce je nesporný.

Z ukázky pod b) se poznává, jak proti řeckému textu jednotlivé myšlenky ve Sborníku jsou přehozeny a jak slovanské texty se doplňují a jak společně oba dohromady odpovídají svojí řecké předloze (ve Sborníku na příklad vynechávané přívlastky, v *mih.* vynechána jedna myšlenka). Fakt, že oba texty se navzájem doplňují, je ještě patrnější z přílohy, kde v poznámkách je uveden také text Sborníku (od odst. II.–VII.), kamž odkazují laskavého čtenáře pro bližší poznání obou textů; jsou to hlavně odstavce II., III., IV. a VI. V odstavci VII. vyskytuje se ve Sborníku místo, kterého nemá ani řecký ani žádný ze slovanských textů; může to býti samostatná vložka, ale též doplněk řeckého textu.

Závěr, plynoucí ze srovnání všech těchto slovanských textů, je na snadě. Všecky, tedy *mih.*, *běl.*, *Šaf.*, *petrohr.* a text *Sbor.* 1073, plynuly z jednoho společného základu; překladatel Sborníku Svjatoslavova, i když sestavoval pořad Sborníku sám, i když překládal z nějakého nám dosud neznámého řeckého, již hotového díla, nepřekládal vše znovu, ale použil prostě skladeb, jež před napsáním slovanského Sborníku byly již přeloženy. Takovou skladbou byla zcela určitě tato homilie Jana Zlatoústého o Herodiadě, jež do Sborníku nebyla vložena celá, ale asi podle toho, jak tomu bylo v řecké předloze, jen její prvá polovina (= odst. II.–VII.). Jinými slovy překlad této homilie byl pořízen již před Sborníkem; a poněvadž vznik Sborníku spadá do doby panování Symeonova (zemřel r. 927), byla tato homilie přeložena *počátkem X. století* a je podle toho *jednou z nejstarších homilií*, jež z Jana Zlatoústého do slovanštiny vůbec byly přeloženy. Zda byla homilie přeložena samostatně či byla-li pojata do původního překladu Zlatostruje, nelze s určitostí tvrdit. Původní bulharské znění Zlatostruje neznáme, v ruském Zlatostruji XII. stol. také není; předpoklad, že byla již v nejstarší redakci Zlatostruje, bylo by možno podepřítí jedině tím, že se tato homilie skutečně nalézá ve dvou pozdějších ruských Zlatostrujích. O jednom z těchto textů (Zlatostruj solovčecké biblioteky ruk. č. 182, list 339–342) vím pouze z citátu u Archangelského (op. cit. IV, str. 174, pozn. 3); druhý je text Zlatostruje XVI. stol. petrohr. věř. knihovny a je to již výše uvedený text *Such.*, který je částečně otištěn u Suchomlinova (op. cit. str. 126–130). Otištěná část (odst. I.–VIII. a část odst. XIII.) shoduje se téměř doslova s textem *mih.* a ukazuje tedy k téže předloze, z které plynuly *mih.* a ostatní texty.

Promluvíme ještě o dvou uvedených textech naší homilie. Text *Izmar.* je z Izmaragdu XVI. stol. a je otištěn u Archangelského (op. cit. str. 184–190 v pravém sloupci); je méně důležitý a svou redakcí patří k textu Sborníku Svjatoslavova 1073, z něhož je podle všeho pozdějším přepracovaným opisem. Má mnoho cizích vložek, patrně z některého jiného textu.

Text rukopisu srbského sborníku XVII. stol. (*Šaf. srb.*) z pozůstalosti Šafaříkovy v Nár. museu v Praze (IX H 16, l. 235a–241b) je velmi zajímavý a je z něho

zachován odst. I.—první polovina IV., pak druhá polovina odst. VIII.—XIII. Liší se po stránce leksikální značně od svého základu a

1. tlumočí někdy řecký text přesněji než rukopisy ostatní
2. některá místa má nově přeložena neb vyjádřena jinak než texty ostatní
3. má zachována dvě místa, která v žádném ze slovanských textů nejsou a jsou jen v řeckém originále.

Na doklad uvádím aspoň některé ukázky:

Ad 1. odst. I. *Šaf. srb.* обтицати и ѿшциѣ ꙗс. περιέρχεται ζητοῦσα *mih.* проснит' приходящии;

Šaf. srb. чюдити се ѿ ѿанновѣ дръзнокенію и ѿродовѣ безсмѣю и безбожніи жєнь зєѣр'скомѣ неистоктєс ꙗс. θαυμάζειν σύν ἑμοί τὴν μὲν Ἰωάννου παρδ-
ρησίαν, τὴν δὲ Ἡρόδου κουφότητα καὶ τὴν τῶν ἀθέων γυναικῶν θηριώδη
μανίαν: *mih.* чюдити се с мною ѿанновоу приходоу и ѿродовоу безоумствоу
и безбожнихъ жєнь зєѣродивыхъ б'ѣсъ.

Z odst. III. *Šaf. srb.* острокиши ѿржїє ꙗс. δξύτατον ὄπλον *mih.* јєп остроу о.

Z odst. IV. *Šaf. srb.* жена бо вєстѣднаа никогоже непомєдит ни почитаєтѣ
ни лєвитєніна ꙗс. γυνὴ γὰρ ἀναιδὴς οὐδενὸς φείδεται. οὐ Λευίτην τιμᾷ *mih.*
жена бо вєстоудна николїже вєннєт се ни цѣквєнника чтєт.

Z odst. IX. *Šaf. srb.* ка винограда сажєнію ꙗс. πρὸς ἀμπέλου φυτεῖαν *mih.*

въ насаждєнии вѣннои. *Šaf. srb.* краєдрєкнаѣ ѿтраслѣ ꙗс. ἀκροδρύων βλαστός
mih. ген. дѣбѣнаго вѣшнїа. *Šaf. srb.* и морѣ въ солѣ прѣтєкаше се ꙗс. καὶ
θάλασσα ἐξηλμίσθη *mih.* морє вєладча. *Šaf. srb.* имѣшїи обєнлїє хлєба ꙗс.
τοὺν ἔχοντας δαψιλῶς ἄρτους *mih.* роузе имѣшєн.

Z odst. XI. *Šaf. srb.* и скрѣхъ хлєба ꙗс. καὶ ψωμὸν ἄρτου *mih.* роузе хлѣбъ.

Ad 2. Z odst. III. *Šaf. srb.* жены радї из начєла адам из раѣ изгнанѣ быт ꙗс. διὰ
γυναικὸς ἐξ ἀρχῆς τὸν Ἀδὰμ ἐν παραδείσῳ κατέστρωσε *mih.* жєноу адама
ѿ породы изєржє.

Z odst. IV. *Šaf. srb.* азъ вѣ аспїда ласкаємѣ скротєкати се и лавѣ и пардѣ-
сомѣ примїрекати се и въ кротостѣ прѣлагати се ꙗс. ἐγὼ οἶδα καὶ ἀσπίδας
κολακευόμενας ἡμεροῦσθαι, καὶ λέοντας καὶ τίγρεις καὶ παρδάλεις τιθασσενο-
μένας πρᾶυνεσθαι *mih.* азъ вѣдѣ аспїды кротєшє оукротїмы и лєвы многи
и рыси оукротїми оукротєшє се.

Z odst. IX. *Šaf. srb.* егда ѿбо ражнзаашє вьздѣхъ же мѣдньє строн се и обєлаци
овѣзѣахѣс се ꙗс. ὅτε οὐρανὸς ἐπεπύρωτο, καὶ ὁ ἀήρ ἐχαλκοῦτο, καὶ αἱ νεφέλαι
ἐχαλινούντο *mih.* игда ѿбо разгорѣло се вѣтїашє игда вьздоухъ помѣдѣнѣлѣ
вѣтїашє и вєлаци вѣхлѣшєни вѣтїахѣ.

Z odst. X. *Šaf. srb.* сам собою пишѣ одаждит ꙗс. αὐτὸς δι' ἑαυτοῦ τὴν τροφήν
ἐπώμβρισεν *mih.* самъ собою крмлю вєроснитѣ.

Z odst. XI. *Šaf. srb.* неѿтврѣчє се грѣсти брашна ꙗс. οὐκ ἠρνήσατο τὴν δροῶκα
τοῦ ἀλεύρου *mih.* неѿтврѣжє се пригрѣши моуѣни.

Z odst. XII. *Šaf. srb.* поташи се. еда бо толико алчанъ вѣ елико трѣбо-
вати тапанїа ꙗс. σπεῦσον; ἀρά γε τοσοῦτον ἐπεῖνα, ὥς δεῖσθαι σπουδῆς;

mih. iako поспѣши. ѿда оубо толма хотѣише части iako же трѣбовати поспѣшення.

Ad 3. Místa zachovaná jen v *Šaf. srb.*; v odst. X. неспѣиш бо хотѣиш поѣти маннѣс одажди и ѿ каменѣ водѣс источи ѿс. οὐκ ὄντων γὰρ τῶν ὀφειλόντων αὐτοὺς ὑποδέξασθαι οὐρανόθεν τὸ μάννα ἐπὶ ὠμβριοσε καὶ ἐκ πέτρας ὕδωσ ἐπήγαγεν; v odst. XII. и iakoже сарра потацаѣ ѿ опресненнѣ iako да прѣимлетъ хлѣб ѿс. καὶ ὡς Σάρρα ἔσπευσεν ἐπὶ τοὺς ἐγκρυφίας, ἵνα λάβῃ τὸν ἄρτον.

Uvedené ukázky nasvědčují tomu, že překladatel měl před sebou starší překlad homilie, ale že mnoho míst překládal znova z řeckého originálu. Jde zde vlastně již o druhý překlad, o *druhou redakci homilie*.

Tím jsem vyčerpal všechny mi přístupné rukopisy a texty této homilie a domnívám se, že úplně postačují k dřívějšímu závěru, že všechny jsou pozdějšími opisy jedné společné předlohy X. století, která patří k nejstarším překladům z Jana Zlatoústého; její první redakci zachovaly: *Sbor. (Izmar.), mih., běl., petrohr., Šaf., Such.* a snad i *sin.*; druhá redakce je pouze v textu *Šaf. srb.*

K nejstarším překladům z Jana Zlatoústého můžeme vedle homilie o Herodiadě počítati zcela bezpečně známé homilie, jež má Glagolita Clozův a kodex Suprasliensis a jež jsou též v homiliáři u Mihanoviče (*mih.*).¹ Jejich překlad pochází taktéž z počátku X. století a žádná z nich není ve Zlatostruji.

Jiným starým překladem jest druhá homilie Jana Zlatoústého o stětí Jana Křtitele, jež začíná v řečtině slovy ὡσπερ τις ἀνὴρ φιλέρημος ἐν τινι τόπῳ ἀλσώδει,² v textech slovanských iako се мѣжъ едины любѣи пѣстынѣ на мѣстѣ лѣтѣнѣ; je v ruk. *sin.*,³ ve dvou srbských rukopisných sbornících Nár. knih. v Bělehradě;⁴ z hlaholského rukopisu lublaňského otiskl část ŠAFAŘÍK⁵ a BERČIČ,⁶ úplný text SREZNEVSKIJ.⁷ Na této homilii, jejíž vydání bylo taktéž mým úmyslem, pokud vím a na vydání celého homiliáře Mihanovičova pracuje profesor Ivšić, ředitel záhřebské knihovny Jugoslovanské akademie, jemuž vzdávám na tomto místě vřelý dík za vzácnou pomoc a ochotu při mé práci prokázanou. Jak patrně, je vydání homiliáře Mihanovičova důležitým východiskem pro studium Jana Zlatoústého ve slovanštině.

¹ Viz *Vondrák*, Glagolita Clozův. Praha 1893, str. 37. Jednu z těchto homilií otiskl *Jagić* podle textu *sin.* a *mih.* (Bericht, str. 13–56.)

² *Migne*, Patrologia. Series graeca 59, str. 521–525. Název hom. Εἰς τὴν ὀρχησιν τῆς Ἡρωδιάδος καὶ εἰς τὴν ἀποτομὴν τῆς κεφαλῆς Ἰωάννου.

³ *Jagić*, Bericht str. 8 pod. č. 11.

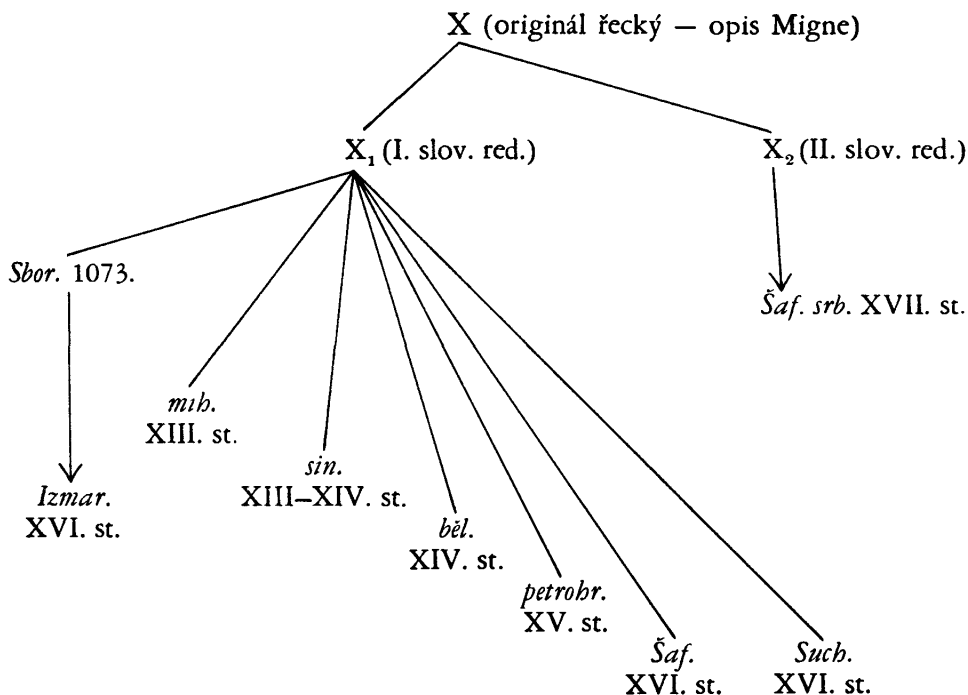
⁴ Číslo ruk. sbor. 145 l. 225 n a č. 465 l. 59 a, v katalogu knihovny str. 49 a 288.

⁵ P. J. Šafařík, Památky hlaholského písemnictví. Praha 1853, str. 61 pod č. 5.

⁶ Ivan Berčić, Chrestomathia linguae Veteroslovenicae. Praha 1859, str. 12; *žjž*, Čitanka staroslovenskoga jezika. Praha 1864, str. 7.

⁷ J. Sreznevskij, Свѣдѣнія и замѣтки, Приложение къ XXVIII. т. Запис. Имп. акад. Наукъ 1875, № 1, str. 440–446.

Grafické znázornění překladů homilie o Herodiadě:



PŘÍLOHA.

Jako základní text uvádím rukopis *mih.*, poněvadž je ze všech textů nejstarší; v poznámkách jsou uvedena jen některá význačnější různocnění textů (I. redakce) rukopisu *běl.*, *Šaf.*, *petrobr.* a od odstavce II.—VII. text Sborníku Svjatoslavova 1073. K nepatrným rozdílům grafickým a gramatickým nemohlo býti přihlíženo. Nadřádkové značky jsou z důvodů technických vynechány; slova, jež v rukopisech jsou psána in continuo, jsou rozepsána. Rukopisy *mih.* a *běl.* se vzájemně doplňují; zvláště pak v posledních odstavcích je text *mih.* doplněn *běl.*, poněvadž v rukopise každý první řádek stránky schází, byl při vazbě rukopisu odříznut. Hranaté závorky [] označují, že slabika, slovo nebo věta jsou převzaty z textu *běl.*; slabiky, slova nebo věty v oblých závorkách () značí, že scházejí v ruk. *běl.*

Jsem si vědom, že zavedení českých znamének rozdělovacích je v textu církevněslovanském zjevem nezvyklým, ale pro bližší porozumění textu téměř mnohdy nutným.

Řecký text u MIGNEHO, Patrol. Ser. graeca 59, str. 485—489. Zde uvedena též různocnění, někdy bližší textům slovanským. Uvádím je v řeckém textu v závorkách.

Fol. 180 b β.

въ тѣжде днь сѣго ѿца нашего івана
златоустѣаго слово на оуѣкнхъ
прѣдѣтече. ѿ иродни и ѿ добрыхъ
женахъ и ѿ злыхъ.

І. пакн иродни бѣснт се пакн моу-
тинт¹ се (пакн плетет се) пакн плещет²
пакн просинт главы³ івана крѣтитѣла
безаконнаа ѿ ірода оуѣкнхъ⁴ . пакн
нѣзавель⁵ просинт⁶ прихѣдѣннѣ⁷ нау-
дѣвка⁸ кннѣграда разграбнтѣ⁹ и сѣго
илию на горы⁹ прогнатн · горе мнѣ да
нѣдиномоу мнѣ въ оуѣжстн¹⁰ быти,
нѣ и всѣмъ (камъ) слышѣннѣ¹¹ мѣл-
скин глѣсъ, и чюдити се с мною івано-
воу¹² прихѣдоу и иродокоу безоумст-
воу,¹³ и безбожннхъ женъ звѣроднѣн-
нхъ¹⁴ бѣсѣ¹⁵ что слышахомъ нынѣ¹⁶ · что¹⁵
іако іродъ ѣе ити¹⁶ івана,

181 а а и посади и¹⁷ въ тѣмнцн · почто?
ироднады ради жены филиппа¹⁸ бѣа сво-
нго · и похѣлннтъ кто оуѣбо іродоко
безоумство¹⁹ ѿ женъ стръзано.²⁰ что
оуѣбо кто²¹ ѣетъ, или (како) что²² изъ-
гѣтъ²³ женъ мнѣхъ неоумчнѣ²⁴ про-
нырѣство²⁵ мнѣ оуѣбо мннт се (и)
како²⁶ може²⁷ быти въ мироу²⁸ звѣри
равнѣ²⁹ женѣ пронырѣкѣ³⁰ · ннѣ же мнѣ
ѿ пронырѣкѣ³⁰ слово, а не ѿ добрѣн

Εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ Προδρόμου
καὶ Βαπτιστοῦ Ἰωάννου καὶ εἰς τὴν
Ἑρωδιάδα.

І. Πάλιν Ἑρωδιάς μαίνεται, πάλιν τα-
ράττεται, πάλιν ὀρχεῖται, πάλιν ἐπιζητεῖ τὴν
κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ ἀνόμως
ὑπὸ Ἑρώδου ἀποτμηθῆναι. Πάλιν Ἰεζά-
βελ περιέρχεται ζητοῦσα τοῦ Ναβουθαί τὸν
ἀμπελῶνα ἀρπάσαι (διαρπάσαι), καὶ τὸν
ἅγιον Ἠλίαν καταδιῶξαι ἐπὶ τὰ ὄρη. Οἴ-
μαι δὲ μὴ μόνον ἐμὲ εἰς ἔκστασιν τυγχάνειν,
ἀλλὰ καὶ πάντας ὑμᾶς τοὺς ἀκούοντας τῆς
τοῦ Εὐαγγελίου φωνῆς, καὶ θαυμάζειν σὺν
ἐμοὶ τὴν μὲν Ἰωάννου παῖδῃσιν, τὴν δὲ
Ἑρώδου κουφότητα, καὶ τὴν τῶν ἀθέων
γυναικῶν θηριώδη μανίαν. Τί γὰρ ἡκού-
ομεν; Ὁ γὰρ Ἑρώδης κρατήσας τὸν Ἰω-
άννην, ἔθετο ἐν φυλακῇ. Διὰ τί; Διὰ Ἑρω-
διάδα γυναῖκα Φιλίππου τοῦ ἀδελφοῦ αὐ-
τοῦ. Καὶ ψέξειεν ἂν τις τὴν Ἑρώδου κου-
φότητα ὑπὸ δυστήνων γυναικῶν (σ)πα-
ραχθεῖσαν. Τί δ' ἂν τις εἴποι, ἢ πῶς τις
ἐκφράσειε τὴν τῶν γυναικῶν ἐκείνων ἀκό-
λαστον πονηρίαν; Ἐμοὶ μὲν δοκεῖ μηδὲν
εἶναι ἐν κόσμῳ θηρίον ἐφάμιλλον γυναικὸς
πονηρᾶς. Ἀλλὰ νῦν ἐμοὶ περὶ πονηρᾶς
ὁ λόγος, οὐ περὶ ἀγαθῆς καὶ σώφρονος.

¹ *bēl.* мететь *Šaf.* мѣтеть *petrobr.* мѣ-
теть ² *bēl.* плесанть ³ *Šaf.* главъ ⁴ *Šaf.*
ѿ безаконна ірода оуѣкнхъ ⁵ *bēl.* *Šaf.*
нѣзавель ⁶ *bēl.* *Šaf.* (petrobr.) прихѣдѣннѣ
просѣннѣ (просѣннѣ) ⁷ *bēl.* *Šaf.* *petrobr.* на-
удѣвка ⁸ *Šaf.* звѣграбнтѣ ⁹ *bēl.* горѣ ¹⁰
bēl. оуѣжстѣ ¹¹ *Šaf.* слышѣннѣ *petrobr.*
слышѣннѣ ¹² *bēl.* іванѣ *petrobr.* ироду
¹³ *bēl.* безаконнѣ *petrobr.* безоумнѣ ¹⁴ *bēl.*
звѣроднѣннѣ *petrobr.* звѣ-
роднѣннѣ *Šaf.* звѣроднѣннѣ бѣсѣ
¹⁵ *bēl.* *Šaf.* *petrobr.* нынѣ ¹⁶ *bēl.* оудръжа

petrobr. оудръжа *Šaf.* оудръжакен ¹⁷ *bēl.*
нго ¹⁸ *petrobr.* филипповѣ ¹⁹ *bēl.* и бо хѣл-
лит бо въсе іродоко безоумнѣ ²⁰ *bēl.*
дръжано *petrobr.* ѿ жены сдержано *Šaf.*
растръзано ²¹ *bēl.* *Šaf.* что ²² *bēl.* кто
²³ *bēl.* *petrobr.* възгѣтъ (въз-) ²⁴ *bēl.* неоу-
мчнѣ *petrobr.* прононнѣ *Šaf.* прононнѣ *petrobr.*
неоумчнѣ *petrobr.* прононнѣ ²⁵ *bēl.* ннѣ *Šaf.*
никакѣ ²⁶ *bēl.* може *Šaf.* мѣжѣ *petrobr.*
ннѣ ²⁷ *bēl.* *Šaf.* *petrobr.* мироу ²⁸ *bēl.*
Šaf. равно ²⁹ *Šaf.* прононнѣ ³⁰ *Šaf.* про-
ноннѣ

Οἶδα γὰρ πολλὰς εὐσχήμονας καὶ ἀγαθὰς,
ὧν με δεῖ μνημονεῦσαι τὸν βίον πρὸς οἰ-
κοδομὴν καὶ ἔρωτα τῶν καλῶν.

Π. Οὐδὲν τοίνυν θηρίον ἐν κόσμῳ ἐφάμλλον γυναικὸς πονηρᾶς. Τί λέοντος δεινότερον ἐν τετραπόδοις; Ἄλλ' οὐδέν. Τί δὲ ὠμότερον δράκοντος ἐν ἔρπετοῖς; Ἄλλ' οὐδέν. Πλὴν καὶ λέων καὶ δράκων ἐν τῷ κακῷ ἐλάττω τυγχάνουσιν. Καὶ μαρτυρεῖ μου τῷ λόγῳ ὁ σοφώτατος Σολομὼν, λέγων· Συνοικῆσαι λέοντι καὶ δράκοντι εὐδόκησα (εὐδόκησας), ἥ μετὰ γυναικὸς πονηρᾶς καὶ γλωσσώδους. Καὶ ἵνα μὴ νομίσης τὸν προφήτην εἰρωνεῖα εἰρηκέναι, ἕξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων κατὰμαθε ἀκριβῶς. Τὸν Δαυιδ ἐν τῷ λάκκῳ οἱ λέοντες ἠδέσθησαν, τὸν δὲ δίκαιον Ναβουθαὶ Ἰεζάβελ ἐφόνευσεν· τὸ κῆτος τὸν Ἰωάνν ἐν τῇ κοιλίᾳ ἐφύλαξε, Δαλιὰ δὲ τὸν Σαμψὼν ξυρήσασα καὶ δῆσασα, τοῖς ἄλλοφυλοῖς παρέδωκε· δράκοντες καὶ ἀσπίδες καὶ κεράσται τὸν Ἰωάννην ἐν τῇ ἐρήμῳ ἐτρόμασαν, Ἡρώδης δὲ αὐτὸν ἐν ἀρίστῳ ἀπέτεμεν· οἱ κόρακες τὸν Ἥλιαν ἐν τῷ ὄρει διέθρυσαν,

Šaf. лѣжно; úryvek textu u *Liewehra*,
Kurbaskijs Novyj Margarit; má смѣ-
хомъ. Tato věta chybí ve *Sbor.* ⁴⁸ *běl.* *Šaf.*
petrobr. о тѣхъ дѣлѣхъ ⁴⁹ *běl.* наоучан се
petrobr. наоучаа см ⁵⁰ *běl.* *petrobr.* *Šaf.* иско-
ропитиѣ ⁵¹ *běl.* д. пророка ⁵² *běl.* роукъ ⁵³
Sbor. оусоумиѣша см *Šaf.* постидѣша см
⁵⁴ *Sbor.* chybí ⁵⁵ *Sbor.* chybí ⁵⁶ *Šaf.* събѣдѣ
petrobr. сблюдѣ *Sbor.* съхрани ⁵⁷ *Sbor.* са-
мъ ѿфона jako iostatní textu ⁵⁸ všecky textu
společně jen ostrigъши ⁵⁹ *Sbor.* *petrobr.*
иноплемениникомъ ⁶⁰ *Sbor.* прѣда ⁶¹ *Sbor.*
змиа ⁶² *Sbor.* рогагыци ⁶³ *Sbor.* вѣстрепе-
таша ⁶⁴ *Sbor.* главоу нмоу chybí ⁶⁵ *běl.* *petr.*
оуѣкче *Šaf.* втѣкче ⁶⁶ *Sbor.* *Šaf.* нальк
⁶⁷ *Sbor.* поустыни ⁶⁸ *Sbor.* прѣкръмниша
běl. крѣмѣше ⁶⁹ *Sbor.* *běl.* благодѣти

нѣмк⁷⁰ гонѣаше оубити.⁷¹ что ко глѣше?
аште ты ѿси нѣмкѣ, и азъ нѣзакѣль.
такѡ да ми створѣ еси и такѡ да при-
ложет ми, аште оутрѣ въ сѣ⁷² часъ не-
положю дѣше твоѣ⁷³ іако ѿдиногѡ⁷⁴ ѿ
снхъ оумръшнихъ.⁷⁵

III. и оубоѡ се нѣмкѣ и иде на дѣшу
свою. и иде⁷⁶ надъ⁷⁷ радмѣнь⁷⁸ и проси
дѣши свои оумрътѣти.⁷⁹ и рече⁸⁰ гнѣ бе до-
влет⁸¹ ми⁸² нѣмкѣ, възми⁸³ оубо ѿ мене
дѣшу мою, іако неболи⁸⁴ азъ ѿсѣмъ
(паче)⁸⁵ ѿца своихъ.⁸⁶ о горѣ⁸⁷ мнѣ.
прѣркъ нѣмкѣ оубоѡ се жены? іже дѣждѣ
въ⁸⁸ нзыцѣ носѣ⁸⁹ ксеи въселеныи,⁹⁰ нже
ѡгнь с нѣе словоѡмъ сѣде⁹¹ и ѡмѣ-
камн⁹² мртвыи⁹³ въставивъ,⁹⁴ оубоѡ
се жены? (ѿи оубоѡ се. небо ни ѿ) нѣмкѣ
же зѣ⁹⁵ притѣкнет се⁹⁶ женѣ проны-
рикѣ.⁹⁷ послѡушѣствоуѣтъ⁹⁸ ми⁹⁹ моу-
дростѣ¹⁰⁰ глѣшнѣи.¹⁰¹ нѣ главо¹⁰² паче¹⁰³
главы зминыи,¹⁰⁴ и нѣ зѣ¹⁰⁵ паче¹⁰⁶
зѣ¹⁰⁷ женѣска.¹⁰⁸ а¹⁰⁹ зѣ¹¹⁰ днѣ —
181 б а — коле ѡроужниѣ ѡстроѣ. же-
ною¹¹⁰ адама ѿ породы извѣрже.¹¹¹ же-

Ἰεζάβελ δὲ αὐτὸν μετὰ τὴν εὐεργεσίαν τοῦ
ὑετοῦ πρὸς φόνον ἐδίωκε. Τί γὰρ ἔλεγεν;
Εἰ σὺ Ἥλιου, καὶ ἐγὼ Ἰεζάβελ. Τάδε ποιή-
σαισάν μοι οἱ θεοί, καὶ τάδε προσθεῖναι,
εἰ μὴ αὔριον ταύτῃ τῇ ὥρᾳ θήσομαι τὴν
ψυχὴν σου ὡς ἐνὸς τῶν τεθνηκότων.

III. Καὶ ἐφοβήθη Ἥλιος, καὶ ἐπορεύθη
κατὰ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ, καὶ ἀπῆλθεν εἰς τὴν
ἐρημον ὁδὸν ἡμερῶν τεσσαράκοντα. Καὶ
ἦλθεν ὑπὸ Ῥαθμὲν (ῥαθυμήσας), καὶ ἡτή-
σατο τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἀποθανεῖν, καὶ εἶπε·
Κύριε ὁ Θεός, ἱκανοῦσθω μοι νῦν, λάβε τὴν
ψυχὴν μου ἀπ' ἐμοῦ, ὅτι οὐ κρίσσω ἐγὼ
ὑπὲρ τοὺς πατέρας μου. Οἶμοι! ὁ προφή-
της Ἥλιος ἐφοβήθη γυναῖκα; ὁ τὸν ὑετὸν
τῆς οἰκουμένης ἐν τῇ γλώττῃ βασιτάων,
ὁ πῦρ οὐρανὸθεν (ῥήματι) κατενέγκας, καὶ
δι' εὐχῆς νεκροὺς ἐγείρας, ἐφοβήθη γυναι-
κα; Ναί, ἐφοβήθη. Οὐδεμία γὰρ κακία συγ-
κρίνεται γυναικὶ πονηρᾷ. Μαρτυρεῖ δὲ μου
τῷ λόγῳ ἡ Σοφία λέγουσα (ὁ σοφὸς λέγων),
ὅτι Οὐκ ἔστι κεφαλὴ ὑπὲρ κεφαλὴν ὄφεως,
καὶ οὐκ ἔστι κακία ὑπὲρ κακίαν γυναικός.
ᾠΩ τὸ κακὸν τοῦ διαβόλου καὶ ὀξύτατον

⁷⁰ Sbor. дѣждѣкнѣнѣ ⁷¹ bēl. petrohr.
оубиеннѣа ради Sbor. на оубон; odtud
několik vět ve Sbor. chybí až k po-
čátku odstavce III. ⁷² bēl. сенже Šaf.
ты ⁷³ bēl. доушю твою ⁷⁴ bēl. и ѿди-
ного Šaf. єдинѣ (sc. доушѣ). ⁷⁵ Šaf. оу-
мершихъ ⁷⁶ bēl. petrohr. приде ⁷⁷ bēl.
petrohr. подѣ ⁷⁸ Šaf. místo надѣ радмѣнь
má и надѣ ницѣ ⁷⁹ Začátek odstavce
III. až ku slovům оумрътѣти ve Sbor. zní
takto: и оубоѡвѣ сѣ вѣжа въ поустынѣ
поутѣ чѣтыри десѣти дѣни и оуста
въпрошаше сѣмръти; odpovídá řec. ⁸⁰
Sbor. рекын ⁸¹ Sbor. bēl. petrohr. докѣлѣ-
мѣ ⁸² bēl. ти ⁸³ Sbor. нзыми ⁸⁴ bēl. Šaf.
неболен Sbor. не оуни ⁸⁵ Sbor. Šaf. chybí
⁸⁶ Šaf. монхъ ⁸⁷ Sbor. Оухъ ⁸⁸ bēl. petrohr.
на ⁸⁹ Sbor. ношаше ⁹⁰ bēl. petrohr. Šaf.

въселенѣи ксеи Sbor. въсего мира ⁹¹ Sbor.
bēl. Šaf. сѣвѣде ⁹² Sbor. молнтвоѣхъ petrohr.
молнтвоу ⁹³ Sbor. petrohr. мрътвѣца ⁹⁴
bēl. petrohr. въставлѣи Sbor. въскрѣснѣхъ
Šaf. въстави ⁹⁵ Sbor. зѡба petrohr. ѿдино
зѡ ⁹⁶ Sbor. нѣстѣ тѣчѣна ⁹⁷ Sbor. зѣлѣ
⁹⁸ bēl. petrohr. послѡушѣмъ Sbor. сѣвѣ-
дѣтельствоуѣмъ ⁹⁹ Sbor. ми и словоѡмъ
jako v řec. bēl. petrohr. словеси ¹⁰⁰ Sbor.
моудрын petrohr. премоудростѣ ¹⁰¹ Sbor.
рекын ¹⁰² Sbor. главы ¹⁰³ Sbor. кыше ¹⁰⁴
Sbor. bēl. змины ¹⁰⁵ Sbor. bēl. зѡбы
Šaf. злины petrohr. злы ¹⁰⁶ Sbor. кыше
¹⁰⁷ Sbor. зѣли Šaf. злины petrohr. злы
¹⁰⁸ Sbor. petrohr. женѣскы bēl. паче женѣ-
ском ¹⁰⁹ Sbor. о bēl. petrohr. ѡле Šaf. и
¹¹⁰ bēl. жена ¹¹¹ Sbor. адама испръва въ
породѣ потопи

ноу¹¹² кроткаго¹¹³ дѣда на оубиини¹¹⁴
оубинно възвѣси · женоу прѣмоудраго
соломона въ прѣстоуплении сврати.¹¹⁵
женоу добраго¹¹⁶ самуона встригъ¹¹⁷
вслѣпи.¹¹⁸ женоу добраго¹¹⁹ ивсифа
свезавъ¹²⁰ (въ тѣмницѣ) въврже.¹²¹ же-
ноу вѣхъ свѣтланика іωна¹²² оуѣкноу.

IV. что же глѣо ѡ ѡвцѣхъ? женоу
аѡглы з горы долоу свръже · жены ра-
ди¹²³ все оубиваетъ все бесѣтитъ.¹²⁴
жена бо бестоудна николиже¹²⁵ ѡбниетъ
се.¹²⁶ ни црквииника чететъ, ни чѣсти-
тели¹²⁷ срамлаетъ се, ни пррѣк¹²⁸ стын-
дитъ се.¹²⁹ зло зла злѣи жена изычна.¹³⁰
аште бо¹³¹ ништа¹³² ѿ, понѣ малы¹³³
оунышин¹³⁴ ѿ · аштеи бгатыство имать
то то¹³⁵ ѿ зли¹³⁶ и¹³⁷ помаганъ.¹³⁸
трѣгоубо¹³⁹ зло, тежкѣ¹⁴⁰ животь.¹⁴¹ азъ
вѣдѣ¹⁴² аспиды кротеи¹⁴³ оукротн-

¹¹² *běl.* жена ¹¹³ *Sbor.* chybí ¹¹⁴ *Sbor.*
жвинство ¹¹⁵ *Sbor.* разврати *Šaf.* прѣ-
стѣпнѣи сѣтвори ¹¹⁶ *Sbor.* chybí *běl.*
добраго *Šaf.* добраго ¹¹⁷ *Sbor.* chybí
¹¹⁸ *Sbor.* následuje женоу Илѣж про-
гъна, nemá žádný jiný text; odpovídá
částečně řeckému ¹¹⁹ *Sbor.* chybí *běl.*
petrohr. *Šaf.* добороднаго ¹²⁰ *Sbor.*
chybí *petrohr.* свѣзана ¹²¹ *Sbor.* *petrohr.*
běl. *Šaf.* затвори ¹²² *Sbor.* прѣдѣтежъ
хрѣсва. Od začátku odd. IV. až ku slovu
свръже ve *Sbor.* chybí ¹²³ *Sbor.* женоу
běl. жена злобѣва ¹²⁴ *Sbor.* *běl.* *petrohr.*
odpovídají řec.; *Sbor.* женоу въсѣмъ за-
калаетъ въсѣмъ коритъ въсѣмъ оубиваетъ
въсѣмъ хоулитъ въсѣмъ потѣзаетъ; *běl.* въсѣ
оубиваетъ все которае въсѣмъ закалаетъ
все бесѣтитъ ¹²⁵ *běl.* никого же *Sbor.*

ὄπλον! διὰ γυναῖκός ἐξ ἀρχῆς τὸν Ἀδὰμ
ἐν παραδείσῳ κατέτρωσε· διὰ γυναῖκός τὸν
πρώτον Δαυὶδ πρὸς τὴν τοῦ Οὐρίου δο-
λοφονίαν ἐξέμηνε· διὰ γυναῖκός τὸν σοφώτα-
τον Σολομῶντα πρὸς παρὰ βασιν κατέστρω-
σε· διὰ γυναῖκός τὸν ἀνδρείοτατον Σαμψῶ-
να ξυρήσας ἐτύφλωσε· διὰ γυναῖκός τοὺς
υἱοὺς Ἡλεὶ τοῦ ἱερέως ἠδάφισε· διὰ γυ-
ναῖκός τὸν εὐγενέστατον Ἰωσήφ ἐν φυ-
λακῇ δεσμεύσας κατέκλεισε· διὰ γυναῖκός
τὸν παντός κόσμου λύχνον Ἰωάννην ἀπέ-
τεμε (ἀπέκτεινε).

IV. Τί δὲ λέγω περὶ ἀνθρώπων; Διὰ
γυναῖκός τοὺς ἀγγέλους οὐρανόθεν κατέ-
έβαλε· διὰ γυναῖκός πάντας κατασφάζει,
πάντας φονεῖ, πάντας ἀτιμάζει, πάντας
ὕβριζει. Γυνὴ γὰρ ἀναιδὴς οὐδενὸς φεί-
δεται· οὐ Λευίτην τιμᾷ, οὐκ ἱερέα ἐντρέ-
πεται, οὐ προφήτην αἰδεῖται. Ὡ κακὸν κα-
κοῦ κάκιστον γυνὴ πονερά! Κἂν μὲν πε-
νιχρὰ ᾖ, τῇ κακίᾳ πλουτεῖ. Ἐὰν δὲ πλοῦτον
ἔχῃ τῇ πονηρίᾳ συνεργοῦντα, δισσοῦν τὸ
κακὸν, ἀφόρητον τὸ ζῶον, ἀθεράπευτος νό-
σος, ἀνήμερον (ἀθεράπευτον) θηρίον. Ἐγὼ

ничьсоже ¹²⁶ *Sbor.* не соумнитъсѣ ¹²⁷
Sbor. сѣтла ¹²⁸ *Sbor.* *Šaf.* пророка ¹²⁹
Sbor. následuje ни сѣдинъ чѣтетъ; není
v žádném slov. ani v řeckém textě. ¹³⁰
Sbor. зѣла ¹³¹ *Sbor.* оубо ¹³² *Sbor.* оубога
¹³³ *běl.* мало зло ¹³⁴ *běl.* *petrohr.* *Šaf.* оубе
Sbor. за понѣ м. оу. ма то зѣлѣж бо-
гата ¹³⁵ *běl.* бо ¹³⁶ *běl.* зло *petrohr.* ко
злѣ ¹³⁷ *petrohr.* еи ¹³⁸ *Sbor.* за имать
насл. золовѣ не помаганъште ¹³⁹ *Sbor.*
соугубо ¹⁴⁰ *běl.* тежкѣ *Šaf.* тѣжѣски
petrohr. тажекѣ *Sbor.* не сѣтрѣпи ¹⁴¹
Sbor. за животъ následuje: нецѣлѣжш-
тин не доугъ, не оукротимый звѣръ.
Není v žádném textě slov., ale je
v řeckém ¹⁴² *Sbor.* *petrohr.* видѣхъ ¹⁴³
Sbor. кротимы *petrohr.* кротаща *Šaf.*
крѣтаща

мы¹⁴⁴, и лъвы многы¹⁴⁵ и рысы оукротимн¹⁴⁶ оукротѣше се.¹⁴⁷ жена же лѹкава¹⁴⁸ и скарима¹⁴⁹ бѣснит¹⁵⁰ се, [и кротима¹⁵¹ вышит¹⁵² се.] и аще имать моужа болярина,¹⁵³ ноѣ и днь словесы въскопарящи¹⁵⁴ и срѣе имоу на прѣльстном оуенинии оустинить,¹⁵⁵ яко¹⁵⁶ же иродна¹⁵⁷ ирода. аще ница¹⁵⁸ имать [моужа,] на дръзнокѣ -

181 б β - ния¹⁵⁹ и которы въставляють.¹⁶⁰ аще и въдова ѿ, [сама собою все бѣхститъ.¹⁶¹ ни] страхомъ бжмъ невѣхластитъ¹⁶² изыка, ни на боудущем соудни възирають,¹⁶³ ни любьвнаго¹⁶⁴ вѣсть закона хранити.

V. ни что же ѿ женѣ лѹкавѣ¹⁶⁵ приснаго¹⁶⁶ моужа прѣдати на смръть. (и) сего ради (оубо) праведнаго иже приснаго¹⁶⁷ жена на смрти¹⁶⁸ прѣдаше, глѹшини.¹⁶⁹ рекъ что¹⁷⁰ [слово] къ гоу, оумри. ѿ льстнства¹⁷¹ злаго.¹⁷² о изколенни¹⁷³ бесплоднаго.¹⁷⁴ непомѣла видѣвши своего мѣжа оутробоу¹⁷⁵ ѿ просѣдающихъ прыщъ,¹⁷⁶ яко и¹⁷⁷ оуглини¹⁷⁸ огньныхъ¹⁷⁹ искрометны-

¹⁴⁴ *Sbor.* оукрашатиса ¹⁴⁵ *Sbor.* и тигры jako vřec.; nemá žádný z uvedených textů slov. ¹⁴⁶ *Sbor.* ласканмы ¹⁴⁷ *Sbor.* кроташтиася ¹⁴⁸ *Sbor.* зѣла ¹⁴⁹ *Sbor.* корима ¹⁵⁰ *běl. Sbor. petrobr. Šaf.* бѣснить ¹⁵¹ *Sbor.* крочимы ¹⁵² *Sbor.* вышитъса ¹⁵³ *Sbor.* кѣнаѣа ¹⁵⁴ *Sbor.* словесы и по оуштаѣшти *Šaf.* подвижеть ¹⁵⁵ *běl.* оучить *Šaf.* пѣцаеть *Sbor.* místo slov срѣе ... až оустинъ má jen на оуениство острить jako v řec. ¹⁵⁶ *Sbor.* акы ¹⁵⁷ *Sbor.* иродоваи *Šaf.* ироднада ¹⁵⁸ *Sbor.* оубога ¹⁵⁹ *Sbor.* гнѣкы ¹⁶⁰ *Sbor.* и подвизан *Šaf.* имать въставляти ¹⁶¹ *petrobr.* нехститъ *Sbor.* корить вса потѣзати ¹⁶² *petrobr.* невосхластитъ *Sbor.* нехъсѣхлаштають си ¹⁶³ *Sbor.* jediný z textů má ještě ni kъ

οἶδα καὶ ἀσπίδας κολακευομένης ἡμεροῦσθαι, καὶ λέοντας καὶ τίγρεις καὶ παρδάλεις τιθασσευομένης πρᾶνθῆσθαι γυνὴ δὲ πονηρὰ καὶ ὑβριζομένη μαίνεται, καὶ κολακευομένη ἐπαίρεται. Καὶ ἔχη ἄνδρα ἄρχοντα, νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν τοῖς λόγοις αὐτὸν ἐκμοχλεύουσα πρὸς δολοφονίαν οὕναι, ὥς Ἡρωιδίᾳς τὸν Ἡρώδη· καὶ πένητα ἔχη ἄνδρα, πρὸς ὀργὰς καὶ μάχας αὐτὸν διεγείρει· καὶ χήρα τυγχάνη, αὐτὴ δι' ἑαυτῆς τοὺς πάντας ἀτιμάζει. Φόβῳ γὰρ Κυρίου οὐ χαλινούνται τὴν γλῶτταν, οὐκ εἰς τὸ μέλλον κριτήριον ἀποβλέπει, οὐκ εἰς Θεὸν ἀναβλέπει οὐ φιλίας οἶδε θεσμούς φυλάττειν.

V. Οὐδέν ἐστι γυναικὶ πονήρῳ τὸν ἴδιον ἄνδρα παραδοῦναι εἰς θάνατον. Ἀμέλει γοῦν τὸν δίκαιον Ἰὼβ ἢ ἰδία γυνὴ πρὸς θάνατον τῆς βλασφημίας παρεδίδα, λέγουσα Ἐλπὸν τι ῥῆμα πρὸς (εἰς) Κύριον, καὶ τελευτά. Ὡ φύσεως πονηρᾶς (μοχθηρᾶς)! Ὡ προαιρέσεως ἀνοσίᾳ! Οὐκ ἠλέησεν ὁρῶσα τοῦ ἰδίου ἀνδρὸς τὰ σπλάγγνα ὑπὸ τῶν ἀναξουσῶν φλυκταινῶν, ὥσπερ ὑπὸ ἀνθρώπων σπινθηροβόλων καιόμενα,

бѹгъзводитъ очниъ jako v řec. textu ¹⁶⁴ *Šaf. běl.* любковнаго ¹⁶⁵ *Sbor.* зѣлкѣ ¹⁶⁶ *Sbor.* своего ¹⁶⁷ *Sbor.* своа ¹⁶⁸ *Sbor. petrobr.* на сѣмръть *Šaf.* pouze сѣмрти bez předl. ¹⁶⁹ *Sbor.* рекоушти ¹⁷⁰ *Sbor.* нѣчто ¹⁷¹ asi zkomoleno místo wae нехъства v ř. φύσεως *běl.* wae злоестеженин(?) *Sbor.* изколенни *Šaf.* сѣмисла *petrobr.* оле злое ество ¹⁷² *Sbor.* зла ¹⁷³ *Sbor.* разоума ¹⁷⁴ *běl. petrobr.* бесплоднои *Sbor.* не прѣподобна *Šaf.* аж-каво ¹⁷⁵ *běl. petrobr.* оутробоу ¹⁷⁶ w. п. п. = *běl.* огнь горешихъ прыщень *petrobr.* wt горашихъ прыщини *Šaf.* мѣжа горашаго жтробнъими прици *Sbor.* wtъ възгараѣштинихъ сѣ прыштини ¹⁷⁷ *běl. petrobr.* wt *Sbor.* на ¹⁷⁸ *běl.* юглени *Sbor.* оугѣльхъ ¹⁷⁹ *petrobr.* огньныхъ *Sbor.* лежаштж

нхъ¹⁸⁰ горимѣю,¹⁸¹ и вѣсѣ патъ¹⁸² чрьвъ-
ми вѣмѣтѣ¹⁸³ не прѣклони се [на ми-
лостъ.] зрѣши¹⁸⁴ нго всачаски¹⁸⁵ вѣсѣ
гниюща¹⁸⁶ [и болѣшта.]¹⁸⁷ и чѣста¹⁸⁸
вѣздыхання¹⁸⁹ ѿ¹⁹⁰ бокоу снѣпѣша¹⁹¹
оусты износеша¹⁹² не прѣклони¹⁹³ се на
мѣрѣани¹⁹⁴ видѣши нгоже нѣклони¹⁹⁵
въ црѣкѣ¹⁹⁶ багрѣнниці хѣдеша¹⁹⁷ на
гною¹⁹⁸ лежеша¹⁹⁹ ѿпачю²⁰⁰ вѣнажена²⁰¹
платю²⁰² не поменѣ²⁰³ же²⁰⁴ с нимъ²⁰⁵
прѣвадо²⁰⁶ вѣвѣча²⁰⁷ и²⁰⁸ клѣнкоже то-
го²⁰⁹ дѣла²¹⁰ слава²¹¹ (и) доброта ѿ
процѣ²¹² те . нъ что? рекъ что [слово] къ
гоу, оуми²¹³ . в²¹² бѣгѣни жѣнѣска . в²¹³
оумѣчѣни²¹⁴ болѣзньнаго²¹⁵ оутѣше-
ни²¹⁶ . в²¹⁷ оупрогѣ любеви²¹⁸ за-
конъ²¹⁹

VI. ѿда тебѣ

182 а ѿ колѣ²²⁰ болѣши²²¹ тако [ѿ] сло-
во²²² извѣща²²³ а нели мѣтвами и
бѣгодѣшани изѣоу²²⁴ ти ѿчисти²²⁵? не-
довѣдѣши (ѿ) ²²⁵ нмоу мало годнаѣ
нишѣта²²⁶ н²²⁷ вѣчноу²²⁸ нмоу пода-
ише²²⁹ (хѣлы²³⁰ радѣ)²³¹ моу²³² не-

каὶ ὅλας (πάσας αὐτοῦ) τὰς σάρκας τοῖς
σκόληξι συνελημμένας (συνελισσομένας)
οὐκ ἐκάμφθη πρὸς οἶκτον, ὁρῶσα αὐτὸν
ὅλον δι' ὅλου ἐλισσόμενον καὶ κάμνοντα
καὶ ἀγωνιῶντα, καὶ συνεχῇ ἄσθματα μετὰ
πόνου κεχηνότι τῷ στόματι φέροντα. Οὐκ
ἐμειλίχθη πρὸς εὐσπλαγχνίαν ὁρῶσα τὸν
ποτε ἐν βασιλικῇ πορφυρίδι προσιόντα,
τότε ἐπὶ κοπρίᾳ κείμενον γεγυμνωμένον
τῷ σώματι. οὐκ ἐμνημόνευσε τῆς πρὸς αὐ-
τὸν ἀρχαίας συνηθείας, οὐδ' ὅσα δι' αὐτὸν
ἐπίδοξα καὶ καλὰ ἤνθησεν αὐτῇ. Ἀλλὰ τί;
Εἰπόν τι ῥῆμα πρὸς Κύριον, καὶ τελεύτα.
ᾠχαρίζεαι γυναικὶς! ὦ μάλαγμα ὁδύνων προ-
μαλακῆριον! ὦ φιλίᾳ ὁμοζύγου θεσμός!

VI. Ἐὰρ σοῦ ποτε ἀρῶ στούσης τοιοῦ-
τον ἐφθέγγατο ῥῆμα, καὶ οὐχὶ εὐχαῖς καὶ
εὐποιαῖς τὴν νόσον σου ἀπέσμηξεν; οὐκ
ἤρκει γὰρ αὐτῷ ἡ πρόσκαιρος παιδεία, ἀλλὰ
καὶ αἰώνιον αὐτῷ προξενεῖς τὴν κόλασιν
(προσφέρεις τιμωρίαν) διὰ τῆς βλασφημίας;
ἢ οὐκ οἶδας, ὅτι πᾶσα βλασφημία καὶ

¹⁸⁰ *Sbor. chybí* ¹⁸¹ *Sbor. chybí bēl. горимы* ¹⁸² *Sbor. вѣсѣ патѣ* ¹⁸³ *Sbor. извѣданмоу bēl. вѣсѣтѣ petrobr. обѣтѣ* ¹⁸⁴ *Sbor. видѣши* ¹⁸⁵ *Sbor. вѣсѣчскы bēl. вѣселничъ petrobr. вѣселничъ* ¹⁸⁶ *Sbor. стѣнѣшта* ¹⁸⁷ *Sbor. тоужѣшта* ¹⁸⁸ *Sbor. чѣсто petrobr. чѣста* ¹⁸⁹ *Sbor. chybí* ¹⁹⁰ *bēl. petrobr. Sbor. из* ¹⁹¹ *bēl. извѣща petrobr. извѣща* ¹⁹² *Šaf. сѣнѣ-дажѣни* ¹⁹³ *Sbor. mǐsto toho: из бокоу гнои испѣштажѣшта* ¹⁹⁴ *Sbor. не оумѣчи сѣ* ¹⁹⁵ *Sbor. petrobr. Šaf. милѣсѣдѣи* ¹⁹⁶ *Sbor. иже вѣ нѣкѣгда* ¹⁹⁷ *Sbor. цѣсарѣствѣ и bēl. petrobr. цѣствѣ и вѣ* ¹⁹⁸ *Sbor. chybí* ¹⁹⁹ *Sbor. bēl. Šaf. гнои* ²⁰⁰ *Sbor. лежѣшта* ²⁰¹ *Šaf. лежѣща* ²⁰² *Sbor. bēl. нынѣ* ²⁰³ *Sbor. нага и гниѣшта* ²⁰⁴ *Sbor. chybí* ²⁰⁵ *Sbor. непомѣноу* ²⁰⁶ *Sbor. chybí* ²⁰⁷ *Sbor. вѣвѣча прѣвѣ* ²⁰⁸ *Sbor. бѣл. ни* ²⁰⁹ *Sbor. нго* ²¹⁰ *Sbor. дѣла* ²¹¹ *Šaf. слава* ²¹² *Sbor. процѣ* ²¹³ *te ve Sbor. chybí* ²¹⁴ *bēl. вѣ* ²¹⁵ *bēl. оумѣчѣни* ²¹⁶ *petrobr. оумѣчѣни* ²¹⁷ *Šaf. оумѣчѣни* ²¹⁸ *Sbor. chybí* ²¹⁹ *Sbor. болѣзньнаго* ²²⁰ *Šaf. болѣзнь* ²²¹ *petrobr. болѣзнь* ²²² *Šaf. болѣзнь* ²²³ *petrobr. болѣзнь* ²²⁴ *Šaf. болѣзнь* ²²⁵ *petrobr. болѣзнь* ²²⁶ *Šaf. болѣзнь* ²²⁷ *petrobr. болѣзнь* ²²⁸ *Šaf. болѣзнь* ²²⁹ *petrobr. болѣзнь* ²³⁰ *Šaf. болѣзнь* ²³¹ *Sbor. дѣла* ²³² *Sbor. od-*

любѣвѣ и обѣча ²⁰⁸ *bēl. ни* ²⁰⁹ *Sbor. нго* ²¹⁰ *Sbor. дѣла* ²¹¹ *Šaf. слава* ²¹² *Sbor. процѣ* ²¹³ *te ve Sbor. chybí* ²¹⁴ *bēl. вѣ* ²¹⁵ *bēl. оумѣчѣни* ²¹⁶ *petrobr. оумѣчѣни* ²¹⁷ *Šaf. оумѣчѣни* ²¹⁸ *Sbor. chybí* ²¹⁹ *Sbor. болѣзньнаго* ²²⁰ *Šaf. болѣзнь* ²²¹ *petrobr. болѣзнь* ²²² *Šaf. болѣзнь* ²²³ *petrobr. болѣзнь* ²²⁴ *Šaf. болѣзнь* ²²⁵ *petrobr. болѣзнь* ²²⁶ *Šaf. болѣзнь* ²²⁷ *petrobr. болѣзнь* ²²⁸ *Šaf. болѣзнь* ²²⁹ *petrobr. болѣзнь* ²³⁰ *Šaf. болѣзнь* ²³¹ *Sbor. дѣла* ²³² *Sbor. od-*

вѣсили ꙗко всакъ²³³ грѣхъ оставишѣ²³⁴
се члвкомъ · а иже²³⁵ [на] сѣго дѣхъ [хо-
литъ]²³⁶ неоставишѣ²³⁷ се ни въ вѣцѣхъ
семъ ни въ вѣдоушемъ? хоуеши ли вѣдѣ-
ти и доуѣгоу зли²³⁸ сѣ²³⁹ соупроужни-
цѣ²⁴⁰ виждѣ²⁴¹ далидоу²⁴² и та бо²⁴³
добладо²⁴⁴ самѣшна²⁴⁵ праведнаго²⁴⁶
остригши²⁴⁷ иностранникомъ²⁴⁸ прѣда-
стъ²⁴⁹ своего²⁵⁰ моужа, своего²⁵¹ сьло-
жа,²⁵² игоже грѣшаше, [игоже обнимаше,]²⁵³
(игоже крошаше,²⁵⁴ игоже тѣшаше),²⁵⁵
игоже паче себе любещи (се) ткораше.²⁵⁶
игоже въчера люблѣаше, днѣ прѣлѣша-
ше · игоже въчера хранещи люблѣаше,²⁵⁷
днѣ²⁵⁸ прѣлѣшающи²⁵⁹ погрѣшаше.²⁶⁰
ѣда не бѣ ѡснѣ²⁶¹ то кто того²⁶² ѡснѣ-
ѣ²⁶³ бѣ въ²⁶⁴ тѣ²⁶⁵ годѣ,²⁶⁶ иже сѣдмъ
плѣнницъ ношаше на глѣбѣ, сѣдмъ²⁶⁷
свѣтнаго²⁶⁸ дара²⁶⁹ въразъ носе²⁷⁰?
ѣда²⁷¹ не бѣ доблѣ²⁷² то кто иго²⁷³ храб-
рѣи,²⁷⁴ иже лѣвомъ²⁷⁵ страши²⁷⁶ на поу-
ти ѣдиноу²⁷⁷ оудѣи,²⁷⁸ и ѣдноу²⁷⁹ челоу-
стнѣу²⁸⁰ слаю²⁸¹ странника²⁸² положѣ²⁸³

VII. нѣ ѣтъ бѣ? и тольма ѣтъ бѣ,²⁸³
ѡкоже въжѣдавшю²⁸⁴ се ѡмоу нѣко-
ли²⁸⁵ въ скоу-

ἀμαρτία ἀφεθήσεται ἀνθρώποις· ἡ δὲ κατὰ
τοῦ Πνεύματος τοῦ ἁγίου βλασφημία, οὐκ
ἀφεθήσεται οὔτε ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ, οὔτε
ἐν τῷ μέλλοντι; Θέλεις ἰδεῖν καὶ ἄλλην τῆς
πονηρίας ταύτης ὁμοζυγον; Ἴδε μοι τὴν
Δαλιάν. Καὶ γὰρ ἐκείνη τὸν ἀνδρειότατον
Σαμψῶνα ξυρήσασα καὶ δῆσασα, τοῖς ἄλλο-
φύλοις παρέδωκε, τὸν ἴδιον ἄνδρα, τὸν
ἴδιον σύννευον, ὃν ἔθαλπεν, ὃν ἐθώπευεν,
ὃν ἐκολάκευεν, ὃν ὑπὲρ ἑαυτὴν ἀγαπᾶν ὑπε-
κρίνατο ὃν χθὲς ἡγάπα, σήμερον ἡπάτα.
ὃν χθὲς ἔθαλπεν ἀγαπῶσα, σήμερον ἔθα-
πεν ἀπατῶσα. Καὶ μὴν οὐκ ἦν ὥραιος;
Καὶ τίς αὐτοῦ ὥραιότερος κατ' ἐκεῖνο(!)
καιροῦ, ὃς ἑπτὰ βοστρούχους ἐπὶ κεφαλῇς
ἔφερε, τῆς ἑπταφώτου χάριτος τὴν εἰκόνα
βαστάζων; Καὶ μὴν οὐκ ἦν ἀνδρεῖος; Καὶ
τίς αὐτοῦ ἀνδρειότερος, ὃς γε λέοντα φοβε-
ρὸν ἐν ὁδῷ μόνος ἀπέπνιξε, καὶ ἐν μιᾷ σια-
γόνι ὄνου χιλίους (μυρίους) ἄλλοφύλους
κατέστρωσεν;

VII. Ἀλλὰ καὶ οὐκ ἅγιος ἦν; Τοσοῦτον
ἦν ἅγιος, ὥς διηήσαντα αὐτόν ποτε ἐν σπά-
νει ὕδατος εὗξασθαι, καὶ ἐκ τῆς κατεχομέ-

²³³ *běl.* въс *petrohr.* кесъ ²³⁴ *běl.* оста-
каѣт ²³⁵ *běl.* иже *Šaf.* еже ²³⁶ *Šaf.* хоула
²³⁷ *běl.* неостдантъ ²³⁸ *Sbor. petrohr.* зѣлыи
běl. зло *Šaf.* злѣмъ ²³⁹ *Sbor. petrohr.* сѣи ²⁴⁰
běl. противноу *petrohr.* соупротивноу *Sbor.*
соупроужнижъ женоу ²⁴¹ *Sbor.* съмотри ми
petrohr. книжъ ²⁴² *Sbor.* далиды ²⁴³ *Sbor.*
како ²⁴⁴ *Šaf.* добраго *Sbor. chybí* ²⁴⁵
Sbor. своего моужа ²⁴⁶ *Sbor. chybí* ²⁴⁷
Sbor. остригши и съмзавъши *jako*
v řec. ξυρήσασα καὶ δῆσασα ²⁴⁸ *Sbor.*
petrohr. иноплемѣнникомъ ²⁴⁹ *Sbor.* прѣ-
да ²⁵⁰ *Sbor.* скон оудѣ сконго моужа
²⁵¹, ²⁵² *Sbor. chybí; petrohr. běl.* соуложѣ
²⁵³ *Sbor. Šaf. chybí* ²⁵⁴ *Sbor.* ласкаше ²⁵⁵
Sbor. облозиваше ²⁵⁶ *Sbor.* лицемѣроваше

²⁵⁷ *Sbor.* за хран. люб. мѣ грѣшаше люблѣ-
шти *běl.* люблѣшаше въ храницы ^{258–260}
Sbor. chybí ²⁶¹ *Sbor.* красенъ ²⁶² *Sbor.* иго
Šaf. того да ²⁶³ *Sbor.* красенѣи ^{264–266} *Sbor.*
chybí ²⁶⁷, ²⁶⁸ *běl.* сѣдмосвѣтнаго *Sbor.*
сѣдмосвѣтлѣны ²⁶⁹ *Sbor.* и блгдати
²⁷⁰ *Sbor. Šaf.* носѣ ²⁷¹ *Sbor.* или ѣда ²⁷²
Sbor. Šaf. добръ ²⁷³ *běl.* того ²⁷⁴ *běl.*
храбра быст *Sbor.* добръ ²⁷⁵ *běl. Šaf.*
petrohr. Sbor. лѣва ²⁷⁶ *běl. petrohr.* страш-
на *Šaf.* страшнаго *Sbor. chybí* ²⁷⁷ *běl.*
ѣдинъ *Sbor. petrohr.* ѣдинъ ²⁷⁸ *Sbor.* съ-
рѣтъ оуби ²⁷⁹ *Sbor.* ѣдинножъ ²⁸⁰ *Sbor.*
тысмштоу ²⁸¹ *Sbor.* иноплемѣнникъ ²⁸²
běl. побѣди *Sbor.* побѣи ²⁸³ *Sbor.* бѣаше
²⁸⁴ *Sbor.* въжѣдавшѣ ²⁸⁵ *Sbor.* дрѣкѣ

182 а β -достн²⁸⁶ кодѣ²⁸⁷ помлнѣти се,
и ѿ дръжимѣ²⁸⁸ въ роуцѣхъ нго²⁸⁹ чел-
юсти мртвы²⁹⁰ кодѣ²⁹¹ искнпѣти,²⁹² и
ѿ тоудѣ²⁹³ цѣльбоу жедноу²⁹⁴ почрѣ-
сти.²⁹⁵ тоже такого исна,²⁹⁶ такого до-
бра,²⁹⁷ толма²⁹⁸ ѣта, своа жена, яко²⁹⁹
(и) ратника³⁰⁰ иностранникомъ³⁰¹ прѣ-
дасть.³⁰² то ѿ коудѣ³⁰³ (оубо) жена то-
лкѣ моужьствоу прѣдолѣ³⁰⁴ [ѿ коудѣ³⁰⁵
ѿ?] ³⁰⁶ ѿ блгдѣти³⁰⁶ своего³⁰⁷ моужа.³⁰⁸
таннѣ бо нго крѣпостноу³⁰⁹ ношню
оукрадиши лѣстню, нага³¹⁰ нго обрѣтши
крѣпости прѣдасть.³¹¹ сего ра³¹² за-
прѣщаетъ тѣ прѣркѣ³¹³: ѿ съложѣ сво-
его храниши³¹⁴ се неповѣдати³¹⁵ ни ни-
чесоже.³¹⁶ кни³¹⁷ (бо), повѣждѣ мѣ, звѣрь
на своего (моужа тако)³¹⁸ помысли³¹⁹
коли? каѣ (же) змѣи своего соупроуга
погубити хошетъ? каѣ ли лѣвица
своего³²⁰ моужа на закѣни³²¹ прѣ-
дасть?³²² видѣшиши яко ѣвѣ рѣ мѣд-
рость, ѣже нѣ глаѣ паче глаѣ змѣ-
и нѣ³²³ злѣ³²⁴ паче злѣ³²⁵ женьска?³²⁶
и проста³²⁷ рѣци,³²⁸ нже имать³²⁹ же-

νης ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ σιαγόνος νεκρᾶς ὕδωρ
πληῖσαι, κακεῖθεν τὸ ἱαμα τῆς δίψης ἀρύ-
σασθαι. Καὶ τὸν οὕτως ὥραϊον, τὸν οὐ-
τως ἀνδρεῖον, τὸν οὕτως ἄγιον, ἡ ἰδία γυνή,
ὡς πολέμιον δῆσασα, τοῖς ἁλλοφύλοις παρ-
έδωκε. Καὶ πόθεν ἄρα γυνὴ τοῦ οὕτως ἀν-
δρείου κατίσχυσεν; Ἐκ τῆς οἰκειᾶς τοῦ ἀν-
δρὸς ἀγαθότητος. Τὸ γὰρ μυστήριον αὐτοῦ
τῆς ἰσχύος νύκτωρ ἀποσυλήσασα, γυμνὸν
αὐτὸν ἱμασίν ἰσχυροῖς κατέστρεψε. Διὰ τοῦ-
το παραγγέλει σοι ἡ Σοφία (ὁ προφήτης).
Ἀπὸ τῆς συγκοίτου σου φυλάσσου τοῦ ἀνα-
θέσθαι τι αὐτῇ. Ποῖον, εἰπέ μοι, θήριον
κατὰ τοῦ ἰδίου ἄρρενος τοιαῦτα ἐμελέτησε
πώποτε; τίς δράκαινα τὸν ἴδιον ὁμόζυγον
ἀπολέσθαι θέλει; ποία δὲ λέαινα τὸν ἴδιον
ἄρρενα πρὸς σφαγὴν παραδίδωσι; Ὅρᾳς
ὅτι ἐπιτετευγμένως εἶπεν ἡ Σοφία, ὅτι Οὐκ
ἔστι κεφαλὴ ὑπὲρ κεφαλῆν ὄφρεως, καὶ οὐκ
ἔστι κακία ὑπὲρ κακίαν γυναικός; Καὶ ἀπα-
ξασπλῶς, ὁ ἔχων γυναῖκα πονηράν, γινωσ-
κέτω ἤδη τοὺς τῶν ἀγομῶν αὐτοῦ κεκο-
μίσθαι μισθούς. Οὐκ ἁμαρτυρὸς ὁ λόγος;
ἄκουε τῆς Σοφίας λεγούσης: Γυνὴ πονηρά

²⁸⁶ Sbor. оскоудѣнии petrobr. скоудотѣ
Šaf. скидѣствѣ bēl. жежда ²⁸⁷ Sbor. bēl.
коды ²⁸⁸ Sbor. дръжмѣ ²⁸⁹ Sbor. чубѣ
²⁹⁰ Sbor. Šaf. мрътвѣ ²⁹¹ Sbor. кодоу ²⁹²
Sbor. источити ²⁹³ Sbor. тоудѣ ²⁹⁴ bēl.
чѣльби жедни Sbor. obě slova chybějí
²⁹⁵ Sbor. почръпати bēl. почрътъ Šaf.
почръпетѣн ²⁹⁶ bēl. иснѣна Sbor. красѣна
²⁹⁷ Sbor. bēl. petrobr. долѣ ²⁹⁸ Sbor. такоу
²⁹⁹ bēl. ѣкы Sbor. акы ³⁰⁰ Sbor. ратника съ-
вѣзавѣши jako v řec. дѣсаса ³⁰¹ Sbor. ино-
племеньникомъ ³⁰² Sbor. прѣда. Nyní ná-
sleduje ve Sborníku místo, jež není ani
v řeckém ani v ostatních slov. textech:
его же ослѣпѣхъше имѣхъ оу игриште
ѣмоу же ни лѣки. ни иноплемѣнници
противитѣсѣ можахъ. сего своа жена
погуби. ³⁰³ bēl. коудѣ ³⁰⁴ petrobr. прѣ-

одолѣ. Sbor. od slova то... прѣдолѣ chybí
³⁰⁵ Sbor. отѣкоудѣ же то въ зможе ³⁰⁶ Sbor.
блгмынѣ ³⁰⁷ Sbor. чубѣ ³⁰⁸ Sbor. моужьнѣ
³⁰⁹ Sbor. силы ³¹⁰ Šaf. его обнажи ³¹¹ Sbor.
za celou větu od нага мѣ акы нага закла.
³¹² Sbor. дѣла ³¹³ Sbor. прѣркѣ рѣкыи ³¹⁴
bēl. схранити Sbor. съхранисѣ ³¹⁵ petrobr.
ненсповѣдати ³¹⁶ Sbor. что ³¹⁷ bēl. кыми
Šaf. кон ³¹⁸ Sbor. толнко ³¹⁹ Sbor. къзгѣла
³²⁰ Sbor. чубѣ ³²¹ bēl. Šaf. заколени Sbor.
заклани petrobr. заклани ³²² Sbor. bēl.
petrobr. прѣдаѣтъ ³²³ Sbor. místo věty od
видѣши... нѣ мѣ да въ истинноу нѣствѣ
³²⁴ Sbor. золобы bēl. злѣбѣ Šaf. злны ³²⁵
Sbor. злѣбы bēl. злны Šaf. злны ³²⁶ Sbor.
женьскы bēl. женьскы Šaf. женскы ³²⁷
Šaf. просто Sbor. chybí ³²⁸ Sbor. chybí
³²⁹ Sbor. оубо Šaf. ествѣ

ноу³³⁰ пронырикоу, ³³¹ да кѣсть ю³³²
(оу)же (се) безаконьныхъ ³³³ принимати ³³⁴
мъдоу. ³³⁵ небо ³³⁶ свѣдѣтельствѣ ³³⁷
слово: ³³⁸ слыши ³³⁹ моудрости ³⁴⁰ глѹ-
ще: ³⁴¹ жена бо зла ³⁴² безаконникоу ³⁴³
чистѣ ³⁴⁴ даст се дѣла мѣсто ³⁴⁵ злыныхъ.

VIII. 182 б а (доздѣ) ³⁴⁶ нѣ же о злѣ
женѣ слово дозѣ ³⁴⁷ имать ³⁴⁸ слово. ³⁴⁹
(вѣ) лѣпо тоу ³⁵⁰ же нѣ намѣ поменѣти
(слово) и о блѣгнихъ паче же (о) злѣ ³⁵¹
соушнихъ. благихъ ³⁵² бо блѣгнихъ до-
бро(ты) вѣдѣши, ³⁵³ и сами се ииѣмъ
красѣтъ ³⁵⁴ и ииѣхъ ³⁵⁵ болѣзньи сконча ³⁵⁶
соуше вѣнцѣ ³⁵⁷ глѹтъ. жена добра и тоуж-
де(нѣ) кормиши ^{357a} блѣжена(га) соманиѣ-
ныни, ³⁵⁸ иже (и) моужа [своѣго] оуѣмѣн-
ши, хлѣбникоу вѣзгради ³⁵⁹ ииѣскоу, ³⁶⁰
да прихѣде безъ оудрѣжаниа ³⁶¹ и (имать
поконше), поставѣвши ³⁶² (же) ииѣмоу
вѣдрѣ и трапезѣ и свѣтило. ³⁶³ вѣдрѣ
же нѣ тышѣ ризѣ, нѣ ииѣмоушѣ ³⁶⁴ лѣ-
по тоу(ю) прѣрѣкоу постелею. и свѣтило ³⁶⁵
(небо ³⁶⁶ свѣтило) ³⁶⁷ нѣ (и съ) свѣщѣю
и напѣкуше ³⁶⁸ свѣтъ ³⁶⁹ масло. ³⁷⁰ и
трапезѣ нѣ ³⁷¹ зла ³⁷² хлѣба ииѣмоушѣ, ³⁷³

ἀνδρὶ ἀνόμῳ δοθήσεται ἀντὶ ἔργων πονη-
ρῶν.

VIII. Ὁ ἅλλὰ περὶ πονηρῶς γυναικὸς ὁ λό-
γος ἄχρι (ἀλλὰ τὰ περὶ γυναικῶν πονηρῶν)
τοῦτου ἐχέτω ὅρον. Δεῖ δὲ ἡμᾶς μνημονεῦ-
σαι καὶ τὰς ἀγαθὰς μάλιστα διὰ τὰς παρού-
σας. Αἶ γὰρ ἀγαθαὶ τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀρετὰς
ὡς ἰδίας ὁρῶσι, καὶ τοὺς ἐκείνων πόνους
ὡς ἰδίους στεφάνους εἰναίλογιζονται. Γυνή
ἀγαθὴ καὶ φιλόξενος ἦν ἡ μακαρία Σου-
ναμίτις, ἥτις τὸν ἄνδρα παρακάλεσασα, δω-
μάτιον ᾠκοδόμησε τῷ Ἑλισσαίῳ, ἵνα δι-
ερχόμενος ἀκωλύτως ἔχη τὴν ἀνάπαυσιν,
τεθεικυῖα αὐτῷ κλίνην καὶ λυχίαν καὶ τρά-
πεζαν· κλίνην οὐ κενὴν ἱματίων, ἀλλ' ἔχου-
σαν πρέποντα τῷ προφήτῃ τὰ στρώματα·
λυχίαν οὐκ ἄνευ λύχνου, ἀλλὰ σὺν τῷ ἄρ-
δοντι ἐλαίῳ τὸ φῶς τράπεζαν οὐκ ἔρημον
ἄρτων, ἀλλ' ἔγκαρπον ἐδεσμάτων. Τίδ' ἄν τις
εἶπῃ περὶ τῆς μακαρίας ἐκείνης χήρας τῆς
τὸν προφήτην Ἠλίαν ὑποδεξαμένης; ἢ οὐ-

³³⁰ Šaf. жена ³³¹ Sbor. зѣлоу Šaf.
пронориѣ ³³² Sbor. petrohr. Šaf. chybí
³³³ Sbor. безаконни сконча бѣл. беза-
кона сконча ³³⁴ Sbor. принималъ сѣ бѣл.
принимати ³³⁵ Sbor. мѣзды Šaf. мѣзди
³³⁶ бѣл. petrohr. нѣ безъ Šaf. оубо Sbor.
chybí ³³⁷ бѣл. свѣдѣтельствѣ petrohr.
скидительствѣ ³³⁸ Sbor. chybí ³³⁹ бѣл.
слышавши Sbor. chybí ³⁴⁰ Sbor. моудрин
Šaf. мѣдрость ³⁴¹ Sbor. рече ³⁴² Sbor.
лоукава ³⁴³ Sbor. моужѣ грѣшныоу ³⁴⁴
бѣл. на честь Šaf. на часть Sbor. chybí
³⁴⁵ бѣл. въ дѣлѣ Šaf. дѣлъма Sbor. chybí
a odtud již přestává. ³⁴⁶ petrohr. досде
бѣл. дозде ³⁴⁷ petrohr. досде ³⁴⁸ бѣл. petrohr.
Šaf. да имать ³⁴⁹ бѣл. petrohr. Šaf. оуставѣ
³⁵⁰ бѣл. petrohr. Šaf. лѣпо ³⁵¹ petrohr. сдѣ

³⁵² petrohr. благна ³⁵³ petrohr. добры вѣ-
дѣши бѣл. видѣше ³⁵⁴ petrohr. Šaf. кра-
сѣтъ ³⁵⁵ petrohr. нѣхъ ³⁵⁶ Šaf. сконча
petrohr. сконча ³⁵⁷ Šaf. вѣнцѣ petrohr.
вѣнцѣ ^{357a} бѣл. тоуждекормиши petrohr.
стоуждакормиши ꙗсѣ. φιλόξενος. ³⁵⁸
бѣл. соманиѣныни Šaf. соуганити ꙗсѣ.
Συναμίτις ³⁵⁹ бѣл. оузгради petrohr. воз-
гради ³⁶⁰ бѣл. petrohr. ииѣсею (-сѣю)
³⁶¹ petrohr. вѣздержаниа ³⁶² Šaf. по-
ставѣшоу ³⁶³ Šaf. свѣщники ³⁶⁴ бѣл.
ииѣмоушѣ ³⁶⁵ бѣл. свѣтилникоу и свѣщѣ
³⁶⁶ petrohr. небѣ ³⁶⁷ petrohr. свѣщано ³⁶⁸
бѣл. напѣтъ petrohr. налагающе и напѣ-
юще ³⁶⁹ бѣл. свѣтилникоу ³⁷⁰ бѣл. petrohr.
Šaf. масломъ ³⁷¹, ³⁷² Šaf. добра ³⁷³ бѣл.
ииѣмоушѣ Šaf. ииѣши

нѣ доброплоднои³⁷⁴ брашно .³⁷⁵ что (же)
рѣ тѣкмо³⁷⁶ ѡ блженѣн въдовѣхъ ѡнои
ѡже прѣрѣ³⁷⁷ налю подымѣт³⁷⁸ иже
(и вси) насъ³⁷⁹ (помнѣше)³⁸⁰ нищетоу³⁸¹
имениа,³⁸² ѡбильна радн блговольнаго³⁸³
иже небѣ³⁸⁴ пшенице³⁸⁵ ни кина³⁸⁶
ни сочиа³⁸⁷ ни нно
182 б β ничтоже земльнѣ³⁸⁸ нитыметъ³⁸⁹
на оутѣшени³⁹⁰ ни нива (и)³⁹¹ пше-
нича(и) плода хлѣбѣ³⁹² приноша-
ше .³⁹³ ни дрѣво ии плода сладка³⁹⁴
приношаше .³⁹⁵ ни киноградъ³⁹⁶ слад-
ка³⁹⁷ грозда³⁹⁸ [и] творѣше .

IX. како бо, ии же не бѣ(и)ше ни
с педь³⁹⁹ землѣ [ѡратне ни с локоть
землѣ] (въ) насаждени⁴⁰⁰ кинном . ни
бѣ(и)ше въ годъ жетв(и)ы⁴⁰¹ (и) на ни-
вахъ [бо] погрѣбѣвшии се ходоцини,⁴⁰²
падающе [класи] жетеле⁴⁰³ (ненмы⁴⁰⁴
класъ)⁴⁰⁵ избирающеи,⁴⁰⁶ смѣряющеи
кроуъ (тѣ)лѣтныи⁴⁰⁷ крѣмоу⁴⁰⁸ пола-
гаше . [къ] тои (и) иде ииѡ въ годъ
гладныи, игда вса земля [сморче⁴⁰⁹ се]
ѡ бездѣжнѣ⁴¹⁰ скроушаше се . игда иѡ
разгорѣло се бѣ(и)ше, игда въздоухъ
помѣд(ѣ)нѣлъ бѣ(и)ше, и ѡблаци
вѣхлацини⁴¹¹ бѣ(и)хоу . игда ни бы-
лиа ни цвѣта⁴¹² ни дѣбѣнааго врѣшнѣ
ни вѣтръ росѣнь класа незгорѣна⁴¹³ по-

δὲν ἐνεπόδιζεν ἡ πενία τῶν χρημάτων, διὰ
τὸ πλούσιον τῆς προαίρεσεως; ἢ οὐ παρῆν
οὐ σίτος, οὐκ οἶνος, οὐ προσέφημα οὐκ ἄλλο
τι τῶν γενητῶν πρὸς τὴν τῆς πενίας παρα-
μυθίαν. Οὐ χώρα αὐτῇ σιτοφόρος σπέρμα
ἀρτου προσέφερεν· οὐκ ἄμπελος αὐτῇ γλυ-
κὸρῶτον βότρυν ἐγεώργει· οὐ δένδρον αὐ-
τῇ δῶρας καρπὸν ἡδιστον προσέφερε.

IX. Πῶς γὰρ, ἢ οὔτε σπιδαμὴ γῆς ἀρο-
σίμου τόπος ὑπῆρχεν, οὔτε πηχυαῖον ἔδα-
φος πρὸς ἀμπέλου φυτείας; ἀλλ' αἶε ἐν τῷ
καιρῷ τοῦ θέρους ἐν ταῖς ἀρούραις κυρτο-
βάτουσα, τοὺς ἀποπίπτοντας τῶν δρεπα-
νιστῶν παλάμαις ἀσταχύας ἐρανίζομένη,
συμμετρημένην τῷ ἐνιαυσιαίῳ κύκλῳ
τοῦ χρόνου τὴν τροφὴν ἀπειτίθετο. Πρὸς
ταύτην ἀπῆλθεν Ἡλίας ἐν τῷ καιρῷ τοῦ
λιμοῦ, ὅτε πᾶσα ἡ γῆ ἐκ τῆς ἀβροχίας σχε-
δὸν διεθρύπτετο· ὅτε οὐρανὸς ἐπεπύρωτο,
καὶ ὁ ἀὴρ ἐχαλκούτο, καὶ αἱ νεφέλαι ἐχαλι-
νοῦντο· ὅτε οὐ βοτάνη, οὐκ ἄνθος, οὐκ
ἀκροδρύων βλαστὸς, οὐκ αὖρα ἐνδροσος,
οὐ στάχυος ἀκμὴ ἐσαλεύετο (οὐκ ἀσταχύων
ἀράχνην ἐσάλυσεν)· ὅτε ποταμοὶ ἐλεπύν-

³⁷⁴ Šaf. прочаа добра ³⁷⁵ Šaf. брашна ³⁷⁶ bēl. petrobr. кто Šaf. комоу ³⁷⁷ bēl. Šaf. прѣрка ³⁷⁸ Šaf. прѣж ³⁷⁹ bēl. petrobr. не бысть насъ ³⁸⁰ bēl. Šaf. petrobr. chybí ³⁸¹ bēl. по-
ноу(?) нищетѣ petrobr. поноу нищета Šaf. полоу(?) нищета ³⁸² bēl. имѣнии petrobr. имѣнню Šaf. имѣнѣа ³⁸³ petrobr. благо-
роднаго ³⁸⁴ bēl. небѣше petrobr. небѣ Šaf. небѣшж ³⁸⁵ bēl. пшеница ³⁸⁶ bēl. Šaf. вино ³⁸⁷ bēl. Šaf. сочиво ³⁸⁸ petrobr. Šaf. земное ³⁸⁹ bēl. petrobr. нищетѣ Šaf. нищета ³⁹⁰ Šaf. оутѣшенѣа ³⁹¹ petrobr. Šaf. ии ³⁹² petrobr. хлѣбиноу ³⁹³ Šaf. приносѣици ³⁹⁴ Šaf. слад-

кааго ³⁹⁵ Šaf. приносѣтъ ³⁹⁶ bēl. petrobr. Šaf. кинограда ³⁹⁷ bēl. Šaf. сладозрѣннаго petrobr. сладозрѣннаго ³⁹⁸ petrobr. грезна ³⁹⁹ Šaf. petrobr. пады ⁴⁰⁰ petrobr. насаже-
нии ⁴⁰¹ petrobr. жатвы Šaf. жатѣвны petrobr. ходоуше ⁴⁰³ bēl. жетелемъ petrobr. жателемъ Šaf. жнто ⁴⁰⁴ Šaf. неммин petrobr. класи ⁴⁰⁶ bēl. petrobr. събира- Šaf. събира- ⁴⁰⁷ petr. лѣтныи Šaf. тлѣтныи(?) ⁴⁰⁸ petrobr. кормаа ⁴⁰⁹ petrobr. смерче ⁴¹⁰ petrobr. безаконнѣа ⁴¹¹ petrobr. всхичени ⁴¹² bēl. цвѣти Šaf. былиа цвѣтнаа ⁴¹³ bēl. несъ-
зрѣла petrobr. несозрѣна Šaf. несѣврѣшена

снѣтъ, ꙗко и ѡцѣмъ нашимъ въ поусты-
ни⁴⁴⁵ · ꙗда же ли соуть стѣни въ мироу⁴⁴⁶
живоуще⁴⁴⁷ съ нѣмъ
183 а β [въстагнетъ]⁴⁴⁸ отъ нѣхъ десни-
цѣ · и вѣтъ и печални и] оставинтъ и,
да⁴⁴⁹ дастъ мѣздоу нѣже имъ добро
творинтъ и хощинимъ сѣбѣ⁴⁵⁰ распло-
дити⁴⁵¹.

XI. ниде⁴⁵² оубо нѣма къ вѣдоуѣ,⁴⁵³
(и)нже ничтоже не бѣ(а)ше, тѣчню⁴⁵⁴
погрѣше⁴⁵⁵ моуки, еже⁴⁵⁶ (съ) стѣ-
домъ⁴⁵⁷ ни и дѣтемъ не⁴⁵⁸ (къ) годъ
(обѣдныи) довлѣаше⁴⁵⁹ · и что к нѣмъ?
възми мало воды [въ соудѣхъ]⁴⁶⁰
и⁴⁶¹ пню · то(и)же ндоуши⁴⁶² възоуши⁴⁶³
за нею · възми ми хлѣбъ въ роуцѣ твои⁴⁶⁴.
сеже оубо⁴⁶⁵ еже⁴⁶⁶ неимѣаше⁴⁶⁷ не рѣ,
нѣ еже имѣаше исповѣда · что оубо?
жив бѣ⁴⁶⁸, аште въ скровищи мо-
емъ⁴⁶⁹ ꙗко что, нѣ прѣгрѣш(е)⁴⁷⁰ моуки и
маломъ масла⁴⁷¹ · чудно ꙗкоже въ толицѣ
нестатцѣ⁴⁷² пише⁴⁷³ (и) еже оу не⁴⁷⁴
нишаго нестатка⁴⁷⁵ не ѡгрѣже се · то-
лико⁴⁷⁶ нѣма злато и сребро (имѣше)
ꙗко⁴⁷⁷ (и) каль [гниющи], молни соуть
бл҃годѣлании⁴⁷⁸ дроугомъ⁴⁷⁹ и ѡмеш-
ютъ⁴⁸⁰ се ꙗко не имамъ? аште и коли на
благодѣлании⁴⁸¹ прикѣдоутъ се книги

ὡς τὸν Ἰωανᾶν διὰ τοῦ κήτους, ἡ αὐτὸς δι'
ἑαυτοῦ τὴν τροφήν ἐπώμβρισεν, ὡς τοῖς πα-
τράσιν ἡμῶν ἐν ἐρήμῳ · οὐκ ὄντων γὰρ τῶν
ὀφειλόντων αὐτοὺς ὑποδέξασθαι, οὐρανό-
θεν τὸ μάννα ἐπώμβρισε, καὶ ἐκ πέτρας
ὕδωρ ἐπήγαγεν · ὅταν δὲ ὧσιν οἱ ἅγιοι ἐν
κόσμῳ συναναστρεφόμενοι τοῖς ἄλλοις,
ἀναστέλλει αὐτοῦ τὴν δεξιὰν χεῖρα · καὶ
ὁρᾷ αὐτοὺς θλιβομένους, ἀφίησιν, ἵνα δῶ
χάριν (χαράν) διὰ τῆς εἰς αὐτοὺς γινομένης
εὐποιίας πολλῆς τοῖς βουλομένοις τὴν
σωτηρίαν καρπώσασθαι.

XI. Ἀπῆλθεν οὖν Ἠλίας πρὸς τὴν χή-
ραν, ἡ οὐδὲν παρῆν, εἰ μὴ δραῖς ἀλεύρου,
ὅπερ μετὰ καμάτου αὐτῇ καὶ τοῖς τέκνοις
αὐτῆς ἐν τῷ καιρῷ ἀρίστου ἐπῆρκει. Καὶ τί
πρὸς αὐτὴν; λάβε μοι ὀλίγον ὕδωρ εἰς ἄγ-
γος, καὶ πίομαι. Αὐτῆς δὲ πορευομένης,
ἐβόησεν ὀπίσω αὐτῆς· Λήψη δέ μοι καὶ φω-
μὸν ἄρτου ἐν τῇ χειρὶ σου. Ἡ δὲ, ὃ μὲν οὐκ
εἶχεν, εἶπεν· ὃ δὲ εἶχεν, ὡμολόγησε· Τί γάρ;
Ζῆ Κύριος, εἰ ἔσται μοι ἐγκρυφίας, ἀλλ'
ἡ ὅσον δραῖς ἀλεύρου καὶ ὀλίγον (ὀλιγοσ-
τόν) ἔλαιον ἐν τῷ καμψάκῃ. Θαυμαστόν,
ὅτι ἐν τοιαύτῃ σπάνει τροφῶν τὸ παρὸν
αὐτῇ τῆς πενίας λείψανον οὐκ ἠρνήσατο.
Πόσοι νῦν χρυσὸν καὶ ἄργυρον ὡς πηλὸν
ἔχοντες, παρακαλούμενοι τὰς εὐεργεσίας
τῶν φίλων ἀνανεύουσι, καὶ κολακευόμενοι
ἀρνοῦνται τὸ ἔχειν; καὶ παρακλήσει καμφ-
θῶσι πρὸς τὴν ἐπίδοσιν γράμματα συν-
τάττουσι (συνάγουσι) σιδήρου ἰσχυρότερα,

⁴⁴⁵ Schází překlad jedné věty řec-
kého textu. Je v textu Šaf. srv. ⁴⁴⁶ bēl.
petrobr. Šaf. мирѣ ⁴⁴⁷ Šaf. живѣши ⁴⁴⁸
Šaf. въстагнетъ ⁴⁴⁹ bēl. и ⁴⁵⁰ petrobr.
Šaf. спасение ⁴⁵¹ Šaf. оумножити ⁴⁵² Šaf.
принде ⁴⁵³ zde končí Šaf. ⁴⁵⁴ bēl. тѣкмо
petrobr. токмо ⁴⁵⁵ bēl. пригрѣсть petrobr.
пригорца ⁴⁵⁶ bēl. нже ⁴⁵⁷ bēl. petrobr.
троудомъ (-омъ) ⁴⁵⁸ petrobr. нѣ ⁴⁵⁹
petrobr. довлѣше ⁴⁶⁰ petrobr. в соудѣ

⁴⁶¹ petrobr. да ⁴⁶² bēl. ндеши ⁴⁶³ petrobr.
воспи ⁴⁶⁴ bēl. твои ⁴⁶⁵ bēl. нго ⁴⁶⁶ bēl.
же ⁴⁶⁷ petrobr. неимѣаше ⁴⁶⁸ petrobr. гѣ
⁴⁶⁹ bēl. petrobr. ми ⁴⁷⁰ petrobr. пригорши
⁴⁷¹ bēl. масло ⁴⁷² petrobr. недостатцѣ
⁴⁷³ petrobr. пища ⁴⁷⁴ petrobr. оу нѣ ⁴⁷⁵ bēl.
въ не ⁴⁷⁶ petrobr. bēl. остатка ⁴⁷⁷ bēl.
petrobr. колико ⁴⁷⁸ bēl. ꙗки ⁴⁷⁹ bēl. бл҃гѣ-
тню ⁴⁸⁰ petrobr. дроугнимъ ⁴⁸¹ bēl. ѡмеш-
тоутъ ⁴⁸¹ bēl. petrobr. бл...ни

считаютъ желѣза тврѣждѣше,⁴⁸² и при-
имашю⁴⁸³ роукоу прѣвѣи кннгамн⁴⁸⁴ оу-
везаютъ.⁴⁸⁵ докѣлнѣи⁴⁸⁶ пороучники хо-
датаи злато⁴⁸⁷ приимающе⁴⁸⁸. она же ѿдѣ-
183 б а [-но⁴⁸⁹ възгласивши⁴⁹⁰ прѣроу
не отврѣже се пригорѣи⁴⁹¹ моучини.]⁴⁹²

ХІІ. и что к нѣи прѣркѣ? поспѣши и
створи впрѣснѣи⁴⁹³ прѣвѣи⁴⁹⁴ мнѣ,
послѣжде⁴⁹⁵ тебѣ⁴⁹⁶ и дѣтем си⁴⁹⁷.
искоуѣ бѣ(и)ше слово прѣрче, [и] искоу-
шении сѣиомъ, блѣгоколенни⁴⁹⁸ искоуше-
ни⁴⁹⁹. и бѣ(и)ше іако (и) на прѣвѣ-
сѣхѣ⁵⁰⁰ (леже)⁵⁰¹ срѣе блѣнѣи⁵⁰² внои⁵⁰³
искоушаемо · камо прѣидетъ?⁵⁰⁴ на ском
(ли) добро приимни или на пророче(и)
стоуждекрѣмство?⁵⁰⁵ си (и)же избра
паче себѣ и дѣтемъ (паче) стоужни⁵⁰⁶
пророка же подѣи · вѣдѣаше⁵⁰⁷ бо
іако иже приимлетъ прѣрка въ имѣ прѣрче
мѣздоу прѣрочю приметъ⁵⁰⁸. и іже чашю
воды наливъ единоу непогоубити
мѣзды своеи · что же ѿ неже рече прѣркѣ ·
іако поспѣши? ѿда оубо толма хотѣ(и)-
ше іасти іако же трѣбовати⁵⁰⁹ поспѣше-
ни⁵¹⁰? ни оубо нь иже добродѣи⁵¹¹
спѣшномъ и тепло(и) тнхѣи⁵¹² не с печ-
алию ни з⁵¹³ бѣдоу · тнхѣ бо датѣи⁵¹³
любнѣи бѣ · поспѣши и створи мнѣ
прѣвѣи, послѣжде⁵¹⁴ себѣ и чедом си ·
поспѣши іако и авраамъ (въ) прихѣдѣ
ангѣлскии [поспѣшивъ иде по тѣлца⁵¹⁵

καὶ τὴν δεχομένην χεῖρα πρῶτον τοῖς γραμ-
ματεῖοις δεσμεύουσιν, ἱκανοδότης καὶ με-
σίτας τοῦ χρυσοῦ λαμβάνοντες. Ἐκείνη δὲ
ἀπὸ μιᾶς φωνῆς οὐκ ἠρνήσατο τὴν δράκα
τοῦ ἀλεύρου.

ХІІ. Καὶ τί πρὸς αὐτὴν ὁ προφήτης;
Σπεῦσον, καὶ ποιήσόν μοι ἐγκρυφίας, ἐν
πρῶτοις ἐμοὶ, ἐπ' ἐσχάτῳ δὲ σεαυτῇ καὶ τοῖς
τέκνοις σου. Πειρασμὸς ἦν τὸ ᾄσμα τοῦ
προφήτου, δοκιμὴ καρδίας, προαιρέσεως
βάσανος · καὶ ἦν ὥσπερ ὑπὸ ζυγοῦ кειμένη
ἡ καρδιά τῆς μακαρίας ἐκείνης, καὶ δοκι-
μαζομένη. Ποῦ ἄρα ῥέπει; πρὸς τὴν τῶν
τέκνων ἑαυτῆς εὖνοιαν, ἢ πρὸς τὴν τοῦ
προφήτου φιλοξενίαν; Ἡ δὲ εἴλετο μᾶλλον
αὐτὴν καὶ τὰ τέκνα αὐτῆς στενοχωρῆσαι, καὶ
τὸν προφήτην ὑποδέξασθαι. Ἡδεῖ γάρ, ὅτι
Ὁ δεχόμενος προφήτην εἰς ὄνομα προφή-
του μισθὸν προφήτου λήψεται · καὶ ὁ ποτί-
ζων ποτήριον ψυχροῦ εἰς ὄνομα μαθητοῦ,
οὐ μὴ ἀπολέσῃ τὸν μισθὸν αὐτοῦ. Τί δέ ἐστιν
ὃ εἶπεν ὁ προφήτης. Σπεῦσον; ἄρα γε το-
σοῦτον ἐπεῖνα, ὥς δεῖσθαι σπουδῆς; Οὐ
πάντως, ἀλλὰ τὸ τῆς εὐποιίας σπουδαῖον
καὶ ἱλαρὸν καὶ θερμὸν, μὴ μετὰ λύπης, ἢ
μετὰ ἀναγκῆς. Ἰλαρὸν γὰρ δότην ἀγαπᾷ
ὁ Θεός. Σπεῦσον καὶ ποιήσον ἐν πρῶτοις
ἐμοὶ, ἐπ' ἐσχάτῳ δὲ σεαυτῇ καὶ τοῖς τέκνοις
σου. Σπεῦσον, ὥς Ἀβραάμ ἐν τῇ τῶν ἀγ-
γέλων ἐπιδημίᾳ ἔσπευσεν ἐπὶ τοὺς βόας,

⁴⁸² *petrobr.* тврѣжеша ⁴⁸³ *běl.* приимаю-
щие *petrobr.* приемиающую ⁴⁸⁴ *běl.* *petrobr.*
книжникомъ (-омѣ) ⁴⁸⁵ *běl.* овезаютъ
petrobr. свѣзаютъ ⁴⁸⁶ *běl.* доколнн *petrobr.*
(-ны) ⁴⁸⁷ *běl.* *petrobr.* златоу ⁴⁸⁸ *běl.* *petrobr.*
поставляюще ⁴⁸⁹, ⁴⁹⁰ *petrobr.* единоу
возгласившоу ⁴⁹¹, ⁴⁹² *petrobr.* пригорща
моучини ⁴⁹³ *petrobr.* впрѣсноу ⁴⁹⁴ *běl.*
прѣжде *petrobr.* преже ⁴⁹⁵ *běl.* *petrobr.*
послѣдѣже ⁴⁹⁶ *běl.* *petrobr.* себѣ ⁴⁹⁷ *běl.*
и *petrobr.* chybi ⁴⁹⁸ *běl.* блг...и ⁴⁹⁹ *běl.*

ис...и ⁵⁰⁰ *petrobr.* прѣвѣи ⁵⁰¹ *petrobr.*
лежа ⁵⁰², ⁵⁰³ *běl.* блаженнымъ томъ *petrobr.*
бл...иѣа тоѣ ⁵⁰⁴ *petrobr.* прѣидетъ ⁵⁰⁵ *běl.*
тождекрѣмленнѣ *petrobr.* јеп кормне
⁵⁰⁶ *běl.* *petrobr.* стоужити ⁵⁰⁷ *petrobr.*
вѣдѣаше ⁵⁰⁸ *běl.* приимлетъ ⁵⁰⁹ *petrobr.*
трѣбоваше ⁵¹⁰ *běl.* добродѣи ⁵¹¹
petrobr. теплои и тнхѣи ⁵¹² *běl.* *petrobr.*
сѣ ⁵¹³ *běl.* подавца *petrobr.* давца ⁵¹⁴ *běl.*
послѣдѣже *petrobr.* послѣдиже ⁵¹⁵ *petrobr.*
тѣлца

въ стадо · да⁵¹⁶ възметъ ꙗсны] хлѣбъ
скръвенныи ·

ХІІІ. 183 β β [и поспѣши · створи⁵¹⁷
ѡны аграмы жрътвы боꙋ · не прѣвои]
себѣ, тѣи тогда нѣ мнѣ, (не) ꙗко каинъ
и ѡфинни⁵¹⁸ и финесъ⁵¹⁹ сѣе илии⁵²⁰
нирѣови,⁵²¹ иже бѣ скоуднише, прѣвѣи
начеткы⁵²² иже боꙋ приносимыи въ
землюще⁵²³ · (сн) иже повелѣно створи
спѣшныи⁵²⁴ · плодъ же тѣ скръвенныи⁵²⁵
батѣ⁵²⁶ видѣвъ, прии · и домъ иенапавшии
хлѣбъ⁵²⁷ · не скончаѣтъ,⁵²⁸ бо (се) рѣ,
прѣгрѣша⁵²⁹ моꙋкы и⁵³⁰ коносы⁵³¹ и
масло дрѣвѣноиъ изъ соꙋда, дондеже
дѣждь дастъ се на землю · [почто и до
толѣ? и на потрѣбоꙋ · дондеже приити
на землю] рекше ветхому закону
конѣцъ приити · и въслѣдоваше дѣла
словесѣ · вниждь⁵³² ꙗко стоуждекрѣмъ⁵³⁴
мъздоꙋ принимае⁵³⁵ · скоро ии бл҃гнѣхъ
бо троꙋдоꙋ плодъ (добро)славныи⁵³⁶
не ѡпада⁵³⁷ нѣ корѣнъ моꙋдрости · слы-
шасте (ли оꙋбо жены) злыи хъ жень дѣла
и бл҃гнѣхъ доброты · да дроꙋгнѣ любите
а дроꙋгнѣхъ желаете [а дроꙋгныи же по-
дражанте] а дроꙋгнѣхъ⁵³⁸ кзненавидите,
да тако [тѣхъ] теченнѣ послѣдовавше
въ сѣи⁵³⁹ лихъ въчините⁵⁴⁰ се · ѡ хѣбъ
їсѣъ гдѣ ѡшемыи моꙋже слава чѣсть дрѣ-
жавѣ⁵⁴¹ въ вѣки вѣкомъ аминь.

⁵¹⁶ *petrobr.* оꙋбо да; před těmito slovy
chybí překlad jedné věty řeckého textu.
Je v textu *Šaf. srb.* ⁵¹⁷ *petrobr.* и створи
⁵¹⁸ *běl. petrobr.* ѡфини ⁵¹⁹ *běl. petrobr.* фини
⁵²⁰ *běl.* или ⁵²¹ *běl.* чистители *petrobr.*
чтітели ⁵²² *petrobr.* начатки ⁵²³ *běl.* з...ши
⁵²⁴ *běl.* спѣшно *petrobr.* спѣшныи ⁵²⁵ *běl.*
скровни ⁵²⁶ *běl.* батѣ *petrobr.* батѣмъ ⁵²⁷
běl. хлѣбъ *petrobr.* хлѣба ⁵²⁸ *běl. petrobr.*

ἐπὶ τὸν μόσχον, ἵνα λάβῃ τὸν ἄμνον· καὶ
ὥς Σάδδὰ ἐσπευσεν ἐπὶ τοὺς ἐγκρυφίας, ἵνα
λάβῃ τὸν ἐν οὐρανοῖς κρυπτόμενον ἄρτον.

ХІІІ. Σπεῦσον, καὶ ποίησον ὥς Ἀβρα-
ὰμ τὰς θυσίας τῷ Θεῷ· μὴ πρότερον σαυτῇ,
καὶ τότε ἐμοί, ὥς Κάιν, καὶ Ὁφνί, καὶ Φι-
νεῆς, υἱοὶ Ἡλὶ τοῦ ἱερέως, οἵτινες τὸν Θεὸν
παρύβριζον, πρῶτοι τὰς ἀπαρχὰς λαμβά-
νοντες τῶν τῷ Θεῷ προσφερομένων δώ-
ρων. Ἡ δὲ τὸ προστεταγμένον σπουδαίως
ἐποίει. Ὁ δὲ τὸν ἄρτον ἐγκρυφίαν πλού-
σιον θεασάμενος ἐδέξατο, ἐφθέγγατο, καὶ
τὸν οἶκον αὐτῆς ἐνέπλησεν ἀγαθῶν. Οὐκ
ἐκλείπει γάρ, φησὶν, ἡ δραξ τοῦ ἀλεύρου
ἐκ τῆς ὑδρίας, καὶ τὸ ἐλαιον ἐκ τοῦ καμ-
ψάκου, ἕως τοῦ δοῦναι τὸν Κύριον ὑετὸν
ἐπὶ τὴν γῆν. Διὰ τί ἕως τότε; Καὶ ἀναγ-
καίως. Ἔδει γὰρ τῆς καινῆς χάριτος ὥς ὑε-
τοῦ ἐλθόντος, τὸν παλαιὸν νόμον λαβεῖν
τέλος. Καὶ ἠκολούθει τὸ ἔργον τῷ λόγῳ.
Ὁρᾷς πῶς τῆς φιλοξενίας τοὺς καρποὺς
ἐτρύγησαν αἱ ἀγαθαί; Ἀγαθῶν γὰρ πό-
νων καρποὶ εὐκλεεῖς, καὶ ἀδιάπτωτος ἡ ὁῤία
τῆς φρονήσεως. Ἠκούσατε, γυναῖκες, τὰς
τῶν πονηρῶν γυναικῶν πράξεις, καὶ τὰς
τῶν ἀγαθῶν ἀρετάς. Τὰς μὲν οὖν ἀγαπή-
σατε, τὰς δὲ μὴ ποθήσατε· καὶ τὰς μὲν μι-
μήσασθε, τὰς δὲ μισήσατε, ἵνα τὸν αὐτῶν
δρόμον, τῶν καλῶν λέγω, ἰχνηλατήσαντες,
εἰς τὸν αὐτὸν τῶν ἁγίων χορὸν ἀριθμηθῇτε
ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δό-
ξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώ-
νων. Ἀμήν.

ишезнетъ⁵²⁹ *běl.* пригрѣсть⁵³⁰ *běl. petrobr.*
изъ⁵³¹ *běl. petrobr.* коносы⁵³² *petrobr.*
вниждь⁵³³ *petrobr.* како⁵³⁴ *řč.* тῆς φιλο-
ξενίας *petrobr.* стоуждекормамаше *běl.*
таа^(?) *petrobr.* крѣмаше⁵³⁵ *běl. petrobr.* прии-
маше⁵³⁶ *běl. petrobr.* славенъ⁵³⁷ *běl. petrobr.*
и не отпаде⁵³⁸ *běl.* дроꙋгнѣ *petrobr.* дроꙋ-
гниа⁵³⁹ *běl.* сѣи⁵⁴⁰ *běl.* въшѣдше
petrobr. внидете⁵⁴¹ *běl.* поклоненнѣ.

L'HOMÉLIE DE JEAN CHRYSOSTOME SUR HÉRODIAS DANS L'IZBORNİK DE SVJATOSLAV DE 1073.

(Résumé.)

Les traductions en vieux slave des œuvres de Jean Chrysostome sont connues par un assez grand nombre de recueils russes du 14^e – 17^e siècle; mais l'on ne peut pas préciser si en général a été traduit quelque chose avant la traduction du Zlatostruj dont la rédaction bulgare remonte à l'époque de l'école littéraire bulgare orientale de Prěslav (sous la domination du tzar Syméon, mort en 927). La cause principale de cette incertitude (quant aux traductions en vieux slave du Chrysostome) est le manque de sources bulgares et serbes qui existaient incontestablement, mais qui ont été détruites pendant les invasions turques. La traduction bulgare originale du Zlatostruj n'est pas connue non plus; le contenu du plus ancien Zlatostruj qui nous est parvenu et qu'ont étudié Sreznevskij et Malinin, se base aussi sur le texte russe du 12^e siècle. C'est pourquoi il convient d'étudier les recueils manuscrits slaves du Sud des homélies de Chrysostome qui sont conservées, mais inédites. Ce sont 1° l'Homiliaire de Mihanović du 13^e siècle, en serbe, (Académie yougoslave de Zagreb), 2° le recueil du 14^e siècle, aussi en serbe, (Bibliothèque Nationale de Beograd), 3° le recueil de Sinaï du 13^e siècle, en bulgare, (Bibliothèque publique de Leningrad).

L'article ci-dessus est consacré à l'homélie de Jean Chrysostome sur Hérodiad, se trouvant dans ces trois recueils. Quelques textes russes de cette homélie ont été publiés par Suchomlínov et Archangelskij. Si l'on compare les textes russes, bulgares et serbes de cette homélie, on parvient à y reconnaître le texte original unique. On se demande quand ce texte primitif a pris son origine et quelle forme il avait. Si l'on tâche de résoudre cette question, on y est aidé par l'Izbornik de Svjatoslav de 1073, dont les fol. 171–174 contiennent cette homélie; on sait donc d'une manière absolument certaine la date à laquelle cette homélie a été, pour la première fois, fixée par écrit, ensemble avec l'autre texte de l'Izbornik. On sait aussi que la langue originale de l'Izbornik a été le bulgare du commencement du 10^e siècle. La comparaison de tous les textes connus (bulg., serbes, russes) avec le text de l'Izbornik et le texte grec (Migne) montre que tous proviennent d'une rédaction unique. La traduction de cette homélie a été faite avant celle de l'Izbornik; le traducteur de l'Izbornik a incorporé cette traduction toute faite dans son œuvre. Et puisque l'apparition de l'Izbornik remonte à l'époque de Syméon, cette homélie a donc été traduite vers le commencement du 10^e siècle. Elle est par conséquent une des plus anciennes homélies en général qui aient été traduites du Chrysostome et se rattache à celles de Chrysostome qui se trouvent dans le Clozianus et le Suprasliensis. Dans les textes slaves, on reconnaît 2 rédactions. La seconde est en partie une traduction toute nouvelle et reflète parfois l'original grec avec une précision plus grande que la première.

En appendice on publie le manuscrit de cette homélie d'après l'homiliaire de Mihanović, avec les variantes des autres manuscrits.

DROBNÉ PŘÍSPĚVKY.

A BIBLIOGRAPHY OF BYZANTINE STUDIES.

(*Proposition.*)

Perhaps it may be permitted to explain the appearance of this article here by a moderate use of autobiography.

In 1914 the Library Association of the United Kingdom was to have a conference at Oxford, which it intended to make a semi-international function.

This seemed to be a good forum before which to bring the subject of this paper and I accordingly wrote a letter to the "Library Association Record", which appeared in the July number, being vol. XVI. pp. 324-6. Sed dis aliter visum. There was no conference that year, and we all know why.

Perhaps I may hope for a better fate for this note. In it I propose to include the substance of my 1914 letter, which is in a place not easily accessible to Byzantinists.

As I explained, I had found — in the intervals of other studies — time to maintain my interest in the Slavonic languages and to acquire a general interest in late classical and Byzantine studies. When I settled down to the task of seeking a task to my hand in Byzantine matters, there was no bibliography to guide one and I decided to work through the two Byzantinist periodicals, *Βυζαντινὰ Χρονικά* and the *Byzantinische Zeitschrift*, making a bibliography as I went along and so find the gaps. I began on the latter, as I felt the need of a more intensive study of Russian and other Slav languages before embarking on the Academy's periodical.

While still at work on the first volume, I found that I needed Serb and other Slavonic languages badly if anything like accuracy were to be attained, and I stopped work on the bibliography and resumed my Slavonic studies. I speedily found these playing a part in my daily official life and by a series of stages I became predominantly concerned with Slavonic studies. That I had not

forgotten my Byzantine interests was proved by other things and incidentally by the letter of 1914 indicated.

This letter was a mere preliminary sketch and referred to Ludwik Finkel's Bibliography of Polish History and Dr. Č. Zíbrt's Čech bibliography as models and then set out a theory of arrangement, presupposing a coöperative effort and one approved by the Historical Congresses. Now that a Congress for Eastern Europe and the Slavonic world exists side by side with the new Byzantine Congress and the older Historical Congress, this point becomes both easier and more difficult. In any case I wanted to collect the opinions of foreign colleagues first before approaching the historians. Now I am reversing the process, but will first quote my scheme.

I set it down that it must be a coöperative enterprize, the main features of which must include:

I. A main list arranged alphabetically by authors numbered in Arabic figures.

II. A subject list (giving details of a historical nature in chronological order) referring to these numbers with a certain amount of quotation of the titles.

III. Arrangements should be made to place the anonymous material in the same numerical order after that with authors or pseudonyms.

IV. Arrangements should also be made to use intercalary letters for addenda, so that a ten year supplement series might in future be incorporated in the main set by the newly developed and developing methods of cheap reproduction of printed matter.

Now perhaps I ought to say what I conceive to be the relation of this work to the other bibliographies.

I would make it a unit, modelled large by on Finkel, Zíbrt and Dahlmann-Waitz.

Where possible matter given fully in these and the *Orientalische Bibliographie* should be covered by general reference or by specific reference to the individual sections of the other book, though the index might give reference through this to the actual title and author of any book or article not fully given in the text.

Such works as the *Egyptological and Papyrological bibliographies* of the *Egypt Exploration Society*, of the *Archiv für Papyrusforschung* and of M. Jonguet should also be referred to in appropriate cases. The indexes of *Βυζαντινὰ Χρονικά*, of the *Byzantinische Zeitschrift* and of the new *Byzantine research*

journals would form the natural basis of the whole enterprise.

It seems natural that the coöperation of the editors and publishers concerned should be sought and that the whole should be put under the patronage of the International Congress of Byzantine Studies.

At this stage I feel that to say more would be impertinent, but I rather hope that fellow Byzantinists and fellow Librarians will fall upon this suggestion and make their own contributions. I shall have an opportunity of collecting the opinions of the Slav Byzantinists — or some of them at Warsaw.

London, 27. XI. 1928. *Leonard Wharton*.

BOZ, REX ANTORUM.

Недавно МИККОЛА¹ въ имени одного славянскаго князя древнѣйшей эпохи открылъ титулъ правителя: *Valdyka*. И этотъ древнѣйшій терминъ для обозначенія носителя верховной власти у славянъ оказывается уже германскаго происхожденія. Однако ИОРДАНЪ, кажется, сохранилъ намъ болѣе древнее и притомъ чисто славянское название верховнаго правителя. Разсказавъ о разгромѣ гуннами готскаго царства въ Южной Россіи, онъ сообщаетъ, какъ преемникъ Германриха отомстил антамъ за ихъ возмущеніе и измѣну во время этой роковой для готовъ войны: *Qui avi Vultulfi virtute imitatus, quamvis Hermanarici felicitate inferior, tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiacere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, at dediticii metum cadavera pendentium geminarent.*² MUELLENHOFF сближаетъ имя царя антовъ *Boz* съ сербскимъ именемъ *Božo* отъ слова *Bogŭ* и съ именемъ половецкаго хана *Bosŭ* или *Busŭ*, упоминаемаго въ Словѣ о Полку

Игоревѣ, но самъ же выражаетъ сомнѣніе въ оправданности этихъ сопоставленій.¹

Если допустить, что Иорданъ или его главный источникъ КАССИОДОРЪ взяли выше приведенное извѣстіе изъ какого-нибудь греческаго источника, то подъ Иордановымъ *Boz* мы откроемъ славянское *vožь*, такъ какъ византіицы славянское *v* передавали буквой β, славянское *ž* буквой ζ, а *z* и *b* на концѣ словъ нерѣдко опускали. Конечно, это *vožь* не собственное имя, а титулъ предводителя, ср. др.-рус. *вожь дѣх*, нынѣшнее рус. *вождь*.

Рискнемъ сдѣлать на основаніи восстановленнаго такимъ образомъ слова нѣсколько выводовъ.

АНТЫ IV вѣка греческихъ и латинскихъ писателей — СЛАВЯНЕ (или по крайней мѣрѣ могутъ быть таковыми), притомъ славяне восточные. Конечно, греческое ζ могло бы послужить и для обозначенія западно-славянскаго *dz*, но и это свидѣтельствовало бы, что славянское племя уже распалось по крайней мѣрѣ на свои основныя вѣтви. И разумѣется, въ славянахъ Южной Россіи естественнѣе всего видѣть представителей восточной группы.

Прасл. фонема *uodŭos* къ концу IV вѣка

¹ J. Mikkola, Ein altslovenisches Wort in Fredegars Chronik, Afs. Ph. 41, 1927, 160.

² *Jordanis, Romana et Getica*, recensuit Th. Mommsen, 247.

¹ *Ib.*, *Index personarum*, 121, 20.

успѣла пережить слѣдующіе процессы: переходъ ѿ въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ ѣ и далѣе въ э, отпаденіе конечнаго з, переходъ џ въ ѡ, переходъ з подѣ влияніемъ предшествующаго ѣ въ ѣ, переходъ конечнаго ѣ въ слабое ѣ, переходъ ѣ послѣ согласнаго въ ј, переходъ группы dj въ ж' и ослаб-

леніе конечнаго ѣ слабого до такой степени, что онъ уже не воспринимался иностранцами какъ гласный звукъ. Послѣднія два явленія произошли уже во время отдѣльнаго существованія восточно-славянскаго нарѣчія.

Др. Владимиръ Розовъ.

NEKROLOGY.

UNIV. PROF. JUDr. KAREL KADLEC.

Dne 4. prosince 1928 zemřel nenadále JUDr. Karel Kadlec, první profesor slovanských právních dějin na právnické fakultě Karlovy university v Praze, ve věku necelých 64 let. Předčasná jeho smrt nastala po úporné chorobě, podřývajícím jeho zdraví, které zesnulý konečně podlehl. Tohoto bolestného úmrtí sluší vzpomenouti i ve sborníce »Byzantoslavica«, neboť zesnulý byl člen jeho redakční rady.

Prof. Dr. Kadlec narodil se dne 11. ledna 1865 v Přehořově u Soběslavi. Gymnasiijní studia konal v Budějovicích, právnická v Praze. Již v této době uveřejňoval články pod jménem Bohdan Přehořovský, v nichž se obíral hlavně slovanskými věcmi. Skončiv studia universitní byl nějaký čas advokátním koncipientem u Dr. Vašatého; od r. 1890 stal se tajemníkem Národního divadla. Povolání to poskytlo mu příležitost k sepsání několika spisů, jež látkou souvisí s divadlem; nejznámější a nejobsáhlejší z nich jest »Provozovací právo k dílům dramatickým a hudebním«, jenž vyšel mezi prvními publikacemi České Akademie věd v r. 1892.

Pravý talent Kadlcův zřejmě vystoupil na jevo v menším jeho spise »Několik kapitol z oboru slovanského práva«, jenž vyšel v »Osvětě« r. 1894. Kadlec v něm vystupuje jako autor již dokonale obeznámený se všemi přednějšími spisy, týkajícími se právní historie slovanských národů. Napsal na to ještě několik menších spisů, až teprve v r. 1898 vystoupil s důkladným spisem »Rodinný neděl čili zadruga v právu slovanském«, jenž vzbudil doma i v cizině velký ohlas i dal

podnět k řadě vědeckých polemik. Na základě tohoto spisu habilitoval se Kadlec r. 1899 jako docent slovanských právních dějin na české fakultě právnické; v r. 1905 byl jmenován mimořádným a v r. 1909 řádným profesorem.

Ve svém oboru vyvinul Kadlec rozsáhlou činnost; vědeckých prací jeho, větších i menších, čítá se na 70. Jsou v nich zastoupeny nejrozličnější obory z dějin slovanského práva i díla systematická. Nejznámější z nich jsou z dějin ruského práva »Dějiny ruského práva«, z jihoslovanského »Agrární právo v Bosně a Hercegovině«, »Jugoslavia« (o bojích již Slovanů o samostatnost), z českého »Přehled ústavních dějin Moravy«, z uherského, v němž Kadlec shledával slovanské prvky, »Verbóczyovo Tripartitum a soukromé právo uherské i chorvatské šlechty v něm obsažené«, »Uherské ústavní dějiny« a j., z rumunského »Valaši a právo valašské«. Z povšechných prací o dějinách slovanského práva, uvedených methodou srovnací, význačné místo zaujímá spis »Úvod do dějin veřejného práva slovanských národů«, vrcholné to dílo Kadlcovo; má vyjít francouzsky nákladem Slovanského institutu v Paříži, k jehož žádosti je Kadlec sepsal. Z učebnic Kadlcových nejznámější jest kniha »Dějiny veřejného práva ve střední Evropě«: je to prvá učebnice nového předmětu, který k návrhu Kadlcovu byl zaveden místo dřívějších říšských dějin rakouských na našich právnických fakultách. Práce Kadlcovy vycházely téměř ve všech hlavních jazycích evropských: rusky, německy, francouzsky i anglicky (v cambridž-

ské encyklopedii »The empire and its northern neighbours«), též chorvatsky a polsky.

V posledních letech svého života přikročil Kadlec k dovršení svého největšího díla životního: k přípravě velikého »*Slovníku právních starožitností slovanských*«, pro který déle než 30 let při četbě historických pramenů si zapisoval technické výrazy a nahromadil si tak bohatý materiál. Předčasná smrt jeho zhatila pohříchu všechny tyto plány.

Bohatá vědecká činnost Kadlcova docházela všestranného uznání. Byl členem Akademie věd v Záhřebě, v Bělehradě, v Bukurešti,

v Krakově, v Petrohradě, členem vědecké společnosti ve Lvově a j. Česká Akademie věd zvolila jej svým řádným členem a generálním sekretářem, jakož i jiné české vědecké korporace, mezi nimi i Slovanský ústav. Jako výborný znalec věcí uherských, účastnil se naší delegace na mírové konferenci v Paříži a zastával též funkci člena mezinárodního čl.-maďarského rozhodčího soudu, kde hájil energicky zájmy našeho národa. Byl člověkem zlatého srdce a vzácné skromnosti; jako učitel a rádce zůstane všem, kdož ho znali, nezapomenutelným. Čest jeho památce!

Dr. T. Saturník.

К. Н. УСПЕНСКИЙ.

Именем Константина Николаевича Успенского, приват-доцента 1-го Московского Госуд. Университета и профессора В. Ж. К., умершего 27-го мая 1917 года в Москве, открывается тот страшный список потерь, которые понесло византиноведение за время после февральской революции.

Константин Николаевич Успенский родился в семье священника в Москве 27-го марта 1874 года, окончил в 1890-м году с серебряной медалью Московскую 5-ую мужскую гимназию и в 1894-м году, с дипломом I степени, историко-филологический факультет Московского Университета, по окончании которого был оставлен Павлом Гавриловичем Виноградовым при Университете для подготовки к профессуре по кафедре всеобщей истории, и где в течение 1910 и 1911-го года он сдал устные испытания на степень магистра всеобщей истории. С 1896 года он преподавал историю в ряде средних учебных заведений г. Москвы (Женской гимназии Е. Е. Констан, реальном училище Н. Г. Баженова и проч.). С 1902 года он состоял преподавателем Московских Высших Женских Курсов, а с 1910 года «В. Ж. К. учрежденных Полторацкой», где читал курсы по истории Греции, истории Рима и раннему средневековью, а с 1912 года по истории Византии. С осени 1913-го он был допущен к преподаванию на правах приват-доцента

в Московском Университете после прочтения пробной лекции «Юстиниан и крупное землевладение сенатской знати» (Голос Минувшего 1923 г.).

Учено наследство, оставленное покойным, относительно невелико: около десятка статей, литографированные курсы лекций по истории Греции, Рима и Византии, посмертные «Очерки по истории Византийской империи» и незаконченная диссертация по истории иконоборческого движения. Его статья о греческих навклариях (Издание Историч. Об-ва при Моск. Унив-те I 1896) уделил много внимания проф. Е. Г. Караров (в «Пособии к лекциям по греческому государственному праву» Хар. 1917). Зато вторая его статья «Реформа или тирания Клисэена» (Гермес 1914 г. № 5) с попыткой оценить политическую роль Клисэена как обычного типа тиранию, вызвала очень суровый прием, справедливые возражения проф. К. Гриневича на страницах того же «Гермеса» и заставила академика В. П. Бузескула (Введение в историю Греции стр. 556-ая III изд.) заявить о возврате к гиперкритике в русской науке и провести не особенно лестную параллель с методами работы Мюллер Штрюбинга.

Особый интерес представляют литографированные курсы его лекций по истории Греции, Рима и Византии, оригинально задуманные и интересно построенные, дающие

далеко не шаблонную группировку материала и умевшие заинтересовать аудиторию самым своим построением, несмотря на то что лекторскими талантами К. Н. Успенский, судя по рассказам его слушательниц, не отличался и кажется даже предпочитал читать лекции по тетрадям.

Наибольшую ценность представляет его литографированный курс по истории Византии, переиздававшийся в 1912—13, 1913—14, 1914—15 г. г., каждый раз в заново переработанном и дополненном виде, и в 1917-м году вышедший в печати под заглавием «Очерки по истории Византийской империи» т. I. Сам К. Н. желал, насколько мне известно, издать и II. том, но не смог осуществить этого желания по независящим от него обстоятельствам.

В том же 1917 году, в котором появились «Очерки» К. Н. Успенского, проф. А. А. Васильев оценивая в своих лекциях известную компиляцию К. Гренье, указывал, что задача построения социально-экономической концепции развития Византии все еще трудно разрешима даже для специалиста, не говоря уже о не специалистах. Недавно появившаяся в русском переводе концепция византийского народного хозяйства Луи Брентано¹ подтвердила справедливость его утверждения. К. Н. Успенский, однако, рискнул вступить на путь создания такой социально-экономической концепции. Поэтому, ничуть не умаляя его заслуг в деле прокладывания новых путей, нельзя не подчеркнуть и отрицательных сторон его работы: в основу ее он положил процесс феодализации Византии, которую, односторонне подчеркивая отдельные стороны этой эволюции и презмерно заостряя острые углы, он видит решительно всюду, даже в возникновении оемного строя, представляющего по существу совершенно противоположное явление, даже в византийском придворном церемо-

ниале, который ни в какой связи с этим процессом не стоит.

Наиболее удачной частью книги являются главы посвященные иконоборческому движению; его вывод, что тенденциозное источниковедение подменило икономахией монахомахию — борьбу правительства с монастырским феодализмом, заслуживает всякого внимания. Этому вопросу он посвятил и свою магистерскую диссертацию, оставшуюся незаконченной и представляющую собою, судя по словам проф. Д. Н. Егорова, лишь ряд разрозненных фрагментов различной величины и значимости. В настоящее время эта рукопись увезена его женою Ольгой Александровной Успенской за границу; желательно было бы, чтобы она все-таки увидела свет.

В связи с его концепцией стоят также его вступительная лекция в Московском Ун-те «Юстиниан и крупное землевладение сенатской знати» (Голос Минувшего 1914 г.) и его статья об «экскусии — иммунитете» в XXIII. томе «Византийского Временика» где он отрицает связь между римским иммунитетом и позднейшей византийской экскусией.

Кроме того ему принадлежит несколько рецензий и два популярных очерка «Слава Царьграда» и «Падение Царьграда» и, наконец, публицистическая статья «Царствование Николая II.» в «Голосе Минувшего» за 1917 г., появившаяся незадолго до смерти К. Н.

С концепцией византизма К. Н. Успенского можно не соглашаться, ряд ее деталей можно оспаривать, но книга его представляет первый в своем роде опыт, выполненный специалистом вполне овладевшим материалом своей науки, поэтому даже недочеты и промахи его представляют известный интерес. И кроме того эта концепция больше чем какая либо другая способна заинтересовать и привлечь внимание к доселе непонимаемой у нас области, которую, однако, нельзя не изучать: будь мнадеться, что изучать ее все-таки будут и что пример К. Н. Успенского не пройдет бесследно. Ю. А. И.

¹ Луи Брентано — Народное хозяйство Византии. Перевод с немецкого Ив. Ив. Яковкина с введением проф. И. С. Плотникова. Книгоизд. «Путь к знанию» Ленинград, 1924.

FRANTIŠEK HÝBL,

historik český, skončil náhle svůj život v Praze dne 30. července 1929, byv již před tím po několik let stížen vážnou chorobou. Narodil se dne 6. května 1875 v Plumlově na Moravě, studoval v Praze a zde také většinu života působil jako středoškolský profesor. Jeho literární činnost obsahuje jednak osvědčené učebnice, zejména Dějiny starého věku pro střední školy (v Praze 1911) a Dějiny starého věku pro širší obecnost (v Praze »Vesmír«, 1924–1925), jednak stati z českých dějin. Své práce monografické a referáty uveřejňoval hlavně v Českém Časopise Historickém; přispíval také do Slovanského Přehledu. Zde zaznamenáváme jen cenné monografie Hýblovy, které se týkají studií byzantských. Je to především podrobná a důkladná monografie *Slovanská liturgie na Moravě v IX. věku* (ČČH XIV, 1908). Je to kriticko-bibliografický přehled problémů cyrillomethodějských, který pro rozsáhlou znalost odborné literatury a pro rozvážnou kritiku pramenů ani dnes po 20 letech nepozbyl ceny. Hýbl zejména zařadil výklad o vzniku slovanské liturgie vůbec do perspektivy vývoje křesťanské liturgie v raném středověku a zabýval se kritikou papežských bull. Podle jeho mínění papež Hadrian II., jehož list máme zachován jen v církevně-slovanském znění (Leg. Meth. Kap. VIII.), nikdy nevydal nějakého prohlášení ve prospěch liturgie slovanské. V tomto plném rozsahu Hýblovo negativní stanovisko dnes neobstojí. Rovněž jeho kritika bully Jana VIII. »Industriae tuae« a jeho potíže s bullou Štěpána V. z roku 885 se nám nyní objevují v jiném světle.¹ Ale jako kritický přehled starší literatury je

Hýblova stať dodnes povšimnutí hodna.

Speciálním oborem Hýblovým byly bulharské dějiny středního věku. V Gollově Sborníku (v Praze 1906, str. 55–71) uveřejnil stať *Bulharsko po vymření rodu Asěnovců*.

Pokračováním těchto speciálních studií byly Hýblovy »Příspěvky k dějinám bulharským středního věku« (ČČH XXV, 1919, 19 až 38), kde řešil sporné otázky z bulharské chronologie IX. století, od Omortaga do nastoupení Borisova, používaje byzantských pramenů (Suidy) a nápisů na kamenech a sloupech, objevených prací ruského archeologického ústavu v Cařihradě pod vedením F. J. Uspenského (viz výše str. 165–181); mimo to se tu Hýbl zabýval dějinami Bulharska za Asěnovců v XIII. věku, zejména jeho poměrem k Uhrům, a rozvratem z konce onoho věku, kdy se Bulharsko dostalo do područí jihoruských Tatarů. Tyto stati, osvětlující temné body z bulharské historie, ukazovaly na to, že by Hýbl mohl revidovati klassické Dějiny národa bulharského Konst. Jirečka (v Praze 1876), a patrně na to pomýšlel.² Vzhledem k nesporným vědeckým kvalitám Hýblovým zamýšleli jsme (zesnulý Heidler a já) hned po otevření filosofické fakulty university Komenského (1921) získati Hýbla pro dráhu universitní, aby mohl zaujmouti v Bratislavě stolicí balkánských a východoevropských dějin, a také jsme s ním o té věci jednali. Ale Hýbl odmítl; již tehdy dělal dojem člověka nezdravého a nervově podlomeného. Škoda, že mu zdravotní stav nedovolil, aby plně využil svých bohatých vědomostí a svého širokého kritického rozhledu. Zachováme mu čestnou památku.

M. Wgt.

¹ Srov. můj referát o Mohlbergovi v ČMM roč. 53 (1929), s. 239–242.

² Ještě 1927 uveřejnil jubilejní črtu Car Symeon (Slov. Přehl. XIX, 265–277) a 1928 o míru v S. Stefano (ib. XX, 168 n.).

POSUDKY.

HISTORY OF BYZANTINE EMPIRE
BY A. A. VASILIEV. *In two volumes. Vol. I. From Constantin the Great to the Epoch of the Crusades. (A. D. 1081). Translated from the Russian by Mrs. S. Ragozin. Madison. 1928. University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History. Numer 13. in 8^o. p. 457.*

Недавно появившійся I томъ Истории Византіи на англійскомъ языкѣ извѣстнаго русскаго ученаго и византиновѣда А. А. Васильева представляетъ изъ себя дополненный и пересмотрѣнный переводъ перваго тома «Лекцій по исторіи Византіи. Время до эпохи крестовыхъ походовъ (до 1081 г.)». Петроградъ. 1917 годъ. Для новаго изданія В. использована вся новѣйшая, вышедшая за послѣдніе 10 лѣтъ, литература по византиновѣдѣнію. Съ внѣшней стороны, въ смыслѣ научнаго аппарата, изданіе значительно улучшено внесеніемъ многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаній и также увеличеніемъ библиографическихъ отдѣловъ, сопровождающихъ каждую главу (въ нихъ указывается важнѣйшая литература къ соотвѣтствующему отдѣлу).

Планъ сочиненія остался въ общихъ чертахъ прежнимъ, только нѣкоторыя главы слиты между собой, благодаря чему получилось вмѣсто девяти прежнихъ въ новомъ изданіи шесть. Вслѣдствіе этого онѣ охватываютъ уже не просто царствованіе отдѣльныхъ династій, а цѣлые культурные періоды. Конечно, какъ отмѣчаетъ и В. въ предисловіи, онѣ не вполне удовлетворяютъ требованію исторіи культуры, (ей удѣлено значительно больше мѣста, чѣмъ въ русскомъ изданіи), такъ какъ получается извѣстная фрагментарность, но онѣ безусловно необходимы при изученіи политической исторіи. Раздѣленіе на главы слѣдующее: Глава I. Краткій очеркъ трудовъ по исторіи Византіи. Отдѣльно разсматриваются, какъ и въ русскомъ изданіи, труды по византиновѣдѣнію въ Западной Европѣ и въ Россіи;

включены всѣ важнѣйшія работы, главнымъ образомъ общаго характера, вышедшіе за послѣдніе 10 лѣтъ. Глава II. Имперія со времени Константина Великаго до Юстиніана (съ IV вѣка до начала VI) — II и III гл. рус. изд. — рядъ добавленій, главнымъ образомъ, по внутренней исторіи Византіи и вопросамъ культуры, наприм. религіозная и національная проблема въ V вѣкѣ, распространеніе эллинизма. Къ главѣ добавленъ, какъ и ко всѣмъ остальнымъ, особый отдѣлъ — Литература, наука, образованіе и искусство со времени Константина Великаго до Юстиніана, дающій въ краткихъ словахъ очень содержательный обзоръ культурной жизни эпохи. Гл. III. Юстиніанъ Великій и его ближайшіе преемники. (518—610) — IV гл. рус. изд. — дополненія по внутренней исторіи по преимуществу, напримѣръ о политикѣ Юстиніана по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ, итоги дѣятельности Юстиніана. Отдѣлъ литературы и искусства, охватывающій свѣтскую и духовную литературу эпохи, постановку образованія и строительную дѣятельность Юстиніана. Гл. IV. Эпоха династіи Ираклія. V гл. рус. изд. — рядъ дополненій по внутренней и церковной исторіи (напр. удѣлено вниманіе Пятошестому Вселенскому Собору, положенію христіанъ на мусульманскомъ востокѣ). Особый отдѣлъ по литературѣ и искусству охватываетъ періодъ, который по выраженію В. является самымъ темнымъ въ исторіи Византіи и быть можетъ не заслуживалъ особаго выдѣленія, впрочемъ послѣднее нарушило бы общій планъ работы. Гл. V. Иконоборческій періодъ (717—867) — гл. VI и VII рус. изд. Въ этой главѣ В. дѣлаетъ рядъ дополненій изъ области византійско-арабскихъ отношеній, какъ военныхъ такъ и культурныхъ. Особое вниманіе также удѣлено внутренней исторіи — законодательству императоровъ иконоборцевъ. и приписываемому имъ, въ частности о

крестьянскомъ законѣ и несостоятельности теоріи славянскаго происхожденія общиннаго землевладѣнія въ Византіи. Въ отдѣлѣ литературы и искусства В. останавливается на писателяхъ православной и иконоборческой партіи и затрагиваетъ вопросъ о культурномъ взаимоотношеніи имперіи и халифата. Глава VI. Эпоха Македонской династіи (867—1056) и смутнаго времени (1056—1081). — гл. VIII и IX рус. изд., съ небольшимъ введеніемъ, объясняющимъ раздѣленіе на два періода. Добавленія касаются части, соответствующей VIII главѣ. Онѣ лежатъ главнымъ образомъ въ области византійско-арабскихъ отношеній (много дополненій сдѣлано изъ арабскихъ писателей) и религіозной жизни. Расширенъ отдѣлъ литературы, образованности и искусства эпохи Македонской династіи.

Какъ видно изъ бѣглаго обзора, книга В. значительно дополнена въ согласіи съ новѣйшими изслѣдованіями по исторіи Византіи. Большинство этихъ дополненій касается исторіи культуры и византійско-арабскихъ отношеній, знатокомъ которыхъ является В. Много дополненій сдѣлано также изъ источниковъ, изъ которыхъ В. приводитъ рядъ интересныхъ и поучительныхъ выдержекъ.

Все это увеличиваетъ значеніе книги В., являющейся весьма цѣннымъ и надежнымъ пособіемъ для каждаго занимающагося исторіей Византіи и съ появленіемъ второго тома будетъ единственнымъ болѣе полнымъ современнымъ руководствомъ охватывающимъ всю тысячелѣтную исторію Римской имперіи.

М. А. Андреева.

**DIE LÄNDLICHE STEUER-
MEINDE DES BYZANTINISCHEN
REICHES IM X. JAHRHUNDERT
VON GEORG OSTROGORSKY.**
*Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschafts-
geschichte. XX Band. 1927. Heft 12. Sonderdruck.*
p. 108. in 8.

Книга молодого русскаго ученаго Г. А. Острогорскаго касается вопроса финансо-

вой организаціи сельской общины въ X вѣкѣ, т. е. темы косвенно касающейся и вопроса объ общинномъ землевладѣніи въ Византійской имперіи и о славянскомъ его происхожденіи. Работа основывается главнымъ образомъ на «Податномъ уставѣ», изданномъ Ашбѣрнеромъ, и актахъ. Податной уставъ послужилъ также главнымъ источникомъ для работы F. Dölger'a «Beiträge zur Geschichte der Byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10 und 11 Jahrhunderts», вышедшей одновременно съ работою О., которая занимается финансовой организаціей и податнымъ устройствомъ всей имперіи, тогда какъ работа О. ограничивается болѣе частнымъ вопросомъ, который детально и основательно имъ разработанъ.

Работа О. состоитъ изъ введенія, трактующаго о времени возникновенія трактата (между 912 и 970 годомъ, при Константинѣ Багрянородномъ; Dölger, l. c. p. 8. нѣсколько расширяетъ границы: съ 913 г. по 1139 г.) и двухъ главъ: 1. О земельномъ вопросѣ — распредѣленіи и владѣніи земель въ крестьянскомъ (свободномъ) селѣ. Въ связи съ этимъ О. останавливается на исторіи свободнаго землевладѣнія въ Византіи и на вопросѣ о крестьянской общинѣ; для разъясненія этого вопроса О. привлекаетъ данныя содержащіяся въ трактатѣ. Слѣдуя за Панченко въ отрицаніи наличія общиннаго землевладѣнія, какое находимъ у славянъ, въ Византіи, О. все же отмѣчаетъ существованіе крестьянской общины, но только имѣющей чисто финансово-административный характеръ. 2. О податномъ обложеніи крестьянскаго землевладѣнія. Въ особенности останавливается на техникѣ сбора налоговъ, условіяхъ его и на различныхъ видахъ сложенія недоимокъ. О. подробно разсматриваетъ различные виды податей и тѣ случаи, когда возможно сложеніе ихъ. Въ концѣ работы приложенъ переводъ трактата на нѣмецкій языкъ и реестръ, встрѣчающихся въ трактатѣ техническихъ выраженій.

Книга представляет цѣнный вкладъ въ изучение экономической жизни Византии и въ частности формъ землевладѣнія.

M. A. Андреева.

J. BĂRBULESCU, CURENTELE LITERARE LA ROMÂNI ÎN PERIOADA SLAVONISMULUI CULTURAL, [*București*], Editura Casei școalelor 1928, str. VII + 417.

Starší rumunské dějiny (až do 17. st.) bývají označovány ve vědecké literatuře pro velké vlivy sousedních Slovanů na Rumuny jako období slovanské. Toto období se dělí pravidelně opět na dvě části. Starší doba, v níž Rumuni žili pospolu s obyvatelstvem bulharským a vzájemně se mísili, se nazývá dobou *etnografického slavismu*; další doba, v níž Rumuni přejali od sousedních Slovanů první kroky kultury, dobou *slavismu kulturního*.

Dodnes není jasné, kdy začíná prvé období a kdy druhé. O spolužití Rumunů se Slovy severně Dunaje víme velmi málo; nelze také bezpečně říci, kdy pronikly první kulturní slovanské vlivy na někdejší území římské Dacie. Také o tom, jakým způsobem vešlo v užívání slovanské (zejm. cyrilské) písmo v krajinách severně Dunaje, prameny mlčí.

Mezi rumunskými badateli se vyskytlo v této věci několik mínění. V době národního probuzení v 1. polovici minulého století vystoupil Sedmihradán Barnuși, dávaje se svěsti za svých studií v Padově jistou podobností rumunského cyrilského písma s římskými nápisy a unciálním písmem řeckým, s myšlenkou, že cyrilské písmo zdědili Rumuni po Římanech. V novější době soudí jiní (Hașdeu, A. D. Xenopol, D. Onciul, S. Pușcariu, A. Procopovici), že Rumuni přijali cyrilské písmo od Bulharů ve stol. 9. nebo 10.; A. Teodorov, J. Bogdan, N. Jorga se kloní spíše k tomu, že se tak stalo teprve ve 14. stol.

Více víme o slovanských literárních památkách, které vznikly na rumunském území

v době kulturního slavismu. Literární život u Rumunů v době slovanské jest úplně nápodobení a pokračování literární činnosti u jiných sousedních Slovanů. Rumuni převzali první literaturu spolu s cyrilským písmem a jejími zvláštními tendencemi od Bulharů. Bulharská a tedy i rumunsko-slovanská literatura nevynikala samostatnými díly, byly to většinou pouhé překlady z literatury byzantské. Charakteristickým znakem byl její církevní ráz. Téměř $\frac{3}{4}$ celé literatury rumunskoslovanské tvoří díla náboženské povahy. Nacházíme v ní však i literaturu světskou, kroniky a chronografy, spisy filosofické, teologicko-filosofické, gramatické, o přírodních zjevech, beletristické (poesie i prósa) a právní. Stejně povahy byla i první rumunská literatura (psaná cyrilikou), nesměle vynikající v druhé půli období kulturního slavismu.

O tom, kdy vznikly první rumunské jazykové památky, vedeny jsou od delší doby spory. Na rozhraní 19-20. st. převládá mezi rumunskými badateli názor, že některé náboženské texty byly přeloženy z jazyka slovanského do rumunského teprve v 16. st. pod vlivem lutherské a kalvinské propagandy v Sedmihradsku. R. 1900 vyvstal J. BĂRBULESCU (v práci *Cercetări istorico-filologice*) s míněním, že Rumuni začali psát ve svém jazyku již ve stol. 15., a to pod vlivem propagandy katolické víry v Sedmihradsku, Munténsku a Moldavsku. Nedosti opřená tato domněnka vyvstala z osobního světového názoru a ze snahy vnést do rumunského vědeckého života proti dosavadní teorii hájené osobními odpůrci myšlenku novou. Rok na to dospěl A. CANDREA podrobným studiem jazyka nejstarších rumunských jazykových památek (žaltáře skejánského, varoneckého a kodexu varoneckého) ku přesvědčení, že tyto vznikly již ve stol. 15. Dvě léta na to se připojil k tomu názoru i N. JORGA dodávaje, že první rumunské texty vznikly pod vlivem husitského hnutí někde v krajích maramurešských, kde husitské hnutí skutečně nalezlo,

jak ukázáno nověji i v české literatuře, dosti velkého rozšíření. Pro takové mínění mluvila i ta okolnost, že jazyk nejstarších rumunských textů se zdál svými jazykovými zvláštnostmi (t. zv. rotacismem) podle výsledků tehdejších badání identickým s jazykem užívaným v severním Sedmihradsku a dále i ta okolnost, že v žaltáři skejánském se vyskytuje latinské kredo. Nemohly tudíž překlady vzniknouti v rámci východní církve, nýbrž jedině přičiněním příslušníků západní církve, nebo jejich odpadlíků. K tomuto názoru se přiklonili i jiní rumunští badatelé: S. PUȘCARIU, A. PROCOPOVICI, N. DRĂGAN a j. s tím dodatkem, že rumunské texty mohly vzniknouti i jinde v Sedmihradsku, a to nepochybně v prostředí maďarsko-saském za účelem náboženské propagandy mezi Rumuny (podobně, jako tomu bylo v 16. st. za hnutí lutherského a kalvínského). Tomu nasvědčovala ta okolnost, že v nejstarších rumunských textech se vykytuje mnoho hungarismů a sasismů. BĂRBULESCU vystoupil poté několikrát proti těmto představám a snažil se obhájit své starší názory. Tyto opětuje i v přítomném spise.

Cílem jeho jest nyní sledovati literární směry, které se projeví na rumunském území v době kulturního slavismu, ať již v literatuře slovanské nebo ve vznikající literatuře národní. Poněvadž obě tyto literatury nebyly produktem domácí půdy, nýbrž pouhou transplantací současných literárních hnutí u okolních Slovanů: Bulharů, Srbů, resp. macedonských Slovanů a Rusů, BĂRBULESCU se zabývá především studiem plodů literárního života u okolních Slovanů. Vychází při tom ze správného stanoviska, že bez znalosti slovanských jazyků, literatur a pravopisu různých redakcí starého spisovného slovanského jazyka nelze dospěti ke správnému poznání středověkého rumunského kulturního života. Správně zdůrazňuje, že kdo studuje dějiny literatury čistě rumunské, nesmí oddělovati literární plody rumunské od slovanských a rumunsko-slo-

vanských, z nichž ony vyvstaly a jsou jejich odleskem. Bez znalosti literárního hnutí u sousedních Slovanů a slovanské literatury vzniklé na půdě rumunské nelze porozumět ceně a povaze děl rumunských. Upozorňuje dále velmi případně na to, že kdo chce správně čísti rumunské cyrilské texty a jaksi rekonstruovati staré formy a výslovnost rumunského jazyka (věc neobyčejně důležitá, neboť cyrilským písmem nebylo možno dosti dobře vyjádřiti hlásky rumunské), musí napřed znáti, jaký fonetický význam měla cyrilská písmena té doby a musí znáti fonetické změny, k jakým docházelo ve spisovném (církvním) slovanském jazyce pod vlivem jazyka redakce srbské, bulharské, macedonsko-slovanské a ruské. Požadavky toho druhu, v té síle a smělosti nepronese dosud žádný z rumunských slavistů a filologů vůbec.

BĂRBULESCU podává v přítomné své práci především výsledky svých dlouholecných studií, mluví o problémech, o nichž již dávno uvažoval a psal. Novum v knize jest druhá její část, kde se analysují literární tendence u slovanských národů s Rumuny sousedících a Rumunů, stanoví jejich meze a vlivy slovanského spisovného jazyka v redakci bulharské, srbské, macedonsko-slovanské a ruské na jazyk slovansko-rumunských literárních památek. Již v jedné z prvních svých prací uveřejněných v *Zborniku u slavu V. Jagića* 1908. (»Kad su počele da ulaze u rumunjski jezik najstarije njegove slavenske riječi«) hleděl dokázati (a nyní to opětuje), že období etnografického slavismu u Rumunů se nezačíná ve 4. nebo 5. stol., jak soudí rumunští i jiní badatelé, neboť tehdy nebyla prý ještě vytvořena rumunská národnost, nýbrž ve stol. 10., kdy tato nabyla již svérázné povahy. S míněním tím lze asi sotva souhlasiti. I když jest nepochybně, že tvoření rumunské národnosti se dokončilo teprve někdy koncem prvního tisíciletí, nelze podceňovati předcházející spolužití obyvatelstva slovanského a rumunských předků, ba lze říci, že v pod-

statě nebylo žádného rozdílu mezi jejich životem v době této a v době pozdějšího etnografického slavismu.

Doba kulturního slavismu u Rumunů se podle BĂRBULESCU nezačíná v 10. nebo 11. st., jak míní jiní rumunští badatelé, nýbrž ve 12. stol. Odtud pak se táhne až do konce 17., příp. počátku 18. st. Představa tato jest opět v souvislosti s autorovým přesvědčením, že Rumuni (ať již soudíme, že se přistěhovali do dnešních svých sídel z Balkánu, nebo je pokládáme za živel autochthonní), nejpozději ve 12. stol. již žili v »trajánské« Dácii, t. mezi řekou Černou, Dunajem a Siretem. Poté obrací BĂRBULESCU pozornost na písmo, jímž bylo psáno v rumunských zemích v době kulturního slavismu, především na písmo cyrilské. Soudí, že cyrilikou psáno v »trajánské« Dácii již ve stol. 10. nebo 11. Tam vznikly podle něho dvě staroslovanské památky psané cyrilikou, »Savvina kniga« a »Codex Suprasliensis«. Hledí opravití názor Ščepkinův, Conevův a Miletičův, jakoby tyto památky vznikly v Bulharsku a na druhé straně hledí lépe definovati mínění Šafaříka, Jagiče, Vondráka, kteří je kladou na pohraničí slovensko-maloruské. K těmto nejstarším cyrilským památkám čítá i t. zv. *listinu bálradskou z r. 1134*.

Zesnulý slavista J. BOGDAN, známý vydavatel listin Štěpána Dobrého (1457-1501) prohlásil ji sice (vedle něho i N. Jorga, Onciul) za falsifikát novější doby, ale BĂRBULESCU hledí ji obhájit. Důvody jeho nezdaří se však přesvědčujícími. V otázce, kdy a od koho přijali Rumuni cyrilské písmo, soudí BĂRBULESCU ve své disertační práci z r. 1899 (Fonetika čirské azbuke), že se tak stalo ve 12. stol. a sice prostřednictvím Bulharů (nikoliv Srbů nebo Rusů). Nyní tvrdí na základě jazykových zvláštností, že k tomu došlo v době 12.-14. st., snad již koncem 12. st., čili jinak řečeno, že před 12. stol. cyrilské písmo do krajín obývaných Rumuny severně Dunaje vůbec neproniklo. Tím přichází do rozporů, neboť

dříve se snažil ukázati, že »Savvina kniga«, »Codex Suprasl.« a listina bálradská vznikly někde v »Trajánské« Dácii. Aby zachránil své představy, vyvstává s míněním, že nejstarší tyto cyrilské památky vznikly sice na území dáckém, ale v krajinách, kde žili pouze Slované bez Rumunů. A to prý nemohlo býti žádné území nežli Moldavsko, a to buď mezi Karpatami a Dněstrem, nebo mezi Siretem a Dněstrem, kde do 12. stol. nebylo ještě Rumunů. Na základě nijak nedoloženého názoru, že před 12. stol. cyrilské písmo neproniklo do Munténska (a do Dacie Rumuny obývané) usuzuje B., že Munténsko nikdy nepatřilo (v 9-12. st.) k Bulharsku, jak míní badatelé bulharští a také někteří rumunští (na př. D. ONCIUL). Kdyby prý Bulharsko mělo styky s Munténkem v době 9.-12. st., uchytilo by se cyrilské písmo v Munténku již před 12. st., ale sporná otázka o rozsahu bulharského panství v krajinách severně Dunaje tím ovšem rozřešena není. Doklady, které máme po ruce, ukáží, že cyriliky užíváno v Trajánské Dácii i na území obývaném Rumuny dříve, nežli soudí BĂRBULESCU.

Dále se zabývá B. otázkou vzniku nejstarších rumunských jazykových památek (žaltáře skejánského, varoneckého a kodexu varoneckého) a ve smyslu svých starších představ hledí opět dokázati, že vznikly pod vlivem propagandy katolické víry mezi Rumuny ve 14.-15. st. Se zvláštní zálibou mluví o tom, že katolická církev podporovala překládání Písma do jazyků jiných (ukazuje na př. na nejstarší texty polské a j.), ale zapomíná při tom, že překlady nevznikaly ve skutečnosti z podnětu církve, jako spíše mimo její dosah. Podivné pak působí na druhé straně, když se snaží oslabiti zásluhu českého reformního hnutí 15. st. o překládání do mateřských jazyků. Mluví na př. o tom, že na Slovensku nedocházelo pod vlivem husitským k překládům do místního jazyka slovenského, nýbrž že zaváděn jazyk český. Český jazyk jeví se patrně Bărbulescovi podobně jako Czambelovi, jehož se

dovolává, něčím odlišným od nářečí slovenského. Pokud se týče jeho vývodů o t. zv. sasismech a hungarismech, které nacházíme v rumunských textech, třeba tuto věc ponechat k rozhodnutí filologům rumunským. Jestliže názor o vlivu propagandy katolické víry na vznik nejstarších textů rumunských jest ničím neopřenu domněnkou, jest další názor BĂRBULESCŮV, jakoby katolická propaganda tvořila mezi Rumuny v době t. zv. kulturního slavismu určitý proud vědomě latinský a zejména okázale protislovanský, naprosto mylný. BĂRBULESCU usuzuje tak asi z podobného vývoje v době rumunského národního probuzení 18.–19. st., nepřihlížeje vůbec k rozdílům doby. Jestliže v 17. st. poprvé (pokud známo) vznikalo u několika vzdělaných Moldavanů dosti výrazné národní uvědomění a přesvědčení o románském původu Rumunů, bylo uvědomění toto nikoliv protislovanské, nýbrž naopak velmi slavofilské, resp. polo-nofilské.

Pojednav o cyrilském písmu v rumunsko-slovanských textech zabývá se BĂRBULESCU otázkou, pokud bylo psáno na rumunském území *hlaholici*. Správně podotýká, že hlaholice byla zavedena na rumunské území později nežli cyrilika. Užívalo se jí, a to pouze některých písmen, také velmi zřídka. V nejstarší rumunské jazykové památce v t. zv. *žaltáři skejánském* nacházíme několikrát hlaholické *delta* a *r*, podobně i ve slovanském rukopise psaném v *Bukovině* v klášteře *Putna* r. 1511. V otázce, jakým způsobem vešly hlaholické znaky v užívání zaujímá BĂRBULESCU mínění, že k tomu došlo vlivem chorvatským ve 14.–15. st. podobně jako tomu bylo v Čechách (Emauzy) a v Polsku (Kleparze) a odtud mluví o přímých stycích chorvatsko-rumunských ve středověku. Přichází však i s myšlenkou, že hlaholici mohli přinést do Moldavska moldavští klerici, kteří ve 14.–15. st. studovali v Krakově. Zdá se však, že hlaholské znaky byly asi přineseny přímo ze Srbska nebo Bulharska, a to z toho důvodu, že také

některé srbské a bulharské texty té doby obsahují někdy písmena hlaholská. Rumunsko-slovanské rukopisy psaly nejprve osoby příslé za tureckého nebezpečí z krajín jihodunajských.

Těžisko BĂRBULESCOVY práce jest v druhé části. BĂRBULESCU studuje tam literární směry na půdě rumunské v době t. zv. *kulturního slavismu* a stanoví jejich příbuznost, příp. paralelnost s literárními snahami u sousedních Slovanů. Část z tohoto oddílu uveřejnil ve zkrácení ve *Sporníku věnovaném J. Bidlovi 1928* pod titulem »Dvě literární školy u Rumunů« (str. 111–122.) Aby lépe porozuměl literární činnosti u Rumunů, studuje nejprve literární směry slovanské. Ukazuje na dvě školy, které přešli Slované z Byzance, školy vzájemně se potírající v otázce, jak se má překládati. Jedna, t. zv. škola »podle smyslu«, byla v Bulharsku vedena Janem Exarchou a jeho stoupenci; druhá, t. zv. škola »doslovná«, Řehořem Prezviterem. Prvá žádala, aby překlady (z řečtiny) do jazyka slovanského se daly volně podle potřeb bulharského jazyka, druhá žádala doslovné překládání řeckého originálu. BĂRBULESCU nachází tyto školy také u jiných Slovanů, Srbů, Rusů a také u Rumunů. Jde mu dále o to, aby ukázal, pokud působily na povahu slovanského jazyka, jehož se v rumunských zemích užívalo v době t. zv. kulturního slavismu, i jiné literární zvláštnosti slovanských národů. Studuje proto formu, jazyk, pravopis, jehož užívali sousední Slované a hledí ukázati, že Rumuni se nežívali pouze duševní stravou, poskytovanou jim od Bulharů, nýbrž i od jiných Slovanů, že nebyli (v Munténsku) jen pod vlivem bulharským (jak soudí na příklad i KONST. JIREČEK) a pod ruským (v Moldavsku), jak soudí jiní, nýbrž že tu byly i vlivy jiné a silnější, zejména srbské, resp. macedoslovanské. V jeho snaze lze snad tušiti určité tendence (protibulharské a filo-srbské), ale v podstatě třeba přiznati zásadní věcnost jeho postupu i závěrů. BĂRBULESCU ukazuje, že spisovný jazyk, který

přicházel z Bulharska k Rumunům (ve 12. st.), měl formy středobulharské; studuje, jak staroslovanský spisovný jazyk, uchytilivší se v 10.–11. st. u národů slovanských, přizpůsoboval se místním jazykům: poukazuje na př. na srbsismy v textech bulharských (za tyto prohlašuje jen ty, které vznikly východně čáry: Isker–Soluň) a macedoslovanských. Macedoslovanskými (r. 1904 užíval označení ve Fonetice cír. azb. »bulharsko-slovanské«, »středobulharské«) nazývá texty vzniklé západně čáry Isker–Soluň. Slovanské dialekty v Macedonii nepokládá ani za jazyk bulharský, ani za jazyk srbský (za srbský měl jej ještě ve spise: *Relations des Roumains avec les Serbes, les Bulgares, les Grecs et la Croatie*, 1912), nýbrž spíše za jazyk přechodný (»limba de frecere«), »nechtěje budití dojem, že náleží ke slavistům, kteří hájí bulharskou nebo srbskou povahu macedonských nářečí a textů«, a užívá pro něj označení: macedoslovanský. Dále mluví BĂRBULESCU o bulharismech nebo macedoslavismech v textech srbských, o bulharismech, macedoslavismech a srbsismech v textech ruskoslovanských a na druhé straně o rusismech v textech bulharských, macedoslovanských a srbských. Mluví o vzájemné literární spolupráci mezi cyrilskými Slovany; podrobně se zabývá zejména literární spoluprací mezi Srby a Bulhary, méně již mezi Rusy a jižními Slovany. Studuje i řecké vlivy a tendence v literatuře cyrilských Slovanů, obě školy překladatelské, zejména u Bulharů a Srbů, všímá si posléze latinských vlivů u cyrilských Slovanů. Tyto vysvětluje rovněž jako u Rumunů z propagandy katolické víry mezi Slovany. Uvádí na př. tyto památky: *evangelium Nikodýmovo, Molitva na džavola, Molitva sv. Troicě, Molitva potrebná všem svjatym glagolema na vsjak den*, v nichž se uvádějí světcí latinské církve (Magnus, Kanut, Olaf, Alban, Viktoria, Václav, Vojtěch, Vít, Lucia, Margareta, papežové: Silvestr, Dimas, Celestin, Leon). *Besědy na evangelie papeže Řehoře Velikého, Trojanska přita* a j. Mluví odtud o vzájemné

literární spolupráci mezi východem a západem, mezi církví východní a západní.

Na pozadí těchto úvah načrtává BĂRBULESCU vlastní studii o literárních proudcích u Rumunů v době slovanské. Pečlivě analyzuje jazykové památky rumunsko-slovanské, ukazuje na nejednotnost jejich jazyka a snaží se definovati jejich povahu. BĂRBULESCU jest přesvědčen, jak již dříve uvedeno, že Rumuni převzali slovanský jazyk v jeho formě středobulharské ve 12. století od Bulharů. Nejstarší zachovalé, dnes známé, rumunsko-slovanské texty pocházejí z 2. polovice 14. stol., ale v nich zachovaly některé znaky ze 12. st. Ve 12. a 13. st. se rozvíjel v Rumunsku podle BĂRBULESCA jediný literární proud (bulharský). Na konci 13. st., kdy v Srbsku za úpadku v Bulharsku došlo ke kulturnímu rozkvětu a docházelo k emigraci Srbů na sever Dunaje do Munténska a Moldavska, vytlačen byl dosavadní slovanský jazyk redakce bulharské jazykem redakce srbské. Tento koncem 14. st. úplně ovládl rumunské písemnictví. Od té doby podle BĂRBULESCA jazyk redakce bulharské se uchoval pouze v části slovanské literatury u Rumunů (v literatuře církevní), kdežto jazyk redakce srbské a zvl. macedoslovanské ovládl úplně život veřejný, korespondenci soukromou i státní, a to nejen v Munténsku, nýbrž i v Sedmihradsku a Moldavsku. V této poslední zemi ovšem projevil se v životě veřejném i vliv redakce ruské. Tak se stalo, že slovanský jazyk, užívaný v rumunských zemích, byl zván od současníků jazykem srbským, jen zřídka (zvl. v památkách vzniklých v okolí Brašova, kde sídlelo hojně Bulharů) jazykem bulharským. Jest věcí filologů prozkoumati jazykové důvody, kterých BĂRBULESCU užívá na upevnění své these o srbské, resp. macedoslovanské redakci jazyka užívaného zejm. v Munténsku (na př. některé zvláštnosti v postpositivním členu, existence infinitivu, časté užívání *μ* a zřídka *η* místo staroslov. *μ*, hlásky *k'*, *č*, *g'* vedle *št*, *žd* v jaz. muntenoslovanském).

Leč předem lze říci, že názor MILETIČŮV, CONEVŮV, BOGDANŮV, OBLAKŮV, VENELINŮV, jakoby muntenský literární život byl úplně ovládnán bulharskou literární školou a spisovným jazykem v Muntensku byl výhradně jazyk redakce bulharské, jest zřejmě výsledky studia BĂRBULESCOVA podlomen.

V další části BĂRBULESCU se zabývá otázkou *vlivů rusko-slovanských*. Přiznává, že v textech muntenskoslovanských jich téměř není, ale za to tím silnější jsou v jazykových památkách moldavského původu. Tu však třeba rozlišovati jazyk listin vévodů a bojarů, akty o majetkových poměrech, soudní akta od jazyka církevních a náboženských knih. VENELIN studuje listiny moldavskoslovanské (*Vlachobolgarskija ili dakoslovj. gramoty*), označil jejich jazyk za maloruský. KONSTANTIN JIREČEK (A fsl. Phil. XV., 1893) označil jazyk moldavských nápisů, církevních knih za muntenoslovanský (t. bulharskoslovanský), kdežto jazyk moldavských listin za ruský. Podobného mínění o povaze jazyka moldavskoslovanských listin jest i SOBOLEVSKIJ a J. BOGDAN. MILETIČ prohlásil, že jazyk moldavských kronik a náboženských knih jest jazyk bulharskoslovanský (muntenskoslovanský) ale že se do něho vloudily prvky maloruské. J. BĂRBULESCU soudí, že na moldavské půdě se střídaly vlivy jazyka redakce bulharoslovanské, srbskoslovanské (macedoslov., muntenskoslov.) a rusko-slovanské, při čemž docházelo mezi nimi k jistému zápasu. Kdežto jazyk listin muntenskoslovanských, soudí BĂRBULESCU, jest v celku (kromě některých listin psaných jazykem srbskoslovanským) jazykem severní a střední Macedonie, jest jazyk moldavských listin (kromě několika listin přímo srbsko-nebo macedoslovanských) spojením dvou redakcí: macedonskoslovanské (muntenoslov.) a podřadnější ruskoslovanské. Základní složkou při tom jsou jazykové zvláštnosti macedoslovanské; v rusismech vidí BĂRBULESCU něco povrchního, náhodného

a anorganického. Jazyk moldavských listin odtud není podle BĂRBULESCA ruský, nýbrž macedoslovanský (muntenskoslovanský). Mínění toto, jež pronesl již ve spise *Cercetări istorico-filologice* (1900) hledí opřít řadou jazykových dokladů. Vyvstává při tom s domněnkou, že ve 12. st. byl přinesen do Moldavska podobně jako do Muntenska jazyk redakce středobulharské (nikoliv ruskoslovanské). Ve 14. st. pak vytlačen byl tento jazyk jazykem redakce macedoslovanské. Maloruské prvky vnikaly do něho jen neorganicky a nesoustavně. Názor tento BĂRBULESCU odůvodňuje četnými doklady, takže se stává velmi pravděpodobným, zvláště máme-li na zřeteli, že šířiteli první slovanské osvěty jak v Muntensku tak i v Moldavsku byli mniši srbští a bulharští, kteří ukryli se na půdě rumunské za nebezpečí tureckého na Balkáně. BĂRBULESCU mluví dokonce o tom, že většina slovanských kolonistů uchylujících se do rumunských zemí nepocházela z Bulharska, nýbrž z Macedonie.

Spis BĂRBULESCŮV přes výtky výše pronesené jest prací velmi významnou. Autor shrnul v něm výsledky svých předchozích badání a přednesl poznatky nové. Obrací se v něm proti všem výsledkům dosavadního badání na poli rumunských dějin a literatury; někdy jeho útoky nabývají až příliš osobního rázu, ale to třeba vysvětlovati z rumunského temperamentu. Řeší se v něm mnoho důležitých otázek, otvírají se nové problémy, snášejí se v něm četné doklady pro nové stanovisko a přes to, že místo nezískává úplný souhlas, bude zásluhou spisu, že snad uvede rumunskou slavistiku na nové cesty.

Josef Maciurek.

CONSTANTIN C. GIURESCU, CONTRIBUȚIUNI LA STUDIUL MARILOR DREGĂTORII ÎN SECOLELE XIV ȘI XV (*extratîi du Buletinul Comisiei Istorice a României, vol. V*), Vălenii-de-Munte, 1926, pp. 176.

CONSTANTIN C. GIURESCU, NOI CONTRIBUȚIUNI LA STUDIUL MARI-

LOR DREGĂTORII ÎN SECOLELE XIV ȘI XV, *Bucarest, 1925, pp. 74.*

L'auteur de ces deux livres, aujourd'hui professeur d'histoire roumaine à l'Université de Bucarest, est un des deux ou trois représentants les plus en vue de la jeune école historique roumaine d'après guerre. Fils lui-même d'un historien de grande valeur, qui a surtout étudié avec succès l'organisation sociale des principautés roumaines, M. Giurescu a dans ses premiers travaux marché sur les traces de son père en publiant une série de monographies sur l'histoire sociale, administrative et financière de sa patrie.

Les deux livres que nous nous proposons d'analyser constituent la première étude systématique et approfondie des »grandes dignités« valaques et moldaves aux XIV^e et XV^e siècles, question d'une importance capitale pour la connaissance de l'organisation administrative des principautés roumaines pendant cette époque. Le mot roumain *dregător* (auquel correspond dans les documents en slave le mot *правитель*, plus rarement les mots *властѣль*, *властѣлникъ* et *оурѣдникъ*, ce dernier surtout en Moldavie) signifie *fonctionnaire* en général et s'appliquait aussi bien aux »grands dignitaires« (marii *dregători*) qui composaient le conseil du prince qu'aux fonctionnaires inférieurs. M. Giurescu s'est borné à l'étude des »grands dignitaires« des fonctionnaires supérieurs qui correspondent aux ministres d'aujourd'hui. Ces grands dignitaires qui forment le conseil du prince et qui figurent généralement comme témoins dans les chrysobulles de la chancellerie princière sont en Valachie le *ban*, le *dvornik*, le *logothète*, le *vistiar*,¹ le *spatar*, le *peharnik*, le *stolnik*, le *komis*, et le *stratornik* ou *postelnik*. Les mêmes dignitaires existaient également en Moldavie, à l'exception du *ban*, qui n'apparaît en Moldavie qu'au XVII^e siècle et comme fonctionnaire inférieur.

Déjà au XVII^e siècle le chroniqueur moldave Miron Costin affirme que l'office du grand logothète de Moldavie est emprunté à l'Empire byzantin où il avait le μέγας λογοθέτης, de même que celui du spatar auquel correspond à Byzance le protospataire. Le prince Demètre Cantemir dans sa *Description de la Moldavie* (1716) reprend cette idée mais en la généralisant et en l'appliquant à tous les grands dignitaires de la principauté moldave. En Valachie aussi apparaît au XVIII^e siècle l'idée de l'origine byzantine des grandes dignités valaques.

Les historiens modernes ont également insisté sur cette influence byzantine. Onciul affirme que les grandes dignités roumaines »étaient organisées d'après le modèle byzantin avec des noms grecs ou slaves«, M. Iorga est du même avis: »Dans les deux principautés, dit-il, il y avait à cette époque² une Cour aux rangs presque fixés et elle ne faisait, avec ses Logothètes, ses Vestiaires, ses Comtes, ses Stratornics que reproduire, dans les titres, les costumes, les attributs, avec ou sans un prototype bulgare ou serbe de l'époque de Douchan, l'ancien ordre de la Cour byzantine«. ³ L'éminent byzantiniste de l'Université de Bucarest M. D. Russo souligne lui aussi le »caractère byzantino-slave« des grandes dignités roumaines dont les unes conservent même leur nom byzantin (*logothète*, *komis*, *spatar*) tandis que les autres évoluent sur le modèle de celles de la Cour impériale (*dvornik*, *postelnik*, *peharnik*.)

On voit par ce qui précède l'intérêt que les deux livres de M. Giurescu offrent pour les byzantinistes aussi bien que pour les slavistes. Dans le premier de ces deux ouvrages l'auteur après une brève introduction (pp. 1—5) parle des sources (pp. 6—17), de la méthode et du plan de son travail (18—20); il examine ensuite les noms généraux donnés aux grands dignitaires (pp. 21—25) ainsi que l'ancienneté de cette institution (pp.

¹ On trouve aussi les formes *protovistiar* et *vistiarnik*.

² A l'époque de Mircea le Vieux (1386—1418).

³ *La survivance byzantine dans les pays roumains*, Bucarest, 1913, p. 39; reproduit dans *Roumains et Grecs au cours des siècles*, Bucarest, 1921, p. 26.

25—37). Contrairement à l'opinion de Xenopol et de Iorga l'auteur soutient que l'institution des grandes dignitaires est contemporaine à la formation des principautés roumaines; M. Iorga croyait que les grands dignitaires ne furent institués que plus tard à la suite de la fuite devant la conquête turque des chefs »Serbo-bulgares«, dont le passage au delà du Danube a donné aux principautés roumaines »une langue d'état et une chancellerie en même temps que des hauts dignitaires formant un conseil d'une essence politique supérieure et une organisation de Cour plus complète.«

M. Giurescu étudie ensuite séparément chacune des grandes dignités, en Valachie d'abord et en Moldavie ensuite; il examine pour chacune de ces dignités la première mention, les attributions, le rang dans la hiérarchie, les revenus et enfin l'origine.

Après avoir ainsi, dans le premier ouvrage, étudié séparément chacune de ces grandes dignités, l'auteur consacre son second ouvrage (*Noi contribuțiuni* etc.) à une série de questions concernant tous les grands dignitaires. Il étudie d'abord les grands dignitaires au point de vue juridique, social et économique (pp. 5—32), en particulier leur droit de juger, leurs obligations militaires, leurs revenus, leurs privilèges vis-à-vis du fisc. Il examine ensuite la carrière des grands dignitaires, leurs costumes et insignes (pp. 33—49), enfin l'origine de cette institution (influences exercées par les pays voisins) et la nationalité des premiers grands dignitaires, parmi lesquels on rencontre un assez grand nombre d'étrangers.

*

Il va sans dire que dans les deux ouvrages de M. Giurescu les parties qui nous intéressent le plus sont celles consacrées à l'origine des grandes dignités. Avant de formuler ses conclusions sur ce sujet, l'auteur fait deux observations: 1. »La recherche de l'origine d'une institution est généralement un problème extrêmement délicat. Le fait que nous trouvons une institution sem-

blable dans plusieurs pays n'indique pas toujours que cette institution a été empruntée par un pays à l'autre. Il se peut parfaitement que nous ayons à faire à des créations indépendantes mais qui ressemblent à cause du milieu analogue qui les a fait naître et du rôle semblable qu'elles ont en à remplir.« 2. »Il faut faire une distinction entre le fond et la forme, entre l'institution elle-même et son nom. Le fait d'avoir emprunté un titre n'est pas toujours la preuve que nous avons aussi emprunté la fonction.« (*Noi contribuțiuni* p. 56).

Il est évident que le problème des influences se pose en premier lieu pour la Valachie, car en Moldavie, création politique plus récente, les grands dignitaires, leurs titres et leurs attributions sont presque les mêmes qu'en Valachie. Cette ressemblance dans l'institution des grands dignitaires a frappé tous ceux qui se sont occupés de cette question »La conclusion qui s'impose d'elle-même est celle d'une influence de la Valachie, formation politique plus ancienne a exercé son influence sur la Moldavie dans ce domaine de l'organisation administrative. Cette influence était facilitée par la ressemblance qui existait entre les deux pays quant à la population, la langue, les coutumes et les conditions de vie« (*Noi Contribuțiuni*, p. 60) A remarquer cependant que le titre de *pebarnik* est très rarement employé en Moldavie. Le dignitaire qui remplit en Moldavie les fonctions du *pebarnik* valaque s'appelle généralement *časnik* (*Contribuțiuni*, p. 136). M. Giurescu croit »que ce titre a été emprunté par les Moldaves aux Polonais« (*Contribuțiuni*, p. 141). Mais la forme *časnik* (avec *a* au lieu de *e*) montre que c'est un emprunt à la langue russe et non polonaise. Il est donc évident que ce titre a été emprunté par les Moldaves au grand-duché de Lithuanie, où il y avait en effet un dignitaire qui s'appelait *časnik*.⁴

⁴ Сф. Лаппо, Великое княжество Литовское, Saint Pétersbourg, 1901. p. 383 et suiv. Dans les principautés russes de l'Est il y avait aussi depuis le XIV^e siècle au moins la dignité du *časnik*, Ф. Дьяконовъ, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, 4-ème éd. Moscou, 1926, p. 224.

Ceci dit voici la conclusion de l'auteur quant à la Valachie: »Les titres de nos grands dignitaires montrent une triple influence: une influence byzantine, indirecte, par l'intermédiaire de la Serbie *logothète*, (*vistiari*) et de la Bulgarie (*komis*); une influence sud-slave, serbe d'une part (*dvornik*, *pebar-nik*, *postelnik*) et bulgare de l'autre (*stolnik*!); enfin une influence hongroise (*ban*)« (*Noi contributinni*, p. 58).

Examinons chacun de ces points d'un peu plus près:

Quant aux titres grecs de *logothète*, de *protovistiari* et de *komis*, qui existaient non seulement à Byzance mais aussi en Bulgarie et (les deux premiers) en Serbie, l'auteur a raison d'observer qu'il ne peut pas être question d'une influence directe, mais bien d'un emprunt indirect fait par l'intermédiaire des Slaves du sud. »Une influence byzantine directe, dit-il, nous paraît exclue, car à l'époque de la formation de la principauté de Valachie il n'y a pas eu de continuité territoriale avec l'Empire byzantin, et, par conséquent, il n'y avait pas la possibilité d'un contact immédiat. Il est beaucoup plus naturel d'admettre une influence indirecte par l'intermédiaire des états slaves du sud du Danube qui étaient en contact direct avec Byzance« (*Contribuțiuni*, p. 98, note 6). Le titre de *komis* n'existant pas dans la Serbie du moyen-âge, mais seulement dans le second empire bulgare, il est évident que ce titre a été emprunté à la Bulgarie. Mais les titres de *logothète* et de *protovistiari* existaient aussi bien en Serbie qu'en Bulgarie. En comparant les attributions du *logothète* et du *vistiari* valaques à celles que ces deux dignitaires avaient selon Jireček (*Geschichte der Bulgaren*, p. 386 et *Staat und Gesellschaft im mitt. Serbien*, I, pp. 19—20 et 16) en Bulgarie et en Serbie, l'auteur croit pouvoir constater que les attributions du *logothète* et du *vistiari* valaques ressemblaient plus à celles de leurs homonymes serbes, qu'à celles de leurs homonymes bulgares. Ils nous semble que toute affirmation à ce sujet est risquée du moment qu'on ne sait

rien de précis sur les attributions de ces deux dignitaires en Bulgarie; ce qu'en dit Jireček repose sur des impressions subjectives et des analogies avec Byzance et la Serbie. Sauf erreur l'existence du *logothète* et du *protovistiari* en Bulgarie nous est connue uniquement par un passage de Cantacuzène (éd. de Bonn, I, p. 458). Quant à nous, nous croyons plutôt à une influence bulgare.

Parmi les grands dignitaires roumains il y avait encore deux dont les titres semblent indiquer une influence byzantine. Ce sont le *spatar* et le *stratornik*. Dans le nom du *spatar*, il ne faut cependant pas voir le titre byzantin de *σπαθάριος* ou *πρωτοσπαθάριος* mais bien un mot roumain formé du roumain *spatâ* = épée. Quant au *stratornik* M. Giurescu montre avec beaucoup d'ingéniosité que les attributions de ce dignitaire valaque¹ sont les mêmes avec celles du *postelnik* et que *stratornik* et *postelnik* sont deux titres pour le même dignitaire. Quant à l'étymologie du mot, M. Giurescu hésite entre celle de M. Candrea et celle proposée par M. Iorga. M. Candrea croit que *stratornik* peut dériver de *strat* qui en vieux roumain signifie *lit*. L'étymologie de M. Candrea expliquerait alors parfaitement pourquoi *stratornik* et *postelnik* sont synonymes; mais elle se heurte, paraît-il, à des difficultés linguistiques. Selon M. Iorga, au contraire, *stratornik* est le byzantin *στράτωρ* auquel les Slaves du sud ont ajouté ce suffixe *-nik* et qui a été emprunté sous cette forme par les Roumains. M. Giurescu affirme «qu'on trouve chez les Bulgares un dignitaire qui s'appelle *strator* mais qui, selon Jireček, avait les attributions du *komis* roumain. Chez les Serbes on ne constate pas de dignitaire de ce nom» (*Contribuțiuni*, p. 160). Il faut cependant observer qu'en Bulgarie il n'y avait pas un dignitaire supérieur qui s'appelait *strator*, mais que dans les trois cas où l'on rencontre ce titre dans les sources il

¹ En Moldavie il n'y avait pas de *stratornik*.

en est question toujours au pluriel.¹ Il semble que c'étaient des fonctionnaires inférieurs et assez nombreux. Quant à leurs fonctions on n'en sait rien de précis. Selon Jireček² et Bobčev³ le *strator* avait le soin des chevaux du tsar, tandis que selon Balasčev⁴ c'était «le chef des hommes armés dans chaque région» et selon Iljinski⁵ le «chef de la garde du monastère». Mais ce sont là des suppositions gratuites. Quant à la Serbie il n'y avait pas il est vrai à la Cour de dignitaire de ce nom, mais il est cependant curieux de rencontrer ce mot dans le Typikon de Chilandar. Ce typikon, dû à Saint Sava, n'est qu'une traduction du Typikon grec du monastère constantinopolitain de la Vierge Evergetis, mais — c'est là justement le fait curieux — le mot *strator* a été ajouté par le traducteur et ne correspond pas, dans l'original grec, à un mot identique ou analogue.⁶

L'influence hongroise est manifeste dans le titre de *ban*. En Valachie le *ban* est depuis la fin du XV^e siècle la plus grande dignité; à l'époque antérieure il semble que la dignité la plus élevée était celle de *dvornik*. Le *ban* était le représentant du prince en Olténie et selon l'opinion judicieuse de M. Giurescu il a dû remplacer le *ban* hongrois de Severin, après l'acquisition du banat et de la forteresse de Severin par le voévode d'Argeș (première moitié du XIV^e siècle).

En parlant de l'origine du *stolnik*, notre auteur observe que «dans les sources on ne constate de dignitaire avec le nom de *stolnik* ni chez les Bulgares, ni chez les Serbes. Du moment cependant que le mot *stolnik* existe dans la langue bulgare il faut admettre aussi l'existence d'un dignitaire de ce nom; le fait qu'on ne peut pas prouver

son existence par les sources est dû peut-être aussi à la pauvreté des matériaux historiques dont dispose l'histoire bulgare en particulier en ce qui concerne les dignités. Quant à nous, nous croyons que se terme a été emprunté aux Bulgares voisins, une influence russe, polonaise ou tchèque étant exclue pour la Valachie» (Contribuțiuni p. 144). On ne peut qu'admirer l'intuition de notre auteur; M. Giurescu a vu juste; en effet le professeur Iordan Ivanov prouva l'existence du *stolnik* à la cour du Second empire bulgare en publiant en 1911 un anneau d'or trouvé à Trnovo. Le chaton porte une singulière forme de fleur de lis entourée de la légende circulaire † СЛАВЪ СТОЛНИКЪ ЦАРЬСЬ. Selon M. Ivanov «le possesseur paraît être identique avec ce même Esclas du chroniqueur Henri de Valenciennes, qui en 1208 épousa la fille de l'empereur Henri de Constantinople»⁷

Passons maintenant aux titres de *dvornik*, *postelnik* et *peharnik*, ou l'auteur croit voir une influence serbe. Le *dvornik* n'était pas un Maréchal de la Cour comme son nom semblerait l'indiquer mais un juge; il avait le droit de juger tous les dignitaires de la Cour; mais sa juridiction s'étendait de plus sur toute la Valachie, à l'exception de l'Olténie, où le droit de rendre la justice appartenait au *ban*. Le *dvornik* de Valachie avait une quantité de subalternes. En Moldavie, où le *dvornik* était la dignité la plus élevée, ses attributions étaient les mêmes qu'en Valachie; à remarquer cependant qu'à partir de la seconde moitié du XVI^e siècle il y avait en Moldavie deux grands *dvorniks*. En somme M. Giurescu a raison de dire que les attributions du *dvornik* roumain ressemblent non à celles du *dvornik*, le dignitaire de rang inférieur qu'on constate à la Cour croate au

¹ Ильинскій, Грамоты болгарских царей, Moscow, 1911, p. 18, ligne 100, p. 27 ligne 56, p. 28 ligne 10-11.

² Geschichte der Bulgaren, p. 386.

³ История на старото българско право, Sofia, 1910, p. 346.

⁴ Златопечатното слово отъ Царь Иоанъ Шишманъ дадено на Рилския манастиръ dans la revue Минало, 1-ère année, fasc. 4 (1910) p. 411.

⁵ Op. cit., p. 123.

⁶ Voir le texte serbe avec l'original grec en regard dans l'édition récente de Ćorović: Списи Светог Саве, Sremski Karlovci, 1928 p. 120.

⁷ Ивановъ, Старобългарски и византийски пърстени, Известия на Българското Археологическо Дружество, II (1911), pp. 1-14.

XI^e siècle mais à celles du *palatin* hongrois et de son représentant postérieur à la Cour hongroise, le *judex curiae*. La dignité de *dvornik* semble donc avoir été instituée sur le modèle hongrois; quant au titre de *dvornik* notre auteur croit qu'il a pu être emprunté aux «Serbo-Croates» (*Contribuțiuni*, pp. 76 et 77). N'est-il pas plus naturel de supposer qu'en empruntant à la Hongrie la dignité de *palatinus*, on ait traduit en Valachie son nom latin dans la lanque de l'Église et de l'état qui était le slave et qu'ou l'ait rendu par le mot slave *dvornik*? N'y cherchons donc pas une influence «serbo-croate», encore moins une influence «serbe».

La même observation s'impose quant au titre de *postelnik*. Le fait qu'il y a eu au XI^e siècle à la cour croate un dignitaire de ce nom n'est pas une raison pour voir dans le titre du *postelnik* roumain une influence «serbe». Jusqu'ici il est vrai on n'a constaté l'existence de ce titre ni en Serbie ni en Bulgarie, mais l'abondance relative des sources sur les dignités serbes ne permet pas d'envisager la possibilité de l'existence de ce titre en Serbie, tandis que, l'exemple du *stolnik* est là pour le prouver, on peut supposer l'existence de ce titre en Bulgarie.

Quant au *peharnik*, l'auteur observe que «le dignitaire qui remplissait les fonctions du *peharnik* roumain s'appelait chez les Bulgares *epikernij*, chez les Croates au XI^e siècle *vinotoč*, chez les Serbes à l'époque de Douchan *enohijar*, en Bosnie au milieu du XIII^e siècle *peharnik*. Le fait que dans l'immense majorité des documents roumains nous trouvons la forme *peharnik*, nous oblige adiriger nos regards vers la Serbie et la Bosnie. Il semble donc que nous ayons emprunté ce terme à la lanque serbo-croate à laquelle nous avons également emprunté le mot *pa-bar*» (*Contribuțiuni*, p. 136).

En somme le seul titre qui semble justifier l'hypothèse d'une influence serbe est celui de *peharnik*. Quant aux titres de *logothète*, *vistiar*, *dvornik* et *postelnik* où M. Giurescu voit une influence serbe, cette influence nous

paraît impossible. Pour le *logothète* et le *vistiar* il est beaucoup plus probable, nous l'avons dit, de croire à une influence bulgare, laquelle est hors de doute pour le *komis* et le *stolnik*. En général on constate chez M. Giurescu une tendance, commune à la plupart des savants roumains, de mettre volontiers en évidence, dans le passé de leur pays, l'influence serbe au détriment de l'influence bulgare. Néanmoins nous devons avoir gré à M. Giurescu d'avoir le premier ruiné cette légende de l'origine byzantine des grandes dignités roumaines, légende remontant au XVII^e siècle mais régulièrement répétée par les historiens modernes. Après le travail de M. Giurescu, on ne pourra plus parler d'une influence byzantine. Il y a eu une influence hongroise, certaine pour le *ban*, très probable pour le *dvornik*; mais il y a eu surtout, nous semble-t-il, une influence bulgare (*stolnik*, *komis*, *logothète*, *vistiar*, probablement aussi *postelnik* et *stratornik*); une influence serbe ne peut être envisagée (et encore comme une simple hypothèse) que pour le *peharnik* valaque, tandis qu'une influence lithuano-russe nous paraît évidente dans le titre du *časnik* moldave.

*

Les lignes qui précèdent ne donnent qu'une idée très incomplète de la richesse d'information, de la critique approfondie et de la méthode rigoureuse de notre auteur. Ce n'est qu'en comparant les résultats du travail de M. Giurescu avec les opinions émises sur les mêmes questions par ses prédécesseurs (parmi lesquels il y a des historiens illustres, comme Hasdeu, Onciul, Xenopol et Iorga) qu'on arrive à se rendre compte de la nouveauté de son travail et de la difficulté pour l'auteur de se frayer un chemin parmi la quantité d'opinions contradictoires et souvent gratuites de ses prédécesseurs. Il suffit de prendre comme exemple la dignité de *ban*, que Xenopol croyait avoir été empruntée aux Slaves, Hasdeu aux Petchenègues ou aux Koumans. Quant à l'ancienneté de cette

institution, Hasdeu la faisait remonter à 1100–1150, tandis que Filitti, dans une monographie spéciale, s'ingéniait à prouver qu'elle n'existait que depuis 1492.

M. Giurescu a le mérite d'avoir le premier entrepris un travail d'ensemble sur les grandes dignités roumaines basé sur le dépouillement systématique de toutes les chartes valaques et moldaves du XIV^e et XV^e siècles; il a également celui, non moindre, d'avoir éclairé d'une lumière nouvelle et en partie résolu le problème de l'origine des grandes dignités à l'aide non seulement de l'histoire byzantine, mais aussi, et surtout, de l'histoire des pays voisins de sa patrie.

Michel Lascaris.

СТЕФАНЪ С. БОБЧЕВЪ, СИМЕОНОВА БЪЛГАРИЯ ОТЪ ДЪРЖАВНО ПРАВНО ГЛЕДИЩЕ. (*Историко-правни бележки*). *Sofia, 1928, str. 152.*

La Bulgarie de Simeon au point de vue politique et juridique (Notes d'histoire de droit par le prof. Stefan S. Bobtchev).

Profesor právnické fakulty sofijské university věnoval novou svou studii temat,u, jemuž věnována byla v literatuře vědecké pozornost nemalá. Ale prof. Bobčev nejen, že ji píše jako studii jubilejní, nýbrž jako studii historickoprávní. Oproti dílu Zlatarského chce právě historickoprávní vývoj za Simeona zdůraznit a nově probrat.

Kromě úvodu obsahuje kniha čtyři části. V první části autor probírá charakteristiku doby vlády Simeonovy. Bobčev všímá si zde nejen vnitřního stavu Bulharska, nýbrž i současného vývoje slovanských států, Ruska, Polska i říše velkomoravské, zvláště však věnuje pozornost státu byzantskému. V kapitole druhé líčí nám osobnost a činnost Simeonovu. Simeon byl vychován v Cařihradě, poznal vzdělanost i státní řády byzantské a na tomto základě připravoval se ku vládařské dráze ve své zemi, kterou nastoupil poměrně mlád. Autor líčí pak vládu Simeonovu, války jeho s Byzantskou říší a okolnosti, za nichž došlo k prohlášení Si-

meonovu za cara a samovládce všech Bulharů. Dob mívových používal Simeon ku povznesení vlastní země zvláště jejího kulturního stavu. Autor tu pak uvádí řadu mínění různých badatelů o osobnosti Simeonově: Petranoviče, Stanojeviče, Šafaříka, Jirečka, Hilferdinga, Kalajdoviče, Zigela, Drinova, Zlatarského, Miševa a Stojanova. Autor snaží se tu doložit, že význam Simeonův ve státní organizaci státu bulharského i v kulturním životě tohoto státu je neobyčejný. Uvedení autoři se o tom všichni shodují. V kapitole třetí autor rozbírá kulturní a politický program Simeonův. V kulturním programu Simeonově bylo především povznesení kulturní úrovně svého lidu a obyvatelstva bulharské říše. Proto dvůr jeho soustředil v sobě mnoho vzdělaných osob. V programu kulturní a politický náleželo také osamostatnění a znárodnění bulharské církve, oč se Simeon rovněž za své vlády staral. Snahou jeho vlády byla centralisace říše a z této snahy vyplynulo také usilování po titulu carském, který byl napodobením titulu panovníka říše byzantské i titulu papeže římského. Autor věnuje zvláště tomuto předmětu pozornost a líčí, za jakých okolností a za jakých podmínek Simeon tento titul si osvojil. Čtvrtá část knihy Bobčevovy je největší a nejdůležitější. Neboť líčí se v ní právě historicko-právní vývoj Bulharska zvláště za Simeona. Část tato dělí se opět na tři oddíly. Autor tu líčí nejprve území, pak obyvatelstvo a konečně vládu a správu bulharské říše za Simeona. Pojednává o území říše Simeonovy líčí nám autor zvláště vnitřní rozdělení říše na oblasti, župy a chory, srovnává je při tom rozdělení říše byzantské. Mluví pak o organizaci hradské vypočítává, které hrady za Simeonovy doby v Bulharsku byly a konečně o vesnicích a t. zv. katunech, dalších způsobech to osídlení obyvatelstva. Obyvatelstvo bylo v době Simeonově národnosti slovanské. Autor nalézá tu příležitost promluvit o významu Bulharů Asparuchových pro Bulharsko a probírá různé názory vyslovené o tomto předmětu. Jinonárodní oby-

vatelstvo a sice Řekové, Vlaši, Albánci, Armeni byli usídleni po různu při pobřeží. Pokud jde o sociální složení obyvatelstva, bylo různé. Rozesnávaly se dvě skupiny obyvatelstva, privilegované a neprivilegované. Mezi privilegované náleželi bojaři. Autor pak podrobně se zabývá touto třídou obyvatelstva, mluví o jejím původu a o jejím složení i o jejích přednostech. K bojarům řadí se vyšší duchovenstvo. Mezi třídu neprivilegovaných náleželi svobodní a nesvobodní. Mezi nesvobodnými jsou parici t. j. kolonové, dále otroci t. j. služebníci a technitari t. j. řemeslníci. V kapitole další autor probírá vládu a správu v bulharském státě. Hledá vznik vlády ve státě v moci rodinné náčelníka zádruhy.

Moc panovníkova v Bulharsku nebyla nikdy absolutní, nýbrž omezenou radou bojarů i shromážděním svobodného obyvatelstva. Vládce měl různé názvy kniaz, khan, hak han a také car, kterýžto titul byl právě přijat za Simeona. Autor líčí dále moc panovníkovu, její omezení a přechází pak ke správě ústřední a provinciální. Zde právě autor vyzdvihuje vliv říše byzantské, neboť orgány obojí správy byly nápodobeny podle vzorů byzantských. Ukazuje tyto vlivy nejen na jednotlivých úřednících, nýbrž i na jejich kompetenci a na jednotlivých oborech jejich správy. Ku konci připojen je pak seznam literatury a pramenů.

Bobčev je výborným znalcem právních dějin bulharských a právě proto zvláště kapitoly o právním vývoji v Bulharsku jsou velmi důležité. Právě doba Simeonova poskytuje mu pak možnost, aby vyzdvihl také vlivy byzantské jako vzor pro organisaci říše Simeonovy, ač ovšem neopomene nikdy také zdůraznit prvky slovanské a jejich význam.

Rauscher.

JOSEF STRZYGOWSKI, DIE ALT-SLAVISCHE KUNST. *Augsbourg*, 1929. Dr. Benno Vilser Verlag.

M. Strzygowski vient de faire paraître un volume important qui nous invite à admirer,

une fois de plus, l'énergie inépuisable du grand animateur des études archéologiques du moyen-âge. Après avoir doté la science de plusieurs études magistrales qui firent connaître des nombreux aspects nouveaux de l'art chrétien de l'Orient et montrèrent l'importance de l'Égypte, de l'Asie Mineure, de la Syrie, de la Mésopotamie, de l'Arménie et de l'Iran, dans l'oeuvre artistique du moyen-âge, le savant viennois se tourne maintenant vers le Nord de l'Europe et de l'Asie, en nous engageant à reconnaître dans l'art septentrional de l'«Eurasie» (Europe-Asie) un élément essentiel de l'art médiéval, aussi important peut être que l'oeuvre créatrice de l'Europe occidentale et des pays du littoral de la Méditerranée orientale. A côté de l'«Occident» (Europe latine) et de l'«Orient» (pays grecs et Asie antérieure), le «Nord» — nous dit M. Strzygowski — est la troisième patrie de l'art médiéval.

Le présent ouvrage consacré à l'«ancien art slave» soutient cette thèse en l'appliquant aux monuments des peuples slaves, surtout à certaines églises tchèques et à l'architecture et à la sculpture ornementale croates de la Dalmatie. Ce choix des documents, un peu bizarre à première vue, s'explique dès qu'on s'est rendu compte de l'idée essentielle du livre. M. Strzygowski est à la recherche de l'élément autochtone dans l'art des Slaves. Il élimine par conséquent tout ce qui semble avoir été imposé aux Slaves par Rome et par Byzance, toutes les oeuvres d'inspiration étrangère, apportées en pays slave, sous l'influence des cours princières et de l'Église. Tout l'art slave postérieur à l'an 1000 ou à l'an 1100 environ (suivant la région) se trouve par là-même en dehors des cadres de l'étude de M. Strzygowski, qui ne croit discerner les traces de l'art purement slave que dans les monuments archaïques, tchèques et croates. Pour une raison sur laquelle j'aurai l'occasion de revenir, il leur joint les églises en bois des divers pays slaves, même si elles sont de date beaucoup plus récente.

Ce n'est pas d'une manière systématique

que l'auteur nous présente le résultat de ses recherches. Plusieurs chapitres du livre ont déjà vu le jour, sous forme d'articles ou d'ouvrages, dont le plus important avait paru récemment en langue croate; d'autres chapitres et paragraphes résument certains ouvrages antérieurs de M. Strzygowski. Cette double dépendance vis-à-vis des publications plus anciennes de l'auteur enlève au nouveau livre une partie de son unité, et nous explique aussi, si je ne me trompe, la disproportion flagrante du nombre des pages consacrées à l'art des trois groupes des peuples slaves: Slaves orientaux—14 pages, Slaves occidentaux—43 pages, Slaves méridionaux (il ne s'agit en réalité que des Croates de la Dalmatie) 150 pages! En outre, la difficulté des rapports avec la Russie a été probablement la cause de ce fait étonnant que le plus important—à notre avis—des groupes d'églises en bois, celui du Nord de la Russie, a été assez négligé par l'auteur, de même que certaines recherches russes consacrées à cet art et basées sur des hypothèses assez analogues à celle de M. Strzygowski. Ainsi, Zabéline, depuis 1871, puis Igor Grabar, Pavluckij et plusieurs autres, soutenaient déjà que l'architecture des églises en bois ne dépendait nullement de l'architecture en pierre, et que les monuments de cet art populaire et de date souvent récente, conservaient des vieilles traditions d'un art national russe et les imposaient même aux constructeurs des églises en pierre, Russes et étrangers.

M. Strzygowski donne à cette hypothèse une ampleur inconnue jusqu'ici. Il croit en effet reconnaître, dans les églises de bois tardives, des traces de la plus ancienne architecture slave, antérieure à l'influence de l'Église catholique ou orthodoxe—et même antérieure à la conversion des Slaves. Il compare ces églises en bois slaves aux églises analogues conservées dans les pays scandinaves et avec les temples slaves payens (d'après les textes et les données des fouilles), et essaie de reconstruire l'aspect de l'église slave primitive, en lui attribuant ceux des éléments

architecturaux qu'il observe simultanément dans ces différents groupes de monuments. L'architecture primitive des Slaves—nous dit M. Strzygowski—est une architecture de bois qui dérive de la maison d'habitation, au plan carré. Les principes de cet art ne disparaissent pas au moment où les Slaves commencent à construire en pierre. M. Strzygowski en trouve la preuve dans les petites et très anciennes églises de la Bohême et de la Dalmatie, dont les formes se distinguent des types courants des églises byzantines ou romaines. C'est à l'architecture de bois que, d'après M. Strzygowski, ces églises empruntent leurs plans carrés ou en croix grecque (quatre carrés autour d'un carré vide), leurs ordonnances en quatre, six ou huit conques autour d'un noyau central, de même que leurs coupoles sur trompes (l'auteur fait dériver cette dernière forme de la charpente établie sur quatre poutres, en biais sur les coins de l'édifice carré).

Un seul type de construction, parmi ces églises archaïques de Bohême et de Dalmatie, serait indépendant de l'architecture en bois, — c'est l'édifice rond qui, d'après M. Strzygowski, a comme point de départ la tour de défense primitive. Mais que ce soit la maison d'habitation en charpente ou la tour de défense en pierre qui se trouveraient à la base de l'architecture des plus anciennes églises en pierre tchèques et croates, M. Strzygowski insiste sur l'origine nordique de leur art. La Dalmatie, notamment, devrait ses monuments à une importation slave.

En dehors de l'architecture, M. Strzygowski entrevoit une manifestation de l'ancien art slave dans certains types d'ornementations géométriques (surtout l'entrelac) et dans la technique des bas-reliefs décoratifs de la Dalmatie. Là encore il reconnaît les survivances de «l'art nordique» apporté à la côte adriatique par les Slaves.

Il faut reconnaître tout d'abord que, en opposition aux hypothèses antérieurs de M. Strzygowski, celle qu'il propose maintenant n'est pas faite pour exciter notre imaginati-

on, car même si l'on adoptait sans réserve les synthèses de l'auteur, on se trouverait devant un résultat assez mince. Il peut, je crois, être résumé de la manière suivante: avant de rencontrer le grand art créé au Sud et à l'Occident de l'Europe, les Slaves construisaient des temples payens, puis des églises, rondes ou carrées, peut-être composées de plusieurs carrés; ces édifices devaient être de dimensions très restreintes, de formes irrégulières; des entrelacs ciselés dans le bois couvraient les surfaces des meubles liturgiques. On ne peut pas préciser d'avantage, et la faute n'en est pas à l'auteur de l'ouvrage, mais à la disparition quasi totale des monuments.

Mais le résultat auquel aboutit l'étude du premier art slave entreprise par M. Strzygowski paraîtra plus mince encore si on admet, avec l'auteur, que l'art dont il nous parle n'est autre chose qu'une manifestation de cet »art nordique« que M. Strzygowski retrouve un peu partout, depuis les côtes de la mer du Japon jusqu'en Espagne, et depuis l'Iran jusqu'en Irlande. On a le droit de se demander si cet »art nordique« est plus slave que celui que les Slaves pratiquèrent plus tard, sous l'influence de Rome ou de Byzance, et que M. Strzygowski écarta de son étude? Cet art postérieur a au moins l'avantage de nous offrir des documents nombreux qui permettent de sortir du brouillard qui enveloppe les origines et de juger l'effort réel des peuples slaves dans le domaine artistique.

On trouve, en outre, dans l'ouvrage de M. Strzygowski un certain nombre de théories et d'affirmations qu'on a de la peine à admettre. Ainsi, par exemple, M. Strzygowski s'oppose avec véhémence contre l'hypothèse acceptée ordinairement et selon laquelle les églises en bois imitent le plus souvent l'architecture en pierre. Sans vouloir nier l'existence d'un certain nombre de procédés propres à la construction en bois, on admet plus facilement cette théorie courante qui s'appuie sur des faits innombrables. Il en est de même de l'église carrée à quatre

pilliers que M. Strzygowski compare aux temples de feu magdéens et fait remonter à l'architecture »nordique«, sans pouvoir apporter des arguments qui seraient de force à contrebalancer les faits fournis par l'archéologie byzantine. Ou bien encore M. Strzygowski veut que les formes des églises dalmates antérieures à 1100 environ (basiliques voutées à nef unique; celles en particulier dont les murs latéraux sont renforcés par des arcs sur pilastres; les coupoles et demi-coupoles sur trompes), dérivent de l'architecture en bois de l'Europe nordique. Mais cette thèse audacieuse n'est en réalité soutenue par aucune preuve qui pourrait être opposée aux faits indiscutables d'influences byzantines, orientales, italiennes sur l'art de la Dalmatie. La répartition des monuments qui tous se pressent sur le littoral de l'Adriatique invite semble-t-il à diriger les recherches de l'origine de leur art du côté de la Méditerranée. M. Strzygowski néglige volontairement cette indication, et nous explique l'accumulation de ces églises aux formes particulières, conformément à sa théorie nordique: quoique en pierre, les églises dalmatines reproduisent l'architecture nordique en bois; on ne passe du bois à la pierre que si le bois commence à faire défaut; le manque de matériaux de bois s'étant fait sentir, en Dalmatie, bien avant qu'à l'intérieur du pays (en Croatie, en Serbie), le littoral passa à la pierre à une époque où le *Hinterland* continua à employer le bois; le fait que l'architecture de la côte ne se prolonge pas dans le pays est dû seulement à la fragilité des oeuvres de la charpenterie. Ce raisonnement n'est pas irréprochable, et il devient défectueux, si le fait du manque de bois en Dalmatie n'est pas prouvé: or l'auteur lui-même se charge de nous signaler que c'est en Dalmatie (*condensa silvarum*) que les Venitiens allaient acheter leurs matériaux de bois, jusqu'au XVII^e s. (p. 158).

Contrairement à son ancienne opinion, M. Strzygowski reconnaît dans les sculptures ornementales de la Dalmatie, datées des

IX^e et X^e siècles, des manifestations de l'art proprement croate. Comme nous le savons déjà, il entend par là l'art »nordique« apporté par les Slaves de leur patrie septentrionale. Or cette affirmation rencontre une difficulté: la sculpture que les Croates pratiquent aux IX^e et X^e siècles sur la côte dalmate est précédée, sur le littoral adriatique, par l'art lombard des VII^e et VIII^e siècles, dont les oeuvres se retrouvent dans toutes les provinces italiennes et jusqu'en Istrie; plus anciennement encore, au VI^e siècle, des éléments de l'ornementation dalmatino-croate et lombarde apparaissent sur le fameux mausolée de Théodorich à Ravenne. N'est ce pas forcer quelque peu les faits que de négliger ce groupe important de monuments (en insistant sur les différences de détail entre les oeuvres croates et lombardes), pour chercher des analogies dans les boiseries ornementées de la lointaine Norvège? Les oeuvres norvégiennes ont, d'ailleurs, un caractère sensiblement différent: elles présentent un style particulier et des nombreux motifs zoomorphiques, intimement liés aux entrelacs — trait à peu près inconnu aux sculptures croates et lombardes. M. Strzygowski le voit, et il se trouve obligé — pour expliquer cette différence — d'introduire un nouveau chénon dans la suite de ses hypothèses, en affirmant que les Slaves, auraient apporté dans les Balkans l'ornement »nordique« sous sa forme primitive, antérieure à l'introduction des formes animales. Ce n'est pas une tache moins ingrate que celle dont M. Strzygowski se charge, quand il va chercher, dans les Indes et en Finlande le motif du fronton triangulaire audessus d'une ouverture (p. 95). Qu'on se souvienne seulement qu'il s'agit d'oeuvres créées dans un pays comme la Dalmatie, regorgeant de ruines greco-romaines!

Les exemples cités-on pourrait les multiplier-suffisent pour expliquer la réserve avec laquelle nous accueillons les nouvelles théories de M. Strzygowski. Nous admirons par contre sa perspicacité, dans la manière de

poser certains problèmes généraux. Comme il le dit lui-même dans un passage du livre: »il s'agit ici de poser les questions... et non pas de donner des réponses, ni de trouver des solutions« (p. 225). En se plaçant à ce point de vue remercions M. Strzygowski d'avoir soulevé, pour la première fois, la question des débuts de l'art slave, d'avoir pensé au point du départ de l'activité artistique des peuples Slaves.

Je ne sais pas si jamais on sera dans la mesure de montrer des monuments de l'architecture ou de la sculpture slaves anciennes, absolument indépendantes de l'art méditerranéen. J'en doute. On a plus de chance, je crois, de pouvoir discerner l'effort créateur slave dans l'interprétation que les artistes slaves donnaient aux formes étrangères. M. Millet essaya, avec le succès qu'on connaît, d'appliquer cette méthode à l'architecture serbe; M. M. Nekrasov, Muratov firent des tentatives analogues pour l'art russe. N'est ce pas d'après des nuances de ce genre que souvent on distingue entre elles les oeuvres germaniques, italiennes, françaises du moyen-âge? Il n'est pas exclu, toutefois, que tous les Slaves ou quelques-uns des peuples slaves, aient conservé, même dans des oeuvres récentes, des éléments isolés de leur plus ancien art commun. Ces survivances, il faudrait les chercher, semble-t-il, dans les oeuvres archaïques ou archaïsantes, et à ce point de vue encore on ne fera que suivre l'exemple donné par M. Strzygowski qui dirigea ses recherches surtout vers la Croatie. Ce pays situé entre le monde oriental et le monde occidental, apparaît en effet, en histoire de l'art, comme un fond de sac où l'anachronisme est devenu normal, où les traditions du haut moyen-âge se sont prolongées jusque dans les monuments de l'époque moderne, tout comme l'écriture glagolitique, abandonnée partout ailleurs, se survit à elle même dans les manuscrits croates.

Mais on connaît les difficultés que présente l'étude des oeuvres archaïsantes qui

sont ordinairement d'une composition très complexe. L'art de la Dalmatie qui, à tour de rôle, porta les étiquettes de byzantino-barbare, italo-barbare, longobard, croato-byzantin et enfin croate («nordique»), attend toujours l'historien qui se penchera avec attention sur ses oeuvres multiples, réunira tous les documents et déterminera définitivement le caractère de cet art, sa formation, son rayonnement. Nous devons à M. Strzygowski (p. 197 sq.) plusieurs observations très précieuses qui font prévoir le vif intérêt d'une pareille étude.

A. Grabar.

Strasbourg, 1929.

ПРОФ. ІВАН ОГІЄНКО, КОНСТЯНТИН МЕФОДІЙ, ЇХ ЖИТТЯ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ. *Історично-літературна монографія, Ч. I. Варш. 1927, 1—324 стр., ч. II. Варш. 1928, 1—400 (Історія церковно-слов'янської мови, т. I і II).*

Грандиозная пирамида книг, статей и брошюр, которую представляет собой уже теперь едва обозримая кирилло-мефодьевская литература, воздвигнута, как известно, совокупными усилиями не только славянских, но и многих европейских народов: ученые самых разнообразных национальностей в течение более полутора столетий вносили в кирилло-мефодьевскую науку то более, то менее ценные вклады, но всегда проникнутые одинаковым пиететом к великим основателям славянской культуры. Только одни украинцы до сих пор принимали сравнительно слабое участие в разработке кирилло-мефодьевских вопросов: за исключением одной довольно тенденциозной монографии покойного ФРАНКО и небольших статей преимущественно критического характера некоторых других ученых, украинская научная литература до последнего времени не могла похвалиться такими работами, без которых исследователь кирилло-мефодьевской проблемы не мог бы обойтись. Но «accidit in puncto, quod non speratur in appo», сказал еще старик КОПИТАР: в лице выступившего в 1927 г. на форум кирилло-

мефодьевской науки профессора варшавского университета ИВ. ОГИЕНКО и украинская славистика сказала по интересующему нас вопросу свое веское слово.

„Веское“ — не только в смысле материальном, в смысле об'емистости исследования, два тома которого заключают в себе свыше 700 стр. довольно убогистого шрифта, но и в смысле богатства его внутреннего содержания. Обширный труд проф. ОГИЕНКО распадается на пять частей. В первой части, наиболее крупной и занявшей собою весь первый том, после краткой характеристики значения деятельности славянских апостолов, дается их жизнеописание до момента смерти младшего из братьев; вторая часть посвящена жизни и деятельности Мефодия (стр. 1—131); третья часть рассказывает о судьбе кирилло-мефодьевского дела после смерти великого моравского архиепископа (стр. 132—198); четвертая представляет хронологический обзор кирилло-мефодьевской литературы (стр. 198—254) и, наконец, пятая содержит в себе критико-библиографический обзор источников для изучения истории Кирилла и Мефодия.

Таким образом, монография ОГИЕНКО носит вполне цельный характер. Для полноты впечатления от нарисованной им исторической картины не хватает только общего очерка церковно-политического состояния Европы в ту эпоху, когда жили и действовали Кирилл и Мефодий, — очерка, который желательно было бы предпослать в качестве введения к их биографии; за этим введением, по нашему мнению, должен был бы следовать критический обзор главнейших трудов синтетического характера в области кирилло-мефодьевской науки и анализ источников для истории слав. апостолов: и то, и другое, как мы только что видели, автор поместил в конце книги, но читателю было бы легче следить за его аргументацией и контролировать методологические приемы его изложения, если бы он уже в prolegomena изложил свой взгляд на степень достоверности своих источников и на значение истории

ческих концепций своих многочисленных предшественников; взамен всего этого, мы находим в введении краткую характеристику значения подвига солунских братьев, хотя логически последняя должна была явиться скорее заключительным аккордом его научно-исторической поэмы.

Отмеченные маленькие недостатки архитектоники трактата ОГИЕНКО с избытком вознаграждаются одним драгоценным достоинством его изложения, — необыкновенным богатством библиографических сведений, которые он в себе содержит. Правда, этот библиографический аппарат расположен в монографии очень неравномерно: в то время как в первом томе, посвященном жизнеописанию Константина-Кирилла, в „литературе“ отдельных его вопросов, которую автор тщательно снабжает каждый отдельный § своего сочинения, встречаются весьма досадные пропуски (напр., отсутствуют ссылки даже на капитальные труды СНОПКА, ТУНИЦКОГО, БРЮКНЕРА, ДВОРНИКА и мн. др.), во втором томе, трактующем о Мефодии и о судьбе его церкви, дело обстоит более благополучно: обилие, точность и разносторонность библиографических цитат вызывают здесь даже изумление...; в этом же томе около 20 стр. (361—378) отданы автором библиографическим дополнениям к первому тому книги, и хотя и здесь встречаются иногда довольно досадные пробелы, но все-же они далеко не так чувствительны, как в первой части работы. Видно, автор, в процессе своей работы не сразу овладел обширной литературой предмета, и лишь после того как первый том его монографии был окончен печатанием, он успел ознакомиться с ней в достаточной полноте.

Но отмечая полноту библиографических указаний ОГИЕНКО, я опять должен оговориться, что эта полнота относительная, и что, не смотря на все старание почтенного автора не пропустить ничего существенного, от его внимания ускользнула не одна работа, которая была бы не лишней в его

библиографическом арсенале. Так, к литературе о значении деятельности Кирилла и Мефодия следовало бы прибавить статьи: LEPAR'я »O kulturním působení slovanských apoštolů Cyrilla a Methoděje« (Přednáška v Paedag. jednotě Pražské) Praha 1884; ЦУХЛЕВА „Рѣчь за значение на дѣятельность на св. Кирилла и Методия за български народъ“. Руссе 1892; БАЛАБАНОВА „Дѣлото на двамата братия между словѣнетѣ и изобщо и българитѣ особито“ („Сбирка“ 51—87); СТОЯНОВА Всемирно значение на подвизи и дѣлата на св. Кирилла и Методия (ib. 43—50); БОБЧЕВА, Св. равноапостолни Кирилл и Методий Пловд. 1885; GRZEGORZEWSK'ogo, O znaczeniu cywilizacyjnem apostołstwa śś. Cyr. i Met. (Dz. Pozn. 1885, 63); BONWETSCH'a »Festvortrag zur Gedächtniss-feier tausendjähr. Todestages des Methodius. Dorp. 1885. В связи с вопросом о заслугах солунских братьев не мешало бы привести литературу о кирилло-мефодьевской идее, по крайней мере, такие работы, как TENORA »Význam idejy Cyrillo-Methodějské v dobách novějších (HL II. 1885, 62); GRIVEC, Idea Cyrillo-methodějská (в сборнике под тем же назв. Velehr. 1905); HRUBÝ, Význam idejy Cyrillo-Methodějské (Časop. bohoslovců českoslov. XLVII. 1913, 29—48). — В библиографии по вопросу об отношении слав. первоучителей к Риму недостает статьи Novotného »Kritické příspěvky k starším dějinám českým. 1. Slovanští věrozvěstové a Řím (ČČH XVII. (1911) 271—272), а по не менее спорному вопросу об епископстве Кирилла — работа MILOŠ'a „Словенски апостоли да ли су светители?“ (Запар 1888). — О швабском пленении Мефодия писал еще G[INZEL] »Licht über einen dunklen Punkt der Geschichte des Mährenapostels Methodius« (ZKTh V. 1881, 183 až 184), а о славянском обряде — PINKAVA, »Původní rozsah slovanského jazyka v liturgii a privilegium sv. Methoda« (ČMM XXXVII. 1913, 69—75). — К британскому сборнику грамот следовало бы прибавить

указание на статьи EMLER'a »Nové zprávy o životu sv. Methodia (ČČM LV. 1881, 286—305) и KREK'a »Papeška pisma britanskega museja in sv. Methoděj (Kres. I. 1881 345—354); кроме того по поводу отдельных грамот — на статьи BRESLAU, Der angebliche Brief der Erzb. Hatto an Papst Johann IX. (Hist. Aufsätze K. Zeumer Weim. 1910) и SNOBK'a »Johannes VIII. bulla »Industriae tuae« quo modo explicata sit« (Roma e l'Oriente 1914). — Среди литературы о письме Анастасия Библиотекаря отсутствуют работы D'AVRIL'я, La lettre d'Anastase le bibliothécaire (Revue de l'Orient chr. I. (1896) 124—129) и FRIEDRICH'a J, Die noch erhaltenen Schriften des Slavenapostels Constantinus oder Cyrillus (RJTh IV. 1896 411—419). Очень неполна библиография о Христиановой легенде: отмечена лишь »Nejstarší kronika česká« (Praha 1902) PEKAR'я, но опущена не только вся обширная полемическая литература, вызванная этим трудом, но и позднейшая сводная монография того же ученого »Die Wenzel- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Cristianus (Prag 1906). — Наконец, среди литературы о Бандуриевой легенде следовало, во всяком случае, упомянуть об издании ее Regel'ем в »Analecta Byzantina — Russica. Petropoli 1891 (стр. XIX.—XXXII; 44—51).

Отмечая эти библиографические недочеты, мы отнюдь не хотим поставить их проф. ОГИЕНКО в укор: литература о Кирилле и Мефодии так необъятна, что требовать исчерпывающих ссылок значило бы добиваться невозможного. Мы ставим их на вид исключительно в надежде, что наши указания пригодятся автору в случае второго издания его полезного труда.

Что касается до внутреннего освещения деятельности Кирилла и Мефодия, то оно в книге ОГИЕНКО мало отличается от того, которое мы привыкли находить в трудах православной школы: оба славянские апостола представлены в ней, как верные сыны восточной православной церкви, в частности, как ученики и друзья патриарха Фотия,

действовавшие в некоторых случаях даже по его директиве. Это не мешало им, впрочем, с большим уважением относиться и к Римской церкви, но лишь постольку, поскольку это было согласно с их догматическими (напр., по вопросу о filioque) и церковно-политическими убеждениями. Но развивая эту концепцию, ОГИЕНКО следует по стопам своих предшественников не рабски, а критически, умело разбираясь в море различных гипотез, которые вызвали разные спорные кирилло-мефодьевские вопросы. Во многих случаях он позволяет себе делать собственные догадки и домыслы, не всегда, впрочем, удачные; кое-где в его изложение вкрались и неверные факты.

Так, на стр. 17, автор называет императора Василия Македонянина славянином, но эту сказку давно уже следует оставить.

На стр. 32, не известно на основании каких данных, сообщается, что юный Константин находился в постоянном общении со славянскими, точнее киевскими купцами, проживавшими в Царьграде.

Безо всяких позитивных доказательств автор повторяет ту же мысль, рассказывая о встречах Константина со славянами, и даже влагая в его сердце желание обратиться к Христу (стр. 62).

Изобретение слав. азбуки относится автором к 855 г. (стр. 64), хотя эта дата, извлеченная им из Храброва Сказания, находится в непримиримом противоречии с другими показаниями этого писателя. И совершенно непонятно, почему ОГИЕНКО не допускает мысли, что Храбр пользовался alexandрийской эрой летосчисления, по которой открытие слав. письмен падало бы на 863 г., и, таким образом, совпадало бы с посольством кн. Ростислава? В виду этого, слабо обосновано и положение автора, что Олимп является „в летописях слав. культуры наисветлейшим местом, так как именно здесь производились первые переводы св. Письма на слав. язык“ (стр. 77).

Очень наивно объясняет ОГИЕНКО (стр. 81 и сл.) побудительные мотивы хазарской

миссии. По его мнению, языческим подданным хазарского хагана, которыми в большинстве случаев были славяне, надоели (sic!) и еврейская и мусульманская религии —, и они ухватились за третью веру, христианскую, которая их еще не допекла („не дошкулила“). Желание насолить своим еврейским и магометанским согражданам и было последнею причиною, которая вызвала посольство хазарских язычников к императору Михаилу. Но если хазарская миссия действительно была замаскированной славянскою, как изображает ее ОГИЕНКО, то почему же автор пространного жития Кирилла, проникнутый таким горячим славянским патриотизмом, не обронил об этом ни одного слова?

Весьма смелые мысли развивает ОГИЕНКО по поводу известия того же Жития о русских евангелии и псалтири, найденных будто бы Константином в бытность его в 860—861 г. в Херсонесе (стр. 24, II. 368). Если верить нашему автору, то речь здесь идет об отрывках Евангелия и Псалтири, написанных „кириллицей“ и переведенных задолго до великого солунца для нужд богослужения киевских христиан, т. е. прежде всего „украинцев“. По этим отрывкам Константин не столько изучал *новый* язык, сколько учился киевскому произношению! Впоследствии Константин воспользовался этими отрывками для своего перевода, чем и объясняются „украинизмы“ в древнейших глаголических богослужебных текстах!! Однако, высказывая эти домыслы, ОГИЕНКО забывает, что в IX. в. не было еще малорусов, а были только русские или восточные славяне, объяснявшиеся на совершенно одинаковом языке; в частности, нет никаких данных полагать (стр. 112), что уже в это время киевские славяне произносили *ѣ* как *і*, а не как *іе*. Да и этот прарусский или восточно-славянский язык в эпоху Константина еще так мало отличался от с детства знакомой ему речи македонских славян, что изучение ее „своих“ — так я понимаю слова интересующего нас известия „силу речи при-

имать“ —,¹ не представляло бы для нашего миссионера труда, о котором стоило бы даже говорить. А, главное, ОГИЕНКО упустил из виду, что в IX. в. киевские славяне ни в коем случае не могли называть себя русскими, а если он, как антинорманист, держится на этот счет особого мнения, то он должен был бы привести какие-нибудь новые аргументы. Пока это не сделано, и все дальнейшие выводы ОГИЕНКА оказываются висящими в воздухе, в том числе и об украинизмах: указываемые им (стр. 127) в Остроге. Ев. слова *напасть* и *неприянь* несомненно проникли в укр. язык из „Отче наш“, а не наоборот.

В виду этого, ОГИЕНКО слишком поспешно присоединился к крайне смелой гипотезе ЛАМАНСКОГО, что Константин в 861 г. первый крестил киевских полян и ввел у них слав. богослужение, изобретая необходимую для их письма азбуку.

Такое же постоянное стремление ОГИЕНКО вычитывать из своих источников более того, что они содержат, сказалось и в утверждении, что Ростислав просил в 863 г. у византийского императора не только проповедников, но и вооруженной помощи против немцев (стр. 163), и еще более в учении, что Константин задолго до прибытия моравского посольства в Царьград изобрел слав. азбуку и перевел богослужебные тексты, при чем и в том и другом случае свой вклад сделали и вост. славяне, т. е. собственно „украинцы“ (стр. 174).

Странный рецидив учений автохтонистической школы представляет догадка, что бессы были славянами (стр. 186).

Автор не сомневается, что солунские братья были в Болгарии, проповедовали там христианство, и при том на славянском языке (стр. 197), но, к сожалению, не подтвердил эту старую мысль ДОБРОВСКОГО никакими новыми аргументами.

Мало вероятна мысль ОГИЕНКА, что

¹ ОГИЕНКО, на основании позднейших свидетельств, совершенно произвольно переводит *силу* как „ударение и произношение“.

суеверия, с которыми Константи́ну приходилось бороться среди моравян, представляли наследие общеславянской языческой старины (стр. 204); ведь взгляд на змея как на создания дьявола несомненно находится в связи с библейским преданием о падении Евы.

Более смела, чем правдоподобна, догадка нашего автора (стр. 258), что венецианский диспут Константина с трезызничниками описан в XVI. гл. Ж. К. на основании какого-то недошедшего до нас его полемического сочинения.

Разсказывая о посвящении папой Адрианом II. Мефодия в архиепископа (II, 5 и сл.), ОГИЕНКО должен был коснуться вопроса о подлинности той Адриановой грамоты, сокращенный слав. перевод которой дошел до нас не только в Житии Мефодия, но, как полагает большинство ученых, и в Похвальном Слове Кириллу и Мефодию. ОГИЕНКО решает этот вопрос в положительном смысле, при чем не сомневается, что в обоих источниках мы имеем дело с одним и тем же документом. Тот факт, что в „Житии“ Адриан называет Мефодия „сыном нашим“ (ergo, — священником), а в „Слове“ „братом“ (ergo, — епископом), его не смущает, так как первое свидетельство он толкует как стилистическое недоразумение: во фразе *оумислихъ... посълати мефодию сѣще и съ оученикы снѣу* же нашего на страны ваша: *моужа же съвършена разоумѣма...* он относит *снѣу* не к Мефодию, а к Константину: Мефодий при жизни своего брата будто бы не мог иметь своих учеников, поэтому в грамоте Адриана речь могла идти только об учениках Кирилла как священника. Но если монашеское звание не помешало Мефодию быть игуменом в мон. Полихроне, то почему оно должно было мешать ему в его учительской деятельности в Моравии? Впрочем, мы имеем документальное доказательство, что Мефодий действительно там имел своих учеников. Я имею в виду „Написание о правѣхъ вѣрѣ“, в заключительных строках которого говорится об учениках *обоихъ братьевъ: снѣ* (т. е. веру)

прѣданиѣ своимъ оученикомъ (Сборник в честь на Златарски, стр. 88); кроме того против гипотезы ОГИЕНКО говорит частичка *же* после *снѣу*: она подчеркивает, что под этим словом следует разуме́ть только что упомянутого Мефодия, так же как и под словом *моужа*, за которым она поставлена вторично. В виду этого, я и после остроумной конъектуры ОГИЕНКА остаюсь при мнении („О грамоте папы Адриана II.“, Сар. 1921), что в „Житии“ и в „Слове“ до нас дошли две различные буллы одного и того же папы, и что во втором памятнике грамота сильно сокращена. Поэтому напрасно ОГИЕНКО удивляется (стр. II, 13), что такое важное событие, как посвящение первого славянского архиепископа, формулировано в ней так бледно...

На стр. 57 ОГИЕНКО строит предположение, что Святополк скрыл оправдывавшую Мефодия папскую грамоту 880 г. Но какой смысл ему это было делать: неужели Мефодий был так неосторожен, что не снял с нее копий?

Кажется, наш автор идег слишком далеко и тогда, когда поездку Мефодия в Царьград в последние годы его жизни объясняет желанием константинопольского правительства присоединить к себе моравскую церковь (стр. II, 63). Этой цели нельзя было бы достигнуть без переговоров со Святополком, а именно о них-то и не сохранилось никаких известий. Вполне голословный характер имеет также предположение, что во время пребывания Мефодия в Царьграде был посвящен в епископы Горазд.

Приведенные примеры нашего разномыслия с мнениями и гипотезами ОГИЕНКО показывают, что в его монографии не все одинаково верно и не все одинаково бесспорно. Но иначе не может и быть. Кирилло-мефодьевская проблема представляет собой такой сложный комплекс спорных и запутанных вопросов, что было бы даже несправедливо требовать от автора, чтобы он выходил всегда благополучно из их лабиринта. Большой заслугой его является уже то, что он если не в фактическом отношении,

то в библиографическом свел в одно стройное целое огромную литературу о славянских апостолах и в живом, образном изложении еще раз воскресил перед нами их труды и дни, — в момент, когда Славянству, только что вступившему в новую эру своею свободного существования, необходимо особенно часто оглядываться на тех, кому оно обязано первыми начатками своей духовной культуры и цивилизации.

Москва.

Г. Ильинский.

АКАД. П. ЛАВРОВ. КИРИЛО ТА МЕТОДИЙ В ДАВНЬО-СЛОВ'ЯНСЬКОМУ ПИСЬМЕНСТВІ. У Київі 1928, 421 стр.

Новая книга акад. П. А. ЛАВРОВА представляет, если так можно выразиться, прагматический комментарий к тем источникам кирилло-мефодьевской истории, которые написаны на славянском языке и которых полный кодекс уже им заканчивается печатанием в одном из изданий Всесоюзной Академии Наук. Я называю комментарий «прагматическим» потому, что автор объясняет не столько отдельные слова и фразы в текстуальной их последовательности, сколько цельные литературные произведения, описывающие труды и дни гениальных основателей славянской письменности. Но хотя труд акад. ЛАВРОВА и нельзя причислить к работам, ставящим своей задачей критику исторических источников *как таковых*, все же в *Quellenkunde* истории Кирилла и Мефодия он займет одно из самых почетных мест. На это дает ему право следующие особенности его изложения и композиции.

Во-первых, — полнота матерьяла. За исключением Пролога Иоанна Экзарха, свидетельства Хронографов и Палея, а также некоторых славянских переделок «Хиландарского Сказания» (ср. ТУНИЦКИЙ, Св. Клим., еп. слав., стр. 263) от внимания акад. ЛАВРОВА не ускользнул, кажется, ни один славянский памятник, так или иначе объясняющий историю Кирилла и Мефодия.

Во-вторых, — строго критический под-

ход к каждому из них. Акад. Лавров, не ограничиваясь простым пересказом их содержания, систематически сверяет показания одних со свидетельствами других; сильно объясняет встречающиеся кое-где самопротиворечия некоторых авторов и тщательно собирает все, что может пролить малейший свет на их отдельные темные места.

В третьих, изучая фактический матерьял кирилло-мефодьевских памятников, акад. ЛАВРОВ много уделяет внимания также их стилю и языку, в частности, т. н. «моравизмам» и «чехизмам». Благодаря этому, ему не в одном случае (как, напр., по вопросу об обоих «паннонских житиях» и о т. н. «Сербской легенде») удалось совершенно верно указать среду, в которой возникли известные памятники.

Таким образом, из книги нашего автора читатель может получить ясное и полное представление почти о всех трактующих о солунских братьях славянских статьях, а с двумя из них — с т. н. «Пространными Житиями» — он даже может познакомиться не только в оригинальном тексте (критически восстановленном по древнейшим спискам), но и в украинском переводе (стр. 235—313). Цельности впечатления вредит только недостаточная равномерность и систематичность изложения. Так, в то время как главы, посвященные «Паннонским житиям», настолько детально излагают их содержание, что превращаются в биографические очерки их героев, в главах, трактующих о других памятниках, автор иногда чрезмерно скупится на подробности и, напр., Похвальным словам Константину и Мефодию посвятил всего три страницы, при чем даже такой важный для критики их текста вопрос, как проблема подлинности заключающейся в одном из них Грамоты Адриана и ее отношения к грамоте того же папы в Житии Мефодия, лишь намечен, но не решен. (Не объяснено, почему в последнем папа называет его сыном, а в первом-бра- том.) Не всегда также автор с одинаковой

полнотой решает вопрос об источниках писанных памятников о Кирилле и Мефодии. Если в одних случаях, как, напр., в главе о «Сказании о преложении писмен», автор почти с исчерпывающей полнотой выясняет состав компиляции, то в других случаях он оставляет его в тени, хотя для положительного решения и имеется некоторый материал. Это наблюдение относится даже к «Пространным Житиям». Акад. Лавров в приложении к своей книге напечатал полную сводку библейских цитат, встречающихся в обеих легендах, и это, конечно, его большая заслуга. Но он в то же время не счел нужным коснуться вопроса об отношении их к т. н. «Хиландарскому сказанию», которое, вероятно, было известно уже первым ученикам Кирилла и Мефодия, а может быть, даже и вышло из их среды. По вопросу об источниках загадочной «Солунской легенды» можно было бы воспользоваться некоторыми соображениями БАРАЦА (Тр. Киев. Дух. Акад. 1891, II 294). И в отношении литературных указаний мы не видим систематичности; даже в отделе «главнейшей библиографии» указываются работы, имеющие лишь отдаленное отношение к кирилло-мефодиевской эпохе, как, напр., статья Дечева «Отговоритѣ на папа Николай I по допитванията на българите» София 1922, или Дьяконова «К истории сирийского сказания о св. Мар-Евгене» (Спб. 1902), но не упомянуты монографии о Кирилле и Мефодии Гинцеля, Гильфердинга, Штульца, Билого, Прохазки, Бартолини; о Клименте Туницкого и др.

Эти небольшие недочеты композиции и плана работы с избытком вознаграждаются за то богатством отдельных метких и иногда в высшей степени остроумных наблюдений, которые, как перлы, рассыпаны там и сям по книге. Многие из них свидетельствуют о замечательно-вдумчивом отношении к тексту изучаемых и издаваемых памятников и несомненно сделаются прочным достоянием нашей науки. Автор обнаруживает редкую способность извлекать

важные указания из таких деталей, мимо которых другие проходят, не подозревая их ценности. Из многих примеров критической проницательности ЛАВРОВА я приведу лишь один: рассказывая о том, что в нек. списках греческого Жития Климента Вихинг назван $\beta\iota\chi\lambda\acute{\iota}\sigma\chi\omicron\nu$, автор вспоминает, что и теперь в словацком языке употребляется уничижительный суффикс *-isko*, ср. *němčisko* и т. п., и, таким образом, прибавляет новый штрих к картине великоморавских отношений.

В заключении два слова *pro domo sua*. Акад. Лавров не соглашается с моим объяснением *рушских писмен* как (ф)*рушских*, т. е. франкских (= готских) (*Slavia* III 43), указывая, что южные славяне, в частности сербы, всегда слово *руський* произносили как *рушский*, и что ни в одном из списков ЖК не встречается вариант *фрушский*. Но эти наблюдения только подтверждают мое объяснение. Так как уже в X и XI в. *рушский* у южных славян могло обозначать только «русский», то тем более случайная описка (ф)*рушский* могла быть истолкована их книжниками как «русский». Появившись уже в одном из первых списков Жития Кирилла, эта описка, точнее вызванное ею орфографическое недоразумение, имело достаточно времена, чтобы разростись в целую легенду о русских письменах в Херсоне, которую только с восторгом могли усвоить восточные собратья южных славян.

Я не могу также отказаться и после возражений акад. ЛАВРОВА от своего взгляда на происхождение Сказания черноризца Храбра. И глубокоуважаемый автор рецензируемой книги, так же как и другие мои критики — проф. MAZON (Сб. Злат. 119) и проф. Златарский (История I, 2, 853), игнорируют мой главный аргумент — совершенно необычное в устах славянских книжников IX и X в. заглавие трактата: «Съказание о письменѣхъ черноризьца Храбра»; в эпоху царя Симеона не было обыкновения ставить имя автора непосредственно после заголовка сочинения (На ма-

нер современных: «Пророк» *Пушкина*, «Шинель» *Гоголя* и т. д.), но заглавия получали более длинную формулу: *Слово, resp. Сказание списано таким-то*. Уже это одно обстоятельство показывает, что слова *черноризца Храбра* надо понимать как определение к *письменъхъ*. Поэтому я продолжаю настаивать, что первоначально интересующее нас произведение носило название: *Съказание како състави чьрноризыць Грозната словѣномъ письмена*. Когда это сказание перешло на юг, к болгарам, в языке которых прилаг. *грозенъ* имеет дурной смысл, то они поневоле должны были заменить

имя другим, а именно словами — *сѣй Кирилл*, как это действительно и читаем в Бреславльском сп. Сказания. Но один из компиляторов (по всей вероятности, Иоанн Экзарх) счел более целесообразным заменить имя *Грозната* его синонимом *Храбръ*, оставив в самом тексте имя Кирилла. В то время, когда еще живы были очевидцы деятельности Кирилла и Мефодия, и когда члены кружка Симеона прекрасно знали, кто такой Храбр, этот стилистический прием не мог вызвать ни в ком ни удивления, ни недоразумения.

Г. Ильинский.

ZPRÁVY.

EXKURSI O ŘECKÉ PŘEDLOZE STAROSLOVĚNSKÉHO PŘEKladu EVANGELNÍHO podnikl *Hannes Sköld* v studii «Aperçu sur un texte de lectionnaire en vieux slave de la Bibliothèque royale à Stockholm» (Lund 1927, str. 59), jejímž obsahem jest zevrubný popis několika pergaménových zlomků (celkem čtyř listů) královské štokholmské knihovny, příslušejících k sobě a podávajících úryvky církslov. evangeliáře ruské redakce. (Autor je klade do zač. 15. stol.). Podnět k uvedenému exkursu (v Sköldově práci na str. 48–54) dal rozbor variantů, vyplynulých ze srovnání Sköldova rukopisu (značka rukopisu: KB¹⁰, jednotlivé listy: A¹, A²...D²), v němž se prý projevuje již mladší stadium liturgické, s texty staroslověnskými (Zogr., Mar., Ostr., Sav., ale ne s Assem. a Nik.) a s textem řeckým. Autor vyšel z několika proseb Otčenáše (Luk. 11, 2–4), aby vyslovil, jak praví, předběžné mínění o této otázce. Uvedený text zní téměř stejně v Zogr., Mar. a v KB (v Sav., Ostr.^a a –dodávám –v Assem. není tohoto textu), jen Ostr.^b se liší na některých místech. Všechny slovanské texty evangelní pocházejí podle autora z téže rodiny rukopisné. Srovnání slovanského překladu s textem řeckým vede k závěru («šťastnou náhodou»), že jest původ slovanského překladu hledati v řecké recensi K, t. j. Κοινη. Protože však varianty Ostr. ev. jsou původu západního (I), měla i forma I (α) vliv na slovanský překlad nebo na jednu recensi tohoto překladu, takže «on obtient pour la première traduction évangélique slave à peu près la même image que celle qu'offre la bible d'Ulphilas, lequel remonte, selon M. von Soden, à la forme K influencée par I.» K tomu lze říci asi tolik. Sköld odvozuje z malého materiálu veliké závěry a již proto nemůže jeho výklad vzbuditi přílišné důvěry; závěr platný pro omezený úsek rozšířen na celý překlad. Ukazují-li odchylky evangeliáře Ostromirova k znění

západnímu (I), nemůže to podle mého mínění vésti hned k závěru, že jde o formu «K influencée par I.» Chceme-li zjistiti západní vliv v původním překladu, třeba jej stopovati v původním textu, *shodném* ve všech nejstarších slovanských rukopisech, nikoliv v odchylkách jednoho textu, ne nejstaršího. Omezený materiál nedal možnosti poznati čtení alexandrijská (vzácná) v slovanském překladě. Celkově se sice výsledky Sköldovy poměrně shodují s výsledky pozorování Vajsových na evangeliu sv. Marka (srv. Jos. Vajs, *Evangelium sv. Marka* a jeho poměr k řecké předloze, v Praze 1927; také Vajs shledává podobnost postupu překladu Vulfilova s překladem slovanským), ale shoda ta je pouze náhodná (zvláště též, pokud se týče zjištění prvků předsyrských). Z jednotlivostí nelze doslova souhlasiti s charakteristikou řeckých kodexů C a N. Naproti tomu třeba s uznáním vytknouti, že autor dosti pronikl labyrintem aparátu Sodenova, což není věci nejnásadnější.

I v samotném popisu textu a v části kritické vyvozuje Sköld leckdy ze svého materiálu příliš mnoho, více, než v něm vskutku jest. Jest též v práci jeho dosti nesprávností. Jen několik příkladů. Tak vidí srbismus (str. 35) v tom, že v B¹ 9 Mar. píše s jedním *n* slovo η οαηα, kdežto Zogr. a Kb mají dvojí *n* se znakem vypadlého jeru (jde tu spíše o «signe de suppression», nikoliv o «signe d'abréviation»). To je tvrzení velmi odvážené, tím spíše, že jedno *n* má na uvedeném místě i Assem.; střídání obojího psaní v uvedeném slově najde se hojně na př. i v Zogr. a pochází nepochybně již z předloh řeckých. Stejně je tomu i v C² 6, kde má Mar. вѣсѡнѣ proti Zogr. вѣ'сѡнѣ, Kb вѣ'сѡнѣ (Assem. má *vysb*). Nebo se na str. 42 praví: «D¹ 9, M présente un écart par rapport aux autres textes, qui ont ici Тѣ, tandis que celui-là donne Оѣ. C'est cela sans doute un serbisme». Ale tu jde o písaf-

ský omyl [místo zní: **І О Т Ъ (!) ІЗ Ж Т Р Ъ Ж Д Ж О Т Ъ К Ъ Ш Т А В Ъ Р Е Ч Е Т Ъ** Luk. 11. 7]. Myslím, že bychom přišli trochu daleko, kdybychom chtěli takto určovat srbský charakter Mar. ev.! Srovnání s Assem. a Nik. by bylo vrhlo na leckterou odchylku jiné světlo. Tak prý или, které je v D² 15 podle Skölda jen v ruských recensích O^a, O^b, Kb, proti ли, které prý je v recensích jihoslovanských, svědčí o tom, že «on est peut-être fondé à voir ici l'usage russe en opposition avec l'usage sud-slave (str. 42). Ale или je též v Nik. ev.! Nebo -ома jako v Kb ve formě **иіовома** (B¹ 3, Sköld str. 43) je též v Assem. Atd. Vůbec se určité případy nepřidělují ruštině nebo srbsčině a pod. podle náhodných dokladů v památkách, jejichž charakter třeba vlastně dokazovati, nýbrž naopak třeba z materiálu samotného odvozovati o památkách určité závěry, pokud ovšem jest to možno. Proto na př. slovosled v Ostr. a v KB **ничесоже не ѡхомъ** proti **не ѡхомъ ницьсоже** A² 9 nemůže svědčeti pro rozdíl «entre les usages vieux-bulgare et vieux russe», protože toho prostě nelze dokázati (o starém slovosledu nic podobného není známo); Nik. ev. má však pořádek takový jako v O a v Kb a samo redy domněnku autorovu vyvrací. Podobné je tomu i při C¹ 11 **сѣтъникъ дроугъ** O, Kb proti **дроугъ сѣтъникъ** Z, M, S. A j.

Škoda, že nebylo lze přidati popis a rozbor i dalších tří listů *tébož* rukopisu, o nichž se autor zmiňuje. Škoda též, že autor neotiskl svého textu, jenž je po nejedné stránce zajímavý, abychom si o něm mohli učiniti náležitou představu. Byl by tím věci jistě prospěl více než výklady, jejichž ukázky byly výše uvedeny. Jos. Kurz.

ІВАН ОГІЕНКО: НАИВАЖНІІЦІ ПАМ'ЯТКИ ЦЕРКОВНО-СЛОВ'ЯНСЬКОЇ МОВИ. Частина I. Пам'ятки старослов'янські X–XI. віків. Варшава, друкарня синодальна 1929. Stran 493 vel. 8°.

Tato anthologie patří do plánu mnoho-svazkového díla prof. Ohienka »Istorija cerkovno-slov'janskij movy«, rozpočteného na

12 dílů, a tvoří v něm díl pátý. Je to historický, linguistický a paleografický přehled staroslověnských památek s úplnou bibliografií a se 155 snímky z památek, s kyrilskou transkripcí. Celý svazek je rozdělen na tři části: po všeobecném úvodu se v *první části* (str. 19–205) podává výčet a paleografický popis staroslověnských textů. Hlavní předností této části je bibliografie prací o jednotlivých památkách, velmi bohatá, ač ne docela úplná (na př. u Savviny knihy chybí poslední monografie prof. Pogonělova ze Sborníku filosof. fakulty university Komenského 1927; u Kijevských listů chybí poslední stať prof. Grunského, v Ukrajinské Akademii nauk 1928); tato bibliografie velmi usnadní studium sporných otázek, které se vízí k jednotlivým kodexům. Problémy samy nejsou v tomto přehledu samostatně řešeny; Ohienko většinou jen reprodukuje cizí názory, takže jeho podání má ráz kompilativní a nevyznačuje se dosti pronikavou kritikou. Také třeba poznamenati, že odstavce věnované některým kodexům – přes značný rozsah knihy – jsou příliš krátké na to, aby vůbec mohly příslušné problémy vyčerpati (na př. výklady o kod. Zograf. a Suprasl.). Podrobnější jsou teprve autorovy výklady o památkách staroruských X.–XI. stol., kde je také konkrétnější charakteristika jazyková. Tyto památky »východoslovanské recense«, jímž připadá vlastně většina místa (98–205), Ohienko dělí na tři redakce: ukrajinskou, severoruskou a »východoslovanskou blíže neurčené otčiny«; do této poslední počítá pět památek, zvl. Poučení Kyrilla Jerusalemského. Do redakce severoruské počítá jen Mineji, a to zvláště Služebné Mineji z let 1095–1097 a Putjatiný Mineji; nejbohatší je ovšem u Ohienka »redakce ukrajinská«, do které jsou zařaděny všechny významnější památky ruské X.–XI. věku, počínaje od Ostromirova evangelia a Sborníku Svjatoslavova. Mimo tuto trojitou východoslovanskou recenzi rozeznává Ohienko ještě dvě: jihoslovanskou a západoslovanskou. Jihoslovanskou recenzi dělí

na tři redakce: bulharskou (velká většina stsl. památek), srbskou (Mar. Cloz.) a slovinskou (Fris., Abecen. bulg.). Západoslovanskou recenzi dělí na dvě redakce: přechodnou (Kij. L.) a českou (Praž. zl.)

Celá tato Ohienkova klasifikace staroslověnských památek je ovšem jen subjektivní a sotva obstojí. Snaží-li se Ohienko přesněji dělit větší skupiny »recensí« na menší skupiny »redakcí« (těchto termínů neužívá důsledně), pak překvapuje, že bulharskou recenzi či redakci podrobněji nespecifikoval. Zde prostě odkázal na jiné pokusy o klasifikaci stsl. památek, zvl. Kul'bakinův (REtSl II, 1922). Ale právě v bulharské redakci je třeba odlišit skupinu makedonskou od vlastní bulharské či východobulharské; to je důležité s hlediska lingvistického, paleografického i literárního historického. Také česká redakce by měla být zastoupena hojněji; zde Ohienko vůbec nepřihlížel k podnětům, které dal Sobolevskij ve své studii o církslov. textech »moravského« původu. Ještě větší závada jest, že srbská redakce u Ohienka má jen dvě čísla. Je vůbec třeba říci, že jakmile začneme provádět teritoriální klasifikaci památek, je velmi těžko omezovati se na ty, o nichž soudíme, že byly napsány ve stol. X.—XI. Nezapomínejme, že všechny naše církslov. památky vůbec jsou jen opisy, a že to je celkem věc náhody, máme-li některou památku zachovanou v opise ne mladším XI. století. Je potřeba rozlišovati datum zachovaného opisu a datum možného vzniku ztraceného originálu. Přijmeme-li toto hledisko, pak ovšem klasifikace většiny památek dopadne jinak. Ale pro správné historické ocenění památky je důležitější, určití dobu a prostředí, z nichž vznikla, než držeti se jen místa, kde byl některý rukopis opsán. Ostatně toto místo opisu se určuje většinou jen podle dialektických známek nářečí pisařova. Ale tyto dialektické rysy byly do textu vtroušeny jen bezděčně, bez úmyslu vytvářeti místní spisovný jazyk, na př. ukrajinsko-církevněslovanský či slovinsko-církevněslo-

vanský, a nejednou je určování tohoto dialektu pisařova dosti sporné. Těmito zásadními slovy chceme říci, že jakákoli podrobnější klasifikace staroslověnských památek je dosud sporná, ba že ani není ještě řečeno poslední slovo o tom, které památky vůbec do ní mají být zahrnuty. Ohienko na př. podstatně rozšířil rámec stsl. památek, dosud obvyklý, hojným výtem památek »východoslovanských«. Toho mu nebudeme vytýkati; záleží právě na tom, s jakého hlediska památky seskupujeme. Ale překročí-li se jednou ten užší rámec stsl. památek, který známe ze staroslověnských mluvnic, pak ovšem je otázka, kde se zastavíme, a podle kterých kritérií budeme další památky přibíráti; že několik nahodilých a nedůsledných provedených odchylek hláskoslovných a tvaroslovných při tom nemůže být kritériem jediné rozhodujícím, je věc jistá. Není pochybnosti o tom, že hledisko, podle něhož byla sestavena obecně známá skupina stsl. památek, jak je uvedena ku př. v Leskienově nebo Vondrákové mluvnici, je jednostranné a dosti mechanické; a pokud jde o datování jednotlivých památek do X. nebo XI. stol., je v nejednom případě pochybné a opírá se nejednou jen o dohady; nicméně nelze upříti, že na základě tohoto seskupení byl podán přehledný a jasně vymezený obraz stsl. památek. Jakmile tento přesně vymezený program chceme doplnit památkami jinými, pak ovšem musíme komplikovati svá kritéria; nevystačíme jen s oceňováním, do jaké míry jsou zachovávány nosovky, jery a jiné hláskové a tvarové rysy staroslověnské; musíme pak přihlížeti ke všestranné analýze jazykové (i syntaktické i slovníkové), ale také k četným problémům literárněhistorickým a vůbec kulturněhistorickým. Tato úplná revize dosavadních představ o počátcích církevněslovanského písemnictví je ovšem úkolem na dlouholetá badání budoucí.

Nejcennější část Ohienkovy recenované knihy je *druhá* (214—392), která kromě

tabulek slovanských písem obsahuje celé album snímků s hlaholských i kyriľských památek (k hlaholským je vždy připojena kyriľská transkripce). Snímky jsou provedeny pěkně, na křídovém papíře, a budou velmi názornou pomůckou pro filologické i paleografické výklady universitní. V *třetí* části své knihy (393–484) podává Ohienko ještě popis dosavadních církslov. chrestomatií, slovníků a sbírek snímků. Ohienko tu také připojuje malý církslov.-ukrajinský slovníček nejužívanějších stsl. slov., ovšem jen jako studijní pomůcku. Dobré je také paralelní otisknutí téhož úryvku z evangelia X. až XI. v.; tyto srovnávací ukázky, velmi užitečné při práci seminární, mohly býti hojnější. Úhrnem i tento svazek Ohienkova cyklu knih o staroslověňštině je pečlivě připraven a je velmi záslužný. Jeho význam je, jak řečeno, ne v pokroku badatelském, nýbrž v obšírném a účelném shromáždění materiálu, které usnadní uvedení mladších pracovníků do studia památek a otevírá jim cestu k další speciální práci. M. Weingart.

EVANGELIARIUM ASSEMANI. Cod. Vatic. 3. slavicus glag. Editio phototypica cum prolegomenis, textu litteris cyrillicis transcripto, analysi, annotationibus paleographicis, variis lectionibus, glossario.

Tomus I: Prolegomena, tabulae. Ediderunt Jos. Vajs-Jos. Kurz. Pragae 1929. Sumptibus Academiae scientiarum et artium bohemicae, nec non subsidio ministerii scholarum eruditionisque publicae.

Toto monumentální vydání Cod. Assemanova, první úplně faksimilované vydání staroslověnských památek, bude trvalou chloubou České akademie. Celý kodex je tu reprodukován úplně věrně, ve skutečné velikosti, každá strana rukopisu na zvláštní straně vydání, a při tom celá reprodukce je provedena s úzkostlivou svědomitostí a s technickou dokonalostí, která je dosud výjimkou (práce firmy »Politika« v Praze a Sansaini v Římě).

Před vlastní edicí je úvod (str. XXXII),

kde se podává historie rukopisu, literatura o něm, a zejména podrobný popis paleografický. Cenný je také Appendix, v němž jsou čtení a menologium Cod. Assem. srovnána se synaxári a menologií kodexů řeckých. Nové vydání Cod. Assem., zejména ovšem, až bude doplněno v II. svazku kyriľskou transkripcí a glossářem, teprve zjedná náležité místo tomuto kodexu v badání o staroslověňštině, ať jazykově ať textově-kritickém. Vždyť Cod. Assem. je jediný hlaholský evangeliář. Dějiny církslov. evangeliáře, který byl prvním překladem cyrillo-methodějské doby, jsou obzvláště naléhavým úkolem církslov. badání, a Cod. Assem. jako jediná hlaholská památka toho druhu musí ovšem býti jejich východiskem. Ale řešení tohoto úkolu nebylo dosud možné právě proto, že dosavadní vydání k tomu nedostačovala. M. W.

M. G. POPRUŽENKO: СИНОДИКЪ ЦАРЯ БОРИЛА. *Български старини. Кн. VIII. издава Българската Академия на науките. София 1928. Stran CLXXIX a 96 vel. 8° a 4 snímky.*

Tak zvaný Synodik cara Borila je jedna z nejvýznačnějších památek středobulharského a vůbec byzantsko-slovanského písemnictví.¹ Základem jeho je byzantský Synodik z r. 843, z onoho památného cařihradského církevního sněmu, jímž po ukončení bojů obrazoboreckých byla obnovena pravá víra. Ustanovení ekumenických církevních sněmů byla v církevně-slovanském písemnictví známa poměrně brzo. Kozma prezbyter, známý starobulharský bojovník X. věku proti bogomilům, znal již výnosy církevních sněmů; ku př. výslovně připomíná prokletí bludů (anathema) na sněmě nicejském. Za bulharského cara Borila († 1218) konal se církevní sněm (1211), jehož jednání bylo na carův rozkaz zapsáno. To je památka, nazývaná právě ne docela přesně Synodikonem cara Borila; je zachován ve sborníku Sofijské ná-

¹ Viz M. Marko, *Gesch. d. ält. südslaw. Liter.* (1908), 130; B. Conev, *История на бълг. езикъ I.* (1919), 248 n.

rodní knihovny č. 289 (55) z konce XIV. věku; objevil jej r. 1845 N. Chr. Palauzov v Trnově v soukromém majetku. Vedle toho však je text Synodiku zachován ve sborníku, který kdysi náležel M. S. Drinovu; je to pozdější opis, asi ze XVI. století; je to opis *srbský*, ale z bulharského originálu trnovské doby. Popruženko v přítomném vydání podává podrobnou historii obou sborníků s veškerou příslušnou literaturou, přesně srovnává oba opisy mezi sebou a vyšetřuje poměr slovanského znění k byzantské předloze synodiku z r. 843, který se nám ovšem v původním znění nezachoval, nýbrž v redakci z konce XI. stol. (viz výše str. 170 až 171). Při tom Popruženko také sleduje známosti o Synodiku na Rusi, které jsou spojeny se jménem mitropolyty »všeruského« Kypriana, vrstevníka Euthymia trnovského, s nímž pěstoval trvalé styky. Popruženko také ukazuje poměr dvou ruských redakcí Synodiků k redakci bulharské; ukazuje také poměr srbské redakce k redakci bulharské, která ovšem byla Rusům i Srbům východiskem. Zvláštní a oprávněnou pozornost věnuje Popruženko *originálním* součástkám Synodiku, která obsahuje velmi cenné zprávy k bulharské historii, zejména z doby počátků trnovského patriarchátu (1. pol. XIII. věku.) Také jazykově je Synodik velmi zajímavý. Jeho slovní zásoba obsahuje četná slova, v dosavadních slovnících (Mikl., Vost., Srezn.) nedoložená, po příp. doložená s jiným významem. Popruženko dokazuje lexikální shodu Synodiku se spisy patriarchy Euthymie. Popruženko se domnívá, že patriarcha Euthymij podrobil původní církslov. překlad Synodika cara Bórica nové redakci a stilistické úpravě; stopy této úpravy nalézá v textu M. S. Drinova, Tyto vývody dokládá bohatými lexikálními paralelami slovansko-řeckými i řecko-slovanskými.

Užrnem tedy se jeví Synodik po analýze Popruženkově takto:

Bulharsko od samých počátků církevně slovanského písemnictví se obeznamovalo s usneseními obecných církevních sněmů,

jež poznávalo z byzantských pramenů a přizpůsobovalo si je k místní potřebě. Bulharsko-církevně-slovanské překlady jednání církevních sněmů byly již mezi prameny Kozmy presbytera, a bulharským prostředím se dostaly záhy také na Rus, kde byly známy již počátkem XII. věku, jak dosvědčuje Kijevský letopis. Počátkem XIII. věku za cara Borila byl přeložen z řečtiny Synodik cařihradského sněmu z r. 843 v definitivní redakci z konce XI. věku. Tento původní text církslov. překladu nám není dochován. Byl záhy doplňován články původního složení bulharského. Takto doplněný text Synodiku byl podroben redakci a jazykové úpravě patriarchou Euthymiem, a to nejprve v části originální, potom i v části přeložené. A tak »Synodik cara Borila« v té formě, jak nám jest zachován, jmenovitě v textu Drinovském, je vlastně památka doby trnovské (XIV. věku), doby literární reformy Euthymijovy.

Po této pronikavé analýze připojuje Popruženko vlastní pečlivou edici, kterou uspořádal velmi účelně: otiskuje paralelně v plném znění text Palauzovův i Drinovův, a pod čarou text řecký. Nové vydání Popruženkově umožní detailní práci historickou, které se památník nabízí svými hojnými daty, i rozbor jazykový a stilistický.

M. W.

G. A. IL'JINSKIJ: ЗЛАТОСТРУЙ А. Θ. БЫЧКОВА XI. ВЪКА. *Изданіе Болгарской Академіи наукъ. (Български Старини, кн. X.) София 1929.* Stran 63 vel. 8° a 8 tabulek.

Prof. Iljinskij vydává zde úryvek Zlatostruje z XI. věku, kdysi v majetku A. Th. Byčkova, nyní chovaného v soukromé sbírce jeho syna. Tato památka byla dosud vůbec neznámá. Prof. Iljinskij ji důkladně prozkoumal, a zejména také našel její předlohu: je to homilie Jana Zlatoustého: λόγος, ὅτι τὸν ἑαυτὸν μὴ ἀδικοῦντα οὐδεὶς παραβλάψαι δύναται (Montfaucon, Opera¹ III 453–458, Opera² III 530–553). Iljinskij podává zde celý církslov. text (který je bohužel

zachován neúplně), paralelně s textem řeckým a s poznámkami, podrobný popis paleografický, rozbor mluvnický, literárněhistorický a ukazatele slov. Rukopis jest ruský; jazykově je hodně konservativní (církvně-slovanský), ale má některé výrazné rusismy. Po stránce literárněhistorické Iljinskij vyslovuje dohad, že tento ruský opis možná je — *jediným zbytkem té původní redakce Zlatostruje*, která byla přeložena — a to z hotového řeckého výboru statí Jana Zlatoústého — bulharským carem Symeonem. Iljinskij se pokouší podepřít tento dohad několika důvody, zejména lexikálními shodami s lexikem Symeonovské epochy. Ale právě tyto lexikální důvody jsou velmi nejisté. Avšak i kdyby tento dohad Iljinského neobstál, památka jím vydaná i svým stářím i svým obsahem zaslouží pozornosti. M. W.

J. L. ČERVINKA: SLOVANĚ NA MORAVĚ A ŘÍŠE VELKOMORAVSKÁ. *Jejich rozstálení, památky a dějiny. Podle původních pramenů, místních studií a výzkumů archaeologických napsal. - V Brně 1928. Nákl. časopisu »Pravěk«. Stran 390 vel. lex. a 21 tabulek.*

Tento archeologický spis obsahuje také několik stran, důležitých pro studia byzantsko-slovanská. Je to kapitola »Památky písemné« (str. 264—273), podávající přehled pramenů k dějinám říše velkomoravské, zejména doby cyrillomethodějské. Červinka je třídí podle obsahu: letopisy a kroniky — listy papežské — listy biskupské a j. — legendy. Přehled je sice uspořádán jasně, ale příliš skoupě; příslušná literatura, zejména starší, je sice zaznamenána, ale nepracována. Zejména odstavce o t. zv. panonských legendách církvě-slovanských nepodávají jasněho obrazu o všech příslušných sporných otázkách, a ruská vědecká literatura je v nich pramálo respektována. *Pochvaly*, tak důležité nejen s hlediska stilistického, nýbrž i s historického, jsou tu vůbec opomínuty. Vydání Teodorova-Balana (z r. 1920) není využito. Odstaveček o *Chrabrovi* je úplně nedosta-

tečný. Následují potom v knize Červinkové »Dějiny« říše velkomoravské (str. 274—345), podané sice se značným aparátem literárním, ale způsobem celkem populárním. V pojetí látky a v rozhledu po literatuře byl spisovatel celkem veden pracemi Novotného, Pastrnka, Jagiče, také Vondráka, Hýbla a Snopka, ale opět s menším zřetelem k literatuře ruské a jihoslovanské. Nového či originálního řešení problémů nebo samostatné interpretace pramenů zde není. Přes to rozhled Červinkův po rozsáhlé literatuře, třebaže ne vždy dosti kritický, je hoden uznání, a v české literatuře, dokud nemáme nového, vědeckého a samostatného díla o době cyrillomethodějské, může vykonati jisté služby. M. W.

»NAPISANIE O PRAVĚJ VĚŘĚ«.

S tímto názvem je nám zachován traktát, objevený před 100 lety Kalajdovičem v moskevské synodální bibliothéce a jím po prvé publikovaný v díle »Joann eksarch bolgarskij« (Moskva 1824). O tomto traktátě je již celá speciální literatura. Často byl připisován Konstantinovi - Cyrillovi, jenž ostatně je jmenován přímo v nadpise: »izuštenoje Konstantinomъ blaženymъ filosofomъ, učitelemъ o Božě slověn'skomu ťzyku« (sic). Posledně autorství Konstantinovo-Cyrillovo dokazoval G. A. Iljinskij, vyšed z podrobné analýsy příslušné literatury (viz Сборникъ въ честь на В. Н. Златарски, София 1925, str. 63—89; zde také úplný text traktátu). Naproti tomu byly i hlasy skeptické, které v autorství Konstantinovo-Cyrillovo nevěřily. Byl to zejména A. Voronov (Главниши источници для исторіи свѣ. Кирилла и Меѳодія, Киев 1877, str. 250 n.); v pozdější době se většinou toto »Napisanie« neuvádělo v literární činnosti Konstantinově-Cyrillově; tak i já jsem je nepojal do soupisu cyrillomethodějských památek (v pracích »Bulhaři a Cařihrad« 1915 a »Přehled liter. bulharské« 1919). Toto skeptické stanovisko, proti němuž psal Iljinskij, je nyní nově podepřeno pronikavým článkem V. Grumela, Le.

»Napisanie o pravěj věř« de Constantin le Philosophe (Échos d'Orient, 32^e an., 1929, pages 283–294). Proti Iljinskému, který »Napisanie« pokládal přímo za odkaz Cyrillův na rozloučenou, zanechaný učeníkům před Cestou do Říma, Grumel ukazuje s hlediska theologického, že se obsahově »Napisanie« nehodí do IX. století, že však odpovídá dobře církevní situaci ve stol. XII. Je to nauka Konstantina bulharského, metropolitu na Korkýře (Korfu), která byla odsouzena na koncilech r. 1166 a 1170, jak Grumel ukazuje citátlem (»anathema«) z jednání těchto sněmů (jde o theologický spor o dogma »Pater maior me est«). Skladatelem »Napisanija« je tedy Konstantin z Korfu sám, a byla to jeho replika na odsuzující výrok církevních sněmů. Tato replika byla patrně původně sepsána řecky a do církevní slovanštiny byla přeložena až ve XIV. století v době Euthymijově. Neznámý překladatel, ať už Euthymij sám nebo někdo z jeho školy, snadno mohl zaměnit jméno Konstantina, skutečného autora, za Konstantina-Cyrilla, dodávaje tím skladbě většího lesku. M. W.

IVAN OHĚNKO: СЛОВ'ЯНСЬКЕ ПИСЬМО ПЕРЕД КОСТЯНТИНОМ. „Ювілейний Збірник на пошану акад. М. С. Грушевського“ II. Київ 1928, стр. 156–165. Mínění, že Slované znali písmo již před Konstantinem-Cyrillem. I když nemyslíme na fantazie o slovanských runách, i u vážných historiků nalézáme občas takový názor; v poslední době zvláště v »Dějínách« F. J. Uspenského. Nejvážnějším východiskem takového dohadu mohou být úvodní slova traktátu *Chrabrova O pismenech*, kde Chrabr praví, že Slované sice z počátku neměli písma a užívali jen »črty i řezy« (vruby), ale přijavše křest, namáhali se psáti »rim'skami i gr'čьskymi pismeny«, ale »bežь ustrojennija«. Ohienko shledává mnoho apriorních důkazů pro svůj názor, že vskutku Slované se již před Konstantinem-Cyrillem nemohli bez písma obejít, že ke znalosti písma je vedly i jejich rozsáhlé obchodní styky, že

na znalost písma ukazuje jejich poměrně vysoká kultura již před IX. stol. a že konečně rychlý literární rozkvět Slovanů ve století IX.–X. by sotva byl možný bez předcházející přípravy kulturní, která nutně zahrnovala též znalost písma. To vše jsou ovšem jen dohady, které samy o sobě nic nedokazují. Také faktická svědectví pramenů, která Ohienko uvádí, jsou velmi neurčitá, a někdy docela sporná, jako ono známé místo z Leg. Konst., jemuž Ohienko připisuje největší váhu, že Konstantin našel v Chersonu »evangelium a žaltář, napsané ruskými písmeny«. A tak dohady Ohienkovy ♦ značném rozšíření řeckého i latinského písma mezi Slované v době před Cyrillem, dokonce v pevném systému, a v obojí formě řecké abecedy – uncialní i skoropisné – jsou právě jenom dohady. M. W.

СПИСИ СВ. САВЕ. Издао их Др. Владимир Боровић. Дела старих српских писца. Кн. I. Српска Краљ. Академија. Београд-Ср. Карловци 1928. — Стран LXIII a 254 vel. 8°.

Literární dílo největší osobnosti středověkých srbských dějin bylo porůznu již častěji otiskováno (zvl. u Šafaříka, Miklosiche, Novakoviće), ale prof. Vlad. Ćorović podal v této pěkně vypravené edici bělehradské Akademie *první souborné vydání* spisů sv. Sávy. Vydání obsahuje tyto skladby: 1. Chilendarska Povelja (bully), 2. Karejski Tipik, 3. Chilendarski Tipik, 4. Studenički Tipik, 5. Simeonovo Žitije, 6. Službu svetomu Simeonu, 7. Pismo Spiridionu. Kromě toho přibral Ćorović také ty spisy, které se sv. Sávyi připisují, ale které se nezachovaly v původní formě, nýbrž buď neúplné nebo v přepracování. Jsou to: 1. Porvzení o koupi chilendarské vinice, 2. výtah z ustanovení o místech srbských biskupství, 3. výsadní listina Vranjská, 4. ustanovení o žaltáři. Zato nepojal Ćorović do svého vydání těch spisů, které se sv. Sávyi připisují mylně. O všech spisech Sávyových, pravých i nepravých, Ćorović podrobně vykládá v úvodě, probírá

jejich historii a zaznamenává příslušnou literaturu. Text je uspořádán kriticky: všude jsou připojeny pod čarou varianty rukopisné, biblické citáty jsou určeny, a zejména je všude při přeložených textech připojeno originální znění řecké. Účelné je také, že text obou hlavních Tipiků Sávových, Chilendarského a Studeničského, byl spojen tím způsobem, že se k textu Chilendarského uvádějí jen varianty Studeničského. Co do techniky vydavatelské, Ćorović stojí na kompromisním stanovisku mezi starším způsobem Šafaříkovým a Daničićovým, u nichž text býval upravován tak, aby byl »čitelný« a hladký, a postupem školy ruské »stroka v stroku, bukva v bukvu«. Ćorović sice odstranil velkou většinu značek nadřádkových (jen v životě Simeona Nemanje zachovává všechny akcenty i přídešníky), a rozvedl slova zkrácená, ale závorkami označil, co je ve zkratkách doplněno. Naproti tomu, na rozdíl od Daničića (a také Miklosiche), Ćorović právem se neodvážil žádného uniformování pravopisu ani žádných »oprav« textových. Na konec je slovníček slovansko-řecký a řecko-slovanský. Ćorović zde hledí k těm slovům, jichž nemá Daničićův Rječnik iz književnih starina srpskih (1863 až 1864). Ale tento Rječnik sám je vzácnost, která již vyšla z knihkupeckého trhu. Mimo to i důležitost a stáří Sávových spisů samých vyžadují, aby k nim byl pořízen *úplný glossář*, vyčerpávající všechny doklady všech slov. Přimlouvám se za to, aby tento úplný glossář byl sestaven dodatečně a vydán ve zvláštním svazku. Nové vydání Sávových spisů umožní teprve jejich linguistické zpracování: církevně-slovanská syntax, slovník i stilistika budou zde mít bohatou žej. Velmi důležitým vodítkem ke studiu spisů sv. Sávy je dříve vyšlá monografie prof. Pavla Popoviće: О ХРОНОЛОГИЈИ У ДЕЛИМА СВ. САВЕ (Glas srpske Kralj. Akademije CXII, drugi razred 63, Beograd 1924, str. 19–86).

M. W.

N. OKUNEV: MONUMENTA ARTIS

SERBICAE. I. Dr. J. Stern edidit. Zagrebiae-Pragae 1928.

Profesor Okuněv zahájil svými výzkumy po srbských klášterech, možno říci, novou epochu v názorech o dějinách nejen srbského, nýbrž vůbec balkánského středověkého umění. Jeho studie hlavně ukázaly, že památky výtvarného umění srbského ze XIII. až XIV. věku, jak je zachovaly, ovšem často v zuboženém stavu, staré klášterní chrámy, jsou kulturní poklady významu evropského. Tyto skvosty, zejména fresky, skryté v odlehklých a nepadno přístupných, opuštěných klášterních budovách, jsou veřejnosti téměř neznámé. Proto se Okuněv podjal vydání přítomné sbírky, která má asi v osmi částech seskupiti reprodukce nejvýznačnějších srbských uměleckých výtvorů. Přítomný první svazek obsahuje 12 reprodukcí světlotiskových na kartonu in folio, provedených fou. Neubert v Praze a 1 barevnou. Jsou to fresky z klášterů Sopočany (6), Staro Nagoričino (3), Mileševo (2), Markov monastir (2). Úvod je francouzský a německý. Sbírka vyšla nákladem soukromého interenta; bylo by dobře zabezpečiti její pokračování z prostředků veřejných.

M. W.

VÍTANÝ PŘÍSPĚVEK k dějinám byzantským a také cyrilomethodějským je článek, ukazující církevní poměry země Chazarské v VIII. věku: V. A. Mošin, *Επαρχία Γοτθίας въ Хазаріи въ VIII-мъ вѣкѣ (Труды IV. съѣзда Рус. Акад. организацій за границей, изд. Рус. Института въ Бѣлградѣ 1929, стр. 149–156).

KONSTANTIN PORFYROGENNETOS popisuje v IX. kap. své knihy »De administrando imperio« velikou vodní cestu od Varjahů k Řekům a mezi jiným vypravuje, že ruská monoxyla plují ze Smolensku, z Ljubeče, z Černigova a z Vyšegoroda po řece Dněpru a spojují se okolo Kijeva, který bývá nazýván Σαμβατάς (ἐπὶ τὸ καστρόν τὸ Κιοῦβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς, ed. Becker, Bonnae 1840,

r. 74–75). Tímto záhadným názvem se obírá celá speciální literatura již od dob Dobrovského. Etymologické pokusy hledaly v tomto slově původ slovanský (několikrát, mimo jiné i »zobaty« – tak Muka), skandinávský, maďarský, francký, litevský, arménský, hebrejský, arabský, chazarský. Prof. G. Iljinskij (Юбилейний Збірник на пошану М. С. Грушевського, II. Київ 1928, стр. 165–177) kriticky probírá všechny tyto pokusy a navrhuje velmi důvtipně novou etymologii slovanskou, která pěkně přihlíží k poloze Kijeva a k jeho poměrům vodopisným: Kijev totiž leží několik verst od ústí Desny do Dněpru a proto jeho okolí mohlo býti nazýváno označením stoku dvou řek – *sq-vodъ (nebo *sq-voda). Změnu koncového -d- v řecké -t- vysvětluje Iljinskij tak, že název byl do řečtiny přepsán v době, kdy již koncové jer bylo oslabeno a proto zněla souhláska byla Byzantinci slyšena jako neznělá.

D. ANASTASIJEVIČ otiskuje v IV. sv. Byzantionu (1927–1928) článek, pozoruhodný také pro historii církevněslovanských tipiků: *La date du typikon de Tzimiscès pour le Mount Athos*.

M. LASKARIŠ, jehož kniha Византиске принцезе у средњовековoj Србији (Београд 1926) vzbudila pozornost u slavistů, přináší nový příspěvek k dějinám styků byzantsko-srbských: *Повеле српских владалаца у грчким публикацијима* (Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. VIII, 1928, 185–192). Roku 1919 byla objevena sbírka dokumentů kláštera Vatopedu

na Athoně; mezi těmito dokumenty jsou také dvě bully *Štěpána Dušana* v řeckém znění. První je chrisovul z r. 1345, vydaný klášterům na Svaté Hoře; o jeho existenci se vědělo, ale jeho obsah byl dosud neznámý; přepis, zachovaný v klášteře vatopedském, je soudobý a ověřený. Druhá listina je chrisovul Dušanův klášteru Vatoped z r. 1348. Bohužel vydání obou cenných dokumentů není dokonalé. Laskaris ještě připojuje, rovněž z archivu Vatopedu, jednu řeckou listinu despoty *Stefana Lazareviče* z r. 1417, která byla podle jeho srovnání přeložena z originálu srbského.

G. OSTROGORSKY vydal právě *Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites* (Historische Untersuchungen, 5. Heft, Breslau 1929, str. 113), tedy monografii, jejíž thema je velmi důležité pro slavistu. Podrobnější zprávu přineseme příště.

RUSKÁ BYZANTOLOGICKÁ LITERATURA poslední doby je velmi přehledně zpracována ve stati J. Sokolova, *Русская литература по византиноведению с 1914 по 1927 г.* (Slavia VII, 1928–29, str. 413–426, 682–700). Sokolov sestavil všechny knihy a články, v té době vyšlé, podle odborů a opatřil je dobrými výtahy.

*

NB. *Všecky příspěvky tohoto I. ročníku nemohly býti z technických příčin zařazeny podle původního určení, a některé dodané rukopisy musily býti odloženy do II. ročníku.* M. W.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ.

Zpracoval Jan Frček.

BULLETIN DE CORRESPONDANCE
HELLÉNIQUE. Année 1928. Janvier-Juin.
Paris 1928.

Gustave Fougères (1863–1927. str. 1–2).
Nekrolog.

P. Roussel: Une nouvelle inscription
de l'Asklepieion d'Athènes. (str. 3–8).
Nápis svědčí o novém archontu Aischinovi
(mezi r. 75 a 70).

Y. Béquignon: Etudes thessaliennes.
(Pl. I.) I. Le champ de bataille de Pharsale.
(str. 9–44).

G. Daux: Inscriptions de Thasos.
(str. 45–65). 18 nápisů z V. st. př. Kr. – III.
st. po Kr.

N. Giannopoulos: Antiquités de Cé-
phalonie. (str. 66–73). Popis nálezů z roku
1923.

P. Collart: Le théâtre de Philippes.
(Pl. II–V. str. 74–124). Postaveno r. 356 př.
Kr., druhá a poslední přestavba v II. st. po Kr.

F. Dvorník: Deux inscriptions gréco-
bulgares de Philippes. (Pl. VI–VII. str.
125–147). Přepis, překlad a výklad dvou ná-
pisů nalezených při vykopávkách, jež podniká
École Française d'Athènes za účelem zjištění
polohy bývalých Filippů a z nich především
místa, kde tam stála byzantská bazilika «Dé-
rékler». První nápis je již znám z opisu, jež
v r. 1707 pořídil P. Braconnier. Dvorník opis
tento doplňuje a koriguje, ve výkladu pak
dochází k závěru, že jde o text z IX. stol.,
z doby vlády bulharského knížete Presiana;
nápis týká se výpravy Presianovy proti Smo-
lenským, proti níž bylo vysláno vojsko byzan-
ské, které zůstalo u Christopole, zajistilo styk
Byzance s Thessálií a zabránilo tak pronik-
nutí Slovanů až k Egejskému moři. Po po-
kusu podmanit si bouřící se slovanské kmeny
v krajině thessalské bulharský výboj obrátil se
na západ, do okolí jezera ochridského, kde
vznikla válka bulharsko-srbská. V tom kori-
guje autor údaje a datování Buryho a Zlatar-

ského. Druhý nápis byl objeven až v r. 1924.
Je lépe zachován, ale méně jasný. Týká se
sporu mezi křesťany a Bulhary. Dv. soudí, že
křesťany je rozuměti Byzantské; že tento ná-
pis se vztahuje ke stejné události jako nápis
první; že v těchto dvou zlomcích jde o po-
čátek a konec téhož nápisu na bazilice; že
nápis je z doby kolem r. 837; že byl umístěn
na zřícenině basiliky, pobožené vojskem Kru-
movým v r. 812 a zase postavené za Lva Fi-
losofa na počátku X. st., kdy Filippi byly sí-
dlem biskupství.

R. Joly: Deux Carnakes trouvés à Mal-
lia (Pl. VIII–IX). str. 148–157).

L. Robert: Notes d'épigraphie hellé-
nistique (str. 158–178).

R. Flacérière: Notes de chronologie
delphique (str. 179–224). Delfští archonti
III. st. př. Kr.

BYZANTINISCH-NEUGRIECHI-
SCHE JAHRBÜCHER. Internationales
wissenschaftliches Organ herausgegeben von Ni-
kos A. Bées (Βέης) 1920.

I. Předmluva. B-Ng. Jhb. budou ústřední
mezinárodní orgán pro byzantskou a novo-
řeckou filologii v nejširším smyslu tohoto
slova, zabývající se obdobím let 330–1821.
Nejširší smysl slova filologie definuje pak
N. Bees jako všestranné studium určitého
národa (Volkes) a rozumí jím: studium lite-
ratury (umělé i lidové), vnějších i vnitřních
dějin, řeči, národopisu, umění, náboženského
života, zeměpisu, místopisu a etnologie kra-
jin, jež kdy patřily k byzantské říši, epigrafiky,
numismatiky a sigillografie, právnictví, lé-
kařství, jakož i ostatních odborných věd By-
zantů a Novoreků. Do rámce časopisu zahr-
nuje též studium papýrů a rukopisů, koινὴ,
starokřesťanského umění, řec. diaspory a vli-
vu řeckého národa na ostatní národy ve stře-
dověku a novověku. Tricetiarchové roční čtyř-
sešitové svazky se budou dělit v část původní,

část kritickou a část bibliografickou se zprávami.

C. Jireček: Die Witwe und die Söhne des Despoten Esau von Epirus. Na základě epilogu k srbskému rukopisu z roků 1408–1409, psanému na papíře a obsahujícímu dialogy papeže Řehoře, zachovanému v klášteře sv. Pavla na Athosu, tří latinských a jednoho italského pramene z archivu dubrovnického (přílohy k článku) podává autor historii epirského despoty Esaua, jeho ženy Eudokie a synů. Eudokie byla třetí ženou Esaua, vznešeného Florentána, jenž se stal r. 1385 epirským despotou sňatkem s Nemanidovnou Marií, a byla spříbuznělá s carem Štěpánem Dušanem a císařem Manuelem Palaiologem. Po smrti Esauově uchýlila se se svými dvěma syny nejprve na Pelopones a pak do Dubrovníku, kde s podporou dubrovnické rady pobyla více než 16 měsíců (1427–28). Tomuto pobytu jevěnován hlavní Jirečkův materiál.

J. Strzygowski: Ein Christusrelief und altchristliche Kapitelle in Moesien (str. 17–34): a) Část reliedu, vykopaného v Trapesice u Trnova, jež představuje asi Krista; nemá nic vysloveně byzantského, hlásic se spíše k umění řeckému. Je ze III.–IV. st. b) Skupiny hlavic, patřících většinou době mladší, kdy již r. 376 Wisigoti a Ostrogoti přešli Dunaj na území Moesie a Thracie. Tato skupina «se hlásí k té předbulharské sféře, již v území středomořském jsme zvyklí nazývat byzantskou». Všechny tyto památky ukazují, že na území dnešního Bulharska před příchodem Bulharů kvetlo starokřesťanské umění, jímž se toto území z částí hlásilo ke kultuře středomořské. Vykopávky v chrámu sv. Sofie v Sofii svědčí, že v ohledu stavebním bylo dnešní Bulharsko též ve IV–V. st. prostředím, jímž arménská klenba přešla do Evropy.

V. Gardthausen: Die datierten griechischen Handschriften. (str. 35–39) Vyládá zásady, podle nichž hodlá vydati úplný katalog datovaných nebo bezpečně datovatelných řeckých rukopisů až do r. 1500.

Fr. J. Dölger: Die IXΘYC. Formel in einem griechischen Papyrus des Jahres 570 und das Apsis-Mosaik von S. Apollinare in Classe zu Ravenna. (str. 40–47.) = Ἰησοῦς Χριστὸς θεοῦ υἱὸς σωτήρ. V tomto ravennském případě jde o vliv byzantský a nikoliv římský.

Paul Maas: Gregorios Kyprios und Libanios. (str. 48–49). Jde o jejich řeči. Autor ukazuje, že mimo název či námět nemají nic společného.

P. Maas: Wunder des hl. Artemios cap. 18. (str. 49). Textově kritická poznámka k vydání, jež pořídil Papadopoulos-Kerameus.

E. Stein: Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Sraate (str. 50–89).

F. Haase: Zur Glaubwürdigkeit des Gelasius von Cyzicus. (str. 90–93). Otázku věrohodnosti tohoto kompilátora považuje autor za nerozřešenou a prozatím neřešitelnou.

A. Hofmeister: Zur Geschichte Amalfis in der byzantinischen Zeit. (str. 94 až 127). Dějiny tohoto jihoitalského města od prvních zpráv do r. 1131.

E. Wellesz: Der gegenwärtige Stand der Erforschung der byzantinischen Musik (str. 128–130). Přehled dosavadních prací o dějinách byzantské hudby. Hypothetický stav vědomostí o prvotní byzantské notaci a odtud pramenící obtíže studia jednak počátků duchovní hudby balkánské a ruské, jednak vlivů východních (armenských a syrských) na byzantskou hudbu. Nesmírný rozsah dochovaného byzantského hudebního materiálu.

Nikolaos Bées (Βέης): Zum Schriftstück des Patmosklosters vom J. 1261(?) (str. 130). Textová poznámka.

A. Allgeier: Semasiologische Beiträge zu ἐπισκιάζειν (Lk. I. 35) aus Theophylakt und Philo. (str. 131–141). = »skrývati, zastíráti, zatajovati«.

J. Kurth: Ein Stück Klosterinventar auf einem byzantinischen Papyrus. (str. 142–147). Sticharia a sticharomorfia

dosti již bohaté a zářivé stupnice barev. VII. stol.?

A. Jacoby: Zu der »Ammonier«-Inschrift der grossen Oase in der libyschen Wüste. (str. 148–150). Nápis děkuje za svůj vznik asi některému z náhodných cizích návštěvníků oasy, jenž nebyl snad ani Egyptan. Pravděpodobně z r. 200–250.

E. Becker: Auferstehung Christi oder Kreuzigung auf altchristlichen Sarkophagen? (str. 151–157). Z mrtvých vstání a nikoliv ukřižování. (»Passionssarkophag«).

Nikos A. Bees (Βέης): Zum Ostrakon aus Eschmunen mit einem Bindezauber. (str. 157). Textová poznámka.

M. L. Wagner: Die Beziehungen des Griechentums zu Sardinien und die griechischen Bestandteile des Sardischen. (str. 158–169). K hlubšímu vlivu na Sardinii došlo až za panství byzantského, od r. 534. Politická závislost na východořímské říši nesáhá přes IX. st., v administrativní a církevní praxi je závislost delší.

R. Ganszyniec: Das Märchen der Pythia. (str. 170–171). ψυχή, již se prorocký duch zmocňoval u Pythie, «duše» i «pohlaví».

E. Schwyzer: Das Vulgärgriechische in Gesners Mithridates. (str. 172–173). Místo, týkající se vulgární řečtiny v K. Gesnerovu Mithridatu (1555), jenž byl kompediem jazykovědeckých a národopisných vědomostí své doby.

Th. Nissen: Das Enkomion des Theodoros Studites auf den heiligen Arsenios (str. 241–262). Otiskuje nezkrácené pochvalu podle Monacensis 366. Dodává, podle písemného sdělení W. Lüdtkeho, že dosud neotištěný slovanský překlad tohoto textu je ve velkých menejích Makariových u dne 8. května.

J. Sölch: Historisch-geographische Studien über bithynische Siedlungen. Nikomedia, Nikäa, Prusa. (str. 263 až 337). Vliv historických a zeměpisných okolností na osudy těchto tří míst v době byzantské a turecké.

P. Maas: Gregorios von Nyssa und der griechische Ephrem. (str. 337). Řecký text Efreimovy Mémra (homilie) o Abramovi je závislý na Řehoři nysském.

St. Poglaven-Neuwall: Bellerophon u der Reiterheilige. (str. 338–342). Bellerophon kopím na koni bojující proti chiméře inspiroval obdobná zobrazení křesťanských světců.

R. Ganszyniec: Welches ist der ἱατρικὸς δάκτυλος? (str. 342). Je to prstenník.

G. Beseler: Error in materia. Beitrag zur Digestenforschung. (str. 343–347).

L. Radermacher: Politische Verse. (str. 348–352). Osudy řeckého dvanáctislabičného verše a jambického trimetru.

R. Ganszyniec: Studien zu den Kyrainen. (str. 353–367). Toto alchymistické dílo vzniklo v Alexandrii podle vzorů egyptských. Rozbor.

J. Strzygowski: Der Schatz von Traprain law in Edinburgh. (str. 368–369). Popis jednotlivých předmětů. Poklad je stříbrný, má 770 uncí; mince z let 364–423. Pochází ze značné části z asiatského východu, odkud se dostal s Goty do jižní Francie.

H. Stocks: Die Auferstehung Christi auf altchristlichen Sarkophagen. (str. 370–371). Potvrzení názoru Beckerova (str. 151 sl.).

E. Stein: ΑΝΘΥΠΙΑΤΟΣ. (str. 372 až 373). Doplněk k autorovu článku na str. 50 sl.

Fr. Burg: Der Sinn von ἐπισκιάσειν bei Lk. 1, 35. (str. 374–375). Aplikace Allgeierových výsledků na výklad Lukáše i Theophylaktova komentáře k němu.

R. Ganszyniec: Zu Apolinarios von Laodicea. (str. 375–376). Žalmový původ jednoho verše v Προθεωρία.

P. Maas: Artemioskult in Konstantinopel. (str. 377–380). Relief sv. Artemia, nalezený K. Lehmannem, pochází z kostela sv. Jana Křtitele v cařihradském předměstí Ὁφεῖα.

K. Lehmann: Ein Reliefbild des Heiligen Artemios in Konstantinopel. (str. 381–384). Je dnes v cařihradském předměstí

Balat v arménském kostele archanděla Mi-
chaele. Popis a studie.

Nikos A. Bees: (Βέης): Weiteres zum
Kult des heiligen Artemios. str. 384 až
385). Doklad z r. 1077; popis obrazu obsa-
hujícího i sv. Artemia. Dnešní stopy tohoto
kultu.

N. Γ. Γιαννόπουλος: Ἐπιγραφὰὶ ἐν
Φθιωτίδων Θηβῶν Θεσσαλίας τῶν
πρώτων χριστιανικῶν αἰώνων. (str.
386–394). Popis a přepis 18 nápisů z trosek
dvou velkých chrámů z V.–VI. st. po Kr.
v městě Νέα Ἀγχιάλος.

H. A. Buk: Kleine Beiträge zur Kennt-
nis des deutschen Philhellenismus.
str. 395–401).

Recense: (str. 175–236, 402–425).

Bibliografie a zprávy. (str. 237–240, 426 až
456).

BYZANTINISCH-NEUGRIECHI-
SCHE JAHRBÜCHER II. *Zweiter Band*.
Jahrgang 1921. Berlin-Wilmersdorf 1921.

E. Richtsteig: Himerios und Platon.
(str. 1–32).

Nikos A. Bees (Βέης): Der griechische
Kodex 29713 des British Museum.
(str. 32). Metropole, o níž je řeč v tomto evan-
gelním kodexu, je Xanthe v Thracii.

L. Castiglioni: Intorno a Quinto Smir-
neo. (str. 33–52).

Nikos A. Bees (Βέης): Zu einem Epi-
gramme des Kodex Marcianus Grae-
cus 524. (str. 52). Text. poznámka.

P. Maas: Zur Datierung des Grego-
rios von Korinth. (str. 53–55). Žil pravdě-
podobně v X. nebo XI. st.

R. Ganszyniec: Studien zu den Kyra-
niden. (str. 56–65; pokračování části obsa-
zené v I. roč. str. 353–367).

Στ. Ξανθοῦδίδης: Διορθωτικὰ εἰς
τὰ κρητικὰ δρώματα. (str. 66–86). Tex-
tová a literární kritika.

R. Ganszyniec: Zu einer Defixion (Pa-
pyrus Hawara 312). (str. 86).

H. Niedermeyer: Die Interpolation der
Consuetudo regionis in Lex 19 C. 4,

65. Ein Beitrag zur Geschichte der byzanti-
nischen Rechtswissenschaft. (str. 87–97).
Interpolace je byzantská, jejím duševním
původcem je ten, jehož učení obsahuje: Tha-
leleus.

E. Stein: Eine gefälschte Urkunde aus
dem Rechtsstreit zwischen Aquileia
und Grado. (str. 98–111). Listina, již vydal
E. Besta v Studi giuridici in onore di Carlo
Fadda IV (1906) z papíru Tomasa Diplova-
taccia a jež představuje nařízení císařů Lva
Isaurského a Konstantina V. patriarchátu
v Gradu, je falsum. Souvisí s hierarchickými
boji mezi Gradem a Aquileí, již je přisouditi
vyrobení tohoto falsifikátu v době mezi léty
967/68–1024, spíše blíže po r. 1009, a to pro
časové potřeby politické.

O. Wulff: Ein Rückblick auf die Ent-
wicklung der altchristlichen Kunst.
(str. 112–149, 344–378). Křesťanské malíř-
ství doby pokonstantinské (do VII. st.) se
zřetelem k ranému křesťanskému umění
vůbec a jeho námětům. V první části proti
v. Sybelovi dokazuje, že vlivy, jež postupně
působily na nejstarší vrstvu křesťanského
umění, jemuž kolébkou byla Alexandrie,
byl vliv řecký, antiošský a jeruzalémský.

R. Berliner: Ein frühchristlicher Aga-
pentisch aus Konstanz. (str. 150–153.)
Vyobrazení, popis a výklad. Stůl, byl původně
umístěn v hrobce neznámého mučedníka Ti-
mothea.

R. Ganszyniec: Zu den magischen For-
meln. (str. 153). ΑΣΦ. ΤΥΧΑ = ἀσφα(αλεί-
ας) <ἐ> τύχ<η>σα.

Johann Georg: Die Fresken im Nart-
hex der Kirche des Klosters Mendeli
(Penteli) in Attika. (str. 154–156). Blízko
Athen; asi z r. 1650.

G. N. Hatzidakis: Zum θάρρος, θαρ-
ρῶ—θάρος, θαρῶ. (str. 157–158).

Nikos A. Bees: (Βέης): Byzantinisches
über Spartakus. (str. 158). „... ἀτιπό-
τατος Σπάρτακος“, praví Michael Psellos.

Nikos A. Bees (Βέης): Übersicht über
die Geschichte des Judentums von
Janina. (Epirus). (str. 159–177). Od prv-

ních zpráv do doby současné. Bulharským carem Janem Asěnem II. zajatý Theodoros Komnenos měl býti r. 1230 z carova rozkazu oslepen židy.

A. Deissmann: Tobias. (str. 275–276). V 5. kap. první knihy Makkabejských. Je to jméno osobní.

A. Jacoby: Das Bild vom «Thor des Lichtes». (str. 277–284).

N. Bonwetsch: Die Vita des Theodor, Erzbischofs von Edessa. (str. 285–290). Obsahá dokumentární hodnotatého legendy. Bez použití staroslovanského překladu vydal J. Pomjalovskij, Spb. 1892.

R. Ganszyniec: Zu Ps.-Theodorus Priscianus. (str. 290). 314, 33 magická formule proti bolení hlavy (Banypise). Výklad.

E. Kurtz: Hagiographische Lesefrüchte. 1–4. (str. 291–302). Kritické poznámky k řeckému textu čtyř nověji vydaných hagiografických památek.

P. Maas: Leon Philosophos und Kallimachos. (str. 302).

C. M. Kaufmann: Altchristliche Frauenvotivstatuetten der Menasstadt und ihre paganen Vorbilder. (str. 303–310).

H. Achelis: Die Madonna in Priscilla. (str. 311–318). Je to obraz profanní.

J. Ficker: Der Bildschmuck des Baptisterium Ursianum in Ravenna. (str. 319–328). Popis. Vztah mezi rozvržením a výzdobou chrámu a liturgickými účely, k nimž byl určen.

H. Stocks: Die Magierminiaturen des Cod. Med. Pal. 387, die literarische Überlieferung und der «Orientalische Typus». (str. 329–343). Srovnávací historický výklad mesopotamských tříkrálových miniatur z r. 1299. Výtvarná východní tříkrálová tradice představuje skutečně samostatný typ.

P. Maas: Nonnos Dionysiaka 47, 356. (str. 343). Textově kritická poznámka.

E. Becker: Die altchristliche Hirtenstatuette in Catania. (str. 379–388). V tamějším museu. Běžný typ určení dekorativního: Otázky původu autor přesně neřeší.

V příloze popis dvou dalších sošek Dobrého Pastýře: v Athénách a v Petrohradě.

R. Günther: Der älteste Zyklus des Drachentöters St. Georg. (str. 389 až 412). Je na románském portálu kostela německé vsi Grossen Linden u Giessenu. Byzantský vliv; počátek XIII. st.

G. Stuhlfauth: Der algerische Danielkamm und der Berliner Danielstoff. (str. 413–427). První je z V., druhá ze VI. st.

J. Sauer: Der illustrierte griechische Physiologus der Ambrosiana. (str. 428 až 441). Popis a zhodnocení výtvarné části. Autor ji řadí do sféry západní; byzantských vlivů málo, XIII. st.

M. Papadopoulos: Eine unedierte byzantinische Bleibulle. (str. 441). Nalezena ve Smyrně, v autorovu majetku.

P. Mass: Nonniana. (str. 442–444).

R. Ganszyniec: Studien zu den Kyraniden. (str. 445–452).

Ch. Huelsen: Von Aufrichtung der Obelisk. Eine römisch-byzantinische Frage. (str. 453–460). Jaký je pramen anekdot o příchodu o stavění obelisku?

Recense. (str. 178–223, 461–493). M. j.:

J. Bidlo, Kultura byzantská, její vznik a význam. Praha 1917. (*M. Paulová*, str. 466–468).

E. Oberhummer: Die Balkanvölker. Wien 1917. (*J. Sölch*, str. 407–409).

Bibliografie a zprávy. (str. 224–272, 494 až 496).

BYZANTINISCH-NEUGRIECHISCHE JAHRBÜCHER, *Dritter Band*. Jahrgang 1922. Berlin-Wilmersdorf 1922.

V. Gardthausen: Die Namen der griechischen Schriftarten. (str. 1–11.) Historie písmové terminologie u autorů řeckých a byzantských.

Ed. Kurtz: Zu Georgios Pisides. I. Die historischen Gedichte des Georgios Pisides. (str. 12–14.)

Nikos A. Bees (Βένης): Die griechisch-sizilische Urkunde vom J. 1218. (str. 14.)

L. Baffetti: Di Peanio traduttore di Eutropio. (str. 15–36).

R. Ganszyniec: Galen und Ps.-Theodor s Priscianus. (str. 36.) Zařikadla proti nespavosti.

O. Schissel v. Fleschenberg: Studien zum Στάσεις—Kommentar des Paris. gr. 3032 fol. 122—127. (str. 37—48.)

P. Maas: Ein byzantinischer Mimus? (str. 48.) Vespisech Psellových.

A. Michel: Der Autor des Briefes Leos von Achrida. Eine Väterversammlung des Michael Kerullarios. (str. 49—66.) Věsvém listu Janu z Trani Λέων, ἀρχιεπίσκοπος Βουλγαρίας byl mluvčím patriarchy Michaela Kerullaria. V rozkolu z let 1050—1054 není tento list starší jara 1053; otázku ἀζυμα—σάββατον μαγοφαγία považuje autor za nestarší byzantský pramen tohoto schismatu.

G. Cammelli: Demetrii Cydonii orationes tres, adhuc ineditae. (str. 67—76.) Otiskuje zde z nich jednu: k císaři Janu Kantakuzenovi řeč první.

Ed. Kurtz: Zu der Ansprache Tamerlans. (str. 77—79.) Textové kritické poznámky.

P. Maas: σιληποροθεῖν (str. 79) = τρυφᾶν.

P. Maas: Ein Romanos-Zitat auf einer Kappadonischen Inschrift. (str. 80.)

P. Jernstedt: Mittelgriechisches und Zakonisches. (str. 81—89.) 1. Mgr. κρούω καὶ λαμβάνω 2. Mgr. δαμίν. »einwenig«. 3. Zakonisch Kambží »Kind«.

W. Lüdtke: Armeno-Graeca. (str. 90 až 91.) Slovníkové vztahy (sedm slov).

Nikos A. Bees: (Βέης): Zu Johannes von Antiocheia. (str. 91.) Textová poznámka.

G. Ficker: Das Epiphanius-Kloster in Kerasus und der Metropolit Alaniens. (str. 92—101.)

G. Stuhlfauth: Der Nebukadnezar des Berliner Danielstoffes. (str. 102.)

K. Lehmann-Hartleben: Archaeologisch-Epigraphisches aus Konstantinopel und Umgebung. (str. 103—119.) Das Kloster Satyrion. Plán a popis. II.

Naaly Tschiftlik. Popis zbytků jiného kláštera. 3. Byelerbey. Plán základů kostela, jenž patřil asi ke klášteru, který zde stával. IV. Eine Palaeologeninschrift Datován 1448 až 1449; z městských hradeb. V. Einzelne Architekturstücke. Hlavice arménské kostela v Eximarmare, hlavice ze zdi mosky Fereketi v Balatu, sloupová pata ze Stambulu.

Nikos A. Bees (Βέης). Keine Kirche Κοταστη[νῶν = Κοτυαέων] auf einer Grabschrift von Ikonion. (str. 119.) Opravuje dosavadní čtení.

R. Ganszyniec: Zwei magische Hymnen aus Florentiner Papyri. (str. 120.) Otiskuje je.

G. Gabrieli: Frammenti Danteschi in dialetto greco-salentino. (str. 121—129.)

P. Maas: Nonniana. (str. 130—134.)

P. Maas: πρωτογαμία (str. 134.) Předsvatební veselí. Jaký je původ tohoto zvyku?

F. H. Marshall: An unpublished translation by Jeremias Caca Yelas of an Italian work describing the siege of Vienna in 1683. (str. 135—136.)

R. M. Dawkins: Notes on the Vocabulary of the Cypriote Chronicle of Leontios Makhairas. (str. 137—155.)

P. Maas: Zu Bick, »Schreiber der Wiener griechischen Handschriften.« (str. 156—157.) Recense.

N. Bănescu: Encore une fois sur Makarios Kalorites. (Καλὸν Ὅρος = Ἀγιον Ὅρος). (str. 158—160.) Jméno Kalorites je odvozeno od druhého epitheta Athosu: καλὸν Ὅρος.

Nikos A. Bees (Βέης): Die Evangelienhandschrift der Metropolitankirche zu Janina. (str. 160.) Pisařem rukopisu je pozdější (od r. 1605) myrský metropolita Mathaios Pogonianos.

Nikos A. Bees (Βέης): Die Bleisiegel des Arethas von Kaisareia und des Nikolaos Mesarites von Ephesos. (str. 161—162. (Arethas 850—932; N. Mesarites od r. 1211/12 arcibiskupem efesským.

P. Maas: Zum Wortakzent im byzantinischen Pentameter. (str. 163/164.)

R. Ganszyniec: *Magica* (zu Audollents *Defixionum Tabellae*). (str. 164.) Textová poznámka.

Nikos A. Bees (Βέης). Ein politisches Treubekenntnis von Benedictus, dem römisch-katholischen Bischof von Kefalonia. (1228). Maiovi Orsini, pánu ἐν τῇ νήσῳ Κεφαλληνία καὶ τῇ Ζακύνθῳ.

P. Jernstedt: Mittelgriechisches und Zakonisches. (str. 263–272.) (Mittelgriechisches πελάζομαι 5. Zakonisch písama «Flick».)

K. Preisendanz: Zwei griechische Schatzzauber aus Kodex Parisinus 2419. (str. 273–281.)

Στ. Ξανθοῦδιδης: Εἰς τὸ περὶ τῆς Ἀλώσεως τῆς Πάρου (1537) θημῶδες ἄσμα. (str. 281.) Text. krit. pozn.

W. Larfeld: Ein verhängnisvoller Schreibfehler bei Eusebius. (str. 282–285.)

Nikos A. Bees (Βέης): «Bambacorati-us», ein Beiname des Kaisers Alexios III. Angelos (1195–1203). (str. 285 až 286.) A nikoliv Alexia Murtzuphla; Bambacoratus = Βαμβακοράβδη.

N. Bănescu: Les premiers témoins byzantins sur les Roumains du Bas-Danube. (str. 287–310.) Na konci XI. st. existovala v krajině přibližně dnešní Dobruždi státní organisace rumunská, Paristrion, pohraniční knížectví, patřící k říši byzantské a založené pravděpodobně po zničení bulharské říše Samuilovy. Autor sleduje dějiny Paristria až do zániku dynastie Komnenů a zabývá se hlavně národnostním určením jeho obyvatelstva: dochází k závěru, že ve směsici národů tam kulturně, hospodářsky i mocensky převládali Rumuni. Obdobný stav trval v této ktajině již na konci st. X. V autorově materiálu poznámky, týkající se Slovanů, hlavně ovšem Bulharů.

A. Allgeier: Der Ursprung der griechischen Siebenschläferlegende. (str. 311 až 331.) Syrský.

Ed. Kurtz: Zu Demetrios Kydonés. (str. 331.) Text. poznámka k vydání jeho řeči k císaři Janu Kantakuzenovi.

O. Schissel v. Fleschenberg: Studien zum Στάσεις—Kommentar des Paris. gr. 3032 fol. 122–127. (str. 332.)

P. Maas: Alexandros von Nikaia. (str. 333–336.) Ke korespondenci tohoto profesora rhetoriky v Byzanci za času Konstantina Porfyrogenneta; seznam Alexandrových adresátů a část listu Λέοντι μητροπολιτη Σάρδεων. Maas se domnívá, že jde asi o intriky proti patriarchovi Theofylaktovi. Léta 945–955.

Ed. Kurtz: Zum Fürstenspiegel des Nikephoros Blemmydes. (str. 337–340.) Kritika vydání textu, text. krit. pozn.

Ed. Kurtz: Zu den magischen Hymnen aus Florentiner Papyri (str. 340.) Koriguje text str. 120.

Nikos A. Bees (Βέης): Markos Eugenikos von Ephesos und die Siebenschläferlegende (str. 341.) Tento efesský metropolita († okolo 1443) má ve svém epigramu jen 3 spíci, v souhlasu ostatně s efeskou tradicí, v níž legenda žije ještě dnes.

H. Sköld: Zwei Worterklärungen (τόχτι, τζικούρια) (str. 341.) Ke str. 90–91.

V. Gardthausen: Hippodrom und Velum in Konstantinopel (str. 342–350.) Výklad olovené pečeti ze sbírky Sorlin-Dorigny. Administrativa hippodromu.

B. A. Μυστακιδης: Ὁ μεμβροάνικος Κῶδις ὑπ' ἀρ: 244 τοῦ ἐν Κ. Πόλει ἱεροῦ Μετοχίου τοῦ Παναγίου Τάφου (str. 351–359.) Doplnjuje a koriguje popis Kerameusů a jeho údaje; kodex klade do poloviny XII. st., poslední jeho čtyři listy do IX. st. Uvádí Πίναξ ἀληθῆς τῶν λόγων τοῦ βιβλίου (φ 1–3): Μὴν σεπτέμβριος; μὴν νοέμβριος; μὴν Δεκέμβριος, kde v některých případech zaznamenává, kde texty ty byly již publikovány; obsah vesměs hagiografický.

K. Lehmann-Hartleben: Zu den Mauern von Konstantinopel (str. 360–361.)

G. N. Hatzidakis: Über einige neugriechische Adjektiva wie ὁ βρόμος, ὁ χρύς, ὁ σπλήνης und dergleichen (str. 362–363.)

Nikos A. Bees (Βέης): Zu einem Ge-

dicht des Michael Akominatos (str. 363.)

Nikos A. Bees (Βέης): Geschichtliche Forschungsergebnisse und Mönchs- und Volkssagen über die Gründer der Meteorenklöster (str. 364–403.)

F. H. Marshall: An unpublished contemporary Greek Manuscript describing Hypsilanti's Campaign in Roumania in 1821 (str. 404–405.)

Recense (str. 177–203, 406–443.) M. j.: F. Haase: Die religiöse Psyche des russischen Volkes. Leipzig u. Berlin 1921. (F. Wiercinski, str. 202–203). Ch. Diehl, Le Tourneau, H. Saladin: Les monuments chrétiens de Salonique. Paris 1918. (G. A. Sotirion, str. 440–443.)

Bibliografie a zprávy (str. 204–262, 444–448.)

BYZANTINISCH-NEUGRIECHISCHE JAHRBÜCHER. *Vierter Band. Jahrgang 1923. Berlin-Wilmersdorf 1923.*

G. Roblfs: Dorische Sprachtrümmer in Unteritalien (str. 1–4.)

E. Peterson: Zu griechischen Asketikern. I. Zu Euagrius Ponticus (str. 5–8.)

S. S. G. Mercati: Kaloritès est-il synonyme de Hagioritès? (str. 9–11.) *Není.*

Th. Linschmann: Zum Namen Ἀρχιπέλαγος (str. 11.) Ζ ἀρχιπέλαγος = bíle (Egejské) moře.

P. Maas: Nonniana (str. 12–13.)

P. Maas: δομοκήρυξ (str. 13.)

R. Kevdell: Zu Nonnos (str. 14–17.)

G. Roblfs: Zum Worte «nasída» (str. 17.)

L. Castiglioni: Studi intorno ai romanzi greci. Il Achille Tazio (str. 18–50.)

Ed. Kurtz: Emendationsvorschläge zu den Gedichten des Manuel Philes (str. 51–76.)

Nikos A. Bees (Βέης): Eine unbeachtete Quelle über die Abstammung des Kaisers Basilio I., des Mazedoniers

(str. 76). Jeto Lazaropulovo vypravování zázraků sv. Eugenia (1350?). Basilio I. podle tohoto pramene „πατρίδα μὲν ἔσχε τὴν χαριούπολιν, πόλιν οὖσαν Μακεδονίας.“

G. Gammelli: Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum imperatorem oratio altera (str. 77–83.) *Otiskuje.*

E. Becker: Zu den am Rhein, in Trier u. in Vermand gefundenen altchristlichen Bronzereliefs (str. 84–92.)

Nikos A. Bees (Βέης): Eine Dedikation des Dichters der «Schönen Schläferin» (str. 92.)

N. I. Γιαννόπουλος: Ὁ ἐν Γραλίστῃ (παρὰ τὴν Καστορίαν) Βυζαντιακὸς ναὸς καὶ τὸ ἐν αὐτῷ ξύλινον ἀνάγλυφον τοῦ Ἀγ. Γεωργίου (str. 93–95). Popis kostela i dřevěného reliéfu τὸ ὅλον σώμα μετὰ τῆς κεφαλῆς ἔῃχει πολὺ ὑπερθυμίζων τὰ ἀρχαῖα ἀνάγλυφα τοῦ Δ' καὶ Γ. π. X. αἰῶνος. Přirozenost a životnost.

F. H. Marshall: A manuscript of Georgios Chumnos, and a world-chronicle (str. 96–100.)

N. A. Bees (Βέης): Der hl. Philothee Benizelos aus Athen. Vulgäverse an die Madonna (str. 101–103.)

S. Poglayen-Neuwall: Ein Sarkophagerelief mit der Geburt Aphroditens in einer Handzeichnung des ausgehenden Quattrocento (str. 104–106.)

Nikos A. Bees (Βέης): Darstellungen altheidnischer Denker und Autoren in der Kirchenmalerei der Griechen (str. 107–128.)

F. H. Marshall: The Greek original of the Slavonic Palaea Interpretata (str. 257–264). Harl. 5742 Brit. Mus., obsahující prosaickou světovou kroniku od stvoření světa do r. 1571, obsahuje podle vši pravděpodobnosti značné části ztraceného řeckého originálu slovanské Tolk. Paleji. Pro svůj důkaz autor cituje několik míst řeckého textu; na text ruský vždy jen odkazuje do díla Tichonravova (Сочинения).

Nikos A. Bees (Βέης): Ein mittelhellenisches Sprichwort (str. 264). ὁ μὴ ἔχων

ἐπὶ τούτοις ἐπώλει, καὶ ὁ μὴ φρονῶν ἡγόραζε (z r. 1401).

P. Maas: Nonniana (str. 265–269).

R. Ganszyniec: Zur Apocalypsis Anastasiae (270–276).

Ed. Kurtz: Hagiographische Lese-früchte 5–6 (str. 277–281.) Pokračování ve stati II. ročníku str. 291–302. 5. Abicht und Schmidt, Quellennachweise zum Codex Suprasliensis III. Viz Archiv für slav. Philologie XVIII (1896) 138–192. Textové kritické poznámky k řec. textu.

G. Cammelli: Demetrii Cydonii ad Ioannem Paleologum imperatorem oratio (str. 282–295). Otiskuje řecký text.

M. Bauer: Inschriften auf frühchristlichen Tonlampen unter besonderer Berücksichtigung der Inschrift »Das Licht Christi scheint allen« (str. 296–300). Lampové nápisy se vyskytují hojněji na východě než na západě; jsou ze IV.–VI. st. po Kr. Autor je otiskuje, uvádí naleziště, majetníka a literaturu. I. Widmungen und Wünsche. II. Bekennnisse, liturgische Formeln und Bibelsprüche. III. Namen von Engeln, Aposteln, Bischöfen, Anachoreten und Heiligen. Výčet jedenácti vesměs v Malé Asii autorem nalezených lamp.

H. Buk: E. Geibel und das neugriechische Volkslied (str. 301–327).

S. G. Mercati: Nota ad Alexandros von Nikaia. (B.-Ng. Jb. III 336; IV 13) (str. 327.) δομοκηρῶνων, μεναλίων.

A. Hofmeister: Stammreihe der Herzöge von Amalfi aus dem Hause des Muscus comes (str. 328–339).

J. H. Mordtmann: Prusa (str. 339–340).

Στ. Π. Κυριακίδης: Περὶ τῆς λέξεως κυρ Κατῆς. (str. 341–344.) Místo ὁ Κυρ Κατῆς. jež četl Sp. P. Lambros (B. Z. 1894, 165–6).

W. M. Ramsay: About an Christian Inscription of Iconium. Letter to the Editor (str. 344–345). K B.-Ng. Jb. III 119; další korektura.

J. H. Mordtmann: Die erste Eroberung von Athen durch die Türken zu Ende des 14. Jahrhunderts (str. 346 až 350). V r. 1397, přechodně.

N. A. Bees: (Βέης): Prosopographisches, Hagiologisches und Kunstgeschichtliches über den hl. Bessarion, den Metropolit von Larissa († 1540). Zur Kirchengeschichte Thessaliens im 15.–16. Jahrhundert (str. 351–400). Bessarionovo dílo a církevní dějiny larisské až do r. 1569.

Recense (str. 129–161, 401–424). M. j.: Igor Grabar, »Theophanes der Grieche«, Abriss aus der Geschichte der altrussischen Malerei (Kasan 1922) J. Strzygowski, str. 153–158).

Bibliografie azprávy. (162–256, 425–428.)

BYZANTINISCHE-NEUGRIECHISCHE JAHRBÜCHER. Fünfter Band. Athen 1926, 1927.

An unsere Leser! Přesídlení redakce z Berlína do Athen.

W. Ensslin: Maximinus und sein Begleiter, der Historiker Priskos (str. 1–9).

F. H. Marshall: The Chronicle of Malaxos (str. 10–28). Poměr této kroniky k Biblion Historicon »Dorothea« z Monembasia a k textu, jež Malaxos přeložil pro Turcograeciae libri octo Martina Curtia (cařihradský patriarchát 1454–1577). Malaxos užíval štedře svých pramenů, jež jej spojují s Dorotheem, není však otrocký opisovač: vybírá osobitě ze svých pramenů a snaží se své informace prohloubiti; doplňuje je zejména cařihradskými údaji topografickými a údaji týkajícími se cařihradského patriarchátu. Některé tyto úchytky Marshall cituje; mezi nimi je také líčení způsobu, jímž Krum uprostřed svého vojska slavil vítězství nad Nikeforem I.

Π. Γ. Ζερλέντης: Ἀθανάσιος ὁ Ἰμβρου (str. 29–35.)

W. Larfeld: Bischof Papias ein urchristlicher Stenograph? (str. 36–41.)

P. Jenstedt: Zum Strategikon des Kekaumenos (str. 42–43). Textové kritické poznámky † V. Jernstedta.

† *Ed. Kurtz:* Ein Gedicht des Sebastokrator Isakios Komnenos. (str. 44–46.)

† *Ed. Kurtz:* Zu Theodoros Prodromos. (str. 47.) Textová kritika.

G. Cammelli: Demetrii Cydonii sententiae variae. (str. 48–57.) Otiskuje.

† *Ed. Kurtz:* Zur zweiten Rede des Demetrios Kydones auf den Kaiser Joh. Kantakouzenos. (str. 58.) Kritické poznámky k textu.

P. Heseler: Zum λόγος auf das Konzil von Nikaia und auf Konstantin den Grossen. (str. 59–62.)

Ἐ. Πεζόπουλος: Παρατηρήσεις εἰς παπύρους, Ἑλληνας ἱατροὺς καὶ Βυζαντιακοὺς συγγραφεῖς. (str. 63–75.)

Γ. Π. Ἀναγνωστόπουλος: Ἑτυμολογικά. (str. 76–78.)

G. N. Hatzidakis: Randbemerkungen. (str. 79.) Slovníkové.

L. Rademacher: Zu einer Hesychglosse. (str. 80.)

J. B. Papadopoulos: Les ruines de l'Île d'Antigoni. (str. 81–88.)

Π. Κοντογιάννης: Γράμμα τῆς κοινότητος τῆς Βενετίας πρὸς Γεώργιον Κορέσσιον καὶ ἀπάντησις αὐτοῦ. (str. 89–96.)

V. Benešević: Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei (De Cer. I. II. c. 52) und nach den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert. (str. 97–167.)

Ernst Maas: Spät-mittel und neu-griechische Miszellen. (str. 168–186.) 1. Reda. 2. Σκυράδες. 3. Sisypheos. 4. Adrastos von Drus. 5. Neraiden.

H. Achelis: Das älteste Kruzifix. (str. 187–197.) Polemika s Beckerovým článkem v I. roč. 151–157. Je to symbol ukřizování Krista.

Σ. Β. Κουγέας: Κῶδιξ τοῦ πατρικίου Σαμωνᾶ (μεθ' ἐνὸ) πανομοιοτύπου. (str. 198–204.) Obsahuje knihy starozákonní. Jeho popis, osoba majetníkova. Kodex je datován 914.

P. Maas: Zum Archetypus der Handschriften des Kallimachos. (str. 205–211.)

Μ. Τριανταφυλλίδης: Ἡ γενικὴ τῶν ὑποκοριστικῶν σὲ-ἀκι καὶ τὸ νεοελληνικὸ κλιτικὸ σύστημα. (str. 273–306.)

Μ. Τριανταφυλλίδης: Ὁ τονισμὸς τῆς γενικῆς τῶν προπαροξυτόνων ἀρσενικῶν σὲ-ος καὶ οὐδετέρων σὲ-ο. (str. 307–322.)

Natalie Tarasoff: Die heilige Dreieinigkeit von Andrei Rubljoff. Eine ikonographische Studie von M. Alpatoff. (Gekürzte Übersetzung aus dem Russischen. (str. 323–339.) Vzory této ikony vedou do Byzance, na niž ukazuje zejména její centrální řešení, jež se ve XIV. st. v Byzanci a Itálii vyvinulo v nový paleologovský typ, vzniklý z prvků hlavního města i provincií východních (Malé Asie, Syrie), tak důležitých pro výtvarný vývoj ruský. Tento typ, nemyslitelný za doby Komnenů, je charakterisován snahou po kompoziční jednotě a kruhovou disposicí. R. ikona představuje osobité pokračování byzantského kompozičního vývoje na půdě ruské: tam je prvním krokem k vývoji ruského malířství ikon, jež se v XV. a XVI. st. rozvinulo v umění s charakterem skutečně národním.

P. Maas: Epigramm auf einem Stück spätbyzantinischer Klein-kunst. (str. 341.)

W. Enslin: Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis. (str. 342–347.)

Στεφ. Εανθουδίδης: Διορθώσεις καὶ ἐρμηνεῖαι εἰς Διήγησιν παιδιόφραστον τῶν τετραπόδων ζώων. (str. 348–370.)

M. Lascaris: Nicht τραβίτσα son-

dern στράβιτζα (slav. zdravica). (str. 370.) F. H. Marshall B.-Ng. Jb. V. 15 citoval z kroniky Maxalovy místo líčící, jak Krum po vítězství nad císařem Nikeforem si učinil z lebky svého poraženého protivníka číši, načež při veselí ve vojsku λέγουν τράβιτζα και είναι βουλγαρικός λόγος και έμνηνέεται εις την νίκην μας και εις την χαράν μας. Slovo τράβιτζα vyložil Marshall jako transkripci rus. храбритьсѧ. Lascaris ukazuje, že jde o slovo zdravica, jež mělo být spíše psáno στράβιτζα.

R. Dawkins: The Greek Dialect of Cargese and its Disappearance. (str. 371–389.)

R. Keydell: Zu Nonnos. (str. 380–389.)

† Ed. Kurtz: Zum Leben des hl. Theophanes von Methodios. (str. 390–396.) Textově kritické poznámky k vydání Latyševovu.

O. Schneider: Eine Giessener Handschrift des Theophilos Korydal-leus. (str. 397–411.)

E. Peterson: Zu griechischen Asketikern II. Noch einmal Euagrius Ponticus. (str. 412–418.)

Σ. Μενάρδος: Κωνσταντῖνος Ὁ ὁδῖος. (str. 419–422.) Jeho život a básně. Po nastoupení Romanav Byzanci byl pověřen diplomatickým posláním: sjednáním dohody, o níž žádali z Bulharska, se synem Petra bulharského. Výsledkem této dohody byl sňatek Romanovy vnučky Marie s carem Petrem.

Recense. (str. 212–266, 424–493.) M. j. G. Millet, L'ancien art serbe, Les églises. Paris 1919. (J. Strzygowski, str. 432–436); Bogdan D. Filov, Starobulgarskoto Iskustvo. L'ancien art bulgare. Sofia 1924. (Emmy Haertel, str. 436–441); André Grabar, L'Eglise de Boïana. Sophia 1924 (J. Strzygowski, str. 441–442).

Bibliografie a zprávy. (str. 267–272, 494 až 504.)

BYZANTINISCH-NEUGRIECHISCHE JAHRBÜCHER. Sechster Band. 1. und 2. (Doppel-) Heft. Athen 1928.

W. Achelis: Das Gefängnis des Paulus in Ephesus (str. 1–18).

R. Keydell: Zu Nonnos (str. 19–24).

J. List: Zwei Zeugnisse für die Lobrede bei Gregor von Nazianz (str. 25–31).

A. Haghimichali: L'art populaire grec. L'île d'Icarie. La maison rurale (str. 32–51).

F. H. Marshall: Two liturgical manuscripts recently acquired by the British Museum (str. 52–59). Add. 41, 330. První obsahuje pohřební obřad za kněze a evangelní a epistolové úryvky, je neúplný, snad ze XVII. st., druhý je euchologion, rovněž neúplné, snad z XV. st. Nejzajímavější na obou rukopisech jsou podle autora postranní poznámky euchologia; obsahují údaje o osudech rkp a údaje kronikové. Marshall uvádí některé úryvky a vykládá některá místa.

Θ. Θ. Βελιαντίης: Περί τῆς δημοσιονομικῆς καταστάσεως τῶν Παξῶν ἐπὶ Ἑνετοκρατίας καὶ μὲχρι τοῦ 1803 (str. 60–76).

A. Kousis: Contribution à l'étude de la médecine des zénons pendant le XV^e siècle, basée sur deux manuscrits inédits (str. 77–90).

A. Kousis: Das Fragment: »Quo modo debes visitare infirmum« und seine Anhängigkeit von Werke des Paulus Nicaeus. (str. 61–94).

P. Heseler: Zum Symposium des Methodios. I. Überlieferungs- und Textgeschichtliches (str. 95–118). U příležitosti vydání Bonwetschova.

G. V. Vernadskij: Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im XVII. Jahrhundert (str. 119–142).

Za caesaropapistickou praxí Byzance stály dvě protichůdné teorie o poměru světské a duchovní moci: teorie potvrzující skutečný stav a drasticky vyjádřená Lvem Isaurským („Βασιλεὺς καὶ ἱερεὺς εἰμι“), a teorie opačná, hlásající a hájící diarchie, nedlouhou nato

(koncem IX. st.) vyložena v t. zv. Epanagoze. Tato druhá koncepce se uplatnila v dějinách ruské církve za patriarchů Filareta (patriarchou 1619–1634) a Nikona (patr. 1652 až 1658), za prvního především snad jako výsledek temperamentů energického patriarchy a slabého prvního Romanovce a jejich poměru otce a syna, za druhého přímo pod vlivem Epanagogy a její ideologie. Nikon, jenž o sobě prohlásil: »Jsem Rus a syn Rusa, ale má víra a mé přesvědčení jsou řecké«, přejal byzantskou teorii diarchie a po 6 let svého patriarchátu ji uplatňoval nejen v církevním životě Ruska, nýbrž i v jeho životě světsky politickém. O Epanagogu m. j. se doslovně opřel při svém výkladu o podstatě moci patriarchovy v polemice, k níž došlo po jeho prudkém rozchodu s carem. Tento vášnivý konflikt světské a duchovní moci byl v Rusku rozřešen návratem k praxi předfilaretské. Může se zdát paradoxní, že pravoslavní řečtí patriarchové, kteří se zúčastnili sněmu, jehož rozhodnutím byl Nikon odsouzen, odsoudili toho, jenž usiloval o provedení řeckých církevně-politických ideálů. Vernadskij vidí částečné vysvětlení v tom, že řečtí patriarchové nechtěli snášeti autokratického a chvílemi tvrdého primátu Nikonova, ač v osobě cara Ruska byli v XVII. st. ochotni viděti císaře všech pravověrných a dědice císaře byzantského.

V. Benešević: Nachträgliches zu byzantinischen Ranglisten (str. 143–145.)

W. Ensslin: Die Ostgoten in Pannonien (str. 146–159).

Α. Ὁρλάνδος: Τεμάχια τραπεζῶν τοῦ Μουσείου Ἡρακλείου Κρήτης (str. 160–163).

G. Stuhlfauth. Kleine Beiträge zur altchristlichen Epigraphik (str. 164–168).

X. Χαριτωνίδης: Εἰς τὰ Γεωποινικά. Ἐκδ. Beckh. (str. 169–182).

X. Χαριτωνίδης: Εἰς Διοσκορίθην. Ἐκδ. M. Wellmann (str. 183–193).

Recense: (str. 194–255). M. j.: Weingart Miloš, Byzantské kroniky v literatuře cír-

kevně slovanské. Část I., část II. oddíl 1. a 2. V Bratislavě 1922–1923. (J. Bidlo, str. 194 až 201); Max Vasmer, Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Leipzig 1922. (Γ. Π. Αναγνωστόπουλος, str. 250).

Bibliografie a zprávy (str. 256–368).

BYZANTINISCHE ZEITSCHRIFT. XXVIII 1. und 2. (Doppel-) Heft. 1928.

Edwin Patzig: Von Malalas zu Homer (str. 1–11). Domněnka o pramenech Iliady, jež by Homéra částečně spojovaly s Malalou.

S. G. Mercati: Osservazione alla «Apocalypsis Anastasiae» (ed. R. Homburg p. 16 1. 9.) (str. 12–13). Textově kritická poznámka.

K. Ἀμαντος: Γλωσσικά (str. 14–24).

H. J. W. Tillyard: A Canon by Saint Cosmas (str. 25–37). Otištěn zde dosud nevydaný hudební středověký text podle Heirmologia grottaferratského, napsaného kolem r. 1280.

W. Holzmann: Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I. und Papst Urban II. im Jahre 1089 (str. 38–67). Jednání vyšlo z podnětu Urbana II., jehož hlavním cílem bylo vytlačit protipapeže Klimenta III. z jeho posice na byzantském dvoře.

P. Fridolin Skutella: Ein Handschriftenfragment zu Maximus Confessor (str. 67). Koriguje některá místa Allenova opisu.

N. Bănescu: Chilia (Licostomo) und das bithynische Χηλή (str. 68–72). Dvě různá města.

G. Tschubinaschwili: Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens (str. 73–77).

W. H. Buckler: A memento of Stauropolis (str. 98–101). Bronzový kříž s textem; z r. 1172. Popis a výklad (σταυροπήγιον).

Recense (str. 102–169) m. j.: G. Bals: Biscicile lui Ștefan cel Mare. Bukarest 1926 (E. Weigand, str. 159–160); И. Рѣинов: Орнаментъ и буква въ славянскиѣ рѣкописи на Народната библиотека въ Пловдивъ. София 1925. (T. Schmit, str. 160–162).

Bibliografie a zprávy (str. 170–240).

ECHOS D'ORIENT. 31^e année 1928. Janvier-Mars 1928.

V. Grumel: Recherches sur l'histoire du monothélisme (str. 6–16).

M. Jugie: La doctrine du caractère sacramentel dans l'Eglise gréco-russe. (str. 17–23). Sleduje otázku od schismatu do současnosti.

V. Laurent: Une nouvelle inscription grecque de Chalcédoine (str. 24–44). Z konce III. st. př. Kr.

E. Goudal: Les Eglises russes (str. 45–67). Od moskevského koncilu r. 1917 až 1918.

V. Grumel: Macaire, patriarche grec d'Antioche (1647–1672) (str. 68–77).

S. Salaville: Le II^e Congrès international d'études byzantines à Belgrade (str. 78–110).

P. Sbath: Manuscrits orientaux de la bibliothèque du R. P. Paul Sbath (suite). Číslo DLXXXVIII-DCXXVI. (str. 111–116).

Bibliographie (str. 117–128). Jsou to recenze; mezi nimi: Recueil en l'honneur de Basile N. Zlatarski à l'occasion de sa trentième année d'activité scientifique et professorale. (En bulgare). Sofia 1925. (V. Grumel, str. 118–120).

AVRIL-JUIN 1928. S. Salaville: Mgr. Louis Petit (str. 129–137). Nekrolog.

R. J. et V. G.: Ecrits de Mgr. Louis Petit (str. 137–144).

G. de Jerphanion: A propos du calice d'Antioche. Art chrétien primitif ou art byzantin? (str. 145–162). Autor volí druhou eventualitu; pohár je z konce V. nebo poč. VI. st.

L. Petit: La vie et les oeuvres de Syméon le Nouveau Théologien (str. 163–167). Vyjde v Patrologia orientalis. (Grafin-Nau). Zde otištěna jen Introduction à la vie de Syméon le Nouveau Théologien.

E. Dallegio d' Alessio: Une nouvelle inscription génoise découverte à Galata (str. 168–174). Nápis datován 1435.

S. Salaville: Manuscrits latins de Denys Novakovitch (†1767) au monastère serbe de Grgeteg (str. 175–187). Poznámky z přednášek kijevské Duchovní akademie v letech 1730–1734 (1736?).

V. Laurent: Le question de l'union des Eglises. Bulletin historique. (str. 188–200). Recense novějších historických publikací; zřetel k církvi řecké.

R. Janin: Le millénarisme et l'Eglise grecque. (str. 201–210). Millenarismus je hnůt do Řeka importované z Ameriky po světové válce.

J. Lacombe: Chronique des Eglises orientales. (str. 211–230).

Bibliographie. Zde m. j. recense: Dvornik (F.), Les Slaves, Byzance et Rome au IX^e siècle. Paris 1927. (V. Grumel, str. 231–232). JUILLET-SEPTEMBRE 1928.

V. Grumel: Recherches sur l'histoire du monothélisme (str. 257–277).

S. Salaville: Elie Méniatès et l'Immaculée Conception (str. 278–294).

R. Janin: La fortenesse byzantine d'Aétos (str. 295–299). Dobyta Turky v r. 1327 nebo 1328. Dnešní stav.

M. Jugie: La publication des oeuvres de Georges Scholarios (str. 300–325). I. Plan général de la publication. II. Courte biographie de Georges Scholarios. III. Contenu du premier volume. — Jeto výtah z úvodu k I. sv., jenž již vyšel jako jedna z posmrtných prací arcibiskupa L. Petit za účasti autora této stati.

J. Lacombe: Chronique des Eglises orientales (str. 326–342).

P. Sbath: Manuscrits orientaux de la bibliothèque du R. P. Paul Sbath (suite) (str. 343–361). Číslo DCXXVII–DCCXXXI.

Bibliographie. (str. 362–384). Zde m. j. recense: Acta V. Conventus Velehradensis anno MCMXXVII, post S. Cyrillum natum MC. Olomucii 1927. (V. Grumel, str. 368–369); Holl (Karl): Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. II. Der Osten. Tübingen, 1927–1928. (S. Salaville, str. 372–373).

OCTOBRE-DECEMBRE 1928.

M. Jugie: Démétrius Cydonès et la théologie latine à Byzance aux XIVe et XVe siècles (str. 385–402). Výklad podaný na bělehradském kongresu byzantologickém. Část Demetriova života, jeho překlady z latiny a vliv na byzantskou theologii ve XIV. a na poč. XV. st.

S. Salaville: Epitaphe métrique de Constantin Melès, archidiacre d'Arbanon début du XIIIe siècle (ou fin du XIIe) (str. 403–416). Text a komentář, v němž zjišťuje podrobnosti o osobě arcidíakrově.

V. Laurent: Sceaux byzantins (str. 417–439). Popisuje a zkoumá nebo přezkoumává a určuje 19 různých pečeti, z nichž některé byly dotud neznámé. Svě výsledky seřadil autor v přehlednou tabulku.

V. Laurent: Bulletin critique.—Catalogues de manuscrits grecs et textes byzantins (str. 440–475). Recense některých z posledních prací předmětu tohoto se týkajících (seznam katalogů řeckých rukopisů (Schiesel), katalogy řeckého fondu knihovny vatikánské (Merchati-Franchi de Cavalieri), Chigia Borgia (Franchi de Cavalieri), kateřinské na Sinaji (Beneševič), patriarchální v Jeruzalémě (Papadopoulos-Kerameus). Kritika vydání některých byzantských textů.

J. Lacombe: Chronique des Eglises orientales (str. 476–484).

P. Sbath: Manuscrits orientaux de la bibliothèque du R. P. Paul Sbath (suite) (str. 485–493). Číslo DCCXXXII–DCCLXXVI.

Bibliographie: (str. 494–506). M. j. recenze: Uspenskij (Th.-I.) Istorija Vizantijskoj imperii, tome second, première moitié. Leningrad 1927. (*V. Grumel*, str. 504–506); M. G. Popruženko: Sinodik tsarja Borila (= Bulgarski starini, t. VIII), Sofia 1928. (*V. Grumel*, str. 500–501).

Table des matières (str. 507–512).

ECHOS D'ORIENT, 32e année. 1929. Janvier-Mars 1929.

J. Deslandes: Le mariage clandestin des Orientaux est-il valide? (str. 5–18).

V. Grumel: Recherches sur l'histoire du monothélisme. (str. 19–34).

M. Jugie: Une nouvelle vie et un nouvel écrit de saint Jean Damascène. (str. 35–41). Vita Marciana a Libellus Orthodoxiae (vyd. M. Gordillo). Autor podrobuje oba texty přísné kritice, po níž pro Libellus Orthodoxiae odmítá autorství Damascenovo; oba texty klade do XI. st.

E. Dalleggio d' Alessio: Le chevalier Cosimo Comidas de Carbognano petit fils du vénérable Der Comidas Keumurdjian (str. 42–47).

S. Salaville: Bulletin de liturgie (str. 48–83). Recense.

S. Salaville: Bibliographie ukrainienne (str. 84–91).

R. Janin: Les orthodoxes et l'Encyclique »Moralium animos« (str. 92 až 101).

Bibliographie. (str. 102–128). M. j. recenze: Ioan Bogdan, Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgara facuta pe la 1350. Text si glosar de Ioan Bogdan (†1919). Bucarest, 1922. (*V. Grumel*, str. 113–114); Zlatarski (B. N.), Histoire de l'Etat bulgare au moyen âge. t. Ier, 2e partie (en bulgare). Sofia, 1927. (*V. Grumel*, 127–128).

ИЗВЕСТИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ. 1928. Том I. Книга I.

Н. К. Никольский: К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа. (str. 1–37). Jde o místo, kde se o Konstantinovi na Chersoně praví: »...nalezl tam evangelium, žaltář пускыми (росскими) письмены psané...«. Dosavadní výklady, vysvětlující toto místo zejména tak, že slovem »ruský« je třeba rozuměti »gotský«, autor zavrhuje a celý problém, jež chce zkoumati znovu, si rozděluje na zjištění přesné významové hodnoty slov »письмена« a »русский«, o něž se opírá smysl celého úryvku. Při slově prvním dochází k závěru, že znamená abecedu, při čemž ukazuje, jak

často v tomto textu i jinde slovo »bukvy« má význam »knihy«, »biblické texty« nebo prostě »Nový zákon«. Slovu »russkij« je věnována největší část stati N. Sbírá doklady o národních jménech Slovanů jednak u Byzantů, jednak u Slovanů samých (zde užívá i pověstí o Čechovi, Lechovi, Rusovi, dotýká se řady otázek, tvořících problém cyrilometodějský, opírá se o Proglas k čteroevangeliju, jež připisuje Cyrilovi, a dospívá k závěru, že v západoslovanských pramenech, k nimž je třeba počítati i zprávu panonské legendy o ruských písmenech, slovo »Rusové« označuje jednu z větví slovanských, nikoliv Normany, a že ruskými písmeny legendy rozuměti je první písmena slovanská, s největší pravděpodobností hlaholici. To mu potvrzuje i poznámka na remešském evangeliu, kde se o hlaholici mluví jako o písmu ruském.

П. А. Лавров: Евангелие и псалтырь, „роусьскымы“ (роушкими) писмены писанные, в Житии Константина Философа. (str. 38—41). Studie o stejném předmětu jako předchozí, zastávající však stanovisko právě opačné. Lavrov, jenž vydává legendu o Konstantinovi podle 23 rukopisů, soudí, že příslušné místo v textu, vydaném Bodjanským, je doplněk, doplněk sice raný, ale s legendou samou nic společného nemající, slovo »ruský« pak že v legendě má význam »varjago-ruský« a vztahuje se ke gotskému překladu Vulfily. Zamítá předcyrilo-metodějskou existenci slovanské abecedy a slovanských překladů evangelia a žaltáře a potvrzuje tak výklad Šafaříkův.

А. В. Михайлов: К вопросу о происхождении и литературных источниках Толковой Палей. (str. 49—80). Autor cituje hlavní dvě dosavadní mínění: Šachmatov považoval T. P. za dílo Methoda nebo některého z nejbližších jeho učenníků, jež bulharským prostředím přešlo před koncem XI. st. do Ruska, kde bylo přepracováno v kolomenskou redakci; Istrin T. P. považoval za dílo ruské, jehož kolomenský exemplář představuje redakci prvopočáteční. Mezi tě-

mito dvěma názory Michajlov dochází k závěru, že T. P. vznikla v Rusku a nikoliv na Moravě ani v Bulharsku, že není starší XIV. st.; text kolomenský, jenž je z r. 1406, že je jen několikátým opisem z ruského prototypu. Autora tohoto prototypu Michajlov pak hypoteticky zjišťuje. — Přehled textové kritiky slovanského textu jednotlivých knih Starého zákona.

В. Ф. Ржиза: Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском. (str. 81 až 133).

Г. В. Варнеке: Техника Островского. 1. Прологи. (str. 134—140).

В. А. Богородицкий: Неударенные гласные в соотношении их с ударенными в словах в общерусском произношении по экспериментальным данным. (str. 141—153).

С. П. Шестериков: Из неизданных стихотворений Д. П. Горчакова. str. 154—183).

В. А. Филиппов: К вопросу об источниках комедий А. П. Сумарокова. Мольер. Итальянская комедия. Современная действительность. (str. 184—220).

П. И. Рулин: Русские переводы Мольера в XVIII веке. (str. 221—244).

С. А. Еремин: Архив акад. Ф. Ф. Фортунатова. (str. 245—249).

Е. Ф. Карский: А. В. Михайлов (некролог). (str. 250—254).

Критика и библиография obsahuje m. j. tyto recenze: **П. А. Лавров:** F. Dvorník, Les Slave, Byzance et Rome au IX^e siècle. Paris 1926 (str. 255—292); **А. В. Михайлов:** Josef Vajs, Kniha Ruth v překladě staroslovanském. V Praze 1926. (str. 292—304). **В. В. Seminarium Kondakovionum.** Сборник статей по археологии и византиноведению. (str. 304—309).

Část redakční (str. 331—334).

Том I, книга 2.

В. Н. Перетц: Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира. (strana 335—357).

М. Н. Сперанский: „Корсунское“ чудо Козмы и Дамиана. (стр. 358—375). Доклады к názoru Sobolevského (Сборн. ОРАС, т. 88, стр. 176), že „Чудо свв. Козмы и Дамиана в Корсуне“, (proměnění vody v medovinu a zpětné její obrácení ve vodu) je na rozdíl od ostatních z řečtiny přeložených zázraků těchto dvou svatých původní dílo staré ruské literatury. Je sotva mladší XIV. st., původu asi novgorodského; „Корсунский“ = »rozoruhodný«.

А. И. Соболевский: Славяно-скифские этюды. (стр. 376—390).

А. И. Соболевский: Из истории древнеславянской письменности. (strana 391—398).

І. К повести о царице Динаре. (стр. 391—395). Staroruská pověst o královně Dinaře je překlad z řeckého textu v osmistopých verších jambických běžných v pozdější době řecké literatury, na niž tam ukazují také sledy posledního politického řeckého verše a t. zv. anafory. Sob. vidí v této pověsti »jeden z plodů trapezuntsko-řecké literatury dostavší se do Ruska přes Cherson, jenž v době latinského císařství v Cařihradě tvořil část císařství trapezuntského«.

II. К Сказанию о 12 петницах. (стр. 395—396). Výklad některých míst.

III. К Слово о твари. (стр. 397—398). Slovo paisijevského sborníku je původu ruského. Označením тварь je zde rozuměti ikonu nebo fresku, zobrazující stvoření světa po starém byzantském způsobu ve formě osoby.

Н. К. Никольский: К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу. (стр. 399—457). Na svou otázku hledá autor odpověď v listě Anastasiově a legendě o Konstantinovi (Bodjanskij). Oba prameny hodnotí kriticky, váží jejich dokumentární průkaznost (redukuje tu spolehlivost Anastasiovu) a probíráje své prameny krok za krokem, snaží se v nich vyčísti odpověď na otázku, již si položil. Se značným aparátem eruditivním řeší i řadu otázek vedlejších; to pak, co na konec ze svých pramenů přijímá,

dovoluje mu jen zjištění základní tendence literární činnosti Konstantinovy: vidí v něm, jako jeho prameny, výmluvného hymnologa a panegyrika-hagiologa, nad to však nadaného a bystrého polemika a sčtělého exegeta. V těchto všeobecných hranicích radí autor hledati konkrétní díla. K statí je přiloženo vydání textu: Нѣкоего Христолюбца [наказание нѣкоего старца] къ стару брату.

А. М. Пешковский: Интонация и грамматика. (стр. 458—476).

Д. В. Айналов: Сон Святослава в Слове о полку Игореве. (стр. 477—482).

Н. В. Шляков: Боян. (стр. 483—498).

В. Ф. Ржигза: Новый вариант сказания о Лоте. (стр. 499—506).

В. В. Данилов: С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измаилов в Московском Цензурном Комитете. (стр. 507—524).

Ф. Тютчев: Проект дипломатической депеши по поводу греческих дел, составленный Ф. И. Тютчевым в 1833 году. (стр. 525—535).

Н. К. Козмин: Пушкин-прозаик и французские острословы XVIII в. (Шамфорт, Ривароль, Рюльер). (стр. 536—558).

В. И. Срезневский: О Севастопольских песнях, приписываемых Л. Н. Толстому. (стр. 559—579).

Н. П. Кашин: Два столетия юбилея. (Из истории русского языка). (стр. 580—582). Критика и библиография. (стр. 583—613).

Redakční část (стр. 614—618).

Obsah ročníku (стр. I—IV.).

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК. Том XXV, 1927. Ленинград 1928.

Ф. И. Успенский: Последние Комнины. Начало реакции. (стр. 1—23). Dějiny Byzance od smrti Manuela I. Komnénova r. 1180 do smrti Andronikovy r. 1185.

Е. Черноусов: Сирийский источник по истории Византии. (стр. 24—32).

Jde o t. zv. Kroniku Josua Stylity (Иисус Столпник). Autor sleduje osobu jejího autora a o kronice ukazuje, že byla i ve svém přepracování dokončena a uvedena ve známost bezprostředně po smrti Anastasia T., t. j. r. 518.

A. Вишнякова: Хазяйственная организация Монастыря Леивотиотиссы. (str. 33—52). Vzdělání majetku tohoto kláštera z okolí Smyrny v letech 1192—1294.

A. Якубовский: Рассказ Ибн-ал-Биби о походе Малоазийских турок на Судак, паловцев и русских в начале XIII в. (str. 53—76). R. 1221—1222; hospodářské poměry na Krymu ve XIII. st.; Sudak.

Д. Айналов: Искусство Палестины в средние века. (str. 77—86). A 3 památky italské.

Н. И. Брунов: Памятник ранне-византийской архитектуры в Керчи. (str. 87—105). Svatojanský kostel v Kerči zvlášť blízko souvisí s byzantskou architekturou v Trapezuntu; vznikl ze stejného výtvorného a dekorativního cítění, z něhož později vyrostou středobyzantské památky cařihradské, a ukazuje také na vliv muslimské architektury, jež, podle autorovy hypotézy, zanechala asi ještě i jiné stopy pod dosud neprozkoumanou štukaturou tohoto kostela, postaveného v době těsně souvisící s počátkem obrazoborectví. Autor podrobným rozбором konstruktivní techniky této památky a srovnáním s ostatními památkami byzantské architektury dochází k závěru, že kostel sv. Jana Křtitele v Kerči byl postaven v první polovině VIII. st. Maloasijský vliv na stavitelství Krymu, takto doložený od VIII. st., nezůstal bez významu pro architekturu v Rusku, kde umění doby Vladimírovy a Jaroslavovy pokračuje v této tradici.

И. И. Соколов: Новогреческая литература по византиноведению. (str. 106—153). Výtahy z článků byzantologie se týkajících v sedmi revuích. Z toho slavistu zajímat budou 4 chrysostomica a Lascarisův

referát o Weingartových Byzantských kronikách v literatuře církve slov. I—II.

И. И. Соколов: Новый русский труд по истории Византии. (str. 154—157). Jde o dílo F. I. Uspenského. Vydání došlo k první části druhého dílu, jež je věnována obrazoborectví (léta 717—867) a periodě dynastie makedonské se stálým zřetelem k dějinám slovanským a v tomto díle hlavně k dějinám cyrilo-methodějským.

И. И. Соколов: Афинская Комиссия по составлению и изданию „Исторического Словаря Греческого Языка“. (str. 158—164). Tato komise, jež existuje v Athénách od konce r. 1908, má charakter i prostředky oficiální. Jejím cílem je sestavit řecký thesaurus, jenž by obsahoval celé slovní bohatství řečtiny od prvních jejích stop do dnešní doby. Komise má svůj časopis, jenž vydává byzantský, novořecký i dialektický materiál příštího slovníku; první svazky slovníku jsou již připraveny k tisku. Článek přináší organizační a administrativní podrobnosti o komisi.

Приложение. *В. Н. Бенешевич:* Русско-Византийская Историко-Словарная Комиссия в 1926—1927 гг. Činnost této komise týkala se, jako dříve, příprav a sbírání materiálu k novému vydání slovníku Du Cangeova, studia prací Konstantina Porfyrogenneta, hospodářských a obchodních styků starého Ruska s Byzancí a východem a běžné práce spojené s vydáváním Vizantijského Vremennika a Vizantijského Kabinetu.

С. А. Жебелев: Καπάλιον. Etymologie.

A. Grabar: Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique. Paris, Belles Lettres 1928, XIII 146 pp. 28 figures 16 pl.

A. Grabar: La décoration byzantine. (Architecture et Arts Décoratifs, Collection publiée sous la direction de m. Louis Hautecoeur.) Paris et Bruxelles, G. van Oest, 1928. 43 pp. XXXII planches. — Věnuje pozornost i dekorativním památkám na území slovanském, tak v chrámu sv. Sofie v Kijevě, v ko-

stele v Bojaně u Sofie, v Kovalevu u Novgorodu, v chrámě sv. Jiří v Sofii.

Ch. Diehl: L'art chrétien primitif et l'art byzantin. (Bibliothèque de l'histoire de l'art.) Paris et Bruxelles, G. van Oest 1928. 61 pp. LXIV pl. — Slavista sáhne se zájmem po této rychle a zajímavě informující knize, jež se v kapitole o poslední renaissanci byzantského umění dotýká i sféry slovanské.

BYZANTION. *Revue Internationale des Etudes Byzantines. Tome I publié par Paul Graindor et Henri Grégoire. Paris-Liège 1924. 755 str.*

Předmluva (str. V–VIII). Byzantion bylo založeno v důsledku rozhodnutí byzantologického odboru páteho mezinárodního kongresu historických věd v Bruselu v r. 1923. Na to na bukurešťském kongresu byl zabezpečen hmotný základ nového časopisu a ustavena redakční rada, v níž jsou: Ch. Diehl, N. Iorga, G. Millet a sir W. Ramsay. Současně také bylo rozhodnuto, že první ročník bude jakýmsi sborníkem na počest 80. narozenin N. P. Kondakova; osudnou náhodou se stalo, že oslavenec zemřel ve chvíli, kdy se dotiskoval první svazek. — Program Byzantionu: bude vycházeti ve dvou svazcích ročně, bude obsahovati vedle článků původních (francouzsky, anglicky, italsky a německy) i recenze a zprávy krajské i odborné (historie, archeologie, filologie, theologie, epigrafie, numismatika, sfragistika, papyrologie) a vůbec všechny zprávy týkající se organizace a života studií byzantologických a událostí v byzantologii vůbec. Pro práce přesahující rozsah článků a pro pojednání z dějin umění, vyžadující větší formát, budou vydávány dodatky (suppléments).

J. Ebersoli: M. Nicodime Pavlovitch Kondakov (str. 1–6). Jeho život a dílo.

N. P. Kondakov: Les Costumes orientaux à la Cour Byzantine (str. 7–49). Je to kapitola z většího díla o východních a barbarských oděvech na byzantském dvoře. Je věnována zejména studiu jezdeckého kabátu $\sigma\kappa\alpha\rho\alpha\mu\acute{\alpha}\gamma\gamma\iota\omicron\nu$ (M. Vasmer vidí toto

slovo v názvu ruského selského kabátce sermiaga). V Byzantsku rovněž zdomácněl a poněkud později, ve XII. a XIII. st. přišel do módy $\kappa\alpha\beta\acute{\alpha}\delta\iota\omicron\nu$, rovněž původu barbarského; Kondakov jej spojuje s českým kabátem (frc. capote). Českému kožuchu přisuzuje také původ východní (perský).

F. M. Abel O. P.: Une mention byzantine de Sbaïta (str. 51–58).

D. Ajnalov: Un fragment d'Evangélaire du VI^e siècle de la Collection V. N. Chanenko (str. 59–74). Klasifikace zlomku desky ze slonoviny (škola syrsko-palestinská).

A. Andréadès: De la monnaie et de la puissance d'achat des métaux précieux dans l'Empire byzantin (str. 75–115).

Nikos A. Bees (Béngs): Sur quelques évêchés suffragants de la Métropole de Trébizonde (str. 117–137).

H. J. Bell: The episcopalis audientia in Byzantine Egypt (str. 139–144).

V. Benešević: Sur la date de la mosaïque de la Transfiguration au Mont Sinaï (str. 145–172).

Adrien Blanchet: Une bague d'un comte de l'Opsikion (X^e siècle?) (str. 173–176).

Louis Bréhier: Les populations rurales au IX^e siècle d'après l'hagiographie byzantine (str. 177–190).

H. Delehaye, S. J.: La Vie de sainte Théoctiste de Lesbos (str. 191–200).

Charles Diehl: Le Sénat et le Peuple Byzantin aux VII^e et VIII^e siècles (str. 201–213).

Jules Gay: Notes sur l'hellénisme sicilien de l'occupation arabe à la conquête normande (str. 215–228).

A. Grabar: Un reflet du monde latin dans une peinture balkanique du 13^e siècle (str. 229–243). V kostele v Bojaně je nástěnný portrét sebastokrassy Decislavy z r. 1259 a obraz zázraku sv. Mikuláše na moři od téhož malíře. Držení těla Decislavy. nápadně odchylné od šab-

lonových pól běžných v byzantských portrétech, typ lodí a hlavně čapky námořníků na obraze mikulášském v téže dekoraci božanského kostela ukazují na současný vliv západní. Nejde však o vliv západoevropského umění, nýbrž o vliv či odlesk západní společnosti a civilisace v Byzantsku a na Balkáně za křížáckých válek.

P. Graindor: Buste du Musée d'Athènes (str. 245–250).

B. Granič: Der Inhalt der Subscriptionen in den datierten griechischen Handschriften des 11., 12., und 13. Jahrhunderts (str. 251–272).

V. Grecu: Eine Belagerung Konstantinopels in der rumänischen Kirchenmalerei (str. 273–289). Rozbor pěti nástěnných kostelních maleb z XVI. st., znázorňujících obležení Cařihradu r. 1453, a v jednom případě, v VII. st. Na třech z nich nacházíme dosti dlouhý církevní slovanský výklad.

P. Henry: De l'originalité des peintures bucoviniennes dans l'application des principes byzantins (str. 291–303). Po pádu Byzance moldavská knížata povolávala byzantské umělce, kteří vytvořili v Bukovině, až do XVI. st., řadu děl ve slohu a podle tradic byzantských, ale s dispozicí a tematickou inspirací novou, západní, ruskou nebo domácí, moldavskou.

D. C. Hesseling: Notes critiques sur deux poèmes grecs du Moyen Age (str. 305–316).

E. Jeanselme et L. Oeconomos: La Satire contre les Higoumènes. Poème attribué à Théodose Prodrome. Essai de traduction française (str. 317–339).

G. de Jerphanion: Le cycle iconographique de Sant' Angelo in Formis (str. 341–366).

J. Laurent: Des Grecs aux Croisés. Etude sur l'histoire de l'Edesse entre 1071 et 1098 (str. 367–449).

C. Marinesco: Du nouveau sur Constance de Hohenstaufen, impératrice de Nicée (str. 451–468).

G. Mercati: Il Plutarco di Bartolommeo da Montepulciano (str. 469 až 474.)

Antonio Muñoz: Alcune osservazioni intorno al Rotulo di Giosuè e agli Ottateuchi illustrati (str. 475–483).

P. Peeters S. J.: Sur la nécessité d'un Onomasticon de l'Orient byzantin (str. 485–499).

Jean Psichari: Sainte Euthymie ou les tribulations d'un linguiste (str. 501–517).

J. Puig i Cadafach: L'Architecture religieuse dans le domaine Byzantin en Espagne (str. 519–533).

J. Strzygowski: Die Kunstgeschichte und die byzantinischen Studien. (str. 535–555.) Pro studium byzantského, ostatně stejně jako římského vlivu na okolní národy a jejich vzdělanost není možno nebrat v úvahu to, co u těchto národů bylo vlastního před těmito vlivy a před příchodem křesťanství. Po této stránce předbyzantské a předrománské výtvarné památky jsou zvlášť cenné: přetrvaly vliv církve, dvora i křesťanské vzdělanosti a přinášejí tak svědectví jedinečného stáří. Autor staví a zdůrazňuje proti výtvarnému umění byzantskému a římskému starší umění severské, jemuž značný význam přisuzuje zejména ve stavitelství (čtvercová dřevěná stavba severská i slovanská proti kruhové kamenné, resp. cihlové stavbě jižní, středomořské). Severské umění ovládalo ještě v prvním tisíciletí po Kr. celý sever; nositeli jeho byli Germáni a Slované.

Vlad. Valdenberg: Discours politiques de Thémistius dans leur rapport avec l'antiquité. (str. 557–580).

Recense. (Comptes rendus) (str. 581–647).

M. j.: Bernard Leib: Rome, Kiev et Byzance à la fin du XI^e siècle. Rapports religieux des Latins et des Greco-Russes sous pontificat d'Urbain II (1088–1099). Paris 1924. (*L. Bréhier*, str. 597–602). Strena Buliciana, Commemationes gratulationariae Francisco Bulić ob XV vitae lustra

feliciter peractae oblata a discipulis et amicis. Zagrebiae 1924 (P. Graindor, str. 621—230).

A. A. Vasiljev: Istoriija Vizantii. Latinskoe Vladyčestvo na Vostokě. Epocha Nikejskoj i Latinskoy Imperii (1204—1261). (H. Gregoire str. 630—633.)

Zprávy. (Chronique) (str. 649—751).

A. Bulletins régionaux (str. 649—694). I. Amérique. Contribution of American Scholars to the Byzantine field 1918—1924, (A. Kingsley Porter, str. 649—650). II. Bulgarie. 1. Archéologie (B. Filov, str. 650 až 657); 2. Histoire (P. Moutafčiev, str. 657 až 662). III. Grèce: 1. Art byzantin (années 1918—1924). G. A. Sotiriou, str. 662—668); 2. chalcis. Travaux et acquisitions (N. J. Giannopoulos, str. 669—671). IV. Italie: Art Byzantin 1918—1924. (A. Muñoz, str. 671 až 677). V. Roumanie: (N. Bănescu, str. 678—685). VI. Yougoslavie: 1. Considérations générales (Ljubo Karaman, str. 685—691). 2. Art Byzantin. Bibliographie (1918—1924). (Ljubo Karaman, str. 691 až 694).

B. Bulletins spéciaux. Epigraphie chrétienne. (H. Grégoire.) I. Inscriptions hérétiques d'Asie Mineure (str. 695—710). II. Inscriptions d'Ephèse. 1. La date de l'Eglise de Saint Jean. 2. La querelle d'Ephèse et de Smyrne (str. 710—716).

C. Informations diverses relatives aux études byzantines (str. 717—746).

D. Ouvrages reçus par la revue (str. 747 až 751). Table des matières. Errata (str. 753—756).

BYZANTION. Tome II. (1925.) Paris-Liège 1926, str. 659.

Feodor Uspenskij: Notes sur l'histoire des Etudes byzantines en Russie (str. 1—53). Viz článěk prof. M. Weingarta.

Vlad. Valdenberg: Les idées politiques dans les fragments attribués à Pierre le Patrice (str. 55—76).

L. Maculevič: Monuments disparus

de Dzumaty (str. 77—108). Stříbrná deska tbetského evangelia z XII. st. se řadí k obdobným současným památkám na Balkáně a Rusi: k ikoně se zvěstováním v kostele sv. Klimenta v Ochridě (ikona Panny Marie v témž kostele byla z části restaurována ve XIV. st.) a k ikonám Petra a Pavla, a Panny Marie v kostele sv. Sofie v Novgorodě.

C. Emereau: Constantinople sous Théodose le Jeune. Les Régions Urbaines (str. 109—122).

B. Granič: Die Gründung des autokephalen Erzbistums von Justiniana Prima durch Kaiser Justinian I. im Jahre 535 n. Chr. (str. 123—140). Justinianova novella XIX rozdělila jednotnou a správně samostatnou διοίκησις Illyricum orientale na dvě vzájemně nezávislé církevní provincie: severní, jež patřila převážně ke sféře latinské, odpovídala politické diecési Dacií a měla své středisko v městě Justiniana Prima, a jižní, hlásící se téměř výlučně ke sféře helénské, kryjící se celkem s druhou diecí prefektury Illyricum, Macedonií, jež měla své hlavní město v Soluni, před tím společném středisku celého Illyrici orientalis. Autor sleduje události arcibiskupství Justiniana Prima až do posledního data, jež o něm nachází: je to rok 602. Objevuje-li se od arcibiskupa Jana Komnénéna (1143) přídomek ἀρχιεπίσκοποι πρωτης Ἰουστινιανῆς v titulatuře arcibiskupů ochridských, je to důsledek právní fikce, stotožňující Ochridu s Just. Pr. a snažící se tak dáti privilegiím ochridským pevnější základ právní.

Germaine Rouillard: De l'attribution du titre de d'écursion au duc de Thébaïde Théodore (str. 141—148).

Norman H. Baynes: A Note of Interrogation (str. 149—161).

G. J. Brătianu: Les Bulgares à Cetea Albă (Akkerman) au début du XIV^e Siècle (str. 153—168). Světoslav rozšířil svoji říši díky spojenectví s Tatary skutečně až k Dněstru. Bulharské panství tam však bylo jen přechodné a zaniklo asi po

smrti Světoslavově (1321 nebo 1322). Tato dvacítká let však stačila k vybudování spojení bulharsko-valašského, jímž si autor vysvětluje jednak znatelný bulharský vliv v institucích středověkého Valašska, jednak pak valašskou účast ve velezbudské bitvě po boku Bulharů.

Georges Cumont: L'Uniforme de la Cavalerie Orientale et le Costume byzantin (str. 181–191).

A. Rubió y Lluch: Une figure Athénienne de l'époque de la domination catalane. Dimitri Rendi. (str. 193–229).

Charles H. Haskins: Pascalis Romanus; Petrus Chrysolanus (str. 231–236).

N. Iorga: Médaillons d'histoire littéraire byzantine (str. 237–298).

Ch. Diehl: La Renaissance de l'Art Byzantin au XIV^e Siècle (str. 299–316).

Pierre Waltz: Notes sur les épigrammes chrétiennes de l'Anthologie Grecque (str. 317–328).

H. Grégoire: Du nouveau sur la hiérarchie de la secte Montaniste d'après une inscription grecque trouvée près de Philadelphie en Lydie (str. 329–335).

Max Sulzberger: Le Symbole de la Croix et les Monogrammes de Jésus chez les premiers Chrétiens (str. 337–448).

H. Grégoire: Un nom mystique du Christ dans une inscription de Pisi-die (str. 449–453).

Recense. (Comptes rendus) (str. 455–580). M. j.: *G. Millet*: Recherches sur l'iconographie de l'Evangile aux XIV^e, XV^e et XVI^e siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont-Athos. Paris 1916. (*D. Ajnalov*, str. 459–470). Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger. Paris 1924. (*P. Graindor*, str. 489–506). Congrès de Byzantinologie de Bucarest. Mémoires. (Académie Roumaine. Bulletin de la Section historique. Tome XI.). Bucarest 1924. (*Roger Goossens*; str. 525–539).

Μιχαήλ Ἀ. Δένδια: Οἱ Βάραγγοι καὶ τὸ Βυζάντιον. Athènes 1925. (*H. Grégoire*; str. 567–571). Vasile Grecu: Versiunile românești ale Erniilor de pictură bizantină. Cernăuți 1924. (*H. Grégoire*, str. 577–580).

Zprávy. (Chronique, str. 581–656).

A. Bulletins regionaux (str. 581–606). I. Italie. (Fr. Cognasso, str. 581–589). II. Roumanie. (N. Bănescu). I. Histoire (str. 589–593). 2. Littérature (str. 593). 3. Art (str. 593–595). III. Royaume des Serbes, Croates et Slovènes. Bulletin bibliographique des travaux d'Histoire et de Philologie byzantines parus depuis 1923. (M. Lascaris, str. 595–600 l.) IV. Grèce. Les Etudes linguistiques en Grèce pendant ces dernières années (G. P. Anagnostopoulos, str. 601–606).

B. Bulletins spéciaux (str. 607–638). Bulletin d'histoire de l'Eglise byzantine I. L'Eglise Byzantine aux XI^e et XII^e siècles. (B. Leib, str. 607–614). 2. Les Relations de Rome et de Constantinople au Moyen Age. (M. Viller, str. 615–632). Les dernières études sur les Catalans en Grèce. (L. Nicolas d'Olwer, str. 633–638).

C. Informations diverses relatives aux études byzantines. (str. 639–646).

D. Revues byzantines. (str. 647–649).

E. Ouvrages reçus par la revue (str. 650–656). Table des matières (str. 657–659). Errata.

BYZANTION. Tome III. (1926). Paris-Liège 1927–1928. Str. 567.

Paul Collinet: Les preuves directes de l'influence de l'enseignement de Beyrouth sur la codification de Justinien (str. 1–15).

N. Iorga: Médaillons d'histoire littéraire byzantine (str. 17–27).

Paul Graindor: Le plus ancien exemple de rachat du plan octogonal (str. 29–31).

Max Meyerhof: Les Versions Syriacques et Arabes des Ecrits Galéniques (str. 33–51).

Jean Tolstoï: Un pontif arétologique dans les Miracles d'Asklèpios et d'Artemius (str. 53–63).

E. Černousov: Etudes sur Malalas. Epoque d'Anastase Dioscoros. (str. 65–72).

Louis Bréhier: Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople (str. 73–94).

Vladimir Valdenberg: Nikoulitza et les historiens byzantins contemporains (str. 95–121).

Nicolas Malickij: Remarques sur la date des mosaïques de l'église des Saints-Apôtres à Constantinople décrites par Mésaritès (str. 123–151).

P. Hippolytos Richter. O. F. M.: Byzantinischer Kommentar zu Hermogenes (str. 153–204).

Omer Schissel: La définition de la στάσις par Σιγίσιος. (str. 205–207).

Paul Graindor: Constantin et le daoudique Nicagoras (str. 209–214).

Jacques Zeiller: Les premiers siècles chrétiens en Thrace, en Macédoine et à Constantinople (str. 215–231).

B. Leib: Rome vue de Byzance au XI^e siècle. (str. 233–240).

A. A. Vasiliev: La Guerre de Cent Ans et Jeanne d'Arc dans la tradition byzantine (str. 241–250).

Paul Graindor: Ravenne et Skyros (str. 251–252).

Germaine Rouillard: Les archives de Lavra (Mission Millet) (str. 253–264).

Rodolphe Guiland: Les Poésies inédites de Théodore Métochite (str. 265–302).

Max Sulzberger: Note sur la Croix chrétienne en Egypte (str. 303–304).

W. A. Buckler: Deux inscriptions de Constantinople (str. 305–309).

Henri Grégoire: Notes sur Anne Comnène (str. 311–317).

A. Abel: Etude sur l'inscription d'Abercius (str. 321–411).

M. Meyerhof: La version arabe d'un traité perdu de Galien (str. 413–442).

Recense. (Comptes rendus) (str. 443–503).

M. j.: O. M. Dalton: East Christian Art. Oxford 1925. (*P. Graindor*, str. 448–

454). *R. Guiland*: Correspondance de Nicéphore Grégoire, Paris 1927.

(*H. Grégoire*, str. 468–478: » philologiquement, son travail donne prise à de

nombreuses critiques. L'éditeur n'est pas assez familier avec la langue de Grégoras

et de ses contemporains»). *Kr. Miatev*: Le trésor du Monastère de Rila (en bulgare).

Sofia 1926. (*P. Graindor*, str. 482–483).

K. Miateff: La peinture décorative dans la nécropole de Serdica (en bulgare). Sofia 1925. (*P. Graindor*, str. 484).

Zprávy. (Chronique) (str. 505–563).

A. Bulletins régionaux. Roumanie. Histoire, Littérature et philologie, Archéologie, Art. (N. Bănescu, 505–511).

Royaume des Serbes, Croates et Slovènes. Histoire et Philologie byzantines, Bulletin bibliographique. (M. Lascaris, str.

512–519).

B. Bulletins spéciaux. Bulletin papyrologique I (1925). Marcel Hombert, str.

520–535). Bulletin papyrologique II (1926). (Marcel Hombert, str. 536–546).

Deuxième Congrès International des Byzantinistes (D. Anastasijević, str. 547–558).

D. Revues byzantines (str. 559–563). Table des matières (str. 565–567).

REJSTRÍK.
TABLE ANALYTIQUE.

REJSTŘÍK OSOBNÍ.

- Aaron, proedr 22, 25, 26, 29, 30, 33
 Aaron, prorok 141
 Abel, A. 269
 Abel O. P., F. M. 265
 Abélard, P. 172
 Abercius 269
 Abicht u. Schmidt 256
 Abram (Abraham, Avraam) 126, 130, 142, 145, 149, 150, 250
 Abukab, Vasilij 28
 Adalbert, biskup 46
 Adam 124, 125
 Adrian viz Hadrian
 Adrian, duka antiochijský 22, 24, 25, 26, 27, 32
 Achelis, H. 252, 257, 258
 Achilija, sv. 131
 Ajnalov, D. V. 263, 264, 265, 268
 Akominatos viz Niketas, Michael. Ak.
 Aksakov, S. T. 263
 Alban, sv. 219
 Aleksandr 153
 Aleksej IV, císař trapezuntský 176
 Alexander, císař byzantský 40
 Alexandros z Nikaie 254, 256
 Alexios I, Aleksij I Komnin, císař byzantský 25, 259
 Alexios II, císař byzantský 170
 Alexios III Angel, císař byzantský 254
 Allen 259
 Allgeier, A. 249, 250, 254
 Alp-Arslan 30
 Alpatov, M. 257
 Alusian 29, 30
 Amantos, K. 259
 Amfilochij, patriarcha 167
 Anagnostopoulos, G. P. 257, 268
 Anastasijević, D. N. 170, 172, 247, 269
 Anastasios (Anastasij, Anastase Dikoros), císař byzantský 151, 154, 155, 156, 157, 158, 264, 269
 Anastasios (Anastasij), bibliotekář 10, 11, 15, 180, 233, 263
 Anastasios, opat 184
 Anatoliós, opat Studia 38
 Andréadès, A. 265
 Andrej I, král uherský 27
 Andrejeva, M. A. 151—158, 212—215
 Andronik I (Komnène), císař byzantský 170, 263
 Andronik (Andronic) II, císař byzantský 17, 44
 Angelovci 178
 Anna, sv. 139
 Anna 122
 Anna (Anne), choť Stefana Pervovenč. 130, 134, 135, 150
 Anna Komnina (Komnena, Anne Comnène) 29, 30, 174, 269
 Ansuère, mnich 46
 Antim' (Anthemios) 141, 145
 Antioch 77
 Antoine, patriarcha 38
 Aphrodite 255
 Apolinarios z Laodicee 250
 Arefa Kesarijskij (Arethas v. Caesarea, Kaisareia) 159, 160, 161, 164, 253
 Archangelskij, A. S. 184, 185, 188, 206
 Aristakes Lastivertski 26
 Aristov, N. J. 167
 Arkadius, císař byzantský 177
 Arsenij I, sv. arcibiskup srbský 132, 141
 Arsenios, sv. 250
 Artemios, sv. 249, 250, 251, 269
 Asěnovci 174, 212
 Ashburner, W. (Ašbërner) 214
 Asklépios, 269
 Ataliat, Michail 24, 28, 32
 Athanasij Alexandrijskij 120, 140
 Athanasios Imbros 256
 Baanès 40, 43
 Baffetti, L. 252
 Balabanov, A. 232
 Balasčev, G. 40, 224
 Bals, G. 259
 Bambacoratius viz Alexios III Angel.
 Bănescu, N. 27, 28, 29, 253, 259, 267, 268, 269

- Barac, Ant. 237
 Bărbulescu J. 215—220
 Bardenhever 184
 Barnuțiu, S. 215
 Bartolini 237
 Bartolomeo de Montepulciano 266
 Basileios (Basile, Vasilij Makedonjanin) císař byzantský 40, 233, 255
 Basileios II., císař byzantský 25, 28
 Bauer, M. 256
 Baynes, Norman H. 267
 Bažnov, N. G. 210
 Becker, E. 250, 252, 255, 257
 Bécs, Nikos A., 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 265
 Belianites, Th. Th. 258
 Benedictus, biskup Kefalonie 254
 Bell, H. J. 265
 Bellerophon 250
 Benešević, V. N. 165, 176, 257, 259, 261, 264, 265
 Bengel, J. B. 2
 Béquignon, Y. 248
 Berčić, Ivan 190
 Berliner, R. 251
 Beseler, G. 250
 Bessarion, metropolita larisský 256
 Bestužev-Rjumin, K. N. 169
 Bick 253
 Bidlo, J. 218, 252
 Biloj 237
 Blanchet, Adrien 265
 Blažej svatý 35, 36—39
 Bobčev, Stefan S. 226—227, 232
 Bodjanskij, O. M. 86, 87, 88, 90, 103, 261, 263
 Bogdan, Joann 215, 217, 220, 261
 Bogorodickij, V. A. 262
 Bohdan Přebožovský viz Kadlec
 Bonwetsch, Georg 110, 232
 Bonwetsch, N. 252, 258
 Boril, car bulharský 242—243, 261
 Boris (Boris-Michael), car Bulharský 37 64, 174, 180, 212
 Bosü, Busü, chán polovecký 208
 Boulas 42, 43
 Boz, car antský 208
 Božo 208
 Braconnier, P. 248
 Bréhier, Louis 265, 266, 269
 Brătianu, G. J. 267—268
 Brentano, Louis 211
 Brockhaus-Efron 176
 Brückner, A. (Brjukner) 11, 15, 180, 232
 Brunov, N. I. 264
 Buck, H. A. 251, 256
 Buckler, W. H. 259, 269
 Bulić, Fran 266
 Burg, Fr. 250
 Burgon, J. B. 3
 Bury, J. 248
 Buzeskul, V. P. 165, 210
 Byčkov, A. Th. 243
 Byčkov, J. A. 91, 167
 Cabrol 152
 Camblak Grigorij 19
 Cammelli, G. 253, 255, 256, 257
 Candrea, A. 215, 223
 Cantemir, Demètre kníže 221
 Carsten 174
 Castiglioni, L. 251, 255
 Cedréne viz Georges Cedréne
 Celestin, papež 219
 Cognasso, Fr. 268
 Collart, P. 248
 Collinet, Paul 268
 Colombe, Christophe 46
 Comidas, Cosimo 261
 Conev B., 217, 220
 Constance de Hohenstaufen 266
 Constantin viz Konstantin
 Constantin Melès, archidiakon Arbanonský 261
 Cosmas, sv. 259
 Cuchlev, D. 232
 Cumont, Georges 268
 Cyril, sv. (Cyrill, Cyrillus, Kirill, Konstantin) 6, 8, 10, 11, 13, 15, 37, 48, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 66, 67, 69, 71, 75, 167, 173, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238
 Czambel, Samo 217
 Černousov, E. 263—265, 269

- Červinka, J. L. 244
Corović, Vlad. 245–246
Dahlmann-Waitz 207
Dalasinovci 25
Dallegio d'Alessio, E. 260
Dalton, O. 152, 153, 154, 156, 269
Damian, sv. 135
Damas, papež 219
Daničić, Dj. 246
Daniel, prorok 91, 92, 111, 117, 118, 196
Danilo, arcibiskup srbský 134
Danilo Zatočník 184
Danilov, V. V. 263
Daux, G. 248
David 125, 128, 141
D'Avril 239
Dawkins, R. M. 253, 258
Decislava 265
Dečev 237
Deissmann, A. 252
Déléhaye, S. J. 35, 46, 265
Deloche 153
Demetrios Kydonés (Cidonius) 253, 254, 255, 256, 257, 261
Dendia, Michael A. 268
Deslandes, J. 261
Destunis, Spiridion 166
Diakon, sv. 130
Diehl, Ch. 255, 265, 268
Dimitrij, sv. (Demetrios) 135, 141, 173, 175
Dinara, carevna 263
Diogen, Konstantin 29
Diplovataccio, Tomas 251
D'jakov, M. A. 237
Dobrovský, J. 1, 4, 8, 234
Dölger, F. 214
Dölger, Fr. J. 249
Dominik, biskup 37
Dorotheos 256
Drăgan N. 216
Dragutin, Stefan, král srbský (Dragou-tine) 17, 127, 130, 131, 134, 143, 146, 149, 150
Drinov, M. S. 226, 243
Droysen, J. G. 168
Du-Cange 177, 264
Dukica, Ivan 22, 23, 24, 33
Durnovo, Nikolaj 48–85
Dvorník, Fr. 10, 35–47, 232, 248, 260, 262
Džordžević, Tich. 18
Ebersolt, J. 264
Efraim syrský (Efrem Syrin, Ephrem) 131, 184, 250
Efron 176
Egorov, D. N. 211
Eichhorn, J. G. 2
Ekaterina, dcera Ivana-Vladislava 25
Elene (Hélène), choť Stefana Uroša I 127, 130, 137, 143, 146, 149, 150
Elena (Hélène), choť Stefana Dušana 136, 137, 150
Eliáš, prorok 123, 141
Emler, Josef 233
Ensslin, W. 256, 257, 259
Eppo, kněz 46
Eremin, S. A. 262
Esau, despota epirský 249
Esclas 224
Étienne Dušan viz Stefan Dušan
Euagrius Ponticus 255, 258
Eudoxie, císařovna 184
Eugenios, sv. 255
Eusebios 254
Eustathios de Cyzique 36
Eustratios, biskup Pessinu 36, 39
Euthymie, sv. 266
Euthymios Trnovský (Evfimij), metro-polita bulharský 20, 243, 245
Euthymios Zigabenos 176
Eutropios 252
Eva 125, 235
Evfimij, biskup Rusije (Euthymios von Rusion) 159, 160, 162, 164
Evseev, prof. 109, 110, 111
Evsevij, biskup moravičský 132–133
Evstafij, sv. 132
Evstafij I, arcibiskup srbský 132
Evstafij II, arcibiskup srbský 132–133

- Fadda, Carlo 251
 Fallmerayer, Ph. 175, 179
 Fell, John 2
 Ficker, J. 252, 253
 Filaret, patriarcha ruský 259
 Filippov, V. A. 262
 Filov, Bogdan, D. 258, 267
 Finckel, Ludwik 207
 Finlay, Georg 177
 Flacérière, R. 248
 Flor, sv. 139
 Florinskij, Timothej 167, 173
 Formosus de Porto, biskup 37
 Forrer, R. 154
 Fortunatov, F. F. 262
 Fougères, Gustave 248
 Fotios (Photios), patriarcha 37, 39, 171, 180
 Franchi de Cavalieri 261
 Franko, I. 10, 11, 12, 14, 15, 231
 Frček, Jan 248–269
 Fridolin Skutella, P. 259
 Friedrich, J. 233

 Gabriel, archanděl 121, 144, 148, 157.
 Gabrieli, G. 253
 Galien 269
 Ganszyniec, R. 250, 251, 252, 253, 254, 256
 Gardthausen, V. 249, 252, 254
 Gauderich, biskup (Gaudericus) 10
 Gavriil (Gabriel), archanděl 121, 144, 148, 157
 Gay, Jules 265
 Gedeon 130
 Geibel, E. 256
 Gelasius von Cyzicus 249
 Georg, Johann 251
 Georges Cedrène 46
 Georges Scholarios 260
 Georgij viz Jiří, sv.
 Georgios Hamartolos 167, 172
 Georgios Chumnos 255
 Georgios Pisides 252
 Gerasim 18
 Gerasim, biskup moravičský 132, 133
 Germanerich 208

 Gesner, K. 250
 Giannópoulos, N. G. 248, 251, 255, 267
 Gibbon, Edw. 177
 G[inzel] 232, 237
 Giosuè 266
 Giurescu, Constantin C. 220–226
 Glinka, S. N. 263
 Godeschalk, kníže Obodritů 46
 Gogoľ, N. V. 238
 Goll, J. 168, 212
 Golubinskij, E. E. 11, 133
 Goosens, Roger 268
 Gorazd, biskup 235
 Gorčakov, D. P. 262
 Gordillo, M. 261
 Gorskij, A. V. 167
 Goudal, E. 260
 Grabar, A. 227–231, 258, 264, 265–266
 Grabar, Igor 228, 256
 Graindor, Paul 265, 266, 267, 268, 269
 Granić, B. 266, 267
 Gratia, beata 35, 45
 Grecu, V. 266
 Grégoire, Henri 265, 267, 268, 269
 Gregorios Kyprios 249
 Gregory 3
 Grenier, C. (Grenje K.) 211
 Griesbach, J. 2
 Grigorij Bogoslov (Gregor von Nazianz), sv. 77, 120, 140, 258
 Grigorij Camblak 19
 Grigorij, metropolita Efeský (Gregorios v. Efesos) 159, 160, 161, 164
 Grigorij, magistr 26, 27
 Grigorij, mnich 18, 20
 Grigorij Nisský viz Řehoř
 Grigorij Sinait 18, 19, 20, 21
 Grimoald, biskup 37
 Grinevič, K. 210
 Grivec, Fran 232
 Groznetza viz Chrabr
 Grumel, V. 244–245, 260, 261
 Grunskij, M. K., prof. 240
 Grzegorewsky 232
 Guiland, Rodolphe 269
 Günther, R. 252

- Haase, F. 249, 255
 Hadrian II (Adrian, Adrien), papež 37, 212, 233, 235
 Haertel, Emmy 258
 Haghimichali, A. 258
 Haşdeu (Hasdeu), B. P. 215, 225
 Haskins, Charles H. 268
 Hatzidakis, G. N. 251, 254, 257
 Hauteceur, Louis 264
 Heidler J. 212
 Helena viz Elena
 Hélène de Hongrie, sv. 45
 Henri de Constantinople, císař 224
 Henri de Valenciennes, kronikář 224
 Henry, P. 266
 Herakleios, (Iraklij), císař 178, 213
 Hermogenes 269
 Herodiada (Hérodiás, Irodiada) 182, 184, 185, 188, 206
 Heseler, P. 257, 258
 Hesselring, D. C. 266
 Hil'ferding (Gil'ferding), Alexandr Fedorovič 128, 138, 170, 226, 237
 Himerios 251
 Hofmeister, A. 249, 256
 Holl, Karl 260
 Holzmann, W. 259
 Hombert, Marcel 269
 Homér 259
 Hopf, K. 177
 Hort, J. A. 3
 Hrubý, Fr. 232
 Huelsen, Ch. 252
 Hug, L. 1, 2
 Hybl, František 212, 244
 Hypsilanti 255
 Chamfort, S. (Šamfor) 263
 Chanenko, V. N. 265
 Charon 151
 Charitonidés, Ch. 259
 Chrabr, mních (černorizec) 53, 66, 67, 69, 70, 71, 72, 79, 80, 81, 82, 233, 237, 238, 244, 245
 Christofor, syn Romana Lekapena 159, 164
 Christos, Iisus (Jésus Christ, Christus) 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 233, 250, 256, 257, 268
 Chrysolanus, Petrus 268
 Iakov, metropolita Sereskij (Sěrskej) 19, 20
 Iasit, Michail 31
 Ibn al Bibi 264
 Iesej (Jesse) 129, 130, 131, 149
 Ignatios, patriarcha 36, 37, 39
 Igor', kníže severský 263
 Ilíja, prorok 123, 141. v. Eliáš
 Iljinskij, G. 86—118, 175, 224, 231—238, 243—244, 245, 247
 Ioakim, sv. 139
 Ioann viz Jan
 Ioann Damaskin (Jean Damascène) 131, 261
 Ioann Lěstvičnik 20, 22, 34
 Ioann Moschos 20
 Ioannes Palaiologos, císař byzantský 256
 Ioannikij I, arcibiskup srbský 132, 134
 Iordan (Jordanis), dějepisec 208
 Iosif 121, 122
 Iosif Arimafejskij 124
 Iosif, prekrasnij 130, 150
 Ippolit, svatý 91, 92, 110, 111, 112, 118
 Isaak 130
 Isaak I Komnin, císař byzantský 23, 24, 25, 26, 27, 28, 32, 33
 Isaja, prorok 130
 Isakios Komnenos, sebastokrator 257
 Istrin, V. 183
 Iuda (Iskariot) 123
 Ivan, monasteriota Iverijský 22, 30—31, 33
 Ivan III, veliký kníže moskevský 171
 Ivanov, Jordan 224
 Ivanov, J. A. 210—211
 Ivšić, St. 183
 Ivan Vladislav, car bulharský 25, 29
 Izaiáš prorok 130
 Izmailov, V. V. 263

- Jacoby, A. 250, 252
 Jagić, V. 12, 13, 14, 15, 48, 72, 73, 79,
 80, 90, 176, 179, 180, 183, 185, 186,
 216, 217, 244
 Jakobson, R. 49
 Jakovlev, V. A. 185
 Jakub, apoštol 123
 Jakubovskij, A. 264
 Jan VIII, papež 212
 Jan, sv. evangelista (Ioann, Jean) 1, 123,
 124, 127, 140, 141, 142, 145, 146, 267
 Jan Asěn, car bulharský 173
 Jan Asěn II, car bulharský 252
 Jan (Ioann) Exarch 15, 218, 236, 238,
 244
 Jan VII Gramatik, patriarcha 171
 Jan Kantakuzen (Jean Cantacouzène,
 Johann Kantakouzenos), císař byzant-
 ský 223, 253, 254, 255, 257
 Jan Komnén, císař 267
 Jan, sv. křtitel (Ioann Predteča, Jean
 Baptiste) 122, 125, 128—129, 140,
 141, 145, 184, 185, 190, 250, 264
 Jan z Trani 253
 Jan Zlatoustrý, sv. (Ioann Zlatoust) 2,
 120, 140, 182, 183, 185, 186, 188,
 190, 206, 243, 244
 Janin, R. 260
 Jaroslav, vel. kníže kijevský 51, 264
 Jean de Magdebourg, biskup 35, 46
 Jean Tzimiscés, císař byzantský 46, 247
 Jeanne d'Arc 269
 Jeanselme, E. 266
 Jeremias Caca Yelas 253
 Jernstedt, P. 253, 254, 257
 † Jernstedt, V. 257
 Jeronym, sv. (Hieronymus) 4, 5, 7, 8
 Jerphanion, G. de 260, 266
 Ježíš v. Christos
 Jidáš 123
 Jireček, Konstantin 16, 21, 173, 174,
 212, 218, 220, 223, 224, 226, 249
 Jiří, sv. (Georgij, Georgios) 135, 140,
 157, 255, 265
 Johannes von Antiochia 253
 Joly, R. 248
 Jonguet, M. 208
 Jorga, N. (Iorga) 215—216, 217, 221,
 222, 223, 225, 265, 268
 Josephe 38
 Josua Stylites (Iisus Stolpnik) 264
 Ju. A. I. viz Ivanov
 Jugie, M. 260, 261
 Justin I, císař byzantský 155, 157
 Justinian I, (Justinien) císař byzantský
 151, 152, 155, 156, 157, 158, 178,
 210, 211, 213, 267, 268
 † Kadlec, Karel Prof. JUDr. 172, 209
 až 210
 Kagarov, E. G. 210
 Kalajdovič, K. Th. 226, 244
 Kalitinskij, A. 165
 Kallimachos 257
 Kallist, patriarcha 19
 Kaloritès-Hagioritès 255
 Kannakès, Nicetas kněz 42, 43
 Kantemir, A. D. kníže 262
 Kanut, sv. 219
 Karaman, Ljubo 267
 Karinskij, N. M. 90
 Karnažickij, N. J. 151
 Karpinskij, A. P. 165
 Karskij, E. F. 90, 262
 Kassiodor 208
 Katerina, choť Dragutina 131
 Kaufmann, C. M. 252
 Kekavmen, Katakalon 24, 31, 257
 Keydell, R. 255, 258
 Kiriakides, St. P. 256
 Kirill Alexandrijskij 120
 Kirill Jerusalemský (Ierusalimskij) 73,
 77, 240
 Kirill, biskup moravičský 133
 Kirpičnikov 169
 Kliment, sv. papež (Clemens) 10, 11,
 14, 15, 237, 267
 Kliment III, papež 259
 Klisthen 210
 Kočubinskij, A. A. 169
 Komnéní 25, 170, 178, 254, 257, 263
 Komnin, Ivan 22, 25, 32—33
 Kondakov, Nikodim Pavlovič 265
 Koníř, A. 182—206

- Konstan, E. E. 210
Konstantin a Elena, sv. 131
Konstantin Bulharský (Bolgarskij) 55,
61, 62, 72, 73, 78, 80, 245
Konstantin Filosof 51, 180, 244, 245,
261, 262, 263 viz Cyril
Konstantin Lichuda, patriarcha 22, 23,
33
Konstantin Rodios, básník 258
Konstantin Veliký, císař byzantský 131
178, 179, 257
Konstantin V Kopronymos, císař by-
byzantský 179, 251
Konstantin VII Porfyrogennetos (Con-
stantin le Porphyrogenète, Porfiro-
rodnyj, Bagrjanorodnyj) císař by-
zantský 45, 167, 214, 246–247, 254,
264
Konstantin IX Monomach, císař byz.
23, 24, 25, 26, 31
Konstantin X Duka, císař byz. 23, 24,
28, 32
Kontogiánnes, P. 257
Kopitar, Bart. 231
Koressios, Georgios 257
Korš F. J. 169
Kos'ma, sv. 135
Kongéas, S. B. 257
Kousis, A. 258
Kozma, prezident 242, 243
Kozmin, N. K. 263
Krasnosel'cev, N. F. 167
Krek, Gr. 233
Kristus v. Christos
Krum, chán bulharský 173, 174, 248,
256, 258
Krumbacher, K. 166, 169, 177, 178
Kul'bakin, S. M. 241
Kurth, J. 249
Kurtz, E. 252, 253, 254, 255, 256, 257,
258
Kurz, Jos. 239–240, 242
Kulakovskij, Julian Andrejevič 175, 177
Kyprian, metropolita »všeruský« 243
Lacombe, J. 260, 261
Lachmann, K. 3
Lamanskij, Vladimír Ivanovič 167, 169,
171, 180, 234
Lambros, Sp. 22, 30, 34
Lakapenos, Laomedon 170
Larfeld, W. 254, 256
Laskaris, Michel 22, 220–226, 247, 257,
264, 268, 269
Latyšev, V. V. 258
Laurent, V. 260, 261, 266
Lavrentij, sv. 136
Lavrov, P. A. akadem. 236–238, 262
Lavrovskij, P. A. 88, 90, 103
Lazar' (Lazare) 123, 143, 145, 149
Lazaropoulos 255
Leclercq, J. 156
Lehmann, K. 250
Lehmann-Hartleben, K. 253, 254
Leib, Bernard 266, 268, 269
Leo z Achridy 253
Leon Diakonos 174
Leon, metropolita sardský 254
Leon, papež 219
Leonid (Léonide), archimandrit 35,
167
Leontios Makhairos 253
Lepař J. 232
Leskien Aug. 241
Lev Filosof (Léon le Sage) císař byzant-
ský 38, 40, 41, 248
Lev III. Isaurský, císař byzantský 177,
251, 258
Libanios 249
List, J. 258
Linschmann, Th. 255
Longin, setník 124
Loparev, Ch. M. 37, 39, 175
Lot 263
Lucia, sv. 219
Lüdtke, W. 250, 253
Luka (Luc, Lukáš) evangelista 127, 139,
143, 147, 148, 256
Lukian, kněz antiochijský 1–2
Maas, Ernst 257
Maas, Paul 249, 250, 251, 252, 253, 254,
255, 256, 257
Maculevič, L. 267

- Macůrek, Josef 215–220
 Magnus, sv. 219
 Makarios Kalorites 253
 Malalas, Jan 259
 Malein, A. I. 165
 Malickij, Nicolas 269
 Malinin, V. 182, 206
 Manasses, Konstantin 261
 Manuel I. Komnen, císař byzantský 76, 263
 Manuel Philes 255
 Marek, evang. sv. 127, 141, 145
 Margareta, sv. 219
 Marie, Panna, Maria (Bogorodica, Sainte Vierge) 120, 121, 122, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 135, 136, 139, 140, 143, 145, 146, 149, 150, 252, 267
 Marie la Jeune, sv. 35, 39–43
 Marie, vnučka Romana Lakapena 258
 Marie Nemanidana 249
 Marija 123
 Marinescu, C. 266
 Markos Eugenikos z Efesu 254
 Marković, Vas. 16, 17, 18
 Marschall, F. H. 253, 255, 256, 258
 Martha 123
 Martin Curtius 256
 Mathej (Matouš, Mathieu), sv. evangelista 5, 127, 143, 147, 148
 Matej Edesský 23, 24, 26, 28, 30
 Matthaei, Ch. 2
 Matthaïos Pogonïanes, myrský metro-polita 253
 Malaxos 256, 258
 Matouš, evangelista 5, 127, 143, 147, 148
 Maximinus 256
 Maximus Confessor 259
 Mazon, A. 237
 Menárdes, S. 258
 Mercati, S. S. G. 255, 256, 258, 266
 Merchati-Franchi da Cavalieri 261
 Merkurij, sv. 135
 Merkurij, bisk. moravičský 132, 133
 Mésatitès 269
 Methodios, patriarcha cařihradský 258
 Methoděj, sv. (Mefodij, Méthode, Methodius) 6, 8, 13, 37, 48, 50, 51, 52, 53, 55, 58, 60, 61, 63, 64, 66, 171, 173, 180, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 262
 Métochite viz Théodore Métochite
 Meyerhof, Max 268, 269
 Miatev, Kr. 269
 Migne, J. P. 184, 186, 191, 206
 Mihanović, Ant. 183, 188, 206
 Michael, arch. 154, 156, 157, 251
 Michael III., císař byzantský 234
 Michael Akominatos 170, 255
 Michael Glykas 170
 Michael Kerullarios, patriarcha cařihradský 252
 Michael VII. Parapinakes, císař byzantský 24, 25, 29
 Michael Psellos 24, 251
 Michael VI. Stratiotik, císař byzantský 24, 26
 Michajlov, A. V. 13, 14, 262
 Michal, kníže Zachlumie 47¹₂
 Michal, sv. 44
 Michel, A. 253
 Michel d'Alexandrie, sv. 35, 43–45
 Mikkola, I. 208
 Miklošič, Fr. (Miklosich, Mikloschitsch) 13, 109, 183, 245, 246
 Miletič, Lj. 173, 217, 220
 Miljutin, Stefan král srbský 17, 130, 131, 132, 133, 150
 Mill, John 2
 Millet, G. 181, 230, 258, 265, 268
 Miloš 232
 Miron Costin 221
 Mišev 226
 Mithridates 250
 Mitrofan 11
 Mojžiš, prorok 13, 123, 141
 Molière (Moljer) 262
 Mommsen, Th. 168
 Montfaucon, B. 184
 Mordtmann, J. H. 256
 Mošin, V. A. 246
 Muellenhoff, K. V. 208
 Müller-Strübing 210
 Muñoz, Antonio 266, 267
 Mural, Ed. de 167

- Muratov 230
 Muscus, comes 256
 Mustakídes, B. A. 254
 Mutaščiev, P. 267

 Napoleon, Vel. 176
 Nebukadnezar 253
 Nekrasov, M. M. 230
 Neubert, V. 246
 Nevostrujev, K. L. 167
 Nicéphore Grégoras 44, 269
 Nicolas I., papež 37
 Niebuhr, G. 167, 174
 Niederle, L. 179
 Niedermeyer, H. 251
 Nikagoras 269
 Nikéforos, drongaire 40, 42
 Nikeforos I. (Nikifor), císař byzantský 11, 256, 258
 Nikeforos Blemmydes 254
 Niketas Akominatos 170, 174
 Nikeforos, rektor 32
 Nikeforos III. Botaniates, císař byzantský 28
 Nikiforica 23, 24
 Nikodim 124
 Nikodim Chilendarský 17
 Nikolaj Merlikijskij (Čudotvorec) 120, 135, 139, 140, 141
 Nikolaj (Nikolas), patriarcha cařihradský 160, 164
 Nikolaj II., car ruský 211
 Nikolaos Mesarites 253
 Nikolica 23
 Nikolskij, N. K. 10, 261–262, 263
 Nikon, patr. ruský 259
 Nikoulitza 269
 Nissen, Th. 250
 Noj (Noé) 127, 141, 145
 Nonnos 252
 Novaković, St. 183, 245
 Novakovitch, Denys 260
 Novotný, Václav 180, 232, 244

 Oberhammer, E. 252
 Oblak Vatr. 220
 Obradović, St. 133

 Oeconomos, L. 266
 Ohienko (Ogienko), Ivan 231–236, 240–242
 Okunev, N. L. 119–144, 165, 246
 Olaf, sv. 219
 Oliver, Ioann despot 136
 Olwer L. Nicolas d' 268
 Omont, H.–A. 22, 34
 Omortag, chán bulharský 173, 174, 212
 Onciul, D. 215, 217, 221, 225
 Orlándos, A. 259
 Orsini, Maios 254
 Ostrogorskij, G. A. 165, 214–215, 247
 Ostrovskij, A. N. 262

 Palaiologové 171, 178
 Palauzov, N. Chr. 243
 Pančenko, B. A. 175, 176, 178, 214
 Pankratij (Bagrat), car Vaspurakanu 22, 31–32, 33
 Panteleimon, sv. 128, 136
 Papadopulos, J. B. 257
 Papadopulos, M.
 Papadopulos Kerameus, A. 249, 261
 Papias, biskup 256
 Pastrnek, Fr. 10, 44
 Patzig, Edwin 259
 Paul de Populonia, biskup 37
 Paulová, M. 252
 Paulus Nicaeus 258
 Pavel (Paul), sv. apoštol 120, 126, 129, 142, 145, 267
 Pavluckij 228
 Peanio 252
 Pedzopulos, E. 257
 Peeters, P. 35, 40, 266
 Pekař, J. 233
 Peret, V. N. 262
 Peškovskij, A. M. 263
 Peterson, E. 255, 258
 Petit, Louis 260
 Petković, V. 138
 Petr (Saint Pierre), sv. apoštol 120, 123, 126, 129, 143, 148, 267
 Petr (Pierre), car bulharský 43, 111, 159, 164, 258
 Petranevič 226

- Philo 249
 Philothée Benizelos, sv. 255
 Philotheos 257
 Photios viz Fotios
 Pierre l'Athonite, sv. 39
 Pierre le Patrice 267
 Pinkava 232
 Platon 251
 Plutarch 266
 Poglaven-Neuwalt, St. 250, 255
 Pogodin, M. P. 86, 118
 Pogorělov, V. A. 1, 4, 5, 8, 9, 240
 Pokrovskij, F. I. 91
 Polikarpos (Polikarpe) 141, 145
 Poltorackaja 210
 Pomjalovskij, J. 252
 Popov, A. N. 167
 Popović, Pavel 246
 Popruženko, M. G. 165, 175, 242–243, 261
 Porfirij Uspenskij, biskup 20, 39
 Preisendanz, K. 254
 Presiám, bulharský kníže 248
 Priskos, dějepisec 256
 Probus, sv. 35, 47
 Procopovici, A. 215, 216
 Procházka, Fr. 237
 Prokopij, sv. 141
 Psichari, Jean 266
 Puig i Cadalfach, J. 266
 Puşcariu, S. 215, 216
 Puškin, A. S. 238, 263

 Radermacher, L. 250, 257
 Radonić, J. 172
 Ragozin, S. Mrs. 213
 Rainov, I. 259
 Ramsay, W. M. 256, 265
 Rauscher, Jul. 222–227
 Regel, V. E. 169, 233
 Řehoř Nysský (Grigorij Nisskij, Čudotvorec, Gregorios von Nyssos) 120, 135, 250
 Řehoř Prezviter 218
 Řehoř Veliký, papež 219
 Rendi, Dimitri 268
 Reuss, Ed. 3

 Richter O. F. M., P. Hippolytos 269
 Richtsteig, E. 251
 Rivarole (Rivarol'), Ant. 263
 Robert, L. 248
 Robertson 1
 Rohlf, G. 255
 Roman 253
 Romanos III. Argyros, cí. byz. 28
 Romanos IV. Diogenes, cí. byz. 24, 28, 29, 30
 Romanos I. Lakapen (Romanos Lakapenos, Romain Lecapène), cí. byz. 43, 159, 160, 161, 164, 258
 Romanus, Pascalis 268
 Romila, sv. 18, 20
 Rostislav, kníže moravský 233, 234
 Rostovcev, M. I. 175
 Rouillard, Germaine 267, 269
 Roussel, R. 248
 Rozov, Vladimír 16–21, 208–209
 Rubio y Lluch, A. 268
 Rubljoff, Andrej 257
 Rulhière, Ch. de (Rjuljer) 263
 Rulin, P. I. 262
 Russo, M. D. 221
 Ržiga, V. F. 262

 Saian, slovanský náčelník 47
 Saladin, H. 255
 Salaville, S. 260, 261
 Samuil, car bulharský 23, 25, 172, 173, 254
 Saturník, Th. 209–210
 Sauer, J. 252
 Savva, sv. pustynnonačelník 141
 Savva I (Sáva), sv. arcib. srbský 5, 132, 141, 224, 245–246
 Savva II, arcib. srbský 132
 Sbath, Paul. R. P. 260
 Scrivener 3
 Selte 27, 28
 Semler, J. S. 2
 Sergij (Serge) sv. 141, 142, 146
 Schissel v. Fleschenberg, O. 253, 254, 261, 269
 Schlözer, Aug. 166
 Schlumberger, Gustave 268

- Schmit, T. 259
 Schneider, O. 258
 Scholz, A. 2
 Schubert, G. (Šubert fon) 10
 Schwyzer, E. 250
 Silvestr, sv. 139
 Silvestr, papež 219
 Simeon sv. 122
 Simeon, katepan 29, 30
 Simeon Magistr 171
 Simeon viz Symeon
 Simonis 44
 Sith (Seth) patriarcha 127, 144, 147
 Skilicca-Kedrin 23, 26
 Sklir, Roman 24
 Sköld, Hannes 239–240, 254
 Skopin-Šujskij, Michail 262
 Slav viz Esclas
 Snopck, Fr. 232, 233, 244
 Snoj, A. 1, 8
 Sobolevskij, A. I. 78, 90, 220, 241, 263
 Soden, v. H. 3, 4, 6, 239
 Sokolov, I. I. 247, 264
 Sölch, J. 250, 252
 Solomeja 121
 Solomon 125, 128, 129, 141, 144, 148
 Sorlin-Dorigny 254
 Sotiriou, G. A. 255–267
 Spartakes 251
 Speranskij, M. N. 183, 263
 Spiridon 141, 145
 Sreznevskij, I. I. 89, 90, 182, 188, 206
 Sreznevskij, V. I. 263
 Stanojević, St. 172, 226
 Stefan Lazarević 247
 Stefan Novyj, sv. 140
 Stefan, prvomučenik, diakon, sv. (Saint Étienne, le protomartyr) 129, 134, 135, 136, 141, 144, 147, 159, 160, 161
 Stefan Dragoutin viz Dragoutin
 Stefan (Étienne, Štěpan) Dušan 45, 119, 136, 137, 150, 167, 172, 221, 225, 247, 249
 Stefan (Étienne) Nemanja, (Simeon) 127, 137, 143, 146, 149, 246
 Stefan (Étienne) Pervovenčannyj (le Premier Couronné), (Simon) 127, 130, 143, 146, 149, 150
 Stefan Uroš I (Stefan Ourososch I, Étienne Uroš I), (Simon) 119, 127, 130, 131, 134, 135, 137, 143, 146, 148, 149, 150
 Stefan Uroš II 44
 Stein, E. 249, 250, 251
 Stephan, Robert 2
 Stocks, H. 250, 252
 Stojanov, A. N. 226, 232
 Strzygowski, Josef 227–231, 250, 256, 258, 266
 Stuhlfauth, G. 156, 157, 252, 253, 259
 Suidas 212
 Suchomlinov, J. M. 183, 185, 188, 206
 Sulzberger, Max 268, 269
 Sumarokov, A. P. 262
 Suslov, V. V. akad. 102
 Světoslav, bulharský 267–268
 Svjatopolk, v. kníže moravský 235
 Svjatoslav (Jaroslavovič) v. kníže kijevský 182, 184, 186, 188, 191, 206, 240
 Svjatoslav (Olgovič) v. kníže kijevský 262
 Sybel v., H. 251
 Syméon 38
 Symeon (Simeon, Syméon le Grand), car bulharský 39, 40, 41, 42, 43, 51, 65, 111, 118, 159, 160, 164, 173, 174, 182, 188, 206, 212, 226, 227, 237, 238, 244
 Symeon Metafrast 168
 Symeon le Nouveau Théologien 260
 Syrku, P. A. 20
 Šafařík, P. J. 18, 86, 188, 190, 217, 226, 245, 246, 262
 Šachmatov, A. A. 262
 Ščepkin, V. 90, 102, 217
 Šestakov, S. P. 159–164, 262
 Ševyrev, St. 184, 185
 Škorpil, Karel 173, 174
 Šljakov, N. V. 263
 Štěpán viz Stefan Dušan
 Štěpán V, papež 212
 Štěpán Dobrý 217

- Tabari 42
 Tamerlan 253
 Tarassoff, Natalie, 257
 Tazio, Achille 255
 Tekla, sv. 138
 Tenor 232
 Teodorov-Balan, A. 215, 244
 Teodosij, patr. antioch. 22, 23, 33
 Teodul, mnich 22, 23, 25, 33
 Teofylakt 250
 Ter Comidas Keumurdjian 261
 Thémistios 266
 Théoctiste de Lesbos, sv. 265
 Theodor, arcib. Edessy 252
 Theodora, císařovna byz. 24, 31
 Théodorich 230
 Théodoros, Thebaidský 267
 Théodoros, sv. 35, 46
 Théodoros Metochites 44, 45, 269
 Théodoros Kommenos, císař, vládce
 epirský 252
 Theodoros Prodromos (Théodore Prod-
 rome) 257, 266
 Theodoros Studites 250
 Theodorus Priscianus, Ps. 252, 253
 Theodosij, sv. 19
 Theodosij II, císař byz. (Théodose le
 Jeune) 154, 155, 267
 Theofanes, sv. 258
 Theofanes Řek, malíř 256
 Theofylos Korydaleus 258
 Theofylakt 249
 Thoma (Thomas), apoštol 125, 141, 145,
 149
 Tichonravov, N. S. 255
 Tillgard, H. J. W. 259
 Tischendorf, K. 3
 Tjutčev, F. 263
 Tjutčev, F. I. 263
 Tobiáš 36
 Tolstoï, Jean 269
 Tolstoj, L. N. 263
 Tornik, Lev 31
 Tregelles, S. 3
 Triantofillides, M. 257
 Trifon, (Tryphon) sv. 35, 45, 135, 141
 Tschubinaschwili, G. 259
 Tubias 252
 Tunickij, L. N. 14, 15, 232, 236, 237
 Uran, Michail 24
 Urban II (Urbain), papež 259, 260
 Uroš, syn Stef. Dušana 136, 137, 150
 Uspenskaja, O. A. 211
 Uspenskij, Feodor Ivanovič 165–181,
 212, 245, 261, 263, 264, 267
 Uspenskij, Konstantin Nikolaevič
 210–211
 Uspenskij, P viz Porfirij
 Uvarova, hr., P. S. 157
 Václav, sv. 219
 Vachram, duka Mesopotamie 26
 Vajs, Josef 1–9, 239, 242, 262
 Vakch (Saint Bacchus) 143, 147
 Valaam 130
 Valdenberg, Vlad. 266, 267, 269
 Varneke, G. V. 262
 Vasil'ev, A. A. 175, 179, 211, 213–214,
 267, 269
 Vasil'evskij, Vasilij Grigorjevič 168, 169
 Vasilij, sv. 135, 140
 Vasilij Apokap 27, 28
 Vasilij, magister 22, 27, 28, 29, 30, 33
 Vasilij Velikij, sv. 120, 121
 Vasmer, Max 259, 265
 Vašatý, Dr. J. 209
 Venelin, J. 220
 Vernadskij, G. V. 258–259
 Viching 237
 Viktoria, sv. 219
 Viller, M. 268
 Vinogradov, Pavel Gavrilovič 210
 Višňakova, A. 264
 Vít, sv. 219
 Vjazemskij, kníže, P. 167
 Vladimír, sv. v. kn. kijevský 264
 Voila, Evstatij 22, 25, 33
 Voila, Roman 25
 Vojtěch, sv. 219
 Volkov 90
 Vondrák, V. 217, 241, 244
 Voronov, A. 244
 Voskresenskij, G. A. 14

-
- Vostokov, Alexandr 166
Vriennij, Nikifor 25, 32
Vulfila (Ulphila) 239, 262

Walton, Brian 2
Waltz, Pierre 268
Wagner, M. L. 250
Weingart, Miloš 165–181, 182, 212,
240–247, 259, 264, 267
Weiss, B. 3
Wellesz, E. 249
Wellmann, M. 259
Westcott, B 13
Wharton, Leonard 207–208
Wiercinski, F. 255
van Wijk, N. 10–15

Wulf, O. 154, 251

Zabělin, J. E. 228
Zacharija, prorok 141
Zeiller, Jacques 269
Zerlentes, P. G. 256
Zíbrt, Č. 207
Zigel, F. F. 226
Zlatarski, V. N. 22–34, 42, 159, 174, 226,
237, 248, 260, 261
Zonaras, Jean 46

Žebelev, S. A. 165, 264

Xanthoudides, St. 251, 254, 257
Xenopol, A. D. 215, 222, 225
-

REJSTŘÍK SLOV.

I. SLOVANSKÝCH.

N. B. Do tohoto rejstříku *není* pojat slovníček stati G. Iljinského.

а 59, 69, 78
абѣтко 61
агна 61
агода 61
агомеркурѣ... 132
аеръ 14, 59
ѣтнн 59
азъ 61, 63
аѣмъ 141
анѣлъ, аггелъ 55, 75

б 67, 69, 72, 73, 78
благовѣрънъ 14
богатоно 14
брашно 14

в 69, 78
ваѣта 138
велинн, великъ 13, 15
Белки краля Стефанъ... 137
бѣсѣнн и вѣсѣнн 121
визжь 49
вина 14
внтлеомъ 59
властелннъ 221
властелъ 221
вожь 208
вѣсонъ, вѣс'сонъ, вѣс'сонъ 239
вѣс 52
вѣсѣ земла 49
вы 49
вѣзлюбѣ 12
вѣзникнжнн 14
вѣзѣрѣтн 14
вѣрозѣмѣшаго 49
вѣторнцѣнн 14
вѣдѣ 123

г 69, 73, 75, 78, 138
гѣраснѣ еппѣ морѣнчскн 132
гѣрѣж 14
гѣрѣховъ оставленн 14

д 69, 73, 78
дармн (дарѣмн) 12
дѣкло 53
дл 50
дѣлателъ 14
дѣчѣостко... 122

е 50, 65, 69, 77, 78
...еѣзѣнн 123
ѣда 60
ѣзеро 60
ѣкъсарѣхъ 68, ѣдарѣхъ 75
ѣленъ 60
ѣн 60
ѣрѣбѣ 60
ѣсѣ 60
ѣсѣнъ 60
ѣтеръ 13, 15, 60

ж 56, 68, 69, 73, 78
жд 50, 54, 56, 65
жѣзъ ѣкорѣ нѣнесѣва 131

з 48, 74, 81, 83, 85

з 65, 68, 73, 74, 75, 76, 78, 80
забрало 14
земла 74
зѣкло 72, 78

и 69, 78
нзѣкоѣ 12
нзискатн 14
нзѣмоштн 14
нѣскома 240
нлн 240
нмѣнн 78
нмоуѣ, нмоуѣню, нмоуѣнем 12
нного 78
ноана 239
нроднадѣ 184, 185
нскомыхъ 12

- искоуѣсити, искоуѣшене 14
 испльнѣти 14
 историчьскою имоуше бесѣдоу 11

 і 69, 78
 іелена бѣотима кралице српьскихъ и по-
 морьскихъ 137
 іръслак... 140

 к 69, 78
 кадоликини 14
 кнѣотъ 14
 кнѣвта 12
 кореневъ 131
 крѣпко 14

 л 50, 52, 59, 69, 72, 73, 76, 78
 латрица 74
 летитъ (во)нѣнѣ словеньско плѣмѣ 78
 ли 240
 лоуна 14

 м 69, 73, 78
 моужа 235
 мъ 72
 мѣ бѣни и бѣговѣщеніе 140

 н 59, 69, 73, 74, 76, 78
 напасть 14
 насѣштѣны, насоуштѣны, надѣневѣ-
 ны 5
 начати 13; начатне 13, 15; начатъ 12;
 начетни 13
 невѣзства 49
 неизливаемъ 14
 некли 14
 неоудобъ сътворено 14
 ничесоуж не ѡхотъ 240
 нозѣ 54
 нѣкыи 13

 о 50, 62, 69, 78, 81
 обрѣтѣни 10
 окрочити 14; окрочыше 12
 ома 240
 омъ а емъ 50
 ослѣце 49

 ослабѣненіе 14
 островъ 12, 13
 отокъ (втокъ) 12, 13, 15
 отъ 239, 240
 отъпоуштеніе 14
 оцѣтити 62

 п 61, 69, 78, 80, 81, 138
 пастырѣ 14
 пѣ анебо пѣ 68, 69, 79
 печаль 68, 69, 78
 пиръ 14
 пища 14
 по 29
 повѣдати 14
 подобне 14
 Подоунавѣ 29, 34
 полнкрѣ 141
 помышлѣненіе 14
 послужыше 12
 потока 12
 потребаше 12
 правило умного жити 19
 правитель 221
 приготовати 14, 15
 приключишася, приключышася 12
 припо... 138
 пристѣпати 12
 причѣтъ 14
 пролитне 14
 тропаторъ ситъ 127
 просвѣщыше сѧ 12
 прѣмоудрость створи 128
 прѣриштати 14
 прѣспѣвати 14
 пѣсалѣмъ 75
 пѣсалѣтѣрь 68
 ꙗк 72

 р 69, 78
 разлжчити ли рассмотрити 14
 разсѣянии моштемъ св. Георгіа 140
 розѣство, розѣствоу 49

 с 52, 69, 78
 сѣа іелѣна монахиня 137
 сѣа текла 138

- сѣи симеонъ мироточъць српъски 137
 сѣи симеонъ немани нови мироточъць
 српъски 137
 сѣи симеонъ монахъ ктиторъ сѣаго ме-
 ста сего 137
 светни тронцы 136
 сѣго отца нашего шана златоусталаго
 слово на оустѣкновение прѣдътече 192
 свѣштьникъ, свѣтильникъ 14
 с[вѣ]щъше 12
 свѣште(н')никъ 14
 се агньць бжї... 129
 се естъ егоже азъ... 125
 сержы 19
 синай 20; синайскю горѣ 19
 сице 14, 15
 скинии 14
 † слав столник царев 224
 спиридоне 141
 споухаль 12
 стадин 14
 стѣпъ 14
 събирають 5, 9
 съборъ 13, 15
 съвъкоупити сѣ 15
 съвокупъ сѣ 12
 съвъзвѣтъ 5, 9
 съмѣштение 14
 съньмъ 13
 сътворъ 12
 сътъникъ другы 240
 сыноу, сїноу 235
 сѣрьскы 19

 т 52, 57, 61, 69, 70, 78, 239
 тѣбѣ 52, 72
 те...тихиски 120
 тоу 14
 тоуждѣ 61
 тѣ 72
 тѣкъмо (токмо) 13, 15
 тжга 15

 ү 68, 69, 78, 80, 81, 83; оу 50, 69, 70,
 77, 78, 80, 81, 85
 оубоудити 14
 оуготовати 14
 оуѣна 59
 Оуспасианъ 59
 ѡзритѣ жжотъ 124
 оуподобльша сѣ 12
 оупъвание 14
 ѡрошь краљ синъ прѣвнесокого крале
 Гтефана 137
 оурѣдникъ 221
 оутвердити, -ждати 14
 оучеником 235

 ф 69, 70, 71, 78, 80, 83, 85

 д 70, 73, 75, 81
 Тома = Тома 75

 х 68, 69, 70, 71, 78, 79, 80, 81, 83, 85
 хв 62, 70, 71, 78, 79, 81
 хвалами 72, 79; хвалѣ 5, 79
 хвалѣ въздавъшю гоу 5
 хв. въздавъше богови 5, 7, 9
 хероковскъ 70
 хлѣ 72, 81
 хлѣмъ 70
 хотѣти-хотѣши, хотѣше 12
 хризма 14
 херосъ 128
 Хѣ глаголетъ къ женѣ самаренине 137
 хѣровниискъ 70
 хждогъ 14

 w 57, 61, 69, 70, 72, 78, 79, 80, 81, 83, 85
 w добрыхъ женахъ и w злыхъ 185

 ш 79, 81, 83, 85
 щ 50, 53, 56, 57, 61, 63, 68, 69, 71, 72,
 73, 75, 76, 79, 80
 щї 72, 80

 ц 50, 56, 57, 65, 67, 69, 72, 73, 78, 79,
 80, 81

 ч 69, 72, 73, 78, 80, 81

 ш 57, 69, 70, 72, 73, 78, 79, 80, 81
 шї 72, 80

- Βασίλειος ὁ ἀπὸ Κάπης 27
 Βασιλεὺς καὶ ἱερεὺς εἰμί 258
 βάσταγμα 138
 Βέης 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 265
 Βελιαντίης, Θ. Θ. 258
 βέστης 25, 29, 31
 Βιζύην 42
 βιχλίσκον 237
 βλαχορηγίνοι 39
 βουλίας 42
 Βυζαντινὰ Χρονικά 208

 γ 53, 55, 56, 67, 78, 81
 γε 60
 Γιαννόπουλος, Ν. Ι. 255
 Γρηγορίῳ μητροπολίτῃ Ἐφέσου 161

 δαμίν 253
 Δάνουβιν, Δούναβον 29, 36
 Δένδια, Μιχαήλ. Ὁ. 268
 δεσμεύουσιν (δὲ φορτία βαρέα) 5
 διὰ χάριτος καὶ μέλανος 1
 διαιρεῖν 14
 διοίκησις 267
 δουκάω 24, 26, 27
 δομέστικος τῶν σχολῶν 32
 δρομοκρηγύκων 256
 τ. δύσεως 33
 δυσμενεστάτων ἐχθρῶν 40

 ἐθνάρχαι 36
 ἔθνεσιν 41 τὸ νεφώτιστον ἔθνος 160
 εἰ 66, 69, 70
 Εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ Προδρόμου καὶ
 Βαπτιστοῦ Ἰωάννου καὶ εἰς τὴν Ἑρω-
 διάδα 184
 Ἐνθυμήσεων ἦτοι χρονικῶν σημειωμά-
 των συλλογὴ πρώτη 22
 Ἐπαρχία Γοτθίας 245
 ἐπιούσιος, ἐπιούσα (ἡμέρα) 5, 7, 9
 ἐπισκιάζειν 249, 250
 τ. ἐσπέρας, ἐσπερίου 33
 Ἐσταθίου πρωτοσπαθαρίου καὶ ὑπάτου
 τοῦ Βοῆλα 22
 ἔταιρεῖται 32
 εὐ 70

 Εὐστράτιος 39
 εὐχαριστήσαντος τοῦ κυρίου 5, 9
 τ. ἑώας, adj. ἑῶς 33
 ς 48, 66, 74
 ζ 55, 68, 71, 208
 Ζερλέντης, Π. Γ. 256

 η 69, η, ην 70
 Ἡπειρώτης 31

 θ 54, 68, 70, 71, 75, 78, 80
 θαυμασιος καὶ ζηλωτὸς Βουλγάροις καὶ
 Ῥωμαίοις εἰσέτι 160
 Θεοδούλου μοναχου . . . 22
 Θεόδωσιον Ἀντιοχ[είας] 22

 ι 68, 69, ιε 60, 73
 ἱατρικὸς δάκτυλος 250
 Ἰβηρίας 30, 31
 Ἰησοῦς Χριστὸς θεοῦ υἱὸς σωτὴρ 249
 Ἰσακίου τοῦ Κομνίνου 22
 Ἰταλοὶ 43
 Ἰωάννης μοναστηριώτης Ἡβηρίας 30
 Ἰωάννου κοροπαλατοῦ . . . 22
 Ἰωάννου τοῦ Δουκήτζη 22

 καβάδιον 265
 Κάλον Ὁρος 253
 κατεπάνω Ἐδέσσης 22, 23
 ἐν τῇ Κεφαλληνίᾳ 254
 Κλίμαξ τοῦ παραδείσου 22, 34
 τὸ Κιοάβα 246
 κοινή 3, 4, 6, 239, 248
 κοινὴ ἔκδοσις 2
 Κοντογιάννης, Π. 257
 Κοταστῆ[νῶν = Κοτυαέων] 253
 Κουγέας, Σ. Β. 257
 κρούω καὶ λαμβάνω 253
 ὁ Κύρ Κατῆς 256
 κυριακὴ τῆς ὀρθοδοξίας 171
 „Κύριε ἐλέησον“ 43
 Κωνσταντῖνος ὁ Δούκας 24
 Κωνσταντῖνος (πατριάρχης) προέδρος καὶ
 πρωτοβεστιάριος ὁ Λεικούδης 23

 Λάμπρος, Σπ. 159, 160
 λαυριώτης 31

Λέων ἀρχιεπίσκοπος Βουλγαρίας 253
 Λέοντι μητροπολίτη Σάρδεων 254
 λόγος 243

Μεγάλη Περισθάβα 174
 ὁ μέγας δομέστικος 32
 μέγας λογοθέτης 221
 μελισμός 120
 μεναλίων 256
 Μενάρδος, Σ 258
 Μεσοποταμίας 22, 25
 μονάζουσα, ἥν ἐκ Βουλγαρίας.... 41
 μοναστηριώτης 22, 30, 31
 Μυστακίδης, Β. Α. 254

ναοὺς 42
 Νέα Ἀγχιάλας 251
 νησιώτης 31
 Νικηφόρος 42

οι 70, 71, 74; ου 70
 οικήτορες (ἸΑθωνος) 38
 Ὁξεῖα 250
 Ὁρλάνδος, Ἀ 259
 ὅτι [ὅ] καιρὸς τοῦ ἄρξεσθαι τὸ κρίμα ἀπὸ
 τοῦ οἴκου τοῦ θεοῦ 13
 Οὔννων 46

Πακράτιος-Παγκράτιος βασιλεὺς Ἀσ-
 πρακανίας 22, 31
 Παραδούναβιον 34
 Παραδούναβιου, τοῦ περὶ Δουνάβου 29
 Παραδούναβις 29
 Παρίστριον, ἐν τοῖς παριστρίοις πεδίοις
 30; αἱ παρίστριοι πόλεις=περὶ τὸν
 Ἰστρον 28, 29
 παρ^ο ὅλην τὴν πολιορκίαν 42
 Πεζόπουλος, Ε 257
 Πίναξ ἀληθῆς τῶν λόγων τοῦ βιβλίου 254
 Πλίσκωβα 174
 πολέμου νόμος 43
 πρεσβείας (Τριβαλλῶν) 43
 πρόεδρος 22, 23, 26
 Προθεωρία 250
 πρόνοια 170
 πρωτογαμία 253
 πρωτοσπαθάριος 223

ξ 68, 71, 75, 78, 80
 Ξανθουδίδης, Στ. 251, 254, 257

δηγίνοι 39
 Ῥωμαῖοι 43
 Ῥωμανῷ βασιλεῖ 161
 Ῥὼς 43
 Ῥὼς-Δρωμίται 171

σαγουδάτοι 39
 τῇ Σακύνθῳ 254
 Σαμβάτας 246
 σκαραμάγγιον 265
 Σκυθῶν 36, 46
 Σκυράδες 257
 σπαθάριος 223
 Σπάρτακος 251
 σταυροπήγιον 259
 στρατηλάτης τῆς ἀνατολῆς 32
 στρατώρ 223
 Συμεών, ὁ ἄρχων Βουλγαρίας 41
 Συμεών βέστης καὶ κατεπάνω τοῦ Πα-
 ραδουνάβου 29
 Σύροι 43
 σῶμα 255

τῷ 67
 τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπούσιον (δὸς ἡμῖν
 σήμερον) 5
 τράβιτζα=στράβιτζα 258
 Τριανταφυλλίδης, Μ. 257
 Τριβαλλοὶ 43, 44

υ 71, υι 70
 φ 70
 χ 70, 71, 83, 85
 χαίρετε 125
 Χαριούπολιν, πόλιν οὖσαν Μακεδονίας
 255
 Χαριτωνίδης, Χ 259
 Χηλή 259
 Χιώτης 31
 χριστιανοὶ 41
 ψ 61, 68, 71, 75, 78, 80, 81
 ω 68; φ 70; ὥτης 31
 ὥσπερ τις ἀνὴρ φιλέρημος ἐν τινι τόπῳ
 ἀλσώδει 190

III. LATINSKÝCH.

alligare 5	Justinianus 151
anathema 245	narratio historica 11
annus 151, 152	palatinus 225
Apollinaris, sanctus 47	pater maior me est 245
Boz, rex Antorum 208	quotidianus 5
colligere 5, 9	sclavinus 47
dux 208	sermo declamatorius 11
filioque 233	sic, ita, hic 14, 15
gens Agarenorum 47	supersubstantialis 5, 7, 32
gratia (agente Domino, Deo) 5, 7, 9	Thessalonica 152
historia brevis 11	vastita 138
industria tua 212	Vinlandia 46
judex curiae 225	

REJSTŘÍK VĚCNÝ.

- Abeceda*: slovanská: myšlenky o původu 48–80; přizpůsobování latinské abecedy slovanské 51; viz hláholice a kyrillice; písmena 53–63; původ slovanských abeced a jejich vzájemný poměr 66–76; pořádek písmen v akrostichách 78; abec. bulharská 79–80; abec. mnichovská 81; resumé 82–85; před Kyrillem 245
- Abecedarium* viz *Abecenarium*
- Abecenarium* (*Abecedarium*) bulgaricum 63–79
- Aboba-Pliska* 173–174, 180
- »*Acta sanctorum*« Bollandistů 35
- adjectivum*, u sv. Jeronýma 5
- Adrianopol*, obsazení Bulhary 159–160
- agarenové* 46
- Adriatique* viz *Jaderské moře*
- Acheron* 151
- Achim* 154, 157
- Aid* 151
- Akademie historie materiální kultury* 165
- Akademie Česká věd*, v Praze 209, 210, 242
- Akademie Ruská věd*, v Petrohradě, SSSR 165, 175, 176, 236
- Akademie Ukrajinská věd*, 240
- Akademie věd v Bělehradě*, 210, 245
- Akademie věd v Bukurešti*, 210, 245
- Akademie věd v Krakově*, 210, 245
- Akademie věd v Záhřebě*, 210, 245
- Akademie věd* 165
- akrosticha* řecká 77
- akrosticha slovanská* 53, 55, 57; starobulharská Konst. Bulh. 60–73; starší slovanská 77–79, 81
- akty* 214, 220
- albigenští* 179
- Alexandrie* 1, 43, 157, 251
- alexandrijská éra* letopočtu 233
- Amerika* 46
- Amorion* 36
- ampulla* z Monzy 157
- Anglie* 2
- Ani* 31, 32
- anthologie* staroslověnských památek 240
- antinormannista* 234
- Antiochie* 24–25
- Antové* 208
- Apostol* ochridský 77
- Arabové* 43, útok na Euchaitis 46, zpustošení Ravnny 47; arab. spisovatelé 214
- Argeš* 224
- archeologie*: byzantská 169; výkopné práce Rus. Archeol. Inst. na pobřeží černo-mořském, na Balkáně, v Cařihradu a v Malé Asii 172; v Bulharsku 173, 181; – ruská: výzkumy Kulakovského v jižním Rusku 177; – slovanská: na Moravě 244; – středověká 227
- architektura*: cihly 174; domů, slovanských 228; chrámů, kamenných 229; chrámů v Sopočanech 119: součástí – apsida oltářní 119, 120–1, 125, 149; menší apsida 135, 139; diakonik 119, 139, 140; klenba 125, 126, 127, 139, 149; kupole 127; oblouk 127, 128, 136; narthex 119, 123, vnitřní 129, 131, 133, exonarthex 136, 148, 149; pendentif 127; podezdívka 131; portál 136; příčná loď 122, 126, 127, 129, 139, 149; prothesis 119, 128, 139, 140, 148; sloupový pilř 121, 127, 128, 136, 149; tambur 127; tympan 128, 130, 136, 140; vedlejší oltáře 131, 133–4, 135–6, 139, 140, 148, 150; kupole 228, 229; průčelí nad vchodem 230; věž – v církevním umění 228; zříceniny řecko-římské 230
- Archiv für Papyrusforschung* 208
- Arménie* 31–32, 40, 179; umění 227
- Asie*, umění 227
- Athény* 172
- Athos* (Svatá Hora) 16, 247
- Augustiniáni* (Augustins de l'Assomption) 175
- Avignon* 172
- Balkánský poloostrov* 152, 157, 158, 217, 230

Benátkané 45, 229

Bessové 234

Bělehrad 183, 185, 190

Besedy na evangelie papeže Řehoře Velikého 219

bibliografie: byzantských studií 207–208; otázky cyrillo-methodějské 232–233; chrestomatií církevně-slovanských 242; českých dějin 207; Egyptologie a papyrologie 208; orientální 208; o památkách slovanských X.–XI. st. 240; polských dějin 207; vzory Finkela, Zibritza, Dahlmanna-Waitze 207

biblioteka viz knihovna

Bizya 40–41, 42

bogomilství 172, 179, 242

Bosna 225

Bratislava 212

Bukovina 218

Bulharsko: Starožitnosti: Výzkum starožitností bulharských 173; prvotní sídlo Bulharů, chanská a carská residence 173–174; prsteny 153; starobulharské památky 242. *Etnografie*: Skythové 36, Bulhaři Asparuchové 226; etn. doby cara Symeona 226–227. *Bibliografie*: prací Uspenského 173; Hýblových 212. *Dějiny*: Doba I. carství, výprava Presiana proti Smolenskému 248, válka s Byzantskem za Kruma 248; cesta sv. Blasia 36–37; styky s Římem za cara Borise 180, za Symeona 37, 39–43; styky řecko-bulh. ve 3 desetiletí X. stol. 159–164; doba vlády Symeonovy, poměry vnitřní politiky a kulturní 179, 226–227; spojení s Rumuny a panství bulharské v krajinách severně od Dunaje 215, 217, 218. — Doba závislosti na říši byz. — Bulhaři v byzantské službě 25–26, 32, 34. Doba II. bulharského carství: Asěnovci, poměr k říši byzantské 174, poměr k Uhrám 212, k Tatarům 212; panování Světslava 267–268; mír v Š. Stefano 212. *Administrace*: úředníci: komis 223, logothète 223; pekárník-epikernij

225; postelník 225, protovestiar 223, stolník 224; strator 223–4. *Právo* bulharské 226–227. *Církev*: vliv na srbské mnišství 18; bogomilství ve XIV. stol. 172; styky s Byzantskem 173; znárodnění bulharské církve za Symeona 226; církevní sněm r. 1211 242; nauka Konstantina Bulh. 245. *Jazyk*: původ jména Παραδούναβις 29–30; bulharská redakce staroslov. jazyka 49–50, 51, 64, 65, 66; žáci Methodějovi v Bulh. 51, 52, 64; užívání kyrillice 75; bulharismus 219; jaz. Synodika c. Borily 243. *Literatura*: Zlatý věk cara Symeona 111, 117, 118, 237, 244; východobulharská škola přeslavská 182, 206; školy překladatelů 218; středobulharské redakce sinajského sborníku 183; bulharský původ sborníku srbské redakce 183; charakteristika lit. b. 216, 217; synodik cara Borily 242–243; doba patriarchy Euthymia, literární reforma, překlady 243, 245

bully: Chilendarská Povelja 245; papežské — Hadriana II. 235, Jana VIII. 212, Štěpána V. 212; Štěpána Dušana 247

Byzantinische Zeitschrift 165, 166, 169, 173, 207, 208

Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher 248–261

Byzantion 247, 265, 269

byzantologie: v Čechách — monografie Hýblový 212; v Rusku: vývoj vědecký na Rusi — práce filologické a byzantsko-slovanské 166; o letopisech a chronografech 166–167; význam Vasiljevského 168–169; práce historické a archeologické 169; význam F. Uspenského v dějinách ruské byzant. 165–181; biografie 169–170; I. perioda vědecké činnosti 170–172; II. perioda 172–175; III. perioda 175–176; nová byzant. literatura 247. *Dějiny říše B.*: Kulakovského 171, K. Uspenského 211; T. Uspenského

- 177–181; Vasiljeva 213–214; obrazoborectví: práce K. N. Uspenského 210; Ostrogorského 247. Kathedry b. na Západě a v Rusku 166
- Byzantská komise* Akademie nauk 165, 176, 264
- Byzantsko*: 2, 77, 169. Starožitnosti: prsten z Varny 150–158. Ethnografie 179. Dějiny: styky B. s Východem 177–178; byzantinism a jeho kulturní význam 178; dějiny kulturní 170, 213–214; vztahy arabsko-byzantské 214; bulharsko-b. 226–227; rusko-b. 167, 168; slovansko-b. 179; srbsko-byz. 247; vlivy b. na Sardinii 256. Periodisace dějin byzantských 178, 213; Doba Konstantina Vel. do Justiniana 178, 179, 213; od Justiniana do Herakleia 178, 213; Herakleios a jeho nástupci 178, 213; doba obrazoborectví 171, 177, 178, 179, 213; doba makedonské dynastie 178, 214; B. a Bulharsko za Lva VI. 40–42, za Romana Lakapena 43, 159–160; smlouva s Rusy 944 r. 159; nastolení Isaaka Komnena 23–26; války na východě 26–27; poměry na Balkáně 27–29; doba Komnenovců 178; Angelovců 178; latinské a nikejské císařství 176, 178; doba Palaiologů 178; styky se Srby 43, 45, poselství do Alexandrie 43; pád Cařihradu 170, 175, 178; císařství trapezantské 175. Poměry vnitřní 22–34, 168. Poměry sociální a hospodářské 170, 171, 178, 211, 214–215; rolnická obec 214; eksusia-imunitet 211; feudalizace 211; finanční organizace říše 40, 214; právo — zákonodárství obrazoborců 213–214; administrace: thema, dukat a katepanát 27, Iberie 31, Mesopotamie 26, 30; Dolní Medie 31, Horní Medie anebo Vaspurakan 26, 31; Paristrion 27–30; Poevfratskité gradove 23; úředníci: archont 26, 27, 28, 29, 30; veliký domestik 32; domestik schol 32–33; drongarios 40; duka Ani 32, antiochijský 24–25, 33; Mesopotamie 26, Paristrion 27, Vaspurakanu 31; ipat (konsul) 25, 33; katepan Edessy 23, 24, 33; kesar' 23, 24; komis 32, 33; kuropalat 32, 33; logothet (veliký) 221, 223; magister 24, 26, 27, 28, 33; prefekt města 184; proedr 25, 26, 33; protospatharios 25, 33, 221, 223; protovestiar 223; rektor 32; spatharios 223; strator 223–224; vest 25–26; vestarch 28. — Církev: theorie o poměru světské a duchovní moci 258–259; pjaťosestoj vselenskij sobor 213; synod cařihradský 842–3 r. 171; patriarcha cařihradský 8, 25, 33; antiošský 25, 33; patriarchát cařihradský 177, 180; zřízení biskupství Justinianem Primem 267; úředníci: monasteriot 30–31, 33; proedr 25, 33; pozemkový majetek klášterní 171; řecký živel 179; přijetí křesťanství u Slovanů 38–39; světová politika Fotiova 180; styky s moravskou církví 235; poměr k Chazarům 246; věc Stefana Dikona, otázka udržení autority řecké církve v Bulharsku 159–160, 164. — Literatura: dějiny l. 166, 213–214; Homilie Jana Zlatoústého 184, 185, 190–205. — Umění: dějiny hudby 249; výtvarné: monumentální 156; chrámy 128, 172–173; architektura v Kerči a Trapezuntu 264; mosaiky 172–173; miniatury Oktateuchu 175; žaltáře 176; průmyslové umění 154, 155; styl hlavního města a provinční 155–156, 157, 158; vliv na Slovany 227, 229, v Dalmacii 229; 231.
- Cařihrad* (Carigrad, Konstantinopol, Byzantsko) 4, 22, 25, 26, 27, 40, 169, 171, 172, 173, 175, 177, 178, 181, 184, 211, 233, 234, 235
- Cesty po Bulharsku*, Jirečkovy 173
- církevněslovanská literatura* 172, 181, 182, 241, výnosy církevních sněmů 242, 243

- církevněslovanský jazyk* 11, 49, dialekty (izvody) bulharský a ruský 87, 88, 179, 240
- církev*: mnišství 220, 225; vliv na umění 227–228; východní: postavení Cyrilla a Methoděje 233; vliv na Rumunsko; západní vliv na Rumunsko 215–216
- Codex* viz *Kodex*
- Comptes rendus du Congrès archéologique d'Alger* 175
- Congress* viz *Kongress*
- Conjugace*: sloveso δουκάω 24, 27; v staroslov. praes. 2 sg. »ši«, 3 sg. a pl. »тъ« 64; 3 os. s konc. »тъ« 66
- Constantinople* viz *Cařihrad*
- Corpus byzantských historiků a chronistů* 167
- Cyrillice* viz *Kyrylice*
- Čechy* 218; husitské hnutí 179, 215–216; reformní hnutí 15 st. 217–218; jazyk 54, 236; československý jazyk 49, 50, 54, 56, 59, 66; právo, práce Kadlcovy 209; umění-církevní 227, 228; věda-literatura o husitském hnutí 216; práce Uspenského 169, Jirečkovy a Škorpilovy 179; časopisy odborné české 165
- Černá*, řeka 217
- Černá Hora* 16, 171
- Černigov* 246
- Černomoří* 180
- Český časopis Historický* 165, 212
- Dacie* (římská, trajanská) 215, 217
- Dalmacie* 227, 228; umění 229, 230, 231
- De administrando imperio* 246
- deklinace* — »ѣмь« a »ѣмь« v instr. sg. m. a »омь« a »емь« v instr. sg. m. 51; dat.-loc. sg. pron. »тѣмь« 52; gen. sg. m. »ajejo-aago«; dat. sg. m. »uje-mu« anebo »uumu«; loc. sg. »ějemь« 64; nom. sing. n. part. sg. 64; dat. sing. pronom. 2. p. a reflexivní 64; instr. sg. m. »ѣмь« — »ымь« 66
- dějiny*: balkánské a východoevropské, stolice 212; byzantské viz *byzantologie*; — české, stati Hýblový 212; — národa bulharského 173, 212; — říše rakouské 209; — starého věku 212; — středověku 210; — veřejného práva ve střední Evropě 209
- Desna*, řeka 247
- diptychos*, bolonský, muranský 157
- dissertace*: Uspenského 170, 173, Bärbuslesova 217
- disput*, Konstantina v Benátkách 235.
- divadlo* 209
- Dněpr*, řeka 246
- Dněstr*, řeka 217
- Drster*, řeka 174
- dregátor* 220, 221
- drak* 157
- Dubrovnik* 249
- Dunaj* (Danube, Dunav) 28, 29, 215, 217, 219, 223
- École Française d'Athènes* 248
- Edessa* 23, 24, 25
- Egypte* 43, 227
- Encyclopedie cambridžská* 209–210
- Epírský despotat* 249
- Essai de chronologie byzantine*, Muralta 167
- Etymologie*: jména δ' Ἀποκάπης 27; jména ὁ Παπαδοῦναβις 29–30, 34; slova sambatos-sqvodь 246–247
- Euchaitis* na Hellespontu 46
- Eurasie* (Europe Asie) — umění 227
- evangelia cirk slov.*: archangelské 77; Assemanovo 5, 6, 77, 242; Dobromirovo 77; Miroslavovo 77; Mariinské 6, 49, 77, 79; Ochridské zlomky 77; Ostromirovo 5, 77, 239; Sköldův rkp. 239; Vukanovo 77; Zografské 77, 79
- evangelium* sv. Jana 1, 5; sv. Marka 4, 8, 239; Matouše 4, 5; Nikodémovo 219; Texty: skupiny 4. alexandrijský 1, 2, 3, 8; apoštolský 1, 2; byzantský 2; cyrilský 1, 8; elzevirský neboli recepta 2; hlaholské 1, 8; latinský 4; neutrální 3; řecký 4; Roberta Stephana 2; starosyrský (západní) 2; syrský (antiochijský) 3, 4;

- staroslovanská tradiční 2; kodexy, staroslověnské, poměry mezi sebou 1-5; třídy (nationes) evang. textů 2; Nového Zákona 3, textů západních 4, textu cařihradského 4; recense byzantské 9-8, 239; čtení a změny v evang. textech 1-5; varianty 2, 4, 8, 9; jazyk 6, 9; vydání 2, 5; překlady textu ev.: gotský 6, 9; latinský 1, 2, 5, 9; staroslověnský 4, 5, 6, 8, 9; syrský 1; překlad Cyrillův 63, 64, 180, 234; Hieronymův 9, Vulfilův 239
- Evropa* 30, 231
- Finsko* 230
- Francie* 170, 230
- francská říše* 180
- freska* (stěnopis') 119, 173
- Frisinské zlomky* 51
- Galičský újezd*, Kostromské gubernie 169
- Gallipoli* 45
- Gargano* (Monte) 47
- gemma* 154; křišťál 155, granát 156
- Gesta episcoporum Islandiae* 46
- glagolica* viz hlaholice
- Golgotha* 123
- Golos Minuvšego* 211
- gotská říše* 208
- gramota* viz list
- Grškovicev otrývok* 77
- hagiografie*: historiko-hagiografická literatura 17; kritické rozbory skladeb hagiografických 168; životopisy svatých, obsahující zprávy o Slovanech 35-47; St. Blaise 35-39, Sainte Marie la Jeune 39-43, Saint Michel d'Alexandrie 43-45; Saint Triphon 45; b. Gratia 45; St. Hélène de Hongrie 45; st. Jean de Meklembourg 46; St. Théodore 46; St. Probus 47; Žití Klimenta 237; život a působení Cyrilla a Metoděje 231-236; »panonské« 10, 11, 180, 236, 237; (prostrannoe) 236, 237; Metoděje 235, 236; Simeonovo žití 245
- Haličský újezd* 169
- hebraismus* 1
- hellenismus* 213
- herese židovstvujuščich* 172
- Hermes* (Germes) 210
- Hibernia* 46
- hippodrom*, cařihradský 171
- Historicko-filologická společnost* v Oděse 165, 170
- hlaholice*: abeceda 48, 52; číselný systém 53, 54, 57; abeceda, sestavená Kyrilem 63-64; poměr hl. k řecké abecedě a kyrilice 66-67; zásady Kyrillovy 67-68; písmena a jejich pořadí 68-72; abecenaria bulgarica 79; mnichovské abecenarium 81; hl. v Pogodinských zlomcích 87; hl. předloha homiliáře Michanov 183; překlady Jana Zlatoustého 190; hl. v Rumunsku 218; v Chorvatsku 230; codex Assemanův 242
- homiliář* Mihanovičův 183, 185, 190, 206
- homilie* Jana Zlatoustého 182, 243; o stětí sv. Jana Křtitele, o Herodiadě 184; texty redakce srbské, středobulharské, ruské 185; kodexy 184-185; srovnání míst z textů Sborníku Svjatoslavova 186 až 187; vzájemný poměr textů 180; druhá redakce homilií 190
- hungarismus* 216, 218
- Hunnové* 208
- hymna*, Konstantina Filosofova 10
- chalifat*, styky kulturní s Byzantskem 214 viz Arabové a Byzantsko
- Chazari* byz. výprava k Chazarům 180; poselství do Byzantska 233-234; do zemí Ch. 246
- Cherson* 10, 234, 245
- Chorvatsko* chorvatsko-rumunské styky 218; dvůr, 224-225; dvorník, postelník 225; umění 230, 231; skulpturní výzdoba 227, 228; vlivy

byzantské, východní a italské v Dalmácii 229

chrám: dřevené chrámy české a chorvatské 227, 229; chrámy křesťanské 228–229; pohanské 229; ch. v Abobě a Prěslavi 174; St. Apollinario in Classe 47, 249; Arilija, sv. Achilija 129, chronologie maleb 132–133, 134; sv. Bogorodice Salim v Edessě 25; Dérékler, basilika 248; sv. Dimetrije v Soluni 173, 175; Gradac 135; Kahriedjamije (Chora) 120, 175; Mateič 139; Nerez, sv. Pantelejmona 128; Psač 139; svatých 40 mučedníků 173; sv. Sofie (Boží Moudrosti) 23, 171, sv. Trojice v Sopočanech viz architektura

chrysobully 221

Ikongrafie: Kristus; poprsí 143, 147, 154; Emmanuil 137, dítě 141; Chr. na trůně 127, 128, 137, 140, 143, 150; Nerukotvorennyj obraz 128, 136, 140, 144, 147, 149, viz bogorodičnyj a evangelský cyklus. — Panna Marie, Bogorodica: (sanděly, oranta a j.) 120, 127, 130, 135, 136, 139, 140, 141, 143, 149, 150, viz evangelský cyklus. bogorodičnyj cyklus 139–140; Blagověšćenie 121, 140, 145, 146; Uspenie Presv. Bogorodicy 126, 143, 146, 149; andělé: 120, 124, 125, 126, 130, 135, 145; anděl s křížem-berlou na prstenu 152, 154, na minci Anastasiově 156, 157, 158; s měřilom 121; diakon 120, 139; v komposicích 154, 156, 157; archanděl Gabriel 121, 144, 147; Michael 154, 156, 157; viktorija 155, 158. Proroci i větchozavětnye pravedníci i patriarchi 125, 126, 127, 128, 129, 144, 145, 148, 149; apoštolé 123, 124, 125, 126, 127, 129, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 149; otcy cerkvi 120–121, 126, 140, 144, 145, 148, 149; mučedníci 121, 122, 123, 124, 129, 136, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149; svatí vo-

jíni 129, 142, 143, 144, 146, 147, 149; svatí mniši (stolpniki) 129, 131, 142, 144, 145, 147, 149–150; svatí diakoni 135–136, 139; sv. lékaři 142, 144, 146, 148; křtitori: král s rodinou z Arilje 131; král s rodinou a předky v Sopočanech 130, 137, 143, 146, 149, 150; přenesení těla mnichova 132–133, 134, 135, 150; Stefan Dušan s rodinou 136, 137, 150; smrt královny Anny 130, 150; zobrazení biskupů 132. *Komposice:* evangelský cyklus: Blagověšćenie Bogorodicy 121, 141, 144, 145, 149; Roždestvo Christovo 121–122, 147, 149; Srětenie 122, 141, 145, 149; junyj Christos, propovědujuščij v chrámě 122, 141, 145, 149; Křešćenie Christovo 122, 145, 149; Preobraženie 122–123, 144, 147, 149; Voskřešćenie Lazarja 123, 143, 146, 149; vchod v Jerusalim 123, 143, 147, 149; Tajnaja večera 123, 129, Raspjatie 123, 143, 146, 149; javlenie angela ženam mironosicam 124, 125, 144, 148, 149; sošestvie vo ad 124–125, 143, 147, 149; javlenie Christa dvum ženam 125, 141, 145, 149; javlenie Christa apostolam bez Thomy 125, 148, 149; uvěření Thomy 125, 141, 145, 149; Voznesenie 125; iscělenie razslablennago 136; iscělenie slěporoždennago 136; besěda Christa s samarjankoj 136; položenie těla Christova vo grob 144, 147, 149; javlenie Christa apostolam po Voskresenii 144. *Větchozavětnja sceny:* Troica u Avraama 126–127, 142, 145, 149; Drevo Jesevo 129–130, 149; žertvoprinošenie Avraamom Isaaka 130, 150; istorija prekrasnago Iosifa 130, 150; Daniil vo rtu lvinom 136, 150; Liturgické komposice: Pričašćenie Christom apostolov, Evcharistija 120, 141, 145, 149; Poklonenie žertvě 120, 135, 139, 145. — Novozákonní kompo-

- sice: Sošestvie sv. Ducha na apo-
stolov 125—126, 136, 141, 145, 149;
40 mučeníkov v Sevastijskom ozerě
127, 144, 147, 149; pěsnopěníe »Čto
ti přinesem« 137; prítča Christa
o ljbostjažateľnom bogače 138 až
139, 150; 7 vselenskich soborov 129,
149; strašnyj sud 130, 150; žitie sv.
Nikolaja 140
- Illyrie* 25, 47
- Indie* 230
- Iran* 229
- Irsko* 229
- Isker-Soluň, čára* 219
- Islande* 46
- Istrie* 230
- Italie* 157, 170; umění 230, 231
- Iverija* = Gruzie 30—31
- Izvěstija* po ruskému jazyku i sloves-
nosti 261—263
- Izvěstija* Russkago Archeologičeskago
Instituta v Konstantinopolě 171,
173, 175
- Jaderské moře* 47, 227, 229, 230
- Japonské moře* 229
- Jaroslavskij molitvennik* 55, 61, 78
- Jerusalem* 123
- jihoslovanské právo* 209
- jižní Slované* 237
- jubilej*: cara Symeona 212, 226; F. J.
Uspenského 165; 1000. výročí smrti
Methodějovy 171; 900. výročí kře-
stánství na Rusi 171
- Kapadokie* 25, 30, 33
- Karpaty* 217
- katuny* 226
- kázání*: Jana Zlatoustého 184; Kon-
stantina 11
- khagan bulharský* 36
- Kijevskaja Starina* 171
- Kipr* 18
- Kerč* 177, 264
- kláštery*: sv. Bogorodice na Sinaji 20,
21; v Belgii 16, 21; Dečany 129,
175; Chora 175; Emauzy 218; Ka-
lifarov 19; Kleparze 218; Lesnovský
136; Markov 246; Mileševo 246;
Hora Athos 38; v Německu 16, 21;
Polichron 235; sv. Pavla na Athosu
249; Saint-Césaire v Římě 36; So-
počany 246; Staro Nagoričano 246;
Studion 38, 173, 175; Vatoped 247;
Vezprēm v Nona 45
- kmenosloví*: pogodin. zlomků 107, 108;
»c« v pronom. »кѣс« 52
- knihovna*: Jihoslovan. Akademie v Zá-
hřebě 183, 206; klášterní v Trape-
zuntě 175; leningradská veřejná 183,
206; národní v Bělehradě 183, 206;
M. P. Pogodina 86, 117, 118; se-
raileská 175, 176; solovecká 184, 185;
štokholmská 239
- codex*: Clozianus (Glagolita Clozův,
Klocův sborník) 49, 52, 77, 79, 190,
206; Coislianus, Paris No 263 22;
No 14485 mnichovské knihovny
81; Suprasliensis 77, 190, 206, 217;
voronecký 215, 217
- koncovka* ιτσα 23, ωτης 31
- kongres* of Byzantine Studies 207, 208;
d'Europe Orientale et du mond sla-
ve 207; historický 207
- konsonantismus* v redakci českomoravské
50, 52; dj, tj, k't', stj, skj, zdj, sgj
v st-slov. 52, 83, 85, v hlaholici 53;
psaní »g« v hlaholici 54, k pro γ
55—56, 61; u, a uuv v hlaholici 56 až
58; u, v st-bulh. 61—62; hlásky v ky-
rillici 63—64; žd' a št' v st-bulh. 64;
a v bulh. red. st-slov. jaz. 65; v rus-
kých textech st-slov. 66; ks a ps
68; x, y v st-slov. 70—71; dz', z
v hlaholici a kyrillici 76; v Pogod.
zlomcích 108—109; v macedonoslo-
vanském k', č, g' vedle št, žd 219;
dvojitě n 239; změna slov. »d« v kon-
covce v »t« 247
- Kotor* 45
- křesťanství* postavení křesťanů na mu-
sulmanském východě 213; v Ale-
xandrii 43; poměr k pohanům 41;
u Slovanů 46, 178, 179

- kritika*: biblická 1, 4; textů — metody klasické filologie 168
- kronika* Georgia Hamartola, vydání 167; Malalova 256; novgorodská 170
- Krym* 169
- křížácké války* 170
- Kukulon*, u Klazomen 18
- Kumani* 225
- Kypr* 18
- kyrillice*: abeceda 48, 53; poměr k řecké 66–67; vliv řecké uncíaly 72–73; rozdíl mezi kyrillicí a hlaholicí 73 až 75; vznik a pozdější změny 75–76, 80; abeced. mnichovský 81; resumé 83, 85; v Pogod. list. 87; k. v Rumunsku 215–216; st-slov. památky, které vznikly v Rumunsku 217
- kyrillo-methodějská* literatura 231
- kyrillo-methodějská* otázka 179, 180, 263
- kyrillo-methodějský* problém 212, 235, 236
- kyrillo-methodějská* tradice 48, 51
- kyrillo-method.* prameny 236, 237 až 238
- latina*: vliv na st-slov. překlady 5; latinské credo 216
- legenda*: o sv. Klimentu, proložnaja a italská 11; o Konstantinovi 167; Christianova a Banduriova 233; panonské 184, 244; o ruských písmenách v Chersoně 237; slovanská 179–180; soluňská 237; o zmiji 235
- léstvice rajskaia* 22, 25, 34
- letopis kijeviský* 243
- Letopisy* Hist.-fil. společnosti v Oděse 169
- Lexicon* paleoslavonico-graeco-latinum 183
- Library Association of the United Kingdom*, Record 207
- list* Anastasia Bibliotekáře 10, 11, 180, 233; Arethy Kesarijského, datování a obsah 159–160; text řecký 161–163; resumé 164; Bodjanského Šafaříkovi 86–87; epistola ad Damasum 4; 8; list papežův z r. 880, 235; Hadriana II 212, 235, 236; patriarchy Nikolaje 159–160, 164; Romana I a Symeona 245; sv. Savy Spiridionu 245; Whar-tonův z r. 1914 207; listy kijeviské 240
- listina* bárladská 217; Lva Isaurského a Konstantina V 251; řecká despoty Stefana Lazareviče 247; Štěpána Dobrého 217; vévodů a bojarů 220
- listki* Grigovičev glagolič. listok 77; Chilendarské 77; kijeviské 49, 50, 51, 76, 79; kuprijanovské (novgorodské) 77; makedonský hlahol. 77; makedonský kiril. 77; pogodinské kyrillo-hlahol. listki 86–118; bibliografie a vydání 86–90; obsah 91; slovanský text a řecký originál, poznámky 92 až 101; paleografické zvláštnosti 101 až 107; linguistické zvláštnosti 107–109; historicko-literární význam 109–111; slovník 111–117; resumé 117–118; turovské evangelium 77; Undolského 77; vídeňské hlaholské 77; zo-grafské 77
- Litevské* knížectví 222
- Ljubeč* 246
- Makedonie* mnišství 16; dobytí Urošem 44; hlaholice v záp. M. 75; slovanské dialekty 219, 220; makedonská skupina v redakci bulharské 241; macedonoslavismus 219
- Malá Asie* 157, 172, 177, 178, 179, 227;
- malířství* — technika v Sopočanech 119 viz ikonografie; komposice 124; styl ve vedlejších místnostech v Sopočanech 139; styl pozdějších maleb 140; chronologie různých částí chrámu 148; zvláštnosti srbského malířství XIII. st. 148–149
- Mancikert* 28
- Massachusetts* a Rhode Island 46
- maramurešské kraje* 215
- mausoleum* císařské v Trapezuntě 176, Theodorichovo 230

- Médéa* 41, 43
menologium řecké a srbské 242
Mesopotamie 227
Mezinárodní čsl. - maďarský rozhodčí soud 210
Mineji, Putjatiny Mineji 240; Služebné z let 1095—1097 246; vydání 185, 186
Moasie 249
Moldavie 215, 217, 218, 219, 220 221
molitva na ďavola 219; potrebná všem svjatým 219; sv. Troicě 219
monogramma na prstenu 153
monoxyla 246
Monumenta artis Serbicae 246
Morava 51, 52, 64, 75, 76, 180, moravský původ cír.-slov. 241, moravismy 52, 53, 54, 55, 236; moravská hlalohlice 79
Moravice, řeka 132
morfologie: zvláštnosti v postpositivním členu 219, existence infinitivu v macedoslovanském jazyku, užívání м, ѣ místo ж. 219; v Pogod. list. 109
mosaika 119, 128, 140, 149
Moskva 210, 236
Moskevské Vyšší ženské kursy 210
moskevské 5. gymnasium 210
moslemínové 43, 234
Mulla, vedle Cuttaro 45
muntentoslovanský (bulharoslověnský) 220
Munténsko 215, 217, 218, 219, 220
museum Berlínské 153, 154, 157; Britské 153, 154, 155; sbírka vykopávek Rus. Arch. Inst. 172
»Napisanie o pravěj věřě« 235, 244—245
nápisy: na mincích 151—152, 156; na mohylách v Abobě 174; na pečeti 156; na prstenech 153, 154; v Sopočanech 127, 128; s tarifem zboží 175; na Triodi a Pentikostaře 20, 22—33, 34; n. bulharské na kamenech a sloupech 212; kyrillský cara Samuila 172, 173; řecké z Filipp 248; římské 215
naukratie 210
Neapol 47
nekrology: F. Hýbla 212; Kadlce 209—210; K. N. Uspenského 210—211; Pančenkův 176
Německo: umění 230, 234
Nikaie 178
Norsko umění 230.
Novgorod 172
Nový Zákon, studie evangelia 1—8
numismatika; mince se sv. Tryphonem 45; bronzové a zlaté byzantské 151—152, 154, 155—156, 157, 158; mincovny 152, 155, 156.
Obol Charona 151
Obščestvo ljubitelej pismennosti 167
Obodrites 46
»obřetenie mošeje« 10
Oděsa 169, 170, 173, 175
oděv: byzantský, dalmatika 120, 137; diadema 130; červené boty 142, 146; himation 120—129, 142—147, 154; felon 129, 133; chiton 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 142, 143, 145, 146, 147; chlamys 127, 129, 142, 143, 145, 146, 147; maforij 121, 122, 125, 126, 143, 146; milot 129; oplečie 142; plašť 124, 142, 143; tablion 146; tunika 122, 124, 127, 129, 142, 143, 145, 146, 147 oděv a insignie rumunského úřednictva 222; východní a barbarské oděvy v Byzantsku 265
oktateuch 175
Olténie 224
Olympos 233
Oria 47
orient 175, 176
Osvěta 209
Ottendse 5, 234, 239
Oxford 207
Padova 215
palác sultánů Serail, 175; trůnní v Abobě 174
paleografie: písafi 1—2; řecká uncíála a minuscule 53, 66; poměr písmen hlalolských a kyrillských 68—69; po-

- měř st.-slov. písmen k řeckým 69—72; o vzniku kyrillice 75—76; původní kyrillice 76; mnichovské abeceni-
 rium 81; hlaholice bulharská a chor-
 vatská 88; zvláštnosti písmen v Po-
 god. list. 88—99, 101—107; Pogod.
 zlomky ve vydání Karinského 90; po-
 měr kyrillice a hlaholice 111; čtení
 nápisu v Sopočanech 138; ruští pa-
 leografové 167; unciální písmo řecké
 215; podobnost písma řeckého a ky-
 rillice 215; slovanské památky X—XI
 st. 240; ukázky textů st.-slov. 242
Palestina: mnišství 16; 156, 157, 172,
 177
Palmyra 175
pandekty Antiochovy 77
Pannonie 51, 52, 64
participium 5
Patř 209, 210
Paulikiáni 179
Pečenebové 27, 32, 46, 225
pečeti: z hlíny 154 viz *prsten*
Pentikostar 20
Pergamen 176
Petrohrad (Leningrad) 165, 169, 175,
 176, 178, 181
piráti 47
Pliskov 172
Plumlov na Moravě 212
pohřbívání: ve Varně 151, 157, 158
polovecký chan 208
Polsko 218, 226; polský jazyk 222
Polyglot londýnský 2
Poučení Kyrilla Jerusálémského 240
pověst Konstantinova 11; o královně Di-
 naře 263
pozůstalost Šafaříkova 185
praefixy: »no« v bulharském 19; v Po-
 god. zlomcích 107, 108
Praha 185, 209
pravosláví 16
Pražské glossy 49, 50, 51
Pražské zlomky 49, 50, 51, 76
Prespa, město 173
Přehorov u Soběslavě 209
překlad: překladatelé 8, 11, řecká před-
 loha překladu evang. 234—240,
 překl. církevně-slovanské Jana Zlat.
 183; metoda hledání původního
 textu 184; doba vzniku slovanského
 překladu 185, pramen homilií v Sbor.
 Svjat. 186; slovanský doplněk řeč-
 kého textu 188; homilie o Herodi-
 adě 188; grafické znázornění překl-
 adů hom. o Her. 191; př. v Sbor.
 Svjat. 191—205; resumé 206; př.
 byzant. kronikářů 166—7; poměr le-
 topisu k byzantským legendám 175;
 životopis svatého Blasia (Blažeje)
 35—36
Prěslav 174, 206
prolog Jana Eksarcha 236, o Symeonovi
 182
propaganda katolická 215, 217—218; lu-
 terská a kalvínská 215
prsten z Achmimu 154, 157; z Trnova
 224; z Varny, popsání a datování
 151—158; pozdněřímské a byzantské
 prsteny 152—153, 158
Pskov 172
pyxis, berlinská 157
Raška 119
Ravenna 47, 230
Řecko 168, 169, 179; řečtina, vliv na
 staroslov. překlady 5; řecko-slovan-
 ský svět 167
relikvie: sv. Klimenta 10; sv. Stefana 134
Řím 36, 154, 172; Římané 215; církev:
 cesty do Říma 37, 39; missie do
 Bulharska 37; vatikánská politika
 v době kyrillo-metodějské 180, 233,
 dějiny 210; umění — vliv na Slované
 227, 229
románsko-germánský svět 167
rotacism 216
rukopis viz *kodeks*
rukopis v klášteře Putna 218
rukopisy hlahol. a kyril. smíšené: »Pro-
 roki s tolkovánijami« Troicko-Serg.
 Lavry XVI st. 87; církevní ústav Sinod.
 Bibl. 87; v Serailské knihovně 175;
 slovanské v Rusku 166

Rumunsko: Rumuni 215; škola dějepisná 221; názory o užívání kyrillice v R. 215; o vlivě husitských 216, 218; na původ úřednictva 221–222. — *Dějiny*: Začátky rumunského státu 254; proud vědomí latinského 218; starší d.: doba etnografického slavismu 215, 216–217; doba slavismu kulturního 217–220; sociální organizace knížectví 221; dvůr, vlivy sousedních zemí 221; otázka vlivu byzantského, bulharského a srbského 222–223; ruského, polského a českého 224; kancelář 222; úředníci: ban 221, 223, 224, 225–226; čašník 222; dvorník 221, 223, 224, 225; komis 221, 223; logothète 221, 223, 225; peharník 221, 222, 223, 224; postelník 221, 223, 224, 225; protovistiar 223; spatar 221, 222, 223; stolník 221, 223, 224; stratorník 221, 223, 224; vistiar 221, 223, 225; voevoda 224. Právo 209. Jazyk a literatura: slovanský j. v R. 219; první jazykové památky 215–216; vlivy řecké a latinské 219; lit. v době kulturního slavismu 215; ráz rumunské a slovanské literatury 215–216; literární směry a školy překladatelské 216–218; bulharský a srbský literární proud 219; vlivy rusko-slovanské 220; letopisec a popis Moldavie 221

Ruská Palestinská společnost 165

Ruskij Archeologičeskij institut v Cařihradě 172, 173–174, 175, 212

Rusko: 175, 176. — *Věda*: Práce historicko-filologická 1, 166–167; škola Lamanského 167–169, 171, 180, 210, 246. — *Dějiny*: Skythové 116; Rus' 51; velická vodní cesta od Varjahů k Řekům 246–247; R. v době cara Symeona 226; poměr k Byz. v X. st. 179, 180; kijevští kupci 233; Rusové v Alexandrii 45; právo-práce Kadlcovy 209. — *Církev*: Vztahy řecko-církevněslovanské 167; theorie

o poměru moci světské a duchovní 259. — *Jazyk* 49, orthografie rukopisů XI.–XII. st. 60; zvláštnosti textů st.-slov. 65–66; slovo čašník 222; ruismy 219, 220; jazyk v evangeliu 240; písmena, nalezená na Chersoně Konstantinem 237, 261–262; míšení kyrillice a hlaholice 87–80; památky staroruské X.–XI. st., klasifikace jejich 240–241; církevněruské sborníky 182, 183–184; synodik 243; ruský vliv v Moldavsku 218–220; Jižní Rusko 177, 234; maloruský jazyk 220; Ukrajinci, práce cyrilomethodějská 231, 234; ukrajinismy 234; ukrajinská redakce staroruských památek 240

Salerno 47

sarkofagy 156

Savvina kniha 5, 77, 217, 240

sbírka dokumentů kl. Vatopedu na Athoně 247

sbírka: pramenů k hosp. a sociál. dějinám Byzantska 176; první sbírka evangelských různotočení 2; rukopisů Rusk. Arch. Inst. 172

sborník Drinova 243; Gollův 212; Izmaragdy, ruský text XIV. st. 184, 188; jiohoslovanské sb. textů 182, překladů Jana Zlatoústého 182, 183; Južnyj 170; Nár. musea v Praze 185, 186; srbský XVII. st. 188–189; filosof. fakulty univ. Komenského 240; L'art byzantin chez les Slaves 181; Sinajský XIV. st. 183, 185, 206; Sofijské národní knihovny čís. 289, 242–243 srbské redakce XIV. st. 183, 185, 206; starěj po slavjanověděniju, posvjašč. Lamanskomu 171; Svjatoslavův 1073 r. (Izbornik) 182, 184, 185, 186, 206, 240

Sedmíhradsko 215, 216, 219

Selebria 43

Seminarium Kondakovianum 165

Sever Evropy, umění severní 227, 229, 230, 266

- Severin* 224
Sicilie 47
Sinaj 16, 18; ustav kl. 19–20; sinajci 16, 18, 20
Siponto 47
Šíret, řeka 217
skandinávské země 228
skazanie: chilendarské 236, 237; Chra-bra 67, 69, 70, 71, 72, 79, 80, 81, 233, 237–238, 245 viz legendy
slavistika, *slavisté* 1, 8, 10, 166, 177, 178, 181, 219, 221, 246
slavjanofilství 167
Slavjanskoe blagotvoritel'noe obščestvo 169
slonová kost věci ze sl. k. 156, 157; monzská škola — práce ze sl. k. 156
sloup pohraniční 173, z Trnova 173
Slované: starožitnosti — práce Niederlovy 179; vykopávky na Balkáně 172; dějiny: zprávy o Slovanech v Acta Sanct. 35–47; Sl. bydlíci u Athosu 38–39; kmeny: Rynchiens, Vlachorynchiens a Sagoudates 39, arabskoslovanská výprava do Itálie 47; doba kyrillomethodějská 179; pohyb slovan. kmenů na balkánský poloostrov 179; titul vládce 209; spolužití s Rumuny 215; pod vládou Chazarů 234; slovanský původ Basileia Maked. 233; pohanství na Moravě 234; Liturgie sl. 180, 212, 234; Jazyk viz staroslovanský a církevněslovanský; slovanské jazyky 207; spisovný — vliv na redakci bulharskou, srbskou, macedonsko-slovanskou, ruskou, slovansko-rumunskou 213; sl. j. Pogodin. list. 87–89; písmo 180, před Konstantinem 245; písemnictví 11; literární směry slovanské 218; spolupráce Srbů, Bulharů a Rusů 219; Umění u Slovanů východních, západních a jižních 228
Slovanské právní dějiny, práce Kadlcovy 209
Slovanský Institut v Paříži 209
Slovanský Přehled 212
Slovanský seminář Karlovy university 165
Slovanský ústav 210
Slovensko 217
Slovo XIII sl. Grigoria Bogoslova 77; sv. Ippolita, o antichristě 111; Kirilla Jerusalemského 77; slovo na pere-nesenie mošče sv. Klimenta, autor, originál a překlad 10, 11; jazyk 10 až 15; o polku Igorevě 208; o ženách, zlých a dobrých 183; pochvalno Kyrillu a Methodiju 235–236
slovník církevněslov.-ukrajinský 242; historický řeckého jazyka 264; právních starožitností slovanských 210; Rječnik Daničićův 246; slov.-řeckých a řecko-slovanských slov 246.
Smolensk 246
Smyrna 43, 157
socha císařovny Eudoxie 184
sochařství — Christus, reliéf 249, basrelief a soch. ornamentální v Dalmácii 228, 229–230
Soluň 51, 52, 63, 64, 152, 173
soud Boží 17
spisy: Konstantinovy 10, 11; sv. Savy, edice bělehradské akademie 245–246
Srbsko, učenci 175; dějiny v XIV. st. 16; turecká katastrofa 21; srbské poselství v Alexandrii 44; srbsko-byzantská válka s Turky 44–45; zakladatelská činnost Štěpána Dragutina 131–132; místo pochování Uroše I. 133–134; srbští biskupové 132; zakladatelská činnost Eleny Anžijské 135; Štěpána Dušana 136; titul Uroše, syna Dušana 136; poměry srbsko-byzantské 179; úředníci: logothète 223; postelník 225; protevestiar 223; strator 223–224; vínotoč, enohijar 225; vliv v Rumunsku 225; jazyk a literatura jazyk 49, 240, význam slova rušskij 237; srbismy 219, 239; hláso-lice 218; srbské vlivy maced.-slov. 218; vliv v Rumunsku 219; srbská redakce homil. Miha. 183; opis synodiku c. Borila 243; srbská ná-

- rodní tradice 16. — Umění 228; aplikace cizího umění 230; architektura církevní 18, 21, 246; chrám sv. Trojice v Sopočanech 126, 128, 130, 131, 133, 134, 145, 148; viz architektura; ikonografie a malířství; srbské církevní malířství v XIII. st. 119. — Církev: mnišství, politický a hospodářský význam klášterů v XIV. st. 16–18; Sinajci v Srbsku 18–20, 21; bogomilství v XIV. st. 172, srbsbí biskupové-arcibiskupi 132, 133, 134; biskup moravičský 134, raský 134.
- Srědec* (Sofija) 27, 28
- staroslovanské umění* 227–231; architektura — hledání autochtonních elementů 231; theorie Strzyg. o dřevěných chrámech 228; geometrická ornamentace (l'entrelac) 228, hlavní rysy st.-slov. umění 229, 231; otázka severního vlivu 229–230
- staroslovanský jazyk* myšlenky a hypotézy o původu jeho 48–80; slovanský literární jazyk 48–49; původní j. a varianty 49; českomoravská a bulharská var. 49–50; vliv slovanských dialektů, genealogická tabulka slovanské literatury 50–51; význam česko-mor. tradice pro j. st. sl. 53–60; abecedy-prameny pro st.-sl. j. 53–60; akrostichy 60–63; zvláštnosti dialektu, užívaného Kyrillem (západomakedonské) 63–64; vlivy bulharské 64–65; dialekty staroslov. jazyka 65, 66; abeceda a princip jejího sestavení 66–76; resumé 82–85
- strigolnici* 172
- suffixy*: v Pogod. zlomcích 107, 108; »-nik« u Slovanů 223; »isko« v slovenštině 237
- svátek* sv. Jana Křtitele 184
- světcí latinské církve* 219
- Svišče* 153
- synaxár-řecký* 242
- Synodik* v nedělu pravoslavia 171, 242–243; ruské rukopisy 172
- Syrie* 1, exkurse Uspenského 172, 175, 177, 179, 227
- Španělsko* 229
- Šumla*, rovina 173
- Šumna*, vrch Symeonův 174
- tabulka* (rus. пластинка) — kolekce hr. Uvarové 157
- Tarent* 47
- Termoli* 47
- Thrakie* 40–41, bulharská okupace 42–43; 179
- tkáň* — kousek z Achmimu 156–157
- Tolkovanija* sv. Ippolita na knihu pror. Daniila — fragmenty v Pogod. list. 92, slovanský překlad 110
- Trapezunt* 175, 176
- trebník sinajský* 77
- triod'* — XIV. st. 20
- trojanská přiča* 219
- Trnovo* 173, 243, 244
- Turecko* 175, 177, 220; Turci 27, 28, 30, 31, 32; válka s Byzantskem a Srbskem 44–45, 226
- Typikon* — církevněslovanské 247; chilendarské 224, 245, 246; karejské 245; studeničské 245, 246; de la Vierge Evergetis 224
- Uhry*: válka s Byzantskem 27, 28 (Maďaři = sauromati), 28, útoky na Thrakii 40, 45, Hunové 46; poměr k Byzantsku v X. st. 159; právo 209; poměr k Byzantsku 212; vliv na Rumunsko 224; dvůr: palatinus, judex Curiae 224
- umění lombardské* 230, 231; ornamentální dalmatsko-chorvatsko-lombardské v Raveně 230
- ukrajinský jazyk a literatura* viz Rusko (jižní)
- universita* v Bukurešti 221; Karlova právnická fakulta 209; Komenského, filosofická fakulta 212; Moskevská 210, Novoruská 170; Petrohradská 168, 169; Sofijská, právnická fakulta 226
- ústavy vědecké francouzské* v Athénách a v Římě 172

Úvod do dějin veřejného práva slovan-
ských národů, Kadlcův 209

Valachie 221, 222, 223, 224, 225

Varna (Odessus) 151, 158, 173

Varna-Ruščuk (Ruse) trať 173

Varšava 208

vazelonské akty 176

velikomoravská říše 180, poměr k Byzant-
sku, poselství 234; doba c. Symeona
226; doba kyrillomethodějská 244

Videňské glossy 49, 50, 51

Videň 183

Vizantijská i Pečeněgi Vasil'evského 168

Vizantijskij Vremennik (Byzantina Chro-
nika) 169, 171, 173, 175, 176, 207,
208, 211, 263–267

vokalismus – vlivy dialektů na staroslo-
van. jazyk 50; nosovky 52, 82, 84;
v hlaholici 53–54; jusy pro »e« a
nosové hlásky v hlaholici 58–59,
80, 84; zvuk je, ję v hlaholici 59;
jotace v začátku slov 59–60; výslov-
nost »a« v staro-bulh. 61, ѡ, ѡ̃, а, ѡ
v st.-bulh. 62–63; samohlásky v ky-
rillici 63–64; ѣ a ѣ v st.-bulh. 64;
charakteristické rysy bulh. redakce
st.-slov. jaz. 65; ѣ, ѣ, ѣ v ruských
textech st.-slov. 65–66; ѡ anebo ѡ
v suf. adject. 66; ѣ a ѡ v kyrillici 75;

monofthongisace 75; systém jotova-
ných zvuků v kyrillici 76; v Pogod.
list. 107–108; ѣ jako i v ukrajinštině
234

vulgata: irská 7; Jeronymova 1, 5; la-
tinská 2, 5, 8, 9

Východ 177, 178, umění křesťanské 227

Vyšegorod 246

Zádruba 209, 227

zadružbina 135

Záhřeb 183, 206

Zachlumie 134

zakonník cara Dušana 17

žaltář boloňský 176; čudovský 77; po-
godinský 176; serailský 176; sinajský
49, 52, 77; skejanský 215, 216, 217,
218; voroněcký 215, 217

Západ 1, 2, 157, věda 165, 166, 170, 177,
178, 180, latinská Evropa 227

země protestantské 2

žitie viz hagiografie

Zlatostruj 181, redakce ruská a bulhar-
ská, starší a mladší redakce 182, 184;
kodexy 182, 185, 188, různé redakce
188; A. F. Byčkova, předloha jeho,
jazyk a původní redakce 243–244

Žurnal ministerstva narodnago prosvě-
ščenija 168, 170, 171

ERRATA.

(Větší číslice znamená stránku, menší — řádek.)

- | | | | |
|----------------------|---|-------------------|----------------------------------|
| 15 ₇ | пхожѡъ — похожѡъ | 171 ₂₉ | Αρωμῖται — Δρωμῖται |
| 137 ₁₆ | скипедръ — скипетръ | 175 ₉ | Chosa — Choza |
| 137 ₂₀ | високой — высокой | 183 ₁₆ | априль — апрѣль |
| 158 _{11/15} | joue — jonc | 183 ₁₆ | юнъ — июнь |
| 158 ₁₈ | asse — assez | 207 ₂₉ | quide — quite |
| 159 ₇ | dole λάμπρος — Λάμπρος | 210 ₂₇ | навкрариях — навкратиях |
| 160 ₆ | Грипорію — Григорію | 215 ₇ | dole varoneckého —
vorneckého |
| 160 ₁₂ | плених им — пленными | 219 ₃ | dole Dimas — Damas |
| 160 ₁₃ | жанре — театре | 240 ₁₂ | Pogonělova — Pogorělova |
| 160 ₁₈ | иных — милях | 249 ₁₆ | Sraate — Staate |
| 160 ₂₇ | Евфинии — Евфимии | 255 ₁₆ | Sotirion — Sotiriou |
| 160 ₂₉ | лист — мир | 264 ₅ | Anastasia T. — Anastasia. D. |
| 165 ₁₈ | Zeitschritt — Zeitschrift | 266 ₁₁ | dole Thédose — Théodore |
| 167 ₅ | dole Порфиророднаго —
Порфиророднаго | 267 ₃₀ | arcibiskupa — císaře |
| 171 ₂₁ | развивлялся — развивался | 269 ₁₃ | Grégoire — Grégoras |
-

SEZNAM PŘÍSPĚVATELŮ I. ROČNÍKU: TABLE DES AUTEURS DU 1^{er} TOME:

Andreeva, M. A., Praha	151—158, 213—215
Durnovo, Nikolaj, Mensk (SSSR)	48—85
Dvorník, František, Praha	35—47
Frček, Jan, Paris	248—269
Grabar, A., Strasbourg	227—231
Iljinskij, G., Moskva	86—118, 231—238
Ivanov, Ju. A., Saratov (SSSR)	210
Koníř, Agathon, Lwów	182—207
Kurz, Josef, Praha	239—240
Laskaris, Michel, Salonique	220—226
Macůrek, Josef, Praha	215—220
Okunev, N. L., Praha	119—150
Rauscher, Julius, Bratislava	226—227
Rozov, Vladimír, Skoplje (SHS)	16—21, 208—209
Saturník, Theodor, Praha	209—210
Šestakov, S. P., Kazaň (SSSR)	159—164
Vajs, Josef, Praha	1—9
Weingart, Miloš, Praha	165—181, 212, 240—247
Wharion, Leonard, London	207—208
van Wijk, N., Leijden	10—15
Zlatarski, V. N., Sofija	22—34

OBSAH – TABLE DES MATIÈRES

ÚVODNÍ SLOVO	
QUELQUES MOTS D'INTRODUCTION	
ČLÁNKY – ARTICLES	
(DR = Deutsches Resumé – RF = Resumé en français).	
M. A. ANDREEVA: Древний перстень изъ Варны (с 1 прилож.) . .	151–158
RF: Un ancien anneau sigillaire, provenant de Varna (avec 1 table) . . .	158
NIKOŁAJ DURNOVO: Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов (с таблицей) . .	48–85
RF: (avec 1 table)	84–85
FRANT. DVORNÍK: Quelques données sur les Slaves extraites du tome IV. Novembris des »Acta Sanctorum«	35–47
G. ILJINSKIJ: Погодинские кирилловско-глаголические листки (со 4 снимками)	86–118
DR: Die cyrillisch-glagolitischen Fragmente des Pogodin (mit 4 Facsimil.)	118
AGATHON KONÍŘ: Homilie Jana Zlatoustého o Herodiadě ve Sbor- níku Svjatoslavově z r. 1073	182–206
RF: L'homélie de Jean Chrysostome sur Hérodiad dans L'izbornik de Svjatoslav de 1073	206
N. L. OKUNEV: Составъ росписи храма въ Сопочанахъ (съ 22 сним- ками а 2 планами)	119–150
RF: Les peintures murales à l'église de Sopočani (avec 22 tables et 2 plans)	148–150
VLAD. ROZOV: Синайцы въ Сербіи въ XIV. вѣкѣ	16–21
DR: Die »Sinaiten« in der Mönchsgeschichte Serbiens im XIV. Jahrhunderte	21
S. P. ŠESTAKOV: К истории греко-болгарскихъ отношеній въ третьемъ десятилетіи X-го века	159–164
DR: Zur Geschichte der griechisch-bulgarischen Beziehungen in dem dritten Jahrzehnte des X. Jahrhunderts	164
JOSEF VAJS: Byzantská recenze a evangelijní kodexy staroslověnské . .	1–9
DR: Die byzantinische Rezension und die altkirchenslav. Evangelienkodexe	8–9
MILOŠ WEINGART: F. J. Uspenskij a jeho význam v dějinách ruské byzantologie	165–181
DR: F. J. Uspenskij und seine Bedeutung in der Geschichte der russischen Byzantologie	181
N. van WIJK: О языкѣ Слова на перенесеніе мощей св. Климента . .	10–15
DR: Das »Wort« (Predigt) von der Transport. der Reliquien des H. Clemens	15
V. N. ZLATARSKI: Една датирана приписка на гръцки отъ срѣдата на XI. вѣкѣ	22–34
DR: Ein datierter Zusatz in einer griech. Handschrift aus der Mitte des XI. Jahrhunderts	34

KY – PETITES CONTRIBUTIONS 207–209

of Byzantine Studies (Proposition) By L. WHARTON	207
torum (VLADIMÍR KOZOV)	208

LOGY – NÉCROLOGUES :

Kadlec (TH SAT RNÍK)	209
Н. Успенский (Ю. А. И.)	210
гарт. Hybl (M. WEINGART)	212

KRITIKY A REFLEXÁTY – CRITIQUES ET COMPTE-RENDUS 213–238

<i>J. Bărbulescu</i> : Curente literare la Români în perioada slavonismului cultural. București 1928 (JOSEF MACŮREK)	215–220
<i>Stefan S. Bolcu</i> : Симеонова България отъ държавно правно гледище. София 1928. (JULIUS RAUSCHER)	226–227
<i>Const. C. Giurescu</i> : Contribuțiuni la studiul marilor dregătorii în secolele XIV și XV. Vălenii-de-Munte 1926 – Noi contribuțiuni la Studiul marilor dregătorii în secolele XIV și XV. București 1925 (MICHEL IANUSKARIS)	220–226
<i>P. Lavrov</i> : Кирилло та Методий в давньо-слов'янському письменстві. У Київі 1928 (G. ILJINSKIJ)	236–238
<i>Ivan Obienko</i> : Константин і Мефодій, їх життя та діяльність. Ч.-І. II. Варшава 1927–1928 (G. ILJINSKIJ)	231–236
<i>Georg Ostrogorsky</i> : Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. 1927 (M. A. ANDREEVA)	214–215
<i>Josef Strzygowski</i> : Die altslavische Kunst. Augsburg 1929. (A. GRABAR)	227–231
<i>A. A. Vasil'ev</i> : History of Byzantine Empire. Madison 1928, University of Wisconsin (M. A. ANDREEVA)	213–214

ZPRÁVY BIBLIOGRAFICKÉ – NOTES BIBLIOGRAPHIQUES . . 239–247

VÝTAHY Z ČASOPISŮ – EXTRAITS DES PÉRIODIQUES (JAN FRČEK)	248–269
--	---------

REJSTRÍKY – TABLES ANALYTIQUES 270–306

ERRATA	307
--------	-----